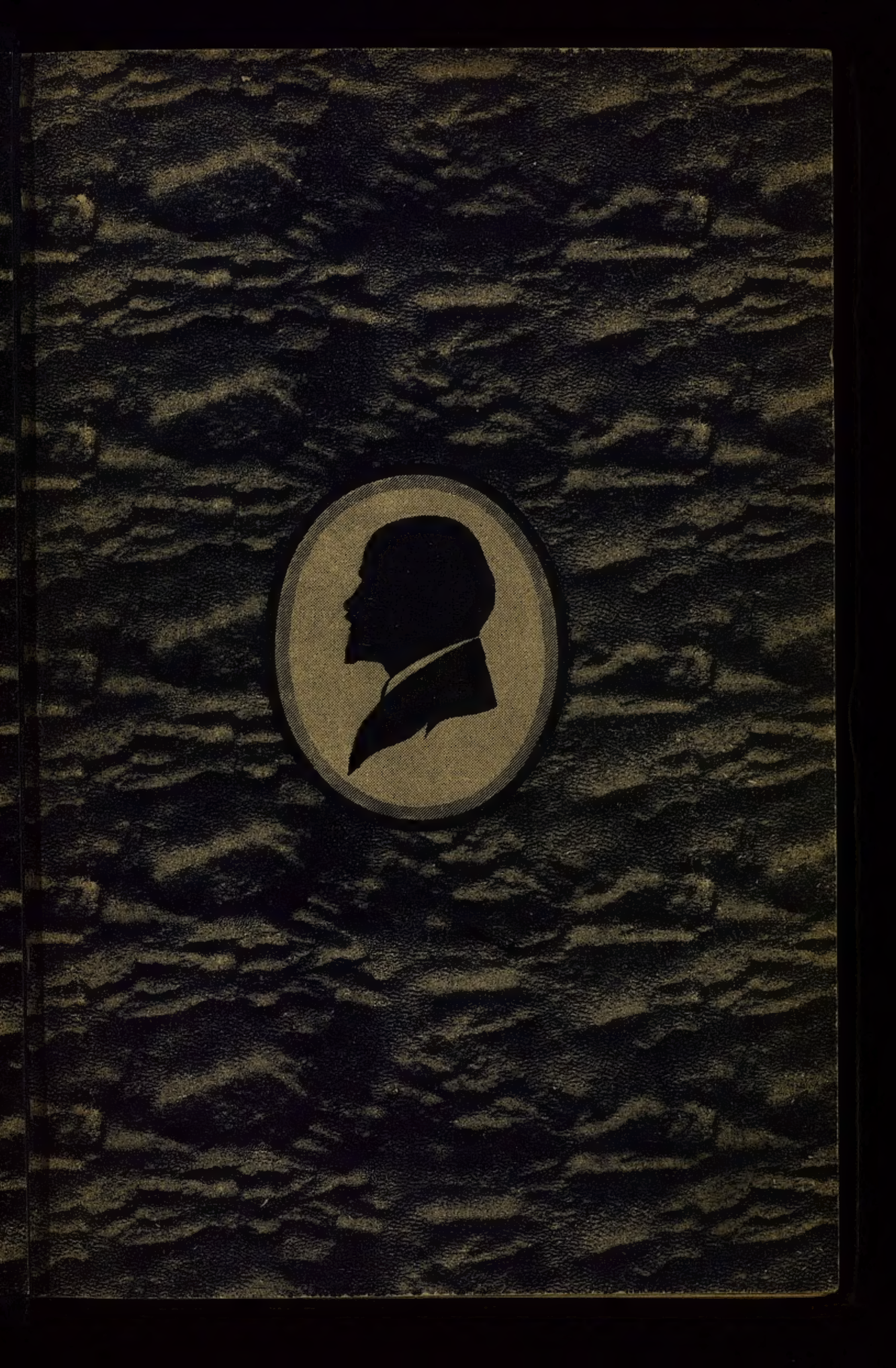
ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

XXIII



ЛЕНИН
СОЧИНЕНИЯ
ТОМ XXIII

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX Съезда Р.К.П.(б.)
и
II Съезда Советов
С.С.С.Р.

Институт Ленина при Ц.К.В.К.П.(б.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕД3
С653

В. И. ЛЕНИН

X

СОЧИНЕНИЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:
Н. И. БУХАРИНА, В. М. МОЛОТОВА,
М. А. САВЕЛЬЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1·9·2·9 — ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИН

ТОМ

XXIII

1918-1919

17-й экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

ЕД 3
С 653

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса

399
32
80280у

ОТ РЕДАКЦИИ.

В настоящий том включены статьи и речи В. И. Ленина за период от 14 мая 1918 г. по 1 марта 1919 г.

Основным содержанием тома являются произведения В. И. Ленина, посвященные вопросам пролетарской диктатуры в первый период развития и укрепления Советской власти.

Сюда относятся вопросы, связанные с использованием «передышки» для развертывания и углубления социалистической революции в деревне, укреплением позиций рабочего класса в деле овладения крупной промышленностью, организацией продовольственной диктатуры, организацией военной обороны Советской власти от внутренней и внешней контр-революции и вопросы международной революции.

Большую часть содержания тома составляют стенограммы докладов и речей В. И. Ленина и газетные отчеты об его выступлениях.

Текст стенограмм докладов и речей дается полностью. Исправления, сделанные редакцией, носят чисто стилистический характер. Там, где текст стенографических записей явно испорчен и восстановить смысл записанного было невозможно, такие места выпускались, что всегда особо отмечается в сносках. В тех случаях, когда имелись на лицо несколько вариантов записей одной и той же речи, за основу взят самый полный и наилучший текст, который и сверялся с другими текстами.

В том включено 20 произведений, не вошедших в первое издание Сочинений, и исключена, как не принадлежащая В. И. Ленину, напечатанная в первом издании «Телеграмма питерским рабочим» от 29 мая 1918 г.

В расположении материала редакция строго придерживалась хронологического порядка. Те произведения, дату написания которых точно установить не удалось, помещены в конце соответствующего месяца или года.

Письма В. И. Ленина за данный период в том не включены, так как по плану издания они войдут в тома, посвященные переписке В. И. Ленина.

Сентябрь 1929 года.

В. И. ЛЕНИН

1918 г.

ДОКЛАД О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ В.Ц.И.К. И МОСКОВСКОГО СОВЕТА[1])

14 мая 1918 г.

Напечатано в 1920 г. в книге: «Протоколы заседаний В. Ц. И. К. 4-го созыва. Стенографический отчет». Гиз

Печатается по стенограмме Протоколов, сверенной по тексту речи, напечатанной 19 мая 1918 г. в «Петроградской Правде» № 101

Товарищи, позвольте познакомить вас с теперешним положением дела во внешней политике. Товарищи, за последние дни во многих отношениях наше международное положение осложнилось, в виду того, что обострилось общее положение. На почве этого обострения провокация, умышленное сеяние паники буржуазной прессой и ее подголоском — социалистической прессой, снова делает свое черное и грязное дело восстановления корниловщины.

Я прежде всего обращу ваше внимание на то, чем определяется в своей основе международное положение Советской республики, чтобы перейти ко внешним юридическим формам, определяющим это положение, и на этом основании обрисовать снова возникшие трудности, или, вернее, очертить тот переломный пункт, к которому мы подошли и который послужил основой обострения политического положения.

Товарищи, вы знаете, и из опыта двух русских революций подкрепили это знание с особенной силой, что самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики нашего государства определяются экономическими интересами, экономическим положением господствующих классов нашего государства. Эти положения, которые являются основой всего миросозерцания марксистов, и которые подтверждены для нас, русских революционеров, великим опытом обеих русских революций, — эти положения не следует ни на минуту упускать из виду, чтобы не потеряться в дебрях и в лабиринте дипломатических ухищрений, — в лабиринте, иногда даже искусственно создаваемом и запутываемом людьми, классами, партиями и группами, любящими или вынужденными в мутной воде ловить рыбу.

Сейчас такой момент, когда в мутной воде, несмотря на сложившееся международное положение, пытались ловить рыбу и наши контр-революционеры: кадеты, буржуазия и помещики и их первые подголоски — правые эсеры и меньшевики.

Это положение в основных чертах сводится к тому, что социалистическая Советская Республика Российская остается, в силу причин экономического и политического характера, ставших вам известными, не раз обрисованных нами в печати, в силу иного

*

темпа развития, иной почвы для развития, чем на Западе,— в силу этого, наша социалистическая Советская Республика остается пока оазисом среди бушующего моря империалистического хищничества. И основным экономическим фактором на Западе является то, что эта империалистическая война, истерзавшая и измучившая человечество, породила такие сложные, такие острые, такие запутанные конфликты, что сплошь да рядом, на каждом шагу, возникает положение, когда решение вопроса в пользу войны и мира, в пользу той или иной группировки, висит на волоске. Мы переживали именно такое положение в последние дни. Противоречия, конфликты, борьба, бешеная схватка, переходящая в войну между империалистическими державами, не имеющими возможности в своей политике остановить эту войну, в силу экономических условий развития капитализма в течение целого ряда десятилетий привели к тому, что сами империалисты бессильны уже остановить эту войну. Вот что создало основные противоречия, запутало и осложнило положение.

Благодаря этим противоречиям вышло так, что общий, лежащий в основе экономического капиталистического союза, союз империалистов всех стран, союз, естественно и неизбежно для защиты капитала, незнающего отечества, доказал многими крупнейшими, величайшими эпизодами в мировой истории, что выше интересов отечества, народа и чего угодно капитал ставит охрану своего союза капиталистов всех стран против трудящихся. Этот союз не является движущей силой политики.

Конечно, он по-прежнему остается основной экономической тенденцией капиталистического строя, которая должна проявить себя с неизбежной силой в конце-концов. Исключением из этой основной тенденции капитализма является то, что империалистическая война разделила на группы, на враждебные группы, на враждебные коалиции империалистические державы, поделившие между собой в настоящее время, можно сказать, без всякого изъятия всю землю. Эта вражда, эта борьба, эта мертвая схватка говорит, под известными условиями, что союз империалистов всех стран здесь невозможен. Мы присутствуем при таком положении, когда бушующие волны империалистической реакции, империалистической бойни народов, бросаются на маленький остров социалистической Советской Республики, которые готовы, кажется, вот вот затопить его, но оказывается, что эти волны сплошь и рядом разбиваются одна о другую.

Основные противоречия между империалистическими державами привели к такой беспощадной борьбе, что, даже сознавая ее безвыходность, ни та, ни другая группа не в состоянии по произволу вырваться из железных тисков этой войны. Два главных противоречия война определила при этом, и они определили международное положение Социалистической Советской Респу-

блики в данный момент. Первое, это — достигшая крайней степени ожесточенности борьба между Германией и Англией на западном фронте. Мы слышали не раз, как представители то одного, то другого из этих воюющих лагерей давали обещания и заверения и своему народу, и другим народам, что вот-вот, еще одно последнее усилие, и враг будет сломлен, отечество будет защищено, и интересы культуры и освободительной войны навсегда будут обеспечены. Чем дальше затягивается эта неслыханная борьба, чем глубже втягиваются в нее борющиеся стороны, тем дальше отодвигается выход из этой бесконечной войны. Ожесточенность этой схватки и делает крайне затруднительным, почти невозможным союз величайших империалистических держав против Советской Республики, завоевавшей за какие-нибудь полгода своего существования горячие симпатии и самое безраздельное сочувствие всех сознательных рабочих всех стран мира.

Вторым противоречием, определяющим международное положение России, является соперничество между Японией и Америкой. Экономическое развитие этих стран, в течение нескольких десятилетий, подготовило бездну горючего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем. Вся дипломатическая и экономическая история Дальнего Востока делает совершенно несомненным, что на почве капитализма предотвратить назревающий острый конфликт между Японией и Америкой невозможно. Это противоречие, временно прикрытое теперь союзом Японии и Америки против Германии, задерживает наступление японского империализма против России. Поход, начатый против Советской Республики (десант во Владивостоке, поддержка банд Семенова), задерживается, ибо грозит превратить скрытый конфликт между Японией и Америкой в открытую войну. Конечно, вполне возможно, и мы не должны забывать того, что группировки между империалистскими державами, как бы прочны они ни казались, могут быть в несколько дней опрокинуты, если того требуют интересы священной частной собственности, священные права на концессии и т. п. И, может быть, достаточно малейшей искры, чтобы взорвать существующую группировку держав, и тогда указанные противоречия не смогут уже служить нам защитой.

Но сейчас охарактеризованное положение объясняет, почему наш социалистический остров может сохраняться среди бушующей бури, и, вместе с тем, объясняет, почему это положение столь неустойчиво и порой кажется, к великому восторгу буржуазии и панике мелкой буржуазии, волны, вот-вот, захлестнут его.

Внешней оболочкой, внешним выражением этого положения являются Брестский договор, с одной стороны, и обычаи и законы, касающиеся нейтральных стран, с другой.

Вы знаете, чего стоят договоры и чего стоят законы перед лицом разгоревшихся международных конфликтов, это — не более, как клочек бумаги.

Эти слова принято цитировать и вспоминать, как образец цинизма внешней политики империализма, но цинизм заключается не в этих словах, а в той беспощадной, жестоко беспощадной и мучительно беспощадной империалистической войне, в которой всемирные договоры и все законы о нейтральности попирались, попираются и будут попираться до тех пор, пока будет существовать капитализм.

Вот почему, когда мы подходим к вопросу, составляющему для нас самый главный вопрос, — к вопросу о Брестском мире, о возможности его нарушения и о последствиях, вытекающих для нас из такого положения, если мы хотим твердо стоять на своих социалистических ногах и не хотим дать себя скинуть проискам и провокации контр-революционеров, какими бы они социалистическими ярлыками ни прикрывались, мы не должны забывать ни на одну минуту экономической основы всех мирных договоров, в том числе и Брест-Литовского, экономической основы всякой нейтральности, в том числе и нашей. Мы не должны забывать, с одной стороны, о положении дел в международном масштабе, о положении дел в международном империализме, по отношению к тому классу, который растет и который будет наследником капитализма, и который рано или поздно, пусть даже позднее, чем этого хотим и ожидаем, но который все же станет наследником капитализма и завоюет капитализм всего мира. А с другой стороны, мы не должны забывать отношения между собою империалистических стран, отношений между империалистическими экономическими группами.

Выяснив это положение, мы, товарищи, поймем, я думаю, без труда, какое значение имеют те дипломатические частности, подробности, даже иногда мелочи, которые больше всего сосредотачивают наше внимание за последние дни, которые за последние дни у нас на памяти. Понятно, что непрочность в международном положении является основой для паники. Она исходит от кадетов, правых эсеров и меньшевиков, поддерживающих интересы тех, кто хочет, кто стремится к тому, чтобы сеять панику. Вот, если мы, ясно определив, нисколько не закрывая глаза на всю опасность, на всю трагичность положения, будем анализировать свое экономическое положение и говорить себе: да, из-за экономических противоречий дело должно было осложниться так, что вопрос о войне и мире сегодня или завтра повиснет в воздухе.

Есть две тенденции: одна, делающая неизбежным союз всех империалистов, другая — противопоставляющая одних империалистов другим — две тенденции, из которых ни одна прочной

под собой основы не имеет. Да, сейчас Япония не может решиться наступать целиком, хотя она, имея миллионную армию, заведомо слабую Россию взять бы могла. Когда это будет, я не знаю, и никто не может знать.

Форма ультиматума грозит войной с союзными народами и договором с Германией, но это может перемениться через несколько дней. Это может перемениться всегда, потому, что американская буржуазия, теперь враждующая с Японией, может завтра столковаться с ней, потому что японская буржуазия может завтра столковаться с германской. У них есть основные интересы, интересы раздела земного шара, интересы помещиков, капитала, обеспечения, как они выражаются, своего национального достоинства и своих национальных интересов. Этот язык достаточно известен тем, кто имеет — я не знаю — несчастье или привычку, читать газеты, в роде эсеровских. И все знают, когда нам часто говорят о национальном достоинстве, мы прекрасно знаем после опыта 1914 года, какие факты империалистического грабежа под этим скрываются. Понятно, почему, в силу этого отношения, на Дальнем Востоке положение представляет из себя нечто непрочное. Мы должны сказать одно: надо ясно смотреть на эти противоречия капиталистических интересов, надо знать, что прочность Советской республики дает все растущее сочувствие к ней громадных трудовых масс, всего трудящегося, эксплуатируемого населения всех стран.

С одной стороны, мы имеем данные германской политической жизни: большинство империалистических классов, партий и групп германцев, которые стоят за соблюдение Брестского мира, но которые, конечно, очень рады улучшить его и получить еще несколько аннексий за счет России. Что заставляет их смотреть с этой точки зрения, — это политические и военные соображения с точки зрения германских национальных интересов, как они говорят, — империалистических интересов, это заставляет их предпочитать мир на Востоке, чтобы у них были развязаны руки на Западе, где уже много раз германский империализм обещал победу немедленно, и где каждая неделя показывает или каждый месяц показывает, что эта победа, чем больше одерживают частичных побед, отходит тем дальше в неизмеримую даль. С другой стороны, мы имеем военную партию, которая не раз проявляла себя в Брестском договоре и которая, естественно, существует во всех империалистических державах, — военную партию, которая говорит себе: силой надо пользоваться немедленно, не считаясь с дальнейшими последствиями. Это голоса крайней военной партии, она известна в истории Германии, начиная с тех пор, когда в истории начались головокружительные военные победы, она известна с 66 года, например, когда крайняя военная партия Германии одержала победы над Австрией, превратила эту победу

в полнейший разгром. Все эти столкновения, все эти конфликты неизбежны, и они вызывают то, что сейчас с этой стороны дело все висит на волоске, что, с одной стороны, буржуазное империалистическое большинство германского парламента, германские имущие классы, германские капиталисты предпочитают оставаться на почве Брестского договора, отнюдь, повторяю, не отказываясь от его улучшения. И, с другой стороны, с минуты на минуту, со дня на день надо быть готовыми, надо ждать перемены политики в интересах крайней военной партии.

Отсюда понятна непрочность международного положения, отсюда понятно, как легко на этой почве создать то или иное положение партии, и отсюда понятно, какая осмотрительность, осторожность и какая выдержка и хладнокровие требуются от Советской власти, чтобы ясно определить свою задачу. Пусть русская буржуазия мечется от ориентации французской к ориентации немецкой. Им это нравится. Они в нескольких местах видели, какая хорошая гарантия против мужика, берущего землю, и против рабочего, строящего основы социализма, находит себе место в немецкой поддержке. Они вчера, в течение долгого времени, в течение нескольких лет называли изменниками родины тех, кто осуждал империалистскую войну и раскрывал глаза на нее, а нынче они все готовы в несколько недель переменить свою политическую веру и от союза с хищниками английскими перейти к союзу с хищниками германскими против Советской власти. Пусть мечется буржуазия всех оттенков, от правых эсеров, меньшевиков и кончая левыми эсерами. Это ей так полагается. Пусть она сеет панику, потому что она сама в панике. Пусть она мечется, не зная иного пути и колеблясь между той или иной ориентацией и между нелепой фразой, не могущей учитывать того, что в революции, когда она достигает больших размеров, приходится, во имя углубления этой революции, переживать самые различные группировки и переходы от одного к другому этапу. Мы, русские революционеры, имеем счастье перед глазами своими в течение XX века иметь опыт двух революций, из которых каждая дала нам массу в жизни самого народа запечатлевшегося опыта того, как подготовляется революционное движение, если глубоко оно, если серьезно; как показываются в этом движении различные классы, каким путем, иногда долгой эволюцией, трудным, мучительным путем идет подготовка зрелости новых классов.

Вспомните, чего стоило Советам, созданным стихийным порывом в 1905 году, чего стоило им в 1917 году вступить снова в дело, а потом, когда им пришлось пережить все мучение соглашательства с буржуазией и с прикрывавшимися злейшими врагами рабочего класса, говорившими о защите революции, о красном флаге и совершившими величайшее из преступлений

в июне 1917 года,— теперь, когда за нами большинство рабочего класса, вспомните, чего стоило нам после великой революции 1905 года выйти с Советами рабочего, крестьянского класса. Вспомните это и подумайте о том, в каком массовом масштабе развивается борьба, ведущаяся против международного империализма, подумайте, как труден переход к этому положению, что испытала Русская республика, когда она вышла впереди всех остальных отрядов социалистической армии.

Я знаю, есть, конечно, мудрецы, считающие себя очень умными и даже называющие себя социалистами, которые уверяют, что не следовало брать власти до тех пор, пока не разразится революция во всех странах. Они не подозревают, что, говоря так, они отходят от революции и переходят на сторону буржуазии. Ждать, пока трудящиеся классы совершат революцию в международном масштабе,—это значит всем застыть в ожидании. Это бессмыслица. Трудность революции всем известна. Начавшись блестящим успехом в одной из стран, она, может быть, будет переживать мучительные периоды, ибо окончательно победить можно только в мировом масштабе и только совместными усилиями рабочих всех стран. Наша задача заключается в выдержке и осторожности, мы должны лавировать и отступать, пока к нам не подойдут подкрепления. Переход к этой тактике неизбежен, как бы над ней ни смеялись называющие себя революционерами, но ничего не смыслящие в революции.

Заканчивая общие положения, я перехожу к тому, что создало в последние дни тревогу и панику и дало возможность контрреволюционерам вновь начать работу, направленную к подрыву Советской власти.

Я уже сказал, что внешней юридической формой и оболочкой всех международных отношений, которые Советская Социалистическая Республика имеет, явился, с одной стороны, Брест-Литовский договор, а с другой стороны, общий закон и обычай, определяющие положения нейтральной страны среди других воюющих стран, и это положение определило те трудности, которые оказались за последнее время. Из Брест-Литовского договора вытекало само-собою заключение полного мира и с Финляндией, и с Украиной, и с Турцией, а между тем, с каждой из этих стран мы имеем продолжение войны, и это является не результатом внутреннего развития страны, но влиянием господствующих классов этих стран. На этой почве временный выход был только во временной передышке, которая была получена при подписании Брестского мира, это была та передышка, по поводу которой так много говорилось пустых и ненужных слов, что она невозможна, но которая оказалась всетаки возможной и которая принесла в течение двух месяцев свои результаты, которая дала себя почувствовать большинству русских солдат, которая дала им возможность вернуться к себе и

посмотреть, что у них сложилось, воспользоваться завоеваниями революции, воспользоваться землей, осмотреться и почерпнуть новые силы для предстоящих им новых жертв.

Понятно, что эта временная передышка стала казаться подходящей к концу, когда обострилось положение и в Финляндии, и в Украине, и в Турции, когда вместо полного мира мы получили только отсрочку того же острого экономического вопроса: война или мир? И надлежит ли нам теперь снова вступить в войну, вопреки всем мирным намерениям Советской власти и полной решимости пожертвовать так называемой великодержавностью, т.-е. правом заключать тайные договоры, прятать их при помощи Черновых, Церетели и Керенских от народа, и подписывать тайные грабительские договоры и вести империалистическую, грабительскую войну? Все-таки вместо полного мира мы получили только краткую отсрочку того же острого вопроса о войне и мире.

Вот источник, который возник из этого пункта, и опять-таки вы видите ясно, к чему сводится его конечное решение, вопрос о том, к чему приведут итоги колебаний между двумя враждебными группами, империалистскими странами, — американский конфликт на Дальнем Востоке и германо-английский — на Европейском Западе. Понятно, как эти противоречия обострились в связи с завоеванием Украины, в связи с тем положением, которое часто немецкие империалисты, особенно главная военная партия, рисовали себе так розово, так легко, и которое принесло неимоверные трудности именно этой крайней военной партии Германии, которое принесло теперь временное окрыление надежд российских кадетов, меньшевиков и правых эсеров, воспылавших любовью к тому, что несет Украине Скоропадский, и надеющихся теперь на то, что, дескать, это легко произойдет и в России. Эти господа ошибутся: их надежды развеются прахом, потому что... *(бурные аплодисменты)*, потому, что, говорю я, та же главная военная партия в Германии, которая слишком привыкла ставить ставку на силу меча, даже она в этом случае оказалась в положении неподдержанной большинством империалистов, буржуазных империалистических кругов, увидевших неслыханные трудности в завоевании Украины, в борьбе за подчинение целого народа, в вынужденной необходимости прибегнуть к ужасному перевороту.

Какие неслыханные трудности поставила эта главная военная партия в Германии, когда этой военной крайней партии, обязавшейся перед народом своим и перед рабочими дать высшие победы на западном фронте, когда ей пришлось увидеть перед собой новые невероятные экономические и политические трудности, отвлечение военных сил на задачи, которые тоже вначале казались легкими, а также договор с украинскими

меньшевиками и правыми эсерами, подписавшими договор о мире.

Крайняя военная партия в Германии вообразила: мы двинем большие войска и получим хлеб, а потом оказалось, что надо произвести государственный переворот. Там это оказалось легко, потому, что украинские меньшевики очень легко пошли на это. А затем оказалось, что государственный переворот создает новые гигантские трудности, потому что надо завоевывать каждый шаг, чтобы получить хлеб и сырье, без которых Германия существовать не может и которые получать военным насильем в оккупированной стране стоит слишком больших усилий и слишком многих жертв.

Вот положение, которое создалось на Украине, и которое должно было окрылить надежды российской контр-революции. Понятно, что в этой борьбе Россия, которая не могла воссоздать своей армии, терпела и терпит все новые ущербы. И мирные переговоры вели к новым тягостным условиям, к новым открытым и прикрытым контрибуциям. Остался неясным вопрос, по какому универсалу желают определить границы Украины. Рада, которая подписала универсал, смещена. Вместо нее восстановлен помещик-гетман. И на почве этой неопределенности возник целый ряд вопросов, которые показывают, что вопросы о войне и мире остаются в прежнем положении. Частичные перемирия, которые существуют между русскими и немецкими войсками, ничего не предрешают относительно общего положения. Вопрос висит в воздухе. То же самое по отношению и к Грузии, где мы имеем долгую контр-революционную борьбу правительства кавказских меньшевиков, долгую борьбу контр-революционеров, называвшихся социал-демократами. А когда победа Советской власти и трудящихся масс, обошедшая всю Россию, стала охватывать и нерусские окраины, когда стало с ясностью очевидно и несомненно, что победа Советской власти, как это признали контр-революционные представители донского казачества, не может быть задержана, когда наступили колебания для меньшевистской власти на Кавказе — Гегечкори и Жордания, поздно спохватившихся и начавших говорить о том, не поискать ли им общего языка с большевиками, когда выступил Церетели, который с помощью турецких войск пошел против большевиков, — они пожнут то, что пожала Рада.

Но помните, что если они, эти дельцы Кавказской Рады, если они получат поддержку у германских войск, как получила эту поддержку Украинская Рада, понятно, что для Советской Республики России это несет новые трудности, новую неизбежность войны, новые опасности и новые неопределенности. Есть люди, которые, ссылаясь на эту неопределенность, на эту тяжесть неопределенного положения, а действительно такое неопределенное положение бывает хуже всякого определенного положения, — есть люди, которые говорят, что эту неопределенность легко устранить,

нужно только открыто потребовать соблюдения германцами Брестского договора.

Мне случалось слышать таких наивных людей, считающих себя левыми, а в действительности отражающих только узость нашей мелкой буржуазии *) . . . .

Они забывают, что сначала надо победить, а потом можно что-нибудь требовать. Если вы не победили, враг получает возможность затягивать ответ и даже вовсе не отвечать на требо- [illegible]

Таков закон империалистской войны. Вы не довольны этим. Умейте защищать ваше отечество. Для социализма, для рабочего класса, трудящегося, право на защиту отечества он имеет.

Я скажу еще только о том, что на кавказской границе это неопределенное положение создалось в силу крайне непростительного колебания правительства Гегечкори, которое сначала заявило, что Брестский мир не признает, а после объявляет независимость, не сказав нам, на какую территорию это распространяется. Мы запросили многочисленными радио-телеграммами: благоволите сообщить, на какую территорию вы претендуете. Претендовать на независимость это ваше право, но обязанность, если говорите о независимости, сказать, какова та территория, которую представляете. Это было неделю тому назад. Громадное количество радио-телеграмм было написано, но ни одного ответа не было. На этом играет германский империализм. Германии и Турции, как подсобному государству, возможно поэтому было двигаться и двигаться, ни на что не отвечая, ни на что не обращая внимания, заявляя: мы возьмем то, что сможем взять, мы не нарушаем Брестского мира, потому что закавказская армия его не признает, потому что Кавказ независим.

От кого независимо правительство Гегечкори? От Советской Республики оно независимо, но от немецкого империализма оно немножечко зависимо, и это естественно.

Вот, товарищи, то положение, которое создалось, — крайнее обострение отношений за последние дни, вот то положение, которое дало нам лишь новое и довольно наглядное подтверждение правильности той тактики, которую наша партия, Российская Коммунистическая Партия большевиков, в громадном большинстве вела, на которой твердо настаивала в течение последних месяцев.

Мы имеем перед собой большой опыт революции и мы научились из этого опыта тому, что нужно вести тактику беспощадного натиска, когда объективные условия это позволяют, когда опыт соглашательства показал, что массы возмущены, и что натиск будет выражением этого поворота. Но нам приходится

*) Далее в стенограмме несколько строк не разобрано. *Ред.*

прибегать к тактике выжидания, к медленному собиранию сил, когда объективные обстоятельства не дают возможности делать призыв ко всеобщему беспощадному отпору.

Кто не закрывает себе глаза, кто не слеп, тот знает то, что мы повторяем теперь лишь сказанное нами ранее и то, что мы говорили всегда, что мы не забываем слабости русского рабочего класса по сравнению с другими отрядами международного пролетариата. Не наша воля, а исторические обстоятельства, наследие царского режима, дряблость русской буржуазии, — вот что сделало то, что этот отряд оказался впереди других отрядов международного пролетариата, и не потому, что мы этого хотели, а потому, что этого потребовали обстоятельства. Но мы должны остаться на своем посту, пока не придет наш союзник — международный пролетариат, который подойдет и неизбежно подойдет, но который подходит с неизмеримо большей медленностью, чем мы того ожидаем и хотим. Если мы увидим, что этот пролетариат идет слишком медленно в силу объективных обстоятельств, мы все же должны держаться нашей тактики выжидания и использования конфликтов и противоречий между империалистами, медленного накапливания сил, тактики удержания того оазиса Советской власти среди бушующего империалистического моря, удержания того оазиса, к которому уже сейчас устремлены взоры рабочих и трудящихся всех стран. Вот почему мы говорим себе, если крайняя военная партия может с минуты на минуту победить любую империалистическую коалицию и создать новую неожиданную империалистическую коалицию против нас, мы во всяком случае этого дела не облегчим. Если они двинутся на нас, — да, мы теперь оборонцы, — мы сделаем все, что от нас зависит, все, что способна дипломатическая тактика сделать, сделаем все, чтобы этот момент оттянуть, сделаем все, чтобы та короткая и непрочная передышка, которую мы получили в марте, чтобы она стала более долгой, потому что твердо убеждены, что имеем за собой десять миллионов рабочих и крестьян, знающих, что они черпают с каждой неделей, тем более с каждым месяцем этой передышки новую силу, что они укрепляют Советскую власть, что они создают из нее нечто прочное и незыблемое, что они вносят новый дух и после истощения и усталости от изнурительной реакционной войны создадут состояние твердости и готовности идти на последний и решительной бой, когда на Социалистическую Советскую республику обрушится внешняя сила.

Мы оборонцы после 25-го октября 1917 года, мы завоевали право на то, чтобы защищать отечество. Мы защищаем не тайные договоры, мы их расторгли, мы обнаружили их пред всем миром, мы защищаем отечество от империалистов. Мы защищаем, мы победим. Мы не стоим за государство, мы защищаем не

великодержавность: от России ничего не осталось, кроме Великороссии,— не национальные интересы, мы утверждаем, что интересы социализма, интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства. Мы оборонцы социалистического отечества.

Это не дается декларацией, а дается только свержением буржуазии в своей стране, беспощадной и смертной войной, начатой там, и мы знаем, что мы победим. Это маленький островок среди окружающей империалистический мир войны, но на этом островке мы показали, и доказали все, что может сделать рабочий класс. Все это знают и признали. Мы доказали, что мы имеем право на защиту отечества, мы — оборонцы, и относимся к этой защите со всею серьезностью, которой нас научила четырехлетняя война, со всею серьезностью и осторожностью, которую понимает всякий рабочий, всякий крестьянин, видавший солдата и узнавший, что пережил солдат в эти четыре года войны, — той осторожностью, которой могут не понимать, над которой могут хихикать и к которой могут относиться легкомысленно только революционеры на словах, а не на деле. Именно потому, что мы сторонники защиты отечества, мы говорим себе: для обороны нужна твердая и крепкая армия, крепкий тыл, а для твердой и крепкой армии нужна в первую очередь твердая постановка продовольственного дела. Для этого нужно, чтобы диктатура пролетариата выражалась не только в центральной власти, это первый шаг, и только первый шаг, но диктатура должна быть во всей России, это второй шаг, и только второй шаг, — этого шага мы еще не сделали достаточно. Нам нужна, нам необходима пролетарская дисциплина, настоящая пролетарская диктатура, когда твердая и железная власть сознательных рабочих чувствуется в каждом далеком уголке нашей страны, когда ни один кулак, ни один богач и несторонник хлебной монополии не останется безнаказанным, а его найдет и покарает карающая железная рука дисциплинированных диктаторов рабочего класса, пролетарских диктаторов.

И мы говорим себе: к защите отечества мы относимся с осторожностью, все, что может наша дипломатия дать, чтобы отдалить момент войны дабы продлить перерыв, мы обязаны сделать, мы обещаем рабочим и крестьянам сделать все для мира. И мы это сделаем. И господа буржуа и их подголоски, которые думают, что, как в Украине, где так легко произошел переворот, так и у нас можно народить новых Скоропадских,— пусть они не забывают, что если военной партии в Германии стоило такого труда добиться переворота на Украине, то в Советской России она встретит противодействие достаточное. Да, это доказано всем, эту линию поддержала Советская власть, принесла все жертвы, чтобы упрочить положение трудящихся масс в стране.

Положение, в связи с вопросом о мире, о Финляндии,— характеризуется словами: форт Ино и Мурман. Форт Ино — защита Петрограда, включенный в число территориальных условий, когда мы заключали договор с финляндским рабочим правительством, которое стояло безусловно на точке зрения, что всякая территория принадлежит ему, они сделали исключение, соглашаясь на изъятие по отношению к форту Ино, с точки зрения защиты совместных интересов социалистической республики Финляндии и социалистической Советской республики России, как сказано в заключенном нами договоре. Понятно, что наши войска подписали этот мир в Финляндии, подписали эти условия. Понятно, что буржуазная и контр-революционная Финляндия не могли не поднять из-за этого бунта. Понятно, что реакционная и контр-революционная буржуазия в Финляндии предъявляла претензии на это укрепление. Понятно, что из-за этого вопрос обострялся не раз и продолжает стоять остро. Дело висит на волоске. Понятно, что еще большее обострение вызвал вопрос о Мурмане, на который претендовали англо-французы, потому что они вкладывали десятки миллионов на постройку порта, чтобы обеспечить свой военный тыл в их империалистической войне против Германии. Они уважали нейтральность так великолепно, что пользуются всем, что плохо лежит. При чем достаточным основанием для захватов служит то, что у них есть броненосец, а у нас нет того, чем его прогнать. Понятно, что вопрос не мог не обостриться из-за этого. Есть внешняя оболочка, есть юридическое выражение, созданное международным положением Советской республики, которое предполагает, что на нейтральной территории не может выступить вооруженная сила ни одного воюющего государства, чтобы не быть обезоруженной. Англичане высадили на Мурмане военные силы, и мы не имели возможности воспрепятствовать этому военной же силой. В результате нам предъявляют требования, носящие характер, близкий к ультиматуму, если вы не можете охранять своей нейтральности, то мы будем воевать на вашей территории.

Но уже создана рабоче-крестьянская армия, она в уездах и губерниях объединила крестьянское население, которое вернулось к своей земле, вырванной у помещиков,— им есть что защищать, которая начала строить Советскую власть и которая станет авангардом, если на Россию обрушится нашествие, мы встретим врага, как один человек. Мое время истекло, и я позволю себе окончить прочтением телеграммы, полученной нами по радио, от посла Советской Республики в Берлине, товарища Иоффе. Эта телеграмма покажет вам, что, с одной стороны, вы имеете подтверждение от нашего посла,— правильно ли изображение международных отношений, которое я делал здесь, и, что, с другой стороны, наша внешняя политика Советской Республики, политика

серьезная — подготовка для защиты отечества, политика выдержанная, не позволяющая ни шагу сделать, чтобы помочь крайним партиям империалистических держав Запада и Востока. Эта политика имеет серьезное основание и никаких иллюзий. Всегда остается возможность, что со дня на день на нас обрушится военная сила, и мы, рабочие и крестьяне, говорим себе и всему миру, и сумеем доказать, что встанем как один человек на защиту Советской Республики, а потому чтение этой телеграммы, я надеюсь, будет подходящим заключением моей речи и укажет нам то, в каком духе работают представители Советской Республики за границей в пользу Советов, всех советских учреждений и Советской Республики.

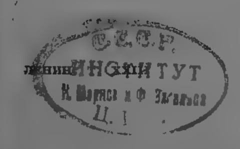
«Последние полученные радиотелеграммы сегодня сообщают, что германская комиссия военнопленных выезжает в пятницу, 10 мая. Мы уже получили ноту германского правительства с предложением создания специальной комиссии для обсуждения всех правовых вопросов о нашем имуществе в Украине и Финляндии. Я на такую комиссию согласился, я просил Вас прислать подходящих уполномоченных, военных и юристов. Сегодня я имел разговор по поводу дальнейших продвижений, требования очистки форта Ино и отношения русских к Германии. Получил ответ: Германское Верховное командование заявляет, что никаких дальнейших продвижений больше не будет, роль Германии на Украине и Финляндии закончена, Германия согласна содействовать нашим мирным переговорам с Киевом и Гельсингфорсом и входит об этом в сношения с означенными правительствами. Вопрос о форте Ино при мирных переговорах Финляндии: по договору форты должны быть разрушены, Германия полагает, что при установлении границ можно принять наш договор с красными, белые еще ответа не дали. Официально заявляется Германским Правительством: Германия твердо стоит на почве Брестского договора, желает жить в мирных отношениях с нами, никаких агрессивных планов не имеет и наступления на нас никакого оказывать не будет. Русских граждан Германия, согласно моего требования, обещает сравнять с другими нейтральными».

ДОКЛАД НА ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ Р. К. П. (Б.) 15 МАЯ 1918 Г. [2]).

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Ленин касается сначала взглядов «левых» на внешнюю политику и указывает на громадное агитационное значение брестских переговоров, так как западный пролетариат имеет возможность многое узнать, понять, кто такие большевики, какое у нас положение после революции и проч. Сейчас все спасение не в открытом разрыве Брестского договора, а в умении лавировать среди сложившихся сложных международных ситуаций благодаря противоположности интересов отдельных империалистских стран. Надо учесть отношения между Японией и Америкой, Германией и Англией, разногласия в немецкой капиталистической и военной партиях и пр. и пр. Во внутренней политике нужна пролетарская дисциплина, борьба с деревенскими кулаками, забота о хлебе, полная продовольственная диктатура и диктатура рабочего класса в стране. Возражая «левым» в вопросе о государственном капитализме, Ленин поясняет, что он для нас не страшен, так как в мучительном переходе от капитализма к социализму, который мы переживаем, главная забота — отстоять промышленность и только путем крупной организации ее, какая в настоящее время возможна только при государственном капитализме, можно наладить производство и вести точный учет производимого и потребляемого. Необходимым условием к этому является рабочий контроль. Как на пример, Ленин указывает на кожевников, на их крепкую организованность, рабочий контроль в частных предприятиях.

«Правда» № 95, 17 мая 1918 г.


С.С.С.Р. ИНСТИТУТ К. Маркса и Ф. Энгельса Ц. I

РЕЧЬ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ ОТДЕЛОВ СОВЕТОВ 18 МАЯ 1918 Г. [3]).

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Ленин начал свою речь указанием на то, что финансовое положение страны несомненно критическое. При социалистическом преобразовании общества приходится преодолевать целый ряд трудностей, часто кажущихся даже непосильными. Но задачи таковы, что из-за них стоит потрудиться и дать последний бой буржуазии.

— Вам лучше, чем кому-либо, — говорит Ленин, — известно, какие трудности приходится нам преодолевать при переходе от общих предположений и декретов к повседневной жизни. Работа предстоит тяжелая, так как сопротивление имущих классов будет отчаянное. Но предстоящая нам тяжесть с избытком окупится, когда мы победим сопротивление буржуазии и подчиним ее контролю Советской власти. Не надо забывать, что всякие радикальные реформы наши обречены на неудачу, если мы не будем иметь успеха в финансовой политике. От этой последней задачи зависит успех задуманного нами огромного дела социалистического преобразования общества.

Основные финансовые задачи, которые наметила Советская власть, требуют немедленного приложения к практической жизни. И только совещание с вами, людьми опыта и практики, будет содействовать тому, чтобы задуманные нами преобразования не остались одними декларациями.

Мы должны во что бы то ни стало добиться прочных финансовых преобразований.

От имени Совета Народных Комиссаров я предлагаю вашему вниманию те задачи, которые выяснились на многочисленных совещаниях и беседах и прошу вас подробно их разработать для практического их приложения к жизни. Задачи эти следующие:

Финансовая централизация. Докладчик находит вполне естественным полное отделение мест от центра. Он видит в этом

естественную ненависть и отвращение народа к прежней централизации, существовавшей при самодержавии. Но народ собственным опытом придет к выводу о необходимости демократической централизации, ибо без этого не будет возможности отстоять финансовые преобразования, при которых каждый гражданин будет иметь кусок хлеба и культурную жизнь.

Как ни велика разруха, когда любой местный Совет создает самостоятельную республику, не должно приходить в отчаяние, ибо это лишь болезнь роста, вполне естественное явление при переходе от царской России к России объединенных Советских организаций.

Введение подоходного и имущественного налога. Я хотел просить вас этот вопрос поставить на ближайшую очередь. Вы знаете, что все социалисты против косвенных налогов, ибо единственный правильный, с социалистической точки зрения, налог это прогрессивно-подоходный и имущественный. Сопротивление имущих классов будет, как я уже говорил, отчаянное при проведении этого налога. Сейчас они умудряются, благодаря своим связям и разным нечистым путям, вплоть до подкупов, обходить этот налог — мы должны принять все меры, чтобы им это не удавалось.

Нами много намечено в этой области, расчищена почва для фундамента, но сам фундамент этого здания еще не создан, ибо должно пройти некоторое время, чтобы найти необходимых для этого работников. Теперь этот момент подходит. Вопрос о подоходном налоге таков, что одних декретов для проведения его в жизнь недостаточно; нужны практические способы и опытность.

Мы полагаем, что нам нужно перейти к ежемесячному взиманию подоходного налога. Надо принять все меры к тому, чтобы с лиц, получающих доходы из Государственного казначейства, — подоходный налог взимался ежемесячно путем удержания из получаемого жалования.

Подоходный налог должен быть взимаем со всех без исключения, ибо хозяйничание при помощи типографского станка, как это практиковалось до настоящего времени, может лишь быть оправдано, как временная мера.

Сейчас же это переходное время кончилось, и мы должны перейти к прогрессивному поимущественному налогу с очень частыми сроками. Эту меру я бы просил вас разработать детально практически и точно определить планы, которые мы могли бы в кратчайший срок превратить в декреты и инструкции.

Касаясь вопроса о контрибуциях, Ленин говорит:

— Я вовсе не противник контрибуции, ибо прекрасно понимаю, что пролетариат в первое время не мог обойтись без нее. Это правильная мера переходной власти. Но теперь переходное время кончилось, и мы перейдем к централизованному взиманию

*

подоходного прогрессивного налога с очень частыми сроками. Несомненно, что буржуазия будет пытаться всеми силами обходить наши законы, пускать в ход мелкий обман. Мы будем бороться против этого, чтобы в конец подорвать остатки буржуазии.

Введение трудовой повинности и поднятие трудовой дисциплины. Старый капитализм, основанный на свободе торговли и конкуренции, в значительной степени сломлен войной во всей Европе.

Война привела к трудовой повинности для населения во многих странах. Но на деле оказалось, что эта трудовая повинность введена только для бедных, ибо богатые легко от нее откупаются. Мы должны ввести трудовую повинность в первую очередь не для бедных, которые и без того принесли достаточно жертв на алтарь войны, а для богатых, разбогатевших на войне. С этой меры надо начать. Надо ввести рабочие бюджетно-налоговые книжки прежде всего для богатых, дабы видно было, какую долю работы каждый из них несет на пользу и спасение своей родины. Контроль будет находиться в руках местных Советов.

По отношению к бедным эта мера сейчас совершенно излишняя, ибо им и так приходится достаточно работать, — к тому же профессиональные союзы принимают все меры для поднятия производительности и поднятия трудовой дисциплины.

Эта мера, повторяю, должна быть проведена в первую голову. Она послужит подготовкой к тому, чтобы тяжесть налогов всецело ложилась, как и следует по справедливости, на богатых.

Обмен нынешних денег на новые. Одним из результатов войны явилось обилие во всех странах бумажных денег. При переходе к социализму необходима замена теперешних денежных знаков другими свидетельствами на общественное благосостояние. Деньги, бумажки, — то, что называется сейчас деньгами, — действуют разлагающим образом и опасны тем, что буржуазия, храня запасы этих бумажек, остается при экономической власти. Чтобы ослабить это явление, мы должны немедленно принять меры.

Меры эти — строжайший учет имеющихся бумажек путем полной замены всех теперешних денег — новыми. Несомненно, на пути проведения этой меры стоят крупные экономические и политические трудности. Она требует тщательной подготовки, но мы начали уже эту подготовку.

Мы назначим самый краткий срок, в течение которого каждый должен сделать декларацию о количестве имеющихся у него денег и получить взамен новые. Если сумма эта окажется небольшой — он получит рубль за рубль. Если же она превысит норму — он получит лишь часть. Мера эта несомненно встретит сильнейшее противодействие не только со стороны буржуазии, но и со стороны нашего крестьянства, разбогатевшего на войне и

зарывшего в земле бутылки, наполненные бумажными деньгами. Мы встретимся грудь с грудью с классовым врагом. Борьба будет тяжелая, но благодарная борьба. Среди нас нет сомнений, что нам необходимо взять на себя все тягости этой борьбы, ибо она необходима и неизбежна.

Для проведения этой меры нужна огромная подготовительная работа: надо выработать тип декларационного листка, надо развить пропаганду на местах, определить срок обмена старых денег на новые и т. д. Но мы все это сделаем. Это последний решительный бой с буржуазией, который даст нам возможность платить долги иностранному капиталу, — пока не пробьет час социальной революции на Западе — и провести необходимые экономические реформы в стране.

Заключительные слова речи Ленина, выразившего уверенность в том, что перечисленные им мероприятия встретят сочувствие всех, кому дорога культура и завоевания революции, были покрыты шумными, продолжительными аплодисментами.

«Известия В.Ц.И.К.» № 99 (363), 19 мая 1918 г.

ПИСЬМО КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛИЗИРОВАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ 18 МАЯ 1918 г.[4]).

Выслушав сообщение товарищей, избранных рабочей делегацией на конференции крупнейших металлообрабатывающих заводов, и имея в виду резолюцию конференции, я могу сказать, что в Совете Народных Комиссаров, наверное, по моему мнению, будет единодушие *в пользу* немедленной национализации, если конференция со всей энергией возьмется за обеспечение планомерной, стройной организованности работ и повышение их производительности.

Желательно поэтому, чтобы конференция: 1) немедленно выбрала Временный Совет по подготовке объединения заводов; 2) дала право Центральному Комитету Союза Металлистов по соглашению с Высшим Советом Народного Хозяйства, видоизменять их, пополнять состав этого Временного Совета для превращения его в *Правление* единого союза (или объединения) всех национализированных заводов; 3) одобрила или, посредством резолюции, узаконила внутренний распорядок по типу Брянских правил в интересах создания строгой трудовой дисциплины; 4) наметила кандидатов из специалистов, инженеров и организаторов крупного производства для участия в Правлении или поручила Высшему Совету Народного Хозяйства подыскать и назначить таковых; 5) желательно, чтобы рабочие из наилучше поставленных заводов или наиболее опытные в руководстве крупным производством посылались (Временным Советом или Центр. Комитетом Союза Металл.) для содействия и правильной постановки дела в заводах менее успешных; 6) при условии строгого учета и контроля над всеми материалами из-за производительности труда — надо достигнуть и можно будет достигнуть громадной экономии сырья и труда.

Я думаю, что при энергичной работе конференции и выбранных ею учреждений можно будет в *ближайшие дни* провести национализацию в Совнаркоме.

«Известия В.Ц.И.К. Советов» № 99 (363), 19 мая 1918 г.

(1

Удержать советскую власть, удержать (и закрепить) победу трудящихся и эксплуатируемых над помещиками и капиталистами можно только при строжайшей, железной власти сознательных рабочих. Только такая власть может привести

Первая страница наброска телеграммы к питерским рабочим, написанного В. И. Лениным 21 мая 1918 г.

Уменьшено

НАБРОСОК ТЕЛЕГРАММЫ К ПИТЕРСКИМ РАБОЧИМ 21 МАЯ 1918 г. [5]).

Удержать советскую власть, удержать и закрепить победу трудящихся и эксплуатируемых *над* помещиками и капиталистами можно только при строжайшей, железной власти сознательных рабочих. Только такая власть может привлечь к себе и объединить вокруг себя всех трудящихся, всю бедноту.

Товарищи-рабочие! Помните, что положение революции критическое. Помните, что спасти революцию можете *только вы*; больше некому.

Десятки тысяч отборных, передовых, преданных социализму рабочих, неспособных поддаться на взятку и на хищение, способных создать железную силу против кулаков, спекулянтов, мародеров, взяточников, дезорганизаторов, — вот что необходимо.

Вот что необходимо настоятельно и неотложно.

Вот без чего голод, безработица и гибель революции неизбежны.

В организации сила рабочих и спасенье их. Это все знают. Теперь организация рабочих нужна особого рода, организация железной власти рабочих для победы над буржуазией. Товарищи-рабочие! дело революции, спасенье революции в ваших руках.

Время не терпит: за неимоверно тяжелым маем придут еще более тяжелые июнь и июль, а может быть еще и часть августа.

«Петроградская Правда» № 103 (329), 22 мая 1918 г.

Печатается по рукописи.

О ГОЛОДЕ

ПИСЬМО К ПИТЕРСКИМ РАБОЧИМ [6]).

Товарищи! У меня был на-днях ваш делегат партийный товарищ, рабочий с Путиловского завода. Этот товарищ описал мне подробно чрезвычайно тяжелую картину голода в Питере. Мы все знаем, что в целом ряде промышленных губерний продовольственное дело стоит так же остро, голод так же мучительно стучится в дверь рабочих и бедноты вообще.

А рядом мы наблюдаем разгул спекуляции хлебом и другими продовольственными продуктами. Голод не оттого, что хлеба нет в России, а оттого, что буржуазия и все богатые дают последний решительный бой господству трудящихся, государству рабочих, Советской власти на самом важном и остром вопросе, на вопросе о хлебе. Буржуазия и все богатые, в том числе деревенские богатеи, кулаки срывают хлебную монополию, разрушают государственное распределение хлеба в пользу и в интересах снабжения хлебом всего населения и в первую голову рабочих, трудящихся, нуждающихся. Буржуазия срывает твердые цены, спекулирует хлебом, наживает по сто, по двести и больше рублей на пуд хлеба, разрушает хлебную монополию и правильное распределение хлеба, разрушает взяткой, подкупом, злостной поддержкой всего, что губит власть рабочих, добивающуюся осуществить первое, основное, коренное начало социализма: «Кто не работает, тот да не ест».

«Кто не работает, тот да не ест», — это понятно всякому трудящемуся. С этим согласны все рабочие, все беднейшие и даже средние крестьяне, все, кто видал в жизни нужду, все, кто жил когда-либо своим заработком. Девять десятых населения России согласны с этой истиной. В этой простой, простейшей и очевиднейшей истине — основа социализма, неискоренимый источник его силы, неистребимый залог его окончательной победы.

Но в том-то и суть, что одно дело — расписаться в согласии с этой истиной, побожиться, что разделяешь ее, губами признать ее, другое дело — уметь провести ее в жизнь. Когда сотни

тысяч и миллионы людей мучаются от голода (в Питере, в неземледельческих губерниях, в Москве) — в стране, в которой миллионы и миллионы пудов хлеба прячутся богачами, кулаками и спекулянтами,—в стране, которая зовет себя Социалистической Советской Республикой, — тогда есть над чем серьезно и глубоко пораздумать всякому сознательному рабочему и крестьянину.

«Кто не работает, да не ест», — как провести это в жизнь? Ясно, как ясный божий день, что для проведения этого в жизнь необходима, во-первых, государственная хлебная монополия, т.-е. безусловное запрещение всякой частной торговли хлебом, обязательная сдача всего излишка хлеба государству по твердой цене, безусловное запрещение удерживания и утайки излишков хлеба кем бы то ни было. Во-вторых, для этого необходим строжайший учет всех излишков хлеба и безукоризненно правильный подвоз хлеба из мест избытка в места недостатка хлеба с заготовкой запасов на потребление, на обработку, на посев. В-третьих, для этого необходимо правильное, справедливое, не дающее никаких привилегий и преимуществ богатому, распределение хлеба между всеми гражданами государства, под контролем рабочего, пролетарского государства.

Достаточно хоть капельку подумать над этими условиями победы над голодом, чтобы понять всю бездну тупоумия презренных пустомель анархизма, которые отрицают необходимость государственной власти (и беспощадно суровой к буржуазии, беспощадно твердой по отношению к дезорганизаторам власти) для перехода от капитализма к коммунизму, для избавления трудящихся от всякого гнета и всякой эксплуатации. Именно теперь, когда наша революция подошла вплотную, конкретно, практически — и в этом ее неистребимая заслуга — к задачам осуществления социализма, именно теперь, и как раз на вопросе о главном, на вопросе о хлебе, яснее ясного видна необходимость железной революционной власти, диктатуры пролетариата, организации сбора продуктов, подвоза и распределения их в массовом, общенациональном масштабе, с учетом потребностей десятков и сотен миллионов людей, с расчетом условий и результатов производства на год и на много лет вперед (ибо бывают неурожайные годы, бывают необходимы для увеличения сбора хлебов мелиорации, требующие многолетних работ, и т. д.).

Романов и Керенский оставили рабочему классу в наследство страну, разоренную до-нельзя их грабительской, преступной и тягчайшей войной, страну, ограбленную русскими и иностранными империалистами дочиста. Хлеба хватит на всех только при строжайшем учете каждого пуда, только при безусловно равномерном распределении каждого фунта. Хлеба для машин, то-есть топлива, тоже крайний недостаток: встанут железные дороги и фабрики, безработица и голод погубят весь народ,

если не напрячь все силы для беспощадно строгой экономии потребления, правильности распределения. Катастрофа перед нами, она придвинулась совсем, совсем близко. За непомерно тяжелым маем идут еще более тяжелые июнь, июль и август.

Государственная хлебная монополия существует у нас по закону, по на деле ее на каждом шагу срывает буржуазия. Деревенский богатей, кулак, мироед, грабивший всю округу десятки лет, предпочитает наживаться на спекуляции, на самогонке; это, ведь, так выгодно для его кармана, а вину за голод он сваливает на Советскую власть. Точно так же поступают политические защитники кулака, кадеты, правые эсеры, меньшевики, открыто и тайно «работающие» против хлебной монополии и против Советской власти. Партия бесхарактерных, то-есть левые эсеры, бесхарактерна и здесь: она поддается корыстным крикам и воплям буржуазии, она кричит против хлебной монополии, она «протестует» против продовольственной диктатуры, она дает себя запугать буржуазии, она боится борьбы с кулаком и истерически мечется, советуя повысить твердые цены, разрешить частную торговлю и тому подобное.

Эта партия бесхарактерных отражает в политике нечто подобное тому, что бывает в жизни, когда кулак науськивает бедноту против Советов, подкупает ее, дает, например, какому-нибудь бедному крестьянину пудик хлеба не за шесть, а за три рубля, с тем, чтобы этот развращенный бедняк сам «попользовался» спекуляцией, сам «поживился» спекулятивной продажей этого пудика за 150 рублей, сам превратился в крикуна против Советов, запрещающих частную торговлю хлеба.

Кто способен думать, кто хочет хотя бы капельку подумать, тому ясно, по какой линии идет борьба.

Либо сознательные передовики рабочие победят, объединив вокруг себя массу бедноты, установив железный порядок, беспощадно-строгую власть, настоящую диктатуру пролетариата, заставят кулака подчиниться, водворя правильное распределение хлеба и топлива в общегосударственном масштабе; — либо буржуазия при помощи кулаков, при косвенной поддержке бесхарактерных и путаных людей (анархистов и левых эсеров) сбросит Советскую власть и водворит русско-немецкого или русско-японского Корнилова, который несет народу 16-часовой рабочий день, восьмушку хлеба в неделю, расстрелы массы рабочих, пытки в застенках, как в Финляндии, как в Украине.

Либо — либо.

Середины нет.

Положение страны дошло до крайности.

Кто вдумывается в политическую жизнь, тот не может не видеть, что кадеты с правыми эсерами и с меньшевиками сговариваются меж собой о том: русско-немецкий или русско-япон-

ский Корнилов «приятнее», коронованный или республиканский Корнилов лучше и вернее раздавит революцию.

Пора сговориться всем сознательным, всем передовым рабочим. Пора им встряхнуться и понять, что каждая минута промедления грозит гибелью страны и гибелью революции.

Полумерами не поможешь. Жалобы ни к чему не приведут. Попытки добыть хлеба или топлива «в розницу» себе, т.-е. «своему» заводу, «своему» предприятию, только усиливают дезорганизацию, только облегчают спекулянтам их корыстное, грязное и темное дело.

И вот почему я позволяю себе обратиться с письмом к вам, товарищи, питерские рабочие. Питер — не Россия. Питерские рабочие — малая часть рабочих России. Но они — один из лучших, передовых, наиболее сознательных, наиболее революционных, наиболее твердых, наименее податливых на пустую фразу, на бесхарактерное отчаяние, на запугивание буржуазией отрядов рабочего класса и всех трудящихся России. А в критические минуты жизни народов бывало не раз, что даже немногочисленные передовые отряды передовых классов увлекали за собой всех, зажигали огнем революционного энтузиазма массы, совершали величайшие исторические подвиги.

У нас было сорок тысяч на Путиловском,—говорил мне делегат питерских рабочих,—но из них большинство было «временные» рабочие, не пролетарии, ненадежные, дряблые люди. Теперь осталось пятнадцать тысяч, но это — пролетарии, испытанные и закаленные в борьбе.

Вот такой-то авангард революции — и в Питере и во всей стране — должен кликнуть клич, должен *подняться массой*, должен понять, что в его руках спасенье страны, что от него требуется героизм не меньший, чем в январе и октябре пятого, в феврале и октябре 17-го года, что надо организовать великий «*крестовый поход*» против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников, великий «*крестовый поход*» против нарушителей строжайшего государственного порядка в деле сбора, подвоза и распределения хлеба для людей и хлеба для машин.

Только массовый подъем передовых рабочих способен спасти страну и революцию. Нужны десятки тысяч передовиков, закаленных пролетариев, настолько сознательных, чтобы разъяснить дело миллионам бедноты во всех концах страны и встать во главе этих миллионов,—настолько выдержанных, чтобы беспощадно отсекать от себя и расстреливать всякого, кто «соблазнился» бы — бывает — соблазнами спекуляции и из борца за народное дело превратился в грабителя, — настолько твердых и преданных революции, чтобы организованно вынести все тяжести *похода* во все концы страны для водворения порядка, для

укрепления местных органов Советской власти, для надзора на местах за каждым пудом хлеба, за каждым пудом топлива.

Это сделать потруднее, чем проявить героизм на несколько дней, не покидая насиженных мест, не идя в поход, ограничиваясь порывом-восстанием против изверга-идиота Романова или дурачка и хвастунишки Керенского. Героизм длительной и упорной организационной работы в общегосударственном масштабе неизмеримо труднее, зато и неизмеримо выше, чем героизм восстаний. Но силу рабочих партий и рабочего класса составляло всегда то, что он смело, прямо, открыто смотрит в лицо опасности, не боится признать ее, трезво взвешивает, какие силы стоят в «его» и в «чужом», эксплуататорском, лагере. Революция идет вперед, развивается и растет. Растут и задачи, стоящие перед нами. Растет ширина и глубина борьбы. Правильное распределение хлеба и топлива, усиление добычи их, строжайший учет и контроль над этим *со стороны рабочих* и в общегосударственном масштабе, это—настоящее и главное преддверие социализма, это — уже не «общереволюционная», а именно *коммунистическая* задача, именно такая задача, где трудящиеся и беднота должны дать решительный бой капитализму.

На этот бой стоит отдать все силы: велики его трудности, но велико и то дело уничтожения гнета и эксплуатации, за которое мы боремся.

Когда народ голодает, когда безработица свирепствует все более грозно,—каждый, кто укрывает лишний пуд хлеба, каждый, кто лишает государство пуда топлива, является величайшим преступником.

В такое время — а для истинно-коммунистического общества это верно всегда — каждый пуд хлеба и топлива есть настоящая святыня, повыше тех святынь, которыми морочат головы дуракам попы, обещающие царствие небесное в награду за рабство земное. А чтобы сбросить всякий остаток поповской «святости» с этой настоящей святыни, надо *овладеть ею практически*, надо добиться *на деле* правильного распределения ее, надо собрать все без изъятия, все до конца излишки хлеба в общегосударственные запасы, надо *очистить всю страну* от спрятанных или несобранных излишков хлеба, надо твердой рабочей рукой добиться крайнего напряжения сил для увеличения добычи топлива и величайшей экономии его, величайшего порядка в его подвозе и потреблении.

Нужен массовый «крестовый» поход передовых рабочих ко всякому пункту производства хлеба и топлива, ко всякому важному пункту подвоза и распределения их, для повышения энергии работы, для удесятерения ее энергии, для помощи местным органам Советской власти в деле учета и контроля, для вооруженного уничтожения спекуляции, взяточничества, неряшливости.

Эта задача не нова. Новых задач, собственно говоря, история не выдвигает, — она только увеличивает размер и размах старых задач по мере того, как увеличивается размах революции, растут ее трудности, растет величие ее всемирно-исторической задачи.

Одно из величайших, неискоренимых дел октябрьского — Советского — переворота состоит в том, что передовой рабочий, *как руководитель* бедноты, *как вождь* деревенской трудящейся массы, *как строитель государства труда,* пошел в «народ». Тысячи и тысячи лучших рабочих отдал деревне Питер, отдали и другие пролетарские центры. Отряды борцов с Калединым и Дутовым, продовольственные отряды — не новость. Задача только в том, что близость катастрофы, тяжесть положения обязывает сделать *вдесятеро* больше прежнего.

Рабочий, став передовым вождем бедноты, не стал святым. Он вел вперед народ, но он и заразился болезнями мелкобуржуазного развала. Чем меньше бывало отрядов из наилучше организованных, из наиболее сознательных, из наиболее дисциплинированных и твердых рабочих, тем чаще разлагались эти отряды, тем чаще бывали случаи победы мелко-собственнической стихии прошлого над пролетарско-коммунистической сознательностью будущего.

Начав коммунистическую революцию, рабочий класс не может одним ударом сбросить с себя слабости и пороки, унаследованные от общества помещиков и капиталистов, от общества эксплуататоров и мироедов, от общества грязной корысти и личной наживы немногих, при нищете многих. Но рабочий класс может победить — *и, наверное, неминуемо победит, в конце концов* — старый мир, его пороки и его слабости, если против врага будут двигаемы новые и новые, все более многочисленные, все более просвещенные опытом, все более закаленные на трудностях борьбы отряды рабочих.

Так, именно так стоит дело теперь в России. В одиночку и в разброд не победить голода и безработицы. Нужен массовый «крестовый поход» передовых рабочих во все концы громадной страны. Нужно вдесятеро больше *железных отрядов* сознательного и бесконечно-преданного коммунизму пролетариата. Тогда мы победим голод и безработицу. Тогда мы поднимем революцию до настоящего преддверия социализма. Тогда мы станем способны вести и победоносную оборонительную войну против империалистских хищников.

Написано 22 мая 1918 г.
Напечатано в «Правде» № 101, 24 мая 1918 г.
Подпись: Н. Ленин.

РЕЧЬ НА СЪЕЗДЕ КОМИССАРОВ ТРУДА 22 МАЯ 1918 Г. [7]).

Товарищи! Позвольте мне прежде всего от имени Совета Народных Комиссаров приветствовать съезд комиссаров труда.

На вчерашнем заседании Совета Народных Комиссаров товарищ Шляпников сообщил о том, что ваш съезд присоединился к резолюции профессиональных союзов относительно трудовой дисциплины и норм производительности. Товарищи, я думаю, что этим решением вы сделали весьма крупный шаг, касающийся не только производительности труда и условий производства, но чрезвычайно важный принципиальный шаг с точки зрения современного положения вообще. Вы имеете постоянную деловую, а не случайную связь со всеми широкими массами рабочих, и вам известно, что наша революция переживает один из самых важных и критических моментов своего развития.

Вы прекрасно знаете, что наши враги, западные империалисты, подкарауливают нас, и, может быть, будет момент, когда они обрушат на нас свои полчища. Теперь к этим внешним врагам присоединяется опасный враг — внутренний: разложение, хаос и дезорганизации, усиливаемые буржуазией вообще и мелкой в частности и разными приспешниками и прихвостнями буржуазии. Вы знаете, товарищи, что после мучительнейшей войны, в которую ввел нас царский режим и соглашатели с Керенским во главе, нам непосредственно достались в наследие разложение и крайняя разруха. Теперь подходит самый критический момент, когда голод и безработица стучатся в дверь все большего числа рабочих, когда сотни и тысячи людей терпят муки голода, когда положение обострено тем, что хлеба нет, но он мог бы быть, когда мы знаем, что правильное распределение его зависит от правильного подвоза. Недостаток топлива, после того как от нас отрезан богатый топливом край, катастрофа железных дорог, которым, может быть, грозит приостановка движения, — вот те положения, которые создают трудности для революции, вот положения, которые наполняют ликованием сердца корниловцев всех

сортов и всех цветов. Они сейчас ежедневно, может быть, ежечасно, столковываются, как бы использовать трудности Советской Республики и пролетарской власти, чтобы снова возвести на престол Корнилова. Спор у них идет о том, какой национальности будет этот Корнилов, но он должен быть таким, который выгоден для буржуазии, — с короной ли на голове или Корнилов-республиканец. Теперь рабочие уже знают, в чем дело, и после того, что пережила русская революция после Керенского, — это нисколько их не удивит. Но сила рабочей организации, рабочей революции и была в том, чтобы, никогда не закрывая глаза, давать себе самый точный отчет в положении дел.

Мы говорили, что война в тех размерах и в той неслыханной мучительности грозит полной гибелью европейской культуре. Единственное спасение может быть только в переходе власти в руки рабочих для организации железного порядка. Наш российский пролетариат, ходом российской революции и особого исторического положения, после 1905 года оказался на известное время далеко впереди других международных армий пролетариата. Мы сейчас переживаем ту полосу, когда во всех западно-европейских странах революция зреет, когда выясняется полная безвыходность положения для рабочих армий Германии. Мы знаем, что там, на Западе, против трудящихся стоит не гнилой режим Романова и пустых хвастунов, а поголовная организованная буржуазия, опирающаяся на все завоевания современной культуры и техники. Вот почему нам революцию было так легко начать и труднее продолжать, и вот почему там, на Западе, революцию труднее начать, но будет легче продолжать. Наша трудность зависит от того, что мы должны все проделать усилиями российского пролетариата и удерживать положение, пока достаточно окрепнет наш союзник — международный пролетариат всех стран. С каждым днем чувствуется, что иного выхода нет. На нашу долю приходится испытывать главные трудности, потому что, не имея подкрепления, мы еще стоим лицом к лицу с разрухой железнодорожной, транспортной и продовольственной. Здесь должен быть вопрос поставлен ясно для всех.

Я надеюсь, что съезд комиссаров труда, который имеет больше, чем другие, непосредственное соприкосновение с рабочими, что этот съезд будет этапом не только в деле непосредственного улучшения тех порядков труда, которые мы должны положить в основу социализма, но что этот съезд послужит этапом для прояснения сознания рабочих по отношению к переживаемому моменту. Перед рабочим классом стоит трудная, но благодарная задача, от которой зависит решение судьбы социализма в России, а может быть и в других странах. Вот почему так важна резолюция о трудовой дисциплине.

Теперь, когда власть укреплена в руках рабочих, теперь все

дело зависит от пролетарской дисциплины и пролетарской организованности. Вопрос идет о дисциплине и диктатуре пролетариата, о железной власти. Власть, которая встречает самое горячее сочувствие, самую решительную поддержку бедноты, эта власть должна быть железной, потому что надвигаются неслыханные бедствия. Масса рабочих живет под впечатлением старого и надеется, что мы как-нибудь вырвемся из этого поло-[redacted]

Но с каждым днем эти иллюзии рушатся, и становится все более очевидным, что мировая война грозит голодом и вырождением целых стран, если рабочий класс своей организованностью не победит этой разрухи. Мы видим на-ряду с сознательным элементом рабочего класса, всю деятельность направившим на то, чтобы новая дисциплина товарищества была положена в основу, многомиллионную массу мелко-собственнического и мелкобуржуазного элемента, который смотрит на все с точки зрения своих узких интересов. Нельзя бороться с голодом и катастрофой, которые надвигаются на нас, иначе, как установлением железного порядка сознательных рабочих, — без этого мы ничего сделать не сможем. Вследствие гигантского расположения России мы живем в таких условиях, что в одном конце страны много хлеба, а в другом ничего нет. Нечего думать, что не будет оборонительной войны, которую нам могут навязать. Нечего думать о том, чтобы прокормить города и огромные промышленные центры без правильного подвоза. Нужно каждый пуд хлеба взять на учет, чтобы ни один пуд хлеба не пропал. Но мы знаем, что этот учет в действительности не проводится в жизнь, а остается только на бумаге. В жизни мелкие спекулянты только развращают деревенскую бедноту, внушая ей, что частной торговлей можно пополнить недостаток. При таких условиях из кризиса выйти нельзя. В России может хватить хлеба для людей и хлеба, т.-е. топлива, для промышленности при самом строгом разделе всего, что у нас есть, между всеми гражданами, чтобы никто не мог взять ни одного лишнего фунта хлеба, чтобы ни один фунт топлива не остался неизрасходованным. Только так можно спасти страну от голода. Этот урок коммунистического раздела, чтобы все было на учете, чтобы был хлеб для людей и топливо для промышленности, этот урок не из книжки — мы дошли до него путем горького опыта.

Может быть не сразу широкая рабочая масса поймет, что мы стоим перед катастрофой. Нужен крестовый поход рабочих против дезорганизации и против укрывания хлеба. Нужен крестовый поход для того, чтобы трудовая дисциплина, о которой вы принимали решение, о которой говорили в пределах фабрик и заводов, чтобы она распространилась по всей стране, чтобы самые широкие массы поняли, что другого выхода нет. Сила со-

знательных рабочих в истории нашей революции всегда состояла в том, чтобы совершенно прямо смотреть в лицо самой горькой опасной действительности, не делая иллюзий, а точно учитывая силы. Мы можем рассчитывать только на сознательных рабочих; остальная масса, буржуазия и мелкие хозяйчики, против нас, они не верят в новый порядок, они ловят всякий случай обострения народной нужды. Примером может служить то, что мы видим на Украине и в Финляндии: неслыханные зверства и моря крови, которыми буржуазия и ее сторонники от кадетов до эсеров заливают города, побеждая их при помощи своих союзников. Все это показывает, что ждет впереди пролетариат, если он не выполнит своей исторической задачи. Мы знаем, как не велики в России слои передовых и сознательных рабочих. Мы знаем также цену народной нужды, мы знаем, что дойдем до того, что широкие массы поймут, что полумерами не выйти из положения и без пролетарского переворота обойтись нельзя. Мы живем в такое время, когда разоряют страны и миллионы людей осуждают на гибель и обращают в военное рабство. Вот тот переворот, который история навязала нам не по злой воле отдельных лиц, но потому, что весь капиталистический строй ломится и трещит в основании.

Пользуйтесь, товарищи комиссары труда, каждым своим свиданием на любом заводе и фабрике, своими свиданиями с любой делегацией рабочих, пользуйтесь возможностью объяснить это положение, чтобы они знали, что нам предстоит либо гибель, либо возможность защищаться, что нам предстоит возвращение корниловцев, русских, японских или немецких, которые несут одну восьмую фунта хлеба в неделю, если сознательные рабочие не организуют крестового похода во главе со всей беднотой против хаоса и дезорганизации, которую мелкая буржуазия всюду усиливает и которую мы должны победить. Вопрос состоит в том, чтобы сознательный рабочий чувствовал себя не только хозяином на своем заводе, а представителем страны, чтобы он чувствовал на себе ответственность. Сознательный рабочий должен знать, что он представитель класса. Он должен победить, если станет во главе движения против буржуазии и спекулянтов. Сознательный рабочий поймет, в чем основная задача социалиста, и тогда мы победим. Тогда найдутся силы и мы сможем бороться.

«Правда» № 101, 24 мая 1918 г.

РЕЧЬ НА I СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА 26 МАЯ 1918 г. [8]).

Товарищи, позвольте мне прежде всего приветствовать съезд советов народного хозяйства от имени Совета Народных Комиссаров.

Товарищи, на Высший Совет Народного Хозяйства легла теперь одна из трудных и одна из самых благодарных задач. Нет никакого сомнения, что, чем дальше будут двигаться завоевания октябрьской революции, чем глубже пойдет этот переворот, который начат ею, чем прочнее будут закладываться завоевания социалистической революции и упрочение социалистического строя, тем больше, тем выше будет становиться роль советов народного хозяйства, которым предстоит одним только из всех государственных учреждений сохранить за собой прочное место, которое будет тем более прочно, чем ближе мы будем к установлению социалистического порядка, чем меньше будет надобности в аппарате чисто административном, в аппарате, ведающем собственно только управлением. Этому аппарату суждено, после того как сломлено будет окончательно сопротивление эксплуататоров, после того как трудящиеся научатся организовывать социалистическое производство, — этому аппарату управления в собственном, тесном, узком смысле слова, аппарату старого государства суждено умереть, а аппарату типа Высшего Совета Народного Хозяйства суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества.

Поэтому, товарищи, когда я смотрю на опыт нашего Высшего Совета Народного Хозяйства и местных советов, с деятельностью которых он тесно и неразрывно связан, то, несмотря на многое незаконченное, незавершенное, несорганизованное, я думаю, у нас нет и тени основания к каким-нибудь пессимистическим выводам. Ибо задача, которую ставит себе Высший Совет Народного Хозяйства, и задача, которую ставят себе все областные и все местные советы, — задача такая гигантская, такая всеобъем-

ВЫСШІЙ СОВѢТЪ НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ТРУДЫ
I ВСЕРОССІЙСКАГО СЪѢЗДА
Совѣтовъ Народнаго Хозяйства

25 мая—4 іюня 1918 г.

(Стенографическій отчетъ)

МОСКВА—1918.

Титульный лист книги: «Труды I Всероссийского Съезда Советов Народного Хозяйства 25 мая—4 июня 1918 г. Стенографический отчет»—1918 г.

Уменьшено

люшая, что решительно нет ничего внушающего опасения в том, что мы все наблюдаем. Очень часто,— конечно, с нашей точки зрения, может быть, и слишком часто,— пословица «семь раз примерь и один раз отрежь» не применялась. Так просто, как обстоит дело по этой пословице, к сожалению, не обстоит дело с организацией хозяйства на социалистических началах. С отходом всей власти,— на этот раз не только политической и, главным образом, даже не политической, а экономической, т.-е. касающейся самых глубоких основ повседневной человеческой жизни,— к новому классу, притом к такому, который ведет за собою впервые в истории человечества громадное большинство населения, всю массу трудящихся и эксплуатируемых — наши задачи усложняются. — Само собою понятно, что тут при величайшей важности и величайшей трудности организационных задач, когда нам надо совершенно по-новому организовать самые глубокие основы человеческой жизни сотен миллионов людей, совершенно понятно, что здесь так просто налаживать дело, как это можно было по пословице «семь раз примерь, один раз отрежь», нет возможности. Нам, действительно, нельзя произвести предварительные многочисленные примерки, а потом отрезать и закрепить то, что окончательно примерено, прилажено. Нам нужно в самом ходе работ, испытывая те или иные учреждения, наблюдая их на опыте, проверяя их коллективным общим опытом трудящихся и, главное, опытом результатов работы, нам нужно тут же в самом ходе работы, и притом в состоянии отчаянной борьбы и бешеного сопротивления эксплуататоров, которые становятся тем более бешеными, чем ближе мы подходим к тому, чтобы окончательно вырвать последние испорченные зубы капиталистической эксплуатации, — строить наше экономическое здание. Понятно, что при таких условиях нет ни тени основания для пессимизма, хотя, конечно, это большое основание для злобных выходок буржуазии и обиженных в своих лучших чувствах господ эксплуататоров, если нам, даже за короткое время, приходится иногда переделывать по несколько раз типы, уставы, органы управления различных отраслей народного хозяйства. Конечно, тому, кто слишком близко и слишком непосредственно участвует в этой работе, иногда в троекратной переделке уставов, норм, законов управления, ну, скажем, хотя бы Главоду, конечно, бывает иногда очень невесело, и удовольствия от этого рода работы не могут быть велики. Но, если немножечко отвлечься от непосредственной неприятности чрезмерно частой переделки декретов и если посмотреть чуточку поглубже и подальше на то гигантское, всемирно-историческое дело, которое русскому пролетариату приходится выполнять пока еще собственными недостаточными силами, тогда станет сразу понятно, что даже гораздо более многократные переделки, испытание на опыте различных

систем управления, различных норм налаживания дисциплины неизбежны, что в таком гигантском деле мы никогда не могли бы претендовать, и ни один разумный социалист, писавший о перспективах будущего, никогда и в мыслях не имел того, чтобы мы могли по какой-то заранее данной указке сложить сразу и составить одним ударом формы организации нового общества. Все, что мы знали, что нам точно указывали лучшие знатоки капиталистического общества, наиболее крупные умы, предвидевшие развитие его, это то, что преобразование должно исторически неизбежно произойти по такой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет, что эксплуататоры неизбежно будут экспроприированы. Это было установлено с научной точностью. И мы это знали, когда мы брали в свои руки знамя социализма, когда мы объявляли себя социалистами, когда основывали социалистические партии, когда мы преобразовывали общество. Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразования, ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли. Только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать в этом отношении решающие указания именно потому, что для нашего дела, для дела строительства социализма недостаточно опыта сотен и сотен тысяч тех верхних слоев, которые делали историю до сих пор и в обществе помещичьем и в обществе капиталистическом. Мы не можем так делать именно потому, что мы рассчитываем на совместный опыт, на опыт миллионов трудящихся.

Поэтому мы знаем, что дело организационное, которое составляет главную, коренную и основную задачу Советов, что оно неизбежно несет нам массу опытов, массу шагов, массу переделок, массу трудностей, в особенности относительно того, как поставить каждого человека на свое место, ибо здесь нет опыта, здесь приходится каждый такой шаг вырабатывать самим, и, чем тяжелее ошибки на таком пути, тем тверже растет уверенность, что с каждым новым приростом числа членов профессиональных союзов, что с каждой новой тысячей, с каждой новой сотней тысяч людей, переходящих из лагеря трудящихся, эксплуатируемых, которые до сих пор жили по традициям, по привычке, в лагерь строителей советских организаций, растет число людей, которые должны удовлетворять и поставить дело на правильные рельсы. Возьмите одну из второстепенных задач, на которую совет народного хозяйства,— Высший Совет Народного Хозяйства, особенно часто натыкается,— задачу использования буржуазных специалистов. Мы все знаем, по крайней мере те, которые стоят на почве науки и социализма, что эта задача может быть осуществима лишь тогда, что она может быть осу-

ществима лишь в той мере, в какой международный капитализм развил материальные, технические предпосылки труда, осуществленного в гигантском размере, покоящегося на рамках науки, а поэтому на выработке громадного кадра научно-образованных специалистов. Мы знаем, что без этого социализм невозможен. Если мы перечитаем сочинения тех социалистов, которые в течение последнего полувека наблюдали развитие капитализма и приходили к выводу еще и еще раз, что социализм неизбежен, то они все без исключения указывали на то, что только социализм освободит науку от ее буржуазных пут, от ее порабощения капиталу, от ее рабства перед интересами грозного капиталистического корыстолюбия. Только социализм даст возможность широко распространить и настоящим образом подчинить общественное производство и распределение продуктов по научным соображениям относительно того, как сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность благосостояния. Только социализм может осуществить это. И мы знаем, что он должен осуществить это, и в понимании такой истины вся трудность марксизма и вся сила его.

Мы должны осуществить это, опираясь на элементы, ему враждебные, так как капитал, чем крупнее он становится, тем более развивается гнет буржуазии и подавление рабочих. Когда власть оказалась в руках пролетариата и беднейшего крестьянства, когда власть ставит себе задачи при поддержке этих масс, нам приходится осуществлять эти социалистические преобразования при помощи буржуазных специалистов, тех специалистов, которые в буржуазном обществе воспитывались, которые другой обстановки не видели, которые другой общественной обстановки не могут себе представить, и поэтому даже в тех случаях, когда эти люди совершенно искренни и преданы своему делу, даже в этих случаях они полны тысяч буржуазных предрассудков, связаны незаметными для них тысячами нитей с умирающим, разлагающимся и поэтому оказывающим бешеное сопротивление буржуазным обществом. Эти трудности задачи и достижения для нас не могут быть скрыты. Из всех социалистов, которые об этом писали, не могу припомнить ни одного известного мне социалистического сочинения или мнения выдающихся социалистов о будущем социалистическом обществе, где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники,— превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма. Это легко в общей формуле, в абстрактном противоположении, но в борьбе с капитализмом, который не умирает сразу и тем более бешено сопротивляется, чем ближе к

смерти, это задача величайшего труда. Если в этой области происходят эксперименты, если мы делаем неоднократные исправления частичных ошибок, это неизбежно, когда не удается сразу в той или иной области народного хозяйства превратить специалистов из служителей капитализма в служителей трудящихся масс, в их советчиков. Если нам это не удается сразу, это не может вызвать ни капли пессимизма, потому что задача, которую мы себе ставим, это — задача всемирно исторической трудности и значения. Мы не закрываем глаза на то, что нам одним — социалистической революции в одной стране, если бы она была даже гораздо менее отсталой, чем Россия, если бы мы жили в условиях более легких, чем после четырех лет неслыханной, мучительной, тяжелой и разорительной войны, — в одной стране социалистической революции своими силами всецело не выполнить. Тот, кто отворачивается от происходящей в России социалистической революции, указывая на явное несоответствие сил, тот похож на застывшего человека в футляре, не видящего дальше своего носа, забывшего, что нет ни одного исторического переворота, сколько-нибудь крупного, без целого ряда случаев несоответственности сил. Силы растут в процессе борьбы с ростом революции. Когда страна вступила на путь величайших преобразований, тогда заслугой этой страны и партии рабочего класса, победившего в этой стране, является то, что к задачам, которые ставились раньше абстрактно, теоретически, мы подошли вплотную практически. Этот опыт не забудется. Этого опыта у рабочих, которые сейчас соединены в профессиональные союзы и местные организации и берутся практически за дело общенационального налаживания всего производства, этого опыта, что бы ни было, как бы тяжелы ни были перипетии русской революции и международной социалистической революции, этого опыта отнять нельзя. Он вошел в историю, как завоевание социализма, и на этом опыте будущая международная революция будет строить свое социалистическое здание.

Я позволю себе указать еще на одну и, быть может, самую трудную задачу, практически решать которую приходится Высшему Совету Народного Хозяйства. Это задача трудовой дисциплины. Собственно говоря, когда указываем на эту задачу, мы должны признать и с удовольствием подчеркнуть, что именно профессиональные союзы, их самые крупные организации — центральный комитет союза металлистов, всероссийский совет профессиональных союзов — высшие профессиональные организации, объединяющие миллионы трудящихся, что они первые самостоятельно взялись за решение этой задачи, а эта задача имеет всемирное историческое значение. Чтобы ее понять, нужно отвлечься от тех частных маленьких неудач, от неимоверных трудностей, которые кажутся, если взять их отдельно, непреодо-

лимыми. Нужно подняться выше и посмотреть на историческую смену укладов общественного хозяйства. Лишь с этой точки зрения станет ясным, какую гигантскую задачу мы на себя взяли и какое гигантское значение имеет то, что на этот раз самый передовой представитель общества, трудящиеся и эксплуатируемые массы, берут на себя, на свой почин задачу, которую до сих пор всецело в крепостной России до 61 года решала кучка помещиков, которую она считала своим делом. Тогда было их делом создание общегосударственной связи и дисциплины. Мы знаем, как крепостники-помещики создавали эту дисциплину. Это были гнет, надругательство и неслыханные каторжные муки для большинства народа. Припомните весь этот переход от крепостного права к буржуазному хозяйству. То, что вы наблюдали, хотя большинство из вас наблюдать не могло, и то, что вы знаете от старших поколений, — этот переход после 61 года к новому буржуазному хозяйству, переход от старой крепостной дисциплины палки, от дисциплины бессмысленнейшего, самого наглого и грубого надругательства и насилия над человеком, — к дисциплине буржуазной, к дисциплине голода, так называемого вольного найма, которая на самом деле была дисциплиной капиталистического рабства, — этот переход исторически казался легок, потому что от одного эксплуататора человечество переходило к другому эксплуататору, потому что одно меньшинство грабителей и эксплуататоров народного труда уступало место другому меньшинству тоже грабителей и тоже эксплуататоров народного труда, потому что помещики уступили это место капиталистам, — одно меньшинство другому меньшинству, при подавлении широких масс трудящихся и эксплуатируемых классов. И даже эта смена одной эксплуататорской дисциплины другой дисциплиной стоила годов, если не десятилетий усилий, стоила годов, если не десятилетий переходного времени, когда старые помещики-крепостники совершенно искренне считали, что все гибнет, что хозяйничать без крепостного права нельзя, когда новый хозяин-капиталист на каждом шагу встречал практические трудности и махал рукой на свое хозяйство, когда материальным знаком, одним из вещественных доказательств трудности этого перехода — было то, что Россия тогда выписывала заграничные машины, чтобы работать на них, на самых лучших машинах, и оказывалось, что нет ни людей, умеющих обращаться с ними, ни руководителей. И во всех концах России наблюдалось, что лучшие машины валялись без использования, настолько трудно было перейти от старой крепостной дисциплины к новой буржуазно-капиталистической дисциплине.

И вот, если вы так посмотрите на дело, товарищи, если вы не будете давать сбивать себя с толку тем людям, тем классам, той буржуазии, тем приспешникам буржуазии, вся задача которых

состоит в сеянии паники, в сеянии уныния, в наведении полного уныния на всю работу и изображении ее безнадежной, которые указывают на каждый отдельный случай недисциплинированности и разложения и по этому случаю махают рукой на революцию, точно бывала на свете, точно бывала в истории хотя бы одна, действительно, великая революция без разложения, без потери дисциплины, без мучительных шагов опыта, когда масса вырабатывает новую дисциплину. Мы не должны забывать, что впервые подошли к такому предварительному пункту истории, когда новая дисциплина, дисциплина трудовая, дисциплина товарищеской связи, дисциплина советская вырабатывается на самом деле миллионами трудящихся и эксплуатируемых. На быстрые успехи в этом мы не претендуем, не рассчитываем. Мы знаем, что это дело займет целую историческую эпоху. Мы начали ту историческую эпоху, когда в стране буржуазной еще мы разбиваем дисциплину капиталистического общества, разбиваем и гордимся тем, что все сознательные рабочие, все решительно трудовое крестьянство всемерно помогают разрушению, и когда в массах добровольно, по их собственному почину, растет сознание того, что они эту основанную на эксплуатации и рабстве трудящихся дисциплину должны заменить не по указке сверху, а по указанию своего жизненного опыта, заменить новой дисциплиной объединенного труда, дисциплиной объединенных организованных рабочих и трудовых крестьян всей России, страны с десятками и сотнями миллионов населения. Эта задача гигантской трудности, но зато и задача благодарная, потому что лишь тогда, когда мы решим ее практически, лишь тогда будет вбит последний гвоздь в гроб погребаемого нами капиталистического общества.

Напечатано в 1918 г. в книге: «Труды Всероссийского Съезда Советов Народного Хозяйства».

Печатается по тексту книги.

ОБЪЕДИНЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ В.Ц.И.К., МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ

4 июня 1918 г.

Напечатано в 1918 г. в книге: «Протоколы заседаний В. Ц. И. К. 4-го созыва. Стенографический отчет»

Печатается по тексту книги, проект резолюции — по рукописи

1.

ДОКЛАД О БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ 4 ИЮНЯ 1918 Г. [9]).

Товарищи, темой, о которой мне приходится говорить сегодня, является величайший кризис, который обрушился на все современные страны, который в настоящий момент всего тяжелее, пожалуй, давит Россию и, во всяком случае, неизмеримо тяжелее ощущается в ней, чем в других странах. И об этом кризисе, о голоде, который надвинулся на нас, мне надо сказать сообразно поставленной перед нами задаче в связи с общим положением. А где идет речь об общем положении, нельзя, конечно, ограничиваться одной Россией, тем более, что в настоящее время тяжелее, чем прежде, мучительнее, чем прежде, связаны между собою все страны современной капиталистической цивилизации.

Везде, как в воюющих, так и в нейтральных странах, война, империалистическая война двух групп гигантских хищников несла с собою полное истощение производительных сил. Разорение и обнищание дошло до того, что в самых передовых, цивилизованных и культурных странах, в течение не только десятилетий, но и столетий не знавших, что такое голод, война довела до голода в самом подлинном, в самом буквальном значении слова. Правда, в передовых странах, особенно в тех, в которых самый крупный капитализм давно приучил население к максимально возможному при этом способу хозяйственной организации, в таких передовых странах голод удалось правильно распределить, дольше оттянуть, сделать его менее острым, но от голода, от самого подлинного голода страдают, например, Германия и Австрия в течение долгого времени, не говоря уже о разбитых и порабощенных странах. Теперь мы едва ли можем открыть хоть один номер газеты, не натыкаясь на целый ряд известий из целого ряда передовых, культурных не только воюющих, но и нейтральных стран, вроде Швейцарии, вроде некоторых Скандинавских стран, без того, чтобы не встретить известий о голоде, о страшных бедствиях, обрушившихся на человечество в связи с войной.

Товарищи, для тех, кто наблюдал развитие европейского общества, уже давно было несомненно, что капитализм не сможет изжить себя мирно, что он ведет либо непосредственно к восстанию против ига капитала в широких массах, либо он ведет к тому же результату через гораздо более тяжелый, мучительный и кровавый путь войны.

Уже за много лет до войны социалисты всех стран указывали и торжественно заявляли на своих конгрессах, что война между передовыми странами будет не только величайшим преступлением, что эта война из-за дележа колоний, из-за дележа добычи капиталистов будет не только полным разрывом с приобретениями новейшей цивилизации и культуры, что она может повести и что она неминуемо поведет к подрыву самих условий существования человеческого общества. Потому что первый раз в истории самые могучие завоевания техники применяются в таком масштабе, так разрушительно и с такой энергией к массовому истреблению миллионов человеческих жизней. При таком обращении всех производительных средств на служение делу войны мы видим, что исполняется самое горькое предсказание, и что одичание, голод и полный упадок всяких производительных сил охватывают все большее и большее количество стран.

Мне вспоминается поэтому, как прав был один из великих основателей научного социализма, Энгельс, когда в 1887 году писал, что европейская война приведет не только к тому, что короны, как он выразился, дюжинами полетят с голов коронованных особ и некому будет поднимать эти короны, но что эта война поведет за собой неслыханное озверение, одичание и отсталость всей Европы, а вместе с тем война повлечет за собой либо господство рабочего класса, либо создание условий, делающих это господство необходимым [10]). Основатель марксизма выражался на этот раз с удвоенной осторожностью, ибо он ясно видел, что если история пойдет таким путем, то это приведет к краху капитализма, к расширению социализма, то более мучительного, более тяжкого перехода, более острой нужды и более крутого кризиса, подрывающего все производительные силы, нельзя будет себе и представить.

И вот мы видим теперь наглядно, что значат последствия затянувшейся на четвертый год империалистической бойни народов, когда чувствуется во всех, даже передовых странах, что война зашла в тупик, что из нее на почве капитализма выхода нет, что она поведет к мучительному разорению. И если нам, товарищи, если русской революции, — которая вовсе не особой заслугой русского пролетариата вызвана, а ходом общего шествия исторических событий, которыми этот пролетариат поставлен волей истории временно на первое место и стал на время авангардом

мировой революции, — если нам приходится переживать особенно тяжело, особенно остро для нас мучения голода, который обрушивается на нас все тяжелее и тяжелее, то мы должны твердо усвоить себе, что эти бедствия являются прежде всего и больше всего наследством этой проклятой империалистической бойни, которая во всех странах привела к неслыханным бедствиям и где эти бедствия только временно скрываются еще от масс и от осведомления громадного большинства народов.

Пока продолжается военный гнет, пока сохраняется еще война, пока она связана еще, с одной стороны, с надеждами на победу и на возможность выйти из этого кризиса путем победы одной из империалистических групп, а, с другой стороны, определяется бешенством военной цензуры и опьянением всего народа военным угаром, только это и скрывает от массы населения большинства стран, в какую пропасть они вваливаются, в какую пропасть они наполовину свалились. И нам теперь приходится особенно остро это чувствовать, потому что нигде, как в России, нет такого вопиющего противоречия между громадностью задач, поставленных себе восставшим пролетариатом, который понял, что нельзя победить войны, всемирной войны самых могучих империалистических гигантов всего света, нельзя победить без самой могучей, столь же охватывающей весь мир, пролетарской революции.

И когда нам ходом событий пришлось занять одно из выдающихся мест в этой революции и на долгое время, по крайней мере с октября 1917 года, остаться отрезанным отрядом, которому события не позволяют с достаточною быстротою придти на помощь другим отрядам международного социализма, — нам приходится теперь переживать в десять раз более тяжелое положение. Когда мы сделали все, что было в силах непосредственно восстающего пролетариата и поддерживающего его беднейшего крестьянства для свержения своего главного противника, для того, чтобы встать на страже социалистической революции, мы видим в то же время, как на каждом шагу гнет империалистических держав-хищников, окружающих Россию, и наследство войны пригнетает нас все больше и больше. Полностью эти последствия войны еще не сказались. Перед нами теперь, летом 1918 года, может быть, один из самых трудных, из самых тяжелых и самых критических переходов нашей революции, самый трудный переход не только с точки зрения международной, где мы неминуемо осуждены на политику отступлений, пока наш верный и единственный союзник, международный пролетариат, только готовится к восстанию, только назревает к нему, но не в состоянии еще выступить открыто и целостно, хотя все события Западной Европы, все бешеное озлобление последних битв на Западном фронте, весь кризис, который усиливается внутри воюющих стран, показывает,

что до восстания европейских рабочих недалеко, что, как бы оно ни оттягивалось, оно придет неминуемо.

Именно в таком положении приходится испытывать величайшие трудности внутри страны, вследствие которых больше всего возбуждает ряд колебаний мучительный продовольственный кризис, мучительнейший голод, который на нас надвинулся, который ставит перед нами задачу, требующую максимума напряжения сил, наибольшую организованность, и который в то же время не позволяет нам идти к решению этой задачи старыми способами. К решению этой задачи мы пойдем с тем классом, с которым мы шли против империалистической войны, с тем классом, с которым мы свергли и империалистическую монархию и империалистическую республиканскую русскую буржуазию, с тем классом, которому приходится выковывать свое оружие, развивать свои силы, создавать свою организацию в ходе растущих трудностей, растущих задач и размаха революции.

Перед нами сейчас стоит самая элементарная задача всего человеческого общежития — победить голод, уменьшить, по крайней мере, немедленно непосредственный мучительный голод, которым охвачены обе столицы и десятки уездов в земледельческой России. И приходится решать эту задачу в обстановке гражданской войны, самого бешеного, отчаянного сопротивления эксплуататоров всех рангов, всех мастей, всех цветов и ориентаций. Несомненно, при таком положении эти элементы политических партий, которые не могут порвать со старым и поверить в новое, оказываются в положении войны, использованной для одной цели: для цели восстановления эксплуататоров.

К этому вопросу, к этой связи голода с борьбой против эксплуататоров и против поднимающей голову контр-революции нас приглашает любое известие из любого конца России. Перед нами задача — необходимость победить голод или, по крайней мере, уменьшить тяжесть до нового урожая, отстоять хлебную монополию, отстоять право советского государства, отстоять право пролетарского государства. Все излишки хлеба мы должны собрать и добиться того, чтобы все запасы были свезены в те места, где нуждаются, и правильно распределены. Эта основная задача — сохранение человеческого общества, и в то же время неимоверный труд, который решается лишь одним путем: общим, усиленным повышением труда.

В тех же странах, где задача эта решается путем войны, она решается путем военного рабства, введением военного рабства для рабочих и крестьян, решается путем предоставления новых усиленных выгод для эксплуататоров. Вы не найдете, например, в Германии, где общественность задавлена, где подавляется всякая попытка протеста против войны, но где все-таки осталась социалистическая вражда к войне, вы не найдете там более

обычного приема сохранения положения, как быстрого вырастания новых миллионеров, нажившихся на войне. Эти новые миллионеры отчаянно и бешено нажились.

Голод масс служит теперь во всех империалистических странах лучшим полем для развития самой бешеной спекуляции, для наживы неслыханных богатств на нужде и голоде.

Империалистические страны это поощряют, как, например, в Германии, где лучше всего организован голод. И недаром говорят, что там центр организованного голода, лучше всего пайки и корки хлеба распределены между населением. Мы видим, там новые элементы миллионеров становятся бытовым явлением империалистического государства, иначе они не могут бороться с голодом. Они дают наживу вдвое, втрое, вчетверо тому, у кого хлеба много и кто умеет спекулировать и превращать организацию, нормировку, регулировку, распределение в спекуляцию. Идти по этому пути мы не желаем, кто бы нас на этот путь ни толкал сознательно или бессознательно. Мы скажем: мы стояли и будем стоять рука об руку с тем классом, с которым мы выступали против войны, вместе с которым свергали буржуазию и вместе с ним переживаем все тяжести настоящего кризиса. Мы должны стоять за хлебную монополию до конца, но не так, чтобы узаконять капиталистическую спекуляцию в крупных или мелких размерах, а чтобы бороться с сознательным мародерством.

И здесь мы видим большие трудности, более тяжелые опасности борьбы, чем когда перед нами стоял вооруженный до зубов против народа царизм или вооруженная до зубов русская буржуазия, которая не считала преступлением проливать кровь тысяч и сотен тысяч русских рабочих и крестьян в июньском наступлении прошлого года, с тайными договорами в кармане, с участием в дележе добычи, и которая считает преступлением войну трудящихся против угнетателей, единственную справедливую, священную войну, о которой мы говорили в самом начале империалистической бойни и которую теперь неизбежно все события на каждом шагу связывают с голодом.

Мы знаем, как в самом начале царское самодержавие установило твердые цены и эти цены на хлеб повысило. Еще бы! Оно оставалось верным своим союзникам — хлебным торговцам, спекулянтам, банковским воротилам, которые наживали на этом миллионы.

Мы знаем, как соглашатели из кадетской партии, вместе с эсерами и меньшевиками, и Керенский вводили хлебную монополию, так как вся Европа говорила, что без монополизации удержаться дольше нельзя, и как тот же Керенский в августе 1917 года обходил тогдашний демократический закон. На то и существуют демократические законы и ловко толкуемые режимы, чтобы их обходить. И мы знаем, как тот же Керенский в августе

эти цены удвоил, и тогда социалисты всех цветов против этой меры протестовали и возмущались этим фактом. Тогда не было ни одного органа печати, который не возмущался бы этим поведением Керенского и который не разоблачал бы, что тут за спиной министров-республиканцев, кабинета меньшевиков и эсеров, были проделки спекулянтов, что им уступили, повысив хлебные цены вдвое, что ничего больше, кроме как уступки спекулянтам, тут не было. Мы знаем эту историю.

Мы сравниваем теперь, как шло дело с хлебной монополией и борьбы с голодом в капиталистических странах Европы, как шло оно у нас. Мы видим, как пользуются этим теперь контрреволюционеры. Мы должны из этого урока сделать себе твердые и непреклонные выводы. Да, ход событий привел к тому, что кризис, дошедший до мучительного голода, повел только к еще большему обострению гражданской войны, повел только к разоблачению таких партий, как партии правых эсеров и меньшевиков, отличающихся от открытой капиталистической партии кадетов тем, что кадетская партия — партия прямых черносотенцев. Кадетам нечего говорить и не нужно обращаться к народу, им не нужно прикрывать своих целей, а этим партиям, которые с Керенским соглашались и делили власть и тайные договоры, им нужно к народу обращаться. И им приходится поэтому время от времени, вопреки их желанию и их плану, разоблачать себя.

Когда мы видим, как на почве голода вспыхивают, с одной стороны, восстания и бунты измученных голодом людей, а с другой — бежит огоньком с одного конца России на другой полоса контр-революционных восстаний, заведомо питаемых и денежками англо-французских империалистов, и усилиями правых эсеров и меньшевиков, тогда мы говорим себе: картина ясна, пускай кто хочет продолжает мечтать о каких-то единых фронтах.

Мы видим теперь особенно наглядно, что даже после поражения русской буржуазии в открытом военном столкновении, после того как с октября 1917 года и до февраля и марта 1918 года все открытые стычки революционных и контр-революционных сил показали контр-революционерам, даже главарям донских казаков, на которых больше всего рассчитывали, что их дело потеряно, потому что большинство народа везде против них. И всякая новая попытка, даже в местностях самых патриархальных, со слоем земледельцев самых зажиточных, наиболее сословно замкнутых, как казаки, — везде, без исключения, приводила только к тому, что новые слои угнетенных трудящихся оказались против них не на словах, а на деле.

Уроки гражданской войны с октября по март показали, что трудящиеся массы российского рабочего класса и живущие трудом, не эксплуатирующие труда крестьяне, что они поголовно во всех концах России в гигантском большинстве стоят за Со-

ветскую власть. Но кто думал, что мы вышли на дорогу более органического развития, — должен был убедиться в своей ошибке.

Буржуазия увидала себя побежденной. Она не в силах и недостаточно встала в жизнь, и не помогут ей другие силы. И тут начинается раскол российской мелкой буржуазии: одни тянут к немцам, другие — к англо-французской ориентации, и оба направления сходятся в том, что голодная ориентация их объединяет.

Чтобы показать вам, товарищи, наглядно, как не наша партия, а ее враги и враги Советской власти объединяют спор между немецким ориентированием и англо-французским ориентированием на одной программе: вследствие голода свергнуть Советскую власть, — чтобы вам показать, как это происходит, я позволю себе вкратце процитировать отчет о последнем совещании меньшевиков [11]). Этот отчет был помещен в газете «Жизнь» [12]).

Из этого отчета, помещенного в газете «Жизнь» в 26-м номере, мы узнаем, как докладчик по вопросу об экономической политике Череванин, критикуя политику Советской власти, предлагал компромиссное решение вопроса, а именно привлечение, в качестве практических деятелей, представителей торгового капитала на особо выгодных для них комиссионных началах. Мы узнаем из этого же отчета, как присутствующий на заседании председатель северной продовольственной управы Громан, пользуясь, как сказано там, огромным запасом личных наблюдений и опытом всяческих наблюдений, — я добавляю от себя, только в буржуазных кругах, — делал такие выводы: «надо», он говорил, «два средства применить: первое — нынешние цены должны быть повышены, второе — должна быть назначена особая премия за срочную доставку хлеба» и т. д. (Голос: «Почему же это плохо?) Да, придется услыхать, как это плохо, хотя оратор, и не получивший слова, но пользующийся им из этого угла, думает вас убедить в том, что ничего плохого нет; но он, должно быть, забыл ход меньшевистской конференции. В этой же газете «Жизнь» говорится, что после Громана выступал с такой точкой зрения делегат Колокольников: «Нам предлагают принимать участие в большевистских продовольственных организациях». Неправда ли, как это плохо, вот что придется сказать, вспоминая вмешательство предыдущего оратора. И если тот же самый, не желающий угомониться и не имеющий слова, но пользующийся им оратор кричит, что это ложь, ибо никогда Колокольников этого не говорил, то я, принимая это к сведению, предлагаю вам членораздельно и во всеуслышание повторить это опровержение. Позволю напомнить вам ту резолюцию конференции, которую предлагал там небезызвестный Мартов и которая по вопросу о советской власти другими словами и другими оборотами говорит буквально то же самое. Да, как бы над этим вы

ни смеялись, но это остается фактом, — представители меньшевиков, в связи с продовольственным отчетом советскую власть называют не пролетарской, а негодной организацией.

В такой момент, когда восстание контр-революционеров в связи с голодом и в использование голода стало на очередь дня, тут никакие опровержения и никакие хитросплетения не помогут, а факт остается налицо. Перед нами политика в указанном вопросе, прекрасно развитая и Череваниным, и Громаном, и Кольниковым. Перед нами оживление гражданской войны, перед нами поднимающая голову контр-революция, и я уверен, что девяносто девять сотых русских рабочих и крестьян сделали свой вывод из этих событий, — не всем еще известно об этом, — делают и сделают, и что этот вывод будет именно таков, что, только разбивая на-голову контр-революцию, что, только продолжая политику социалистическую в вопросе о голоде, в борьбе с голодом мы победим и голод и контр-революционеров, пользующихся этим голодом.

Товарищи, мы теперь как раз подходим к тому времени, когда Советская власть после долгой и тяжелой борьбы с тяжелыми и крупными контр-революционными противниками победила их в ходе открытых схваток и, победив и военное сопротивление эксплуататоров, и саботажническое сопротивление всех, — взялась вплотную за работу организационную. Вся трудная борьба с голодом, вся эта гигантская задача тем и объясняется, что мы здесь вплотную подошли непосредственно к задаче организационной.

Победа в восстании неизмеримо легче. Победа над сопротивляющейся контр-революцией в миллион раз легче победы над задачей организационной, особенно там, где мы решили задачу, в которой и восставший пролетарий и мелкий собственник, широкие слои мелкой буржуазии могли идти в значительной степени вместе, в которой много еще было элементов общедемократических, общетрудовых. Мы подошли теперь от этой задачи к другой. Мучительный голод нас силой подвел к задаче чисто коммунистической. Тут мы столкнулись лицом к лицу с осуществлением задачи революционно-социалистической, здесь встали перед нами необычайные трудности.

Мы этих трудностей не боимся, мы их знали, мы никогда не говорили, что легко перейти от капитализма к социализму. Это целая эпоха ожесточеннейшей гражданской войны, мучительные шаги, когда к одному отряду восставшего пролетариата одной страны подойдет пролетариат другой страны исправлять совместными усилиями ошибки. Здесь перед нами задачи организационные, захватывающие продукты всеобщего потребления, захватывающие самые глубокие корни спекуляции, захватывающие верхушки буржуазного мира и верхушки капиталистической эксплуатации, которые снять не легко одним массовым напором,

Здесь перед нами мелкие и глубоко по всем странам рассыпанные корни и корешки этой буржуазной эксплуатации в лице мелких собственников, в лице всего этого уклада жизни, привычек и настроений мелко-собственнических и мелко-хозяйских, когда перед нами встает мелкий спекулянт, непривычка к новому строю жизни, неверие в него, отчаяние.

Ибо это факт, что очень многие представители трудящихся масс поддались отчаянию при ощущении необыкновенных трудностей, поставленных перед нами революцией. Мы этого не боимся. Не бывало ни разу нигде, ни в одной революции, чтобы известными слоями не овладевало отчаяние.

Если масса выделяет известный авангард дисциплины, если авангард знает, что эта диктатура, что эта твердая власть поможет привлечь всю бедноту, — это долгий процесс, трудная борьба — это есть начало социалистической революции в ее полном смысле. Когда мы видим, что объединенные рабочие, масса бедноты идут против богатеев, спекулянтов, против массы людей, которым бессознательная или сознательная масса интеллигентов повторяет спекулянтские лозунги, как вот Череванины и Громаны. Когда рабочие, сбитые с толку, говорят о свободной продаже хлеба, о ввозе грузового транспорта, — мы отвечаем, что это значит пойти на выручку кулакам! По этому пути мы идти не будем. Мы говорим: мы будем опираться на трудовой элемент, с которым мы одержали октябрьскую победу, и только со своим классом, только введением пролетарской дисциплины среди всех слоев трудового народа, — стоящую перед нами историческую задачу, — мы решим.

Нам приходится переживать гигантские трудности, собрать все излишки и запасы, правильно распределить и правильно организовать подвоз на десятки миллионов людей, поставить абсолютно регулярную работу, чтобы работа шла, как часы, победить разруху, поддерживаемую спекулянтами и неуверенными, сеющими панику. Эту задачу организации способны провести лишь сознательные рабочие, стоящие лицом к лицу с практическими затруднениями. На эту задачу стоит отдать все силы и принять решительный и последний бой. И в этом бою мы победим.

Товарищи, последние декреты [13]) о мероприятиях Советской власти показывают нам, что путь пролетарской диктатуры для каждого социалиста, не в насмешку называющего себя социалистом, ясно и бесспорно — путь тяжелых испытаний.

Самый коренной вопрос жизни, о хлебе, поставили последние декреты. Они все имеют три руководящие идеи: идею централизации, либо объединения всех вместе в одну общую работу под руководством центра, либо показать себя серьезными и победить всякое уныние, отбросить отдельные услуги всяких мешечников, слить все пролетарские силы, ибо в вопросе о

борьбе с голодом мы опираемся на те же угнетенные классы и видим выход только в их энергичной борьбе против эксплуататоров, в объединении всей их деятельности.

Да, нам указывают, как на каждом шагу рушится хлебная монополия посредством мешечничества и спекуляции. Все чаще приходится слышать от интеллигенции: но ведь мешечники оказывают им услугу, и они все ими кормятся. Да, но мешечники кормят по-кулацки, они действуют именно так, как нужно действовать, чтобы укрепить, установить и увековечить власть кулака, чтобы тот, кто имеет власть, своей прибылью распространял ее на окружающих через отдельных лиц. А мы утверждаем, что, если бы силы тех лиц, которые в настоящее время повинны большей частью только в неверии, если бы их силы соединились, борьба была бы значительно легче. Если где-нибудь существовал такой революционер, который надеялся бы без затруднения перейти к социалистическому строю, то мы могли бы сказать, что такой революционер, такой социалист не стоит ломаного гроша.

А мы знаем, что переход от капитализма к социализму есть в высшей степени трудная борьба. Но мы готовы перенести тысячи затруднений и совершить тысячи попыток, и после тысячи попыток мы приступим к тысяча первой. Мы привлекаем теперь все советские организации к новой творческой жизни, к подъему новых сил. Мы рассчитываем победить новые трудности привлечением новых слоев, организацией деревенской бедноты, и здесь я подхожу ко второй основной задаче.

Я сказал, что первая наша мысль, это проводимая во всех декретах мысль о централизации. Только собрав весь хлеб в общие мешки, мы можем победить голод, и все равно хлеба будет только в обрез. Прежнего избытка в России не осталось, и надо, чтобы коммунизм проник глубоко в сознание каждого, чтобы все относились к излишку хлеба, как к народному достоянию, проникались сознанием интересов трудящихся. А для того чтобы это было достигнуто, необходим только тот способ, который предлагается Советскою властью.

Когда нам говорят о других способах, мы отвечаем, как сделали мы это в заседании Ц.И.К. *), когда нам говорили о других путях, мы ответили: идите к Скоропадскому! Учите их такими методами, как повышение хлебных цен, как блок с кулаками, — там вы встретите уши, желающие вас слышать. А Советская власть скажет одно: трудности неизмеримы, на каждую трудность отвечайте новыми и новыми усилиями организации и дисциплины. Такие трудности не преодолеваются в месяц. В истории народов бывали десятилетия, посвященные преодолению

*) См. настоящий том, стр. 1—16. *Ред.*

меньших трудностей, и эти десятилетия вошли в историю, как самые великие и самые плодотворные десятилетия. Никогда неудачами первого полугодия и первого года величайшей революции вы не посеете в нас уныния. Мы будем продолжать наш старый лозунг централизации, объединения, пролетарской дисциплины в обще-российском масштабе.

Когда нам будут указывать, как указывает Громан в своем докладе: «ваши отряды, которые идут собирать хлеб, они спиваются и сами превращаются в самогонщиков, в грабителей» — мы скажем, мы прекрасно знаем, как часто это бывает, в таких случаях мы это не прикрываем, не прикрашиваем, не отмахиваемся от этого якобы-левыми фразами и намерениями. Да, рабочий класс китайской стеной не отделен от старого буржуазного общества. И, когда наступает революция, дело не происходит так, как со смертью отдельного лица, когда умерший выносится вон. А когда гибнет старое общество, труп буржуазного общества нельзя заколотить в гроб и положить в могилу. Он разлагается в нашей среде, этот труп гниет и заражает нас самих.

Иначе, на свете не было ни одной великой революции и не может быть. Именно то, с чем мы должны бороться за сохранение и развитие ростков нового в атмосфере, пропитанной миазмами разлагающегося трупа, та литературная и политическая обстановка, та игра политических партий, которые, от кадет до меньшевиков, этими миазмами разлагающегося трупа пропитаны, все это они собираются бросать нам как палки под колеса. Иначе социалистическую революцию никогда родить нельзя, и иначе, как в обстановке разлагающегося капитализма и мучительной борьбы с ним, ни одна страна от капитализма к социализму не перейдет. И поэтому мы говорим: наш первый лозунг — централизация, наш второй лозунг — объединение рабочих. Рабочие, объединяйтесь и объединяйтесь! Это старо, это не кажется эффектным, новым, это не обещает тех шарлатанских успехов, которыми манят вас люди, как Керенский, который удвоил цены в августе 1917 года, как их удвоили и удесятерили германские буржуа, люди, которые вам обещают немедленные и непосредственные успехи, вот только окажите еще новые и новые поблажки кулакам. Конечно, на этот путь мы не пойдем, а говорим: наше второе средство, оно старое, но в то же время вечное средство: объединяйтесь!

Мы в трудном положении: Советская Республика переживает, может быть, один из тяжелых своих периодов. Новые слои рабочих придут к нам на помощь. У нас нет полиции, у нас не будет особой военной касты, у нас нет иного аппарата, кроме сознательного объединения рабочих. Они выведут Россию из отчаянного и гигантски трудного положения. Объединение рабочих, организация рабочих отрядов, организация голодных из

неземледельческих голодных уездов, — их мы зовем на помощь, к ним обращается наш комиссариат продовольствия, им мы говорим: в крестовый поход за хлебом, крестовый поход против спекулянтов, против кулаков, для восстановления порядка.

Крестовый поход, это был такой поход, когда к физической силе прибавлялась вера в то, что сотни лет тому назад пытками заставляли людей считать святым. А мы хотим и думаем, и мы убеждены, и мы знаем, что Октябрьская революция сделала то, что передовые рабочие и передовые крестьяне из беднейшего крестьянства считают теперь святым сохранение своей власти над помещиками и над капиталистами. Они знают, что недостаточно физической силы для воздействия на массы населения; мы строим диктатуру, мы строим насилие по отношению к эксплуататорам, и всякого, кто этого не понимает, мы с презрением отбрасываем от себя, чтобы не тратить слов на то, чтобы разговаривать о форме социализма.

Но мы говорим: перед нами новая историческая задача. Нам нужно дать понять этому новому историческому классу, что нам нужны отряды агитаторов из рабочих. Нам нужны рабочие из различных уездов непроизводящих губерний. Нам нужно, чтобы они шли оттуда, как сознательные проповедники Советской власти, и чтобы нашу продовольственную войну, нашу войну с кулаками, нашу войну с беспорядками они освящали, они узаконяли и делали возможным проведение социалистической пропаганды, чтобы они несли в деревню то различие между беднотой и богатыми, которое каждому крестьянину понятно; и которое составляет глубочайший источник нашей силы, источник, который поднять и заставить бить, бить полной струей вещь трудная, потому что мы имеем эксплуататоров многочисленных, мы имеем подчинение себе этими эксплуататорами массы приемами разнообразнейшими, начиная с подкупа бедноты, чтобы они, представители бедноты, нажились на самогонке или продали путем спекуляции, нажив на рубль по нескольку рублей. Вот какими средствами действуют кулаки и буржуазия в деревне на массы!

Бедноту мы не можем обвинять в этом, потому что знаем, что десятилетия, тысячелетия она была в рабстве, что она испытывала и крепостное право и была при тех порядках, которые оставила Россия послекрепостного права. Мы должны идти к ней не только с оружием, направленным против кулаков, но и с проповедью сознательных рабочих, которые свою силу организации понесли бы туда. Объединяйтесь, представители бедноты,— вот наш третий лозунг. Это не заигрывание с кулаками и не нелепая мера повышения цен. Если мы удвоим цены, они скажут: нам повышают цены, проголодались, подождем, еще повысят.

Это — дорога торная, дорога угождения кулакам и спеку-

лянтам, на нее легко стать и нарисовать заманчивую картину. Интеллигенция, называющая себя социалистами, готова малевать нам такие картины, а этой интеллигенцией хоть пруд пруди. А мы вам говорим: кто хочет идти за Советскою властью, кто ценит ее и считает ее властью трудящихся, властью эксплуатируемого класса, того мы зовем на другой путь. Эта новая историческая задача — вещь трудная. Разрешить ее — значит поднять новый слой, дать новую форму организации тем представителям трудящихся и эксплуатируемых, которые в большинстве забиты, темны и которые меньше всего объединены и которым предстоит еще объединиться.

Во всем мире передовые отряды рабочих городских, рабочих промышленных объединились, объединились поголовно. Но почти нигде в мире не было еще систематических, беззаветных и самоотверженных попыток объединить тех, кто по деревням, в мелком земледельческом производстве, в глуши и темноте отуплен всеми условиями жизни. Тут стоит перед нами задача, которая сливает в одну цель не только борьбу с голодом, а борьбу и за весь глубокий и важный строй социализма. Здесь перед нами такой бой за социализм, за который стоит отдать все силы и поставить все на карту, потому что это — бой за социализм.

Будем смотреть на трудящихся, как на своих сторонников на этом пути. На нем нас ждут прочные завоевания, и не только прочные, но и неотъемлемые. Вот третий знаменательный наш лозунг!

Вот эти три основных лозунга: централизация продовольственного дела, объединение пролетариата, организация деревенской бедноты. И наше обращение, обращение нашего комиссариата продовольствия к каждому профессиональному союзу, к каждому заводскому комитету говорит: вам тяжело, товарищи, так помогайте нам, соединяйте с нашими ваши усилия, преследуйте каждое нарушение порядка, каждое отступление от хлебной монополии. Это трудная задача; но вместе с тем еще и еще раз, в сотый и тысячный раз, выступайте против мешечничества, спекуляции и кулачества, и мы победим, потому что большинство рабочих всем ходом своей жизни и всеми тяжелыми уроками наших продовольственных неудач и продовольственных испытаний приводится к этому пути. Они знают, что если в то время, пока в России еще не было абсолютного недостатка хлеба, — если тогда недочеты продовольственных организаций выкупались посредством изолированных индивидуальных действий, то этого дальше не будет. Только общие усилия, только объединение всех, кто больше всего страдает в голодных городах и губерниях, нам поможет, и это — тот путь, на который вас зовет Советская власть: объединение рабочих, их передовых отрядов для агитации на местах, для войны за хлеб против кулаков,

Недалеко от Москвы, в губерниях, лежащих рядом: в Курской, Орловской, Тамбовской, мы имеем, по расчету осторожных специалистов, еще теперь до 10 миллионов пудов избытка хлеба. Мы далеко не в состоянии эти избытки собрать в государственные запасы и соединить.

Давайте браться за это дело с большими усилиями. Пусть на каждом заводе, где временно берет верх отчаяние, где люди готовы от мучений голода метаться и бросаться на встречу шарлатанским лозунгам людей, которые ворочают назад к приемам Керенского, к повышению твердых цен, пусть идет сознательный рабочий и говорит: мы видим людей, которые отчаялись в Советской власти, — идите в наш отряд боевых агитаторов, не смущайтесь тем, что так много примеров, когда эти отряды распадались и спивались. Каждым таким примером мы будем доказывать не то, что рабочий класс не годен, а то, что рабочий класс не избавился пока от недостатков старого грабительского общества и избавится от них не сразу. Давайте соединим наши усилия, создадим десятки отрядов, соединим действия их и разорвем с этими недостатками. Товарищи, позвольте мне в заключение указать вам несколько телеграмм, которые получаются как Советом Народных Комиссаров, так и, в особенности, нашим Комиссариатом продовольствия.

Товарищи, в связи с продовольственным кризисом, в связи с мучением голода, который охватывает собой все города, нам приходится наблюдать, говоря словами поговорки: «хорошее слово лежит, а плохое бежит». Я хочу огласить документы, которые получены органами и учреждениями Советской власти после издания декрета 13 мая о продовольственной диктатуре, в котором говорится, что мы рассчитываем на то же, на что и прежде — только на пролетариат. Телеграммы дают указания на то, что на местах уже вступили на тот путь крестового похода против кулачества, на путь организации деревенской бедноты, на который мы призываем. Доказательством этого являются телеграммы, полученные нами.

Пусть трубят во все трубы, пусть сеют панику с Череванино-Громановской колокольни голоса, призывающие к уничтожению и снесению Советской власти! Кто занят работой, этим сеянием паники будет меньше всего обеспокоен: он будет останавливаться на фактах, будет видеть, что работа идет и что новые ряды объединяются, что такие ряды есть.

Образовывается новая форма борьбы против кулаков, форма союза бедноты, которой нужно помочь, которую нужно объединить. Мы должны помочь, когда предлагают нам премии за подвоз хлеба. Бедноте мы согласны дать эту премию, и мы на это уже пошли. К кулакам, преступникам, мучающим население голодом, из-за которых страдают десятки миллионов, к ним мы при-

меняем насилие. Деревенской бедноте даем всякие премии, она имеет право на это. Крестьянская беднота впервые получила доступ к благам жизни, и мы видим, что жизнь скуднее у них, чем у рабочих. Этой деревенской бедноте мы дадим всяческие премии, мы поможем, если они нам помогут организовать сыпку хлеба, получение хлеба от кулаков, и, чтобы стало это в России реальностью, мы не должны жалеть никаких средств.

Мы на этот путь уже вступили. Всякий опыт сознательных рабочих и новые отряды будут развивать его все дальше и дальше.

Товарищи, работа пошла и работа идет. Мы не ждем головокружительного успеха, но успех будет. Мы знаем, что вступаем теперь в период новых разрушений, в полосу самых трудных, самых тяжелых периодов революции. Нас нисколько не удивляет, что контр-революция поднимает голову, увеличивается сплошь и рядом число колеблющихся, число отчаявшихся в наших рядах. Мы скажем: бросьте колебаться, проститесь с вашим настроением отчаяния, которое хочет использовать буржуазия, ибо в ее интересах сеять панику, беритесь за работу, мы стоим с нашими продовольственными декретами, с планом, опирающимся на бедноту, на единственно верном пути. Перед новыми историческими задачами мы призываем вас еще и еще к новому подъему. Эта задача неизмеримой трудности, но повторяю еще раз, необычайно благодарная задача. Мы здесь боремся за основу коммунистического распределения, за действительное создание прочных устоев коммунистического общества. За работу все вместе. Мы победим голод и отвоюем социализм.

2.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ 4 ИЮНЯ 1918 Г.

Товарищи, речи фракционных ораторов показали, на мой взгляд, то, что и следовало ожидать.

Несмотря на различие, существующее между большевиками и некоторыми партиями и группами, мы убедились, что громадный подъем в массах сплачивает в борьбе с голодом и сплачивает не только большевистские организации. И мы не сомневаемся, что, чем дальше пойдет борьба с голодом и чем дальше обнаружит себя прячущаяся за спину чехо-словацких и других банд контрреволюция, тем сильнее пойдет размежевание сторонников большевиков, трудовых рабочих и крестьянских масс, и тех врагов, как бы они ни назывались, с доводами которых мы спорим. Враги эти по-прежнему приводят те же старые, избитые доводы о Брестском мире и о гражданской войне, точно за три месяца, которые прошли со времени Брестского мира, события не показали убедительно правоту тех, которые говорили, что только тактика коммунистов даст народу мир и освободит его для работы по организации и сплочению, для подготовки новых и великих войн, имеющих наступить уже в другой обстановке. События показывают полностью, что европейский пролетариат, который тогда еще не мог пойти на помощь, с каждым месяцем, без преувеличения можно сказать теперь, с каждым месяцем подходит к тому положению, когда восстание сознается вполне, и станет неизбежным. События показали вполне, что был лишь один выбор, который называется насильническим, грабительским миром.

Всякий думающий чувствовал, что на III съезде Советов правые эсеры внесли контр-революционную резолюцию; всякий думающий должен чувствовать то же о резолюции меньшевиков, до сих пор кричащих: долой Брестский мир, и делающих вид, что как будто бы не знают на практике, что этим самым они хотят втянуть нас в войну с германской буржуазией посредством чехо-словацких бунтарей и наемных агентов для втягивания нас в эту войну.

Не стоит останавливаться на обвинениях против коммунистов, будто они виноваты в голоде. Точно также было и в Октябрьскую революцию. Не сошедший с ума социалист или анархист, как угодно называйте, не может решиться сказать перед

любым собранием, что можно придти к социализму без гражданской войны.

Вы можете пересмотреть всю литературу всех сколько-нибудь ответственных социалистических партий, фракций и групп, и вы не найдете ни у одного ответственного и серьезного социалиста такой нелепости, что когда-нибудь социализм может наступить иначе, как через гражданскую войну, и что помещики и капиталисты добровольно будут уступать свои привилегии. Это — наивность, граничащая с глупостью. И теперь, после ряда поражений буржуазии и ее сторонников, нам приходится слышать такие признания, как, например, Богаевского, имевшего на Дону лучшую в России почву для контр-революции, который также признал, что большинство народа против них,— а потому никакие подкопы буржуазии без иностранных штыков им не помогут. А здесь на большевиков обрушиваются за гражданскую войну. Это значит переходить на сторону контр-революционной буржуазии, какими-бы лозунгами при этом ни прикрывались.

Как до революции, так и теперь мы указываем, что, когда международный капитал бросает в порядок истории войну, когда гибнут сотни тысяч людей, когда война пересоздает нравы и приучает людей решать вопросы военной силой, в это время думать, что можно выйти из войны иначе, как превратив ее в гражданскую войну, — более чем странно. И то, что назревает в Австрии, и в Италии, и в Германии, показывает, что гражданская война произойдет там в еще более резких чертах, будет еще более острой. Иного пути для социализма нет. Кто ведет войну против социализма, тот изменяет социализму полностью.

Что касается продовольственных мероприятий, то мне указывали, что я не остановился подробно на этих мероприятиях. Но это вовсе не входило в мою задачу. Продовольственный доклад делали мои товарищи [14]), которые специально работали над этим вопросом и работали не месяцы, а годы, изучая его не только в канцеляриях Питера и Москвы, но и на местах и практически занимались изучением вопроса, как ссыпать хлеб, как оборудовать ссыпные пункты и т. д. Эти доклады были в В.Ц.И.К. и в Московском Совете и там имеются материалы по этому вопросу. Что же касается деловой критики и практических указаний, то они не входили в мою задачу. Моя задача была обрисовать принципиально задачу, которая перед нами стоит, и я не слыхал здесь сколько-нибудь заслуживающей внимания критики, или разумного замечания, которые заслуживали принципиальной оценки. Я скажу в заключение, товарищи, что по моему убеждению, я уверен, что это будет убеждением громадного большинства, ибо задача нашего собрания не в том, чтобы принять определенную резолюцию, хотя и это, конечно, важно, так как

покажет, как пролетариат умеет сплотить свои силы, но этого мало, этого бесконечно мало: нам сейчас приходится решать практические задачи.

Мы знаем, особенно товарищи-рабочие знают, как на каждом шагу практической жизни, на каждом заводе, на каждом собрании, на каждом случайном сборище на улице выставляется все тот же и более остро ставится вопрос о голоде. И поэтому наша главная задача должна быть в том, чтобы и это собрание, где мы собрались вместе с представителями В.Ц.И.К., Московского Совета и профессиональных союзов, — чтобы и оно послужило исходным пунктом для переворота во всей нашей практической работе. Все остальное целиком надо подчинить тому, чтобы наша пропаганда, агитация, органическая работа были успешны, чтобы на первый план целиком был поставлен вопрос о борьбе с голодом, целиком был объединен с вопросом о пролетарской и беспощадно твердой войне с кулаками и спекулянтами.

Наш комиссариат продовольствия уже обратился к фабрично-заводским комитетам, профессиональным союзам и тем крупным пролетарским центрам, в которых приходится нам непосредственно действовать, к тем тесным и многочисленным связям, объединяющим московских рабочих с сотнями тысяч организованных фабрично-заводских рабочих всех громадных промышленных районов.

Тем больше мы должны это использовать.

Положение критическое. Голод не только угрожает, он пришел. Надо, чтобы каждый рабочий, каждый партийный работник сейчас же практически поставил своей задачей переменить основное направление своей деятельности.

Все на заводы, все к массам, все должны практически взяться за работу сейчас! Она нам даст массу практических указаний, гораздо более богатых приемами, и вместе с тем она наметит и выдвинет новые силы. С этими новыми силами мы широко развернем работу, и мы твердо убеждены, что те три месяца, о которых так справедливо говорил товарищ Троцкий, гораздо более трудны, чем предыдущие, послужат к тому, что мы свои силы закалим, и они приведут нас к полной победе над голодом и облегчат проведение всех планов Советской власти.

3.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ДОКЛАДУ О БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ 4 ИЮНЯ 1918 Г. [15]).

Объединенное заседание обращает внимание всех рабочих и трудящихся крестьян на то, что наступивший во многих местностях страны голод требует от нас самых решительных и твердых мер борьбы с бедствием.

Враги советской власти, помещики, капиталисты, кулаки с их многочисленными прихвостнями, хотят воспользоваться бедствием для устройства волнений, для усиления разрухи и беспорядков, для свержения советской власти, для возврата старых порядков кабалы и рабства трудящихся, для восстановления власти помещиков и капиталистов, как это сделано на Украине.

Только крайнее напряжение всех сил рабочего класса и трудящегося крестьянства может спасти страну от голода и обеспечить завоевания революции от посягательств эксплуататорских классов.

Объединенное заседание признает безусловно и единственно правильной ту твердую политику в деле борьбы с голодом, которую повела советская власть.

Только железный революционный порядок во всех областях жизни, особенно в железнодорожном и водном транспорте, только железная дисциплина рабочих, только их самоотверженная помощь отрядами агитаторов и воинов против буржуазии, против кулаков, только самостоятельная организация деревенской бедноты могут спасти страну и революцию.

К такой работе, дружной, объединенной, побеждающей разруху, беспорядок, разрозненные действия, настоятельно призывает объединенное заседание всех рабочих и крестьян.

РЕЧЬ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ УЧИТЕЛЕЙ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ 5 ИЮНЯ 1918 Г. [16]).

КРАТКАЯ ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ.

Ленин приветствует Съезд от имени Совета Народных Комиссаров и говорит, что учительство, которое раньше медленно переходило на работу с советской властью, теперь все больше убеждается в том, что эта совместная работа необходима. Подобные превращения из противников в сторонников советской власти очень многочисленны и в других слоях общества.

Учительская армия должна поставить себе гигантские просветительные задачи и прежде всего должна стать главной армией социалистического просвещения. Надо освободить жизнь, знание от подчинения капиталу, от ига буржуазии. Нельзя ограничить себя рамками узкой учительской деятельности. Учительство должно слиться со всей борющейся массой трудящихся. Задача новой педагогики — связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества.

Надо сказать, что главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником советской власти, и нет сомнения, что нелегко будет преодолеть создаваемые этим трудности. Процесс брожения в широкой учительской массе только начинается, и истинно народным учителям не следует замыкаться в рамки организации всероссийского учительского союза, а идти уверенно в массы с пропагандой. Этот путь приведет к совместной борьбе пролетариата и учительства за победу социализма.

Напечатано в июле 1918 г. в «Сборнике Всероссийского Союза Учителей-Интернационалистов» № 1. Москва.

Печатается по тексту сборника.

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В СОКОЛЬНИЧЕСКОМ КЛУБЕ 21 ИЮНЯ 1918 Г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Наша партия задалась целью устроить сегодня в Москве как можно большее количество митингов для того, чтобы обратить внимание рабочего класса на положение, в каком находится Советская власть, и какие усилия ей нужно произвести для победы над создавшимся положением.

Вы знаете, как за последние месяцы и даже недели подняла голову контр-революция. Правые эсеры и меньшевики обвиняют Советскую власть в том, что она предала и предает Россию германскому империализму.

Однако, мы хорошо видели, что происходило и происходит на Кавказе, где кавказские меньшевики заключили союз с турецким империализмом, и на Украине, где украинские правые эсеры заключили союз с германским империализмом. Мало того, товарищи, что там сведены на-нет все завоевания Советской власти, что там арестовывают и расстреливают рабочих, что там отняты все их завоевания, там они посадили Скоропадского. Все эти их мероприятия, конечно, не могут снискать им симпатий рабочего класса. Вот почему контр-революция в настоящий момент цепляется за усталость русского народа, за голод. Она делает последние попытки для свержения Советской власти.

Теперь они ухватились за чехо-словаков, которые, надо сказать, вовсе не идут против Советской власти. Против Советской власти идут не чехо-словаки, а их контр-революционный офицерский состав. Империализм, при помощи этого состава, стремится втянуть Россию в продолжающуюся мировую бойню.

И характерно то, что как только власть где-либо переходит в руки меньшевиков и правых эсеров, так сейчас же оказывается, что они хотят осчастливить нас каким-нибудь Скоропадским. И как только массы убеждаются куда привели их меньшевики и правые эсеры, последние остаются без поддержки масс.

*

Их оставляют. Тогда они в последней надежде прибегают к спекуляции на голоде, а когда и это не выходит, они не брезгают такими приемами, как убийство из-за угла.

Вы все знаете, что убит старый работник, расплачивавшийся за свои убеждения страданиями и лишениями, товарищ Володарский. Конечно, быть может им удастся убить и еще нескольких активных деятелей Советской власти, но это только укрепит ее в массах и подвинет нас на то, чтобы еще крепче держаться за наши завоевания.

В настоящее время два обстоятельства ставят Советскую Республику в особенно тяжелое положение: голод и международное состояние.

Положение международное тяжело потому, что империализм немецкий, французский и английский ждут момента, чтобы вновь и вновь броситься на Советскую Республику. Задачей нашей партии является свержение ига капитализма; это свержение может произойти только лишь при международной революции. Но, товарищи, вы должны сознать, что по заказу революции не делаются. Мы сознаем, что положение Российской Республики создалось такое, что русскому рабочему классу удалось первым свергнуть иго капитала и буржуазии, и мы сознаем, что удалось это не потому, что он более развит и идеален, а потому, что наша страна наиболее отсталая.

Капитализм окончательно будет свергнут тогда, когда в этом порыве соединятся, по крайней мере, несколько стран. И мы знаем, что во всех странах, несмотря на всю строгость цензуры, нам удалось добиться того, что на всех собраниях упоминание партии коммунистов и имени Российской Республики вызывает взрывы энтузиазма.

И пока там на Западе происходит мировая бойня, мы говорим, мы обеспечены. К каким бы последствиям ни привела война, она неизбежно вызовет революцию, которая явится и является нашим союзником.

Охарактеризовав тяжелое положение Советской России, окруженной врагами извне, подвергшейся натиску контр-революции изнутри, Ленин переходит к вопросу о голоде.

Наша революция вызывает содрогание империалистских классов, которые ясно сознают, что их существование зависит от того, удержится ли их капитал или нет, а потому мы должны остаться и идти рука об руку с тем классом, с которым мы производили завоевания октябрьской революции.

На борьбу с голодом мы идем с тем же классом.

Теперь на один, полтора или два месяца — самые трудные — нужно затратить все силы и всю энергию.

В жизни народов бывали моменты, когда государственная власть переходила к рабочему классу, но он ее не был в силах

удержать. Мы же можем это сделать, потому что у нас есть Советская власть, которая объединяет рабочий класс, взявшийся за свое дело.

Как ни тяжело наше положение, какие бы заговоры правые эсеры с чехо-словаками ни устраивали, мы знаем, что хлеб есть даже в губерниях, окружающих центр. И этот хлеб нужно взять, сохранив и укрепив союз рабочего класса с крестьянской беднотой.

Отряды красноармейцев уходят из центра с самыми лучшими стремлениями, но иногда, прибыв на места, они поддаются соблазну грабежа и пьянства. В этом виновата четырехлетняя бойня, которая на долгое время посадила в окопы людей и заставила их, озверев, избивать друг друга. Озверение это наблюдается во всех странах. Пройдут годы, пока люди перестанут быть зверями и примут человеческий образ.

Мы обращаемся к рабочим с призывом дать свои силы.

Когда я читаю сообщение, что в Усьманском уезде Тамбовской губернии продовольственный отряд из реквизированных 6 тысяч пудов хлеба 3 тысячи отдает беднейшему крестьянству, я говорю: если бы даже мне доказали, что до сего времени в России есть только один такой отряд, я все-таки сказал бы, что Советская власть свое дело делает. Ибо ни в одном государстве такого отряда нет!

Буржуазия хорошо сознает свои интересы и делает все возможное, чтобы их обеспечить. Она сознает, что если крестьяне впервые, после многих веков этой осенью получат плоды собственных трудов в виде жатвы и обеспечат трудящийся класс города, то рухнут все надежды буржуазии на реставрацию и укрепится Советская власть. Потому-то буржуазия сейчас и мечется во все стороны.

Необходимо напрячь все силы для борьбы с крестьянскими богатеями, спекулянтами и городской буржуазией.

Одно из самых больших зол нашей революции — это робость наших рабочих, которые убеждены до сих пор, что управлять государством могут только высшие... по части грабежа.

Но на каждой фабрике, на каждом заводе есть хорошие работники. Пусть они будут беспартийными, — вы их должны сковать и объединить, а государство сделает все возможное, чтобы обеспечить их трудную работу.

«Известия В.Ц.И.К.» №№ 127 (391) и 128 (392), 22 и 23 июня 1918 г.

ТЕЛЕГРАММА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ОТРЯДОВ.

В виду позднего времени для приезда на съезд делегата Комиссариата Продовольствия, прошу сообщить съезду следующее: члены съезда, стоящие за Советскую власть, должны помнить во-первых, что монополия на хлеб осуществляется одновременно с монополией на мануфактуру и прочие главнейшие продукты потребления, во-вторых, что требование отмены монополии хлеба есть политический шаг контр-революционных слоев, стремящихся вырвать из рук революционного пролетариата систему монопольного регулирования цен, как одно из важнейших средств постепенного перехода от капиталистического товарообмена к социалистическому продуктообмену. Разъясните съезду, что для борьбы с голодом отмена монополии не только бесцельна, но вредна, примером служит Украина, где Скоропадский отменил монополию на хлеб, и в результате, через несколько дней, спекуляция хлебом достигла таких неслыханных размеров, что украинский пролетариат голодает теперь сильнее, чем при монополии.

Укажите, что единственно-верным средством увеличения хлебных пайков является решение Совнаркома насильственно реквизировать хлеб у кулаков и отдавать его городской и деревенской бедноте. Для этого нужно, чтобы беднота скорее и решительнее вступала в ряды продовольственной армии, создаваемой Народным Комиссариатом Продовольствия.

Предложите съезду приступить немедленно к агитации рабочих зачисляться в продовольственную армию при Пензенском Совдепе, придерживаясь следующих правил: 1) каждая фабрика дает по одному человеку на каждые 25 рабочих; 2) запись изъявивших желание поступить в продовольственную армию производится фабрично-заводским комитетом, который составляет поименный список мобилизованных в двух экземплярах: один доставляется в Народный Комиссариат Продовольствия, а другой оставляется у себя; 3) при списке должно быть представлено руча-

тельство о каждом кандидате в его личной добросовестности и в революционной дисциплинированности со стороны фабрично-заводского комитета или профессиональной организации, или советского органа, или ответственных представителей советских учреждений. Выбор членов в продовольственную армию должен производиться с тем расчетом, чтобы ни одного пятнышка не оказалось потом на имени тех, кто пойдет в деревню бороться с кучкой хищников-кулаков во имя спасения многомиллионных трудящихся масс от голода.

Товарищи-рабочие, только при этом условии будет очевидно для всех, что реквизиция хлеба у кулаков не грабеж, а революционный долг перед рабоче-крестьянскими массами, борющимися за социализм!

4) Мобилизованные на каждой фабрике избирают из своей среды представителя, который выполняет все организационные шаги для фактического зачисления предложенных фабрикой кандидатов в члены продовольственной армии Народным Комиссариатом; 5) зачисленные в армию получают свое прежнее жалование, а также пищевое довольствие и обмундирование со дня фактического вступления в армию; 6) зачисленные в армию дают обязательство в беспрекословном выполнении инструкций, которые будут даваться Народным Комиссариатом Продовольствия при отправке отрядов на места, и подчиняются комиссарам этих отрядов. Я уверен, что если во главе реквизиционных продовольственных отрядов будут поставлены убежденные, преданные октябрьской революции социалисты, то они сумеют сорганизовать деревенские комитеты бедноты и совместно с ними смогут отобрать хлеб от кулаков даже без применения вооруженной силы.

27 июня 1918 года.

Напечатано в 1918 г. в журнале «Известия Народного Комиссариата Продовольствия» № 10-11.

Печатается по тексту журнала.

IV КОНФЕРЕНЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ МОСКВЫ [17]

27 июня — 2 июля 1918 г.

Напечатано в 1918 г. в книге: «Протоколы IV конференции фабрично-заводских комитетов и профсоюзов Москвы». Изд. В.Ц.С.П.С.

Печатается по тексту книги

ИЗДАНІЕ ВСЕРОССІЙСКАГО ЦЕНТРАЛЬНАГО СОВѢТА ПРОФЕССІОНАЛЬНЫХЪ СОЮЗОВЪ.

ПРОТОКОЛЫ.

4-ой конференціи фабрично-заводскихъ комитетовъ и профессіональныхъ союзовъ г. Москвы.

Цѣна 6 руб.

Москва — 1919.

Обложка брошюры: «Протоколы 4-ой конференции фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов г. Москвы» — 1919 г.

1.

ДОКЛАД О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ 27 ИЮНЯ 1918 Г.

Товарищи! Вы все, конечно, знаете, как надвинулось на нашу страну теперь величайшее бедствие—голод. Нам приходится прежде, чем перейти к вопросу о мерах борьбы с этим бедствием, которое как раз теперь обострилось всего более, нам приходится прежде всего поставить вопрос о том, чем в основных причинах вызвано это бедствие. Если мы ставим этот вопрос, то мы должны сказать себе и запомнить, что не только на Россию, но и на все, даже наиболее культурные, передовые, цивилизованные страны надвинулось теперь это бедствие.

В России в течение ряда последних десятилетий, в особенности теперь, в революцию, бывало не раз, что голод обрушивался на целые области нашей земледельческой страны, где разрознено и придавлено было гнетом царей, помещиков и капиталистов громадное большинство русского крестьянства. Но и в западно-европейских странах царит то же бедствие. Многие из этих стран не только в течение десятилетий, но и в течение столетий забыли уже о том, что такое голод, настолько высоко развилось в них земледелие, настолько обеспечены были громадным количеством привозного хлеба те из европейских стран, которым не хватало своего собственного хлеба. А теперь, в двадцатом веке, на-ряду с еще большим прогрессом техники, на-ряду с чудесами изобретений, на-ряду с громадным применением машин и электричества, новых двигателей внутреннего сгорания в земледелии, — на-ряду со всем этим мы, во всех без исключения европейских странах, видим теперь надвинувшееся на народы то же самое бедствие — голод. Как будто с цивилизацией, с культурой страны опять возвращаются к первобытному варварству, опять переживают такое положение, когда дичают нравы, звереют люди в борьбе за кусок хлеба. Чем вызван этот поворот к варварству в целом ряде европейских стран, в большинстве их? Мы все знаем, что вызвано это империалистической войной, войной, которая уже четыре года терзает человечество, которая

сто́ит народам уже больше, значительно больше десяти миллионов молодых жизней, войной, которая вызвана корыстными капиталистами, войной, которая ведется из-за того, кто, какой величайший хищник, английский или немецкий, будет господствовать над миром, приобретать колонии, душить малые народы.

Эта война, которая охватила почти весь земной шар, которая не меньше десяти миллионов жизней унесла, не считая миллионов изуродованных, искалеченных и больных, война, которая оторвала от производительного труда, кроме того, миллионы самых здоровых и самых лучших сил, — эта война привела к тому, что человечество стоит теперь в положении совершенного варварства. Исполнилось то, что предвидели, как самый худший, самый мучительный, самый тяжелый конец капитализма, многочисленные писатели социалистического направления, которые говорили: капиталистическое общество, основанное на захвате частной собственности, земли, фабрик, заводов и орудий кучкой капиталистов, монополистов, превратится в общество социалистическое, одно только имеющее возможность положить конец войне, ибо «цивилизованный», «культурный», капиталистический мир идет к неслыханному краху, который способен порвать и неминуемо порвет все основы культурной жизни. Не только в России, повторяю, но и в наиболее культурных передовых странах, как Германия, в которой производительность труда несравненно выше, которая с громадным избытком может снабжать мир техническими средствами и, еще свободно сносясь с далекими странами, может снабдить население пищевыми продуктами, мы видим голод, несравненно лучше организованный, растянутый на более долгое время, чем в России, но голод еще более тяжелый, еще более мучительный. Капитализм привел к такому тяжелому и мучительному краху, что теперь совершенно ясно для всех, что настоящая война не может окончиться без ряда наиболее тяжелых и наиболее кровавых революций, из которых русская революция была только первой, явилась только началом.

Вы слышите теперь известия о том, как, например, в Вене второй раз основывается Совет Рабочих Депутатов, второй раз охватывает трудящееся население почти всеобщая массовая стачка. Мы слышим, как в городах, бывших до сих пор образцами капиталистического порядка, культуры и цивилизации, вроде Берлина, становится опасно выходить в темное время на улицу потому, что, несмотря на самые свирепые меры преследования и самую строгую охрану, война и голод довели и там людей до состояния полной дикости, довели до такой анархии, до такого возмущения, что не только продажа, но прямой грабеж, прямая война из-за куска хлеба становится на очередь для всех культурных, цивилизованных государств.

Товарищи, если поэтому мы наблюдаем у себя теперь в на-

шей родине, какое мучительное, тяжелое положение создалось в связи с голодом, то мы должны разъяснить тем немногим, но все же имеющимся еще, совершенно слепым, темным людям основные и главные причины голода. Можно встретить еще людей у нас, которые рассуждают: при царе хлеб все-таки был, а революция пришла, и хлеба нет. И понятно, что, может быть, действительно, для каких-либо деревенских старух все развитие истории за последние десять лет к этому сводится, что прежде хлеб был, а теперь нет. Это понятно, потому что голод есть такое бедствие, которое все остальные вопросы сметает, отводит прочь и только его ставит во главу угла и подчиняет ему все прочее. Но понятно, что наша задача, задача сознательных рабочих в том, чтобы разъяснить наиболее широким массам, разъяснить поголовно всем представителям трудящихся масс и города, и деревни, в чем замечается основная причина голода, потому что, не разъяснив этого, мы не можем создать ни в себе, ни в представителях трудящихся масс правильного отношения, не можем создать правильного понимания вреда его, не можем создать твердой решимости и настроения, необходимого для того, чтобы с этим бедствием бороться. А если мы вспомним, что это бедствие создано империалистической войной, что теперь даже самые богатые страны испытывают неслыханный голод и неимоверно мучается громадное большинство трудящихся масс, если мы вспомним, что эта империалистическая война уже четыре года заставляет рабочих различных стран проливать кровь из-за выгод, из-за корысти капиталистов, если мы вспомним, что, чем дальше тянется эта война, тем меньше из нее выхода, тогда мы поймем, какие гигантские, неизмеримые силы должны быть приданы движению.

Война тянется уже скоро четыре года. Россия вышла из войны и, благодаря тому, что она вышла одна, она оказалась между двумя стаями империалистических хищников, из которых каждый рвет, душит и пользуется временной беззащитностью и безоруженостью России. Война тянется уже четыре года. Германские империалистические хищники одержали ряд побед и продолжают обманывать своих рабочих, часть которых подкуплена буржуазией, перешла на их сторону, повторяет гнусную кровавую ложь о защите отечества, так как на самом деле немецкие солдаты защищают корыстные грабительские интересы немецких капиталистов, которые обещают им, что Германия принесет мир, даст благосостояние, а мы видим на деле, что победы Германии, чем шире они становятся, тем больше обнаруживают ее безнадежное положение.

Германия хвалилась во время Брестского мира, когда заключала насильственный эксплуататорский, основанный на насилии, на угнетении народов, Брестский мир, германские капиталисты

хвалились, что они дадут хлеб и мир рабочим. А теперь понижают хлебный паек в Германии. Продовольственная кампания в богатой Украине оказалась по общему признанию крахом, а в Австрии дело доходило опять до голодных бунтов, до всенародного массового возмущения, потому что, чем дальше одерживает свои победы Германия, тем яснее становится для всех, даже для многих представителей из крупной буржуазии Германии, что война безысходна, что если даже немцы смогут сопротивляться на Западном фронте, то это нисколько не приблизит их к концу войны, но создаст еще новую порабощенную страну, которую нужно оккупировать, занять немецкими отрядами и вести дальше войну, и разложение немецкой армии, которая превращается и превратится из армии в шайку грабителей, людей, производящих насилие над чужими народами, над безоружными народами, выкачивающих оттуда последние остатки съестных припасов и сырых материалов при громадном сопротивлении населения. Чем дальше подходит Германия к окраинам Европы, тем яснее становится, что перед ней стоят Англия и Америка, что они гораздо более развиты, с большими производительными силами, которые находят время отправлять десятки тысяч лучших новых сил в Европу, чтобы все машины, все фабрики и заводы превратить в средство разрушения. Война вновь приходит, и это значит, что каждый год, больше того, каждый месяц несет расширение этой войны. Из этой войны нет иного выхода, как революция, как гражданская война, как превращение войны между капиталистами из-за их прибылей, из-за дележа добычи, из-за удушения мелких стран, в войну угнетенных против угнетателей, единственную войну, которая сопровождает всегда в истории не только войну, но и сколько-нибудь значительные революции, единственную войну, которая является одна только законной и справедливой, священной войной с точки зрения интересов трудящихся, угнетенных, эксплуатируемых масс. Без такой войны из империалистического рабства не выйти. Мы должны дать ясный отчет в том, какие новые бедствия несет гражданская война для всякой страны. Эти бедствия будут тем тяжелее, чем культурнее страна. Представим себе страну с машинами, железными дорогами в гражданской войне, которая прерывает сообщение между областями страны. Представьте себе, в каком положении будут области, десятки лет приспособившиеся к тому, чтобы жить обменом промышленности, и вы поймете, что всякая гражданская война несет еще новые тяжелые бедствия, которые и представляли себе величайшие социалисты. Империалисты обрекают на бедствия, муки и вымирание рабочий класс. Перед новым социалистическим обществом, как ни тяжелы, мучительны эти муки всего человечества, с каждым днем становится яснее, что войну, которую начали империалисты, эти империалисты не кончат, а

кончат другие классы, рабочий класс, который во всех странах с каждым днем приходит во все большее движение, негодование и возмущение, которое независимо от чувств и настроения силою вещей принуждает свергнуть господство капиталистов. Нам в России, когда бедствия голода особенно чувствуются, приходится переживать такой период, который когда-либо революции предстоял, а на немедленную помощь западно-европейских товарищей рассчитывать нельзя. Вся тяжесть русской революции состоит в том, что русскому революционному рабочему классу было гораздо легче начать, чем другим западно-европейским классам, но нам труднее продолжать. Там, в западно-европейских странах, начать революцию труднее, потому что против революционного пролетариата стоит высшая мысль культуры и рабочий класс находится в культурном рабстве.

В это время нам, уже в силу нашего международного положения, приходится переживать неимоверно трудное время, и нам, представителям трудящихся масс, рабочим, сознательным рабочим, надо во всей своей агитации и пропаганде, в каждой речи, в каждом призыве, беседе на фабрике, в каждой встрече с крестьянами объяснять им, что бедствие, которое на нас обрушилось, есть бедствие международное, что выхода из него, кроме международной революции, нет. Если нам пришлось пережить такой мучительный период, когда мы временно остались одни, то все наши силы должны быть направлены к тому, чтобы этот тяжелый период вынести стойко, зная, что мы, в конце концов, не одни, что бедствия, которые мы переживаем, подкрадываются к каждой европейской стране, и что ни одна из этих стран без ряда революций не найдет выхода.

В России на нас надвинулся голод, обостренный тем, что насильственный мир отнял у России самые хлебные, самые плодородные губернии; он обострился еще тем, что мы подходим к концу старой продовольственной кампании. До нового урожая, отличающегося несомненным богатством, остается еще несколько недель, которые потому представляют самый трудный переход, а этот переход, будучи труден вообще, обострился тем, что в России свергнутые эксплуататорские классы помещиков и капиталистов делают все усилия, напрягают все силы к тому, чтобы снова и снова попытаться вернуть себе власть. Это — одна из основных причин того, что как раз сибирские хлебородные губернии оказываются теперь отрезанными от нас благодаря восстанию чехо-словаков. Но мы хорошо знаем, как чехо-словацкие солдаты заявляют представителям наших войск и наших рабочих и наших крестьян, что они не хотят воевать с Россией и русской Советской властью, что они хотят только пробиться с оружием в руках на окраину, а во главе их стоят те же вчерашние генералы, помещики, капиталисты, работающие на англо-фран-

цузские денежки, пользующиеся поддержкой российских социал-предателей, перешедших на сторону буржуазии [18]).

Вся эта теплая компания пользуется голодом, чтобы сделать еще попытку вернуть к власти помещиков и капиталистов. Товарищи, на опыте нашей революции подтверждаются те слова, которые всегда отличают представителей научного социализма, Маркса и его последователей, от социалистов-утопистов, от социалистов мелкобуржуазных, от социалистов-интеллигентов, от социалистов-мечтателей. Мечтатели-интеллигенты, мелкобуржуазные социалисты — они думали, может быть, думают, мечтают о том, что социализм удастся ввести путем убеждения. Убедится большинство народа, и когда оно убедится, меньшинство послушается, большинство проголосует, и социализм будет введен. Нет, так счастливо земля не устроена; эксплуататоры, звери-помещики, капиталистический класс убеждению не поддаются. Социалистическая революция подтверждает то, что видели все — величайшее сопротивление эксплуататоров. Чем сильнее нажим угнетенных классов, чем ближе подходят они к тому, чтобы свергнуть всякое угнетение, всякую эксплуатацию, чем решительнее развертывают почин угнетенное крестьянство и угнетенные рабочие, тем бешеннее становится сопротивление эксплуататоров.

И мы переживаем самый тяжелый, самый мучительный период перехода от капитализма к социализму — период, который неизбежно, во всех странах, будет долгим, очень долгим периодом, потому что, повторяю, на каждый успех угнетенного класса угнетатели отвечают новыми и новыми попытками сопротивления, свержения власти угнетенного класса. Чехо-словацкий мятеж, явно поддерживаемый англо-французским империализмом, ведущим политику свержения Советской власти, указывает, чего стоит это сопротивление. Мы видим, как этот мятеж усиливается, естественно, голодом. Понятно, что широкие массы трудящихся заключают в себе очень много людей, которые — вы это особенно хорошо знаете: каждый из вас на фабрике наблюдает это — просвещенными социалистами не являются и не могут быть ими, потому что им нужно каторжно работать на фабрике и не остается у них ни времени, ни возможности стать социалистами. Понятно, что эти люди сочувствуют, когда видят, как на фабрике поднимаются рабочие, которые получают возможность начать самим учиться делу управления предприятиями, трудному, тяжелому делу, в котором неизбежны ошибки, но единственному делу, на котором рабочие могут, наконец, осуществить свое постоянное стремление к тому, чтобы машины, фабрики, заводы, лучшая совершенная техника, лучшие завоевания человечества служили не эксплуатации, а улучшению жизни, облегчению жизни громадного большинства. Но когда они видят, как империалистические хищники с запада, с севера и востока поль-

зуются беззащитностью России, чтобы рвать душу из нее, и пока они не знают, как станет дело с рабочим движением в других странах, понятно, ими руководит отчаяние. Иначе быть не может. Смешно ожидать и нелепо было бы думать, чтобы от капиталистического общества, основанного на эксплуатации, сразу могло явиться полное сознание необходимости социализма и его понимание. Этого быть не может. Оно вырабатывается только в конце и только той борьбой, которую приходится переживать таким мучительным периодом, когда одна революция оказалась впереди других, а другие не помогают, и когда надвигается голод. Естественно, что слоями трудящихся неизбежно овладевает отчаяние, негодование, является настроение махнуть рукой на что бы там ни было. И понятно, что контр-революционеры, помещики и капиталисты и их прикрыватели и пособники этим моментом пользуются для того, чтобы производить новый и новый натиск на социалистическую власть.

Мы видим, к чему это приводило во всех городах, где не было помощи иностранных штыков. Мы знаем, что Советскую власть удавалось побеждать только тогда, когда люди, кричавшие так много о защите отечества и о своем патриотизме, показывали свою капиталистическую натуру и стали заключать сделки сегодня с немецкими штыками, чтобы вместе с ними резать украинских большевиков, завтра с турецкими штыками, чтобы наступать на большевиков, послезавтра — с чехо-словацкими штыками, чтобы свергать Советскую власть и резать большевиков в Самаре. Только иноземная помощь, только помощь иностранных штыков, только продажа России штыкам японским, немецким, турецким, только она давала до сих пор хоть тень успеха соглашателям капитализма и помещикам. Но мы знаем, что когда восстание подобного рода, на почве голода и отчаяния масс, подымалось, когда охватывало местность, где иностранные штыки нельзя было вызвать на помощь, как это было в Саратове, в Козлове, Тамбове, власть помещиков, капиталистов и их друзей, прикрывающихся прекрасными лозунгами Учредительного собрания, эта власть измеряла продолжительность своего существования днями, если не часами. Чем дальше были отряды советских войск от того центра, которым временно овладевала контр-революция, тем решительнее было движение среди городских рабочих, тем больше самостоятельности проявляли эти рабочие и крестьяне в том, чтобы идти на помощь Саратову, Пензе, Козлову и свергать немедленно установившуюся власть контр-революции.

Товарищи, если вы посмотрите на эти события с точки зрения всего происходящего в мировой истории, если вы вспомните, что ваша задача — наша общая задача — разъяснить самим себе и постараться разъяснить массам, что эти величайшие

*

бедствия обрушились на нас не случайно, а в силу империалистической войны, во-первых, и в силу бешеного сопротивления помещиков, капиталистов и эксплуататоров, если мы уясним себе это, то можно ручаться, что это истинное сознание, как бы это ни было трудно, прососется все более и более в широкие массы, и нам удастся организовать дисциплину, победить недисциплинированность на наших фабриках и помочь народу пережить этот мучительный период, особенно тяжелый, который измеряется, может быть, одним, двумя месяцами, рядом недель, остающимися до нового урожая.

Вы знаете, что у нас в России положение теперь, в связи с чехо-словацким контр-революционным мятежом, отрезавшим от нас Сибирь, в связи с постоянным возмущением на юге, в связи с войной, особенно тяжело, но понятно, что чем труднее положение страны, на которую надвигается голод, тем более решительны, тем более тверды должны быть наши меры борьбы с этим голодом. Основной мерой борьбы является установление хлебной монополии. На этот счет вы все прекрасно знаете и наблюдаете вокруг себя на опыте, как кулаки, богатеи кричат против хлебной монополии на каждом шагу. Это понятно, потому что там, где на время свергали хлебную монополию, как сделал Скоропадский в Киеве, там оказалось, что спекуляция достигает неслыханных размеров, там цены на пуд хлеба поднимаются до 200 рублей. Это понятно, что когда нет продукта, без которого нельзя жить, каждый владелец продукта может стать богатеем, цены достигают неслыханных размеров. Понятно, что ужас, паника перед голодной смертью делают то, что цены взвинчиваются до неслыханных размеров, и в Киеве пришлось думать о том, чтобы монополию вернуть назад. У нас давно, еще до большевиков, правительству, несмотря на все богатства России хлебом, пришлось убедиться в необходимости хлебной монополии. Против нее могут говорить только или люди совершенно невежественные, или прямо продавшиеся интересам денежного мешка.

Но, товарищи, когда мы говорим о хлебной монополии, мы должны подумать о том, какие громадные трудности осуществления заключаются в этом слове. Легко сказать: хлебная монополия, но надо подумать о том, что это значит. Это значит, что все излишки хлеба принадлежат государству; это значит, что ни один пуд хлеба, который не надобен хозяйству крестьянина, не надобен для поддержания его семьи и скота, не надобен ему для посева, — что всякий лишний пуд хлеба должен отбираться в руки государства. Как это сделать? Надо, чтобы были установлены цены государством, надо, чтобы каждый лишний пуд хлеба был найден и привезен. Откуда взять крестьянину, сознание которого сотни лет отупляли, которого грабили, заколачивали до тупоумия помещики и капиталисты, не давая

ему никогда наесться досыта, — откуда ему взять в несколько недель или в несколько месяцев сознание того, что такое хлебная монополия; откуда может явиться у десятков миллионов людей, которых до сих пор питало государство только угнетением, только насилием, только чиновничьим разбоем и грабежом, у этих, заброшенных вглубь деревни и осужденных там на разорение, крестьян; откуда взять понятия того, что такое рабоче-крестьянская власть, что власть в руках бедноты; что хлеб, который является избыточным и не перешедшим в руки государства, если он остается в руках владельца, и что тот, кто его удерживает — разбойник, эксплуататор, виновник мучительного голодания рабочих Питера, Москвы и т. д.? Откуда ему знать, когда его до сих пор держали в невежестве, когда в деревне его дело было только продать хлеб; откуда взять это сознание? Неудивительно, что если мы поставим перед собой вопрос поближе к жизни, вглядимся в нее, то перед нами встанет вся невероятная трудность такой задачи, как задачи проведения хлебной монополии в стране, в которой большинство крестьян царизм и помещики держали в темноте, — в стране крестьянства, которое первый год после многих столетий посеяло хлеб на своей земле.

Но чем больше эта трудность, чем больше она становится перед внимательным и вдумчивым отношением к делу, тем более ясно мы должны сказать себе то, что мы всегда говорили, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. Мы всегда говорили: освобождение трудящихся от угнетения не может быть принесено извне; они должны сами, своей борьбой, своим движением, своей агитацией, научиться решать новую историческую задачу, и, чем более трудна, чем более велика, чем более ответственна новая историческая задача, тем больше должно быть людей, миллионы которых надо привлечь к самостоятельному участию в разрешении этих задач. Чтобы хлеб продать любому купцу, любому торгашу, для этого никакого сознания, никакой организации не нужно. Для этого нужно жить так, как заказала жить буржуазия: нужно жить только послушным рабом, представить себе и признать мир великолепным, в таком виде, как его устроила буржуазия. А вот для того, чтобы победить этот капиталистический хаос, чтобы осуществить хлебную монополию, чтобы добиться того, чтобы каждый излишек, каждый лишний пуд хлеба принадлежал государству, нужна долгая, трудная, тяжелая организационная работа, не организаторов, не агитаторов, а самих масс.

Такие люди есть в русской деревне; большинство крестьян принадлежит к числу беднейших и бедных крестьян, которые не могут торговать избытками хлеба, излишками хлеба и превращаться в разбойников, которые держат у себя, может быть, сотни пудов хлеба, когда другой голодает. Теперь положение

такое, что всякий крестьянин, называющий себя, может быть, трудовым крестьянином — это слово некоторые очень любят,— но если вы будете называть трудовым крестьянином того, кто сотни пудов хлеба собрал своим трудом и даже без всякого наемного труда, а теперь видит, что, может быть, если он будет держать эти сотни пудов, то он может продать их не по 6 рублей, а продаст спекулянтам или продаст измученному, истерзанному голодом, городскому рабочему, который пришел с голодной семьей, который даст 200 рублей за пуд, — такой крестьянин, который прячет сотни пудов, который выдерживает их, чтобы повысить цену и получить даже по 100 рублей за пуд, превращается в эксплуататора — хуже разбойника. Как быть при таком положении, на кого можно опереться в нашей борьбе? Мы знаем, что советская революция и Советская власть отличается от других революций и другой власти тем, что она не только свергнула власть помещиков и капиталистов, что она не только государство крепостническое, самодержавное разрушила,— мало того, массы восстали против всяких чиновников, они создали новое государство, в котором должна принадлежать власть рабочим и крестьянам и не только должна, но уже принадлежит. В этом государстве полиции и чиновников нет, нет и постоянной армии, которая на долгие годы была бы забираема в казармы, отделялась бы от народа и обучалась бы стрелять в народ.

Мы вооружаем рабочих и крестьян, которые должны учиться военному делу. Есть отряды, которые поддаются соблазну и порокам, и преступлениям, потому что китайской стеной они от мира угнетения, от мира голода, в котором, кто сыт, желает нажиться на своей сытости, — не отрезаны. Мы наблюдаем поэтому, сплошь да рядом, те явления, что отряды сознательных работников, которые выходят из Питера и Москвы, часто на местах сбиваются, превращаются в преступников. И мы наблюдаем, как буржуазия бьет в ладоши и наполняет столбцы своей продажной прессы всяческими запугиваниями народа: смотрите, каковы ваши отряды, какой это беспорядок, как много лучше были отряды честных капиталистов!

Благодарю покорно, господа буржуи! Нет, вы нас не запугаете! Вы очень хорошо знаете, что исцеление от бедствий и язв капиталистического мира не придет сразу. А мы знаем, что исцеление явится только в борьбе, что каждый такой случай мы будем выставлять не для злобствования и не для поддержки контр-революционных улыбок меньшевиков и кадет, а чтобы выучить более широкие народные массы. Раз наши отряды не выполняют своего назначения, дайте более сознательные, более широкие отряды по числу преданных своему классу рабочих, во много раз превышающих число тех, которые поддались соблазну.

Их нужно организовать, надо просветить, надо объединить вокруг каждого сознательного рабочего несознательных трудящихся, эксплуатируемых и голодных. Надо поднять деревенскую бедноту, надо ее просветить, надо ей показать, что ей на помощь все, что только можно, даст и сделает Советская власть, чтобы только осуществить хлебную монополию.

И вот, когда мы подошли к этой задаче, когда Советская власть ясно поставила эти вопросы, когда она сказала: товарищи рабочие, организуйтесь, объединяйте продовольственные силы, боритесь с каждым случаем, когда такие отряды оказываются не на высоте призвания, организуйтесь более крепко и исправляйте свои недочеты, объединяйте вокруг себя деревенскую бедноту. Кулаки знают, что приходит их последний час, когда противник выступает не только с проповедью, со словами и фразами, а с организацией деревенской бедноты. — Если мы ее организуем, то одержим победу над кулаками. Кулаки знают, что тут приходит момент самой решительной, самой последней, самой отчаянной борьбы за социализм. Кажется, что это борьба только за хлеб; на самом деле, это — борьба за социализм. Если рабочие научатся решать самостоятельно такие задачи, — на помощь им никто не придет, — если они научатся объединять вокруг себя деревенскую бедноту, тогда будет и победа, и хлеб, и правильное распределение хлеба, даже правильное распределение труда, потому что, распределив его правильно, мы будем господствовать над всеми областями труда, во всех областях промышленности.

Вот, предвидя это, кулаки неоднократно пытались подкупить бедноту. Они знают, государству надо продать хлеб по 6 рублей; они продают соседу, обнищавшему крестьянину, за 3 рубля и говорят ему: «Ты можешь пойти к спекулянтам и можешь продать за 40 рублей; наши интересы общие; мы должны быть вместе против государства, которое нас грабит; нам хотят дать по 6 рублей, ты возьми пудика три и можешь выгадать 60 рублей, а сколько я выгадаю — об этом тебе знать не следует, это мое дело».

Вот на этой почве, я знаю, бывает неоднократно, что доходит дело до военного столкновения крестьян, и на это злорадствуют и хихикают враги Советской власти и прилагают все усилия, чтобы свергнуть Советскую власть. А мы говорим: это потому, что отряды пошли недостаточно сознательными, но чем больше бывали отряды, тем чаще наблюдались случаи, — а они наблюдались неоднократно, — что хлеб давали без единого случая насилия, потому что сознательные рабочие обращают внимание на то, что они не насильники, что главная их сила в том, что они представители бедноты организованной, просвещенной, а в деревне масса тьмы, бедноты не просвещенной. Если к ней уметь подойти, если сказать ей языком без книжных слов, просто, почеловечески объяснить, что в Питере, Москве, в десятках уездов

голодают и доходят до голодного тифа, до голода, смерти десятки тысяч русских крестьян и рабочих, что несправедливо хлеб задерживали богатые, спекулировали на народном голоде, то тогда удастся организовать бедноту, сделать то, что излишки хлеба будут собраны и что это будет сделано не насилием, а организацией деревенской бедноты. Против деревенских кулаков мне приходится выслушивать неоднократно доклады товарищей, приезжающих на места с продовольственными отрядами и борющихся против контр-революции. Я позволю себе привести тот пример, который особенно жив в моей памяти, потому что мне пришлось слышать вчера о том, что было в Елецком уезде. Там, благодаря организации Совдепа, благодаря тому, что там нашлись сознательные рабочие и беднейшие крестьяне в достаточном количестве, удалось закрепить власть бедноты. Когда у меня были с докладом первый раз представители Елецкого уезда, я не поверил им, я думал, что люди прихвастнули, но мне подтвердили товарищи, специально посланные из Москвы в другие губернии, что только можно приветствовать их постановку дела, подтвердили, что в России есть такие уезды, где местные Совдепы оказались на высоте задачи, сумевши добиться полного устранения из Советов кулаков и эксплуататоров и организовать трудящихся, организовать бедноту. Кто пользуется своим богатством для наживы, тот пусть идет прочь от Советской власти!

Когда они выгнали кулаков, они пошли в город Елец, торговый город, и там для осуществления хлебной монополии не ждали декрета, а помнили, что Советы есть власть, близкая к народу, что каждый должен, если он революционер, если он социалист и, действительно, сторонник трудящихся, действовать быстро и решительно. Они организовали всех работников и беднейших крестьян и выдвинули такое количество отрядов, что по всему Ельцу были произведены обыски; они впускали в дома только доверенных и ответственных руководителей отрядов; ни одного человека, в котором они не были убеждены, они не впускали, зная, как часто бывает колебание, зная, что никто так не позорит Советскую власть, как эти случаи грабежа со стороны представителей и недостойных слуг Советской власти. Им удалось то, что они собрали громадные излишки хлеба, — что не осталось ни одного дома в торговом Ельце, где бы буржуазия могла пользоваться выгодой от спекуляции.

Конечно, я знаю, что сделать это в маленьком городе значительно легче, чем в таком городе, как Москва, но не надо забывать и того, что такой пролетарской силы, какая есть в Москве, не может быть ни в каком уездном городе.

Вот в Тамбове недавно победила контр-революция на несколько часов; она даже выпустила меньшевистский и право-эсеровский номер газеты, которая звала к Учредительному Собра-

нию, к свержению Советской власти и говорила, как прочна победа новой власти, до тех пор, пока не пришли из уезда красноармейцы и крестьяне и в один день не согнали эту новую, «прочную», будто бы опирающуюся на Учредительное Собрание власть.

Так же, товарищи, дело обстояло в других уездах Тамбовской губернии, губернии громадных размеров. Северные ее уезды примыкают к неземледельческой полосе, уезды южные необычайно плодородны; там урожай очень велик. Там много крестьян, у которых избыток хлеба есть, и там надо уметь подойти с особенной энергией, с особенно твердым и ясным сознанием, чтобы опереться на беднейших крестьян, чтобы побороть кулаков. Там кулаки чувствуют вражду ко всякой рабочей и крестьянской власти, там приходится ждать на помощь питерских и московских рабочих, которые всякий раз, поддерживаемые оружием своей организованности, изгоняют кулаков из Советов, организуют бедноту и переживают, вместе с местным крестьянством, опыт борьбы за государственную монополию хлеба, опыт организации деревенской бедноты и трудящихся города, такой организации, которая даст нам последнюю полнейшую победу. И тут, товарищи, я позволил себе рассказать вам в этих примерах, как обстоит дело в продовольственном отношении, потому что мне кажется, что характеристика борьбы за хлеб, с точки зрения трудящихся, против кулаков, важна для нас, для рабочих, для сознательного пролетариата, не теми отдельными цифровыми данными расчетов, сколько миллионов пудов можно получить. Это дело я должен оставить специалисту-продовольственнику, я должен сказать, что если бы удалось получить излишки хлеба из тех губерний, которые примыкают к московской неземледельческой полосе и хлебородной Сибири, даже тут на эти тяжелые недели, которые нам остались до нового урожая, мы нашли бы достаточно хлеба, чтобы спасти голодные неземледельческие губернии от голодной смерти. Для этого нужно организовать еще большее число сознательных передовых рабочих. Это основной урок всех бывших революций, это основной урок и нашей революции. Чем больше будет организация, чем она шире проявится, чем лучше сумеют рабочие на заводах и фабриках понять, что сила только в организации их и деревенской бедноты, тем вернее будет дело борьбы с голодом и дело борьбы за социализм, ибо, повторяю, наша задача не в том, чтобы выдумать новую власть, а чтобы каждого представителя деревенской бедноты, в глухой деревне, поднять, просветить, организовать для самостоятельных действий. Нетрудно объяснить нескольким сознательным городским рабочим, питерским и московским, даже в глухой деревне, как несправедливо удерживать хлеб, спекулировать на нем, превращать в средство для самогонки, когда сотни тысяч гибнут в Москве. Чтобы этого добиться, рабочие питерские, московские, вы, товарищи, в

особенности, представители фабрично-заводских комитетов, представители самых различных профессий, фабрик и заводов, вы должны только твердо усвоить себе и уяснить, что к вам на помощь никто не придет, что из другого класса к вам идут не помощники, а враги, что у Советской власти нет на службе преданной интеллигенции. Интеллигенция свой опыт и знания — высшее человеческое достоинство — несет на службу эксплуататорам и пользуется всем, чтобы затруднить нам победу над эксплуататорами; она добьется того, что сотни тысяч людей будут гибнуть от голода, но она не сломит сопротивления трудящихся. У нас нет никого, кроме того класса, с которым мы добились революции, с которым мы пойдем через предстоящие нам самые величайшие трудности, самую тяжелую полосу; это фабрично-заводской, городской и деревенский пролетариат, который говорит между собой языком, друг другу понятным, который и в городе и в деревне сумеет победить всяких врагов — кулаков и богатеев.

Но, чтобы сделать это, надо помнить, как часто забывают рабочие основное положение социалистической революции: чтобы сделать социалистическую революцию, чтобы совершить ее, избавить народ от угнетения, для этого сразу нужно уничтожить классы, власть должны взять в свои руки самые сознательные и организованные рабочие. В государстве должны стать господствующим классом рабочие. Вот истина, которую большинство из вас читало уже в «Коммунистическом манифесте» Маркса и Энгельса, который написан более семидесяти лет тому назад и обошел все страны и все языки. Везде обнаружилась истина: чтобы победить капиталистов, нужно, чтобы господствующим классом на время борьбы с эксплуатацией, пока темно, пока не верят еще в новые порядки, стали организованные городские фабрично-заводские рабочие. Когда вы в своих фабрично-заводских комитетах собираетесь, чтобы решать свои дела, помните, что революции не удержать ни одного из своих завоеваний, если вы будете заниматься в своих фабрично-заводских комитетах техническими или чисто финансовыми рабочими интересами. Бывало не раз, что рабочим и угнетенным классам удавалось взять в свои руки власть, но не бывало ни разу, чтобы им удавалось удержать ее. Для этого нужно, чтобы рабочие обладали не только способностью подняться на героическую борьбу и свергнуть эксплуатацию, но и способностью к организации, к дисциплине, к выдержке, способностью обсуждать, когда кругом все шатается, колеблется, когда на тебя нападают, когда растут нелепые бесконечные слухи, — вот в это время на фабрично-заводских комитетах, которые во всем тесно связаны с широкой миллионной массой, лежит величайшая государственная задача стать, в первую очередь, органом управления государственной жизни. Это основной государственный вопрос Советской власти — как нам обеспечить пра-

вильное распределение хлеба. Если Елец сумел обуздать местную буржуазию, то в Москве это сделать труднее, но здесь организация неизмеримо больше, и здесь вы легче можете выдвинуть десятки тысяч людей честных, которых ваши партии, ваши профессиональные союзы дадут и смогут гарантировать, которые будут в состоянии руководить отрядами с полной ответственностью за то, что они остаются идейными преданными людьми, несмотря ни на какие трудности, несмотря ни на какие соблазны, с одной стороны, и муки голода, с другой. Другого класса, который мог бы теперь взяться за это дело, который был бы способен руководить народом, часто впадающим в отчаяние, другого класса, кроме фабрично-заводского городского пролетариата, нет. Ваши фабрично-заводские комитеты должны перестать быть только заводскими комитетами, они должны стать основными государственными ячейками господствующего класса. От вашей организованности, от вашей сплоченности, от вашей энергии зависит то, что тяжелый переход мы выдержим так стойко, как должна выдержать Советская власть. Беритесь за дело сами, беритесь с каждой стороны, разоблачайте каждый день злоупотребления, поправляйте своим собственным опытом каждую сделанную ошибку, — их много делается теперь, потому что рабочий класс еще не опытен, но важно, чтобы он взялся за дело сам, чтобы он сам исправлял ошибки. Если мы будем так действовать, если каждый комитет поймет, что он представляет из себя руководителя величайшей в мире революции, тогда мы завоюем социализм для всего мира!

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ 28 ИЮНЯ 1918 Г.

Товарищи, позвольте мне прежде всего остановиться на нескольких положениях возражавшего мне содокладчика Падерина. Из стенограммы я вижу, что он говорил: «Мы должны сделать все возможное, чтобы пролетариат английский и германский, в первую голову, имели возможность выступить против своих угнетателей; а что для этого надо сделать? Разве мы должны способствовать этим угнетателям? Тем, что мы разжигаем вражду внутри себя, тем, что мы разрушаем, ослабляем страну, мы бесконечно укрепляем позиции империалистов английских, французских и германских, которые, в конце концов, сплотятся между собой, чтобы задушить рабочий класс России». Вот рассуждения, которые показывают, до какой степени не тверды всегда были меньшевики в своей борьбе и в своей оппозиции против империалистической войны, потому что это рассуждение, прочтенное мною, можно понять только в устах человека, называющего себя оборонцем, который становится целиком на позицию империализма, человека, оправдывающего империалистическую войну, повторяя буржуазные уловки, будто рабочие в этой войне защищают свое отечество. Если, в самом деле, стоять на той точке зрения, что рабочие не должны разрушать и ослаблять страну в этой войне, то это значит призывать рабочих защищать отечество в империалистической войне, а вы знаете, что сделало большевистское правительство, которое первой своей обязанностью сочло опубликовать, разоблачить, предать публичному позору тайные договоры. Вы знаете, что из-за тайных договоров вели войну союзники, и что тайные договоры правительство Керенского, существовавшее помощью и поддержкой меньшевиков и правых эсеров, не только не отменило, а даже и не опубликовало, что русский народ вел войну из-за тайных договоров, в которых русским помещикам и капиталистам был обещан, в случае победы, захват Константинополя, проливов, Львова, Галиции и Армении. Таким образом, если мы стоим на точке зрения рабочего класса, если мы против войны, каким образом могли бы мы терпеть эти тайные договоры. Пока мы терпели тайные договоры, пока мы терпели у себя власть буржуазии, до тех пор у немецких рабочих мы поддерживали шовинистические убеждения, что в России нет

сознательных рабочих, что Россия вся идет за империализмом, что войну Россия ведет с целью ограбить Австрию и Турцию. Наоборот, чтобы ослабить немецких империалистов, оторвать от них немецких рабочих, рабоче-крестьянское правительство сделало столько, сколько не сделало ни одно правительство в мире, потому что, когда эти тайные договоры были опубликованы и разоблачены перед всем миром, — даже немецкие шовинисты, даже немецкие оборонцы, даже те рабочие, которые идут за своим правительством, в своей газете «Вперед» [19]), которая является центральным органом, должны были признать, что это — акт социалистического правительства, являющийся настоящим революционным актом. Они должны были признать это, потому что ни одно из всех империалистических правительств, запутанных в войну, не сделало этого, и только одно наше правительство сорвало тайные договоры [20]).

Конечно, в душе у каждого немецкого рабочего, как бы он ни был загнан, забит, подкуплен империалистами, шевелится мысль: а разве у нашего правительства нет тайных договоров? (Голос: «Скажите нам про Черноморский флот!») Хорошо, я скажу, хотя это не относится к теме. У всякого немецкого рабочего шевельнулась мысль: если русский рабочий дошел до того, что сорвал тайные договоры, разве у немецкого правительства тайных договоров не существует? Когда дело дошло до брестских договоров, тогда перед всем миром выступили разоблачения товарища Троцкого, и разве не эта политика привела к тому, что во враждебной стране, находящейся в страшной империалистической войне с другими правительствами, политика наша вызвала не озлобление, а поддержку народных масс? Единственным таким правительством было наше. Наша революция добилась того, что во время войны во враждебной стране возникает громадное революционное движение, которое вызвано лишь тем, что мы сорвали тайные договоры, что мы сказали: мы не остановимся ни перед какими опасностями. Если мы знаем, если мы говорим — и не на словах, а на деле, — что спасение от международной войны, империалистической бойни народов, может дать только международная революция, то мы в своей революции должны идти к этой цели, не глядя ни на какие трудности, ни на какие опасности. И когда мы вступили на этот путь, впервые в мире во время войны в самой империалистической, в самой дисциплинированной стране — в Германии разгорелась и вспыхнула в январе массовая стачка. Конечно, есть люди, которые думают, что революция может родиться в чужой стране по заказу, по соглашению. Эти люди либо безумцы, либо провокаторы. Мы пережили за последние 12 лет две революции. Мы знаем, что их нельзя сделать ни по заказу, ни по соглашению, что они вырастают тогда, когда десятки миллионов людей приходят

к выводу, что жить так дальше нельзя. Мы знаем, каких трудностей стоило рождение революции в 1905 году и 1917 году, и мы никогда не ожидали, что одним ударом, по одному призыву, революция разразится и в других странах, и в том, что она начинает расти в Германии и Австрии, есть большая заслуга русской октябрьской революции. Сегодня мы читаем в наших газетах, что в Вене, где хлебный паек еще ниже нашего, где никакой украинский грабеж не может помочь, где население говорит, что оно никогда не испытывало такого ужасного голода, появился Совет Рабочих Депутатов. В Вене опять уже возникают всеобщие забастовки.

И мы говорим себе: вот вам второй шаг, вот вам второе доказательство, что, когда русские рабочие сорвали империалистические тайные договоры, когда прогнали свою буржуазию, они сделали последовательный шаг сознательных рабочих интернационалистов, они помогли росту революции в Германии и Австрии, как никогда еще не помогала ни одна революция в мире революции во враждебном государстве, находящемся в состоянии войны, в состоянии величайшего озлобления.

Предсказать, когда революция вырастет, обещать, что она придет завтра, это значит вас обманывать. Вы помните, в особенности те из вас, кто пережил обе русские революции, кто из вас мог ручаться в ноябре 1904 года, что через два месяца сто тысяч питерских рабочих пойдут к Зимнему дворцу и откроют великую революцию?

Припомните, как могли мы в декабре 1916 года ручаться, что через два месяца в несколько дней будет свалена царская монархия. Мы в своей стране, где пережили две революции, знаем и видим, что нельзя предсказать хода революции, что нельзя ее вызвать. Можно только работать на пользу революции. Если работаешь последовательно, если работаешь беззаветно, если эта работа связана с интересами угнетенных масс, составляющих большинство, то революция приходит, а где, как, в какой момент, по какому поводу, сказать нельзя. Поэтому ни в каком случае мы не позволим себе обманывать массы, говорить: немецкие рабочие помогут завтра, они взорвут своего кайзера послезавтра. Этого говорить нельзя.

Тем труднее наше положение, что русская революция оказалась впереди других революций, но что мы не одиноки, это показывают нам приходящие почти каждый день известия о том, как за большевиков высказываются все лучшие немецкие социал-демократы, как за большевиков в открытой немецкой печати высказывается Клара Цеткин, потом Франц Меринг, который теперь в ряде статей доказывает немецким рабочим, что правильно поняли социализм только большевики, как недавно в Вюртембергском ландтаге один социал-демократ Хошка определенно зая-

вил, что он только в большевиках видит пример последовательности и правильно ведущейся революционной политики. Вы думаете, что такие вещи не находят себе отклика среди десятков, сотен, тысяч немецких рабочих, которые к ним заранее присоединятся? Когда в Германии и Австрии дело доходит до образования Совета Рабочих Депутатов и до второй массовой стачки, тогда мы должны сказать, ни капли не преувеличивая, нисколько не обольщаясь, что это означает момент наступления революции. Мы говорим себе с совершенной точностью: наша политика и наш путь были правильной политикой и правильным путем, мы помогли австрийским и немецким рабочим почувствовать себя не врагами, которые душат русских рабочих из-за интересов кайзера, из-за интересов немецких капиталистов, а мы помогли им почувствовать себя братьями русских рабочих, которые ведут такую же революционную работу.

Я еще хотел бы указать на одно место в речи Падерина, которое по-моему тем более заслуживает внимания, что оно совпадает отчасти с мыслью предыдущего оратора. Вот это место: «Мы видим, что теперь война гражданская ведется внутри рабочего класса. Разве мы можем это допустить?». Вот видите, война гражданская называется войной среди рабочего класса или называется, как назвал предыдущий оратор, войной с крестьянами. А мы прекрасно знаем, что и то, и другое неправда. Гражданская война является в России войной рабочих и беднейших крестьян против помещиков и капиталистов, война эта удлиняется, затягивается, потому что помещики и капиталисты русские побеждены в октябре и ноябре сравнительно с малыми жертвами, побеждены подъемом народных масс в таких условиях, когда им сразу было очевидно, что поддержать их народ не может, когда дело дошло до того, что даже на Дону, где больше всего богатых казаков, живущих эксплуатацией наемного труда, где больше всего надежд на контр-революцию, даже там Богаевский, руководитель контр-революционного восстания, должен был признать и признал публично: «наше дело проиграно, потому что за большевиков громадное большинство населения даже у нас».

Вот как было дело, как в своей игре, как в своей контрреволюционной игре проиграли в октябре и ноябре помещики и капиталисты.

Вот какова получилась их авантюра, когда они пытались из юнкеров, из офицеров, из сынков помещиков и капиталистов образовать белую гвардию против рабоче-крестьянской революции. А теперь разве вы не знаете,— прочтите сегодня в газетах,—что чехо-словацкая авантюра питается денежками англо-французских капиталистов [21]), которые подкупают войска на то, чтобы втянуть нас снова в войну; разве вы не читали, как чехо-словаки говорили в Самаре: мы соединимся вместе с Дутовым, Семеновым

и заставим рабочих России и российский народ воевать снова против Германии вместе с Англией и Францией, восстановим те же самые тайные договоры и бросим вас, еще, может быть, на четыре года, в эту империалистическую войну в союзе с буржуазией. Вместо этого мы ведем теперь против буржуазии нашей и против буржуазии других стран войну, и только тем, что мы эту войну ведем, мы привлекли к себе сочувствие и поддержку рабочих других стран. Если рабочий одной воюющей страны видит, что в другой воюющей стране создается тесная связь между рабочими и буржуазией, то это раскалывает рабочих по нациям, сливает их со своей буржуазией; это есть величайшее зло, это есть крах социалистической революции, крах и гибель всего Интернационала.

В 1914 году погиб Интернационал, потому что рабочие всех стран соединились со своей национальной буржуазией и раскололись между собой, и теперь этот раскол приходит к концу. Вы читали, может быть, недавно о том, как в Англии шотландский народный учитель и работник профессиональных союзов Маклин был во второй раз посажен в тюрьму на 5 лет, в первый раз он попал на $1^1/_2$ года, за то, что разоблачал войну и говорил о преступности английского империализма. Когда он был освобожден, в Англии был уже представитель советского правительства Литвинов, он тотчас же назначил Маклина консулом, представителем в Англии Советской Российской Федеративной Республики, и шотландские рабочие ответили на это назначение восторгом. Английское правительство второй раз открыло преследование против Маклина, не только как шотландского народного учителя, но и как консула Федеративной Советской Республики. Маклин сидит в тюрьме за то, что выступил открыто, как представитель нашего правительства, а мы никогда не видели этого человека, он никогда не принадлежал к нашей партии, он — любимый вождь шотландских рабочих, и мы с ним соединились, русский и шотландский рабочие соединились против английского правительства, несмотря на то, что оно покупает чехо-словаков и ведет бешеную политику втягивания в войну Российской Республики. Вот доказательства, что во всех странах, независимо от их положения в войне, и в Германии, которая воюет против нас, и в Англии, которая хочет оттянуть себе Багдад, додушить до конца Турцию, рабочие сплачиваются с русскими большевиками, с русской большевистской революцией. Когда здесь оратор, слова которого я цитировал, говорил, что гражданская война ведется рабочими и крестьянами против рабочих и крестьян, то мы прекрасно знаем, что это неправда. Одно дело — рабочий класс, а другое дело — группы, маленькие прослойки рабочего класса. Германский рабочий класс от 1871 года до 1914 года почти полвека был образцом социалистической организации для всего мира. Мы знаем,

что он имел партию в миллион человек, что он создал профессиональные союзы с двумя, тремя, четырьмя миллионами, а тем не менее в течение этого полвека оставались сотни тысяч немецких рабочих, объединенных в клерикальный поповский союз и стоящих горой за попа, за церковь, за своего кайзера. Кто же представлял действительно рабочий класс: гигантская немецкая социал-демократическая партия и профессиональные союзы или сотни тысяч клерикальных рабочих? Одно дело рабочий класс, который объединяет громадное большинство сознательных передовых, думающих рабочих, а другое дело — одна фабрика, завод, местность, несколько групп рабочих, продолжающих оставаться на стороне буржуазии.

Рабочий класс России в своем гигантском, подавляющем большинстве, — это вам показывают все выборы в советы, в фабрично-заводские комитеты, конференции,— они на 99 процентов из 100 стоят на стороне Советской власти, зная, что эта власть ведет войну против буржуазии, против кулаков, а не против крестьян и рабочих. Это большая разница, если находится ничтожная группа рабочих, которые продолжают оставаться в рабской зависимости от буржуазии. Мы ведем войну не с ними, а с буржуазией, и тем хуже для тех ничтожных групп, которые до сих пор остаются в союзе с буржуазией.

Есть вопрос, который мне здесь был задан на записке; этот вопрос гласит: «Почему до сих пор выходят контр-революционные газеты?». Одна из причин та, что есть также элементы среди печатных рабочих, которые подкуплены буржуазией [22]). (Шум, крики: «Неправда».) Вы можете кричать, сколько угодно, но вы не помешаете мне сказать правду, которую все рабочие знают, которую я только что начал объяснять. Когда рабочий ставит высоко свой личный заработок в буржуазной печати, когда он говорит: я хочу сохранить свой личный высокий заработок за то, что я помогаю буржуазии продавать яд, отравлять народ ядом, тогда я говорю: эти рабочие все равно что подкупленные буржуазией, не в том смысле, чтобы кто-нибудь из них, отдельное лицо было нанято. Я хотел сказать не в этом смысле, а в том смысле, в каком все марксисты говорили об английских рабочих, заключающих союз со своими капиталистами. Вы все, читавшие профессиональную литературу, знаете также пример, что там бывают союзы не только рабочих, а там организованы между рабочими и капиталистами той же самой профессии союзы для того, чтобы повышать цены, грабить всех остальных. Все марксисты, все социалисты всех стран указывают пальцами на такие примеры и, начиная с Маркса и Энгельса, говорили о рабочих, подкупленных буржуазией по бессознательности, по своим цеховым интересам. Они продали свое право первородства, право на социалистическую революцию тем, что

вошли в союз со своими капиталистами против громадного большинства рабочих и угнетенных трудящихся слоев в собственной стране, своего собственного класса. То же самое у нас. Когда у нас находятся отдельные группы рабочих, говорящих, какое нам дело до того, что то, что мы набираем, является опиумом, ядом, несущим ложь и провокацию. Я получу свой высший заработок, на других мне наплевать. Таких рабочих мы будем клеймить, таким рабочим мы всегда говорили во всей нашей литературе и говорили открыто: такие рабочие отходят от рабочего класса и переходят на сторону буржуазии.

Товарищи! Я сейчас перейду к рассмотрению тех вопросов, которые мне задали, но сначала, чтобы не забыть, отвечу на вопрос о Черноморском флоте [23]), который задан был как будто для того, чтобы нас изобличить. А я вам скажу, что там действовал товарищ Раскольников, которого прекрасно знают московские и питерские рабочие по его агитации, по его партийной работе. Товарищ Раскольников сам будет здесь и расскажет вам, как он агитировал за то, чтобы мы лучше пошли на уничтожение флота, чем на то, чтобы на нем двинулись немецкие войска против Новороссийска. Вот как было дело с Черноморским флотом, и народные комиссары: Сталин, Шляпников и Раскольников приезжают скоро в Москву и расскажут нам, как было дело. Вы увидите, что наша политика была единственная, которая так же, как и политика Брестского мира, принесла нам массу тяжелых бедствий, но которая дала возможность Советской власти и рабоче-социалистической революции держать свое знамя перед рабочими всех стран. Если теперь в Германии с каждым днем растет число рабочих, которые старые предрассудки о большевиках отбрасывают и понимают правильность нашей политики, то в этом заслуга той тактики, которую мы ведем, начиная с Брестского договора.

Из тех вопросов, которые мне заданы, я остановлюсь на втором, касающемся подвоза хлеба. Отдельные рабочие говорят, почему вы запрещаете подвоз хлеба отдельным рабочим, когда они везут его для своей семьи? Ответ на это простой: подумайте, что бы вышло, если бы тысячи пудов, необходимые для данной местности, для данной фабрики, для данного района, для данного квартала, привозились тысячами людей. Если бы мы пошли на это, начался бы полный развал продовольственных организаций. Мы вовсе не виним того голодного измученного человека, который в одиночку едет за хлебом и достает его какими угодно средствами, но мы говорим: мы существуем, как рабоче-крестьянское правительство, не для того, чтобы узаконять и поощрять распад и развал. Для этого правительства не нужно. Оно нужно, чтобы объединить их, чтобы организовывать, чтобы сплачивать сознательно в борьбе против бессознательности. Нельзя

винить тех, кто по бессознательности бросает все, закрывает глаза на все, чтобы выручить себя какими угодно средствами — достать хлеба, но можно винить тех, кто является партийным человеком и, проповедуя хлебную монополию, недостаточно поддерживает сознательность и сплоченность действий. Да, борьба с мешечниками, с отдельным провозом хлеба, — трудная борьба, потому что это есть борьба с темнотой, с бессознательностью, с неорганизованностью широких масс, но от этой борьбы мы никогда не откажемся. Каждый раз, когда люди бросаются на отдельные заготовки, мы снова будем звать их к пролетарским социалистическим приемам борьбы с голодом: объединившись вместе, давайте новыми силами заменим заболевшие продовольственные отряды, заменим свежими, более сильными, более честными, более сознательными, более испытанными людьми, и мы то же самое количество хлеба, те же тысячи пудов привезем, которые разрозненными усилиями 200 человек тащат по 15 пудов каждый, поднимая цены, усиливая спекуляцию. А мы объединим этих 200 человек, мы создадим сплоченную сильную рабочую армию. Если нам не удастся сразу, мы повторим наши усилия; мы будем на каждом заводе, на каждой фабрике добиваться того, чтобы сознательные рабочие давали больше сил, более надежных людей для борьбы со спекуляцией, и мы уверены, что сознание, дисциплина и организованность рабочих, в конце концов, победят все тяжелые испытания. Вот когда люди на своем собственном опыте убедятся, что в результате отдельного мешечничества спасти сотни тысяч голодных нельзя, мы увидим, что дело организованности и сознательности победит и что мы организуем путем сплочения борьбу с голодом и добьемся правильного распределения хлеба.

Меня здесь спрашивают: а почему не введена монополия на другие продукты промышленности, столь же необходимые, как и хлеб? На это я отвечаю: к этому все меры Советская власть принимает. Вы знаете, что существует тенденция организовать, объединить текстильные фабрики, текстильное производство. Вы знаете, что в этой организации в большинстве руководящих центров сидят рабочие, вы знаете, что Советская власть приступает к национализации всех отраслей промышленности, вы знаете, что трудности, которые стоят на пути к этому делу, громадны, что тут надо много сил, чтобы создать все это организованно. Мы беремся за это дело не так, как берутся правительства, которые опираются на чиновников. Так легко управлять: пусть один человек получает 400, пусть другой — повыше, по тысяче рублей, наше дело приказать, и они должны исполнять. Так управляют все буржуазные страны, они нанимают себе чиновников за высокую плату, нанимают тех же сынков буржуазии и им поручают управление. Советская Республика

так управлять не может. Чиновников у нее нет, чтобы управлять и руководить делом объединения всех текстильных фабрик, делом взятия на учет, делом введения монополии на все предметы первой необходимости и правильного распределения их. Для этого мы зовем тех же рабочих, мы зовем представителей профессиональных союзов текстилей и говорим: вы должны составлять большинство руководящей коллегии Центротекстиля и вы составляете большинство в них, как вы составляете большинство в руководящих коллегиях в В.С.Н.Х. Товарищи рабочие, беритесь сами за это важнейшее государственное дело, мы знаем, что это труднее, чем ставить деловых чиновников, но мы знаем, что другого пути нет. Нужно дать власть в руки рабочего класса и научить передовых рабочих, несмотря на все трудности, тому, чтобы они на своем опыте, на своей спине, своими руками доходили до того, как надо распределять все предметы, всю мануфактуру в интересах трудящихся.

Вот почему для того, чтобы ввести государственную монополию, назначить твердые цены, Советская власть делает все, что может сделать при данном положении, делает это через рабочих, вместе с рабочими, дает им большинство в каждом правлении, в каждом отдельном центре, будь то В.С.Н.Х., будь то объединение металлистов или национализованных в несколько недель сахарных заводов. Этот путь представляет из себя путь трудный, но, я повторяю, без трудностей не достигнуть того, чтобы рабочие, привыкшие раньше и приученные буржуазией в течение сотен лет только рабски исполнять ее приказания, чтобы они перешли на другое положение, чтобы они почувствовали, что власть — это мы. Хозяин промышленности, хозяин хлеба, хозяин всех продуктов в стране — это мы. Вот когда это сознание проникнет в рабочий класс глубоко, когда он своим опытом, своей работой удесятерит свои силы, только тогда все трудности социалистической революции будут побеждены.

Я кончаю призывом фабрично-заводской конференции еще раз к тому, чтобы в городе Москве, где трудности особенно велики, ибо это громадный центр торговли и спекуляции, где десятки тысяч людей только тем и существуют в течение многих лет, что на торговле и спекуляции добывают себе средства к жизни, тут трудности особенно велики, но тут, зато, есть и такие силы, каких нет ни в одном маленьком городе. Пусть только эти рабочие организации, пусть только фабрично-заводские комитеты помнят хорошенько и твердо примут во внимание то, чему учат все теперешние события, чему учит теперешний голод, охвативший трудящихся России. Спасти революцию от возвращения власти к помещикам и капиталистам могут только новые и новые организации, более широкие организации сознательных и передовых рабочих. Таких рабочих сейчас большинство, но этого

недостаточно; надо, чтобы они больше брались за общегосударственную работу. В Москве бездна случаев, когда спекулянты играют на голоде и наживаются на голоде, разрушают хлебную монополию, когда богатые имеют все, чего только пожелают. В Москве 8.000 членов партии коммунистов, в Москве профессиональные союзы дадут 20—30 тысяч людей, за которых союзы могут ручаться, которые будут надежными, стойкими выразителями пролетарской политики. Объедините их, создайте сотни тысяч отрядов людей, боритесь за продовольственное дело, за обыски всего богатого населения,—и вы добьетесь того, что вам нужно.

Я вам рассказал прошлый раз, какого успеха достигли в этом деле в городе Ельце, но в Москве это сделать труднее. Я сказал, что Елец является городом, наплучше поставленным, есть много городов, гораздо хуже поставленных, потому что это дело трудное, потому что тут не в недостатке оружия дело,—его сколько угодно,—а трудности заключаются в том, чтобы выдвинуть на руководящие, ответственные посты сотни и тысячи рабочих, безусловно надежных, способных понять, что они делают не свое местное дело, а дело всей России, которые способны стоять на своем посту, как представители всего класса, и организовать по стройному определенному плану работу, исполнить то, что предписано, то, что решит Московский Совет, московские организации всей пролетарской Москвы. Вся трудность в том, чтобы организовать пролетариат, в том, чтобы он был более сознательным, чем до сих пор. Посмотрите на питерские выборы[24])—и вы увидите, как, несмотря на то, что там свирепствует голод еще больший, чем в Москве, что там бедствия обрушились с еще большей тяжестью, там растет преданность рабочей революции, там растет организованность и сплоченность, и вы тогда скажете себе, что вместе с ростом тех бедствий, которые на нас обрушились, растет решимость рабочего класса все эти трудности победить. Становитесь на этот путь, усиливайте вашу энергию, двигайте новые тысячные отряды на этот путь, на помощь продовольственному делу, и мы вместе с вами, опираясь на вашу поддержку, победим голод и добьемся правильного распределения.

3.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ДОКЛАДУ О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ.

IV Московская конференция фабрично-заводских комитетов, всецело поддерживая продовольственную политику Советской власти, особенно одобряет (и настаивает на необходимости для всех рабочих поддерживать) политику объединения деревенской бедноты.

Освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих, и только теснейший союз городских рабочих с деревенской беднотой в состоянии победить сопротивление буржуазии и кулаков, взять в свои руки все излишки хлеба и правильно распределить их между нуждающимися как города, так и деревни.

Конференция призывает все фабрично-заводские комитеты напрячь все усилия, чтобы организовать более широкие массы рабочих в продовольственные отряды и двинуть их под руководством надежнейших товарищей на активную всестороннюю поддержку продовольственной политики рабочего и крестьянского правительства.

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В СИМОНОВСКОМ ПОДРАЙОНЕ 28 ИЮНЯ 1918 Г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Ленин говорит о необходимости гражданской войны и призывает московский пролетариат к дружной организации в деле борьбы, как с контр-революционными силами, так и с голодом и государственной разрухой.

Попутно Ленин касается саратовских и тамбовских событий и указывает, что всюду, где происходили восстания, вдохновленные партиями меньшевиков и правых эсеров, рабочий класс быстро разочаровывался в идеологии этих партий и также быстро свергал захватчиков рабоче-крестьянской власти.

Мы получили телеграмму, с просьбой о помощи, но не успевали наши отряды дойти до середины пути, как те же, просившие помощи рабочие, вновь сообщали, что необходимость в немедленной помощи миновала, так как захватчики побеждены местной силой. Так было в Саратове, Тамбове и других городах.

Ленин указывает, что война вообще противна стремлениям партии коммунистов. Но та война, которая проповедывается сегодня — священна, — эта война гражданская, война рабочего класса против его эксплуататоров.

Без труда, без затраты огромной энергии, мы не сможем выйти на дорогу социализма. Для успешной борьбы за идеалы рабочего класса необходимо организоваться. Необходима также организация и для того, чтобы суметь закрепить за собой все завоевания, добытые ценой тяжелых потерь и усилий.

Труднее удержать власть, чем ее взять, и мы видим из примеров истории, что часто рабочий класс брал власть в свои руки, но не мог удержать ее за собою только потому, что не обладал достаточно сильными организациями.

— Народ устал, — продолжает далее Ленин, — и его, конечно, можно толкнуть на какое-либо безумие, даже на Скоропадского, ибо народ в своей массе темен.

Сейчас надвигается голод, но мы знаем, что хлеба вполне хватит и без Сибири, Кавказа, Украины. Хлеба имеется достаточное количество до нового урожая в губерниях, окружающих столицы, но он весь запрятан кулаками. Необходимо организовать деревенскую бедноту, чтобы при ее помощи взять этот хлеб. Необходима беспощадная борьба со спекуляцией и спекулянтами, не только делом, но и словом.

Только рабочий класс, спаянный организацией, сможет объяснить простому народу необходимость борьбы с кулаками. Русский народ должен знать, что у крестьянской бедноты есть огромный союзник в лице организованного городского пролетариата.

Слишком надеяться на интеллигенцию рабочему классу и крестьянству не приходится, так как многие из интеллигенции, идущие к нам, все время ждут нашего падения.

Свою речь Ленин заканчивает призывом к организации на борьбу рабочих и крестьян против кулачества, помещиков и буржуазии.

«Известия В.Ц.И.К.» № 133 (397), 29 июня 1918 г.

ПРОРОЧЕСКИЕ СЛОВА.

В чудеса теперь, слава богу, не верят. Чудесное пророчество есть сказка. Но научное пророчество есть факт. И в наши дни, когда кругом нередко можно встретить позорное уныние или даже отчаяние, полезно напомнить одно оправдавшееся научное пророчество.

Фридриху Энгельсу случилось в 1887 году писать о грядущей всемирной войне в предисловии к брошюре Сигизмунда Боркгейма: «На память немецким убийцам-патриотам 1806—1807 годов («Zur Erinnerung für die deutschen Mordspatrioten 1806—1807»). (Эта брошюра составляет выпуск XXIV «Соц.-дем. библиотеки», выходившей в 1888 году в Геттингене-Цюрихе).

Вот как судил, свыше тридцати лет тому назад, Фридрих Энгельс о грядущей всемирной войне:

... «Для Пруссии—Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени до-чиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу. И, если вам ничего больше не остается, как открыть последний великий военный танец,—мы не заплачем (uns kann es recht sein). Пусть война даже отбросит, может быть, нас на

время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все-ж-таки (doch) неизбежна».

Лондон. 15 декабря 1887 г. Фридрих Энгельс.

Какое гениальное пророчество! И как бесконечно богата мыслями каждая фраза этого точного, ясного, краткого, научного классового анализа! Сколько почерпнули бы отсюда те, кто предается теперь постыдному маловерию, унынию, отчаянию, если бы... если бы люди, привыкшие лакействовать перед буржуазией или давшие себя запугать ей, умели мыслить, были способны мыслить!

Кое-что из того, что предсказал Энгельс, вышло иначе: еще бы не измениться миру и капитализму за тридцать лет бешено быстрого империалистского развития. Но удивительнее всего, что столь многое, предсказанное Энгельсом, идет, «как по писаному». Ибо Энгельс давал безупречно точный классовый анализ, а классы и их взаимоотношения остались прежние.

«...Может быть, война на время отбросит нас на задний план...» Дело пошло именно по этой линии, но еще дальше и еще хуже: часть «отброшенных назад» социал-шовинистов и их бесхарактерных «полупротивников», каутскианцев, стали восхвалять свое попятное движение, превратились в прямых изменников и предателей социализма.

«...Может быть, война отнимет у нас некоторые завоеванные уже позиции...» Целый ряд «легальных» позиций был отнят у рабочего класса. Зато он закален испытаниями и получает жестокие, но полезные уроки нелегальной организации, нелегальной борьбы, подготовки своих сил к революционному штурму.

«...Короны валяются дюжинами...» Несколько корон уже свалились, и из них одна такая, какая стоит дюжины других: корона самодержца всероссийского Николая Романова.

«...Абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится...» После четырех лет войны эта абсолютная невозможность, если позволительно так сказать, еще абсолютнее.

«...Безнадежная путаница нашего искусственного механизма торговли, промышленности и кредита...» В конце четвертого года войны это сказалось полностью на одном из самых больших и самых отсталых государств, втянутых капиталистами в войну,—на России. Но разве растущий голод в Германии и Австрии, недостаток одежды, сырья, изнашивание средств производства не показывают, что с громадной быстротой такое же положение надвигается и на другие страны?

Энгельс рисует последствия, вызываемые только «внешней» войной; он не касается внутренней, т.-е. гражданской, войны, без которой не обходилась еще ни одна великая революция в истории, без которой не мыслил себе перехода от капитализма к социализму ни один серьезный марксист. И если внешняя война может еще известное время тянуться, не вызывая «безнадежной путаницы» в «искусственном механизме» капитализма, то очевидно, что гражданская война без такого последствия совсем уже немыслима.

Какое тупоумие, какую бесхарактерность,—если не говорить о корыстном услужении буржуазии,—обнаруживают те, кто, продолжая себя называть «социалистами», подобно нашим новожизненцам, меньшевикам, правым эсерам и т. п., с злобой указывают на проявление этой «безнадежной путаницы», виня во всем революционный пролетариат, Советскую власть, «утопию» перехода к социализму. «Путаница», разруха, по прекрасному русскому выражению, вызвана войной. Тяжелой войны без разрухи быть не может. Гражданской войны, необходимого условия и спутника социалистической революции, без разрухи быть не может. Отрекаться от революции, от социализма «по случаю» разрухи значит только проявлять свою безыдейность и переходить на деле на сторону буржуазии.

...«Голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой»...

Как просто и ясно делает Энгельс этот бесспорный вывод, очевидный для всякого, кто хоть немного способен подумать над объективными последствиями многолетней тяжелой, мучительной войны. И как поразительно неумны те многочисленные «социал-демократы» и горе-«социалисты», которые не хотят или не умеют вдуматься в это простейшее соображение.

Мыслима ли многолетняя война без *одичания* как войск, так и народных масс? Конечно, нет. На несколько лет, если не на целое поколение, такое последствие многолетней войны безусловно неизбежно. А наши «человеки в футляре», хлюпики из буржуазной интеллигенции, называющие себя «социал-демократами» и «социалистами», подпевают буржуазии, сваливая проявления одичания или неизбежную жестокость мер борьбы с особенно острыми случаями одичания на революцию,—хотя ясно, как день, что создано это одичание империалистской войной и что никакая революция без долгой борьбы, без ряда жестоких репрессий освободиться от *таких* последствий войны не в состоянии.

Они готовы «теоретически» допустить революцию пролетариата и других угнетенных классов, наши сладенькие писатели «Новой Жизни»[25]), «Вперeда»[26]) или «Дела Народа»[27]), только чтобы эта революция свалилась с неба, а не родилась и не росла на земле, залитой кровью в четырехлетней империалистской

бойне народов, среди миллионов и миллионов людей, измученных, истерзанных, одичавших в этой бойне.

Они слыхали и признавали «теоретически», что революцию следует сравнивать с актом родов, но, когда дошло до дела, они позорно струсили, и свое хныканье дрянных душонок превратили в перепев злобных выходок буржуазии против восстания пролетариата. Возьмем описание акта родов в литературе,—те описания, когда целью авторов было правдивое восстановление всей тяжести, всех мук, всех ужасов этого акта, например Эмиля Золя «La joie de vivre» («Радость жизни») или «Записки врача» Вересаева. Рождение человека связано с таким актом, который превращает женщину в измученный, истерзанный, обезумевший от боли, окровавленный, полумертвый кусок мяса. Но согласился ли бы кто-нибудь признать человеком такого «индивида», который видел бы *только* это в любви, в ее последствиях, в превращении женщины в мать? Кто на *этом* основании зарекался бы от любви и от деторождения?

Роды бывают легкие и бывают тяжелые. Маркс и Энгельс, основатели научного социализма, говорили всегда о *долгих муках родов*, неизбежно связанных с переходом от капитализма к социализму. И Энгельс, анализируя последствия всемирной войны, просто и ясно описывает тот бесспорный и очевидный факт, что революция, следующая за войной, связанная с войной (а еще больше — добавим от себя — вспыхнувшая во время войны, вынужденная расти и держаться во время окружающей ее всемирной войны), что такая революция есть *особенно тяжелый* случай родов.

В ясном сознании этого факта, Энгельс особенно осторожно говорит о рождении социализма гибнущим в всемирной войне капиталистическим обществом. «Только один результат (всемирной войны), — говорит он, — абсолютно, несомненен: всеобщее истощение и *создание* условий для окончательной победы рабочего класса».

Еще яснее эта мысль выражена в конце предисловия, разбираемого нами:

...«В конце трагедии вы (капиталисты и помещики, короли и государственные мужи буржуазии) будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все-ж-таки неизбежна».

Трудные акты родов увеличивают опасность смертельной болезни или смертельного исхода во много раз. Но если отдельные люди гибнут от родов, новое общество, рождаемое старым укладом, не может погибнуть, и его рождение станет лишь более мучительным, более затяжным, рост и развитие более медленным.

Конец войны еще не наступил. Всеобщее истощение уже наступило. Из двух *непосредственных* результатов войны, пред-

сказанных Энгельсом условно (либо уже завоеванная победа рабочего класса, либо создание условий ее неизбежности, *вопреки всем трудностям*), из этих двух условий налицо теперь, к половине 1918 года, *оба*.

В одной, наименее развитой из капиталистических стран, победа рабочего класса *уже завоевана*. В остальных, с неслыханным усилием неслыханных мук, создаются условия, делающие эту победу «все-ж-таки неизбежной».

Пусть каркают «социалистические» хлюпики, пусть злобствует и бешенствует буржуазия. Только люди, закрывающие себе глаза, чтобы не видеть, и затыкающие уши, чтобы не слышать, могут не замечать того, что во всем мире для старого капиталистического общества, беременного социализмом, начались родовые схватки. На нашу страну, ходом событий выдвинутую временно в авангард социалистической революции, падают теперь особенно тяжелые муки первого периода начавшегося акта родов. У нас есть все основания с полной твердостью и с абсолютной уверенностью смотреть на будущее, готовящее нам новых союзников, новые победы социалистической революции в ряду более передовых стран. Мы имеем право гордиться и считать себя счастливыми тем, что нам довелось первыми свалить в одном уголке земного шара того дикого зверя, капитализм, который залил землю кровью, довел человечество до голода и одичания, и который погибнет неминуемо и скоро, как бы чудовищно зверски ни были проявления его предсмертного неистовства.

Написано 29 июня 1918 г.
Напечатано 2 июля 1918 г. в «Правде» № 133.
Подпись: Н. Ленин.

Печатается по тексту «Правды».

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ МОБИЛИЗОВАННЫХ В БЫВШЕМ АЛЕКСЕЕВСКОМ ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ 2 ИЮЛЯ 1918 Г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Ленин указывает, что армия так же, как средства производства, была раньше орудием угнетения в руках класса эксплуататоров. Теперь же в России и то и другое становятся орудиями борьбы за интересы трудящихся.

Этот переворот совершился не легко, это знают солдаты старой царской армии по той дисциплине, которая сковывала эту армию. Затем Ленин приводит случай из недавнего прошлого, когда он в Финляндии услышал, как старая финка-крестьянка говорила, что в то время, как раньше человек с ружьем не позволял ей собирать хворост в лесу, теперь же наоборот он не опасен, он даже охраняет ее. Сколько бы ни обливали нас грязью, — говорит Ленин, — буржуа и их сторонники, сколько бы ни устраивали заговоров белогвардейцы, но раз такое сознание, что теперешняя армия есть защитница трудящихся, проникло в сознание даже таких темных масс, эксплуатируемых, то Советская власть крепка.

Затем Ленин указывает, что, как и раньше, голод усиливает спекулянтов и капиталистов. Теперь происходит то же самое, так что новой армии придется может быть в гражданской войне иметь дело и с этими спекулянтами на голоде. Пусть старый мир — представители отжившего общества — будут стараться помочь голодающим по-старому, а новый мир будет это делать, вопреки им, по-новому. Мы победим, — говорит Ленин, — если передовые авангарды трудящихся, Красная армия, будут помнить, что они представляют и защищают интересы всего международного социализма. — Дальше Ленин указывает, что мы не одиноки: пример тому — события в Австрии, а также наши единомышленники, хотя и задавленные сейчас, но делающие свое дело во всех странах Европы.

«Правда» № 135, 4 июля 1918 г.

РЕЧЬ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ V СЪЕЗДА СОВЕТОВ Р.К.С. И К. ДЕПУТАТОВ 3 ИЮЛЯ 1918 Г.[28]).

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Коснувшись вопроса о международном положении России Ленин указал на то, что наша позиция продолжает быть угрожаемой; внешний враг не только обещает напасть, но уже отхватывает куски России.

Это неустойчивое, колеблющееся положение продолжится, вероятно, до того момента, когда усилиями рабочего класса всего мира будет свержен капитал. Настоящий момент необходимо использовать, как передышку для упрочения Советской власти.

Говоря о мировой бойне, Ленин отметил, что победа германского оружия делает условия мира между империалистскими странами невозможными. Англо-французские капиталисты не могут примириться с таким огромным количеством награбленного Германией. К тому же после ряда наступлений во Франции, где Германия уложила сотни тысяч своих солдат, создалось известное равновесие сил, и прямой угрозы германские штыки не представляют. Кроме того, империалисты Согласия учитывают ту разруху, то катастрофическое состояние, которое наступило в Австро-Венгрии.

Из общего положения вещей вывод один: — война становится безысходной. В этой безысходности лежит залог того, что наша социалистическая революция имеет серьезное основание продержаться до того момента, когда вспыхнет мировая революция, а в этом порукой — война, которую смогут закончить только рабочие массы. Наша задача удержать советскую власть, что мы и делаем, отступая и лавируя. Идти в настоящий момент в открытую борьбу, значит ухудшить положение мировой революции.

Обрисовав, в каком положении мы получили хозяйство страны от различных ранее стоявших у власти правых партий,, Ленин указал на всю трудность хозяйственного строительства, организующегося на новых началах.

В борьбе с голодом у нас два врага: богатеи и разруха. В этой борьбе необходимо, чтобы бедняк поверил в братский союз с рабочим. В слова он не поверит, а поверит в дела. Наша надежда здесь только на союз сознательных городских рабочих с деревенской беднотой. Задача борьбы за право всех на хлеб и за право справедливого распределения — задача великая. В умении равномерно распределять лежат основы социализма, который мы творим. В этом мы ответственны не только перед нашими братьями, но и перед рабочими всего мира.

Они должны видеть, что социализм не нечто невозможное, но что это твердый рабочий строй и что к нему должен стремиться пролетариат всего мира.

«Правда» № 135, 4 июля 1918 г.

V ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ, СОЛДАТСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ [29]).

4—10 июля 1918 г.

Напечатано в 1918 г. в книге: «Пятый Всероссийский Съезд Советов. Стенографический отчет». Изд. В. Ц. И. К.

Печатается: доклад по тексту книги, сверенному по стенограмме, напечатанной в 1918 г. в «Вестнике Путей Сообщения» № 7—8; заключительное слово — по тексту книги

1.

ДОКЛАД СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ 5 ИЮЛЯ 1918 ГОДА.

Товарищи, позвольте мне, несмотря на то, что речь предъидущего оратора местами была чрезвычайно возбужденной, предложить вам свой доклад от имени Совета Народных Комиссаров в общем порядке, касаясь главных принципиальных вопросов, как они этого заслуживают, и не вдаваться в ту полемику, которой так желал бы предыдущий оратор и от которой я, конечно, полностью отказываться не собираюсь. Вы знаете, что со времени последнего съезда главным фактором, определившим наше положение, изменившим нашу политику и определившим нашу тактику и отношение с некоторыми другими партиями в России, был Брестский договор. Вы помните, что на прошлом съезде нам бросалось так много упреков, сыпалось на нас так много обвинений и раздавалось так много голосов по поводу того, что пресловутая передышка России не поможет, что союз международного империализма, все равно, заключен и что практически отступление, к которому мы ведем, ни к чему привести не может. Этот основной фактор определил собою все положение капиталистического государства, и на этом факторе, естественно, приходится остановиться. Я думаю, что за истекшие три с половиной месяца становится совершенно бесспорным, насколько ясна наша правота, и мы можем сказать, что крестьяне и пролетариат, который не эксплуатирует других, который не наживается на народном голоде, он весь стоит безусловно за нас, и, во всяком случае, против тех неразумных, кто втягивает его в войну, кто против Брестского договора. (Шум.)

Девять десятых стоит за нас, и чем яснее вырисовывается положение, тем более бесспорно, что сейчас, когда западно-европейские империалистические партии, две главные империалистические группы находятся в смертельной схватке между собою, когда они с каждым месяцем, с каждой неделей, с каждым днем все ближе и ближе толкают друг друга к пропасти, очертания

которой мы ясно видим, в такой момент для нас особенно ясна правильность нашей тактики, — это особенно хорошо знают и чувствуют те, кто войну пережил, кто войну видал, кто о войне говорит не в легких фразах. Для нас особенно ясно, что, пока каждая из групп сильнее нас и пока тот основной перелом, который позволит рабочим и трудящемуся народу России воспользоваться результатами революции, оправиться от нанесенного удара и подняться во весь рост, так, чтобы создать новую организованную, дисциплинированную армию, на новых началах ее построить, чтобы мы могли не на словах, а на деле... (*шумные рукоплескания слева, возглас справа*: «*Керенский!*»), пока этот перелом еще не пришел, мы должны ждать. Поэтому, чем глубже спуститься в народные массы, чем ближе подойти к рабочим фабрик и заводов и трудящемуся народу, крестьянству, не эксплуатирующему наемного труда, не защищающему спекулянтских интересов кулака, не прячущему свой хлеб и не боящемуся продовольственной диктатуры, тем вернее можно сказать, что и там мы встретим, а теперь, с полным убеждением можно сказать, встретили полное сочувствие и единодушие. Да, против этих врагов — империалистов сейчас народ воевать не хочет, не может и не будет, как бы люди по бессознательности, в увлечении фразами, ни толкали его на эту войну, какими бы они словами ни прикрывались. Да, товарищи, кто теперь прямо или косвенно, открыто или прикрыто, толкует о войне, кто кричит против брестской петли, тот не видит, что петлю на шею рабочим и крестьянам в России накидывают господа Керенский и помещики, капиталисты и кулаки... (*Голос*: «*Мирбах*»! *Шум*). Как бы на любом собрании они ни кричали, их дело безнадежно в народе! (*Рукоплескания. Шум*.)

Меня нисколько не удивляет, что в таком положении, в каком эти люди оказались, только и остается, что отвечать криками, истериками, руганью и дикими выходками, когда нет других доводов... (*Голос*: «*Есть доводы*»! *Шум*.)

Девяносто девять сотых русских солдат знает, каких невероятных мук стоило одолеть войну. Они знают, что для того, чтобы построить войну на новом социалистическом и экономическом базисе (*возгласы*: «*Мирбах не позволит!*») нужны невероятные усилия, надо было одолеть войну разбойничью. Они, зная, что бешеные силы империализма продолжают бороться, находясь уже три месяца, протекших со времени предъидущего съезда, на несколько шагов ближе к пропасти — они не войдут в эту войну. После того, как мы исполнили свой долг перед всеми народами, поняв значение декларации мира и доведя это значение через нашу брестскую делегацию, с товарищем Троцким во главе, до сведения рабочих всех стран, когда мы

открыто предложили честный демократический мир, это предложение было сорвано злобствующей буржуазией всех стран. Наше положение не может быть иное, как дожидаться, и народ дождется того, что эти бешеные группы империалистов, сейчас еще сильные, свалятся в ту пропасть, к которой они теперь подходят,—это все видят... (аплодисменты). Это все видят, кто не закрывает себе нарочно глаз. Эта пропасть за три с половиной месяца, когда обезумевшая империалистическая партия стоит за то, чтобы тянуть войну, несомненно, подошла ближе. Мы знаем, чувствуем и осязаем, что сейчас мы еще не готовы к войне, это говорят солдаты, воины, испытавшие войну на деле, а те крики, которые призывают скинуть брестскую петлю теперь, идут от меньшевиков, правых эсеров и сторонников Керенского, кадетов. Вы знаете, где остались сторонники помещиков, капиталистов, где остались прихвостни правых эсеров, кадетов. В том лагере речи левых эсеров, которые также клонятся к войне, будут покрыты громкими аплодисментами. Левые эсеры, как указали предыдущие ораторы, попали в неприятное положение: шли в комнату, попали в другую. (Аплодисменты.)

Мы знаем, что великая революция поднимается самой народной толпой из своей глубины, что на это надо месяцы и годы, и мы не удивляемся, что партия левых эсеров за время революции пережила невероятные колебания. Здесь Троцкий говорил об этих колебаниях [30]), и мне остается добавить, что 26 октября, когда мы пригласили товарищей левых эсеров в состав правительства, они отказались, и когда Краснов стоял у ворот Петрограда они не были с нами, а следовательно вышло так, что они помогали не нам, а Краснову. Мы не удивляемся этим колебаниям, да, эта партия пережила очень многое. Но, товарищи, есть же мера на все*).

Мы знаем, что революция есть такая штука, которая изучается опытом и практикой, что только тогда революция становится революцией, когда десятки миллионов людей в единодушном порыве поднялись как один. (Аплодисменты, заглушающие речь Ленина, крики: Да здравствуют Советы!) Эта борьба, поднимающая нас к новой жизни, начата 115 миллионами людей; надо к этой великой борьбе присматриваться с глубочайшей серьезностью (бурные аплодисменты). В октябре, когда основалась Советская власть,

---

*) В стенографическом отчете V съезда советов дан следующий вариант этого места речи Ленина: «Здесь Троцкий говорил, а мне остается добавить, чем эта партия была после Октябрьской революции, при организации трудящихся масс, и 26 октября, когда позвали членов Ц. И. К. в комнату нижнего этажа в Смольном институте, она отказалась; да эта партия пережила очень многое. Но, товарищи, есть мера во всем». *Ред.*

26 октября 1917 года, когда... (Шум, крики, аплодисменты) наша партия и ее представители в Ц.И.К. предложили партии левых эсеров войти в правительство, — она отказалась. В тот момент, когда левые эсеры отказались войти в наше правительство, они были не с нами, а против нас (шум на скамьях левых эсеров). Мне очень неприятно, что пришлось сказать нечто такое, что вам не понравилось (шум справа усиливается). Но что делать? Если казачий генерал Краснов (шум, крики не дают продолжать речи). Когда 26 октября вы колебались, сами не зная, чего вы хотите, и отказываясь идти вместе с нами (шум, не прекращающийся несколько минут). Правда глаза колет! Я напомню вам, что те люди, которые колебались, которые сами не знают, чего хотят, отказываются идти с нами, слушают других, которые рассказывают сказки. Я вам сказал, как солдат, бывший на войне... (Шум, аплодисменты.) Когда говорил предыдущий оратор, громадное большинство съезда ему не мешало. Да это и понятно. Если же эти люди предпочитают со Съезда уходить, то скатертью дорога! (Шум и волнение на правых скамьях.)

Итак, товарищи, наша правота в деле заключения Брестского мира доказана была всем ходом событий. И те, кто на предыдущем съезде Советов пробовал отпускать плохие остроты насчет передышки, научились и увидали, что мы получили, хотя и с неимоверным трудом, отсрочку, но за время этой отсрочки наши рабочие и крестьяне сделали громадный шаг вперед к социалистическому строительству, и, наоборот, державы Запада сделали громадный шаг вперед к той пропасти, в которую империализм падает тем быстрее, чем идет дальше каждая неделя этой войны.

И поэтому только полною растерянностью я могу объяснить себе поведение тех людей, которые, ссылаясь на тяжесть нашего положения, нападают на нашу тактику. Я повторяю, что достаточно сослаться на последний период трех с половиною месяцев. Я напомню тем, кто был на том съезде, слова, которые были там сказаны, и предлагаю тем, кто там не был, прочесть протокол или газетные статьи о прошлом съезде, чтобы убедиться, как события нашу тактику оправдали полностью. От побед Октябрьской революции до побед международной социалистической революции не может быть грани, взрывы в других странах должны начаться. Для того чтобы их ускорить, мы делали в Брестский период все возможное. Кто пережил революции 1905 и 1917 годов, кто думал над ними и кто относился вдумчиво и серьезно к ним, тот знает, что в нашей стране эти революции близки друг к другу и все же они зарождались с неимоверным трудом.

За два месяца перед январем 1905 года и февралем 1917 года ни один, какой угодно опытности и знания, революционер, ника-

кой знающий народную жизнь человек не мог предсказать, что такой случай взорвет Россию. Уловить отдельные выкрики и бросить в народные массы призывы, которые равняются прекращению мира и бросанию нас к войне, это — политика людей, совершенно растерявшихся, потерявших голову. И, чтобы привести доказательство этой растерянности, я приведу вам пример из слов человека, в искренности которого ни я, ни кто другой, не сомневается, — из слов товарища Спиридоновой, из той речи, которая была напечатана в газете «Голос Трудового Крестьянства» [81]) и о которой не было опровержения. В этой речи 30 июня товарищ Спиридонова поместила три, ничего не говорящие, строчки, будто бы немцы предъявили нам ультиматум—отправить им на три миллиарда мануфактуры [82]).

Та партия, которая доводит своих наиболее искренних представителей до того, что и они падают в столь ужасающее болото обмана и лжи, такая партия является окончательно погибшей. Нельзя не знать рабочим и крестьянам, каких невероятных усилий, каких переживаний стоило нам подписание Брестского договора. Неужели нужны еще сказки и вымыслы, чтобы раскрасить тяжесть этого мира, к которым прибегают даже наиболее искренние люди из этой партии? Но мы знаем, где народная правда, и ею мы руководствуемся, в то время как они мечутся в истерических выкриках. С этой точки зрения подобное поведение полной растерянности хуже всякой провокации. Особенно, если мы сопоставим сумму всех партий в России, а этого требует научное отношение к революции. Никогда нельзя забывать смотреть в целом на отношения всех партий вместе. Отдельные лица, отдельные группы могут ошибаться, могут не уметь найти, не уметь объяснить своего собственного поведения, но если мы возьмем сумму всех партий России и будем смотреть на соотношение их — ошибки быть не может. Посмотрите, что говорят теперь, слушая призывы левых эсеров, правые эсеры, Керенский, Савинков и прочие... Да они в настоящую минуту хлопают, как бешеные. Они рады втянуть Россию в войну теперь, когда это нужно Милюкову. И сейчас так говорить о Брестской петле — значит на русского крестьянина накидывать помещичью петлю. Когда нам здесь говорят о бое против большевиков, как предыдущий оратор говорил о ссоре с большевиками, я отвечу: нет, товарищи, это не ссора, это действительный бесповоротный разрыв, разрыв между теми, которые тяжесть положения переносят, говоря народу правду, но не позволяя опьянять себя выкриками, и теми, кто себя этими выкриками опьяняет и невольно выполняет чужую работу, работу провокаторов.

Я кончаю первую часть моего доклада. За три с половиной месяца империалистической бешеной войны империалистические государства приблизились к той пропасти, в которую они толкают

народ. У нас этот истекающий кровью зверь оторвал массу кусков живого организма. Наши враги так быстро приближаются к этой пропасти, что, если бы даже им было предоставлено больше трех с половиной месяцев и если бы империалистическая бойня нанесла нам снова такие же потери, погибнут они, а не мы, потому что быстрота, с которой падает их сопротивление, быстро ведет их к пропасти. А у нас за эти три с половиною месяца, несмотря на гигантскую тяжесть, о которой мы открыто перед всем народом говорим, несмотря на все это, имеются здоровые ростки здорового организма, и в промышленности и всюду мелкая строительная работа, может быть, не эффектная, не шумная, идет вперед. Она дала свои плодотворнейшие результаты, и мы, имея еще три месяца, еще шесть месяцев, еще зимнюю кампанию такой работы, будем идти вперед, а западноевропейский империалистический зверь, уставая от борьбы, такого состязания не выдержит, потому что внутри его зреют силы, до сих пор еще не верящие в себя, но которые приведут империализм к гибели. А то, что уже там начато, коренным образом начато, не будет иметь возможности быть измененным за три с половиной месяца. Об этой строительной, мелкой, созидательной работе говорят слишком мало, и я думаю, что на ней нам нужно остановиться больше. Я со своей стороны не имею возможности скрывать этого хотя бы в силу того обстоятельства, что необходимо принять во внимание нападки предыдущего оратора. Сошлюсь на резолюцию Ц.И.К. от 29 апреля 1918 года *). Я делал тогда доклад, где мне пришлось говорить об очередных задачах Советской власти **), и подчеркнул, что на-ряду с неимоверной трудностью нашего положения, у нас внутри страны творческая работа должна быть поставлена на первое место.

И тут, не делая себе иллюзий, мы должны сказать, что на эту работу, при всей ее трудности, мы должны отдать все свои силы. Тот опыт, которым я могу поделиться с вами, показывает, что в этом отношении мы, несомненно, далеко ушли вперед. Правда, если ограничиться внешними результатами, как это делает буржуазия, выхватывая отдельные примеры наших ошибок, то едва ли можно говорить об успехе, но мы на это смотрим совершенно иначе. Буржуазия берет какое-нибудь управление речного флота и указывает, сколько раз мы принимались его переделывать, злорадствует и говорит, что Советская власть не может справиться с делом. На это я отвечу: да, мы много раз переделывали наше управление речным флотом, как и управление железными дорогами, и мы теперь принимаемся еще за большую переделку Совета Народного Хозяйства. В

*) См. XXII том Сочинений, стр. 499—501. *Ред.*
**) См. XXII том Сочинений, стр. 469—498. *Ред.*

этом значение переворота, что социализм из области догмы, о которой могут говорить только совсем ничего не понимающие люди, из области книжки, программы перешел в область практической работы. Вот теперь своей рукой рабочие и крестьяне делают социализм.

Прошли и для России, я уверен, безвозвратно прошли, те времена, когда спорили о социалистических программах по книжкам. Ныне о социализме можно говорить только по опыту. В том и значение переворота, что он в первый раз отбросил старый аппарат буржуазного чиновничества, буржуазной системы управления, создал такие условия, что рабочие и крестьяне берутся сами за дело, неимоверно трудное, трудности которого скрывать от себя было бы смешно, ибо капиталисты и помещики десятки миллионов людей веками гнали и преследовали за одну только мысль об управлении землей. А теперь в несколько недель, в несколько месяцев, при отчаянной, бешеной разрухе, когда война изранила все тело России, так что народ похож на избитого до полусмерти человека,—в такое время, когда в наследство нам цари, помещики и капиталисты оставили величайшую разруху, за новое дело, за новое строительство должны браться новые классы, рабочие и те крестьяне, которые не эксплуатируют наемных рабочих и не наживаются на спекулянтском хлебе. Да, это дело неимоверно трудное и неимоверно благодарное. Каждый месяц такой работы и такого опыта стоит десять, если не двадцать лет нашей истории. Да, мы нисколько не боимся признаться перед вами в том, на что указывает ознакомление с нашими декретами, что нам приходится постоянно переделывать их; мы еще ничего готового не создали, мы еще такого социализма, который можно было бы вложить в параграфы, не знаем. Если теперь этому съезду нами может быть предложена Советская конституция [33]), то лишь потому, что Советы во всех концах страны созданы и испытаны, потому, что вы ее создали, вы во всех концах страны испытали, только через полгода после Октябрьской революции, почти через год после Первого Всероссийского Съезда Советов, мы могли записать то, что уже существует на практике. В области хозяйства, там, где социализм только еще строится, где должна строиться новая дисциплина, там у нас такого опыта нет, мы его приобретаем на переделках и перестройках *). Эта — наша главная задача; мы говорим: от всякого нового общественного порядка требуются новые отношения между людьми, новая дисциплина. Было время, когда без крепостной дисциплины нельзя было вести хозяйства, когда была одна дисциплина — палка, было

---

*) В стенографическом отчете V съезда советов дан следующий вариант этого места речи Ленина: «там переделка и перестройка может быть основана только на опыте». *Ред.*

время господства капиталистов, когда силой дисциплины был голод. Теперь же, со времени советского переворота, со времени начала социалистической революции, дисциплина должна создаваться на совершенно новых началах, дисциплина доверия к организованности рабочих и беднейших крестьян, дисциплина товарищеская, дисциплина всяческого уважения, дисциплина самостоятельности и инициативы в борьбе. Всякий, кто прибегает к старым капиталистическим приемам, кто во время нужды и голода по-старому, по-капиталистически рассуждает: если я дескать в одиночку продам хлеб, то больше наживу, если я, дескать, в одиночку отправлюсь добывать хлеб, то легче добуду. Кто рассуждает так, тот избирает более легкий путь, но к социализму он не придет.

Это просто и легко оставаться в старой полосе привычных капиталистических отношений, но мы желаем идти новым путем. Он требует от нас, требует от всего народа большой сознательности, большой организованности, требует больше времени, вызывает большие ошибки. Но мы говорим себе: не ошибается тот, кто ничего практического не делает.

Если период, о котором я даю вам отчет, включает, с точки зрения собрания, опыты, в которых встречаются часто поправки, исправления, возвращение к старому, то не в этом состоит главная задача, главное содержание, главная ценность переживаемого периода. Старый аппарат управления чиновников, которым достаточно приказать повысить жалованье, отошел. Нам приходится столкнуться с рабочими организациями, которые берут в свои руки управление хозяйством. Мы сталкиваемся с железнодорожным пролетариатом, который был хуже поставлен, чем другие, и он имеет законное право требовать, чтобы улучшили его положение; завтра пролетариат речной предъявит свои требования, послезавтра средний крестьянин, о котором я буду говорить подробнее, который чувствует себя часто хуже рабочего, к которому мы относимся с величайшим вниманием, интересам которого посвящены все декреты, чего абсолютно не понял предыдущий оратор, — предъявит требования, — все это вызывает неимоверные трудности, но это те трудности, при которых рабочие и беднейшие крестьяне в первый раз после столетий сами организуют все народное хозяйство России своими собственными руками. И вот приходится искать способы удовлетворить справедливые требования, переделывать декреты, перестраивать управления. И когда рядом с примерами и случаями неудачи, провалов, — случаями, которые выхватываются буржуазной прессой, которые, конечно, многочисленны, мы достигаем успехов, ибо, именно, путем частичных неудач и ошибок, мы на опыте научаемся строить социалистическое здание. И когда со всех сторон мы видим новое требование, мы говорим: это так должно быть, это и есть социализм, когда каждый желает улучшить свое поло-

жение, когда все хотят пользоваться благами жизни. Но страна бедна, страна нищая,— удовлетворить все требования невозможно пока, оттого так трудно в процессе разрухи строить новое здание. Но глубоко ошибается тот, кто думает, что социализм можно строить в мирное спокойное время: он везде будет строиться во время разрухи, во время голода, так и должно быть, и когда мы видим представителей настоящих идей, тогда мы говорим себе: всеми тысячами, десятками тысяч, сотнями тысяч рук рабочие и трудящиеся крестьяне взялись за постройку нового социалистического здания. Теперь начинается глубочайший переворот в деревне, где агитирующие кулаки стараются помешать трудящимся крестьянам, не эксплуатирующим чужого труда и не наживающимся на спекуляции хлебом, и там задача иная. В городах приходится организовать заводы, металлическую промышленность, а после военной разрухи распределить производство, распределить сырье, материал,—проведение этой задачи очень трудно. Там рабочий этому делу учится и создает органы центрального управления, там нам приходится переделывать Высший Совет Народного Хозяйства, ибо старые законы, изданные в начале года, уже устарели, рабочее движение идет вперед, старый рабочий контроль уже устарел и профессиональные союзы превращаются в зачатки органов управления всей промышленностью. В этой области сделано уже много, но все же мы не можем похвастать блестящим успехом. Мы знаем, что в этой области буржуазные элементы, капиталисты, помещики, кулаки, получают возможность еще долго агитировать, говоря, что, как всегда, изданный декрет не проведен в жизнь, другой только что издан, а его исправляют, а вот спекуляция как была при капитализме, так и теперь остается. Да мы не знаем всеобъемлющего шарлатанского рецепта, который сразу мог бы убить спекуляцию. Привычки капиталистического строя слишком сильны, перевоспитать воспитанный веками в этих привычках народ дело трудное и требующее большого времени. Но мы говорим: наш способ борьбы — это организация. Мы должны все организовать, все взять в свои руки, проверять кулаков и спекулянтов на каждом шагу, объявить им беспощадную борьбу и не давать им дышать, проверяя каждый шаг.

На опыте мы знаем, что переделка декретов является необходимой, ибо встречаются новые трудности, из которых переделка черпает новые силы. И если в вопросе о продовольствии мы пришли теперь к организации деревенской бедноты и если теперь прежние товарищи наши—левые эсеры со всей искренностью, в которой нельзя сомневаться, говорят, что наши дороги разошлись, то мы твердо отвечаем им: тем хуже для вас, ибо это значит, что вы ушли от социализма (аплодисменты).

Вопрос продовольственный — это главный вопрос, это тот

вопрос, которому мы больше всего уделяем внимания в нашей работе. Масса мелких мер, которых не видно со стороны, но которые приняты Советом Народных Комиссаров: улучшение транспорта водного и железнодорожного, чистка интендантских складов, борьба со спекуляцией, — все было направлено к тому, чтобы поставить дело продовольствия. Не только наша страна, но и все те самые культурные страны, которые до войны не знали, что такое голод, теперь все они в самом бедственном положении, которое создали империалисты, борясь за господство той или иной группы. Десятки миллионов людей на Западе испытывают муки голода. Все поставлены войной в такое положение, что социальная революция выражается не в программе, а в том, что десятки миллионов людей говорят: жить голодая мы не будем, а лучше умрем за революцию (аплодисменты).

Вы знаете, какие гигантские трудности выдвигает продовольственный вопрос, какое ужасное бедствие надвинулось на нас и как приходится постоянно слышать о восстающих против Советской власти капиталистах! Вы знаете, что чехо-словацкий мятеж — это мятеж людей, купленных англо-французскими империалистами. Постоянно приходится слышать, что то там, то здесь восстают против советов. Восстания кулаков захватывают все новые области. На Дону Краснов, которого русские рабочие великодушно отпустили в Петрограде, когда он явился и отдал свою шпагу, ибо предрассудки интеллигенции еще сильны и интеллигенция протестовала против смертной казни, был отпущен из-за предрассудков интеллигенции против смертной казни. А теперь я посмотрел бы народный суд, тот рабочий, крестьянский суд, который не расстрелял бы Краснова, который расстреливает рабочих и крестьян. Нам говорят, что когда в комиссии Дзержинского расстреливают — это хорошо, а если открыто перед лицом всего народа суд скажет: он контр-революционер и достоин расстрела, то это плохо. Люди, которые дошли до такого лицемерия, политически мертвы (аплодисменты). Нет, революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни. Не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которых не было бы расстрелов.

Наше продовольственное положение было доведено до положения почти катастрофического. Мы пришли в такую полосу, которая является самым тяжелым периодом в нашей революции. Перед нами стоит самый трудный период: не было еще более трудного периода в рабоче-крестьянской России, — именно период, который остался до урожая. Меня, видавшего виды партийных разногласий, революционных споров, не удивляет, что в такой трудный период увеличивается число людей, которые впадают в истерику и кричат: я уйду из советов, ссылаются на декреты, отменяющие смертную казнь. Но плох тот революционер, который

в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходное время имеют временное значение. И, если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется. Товарищи, чем больше надвигается на нас голод, тем яснее становится, что против этого отчаянного бедствия нужны и отчаянные меры борьбы. Социализм, повторяю, перестал быть догмою, как он перестал, может быть, и быть программой. В нашей партии пока еще не написано новой программы, а старая уже никуда не годится. Распределить хлеб правильно и равномерно — вот в чем основа социализма сегодня. Война оставила нам в наследство разруху, усилиями Керенского и помещиков-кулаков, говорящих: после нас хоть потоп. Страна доведена до того положения, что говорят: чем хуже, тем лучше. Война оставила нам такие бедствия, что теперь мы на вопросе о хлебе переживаем самую сущность всего социалистического устройства и должны взять этот вопрос в руки и решить его практически. Тут говорим мы себе: как быть с хлебом, по-старому ли, по-капиталистически, когда крестьяне, пользуясь случаем, и наживают тысячи рублей на хлебе, называя при этом себя трудовыми крестьянами, а бывает, что даже и левыми эсерами? (аплодисменты, шум). Они рассуждают так: если народ голодает, значит, цены на хлеб повышаются, если голод в городах, значит, у меня туга мошна, а если будут голодать еще больше, значит, я нажпву еще лишние тысячи*). Но я прекрасно знаю, что не вина отдельных лиц в этом рассуждении. Все старое гнусное наследие помещичьего и капиталистического общества научило людей так мыслить, так думать и жить, а переделать жизнь десятков миллионов людей страшно трудно, для этого нужно долго и упорно работать, а эту работу мы только что начали. У нас никогда не было и в мыслях обвинять тех людей, кто в одиночку, мучимый голодом и не видя пользы в организации социалистического распределения хлеба, бросается помогать себе в одиночку, махая на все рукой — таких нельзя винить. Но мы говорим: когда выступают представители партий, когда мы видим людей, примкнувших к определенной партии, когда видим большие группы народа, то от них мы требуем, чтобы они посмотрели на это дело не с точки зрения измученного, истерзанного и голодного человека, на которого ни у кого не поднимется рука, а с точки зрения строения нового общества.

---

*) В стенографическом отчете V съезда советов дан следующий вариант этого места речи Ленина: «Тут говорим мы себе: как быть с хлебом, когда, по старому, по капиталистически, крестьяне, пользуясь случаем и наживая тысячи рублей на хлебе, называют себя трудовым крестьянством — бывает и так, — и даже левые эсеры рассуждают как и крестьяне, что если народ голодает, значит цены на хлеб повышаются, если голод в городах, значит у меня туга мошна, а если будут голодать еще больше, значит я наживу еще лишние тысячи.» *Ред.*

Повторяю, социализм никогда не удастся устроить в такое время, когда все гладко и спокойно, социализм никогда не удастся осуществить без бешеного сопротивления помещиков и капиталистов. Тем более радостно потирают они руки, чем труднее положение; тем более поднимаются они на мятеж; чем труднее, чем больше у нас саботажников, тем охотнее они бросаются в чехо-словацкие и красновские истории. И мы говорим: вот это надо преодолеть не по-старому, как бы трудно ни было тащить телегу вперед, на гору, а не пустить ее катиться назад, под гору. Мы великолепно знаем, что не проходило недели или даже дня, когда мы в Совете Народных Комиссаров не были бы заняты вопросом о продовольствии, когда тысячи предположений, распоряжений, декретов исходили от нас и когда мы не ставили бы вопроса, как бороться с голодом. Говорят: не нужно никаких особых цен, таксированных цен, хлебных монополий. Торгуй, как влезет. Богачи наживут еще больше, а что бедняки перемрут, так они ведь и всегда умирали с голоду. Но социалист так рассуждать не может: в этот момент, когда гора стала самой крутой и телегу приходится перетаскивать через самые большие крутизны, — вопрос о социализме перестал быть вопросом партийных разногласий, а стал вопросом жизни: устоите ли вы в борьбе с кулаками, в союзе с крестьянами, не спекулирующими хлебом, устоите ли вы теперь, когда надо бороться, когда предстоит самая тяжелая работа? Нам говорили о комитетах бедноты [34]). Для тех, кто на деле видел муки голода, для тех ясно, что для того, чтобы сломить и беспощадно подавить кулаков, нужны самые крутые, беспощадные меры. Приступая к организации союзов бедноты, мы шли на это с полным сознанием всей тяжести и жестокости этой меры, потому что только союз городов и деревенской бедноты и тех, кто имеет запасы, но не спекулирует, тех, кто хочет решительно преодолеть трудности и достигнуть того, чтобы излишки хлеба шли государству и распределялись между трудящимися, — только такой союз является единственным средством этой борьбы. И борьба эта должна вестись не в программах и речах; в этой борьбе с голодом должно сказаться, кто идет прямым путем, несмотря на все испытания, к социализму и кто поддается на уловки и обманы кулаков.

Если найдутся из партии левых эсеров люди, которые скажут, как предыдущий оратор, один из наиболее искренних и поэтому часто увлекающихся, часто меняющих свои мнения, — если они скажут: мы с большевиками работать не можем, мы уходим, — мы не пожалеем об этом ни на одну минуту. Те социалисты, которые уходят в такую минуту, когда десятки и тысячи людей гибнут от голода, в то время, как другие имеют такие большие излишки хлеба, что не продали их до августа прошлого года, когда удвоили твердые цены на хлеб, против

чего вся демократия восставала; кто знает, что народ терпит несказанные муки голода, но не хочет продавать хлеб по ценам, по которым продают средние крестьяне, те — враги народа, губят революцию и поддерживают насилие, те — друзья капиталистов! Война им и война беспощадная! (Аплодисменты всего зала, аплодирует и значительная часть левых эсеров.) Тысячу раз будет неправ тот, тысячу раз ошибается тот, кто позволит себе хоть на минуту увлечься чужими словами и сказать, что это — борьба с крестьянством, как говорят иногда неосторожные или невдумчивые из левых эсеров. Нет, это борьба за то, чтобы спасти социализм и разделить хлеб в России правильно (возгласы: «а товары?»). Мы будем бороться в союзе с громадным большинством крестьянства, в этой борьбе мы победим, тогда каждый европейский рабочий увидит на деле, что такое социализм. В настоящей борьбе нам поможет всякий, кто, может быть, и не знает по научному, что такое социализм, но знает, что он всю жизнь трудился, и знает, что хлеб доставался трудной ценой *). Он нас поймет. Такой человек будет с нами. Кулакам, имеющим излишки хлеба и способным в момент величайшего бедствия народа скрывать хлеб, в момент, когда все завоевания революции поставлены на карту, когда Скоропадские всех оттенков и со всех концов, оккупированных и не оккупированных, вытягивают шеи и поджидают, нельзя ли на голоде свалить крестьянскую и рабочую власть и вернуть помещиков, — в такой момент объявить этим кулакам беспощадную войну, — это наш первый социалистический долг. Кто в этот труднейший момент величайших испытаний для голодного народа и величайших испытаний для социалистической революции умывает руки и повторяет россказни буржуазии — тот плохой социалист.

Неверно, и тысячу раз неверно, что это есть борьба с крестьянством! Я читал сотни раз на страницах кадетских газет об этом, и меня не удивляет, когда там кричат, что рабочие раскололись с крестьянством. Когда там истерически пишут: «крестьяне, очнитесь, одумайтесь и бросьте большевиков». Когда я слышу и читаю там об этом, меня это не удивляет. Там оно подстать. Там они служат тому хозяину, которому служить предназначены, но я не желал бы быть в шкуре социалиста, упавшего до таких речей! (бурные аплодисменты). Товарищи, мы превосходно знаем, каких неимоверных трудностей стоит решение продоволь-

---

*) В стенографическом отчете V съезда советов дан следующий вариант этого места речи Ленина: «Тогда мы победим и увидим, что такое социализм, так говорит теперь каждый европейский рабочий, так говорит нам здоровый инстинкт всякого простого человека, может быть и не знающего, что такое социализм, но знающего, что он всю жизнь трудился, и знающего, что хлеб доставался трудной ценой». *Ред.*

ственного вопроса. Тут предрассудки самые глубокие. Тут интересы самые коренные, интересы кулаков; тут деление, застой, распыленность деревни, темнота, во многих случаях все объединяются против нас, и мы говорим: несмотря на эти трудности, отказаться нельзя, с голодом не шутят, и народные массы, если в голоде им не помочь, с голода способны метнуться даже к Скоропадскому. Неправда, что это борьба с крестьянами! Кто это говорит, тот величайший преступник, и величайшее несчастье случилось с тем человеком, кто истерически дал увлечь себя до таких речей. Нет, не только с крестьянами беднейшими, но и с средними мы не боремся. Крестьяне средние имеют во всей России ничтожные излишки хлеба. Крестьяне средние жили десятки лет до революции в условиях худших, чем живет рабочий. До революции они видели только нужду и угнетение. С этими средними крестьянами мы идем путем соглашения. Социалистическая революция несет равенство для всех трудящихся масс; несправедливо, если каждый городской рабочий получает больше, чем средний крестьянин, не эксплуатирующий чужого труда путем найма или спекуляции, — крестьянин живет и видит больше нужды и угнетения, чем рабочий, а живет еще хуже его. У них нет организации и профессиональных союзов, которые занимались бы вопросом об улучшении их положения. Даже с рабочими союзами нам приходится устраивать десятки заседаний, чтобы уравнять плату между профессиями. И все же установить не можем. Всякий разумный рабочий знает, что для этого необходим долгий период. Разве мало жалоб вы найдете в Комиссариате Труда? Вы увидите, что каждая профессия поднимает голову, не хочет жить по-старому, мы не хотим жить по-рабски! Мы хотим в стране бедной, стране нищей, залечить те раны, которые ей нанесены. Нам необходимо стараться кое-как удержать хозяйство, развалившееся почти до конца. Мы можем сделать это только путем организации. Чтобы сорганизовать крестьянство, мы издали декрет о комитетах бедноты. Против этого декрета могут быть только враги социализма. Мы говорили, что считаем справедливым понизить цену на мануфактуру. Мы берем на учет, национализируем решительно все. И это дает нам возможность регулировать распределение продуктов промышленности.

Мы говорили: спустите беднякам цены на мануфактуру на половину, среднему крестьянину спустите на 25 процентов. Может быть, это неверная ставка. Мы не претендуем на то, что решили вопрос правильно. Мы не утверждаем этого. Чтобы решить вопрос, идите решать его вместе (аплодисменты). Если сидеть в главном управлении и бороться со спекуляцией, ловить жуликов, устраивающих тайком свои дела, этим не решишь вопроса.

Только тогда, когда Комиссариат Продовольствия, вместе с Комиссариатом Земледелия, национализировал все товары, уста-

новил цены, — только тогда мы вплотную подходим к социализму. К нему подходят только трудящиеся города и деревенская беднота, все те, кто трудится, чужого не загребает, чужого труда не эксплуатирует ни в форме найма, ни в форме спекуляции, ибо тот, кто берет по сто и больше рублей за хлеб, не менее спекулянт, чем если он нанимает наемных рабочих; может быть, он еще худший, еще более горький спекулянт. Через полгода отчаянно трудного советского управления мы пришли к организации крестьянской бедноты, жалко, что не через полнедели, — вот это наша вина! Если бы нас за то упрекали, что декрет об организации деревенской бедноты и продовольственной диктатуры на полгода опоздал, мы были бы рады этому порицанию. Мы говорим: вот только теперь, когда мы на этот путь вступили, социализм перестал быть только фразой и становится живым делом. Может быть декрет неудачен, может быть, наши ставки неверны. Откуда мы могли взять их? Только из вашего опыта. Сколько раз мы переделывали ставки железнодорожников, хотя у них есть союзы, а союзов среди бедноты нет. Давайте проверять вместе, правильны ли ставки, назначенные в декрете о бедноте, что беднейшим спускается полцены, средним спускается четверть цены, а у богатого бери все, — правильны ли эти ставки или нет?

Если будет бой, то на этот бой мы пойдем смелыми декретами и ни капли не колеблясь. Это будет настоящий бой за социализм, не за догму, не за программу, не за партию, не за фракцию, а за социализм живой, за распределение хлеба между голодными сотнями тысяч, миллионами людей в передовых районах России, чтобы, когда хлеб есть, его взять и правильнее распределить. Повторяю: здесь у нас нет ни тени сомнения, что девяносто девять сотых крестьян, когда они правду узнают, когда декрет получат, проверят, примерят, когда скажут нам, как его надо исправить, и мы его исправим, эти ставки переделаем, когда они за эту работу возьмутся, когда прицепятся к ее трудности практической, — эти крестьяне будут с нами и скажут: мы проявляем здоровый инстинкт всякого трудового человека, что здесь и только здесь решается вопрос настоящий, коренной, жизненный вопрос о социализме. Мы установим правильные ставки на товары, установим монополию на хлеб, на мануфактуру, на все продукты, и тогда народ скажет: да, распределение труда, распределение хлеба и продуктов, которые нам дает социализм, лучше, чем было прежде. А это народ начинает говорить. Мы умеем преодолевать препятствия рядом с массой трудностей, рядом с массой ошибок, рядом со случаями, которые мы нисколько не прикрываем, а вытаскиваем на свет, на позор, — теми случаями, когда наши отряды сами впадают в спекуляцию, в ту скользкую пропасть, в которую тащат все привычки, все навыки капиталистов, — да, эти случаи бывают повсюду,

мы знаем, что переделать людей сразу нельзя, что внушить десяткам миллионов людей сразу веру в социализм нельзя. Откуда они возьмут эту веру? Из своей головы? — Из своего опыта. Рядом со всем этим начинают говорить, что хлеб получить можно не путем спекуляции, что спасти от голода можно только путем союза городских и фабрично-заводских и промышленных рабочих с союзом деревенской бедноты, так как только деревенская беднота хлебом не спекулирует. Да, средний крестьянин сразу, когда увидит наши декреты, когда прочтет их сам, когда сравнит их с теми фразами и наветами правых эсеров и защитников кулаков, скажет: если люди устанавливают одну ставку для бедняков, другую — для средних и даром берут хлеб у кулаков, они поступают справедливо. Он, может быть, не скажет, что они поступают, как социалисты, он, может быть, не знает этого слова, но он — наш вернейший союзник, ибо он хлебом не спекулирует, он поймет и согласится, что спекулировать хлебом в момент величайшей опасности для социалистической революции — есть величайшее преступление против народа.

Хлеб нельзя распределить декретом. Но когда после долгой, упорной работы налаживания, исправления,— союза фабричных, городских рабочих и деревенской бедноты, трудящихся крестьян, не нанимающих никаких рабочих, не занимающихся спекуляцией, мы наладим на практике это дело, тогда никакие истерические выкрики против нашей партии не разорвут этого союза. (Аплодисменты.)

Когда мы обещали этому крестьянству, когда ввели социализацию земли, мы этим сделали уступку, но мы понимали, что социализации сразу провести нельзя. Мы знаем, что это, может быть, и ошибка, что мы вашу социализацию земли поставили в наш закон 26 октября*). Это была уступка левым эсерам, которые отказались от власти и сказали, что останутся только тогда, если будет проведен этот закон. Тысячу раз неправа Спиридонова, когда подносила нам отдельные факты о том, как она была у меня, унижалась и просила. Товарищи, многие бывали у меня и знают, что не может быть этого, не может быть такого отношения к товарищу. Должна быть плоха эта партия, если лучшие ее представители унижаются до сказок (шум). У меня лежит письмо товарища Спиридоновой, — она очень часто обращалась ко мне письменно, — это письмо я завтра же найду и передам. Она пишет: «почему вы не хотите дать два миллиона для сельско-хозяйственной коммуны?» И это в тот самый день, когда наркомзем Середа, деятельности которого она не понимает, внес доклад об ассигновании 10 миллионов на сельско-хозяйственную коммуну. (Продолжительные аплодисменты.)

---

*) См. XXII том Сочинений, стр. 20 — 23. *Ред.*

Вы слышали это из речи товарища Спиридоновой, но плоха та партия, в которой даже искреннейшие люди в своей агитации падают до сказок. Я повторяю: как плоха партия, лучшие, искреннейшие представители которой доходят до таких сказок про Советскую власть! Тем хуже для них! Каждый крестьянин, который придет в Комиссариат Земледелия, прочтет, что ассигновано 10 миллионов на сельскохозяйственные коммуны, увидит, поверит своим глазам и своим ушам больше, чем чужим речам, поймет, что эти люди дошли до сказок, и от партии этой отвернется. (Аплодисменты.) В заключение своей речи скажу одно. Перед нами до нового урожая, до подвоза этого урожая в голодные местности Петрограда и Москвы, перед нами стоит тяжелый период русской революции. Только самый тесный союз городских рабочих с деревенской беднотой, с деревенской трудящейся массой, которая не спекулирует хлебом,— вот что спасает революцию.

Съезд нам показывает, что союз всех трудящихся, несмотря ни на что, крепнет, ширится и растет не только в России, но и во всем мире. Знают за границей про нашу революцию до смешного, до ужаса мало. Там военная цензура, которая ничего не пропускает. Товарищ, приехавший из-за границы, это говорил, и, несмотря ни на что, все же по одному инстинкту европейские рабочие стоят на стороне большевистского правительства. И все множатся и множатся голоса, которые показывают, что сочувствие к социалистической революции в Европе крепнет в тех странах, где продолжается империалистическая война. От германских социалистов и других людей, имена которых знает всякий сознательный рабочий и крестьянин, как Клара Цеткин и Франц Меринг, большевистское правительство получает выражение признательности и выражение сочувствия и поддержки. В Италии старый секретарь партии Ладзари, который в Циммервальде относился к большевикам с недоверием, сидит теперь в тюрьме за выражение сочувствия к нам.

Понимание революции растет. Во Франции те товарищи и рабочие, которые на конференции в Циммервальде с величайшим недоверием относились к большевикам, теперь выпустили на днях воззвание от имени Комитета интернациональных связей [35]), в котором горячо высказываются за поддержку большевистского правительства и против авантюр каких-либо партий.

Поэтому, товарищи, как ни труден и как ни тяжел период, который нам предстоит пережить, мы обязаны сказать всю правду и открыть глаза на это, ибо только народ своей инициативой и своей организацией, выдвигая новые и новые условия и защищая социалистическую республику, поможет нам. И мы говорим: товарищи, нет ни тени сомнения, что если мы пойдем по тому пути, который избрали и который события подтвердили, если мы будем твердо и неуклонно идти по этому пути, если мы не

дадим ни фразам, ни иллюзиям, ни обману, ни истерике сбить себя с правильного пути, то мы имеем величайшие в мире шансы удержаться и помочь твердо победе социализма в России, а тем самым помочь победе всемирной социалистической революции! (*Бурные и долго несмолкаемые аплодисменты, переходящие в овацию.*)

V

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ 5 ИЮЛЯ 1918 Г.

Когда здесь говорили о том, будто большевики делают уступки и будто в отчетах они ничего делового не заявили, я вспоминаю слова, сказанные здесь одним эсером, кажется, максималистом, что в Высшем Совете Народного Хозяйства переходят от контроля к управлению производством. Разве это не деловое заявление? Что же делают те рабочие, которые своими силами через профессиональные союзы стали от хозяев учиться делу управления предприятиями? Вы говорите, что управлению научиться ничего не стоит, между тем мы в Высшем Совете Народного Хозяйства ежедневно решаем тысячи конфликтов и случаев, которые говорят, что рабочий научился многому, и, делая из этого выводы, мы приходим к тому, что рабочие начинают учиться медленно, правда, с ошибками, но одно дело сказать фразу, а другое — видеть месяц за месяцем, как постепенно рабочий входит в свою роль; начинает терять свою робость и начинает чувствовать себя правителем. Правильно ли, но он делает дело так, как крестьянин в сельско-хозяйственной коммуне. Время показывает, что рабочий должен был научиться управлению промышленностью, а все остальное есть пустейшая фраза, которой цена грош. Если мы через полгода Советской власти дошли до того, что теперь подходим к устарелости контроля — это уже громадный шаг вперед.

Здесь кричали, что мы топчемся на месте и отступаем. Ничего подобного. Вы в этом можете убедить кулака, но не простого рабочего; он знает, когда мы говорим: давайте людей лучше тех, которых вы послали, заставьте их учиться лучше, чем учишься ты. Поэтому, когда нам кричат здесь о концессии, позвольте тогда спросить любого рабочего и крестьянина, что они предпочитают: заплатить ли по тому долгу, который немцы на нас возложили — концессиями, или воевать? Когда мы Брестский мир заключали, мы говорили об империалистах: пока их не победила международная социалистическая революция, мы не можем защищаться иначе, как отступлением. Это неприятно, но факт, — и лучше, когда мы говорим эту фразу народу, — пока мы не построили армии, которую можно создать не десятками

лет, а годами, если будет создано правильное распределение хлеба, чтобы для армии был запас хлеба, собранного, ссыпанного. В каком уезде, в какой губернии сделали это левые эсеры? Ничего подобного! До тех пор, пока этого не сделано, мы говорим, что все ваши крики есть пустейшая фраза, а когда мы делаем шаги в рабочем управлении, мы делаем шаг вперед. Здесь неверно цитировали мою фразу. Я сказал, что плоха партия, в которой искренние люди вынуждены опускаться до таких фраз.

Что мы миллиард дали нашему Комиссариату Продовольствия — это ли не шаг вперед? Многое еще не налажено, и, если вы пожелаете, сможете это наладить. Через кого только — не знаю. Не через старых ли чиновников? У нас учатся этому делу рабочие и крестьяне из Советов (аплодисменты), и потому закупка мануфактуры и ассигнование делают свое дело. Мы сотни раз в Совете Народных Комиссаров разбирали вопрос: через кого покупать мануфактуру, как проводить контроль, как помочь скорейшему ее распространению? И мы знаем, что из недели в неделю с успехом разрабатывали меры борьбы со спекуляцией, меры ловли спекулянтов, и что рабочие в этом деле с каждым месяцем становятся все тверже, и этого нашего успеха ни один человек отрицать не может. Мы идем вперед, а не топчемся на месте. Мы произвели 28 июня национализацию[36]), может быть, на несколько сот тысяч, а вы еще возражаете и опять повторяете слова буржуазной интеллигенции. Социализм — это работа, которая производится не в несколько месяцев. Мы не топчемся на месте, а продолжаем идти к социализму, и после Брестского договора подошли к нему ближе. У рабочих есть опыт из ряда ошибок, сознание ответственности, трудности борьбы, а у крестьян есть опыт в деле социализации земли, и, несомненно, более опытные и разумные крестьяне говорят: мы в первую весну брали землю сами, а осенью возьмем в свои руки все дело, дело распределения земли. Ведь мы даем крестьянам мануфактуру по 50 процентов, т.-е. за полцены, а кто крестьянской бедноте стал бы давать мануфактуру за эту цену? И мы будем идти к социализму через путь хлеба, мануфактуры и орудий, не достающихся спекулянтам, а идущих в первую голову бедноте. Это есть социализм. (Аплодисменты.) После полугода социалистической революции люди, которые думают по книжкам, ничего не понимают. Мы пришли к такому положению, когда от конкретного шага распределения хлеба и обмена мануфактуры на хлеб делаем так, чтобы выиграла беднота, а не богатые спекулянты. Мы — не буржуазная республика, так как для этого не нужно Советов. От распределения хлеба и мануфактуры надо, чтобы выиграла беднота, а этого не пробовала сделать ни одна республика в мире, а мы пробуем теперь. (Аплодисменты.) Мы делаем дело благородное, а у нас есть опыт, и мы делаем все, чтобы

беднота организовалась. Случаи грабежа и хулиганства почти уничтожаются, на один такой случай приходится десять случаев, когда крестьяне бедные, средние говорят: надо освободиться от кулака и помещика! Со времени Брестского мира мы сделали громадные шаги вперед в деле обучения крестьян, и они теперь не новички в деле борьбы за социализм.

БЕСЕДА С СОТРУДНИКОМ «ИЗВЕСТИЙ В.Ц.И.К.» ПО ПОВОДУ ВОССТАНИЯ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ [37]).

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ.

Революции с удивительной последовательностью доводят до логического конца каждое положение, беспощадно вскрывают все убожество, всю преступность каждой неверной тактики.

Левые эсеры, увлеченные звонкой фразой, вот уже несколько месяцев вопят: Долой Брест, да здравствует восстание против германцев!

Мы отвечали им, что в данных условиях, в данный исторический период, русский народ не может и не хочет воевать.

Закрыв глаза на действительность, с безумным упорством они продолжали гнуть свою линию, не чувствуя, как все дальше и дальше расходятся с народными массами, стремясь, во что бы то ни стало, хотя бы насильственно, навязать этим массам свою волю, волю Центрального Комитета, в состав которого входили преступные авантюристы, интеллигенты-истерики и т. п.

И по мере того, как они отходили от народа, они все более начинали привлекать к себе симпатии буржуазии, надеявшейся их руками осуществить свои замыслы.

Преступный террористический акт и мятеж совершенно и полностью открыли глаза широких масс народа на то, в какую бездну влечет народную Советскую Россию преступная тактика лево-эсеровских авантюристов.

Мне самому и многим товарищам приходилось слышать в день мятежа выражение сильнейшего негодования против левых эсеров со стороны даже самых темных слоев народа.

Серая, безграмотная старушка, негодуя, говорила по поводу убийства Мирбаха:

«Ишь, проклятые, толкнули, таки, нас в войну!»

Все и сразу до очевидности ясно поняли и оценили, что после эсеровского террористического акта Россия оказалась на волосок от войны. Именно так оценивали народные массы выступление левых эсеров:

Нас провоцируют на войну с немцами, когда мы не можем и не хотим воевать. Этого грубого попрания народной воли, этого насильственного толкания в войну, народные массы левым эсерам не простят.

И если кто радовался выступлению левых эсеров и злорадно потирал руки, то только белогвардейцы и прислужники империалистской буржуазии. А рабочие и крестьянские массы еще сильнее, еще ближе сроднились в эти дни с партией коммунистов-большевиков, истинной выразительницей воли народных масс.

«Известия В.Ц.И.К.» № 41 (405), 8 июля 1918 г.

К ПИТЕРСКИМ РАБОЧИМ.

Дорогие товарищи! Пользуюсь поездкой в Питер т. Каюрова, моего старого знакомого, хорошо известного питерским рабочим, чтобы написать вам несколько слов.

Товарищ Каюров побывал в Симбирской губернии, видел сам отношение кулаков к бедноте и к нашей власти. Он понял превосходно то, в чем не может быть сомнения ни для одного марксиста, ни для одного сознательного рабочего: именно, что кулаки ненавидят Советскую власть, власть рабочих и *свергнут ее неминуемо*, если рабочие не напрягут *тотчас же* всей силы, чтобы предупредить поход кулаков против советов, чтобы *разбить на голову* кулаков, прежде чем они успели объединиться.

Сознательные рабочие *могут* в данный момент осуществить эту задачу, могут объединить вокруг себя деревенскую бедноту, могут победить кулаков и разбить их на голову, *если передовые отряды* рабочих поймут свой долг, напрягут все силы, организуют *массовый поход в деревню*.

Сделать это *некому*, кроме питерских рабочих, ибо столь сознательных, как питерские рабочие, других в России нет. Сидеть в Питере, голодать, торчать около пустых фабрик, забавляться нелепой мечтой восстановить питерскую промышленность или отстоять Питер, это — *глупо и преступно*. Это — гибель всей нашей революции. Питерские рабочие должны порвать с этой глупостью, прогнать в шею дураков, защищающих ее, и *десятками тысяч* двинуться на Урал, на Волгу, на Юг, где много хлеба, где можно прокормить себя и семью, где *должно* помочь организации бедноты, где *необходим* питерский рабочий, как организатор, руководитель, вождь.

Каюров расскажет свои личные наблюдения и убедит, я уверен, всех колеблющихся. Революция в опасности. Спасти ее может только *массовый* поход питерских рабочих. Оружия и денег мы им дадим сколько угодно.

С коммунистическим приветом *Ленин*.

Написано 12 июля 1918 г. Впервые напечатано в 1920 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 3.

Печатается по рукописи.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всѣх стран, соединяйтесь!“

ПЯТЫЙ СОЗЫВ

ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноарм. Депутатов.

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ.

Москва, 1918 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссийского Центрального Исполнительного
Комитета Советов Р., С., К. и К. Депутатов.
МОСКВА.—1919.

Обложка книги: «Пятый созыв Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноарм. Депутатов. Стенографический отчет» — 1919 г.

Уменьшено

ЗАЯВЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ В.Ц.И.К. 15 ИЮЛЯ 1918 Г. [38]).

Товарищи, на недостаток политических кризисов и быстрых политических изменений наша Советская Республика пожаловаться не может. Как ни просты, как ни элементарно просты все те империалистические силы, которые не могут, конечно, чувствовать себя спокойно рядом с Социалистической Советской Республикой, но в момент, подобный переживаемому нами, при условии ведения войны в прежнем размере, явно руководящие силы, комбинация двух империалистических групп, продолжает вызывать политический кризис и его подобия. По поводу одного такого события, подобия политического кризиса, или настоящего кризиса, я имею дать вам сообщение.

Вчера, 14 июля, в 11 часов вечера, народного комиссара по иностранным делам посетил исполняющий должность германского дипломатического представителя доктор Рицлер и сообщил ему содержание только что полученной им из Берлина телеграммы, в которой германское правительство поручает ему просить о согласии русского правительства на допущение баталиона германских солдат в военной форме для охраны германского посольства и о скорейшей доставке этих солдат в Москву.

При этом было прибавлено, что всякие оккупационные цели далеки от германского правительства.

Народный комиссар по иностранным делам, по соглашению с председателем Совета Народных Комиссаров, ответил, что народные массы России желают мира, что русское правительство готово дать германскому посольству, консульству и комиссиям вполне достаточную и надежную охрану из своих собственных войск, но что оно не может ни в коем случае согласиться на допущение в Москву иностранной военной части, твердо надеясь при этом, что германское правительство, одушевленное тем же желанием мира, не будет настаивать на своем пожелании.

Действительно, обращение к русскому правительству находится в полном противоречии с заявлением имперского канцлера

в рейхстаге о том, что несчастное убийство графа Мирбаха не поведет к ухудшению отношений между обеими странами. Противоречит оно и хорошо известному нам пожеланию руководящих торгово-промышленных кругов Германии наладить и развить к выгоде обеих стран тесные экономические отношения и успешно подвигающимся вперед переговорам. Об этом свидетельствуют и многочисленные заявления, сделанные нашему представителю в Берлине о политическом положении и об отношении к России.

Мы имеем еще полное основание надеяться, что этот неожиданный инцидент удастся благополучно разрешить, но каждый раз, когда наступает в наших международных отношениях обострение, мы считаем нужным сообщать об этом открыто и ставить вопросы прямо.

Я считаю своим долгом поэтому сделать следующее правительственное заявление.

«Правительство Советской республики прекрасно сознавало, заключая Брестский мир, какую тяжелую задачу пришлось рабочим и крестьянам России, ввиду сложившегося международного положения, взять на себя. Воля подавляющего большинства IV съезда Советов была вполне ясна: трудящиеся классы требовали мира, нуждаясь в отдыхе для работы, организации социалистического хозяйства, для собирания и укрепления сил, надорванных мучительной войной.

Исполняя волю съезда Советов, правительство строго выполняло условия Брестского мира, и в последнее время довольно далеко подвинулись уже наши переговоры с германским правительством о самом точном определении размеров тех платежей, какие падают на нас, и о способах расплаты, которую мы решили произвести в кратчайший возможный срок.

Но точнейшим образом выполняя Брестские условия и охраняя волю рабочих и крестьян иметь мир, правительство Советской республики никогда не упускало из виду, что есть пределы, за которыми даже самые миролюбивые трудящиеся массы будут вынуждены встать и встанут, как один человек, на защиту своей страны вооруженной рукой.

Бессмысленная и преступная авантюра левых эсеров привела нас на волосок от войны. Отношения наши к германскому правительству, вопреки нашему желанию, не могли не обостриться. Признавая законность желания германского правительства усилить охрану своего посольства, мы шли и идем далеко для удовлетворения этого желания.

Но когда нам было сообщено желание германского правительства, не носящее еще характера безусловного требования, чтобы мы пропустили в Москву батальон вооруженных немецких войск в форме, то мы ответили и повторяем теперь этот ответ перед лицом высшего органа Советской власти рабочих и кре-

стьян, перед лицом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, что подобного желания мы ни в коем случае и ни при каких условиях удовлетворить не можем, ибо это было бы объективно началом оккупации России чужеземными войсками.

На такой шаг мы вынуждены были бы ответить, как отвечаем на мятеж чехо-словаков, на военные действия англичан на севере, именно: усиленной мобилизацией, призывом поголовно всех взрослых рабочих и крестьян к вооруженному сопротивлению и к уничтожению, в случае временной необходимости отступления, всех и всяческих, без всяких изъятий, путем сожжения складов и, в особенности, продовольственных продуктов, чтобы они не могли достаться в руки неприятеля. Война стала бы для нас тогда роковой, но безусловной и безоговорочной необходимостью, но эту революционную войну рабочие и крестьяне России поведут рука об руку с Советской властью до последнего издыхания.

Внутренняя политика Советской власти, строго следуя решениям V съезда Советов, так же, как и внешняя, остается прежней. Преступная авантюра левых эсеров, оказавшихся пособниками белогвардейцев, помещиков и капиталистов, теперь, когда сгущаются тучи и усиливается опасность войны, будет еще преступнее в глазах народа, и мы всецело, всемерно поддержим и проведем беспощадную расправу с предателями, осужденными бесповоротно волею V съезда Советов. Если война, вопреки всем нашим усилиям, станет фактом, мы не сможем питать ни тени доверия к шайке лево-эсеровских предателей, способных срывать волю Советов, идти на военную измену и тому подобное. Мы почерпнем новые силы для войны из беспощадного подавления, как безумно-авантюристических лево-эсеровских, так и сознательно классовых, помещичьих, капиталистических, кулацких деятелей контр-революции.

К рабочим и крестьянам всей России обращаемся мы: «тройная бдительность, осторожность и выдержка, товарищи. Все должны быть на своем посту. Все должны отдать жизнь, если понадобится, для защиты Советской власти, для защиты интересов трудящихся, эксплуатируемых, бедных, для защиты социализма».

Напечатано в 1919 г. в книге: «Стенографический отчет пятого созыва В.Ц.И.К.». Изд. В.Ц.И.К. Москва.

Печатается по тексту книги.

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В ЛЕФОРТОВСКОМ РАЙОНЕ 19 ИЮЛЯ 1918 Г.

Обостренное положение Советской республики вызвано двумя причинами: международной и внутренней. Мы никогда не скрывали от рабочих и крестьян всей тяжести позорного мира. Несмотря на всю тяжесть, IV съезд Советов нашел необходимым подписать этот мир, чтобы дать возможность русским рабочим и крестьянам передохнуть и укрепиться. Партия левых эсеров взяла на себя ответственность за убийство Мирбаха и поставила Россию на волосок от смерти.

Есть признаки, что германское правительство идет на уступки и, возможно, откажется от введения батальона немецких солдат в Москву. Советское правительство категорически отказало в этом германскому правительству, если бы даже это и вызвало войну.

Авантюра левых эсеров привела к чрезвычайному ухудшению положения Советской власти, но, с другой стороны, она привела к тому, что самая лучшая часть ее, трудящийся элемент, отказывается от партии левых эсеров.

В связи с обострением отношений с Германией обострились отношения и с другой коалицией. Чехо-словацкое восстание — это их проделка. Этому доказательством является офицерство, поддерживаемое французскими деньгами и помогающее чехо-словакам.

Дальше Ленин говорит о том, что война порождает революцию и, чем дальше она тянется, тем положение воюющих стран делается безвыходнее, тем скорее она приближает их к революции. В Германии и Австрии снова прокатилась волна забастовок. Все империалистские хищники бросаются на Россию и хотят ее растерзать, так как знают, что каждый месяц существования социалистической России готовит им гибель. На нашу долю выпала величайшая честь и величайшая трудность быть первым социалистическим отрядом в борьбе с мировым империализмом. Наша задача — продержаться еще.

Далее Ленин переходит к вопросу о голоде, которым спекулируют белогвардейцы, чтобы сбросить Советскую власть. Со

стороны монархистов, кулаков, богатеев идет бешеная агитация на почве голода. Они не ограничиваются только агитацией, но подкупают бедных крестьян, толкая их на спекуляцию и на борьбу с рабочими. Два класса борются: пролетариат и кулаки, капиталисты. Один из этих классов должен победить, другой — быть разбитым. Наша социалистическая революция зовет на союз сознательных рабочих с большинством беднейших и средних крестьян для борьбы с кулаками, для водворения строжайшего порядка в интересах рабочих. В наших руках есть один путь спасения от голода — союз рабочих с беднейшими крестьянами для борьбы и отобрания хлеба у кулаков и спекулянтов. Смотрите в лицо опасности! У нас повсюду враги, но у нас есть и новые союзники — пролетариат тех стран, где еще ведется война. У нас есть союзники и внутри, — огромная масса беднейшего крестьянства, которая пойдет сплоченными рядами с городским пролетариатом.

«Правда» № 151, 21 июля 1918 г.

ДОКЛАД НА МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ 23 ИЮЛЯ 1918 Г. [39]).

Последние дни ознаменовались крайним обострением дел Советской Республики, вызванным как международным положением страны, так и контр-революционными заговорами и тесно связанным с ними продовольственным кризисом.

Позвольте остановиться на международном положении. Российская революция есть лишь один из отрядов международной социалистической армии, от выступления которых зависит успех и торжество совершенного нами переворота. Этот факт никем из нас не забывается. Точно также нами учитывается, что первая роль пролетариата России в мировом рабочем движении объясняется не хозяйственным развитием страны. Как раз наоборот: отсталостью России, неспособностью так называемой отечественной буржуазии справиться с полками пролетариата, неспособностью ее на захват политической власти и на осуществление ею своей классовой диктатуры. Сознавая свое революционное одиночество, русский пролетариат ясно сознает, что необходимым условием и основной предпосылкой его победы является объединенное выступление рабочих всего мира или некоторых передовых в капиталистическом отношении стран. Но русский пролетариат великолепно знает, что в каждой стране он имеет как явных, так и скрытых друзей. Так, нет ни одной страны, где тюрьмы не были бы переполнены интернационалистами, сочувствующими Советской России; нет ни одной страны, где бы революционная мысль не находила своего отражения то в легальной, то в подпольной прессе. Поэтому-то, зная своих истинных друзей, мы отвергаем всякое соглашение с меньшевиками, поддерживавшими Керенского и его наступление. По последнему вопросу очень характерно письмо интернационалистки Розы Люксембург (маленькое по размеру, но ярко интернациональное по существу), в английской газете «Дредноут Рабочего» [40]) по поводу июньского наступления. Роза Люксембург находит, что между-

народный характер Великой Русской Революции был подорван предпринятым Керенским наступлением и той санкцией, которой Первый Всероссийский Съезд Советов освятил и одобрил его. Это наступление революционной России задержало развитие революции на Западе, и только диктатура пролетариата, переход к нему всей власти, привела к срыву всех тайных договоров, к разоблачению их хищнической империалистской сущности и, следовательно, к ускорению революционной развязки в Европе. Такое же могучее влияние на пробуждение и развертывание пролетарской энергии на Западе имело и наше обращение ко всем народам о заключении демократического мира без аннексий и контрибуций *). Все эти революционные акты открыли глаза рабочим всего мира, и никаким потугам буржуазных и социал-предательских группировок не удастся затемнить их пробудившееся классовое самосознание. Встреча, оказанная Керенскому английскими рабочими, это подтвердила с достаточной ясностью. Обаяние русской революции выразилось в первом грандиознейшем за все время войны выступлении германских рабочих, которые на Брестские переговоры реагировали колоссальной забастовкой в Берлине и других промышленных центрах. Это выступление пролетариата в стране, одурманенной угаром национализма и опьяненной ядом шовинизма, есть факт первостепенной важности и представляет собой поворотный пункт в настроениях немецкого пролетариата.

Неизвестно, как сейчас пойдет революционное движение в Германии. Несомненна лишь наличность там громадной революционной силы, проявление которой должно наступить с железной необходимостью. И напрасно винят немецких рабочих в том, что они революции не делают. С тем же правом можно было обвинить и русских рабочих, которые не сфабриковали революции в течение 10 лет, от 1907 до 1917 года. Но, ведь, это не так. Революции не делаются по заказу, не приурочиваются к тому или другому моменту, а созревают в процессе исторического развития и разражаются в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин. И этот момент близок и он неминуемо и неизбежно наступит. Нам легче было начать революцию, но чрезвычайно трудно ее продолжить и завершить. Страшно трудно дается революция в такой высоко развитой, с прекрасно организованной буржуазией стране, как Германия, но тем легче будет закончить победоносно социалистическую революцию после того, как она вспыхнет и зажжется в передовых капиталистических странах Европы.

Напрасно нас обвиняют в заключении Брестского договора,— чрезвычайно унизительного, тяжелого и насильнического, — и

*) См. XXII том Сочинений, стр. 13 — 16. *Ред*

усматривают в этом полное отступничество от наших идеалов и приверженность к германскому империализму. И характерно, что это обвинение исходит от буржуазных кругов и социал-соглашательских элементов, которые сейчас на Украине, в Финляндии и на Кавказе, меньшевики встречают с распростертыми объятиями немецких юнкеров. Такое же обвинение сыплется на нашу голову и со стороны безголовых левых эсеров. Мы великолепно сознаем всю тяжесть Брестского договора. Мы точно также знаем, что по этому насильническому договору нам придется уплачивать Германии около 6-ти миллиардов рублей, по вычислениям заседающей в Берлине нашей экономической делегации. Положение безусловно трудное, но выход можно и нужно будет найти общими усилиями пролетариата и деревенской бедноты. И не безумная попытка левых социалистов-революционеров убийством Мирбаха вовлечь нас в войну — есть средство уйти от Брестского договора. Эта авантюра, наоборот, была на руку военным германским партиям, положение которых, естественно, должно ослабеть в силу роста пораженчества не только среди германских рабочих, но и среди буржуазии. Ибо теперь после Брестского мира для всех ясно с очевидностью, что Германия ведет грабительскую войну, с явными империалистскими целями.

Чрезвычайно тяжело продовольственное положение Советской России, окруженной со всех сторон империалистскими хищниками и поддерживающими их недремлющими контр-революционерами внутри страны. И заданиям борьбы с голодом, этим лучшим средством борьбы буржуазии с пролетарской диктатурой, должно быть уделено внимание рабочего класса. Но одно мы должны принять за основу: при одолении голода мы откажемся категорически от буржуазных методов борьбы, от голодухи масс в интересах богатеев и мироедов, и будем применять чисто социалистические способы борьбы. Последние же заключаются во введении, в интересах рабочих, хлебной монополии и в установлении твердых цен.

Буржуазия и ее приспешники социал-соглашатели ратуют за свободную торговлю и за уничтожение твердых цен. Но свободная торговля уже показала свои результаты в целом ряде городов. Сейчас же после своего водворения цены на хлеб повысились во много раз, а потому самый продукт исчез с рынка: его спрятали кулаки в надежде на дальнейшее повышение цен.

Самым отчаянным врагом пролетариата и Советской России является голод. Но на пути его преодоления пролетариат сталкивается с деревенской буржуазией, никак не заинтересованной в уничтожении голода, а, наоборот, черпающей из него свои групповые и классовые выгоды. Пролетариат должен это учесть и в союзе с голодающей деревенской беднотой повести отчаянную непримиримую борьбу с деревенским кулачеством. В тех же це-

лях должна быть продолжена и начатая организация продовольственных отрядов, во главе которых должны быть поставлены честные коммунисты, пользующиеся доверием партийных и профессиональных организаций. Только тогда продовольственное дело будет налажено, и дело революции будет спасено.

«Правда» № 153, 24 июля 1918 г.

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В ХАМОВНИЧЕСКОМ РАЙОНЕ 26 ИЮЛЯ 1918 Г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

В своей речи на тему: «Что даст трудовому народу Советская конституция», Ленин отмечает, что Советская конституция, создававшаяся, подобно советам, в период революционной борьбы, — есть первая конституция, провозгласившая государственной властью — власть трудящихся, устранившая от прав эксплуататоров — противников строительства новой жизни. В этом главном ее отличии от конституций других государств и есть залог победы над капиталом.

Указывая на ряд главных положений декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, Ленин замечает, что теперь трудящиеся всех стран увидят, что Советская конституция — основной закон Российской Социалистической Федеративной Республики, — отражает идеалы пролетариата всего мира. Близится час расплаты с буржуазией всех стран! В Западной Европе крепнет возмущение! Наша задача — преодолеть все препятствия, встречающиеся на пути, как бы тяжелы они ни были, и удержать власть Советов до того времени, когда восстанет рабочий класс всех стран и воздвигнет великое знамя всемирной социалистической республики!

«Правда» № 157, 28 июля 1918 г.

РЕЧЬ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ В.Ц.И.К., МОСКОВСКОГО СОВЕТА, ФАБРИЧНО - ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ МОСКВЫ 29 ИЮЛЯ 1918 Г. [41]).

Товарищи, не раз нам приходилось указывать и в партийной печати, и в советских учреждениях, и в агитации перед массами, что время перед новым урожаем является самой трудной, тяжелой и критической полосой для начавшейся в России социалистической революции. Теперь, я думаю, мы должны сказать, что высший пункт этого критического положения достигнут. Так произошло в силу того, что сторонники империалистического мира, империалистических стран, с одной стороны, и сторонники Советской Социалистической Республики — с другой, теперь определились полностью и окончательно. Прежде всего надо сказать, что в военном отношении только теперь положение Советской Республики окончательно определилось. На чехо-словацкое восстание многие сначала смотрели, как на эпизод контр-революционных бунтов. Мы недостаточно оценивали сведения из газет об участии англо-французского капитала, об участии англо-французских империалистов в этом восстании. Теперь следует припомнить, как развернулись события на Мурмане, в сибирских войсках, на Кубани, как англо-французы в союзе с чехо-словаками, при ближайшем участии английской буржуазии, стремились свергнуть Советы. Все эти факты показывают теперь, что чехословацкое движение было одним из звеньев, давно рассчитанных на удушение Советской России систематической политикой англо-французских империалистов, с целью втягивания России снова в кольцо империалистических войн. Теперь этот кризис должен быть разрешен широкими массами Советской России, так как он встал перед нами теперь, как борьба за сохранение Советской Социалистической Республики не только от чехо-словаков, как от контр-революционного покушения, не только от контр-революционных покушений вообще, но как борьба против натиска всего империалистического мира.

Я хотел бы прежде всего напомнить тот факт, что давно уже установилось прямое и непосредственное участие англо-французского империализма в чехо-словацком мятеже; я напомню статью от 27 июня, которая была пропущена в центральном органе чехо-словацкой коммунистической партии «Прукопник Свободы» [42]) и была воспроизведена в нашей печати:

«7 марта Отделение Национального Совета получило первый взнос от французского консула в сумме 3 миллионов рублей.

Эти деньги выданы были некоему г-ну Шип, сотруднику Отделения Национального Совета.

9 марта тому же Шип уплочены были еще 2 миллиона, 25 марта Шип получил 1 миллион, 26 марта товарищ председателя Национального Совета г. Богумил-Чермак получил 1 миллион, и 3 марта опять г. Шип получил 1 миллион.

Итого французским консулом уплочено было Отделению Национального Совета с 7 марта по 4 апреля 8 миллионов.

Без обозначения числа было уплочено: г. Шип 1 миллион, г. Богумил-Чермак 1 миллион, г. Шип вторично 1 миллион.

Кроме того, неизвестному лицу уплочено было 188.000 руб. Итого 3.188.000. С указанными выше 8 миллионами получается сумма 11 миллионов 188.000, которые французское правительство уплатило Отделению Национального Совета.

От английского консула Отделение приняло 80.000 фунтов стерлингов. От 7 марта до дня выступления вожди Национального Чешского Совета получили от французского и английского правительства около 15 миллионов, и за эти деньги была продана чехо-словацкая армия французским и английским империалистам».

Конечно, большинство из вас читало в свое время это известие в газетах; конечно, мы не сомневались никогда, что империалисты и финансовые дельцы Англии и Франции постараются сделать все возможное и невозможное для свержения Советской власти, для причинения ей всяческого рода трудностей. Но тогда еще не развернулась вся цепь событий, показывающих, что мы имеем здесь дело с систематическим, неуклонным, очевидно, давно обдуманным, месяцами подготовлявшимся всеми представителями англо-французского империализма, военным и финансовым контрреволюционным походом на Советскую Республику. Теперь, когда мы берем события в целом, сопоставляем чехо-словацкое контрреволюционное движение с мурманским десантом, знаем, что англичане высадили там свыше 10.000 солдат, что они, под предлогом защиты Мурмана, на самом деле стали продвигаться вперед и заняли Кемь и Сороки и пошли к востоку от Сорок, перешли к расстрелам наших советских деятелей; читаем в газетах, что многие тысячи железнодорожных рабочих и вообще рабочих дальнего Севера бегут от этих спасителей и избавителей, т.-е., говоря правду, от этих новых империалистских насильников, рвущих Россию с другого конца, — то, сопоставляя все эти факты,

нам становится ясной общая связь событий. А между тем, в последнее время получились новые подтверждения, показывающие характер англо-французского наступления на Россию.

Уже по причинам географическим понятно, что форма этого наступления империализма на Россию не может быть такая, как в Германии. Границы, смежной с Россией, такой, как у Германии, нет; такого количества войск нет. Преимущественно колониальный и морской характер военной силы Англии давно уже, в течение многих десятилетий, заставлял англичан в их завоевательных походах наступать иначе, стараться главным образом отрезывать источники снабжения от страны, на которую они нападали, и предпочитать метод удушения, под предлогом помощи, методу прямого, непосредственного, крутого, резкого военного насилия. В последнее время из сообщений, которые мы имеем, выяснилось, что несомненно помощью англо-французского империализма воспользовался Алексеев, давно известный русским солдатам и рабочим, захвативший в последнее время станицу Тихорецкую. Там восстание приняло более определенные формы, и опять-таки, очевидно, потому, что англо-французский империализм наложил свою руку.

Наконец, вчера получены известия, что в Баку англо-французскому империализму удался очень эффектный ход [43]). Им удалось получить в Бакинском Совете большинство, около 30 голосов, против нашей партии, против большевиков, и тех левых эсеров, к сожалению, очень немногих, которые не пошли за гнусной авантюрой и предательской изменой московских левых эсеров, а остались с Советской властью против империализма и войны. Вот против этого, верного Советской власти, до сих пор бывшего большинством в Бакинском Совете ядра, англо-французский империализм получил на этот раз перевес в 30 голосов, благодаря перешедшей против нас на их сторону громадной части партии Дашнакцутюн [44]), армян-полусоциалистов. (Читает телеграмму.)

«26 июля Аджи-Кабульский отряд по приказу наркома Карганова отошел от Аджи Кабул к позициям Алят после отхода Шемахинского отряда, от Шемахи Маразы противник повел наступление по долине речки Пирсагат; у деревни Кубала произошло первое столкновение с авангардом противника; при таком положении для удержания станции Анджика было требование растянуть все имеющиеся силы к северу и к югу от долины Пирсагат Навига. Такая растянутость лишила бы нас резервов при отступлении конницы, не давала бы возможности нанести удар противнику и даже поставила бы в тяжелое положение Аджи-Кабульскую. Вследствие такой расстановки, а также в интересах сохранения сил войск, отдан приказ об отступлении от Аджи-Кабульскаго отряда к позициям и отход в полном порядке. Важные сооружения на пути к станции Аджи-Кабул: керосиновые и нефтяные цистерны взорваны. В Дагестане, в связи с общим наступлением, противник проявляет активность. 24 июля противник большими скопищами наступал в 4-х направлениях. После суточного боя мы

заняли окопы противника, неприятель рассеялся в лесу, ночь помешала дальнейшему преследованию. 24 июля из Шуры сообщают об успешных для нас боях, театром военных действий являются окрестности города, противник действует упорно, организованно, командуют силами противника бывшие дагестанские офицеры, активное участие в боевых действиях под Шурой принимают крестьяне Дагестана. Под влиянием неудачи на главном фронте правые партии подняли головы и повели энергичную агитацию за признание англичан. Агитация усиленно поддерживается командным составом армии и переносится на фронтовые части. Англофильская агитация дезорганизовала армию. Последнее время английская ориентация имеет большой успех у отчаявшихся измученных рабочих. Масса под влиянием лживой провокационной деятельности правых партий. Каспийско-военная флотилия принимала несколько противоположных резолюций об англичанах. Обманутая английскими наемниками и добровольными агентами она до последнего времени слепо верила в искренность английской поддержки. Последние сведения говорят о приближении англичан к Персии и занятии ими Решта (Гилян). В Реште англичане 4 дня боролись с Кучук-Ханом и присоединившимися к нему германо-турецкими бандами во главе с бежавшими из Баку муссаватистами. В начале Рештского боя англичане просили помощи у нас, но наши уполномоченные в Персии отказали. В Реште англичане победили. Но сил в Персии у них почти нет. Выяснено, что в Энзели всего их 50 человек. Они нуждаются в бензине и предлагают нам за него автомобили. Без бензина они продвигаться не могут.

25 июля состоялось вторичное заседание Совдепа по вопросу о политическом и военном положении правых партий. Постановлено: вопрос об англичанах Чрезвычайный Комиссар Кавказа тов. Шаумян, ссылаясь на резолюцию 5 съезда Советов и на телеграмму Сталина от имени Центр. Совнаркома о недопущении приглашения англичан, требует снять обсуждение вопроса о призыве англичан. Незначительным большинством голосов требование тов. Шаумян было отклонено, на что тов. Шаумян как представителем центральной власти был заявлен решительный протест. Заслушан доклад делегатов, ездивших на фронт. Большинством 259 голосов правых эсеров, правых дашнаков и меньшевиков против 236 голосов большевиков, левых эсеров и левых дашнаков была принята резолюция о приглашении англичан и составлении правительства из всех советских партий, признающих власть Совета Народных Комиссаров. Резолюция встретила резкое осуждение со стороны левого сектора. Шаумян заявил, что считает принятое постановление позорной изменой и черной неблагодарностью в отношении рабочих и крестьян России и что как представитель центральной власти снимает с себя всякую ответственность за принятое решение. От имени фракции большевиков, левых эсеров и левых дашнаков было заявлено, что в коалиционное правительство они не войдут и что Совет Народных Комиссаров пойдет в отставку. Т. Шаумяном от имени трех левых фракций было заявлено, что власть, разорвавшая на деле с Российской Советской властью приглашением империалистов англичан, не встретит никакой поддержки со стороны Советской России. Своей предательской политикой местный Совдеп, пригласивший англичан, потерял Россию и партии, поддерживающие Советскую власть. Правые партии в полнейшей растерянности в связи с решением Совнаркома об отставке и создавшимся положением. Настроение в районах и на фронте резко изме-

нилось, моряки поняли, что они обмануты предателями в целях разрыва с Россией и уничтожения Советской власти, и в массе изменили свои отношения к англичанам. Вчера в связи с отставкой Совнаркома, состоялось экстренное собрание Исполкома. Решено, что все народные комиссары остаются на своих постах и ведут ту работу, которую они вели ранее впредь до разрешения вопросов о власти. На заседании Совета 31 июля Исполком решил принять срочные меры к выяснению способности города к борьбе с назревшей контр-революцией. Они ведут свою работу под прикрытием французских партий. Бюро печати Баксовнаркома».

Как это вы постоянно наблюдаете и в наших фракциях, которые, называя себя социалистами, никогда не порывали связи с буржуазией; и там на этот раз высказались за приглашение английских войск для защиты Баку. Мы уже знаем слишком хорошо, что̀ значит такое приглашение на защиту Советской Республики империалистических войск. Мы знаем, каково было это приглашение, произведенное буржуазией, частью эсеров и меньшевиками.

Мы можем теперь сказать, что единственной партией, которая империалистов не приглашала и в грабительский союз с ними не вступала, а лишь отступала от них тогда, когда насильники наступали, единственной партией была партия большевиков-коммунистов. Мы знаем, что на Кавказе положение наших товарищей-коммунистов было особенно трудное, потому что кругом их предавали меньшевики, вступавшие в прямой союз с германскими империалистами под предлогом, конечно, защиты независимости Грузии.

Вы все хорошо знаете, что эта независимость Грузии превратилась в чистейший обман,— на самом деле это есть оккупация и полный захват Грузии германскими империалистами, союз немецких штыков с меньшевистским правительством против большевистских рабочих и крестьян, и поэтому тысячу раз правы были наши бакинские товарищи, которые, нисколько не закрывая глаз на опасность положения, сказали себе: мы никогда не были бы против мира с империалистической державой на условиях уступки им части нашей территории, если бы это не наносило удара нам, не связывало бы наши войска союзом с штыками насильников и не лишало бы нас возможности продолжать нашу преобразовательную социалистическую деятельность.

Если же вопрос стоит так, что, приглашая англичан якобы для защиты Баку, пригласить державу, которая теперь скушала всю Персию и давно подбирается своими военными силами для захвата юга Кавказа, т.-е. отдаться англо-германскому империализму, то в этом случае у нас не может быть ни минуты сомнения и колебания, что, как ни трудно положение наших бакинских товарищей, они, отказываясь от такого заключения мира, сделали шаг, единственно достойный социалистов не на словах,

а на деле. Решительный отказ от какого бы то ни было соглашения с англо-французскими империалистами — единственно правильный шаг бакинских товарищей, так как нельзя приглашать их, не превращая самостоятельной социалистической власти, будь то на отрезанной территории, в раба империалистической войны. Поэтому у нас нет никакого сомнения, какое значение имеет бакинское происшествие в общей сети происшествий.

Вчера получено сообщение, что часть городов Средней Азии охвачена контр-революционным восстанием при явном участии англичан, укрепившихся в Индии, которые, захватив в свое полное подчинение Афганистан, давно создали себе опорный пункт как для расширения своих колониальных владений, для удушения наций, так и для нападений на Советскую Россию. И вот теперь, когда эти отдельные звенья стали ясны для нас, вполне определилось теперешнее военное и общестратегическое положение нашей Республики. Мурман на севере, чехо-словацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке — мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединены между собой.

Мы прекрасно видим теперь, что помещики, капиталисты и кулаки, которые все, конечно, по причинам, для них довольно законным, пылают ненавистью к Советской власти, выступили теперь и здесь, чуть в других формах, чем помещики, капиталисты и кулаки выступили на Украине и в других, оторванных от России, местах. Как лакеи англо-французского империализма, они пошли на все, чтобы во что бы то ни стало сделать все, что возможно, против Советской власти. Силами самой России они сделать этого не могли и решили действовать не словами, не обращениями, в духе гг. Мартовых *), а прибегли к более крупным приемам борьбы, к военным действиям. На это обстоятельство более всего надо обратить ваше внимание; на этом нам надо сосредоточить всю нашу агитацию, всю пропаганду, и соответственно этому передвинуть центр тяжести всей нашей советской работы.

Это основной факт, что теперь действуют империалистические силы другой коалиции, не германской, а англо-французской, захватившей часть территории и опирающейся на нее. Если до сих пор географическое положение мешало им напасть прямым путем на Россию, то теперь, обходным путем, англо-французский империализм, который уже четыре года заливает кровью весь мир из-за господства над всем миром, подошел непосредственно к России для удушения Советской Республики и для того, чтобы ввергнуть Россию в империалистическую войну. Вы прекрасно, товарищи, знаете, что с начала Октябрьской революции мы ста-

*) В стенограмме, видимо, опечатка: «в духе г.г. Милюковых». *Ред.*

вили себе главной целью прекращение империалистской войны, но мы никогда не делали себе иллюзий, что силой пролетариата и революционных масс какой-либо одной страны, как бы героически ни были они настроены, как бы ни были огранизованы и дисциплинированы,— силами пролетариата одной страны международный империализм можно свергнуть,— это можно сделать только совместными усилиями пролетариата всех стран.

Но мы сделали то, что в одной из стран были порваны все связи с капиталистами всего мира. У нашего правительства нет ни одной нити, связывающей его с какими бы то ни было империалистами, и их никогда не будет, каким бы путем ни пошла далее наша революция. Мы сделали то, что революционное движение против империализма за 8 месяцев нашей власти сделало громадный шаг вперед и что в одном из главных центров империализма, в Германии, дело дошло в январе 1918 года до вооруженной стычки и кровавого подавления этого движения. Мы сделали свое революционное дело, как ни в одной стране ни одно революционное правительство в международном всемирном масштабе, но мы не обманывали себя, что добиться этого можно силами одной страны. Мы знали, что наши усилия неизбежно ведут к всемирной революции и что окончить войну, начатую империалистическими правительствами, силами этих правительств нельзя. Она может быть окончена только усилиями всего пролетариата, и нашей задачей, когда мы оказались у власти, как социалистическая пролетарская коммунистическая партия, в момент, пока еще в других странах оставалось капиталистическое буржуазное господство,— ближайшей нашей задачей было, повторяю, удержать эту власть, этот факел социализма для того, чтобы он возможно больше искр продолжал давать для усиливающегося пожара социальной революции.

Всюду эта задача была чрезвычайно трудна, и эту задачу мы решили благодаря тому, что пролетариат стоял как раз на защите завоеваний Социалистической Республики. Эта задача привела к положению, особенно тяжелому и критическому, так как социалистическая революция, в прямом смысле этого слова, ни в одной стране еще не наступила, хотя в таких странах, как Италия и Австрия, она стояла несравненно ближе. Но так как она все еще не наступила, то мы имеем перед собой новый успех англо-французского империализма, а стало быть, и мирового. Если с запада германский империализм продолжает стоять, как военная захватная империалистическая сила, то с северо-востока и с юга России англо-французский империализм получил возможность укрепляться и наглядно, воочию показывает нам, что эта сила готова снова втянуть Россию в империалистическую войну, готова подавить Россию — самостоятельное социалистическое государство, которое продолжает свою социалистическую работу и

пропаганду в размерах, до сих пор невиданных еще миром. Против этого англо-французский империализм одержал крупный успех, и, окружив нас кольцом, направил все усилия, чтобы подавить Советскую Россию. Мы прекрасно знаем, что этот успех англо-французского империализма стоит в неразрывной связи с классовой борьбой.

Мы всегда говорили,— и революции это подтверждают,— что когда дело доходит до основ экономической власти, власти эксплуататоров, до их собственности, дающей в их распоряжение десятки миллионов труда рабочих и крестьян, дающей возможность наживать в их помещичьих интересах; — когда, повторяю, дело доходит до частной собственности капиталистов и помещиков, они забывают все свои фразы о любви к отечеству и независимости. Мы прекрасно знаем, что кадеты, правые эсеры и меньшевики по части союза с империалистскими державами, по части заключения грабительских договоров, по части предания родины англо-французскому империализму побили рекорд. Пример — Украина и Тифлис. Союз меньшевиков, правых эсеров с чехо-словаками достаточно для этого показателен. И выступление левых эсеров, которые вздумали втягивать в войну ради интересов ярославских белогвардейцев [45]) Российскую Республику, достаточно ясно показывает, что, когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими-угодно чужеземцами. Эту истину история русской революции показала еще и еще раз после того, как больше сотни лет история революции показывала нам, что таков закон классовых интересов, классовой политики буржуазии во все времена и во всех странах. Поэтому нисколько не удивительно, что теперешние обострения международного положения Советской Республики связаны с обострением классовой борьбы внутри страны.

Мы много раз говорили, что период перед новым урожаем в этом отношении, в отношении обострения продовольственного кризиса, самый тяжелый. На Россию надвинулся бич голода, который обострился неслыханно, потому что как раз план империалистических хищников состоит в том, чтобы отрезать от России хлебные местности. В этом отношении их стремления рассчитаны вполне правильно и зависят от того, чтобы как раз в хлебородных окраинах они нашли себе социально-классовую опору, нашли себе местности с преобладанием кулаков, богатых крестьян, нажившихся на войне, живущих чужим трудом, трудом бедноты. Вы знаете, что эти элементы накопили десятки и сотни тысяч рублей и у них имеются громадные запасы хлеба. Вы знаете, что эти люди, которые наживались на народном бедствии, которые имели тем больше оснований грабить и увеличивать свои прибыли, чем больше бедствовал народ в столице,—

эти кулацкие элементы и составили из себя главную и самую серьезную опору контр-революционного движения в России. Здесь классовая борьба подошла к самой глубине источника. Не осталось ни одной деревни, где бы классовая борьба между деревенской беднотой и частью среднего крестьянства, у которого нет излишков хлеба, которое давно их проело, которое в спекуляции не участвовало,— классовая борьба между этим громадным большинством трудящихся и ничтожной кучкой кулаков, классовая борьба эта проникла в каждую деревню.

Когда мы определяли свои политические планы и опубликовывали свои декреты,— конечно, громадному числу присутствующих они известны,— когда, повторяю, мы писали и проводили декреты об организации деревенской бедноты, мы ясно видели, что дело подходит к самому решительному и коренному вопросу всей революции, к самому решительному и коренному вопросу о власти между пролетариатом и буржуазией, к вопросу о том, будет ли власть в руках пролетариата, присоединит ли он к себе всю деревенскую бедноту, с которой у него никаких разногласий нет, сумеет ли он привлечь на свою сторону крестьян, у которых нет расхождения с ним, и объединит всю эту массу, разбросанную, разъединенную, распыленную по деревням,— в этом отношении стоящую ниже городского рабочего,— объединит ли против другого лагеря, лагеря помещиков, империалистов и кулаков? Говорят, что революция учит. Классовая борьба учит, действительно, на практике, что всякая фальшь в позиции какой-нибудь партии приводит эту партию немедленно к месту по ее заслугам. Мы наглядно видели политику партии левых эсеров, которые, в силу бесхарактерности и безголовости, заколебались в тот момент, когда продовольственный вопрос был поставлен так остро, и она исчезла, как партия, превратившись в пешку в руках ярославских белогвардейцев.

Товарищи, это обострение классовой борьбы в связи с продовольственным кризисом, как раз, когда новый урожай в своем богатстве определился, но реализован быть не может, и тогда, когда мучительно голодных жителей в Петрограде и Москве толкают на голод кулацкие элементы и буржуазия, которые говорят при самых отчаянных усилиях: либо теперь, либо никогда — от этого становится понятной та волна восстаний, которая прокатывается по всей России. Появилось ярославское восстание. И мы видим влияние англо-французов; мы видим расчет контр-революционных помещиков и буржуазии. Там, где поднимался вопрос о хлебе, мешали осуществить монополию на хлеб, а без этого не может быть социализма. Как раз в этом должна буржуазия сплотиться, в этом у буржуазии более глубокая опора, чем у деревенского мужика. Решительный бой между силами социализма и буржуазным обществом будет во всяком случае, так или иначе,

сегодня или завтра, по тому или другому поводу. Всякие колебания могут быть только у социалистов в ковычках, как, например, у наших левых эсеров. Когда в этом вопросе, в этом коренном вопросе, замечаются колебания у социалистов, это показывает, что они социалисты в ковычках, которым цена грош. Революция приводит таких социалистов к тому, что они на деле превращаются в простые пешки, которыми играют французские генералы, те пешки, роль которых показал бывший Ц.К. бывшей партии левых эсеров.

Товарищи, из этого соединенного усилия англо-французского империализма и контр-революционной русской буржуазии вытекло то, что война гражданская у нас теперь с той стороны, с которой не все ожидали и не все ясно сознавали, и она слилась с войной внешней в одно неразрывное целое. Кулацкое восстание, чехо-словацкий мятеж, мурманское движение,— это одна война, надвигающаяся на Россию. Мы вырвались из войны с одной стороны, понеся громадный ущерб, заключив невероятно тяжелый мир, мы знали, что заключаем мир насильнический, но говорили, что сумеем продолжать свою пропаганду и свое строительство, и этим разлагаем империалистический мир. Мы сумели это сделать. Германия ведет теперь переговоры о том, сколько миллиардов взять с России на основании Брестского мира, но она признала все те национализации, которые у нас были проведены декретом 28 июня. Она не подняла вопроса о частной собственности на землю в Республике, это надо подчеркнуть в противовес не только неслыханной лжи, которую распространяла Спиридонова и тому подобные деятели левых эсеров, лжи, которая пошла на пользу помещикам и повторяется теперь самыми темными и неразвитыми элементами из черносотенцев; эта ложь должна быть опровергнута и разоблачена.

На самом деле, мы, при всей тяжести мира для нас, свободное внутреннее социалистическое строительство завоевали и сделали на этом пути такие шаги, которые теперь становятся известными Западной Европе и представляют элементы пропаганды, неизмеримо более могучие, чем прежде.

И вот дело обстоит таким образом, что, выйдя с одной стороны из войны с одной коалицией, сейчас же испытали натиск империализма с другой стороны. Империализм есть явление всемирное, это есть борьба за раздел всего мира, всей земли и за подчинение той или иной кучке хищников. Другая, англо-французская, группа хищников бросается на нас и говорит: мы вас втянем снова в войну. Их война с войной гражданской сливается в одно длинное целое, и это составляет главный источник трудностей настоящего момента, когда на сцену опять выдвинулся вопрос военный, военных событий, как главный, коренной вопрос революции. В этом вся трудность, потому что народ

устал от войны, измучен войной, как никогда. Это состояние крайней истерзанности, измученности войной русского народа хочется сравнить с человеком, которого избили до полусмерти, от которого нельзя ждать ни проявления энергии, ни проявления работоспособности. Так и в русском народе естественно эта почти четырехлетняя война, обрушившаяся на страну, которую расхитили, истерзали, изгадили царизм, самодержавие, буржуазия и Керенский, вызвала по многим причинам отвращение, явилась величайшим источником громадных трудностей, которые мы пере-[illegible]

С другой стороны, такой переворот событий все свел к определенной войне. Мы снова попали в войну, мы находимся в войне, и эта война не только гражданская, с кулаками, помещиками, капиталистами, которые теперь объединились против нас,—теперь уже стоит против нас англо-французский империализм, он еще не в состоянии двинуть на Россию полчища, ему мешают географические условия, но он все, что может, все свои миллионы, все свои дипломатические связи и силы дает на помощь нашим врагам. Мы находимся в состоянии войны, и эту войну мы можем решить победоносно; но тут приходится бороться с одним из самых труднопреодолеваемых противников: нужно бороться с состоянием усталости в войне, ненависти и отвращения к войне, это состояние мы должны преодолеть, потому что иначе мы не решим вопроса, который не зависит от нашей воли, — вопроса военного. Наша страна попала опять в войну, и исход революции зависит теперь всецело от того, кто победит в этой войне, главными представителями которой являются чехо-словаки, а на самом деле руководителями, двигателями, толкателями в этой войне являются англо-французские империалисты. Весь вопрос о существовании Русской Социалистической Федеративной Советской Республики, весь вопрос Российской революции свелся к вопросу военному. В этом источник громадной трудности, при том состоянии народа, которое он вынес из империалистической войны. Наша задача для нас совершенно ясна. Всякий обман был бы величайшим вредом; скрывать от рабочих и крестьян эту тяжелую правду мы считаем преступлением. Напротив, пусть каждый, как можно яснее и рельефнее, эту правду знает.

Да, у нас были примеры, когда наши войска показывали преступную слабость, например, при взятии Симбирска чехо-словаками, когда наши отступили; мы знаем, что войска устали в войне, имеют отвращение к ней, но естественно и неизбежно также и то, что пока империализм не потерпел поражения в мировом масштабе, он будет делать попытки втянуть Россию в империалистическую войну, будет стремиться превратить ее в бойню. Хотим мы этого или нет, но вопрос так поставлен: мы находимся в войне, и судьба революции решится исходом этой

войны. Это должно стать первым и последним словом нашей агитации, всей нашей политической, революционной и преобразовательной деятельности. Мы сделали так много за короткое время, но надо довести все до конца. Вся наша деятельность должна быть подчинена целиком и всецело тому вопросу, от которого теперь зависит судьба революции и исход ее, судьба русской и международной революции. Конечно, из теперешней войны империализму всего мира без ряда революций не выйти; иначе как конечной победой социализма эта война не кончится. Но наша задача сейчас — эту силу социализма, этот социалистический факел, этот источник социализма, активно действующий на весь мир, поддержать, отстоять и сохранить; эта задача, при теперешнем положении событий, является задачей военной.

Мы не раз переживали такое положение, и многие говорили, что как ни тяжело достался нам мир, как ни много жертв он от нас потребовал, как ни силится враг отнять у нас еще и еще территории, но все же Россия пока, несмотря ни на что, пользуется миром и может укрепить свои социалистические завоевания. На этом пути мы пошли даже далее, чем многие из нас себе представляли. Например, наш рабочий контроль далеко ушел от тех форм, в какие он вылился вначале, и в настоящее время мы стоим у превращения государственного управления в социалистический порядок. Мы далеко ушли вперед на почве нашей практической работы. У нас уже полное управление рабочих промышленностью, но обстоятельства не дали нам возможности мирно продолжать далее эту работу; они снова призвали нас к военному положению, и нам необходимо напрячь все наши силы и призвать всех к оружию. Если бы мы встретили какие-либо колебания в этом вопросе в среде коммунистов, это было бы позором.

Колебание среди крестьян нас не удивляет. Крестьянская масса не прошла такой жизненной школы, какую прошел пролетариат, который привык десятилетиями видеть в капиталисте своего классового врага и который сумел сплотить свои силы для борьбы с ним. Мы знаем, что крестьяне такого университета не прошли. Одно время они шли вместе с пролетариатом, теперь у них наблюдается период колебания, когда крестьянская масса раскалывается. Мы знаем массу случаев, когда кулаки продают крестьянам хлеб ниже твердых цен для того, чтобы представить, будто кулаки защищают их интересы. Нас все это не удивляет, но рабочий-коммунист не поколеблется, рабочая масса явится незыблемой, и если крестьянская среда настроена по-кулацки, то это легко объяснимо. Там, где нет большевиков и господствуют чехословацкие власти, мы наблюдали такое явление: сначала чехословаков встречают чуть не как избавителей, но через несколько недель господства этой буржуазии замечается громадный поворот

против чехо-словаков за Советскую власть, потому что крестьяне начинают понимать, что все фразы о свободе торговли и об Учредительном собрании означают только одно: власть помещиков и капиталистов.

Наша задача: еще теснее сплотить пролетарские ряды и создать такую организацию, чтобы в ближайшие недели все было посвящено решению военного вопроса. Мы теперь воюем с англо-французским империализмом и со всем, что есть в России буржуазного, капиталистического, что делает усилие, чтобы сорвать все дело социалистической революции и втянуть нас в войну. Вопрос стоит так, что на карту поставлены все завоевания рабочих и крестьян. Мы должны быть уверены, что в пролетариате мы встретим широкое сочувствие и поддержку и опасность будет полностью отражена и новые ряды пролетариата выйдут на защиту своего класса, для спасения социалистической революции. Сейчас вопрос поставлен так, что борьба идет из-за двух основных пунктов, все основные партийные различия в огне революции сгладились. Левый эсер, усиленно подчеркивающий, что он левый, скрывающийся за революционной фразой, а на деле восстающий против Советской власти, — такой же наймит ярославских белогвардейцев, вот что он перед историей и революционной борьбой! Сейчас на арене борьбы только два класса: идет классовая борьба между пролетариатом, который отстаивает интересы трудящихся, и между теми, кто отстаивает интересы помещиков и капиталистов. Все фразы об Учредительном собрании, о независимом государстве и пр., которыми пытаются обманывать несознательные массы, разоблачены опытом чехо-словацкого движения и движения кавказских меньшевиков. За всеми этими фразами стоят одни и те же силы помещиков и капиталистов и точно так же, как немецкая оккупация несет за собою власть помещиков и капиталистов, несет ее и чехо-словацкое восстание. Вот из-за чего идет война!

Товарищи! Ряды пролетариата должны сомкнуться еще теснее и дать в этой борьбе образец организованности и дисциплины. Россия должна остаться по-прежнему единственной страной, которая разорвала все связи с империалистами. Правда, мы истекаем кровью от этих тяжелых ран. Мы отступили перед империалистским зверем, выгадывая время, давая ему то там, то тут частные удары, но мы, как Социалистическая Советская Республика, оставались самостоятельны. Совершая нашу социальную работу, мы шли против империализма всего мира, и эта борьба становится понятнее рабочим всего мира и все больше и больше их настоящее возмущение приближает к грядущей революции. Из-за этого именно и идет борьба, потому что наша республика — единственная страна в мире, которая не шла рука-об-руку с империализмом, не давала избивать миллионы людей из-за

господства французов или немцев над миром. Наша республика — единственная страна, которая вышла насильственным и революционным путем из мировой империалистической войны, которая подняла знамя социалистической революции, но ее снова втягивают в империалистическую войну, снова желают поставить ее на фронт. Пусть чехо-словаки воюют с немцами, пусть российская буржуазия выбирает, пусть Милюков решает, может быть, даже в согласии с Спиридоновой и Камковым, вопрос, с какими империалистами им идти вместе. Но мы заявляем, что для того, чтобы помешать решению этого вопроса, мы должны быть готовыми отдать нашу жизнь, ибо дело идет о спасении всей социалистической революции. Я знаю, что среди крестьян Саратовской, Самарской и Симбирской губерний, где наблюдалась самая большая усталость и неспособность идти в военные действия, замечается перелом. Они, испытав нашествие казаков и чехо-словаков, испробовав на деле, что такое Учредительное Собрание, или крики: долой Брестский мир, узнали, что все это ведет к тому, что возвращается помещик, капиталист садится на трон,— и они становятся теперь самыми ярыми защитниками власти Советов. У меня нет и тени сомнения, что пролетарские массы Петрограда и Москвы, шествуя впереди революции, поймут обстоятельства, поймут, какой мы переживаем сейчас грозный момент, они будут еще решительнее, и пролетариат свергнет и англо-французское и чехо-словацкое наступление в интересах социалистической революции.

Напечатано в 1919 г. в книге: «Стенографический отчет пятого созыва В.Ц.И.К». Изд. В.Ц.И.К. Москва.

Печатается по тексту книги.

РЕЧЬ НА СЪЕЗДЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ ГУБИСПОЛКОМОВ 30 ИЮЛЯ 1918 Г.

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Товарищи, Вам приходится заниматься административной работой, которая у нас в Совнаркоме занимает доминирующее положение. Совершенно естественно, что нам предстоит много трудностей. В большинстве в Губисполкомах замечается, что народная масса, наконец-таки, берется сама за работу управления. Трудности, конечно, неизбежны. Одним из главных недостатков было то, что мы мало еще черпали практических работников из рабочей среды. Но мы никогда не думали приспособить старый аппарат к новому управлению и мы не жалеем, что с упразднением старого приходится строить с такими трудностями все наново. Рабоче-крестьянские массы обладают большими талантами строительства, чем это можно было ожидать. Мы ставим заслугой революции именно то, что она смела старый аппарат управления, но в то же время мы должны сознать, что главным недостатком массы является робость и нежелание взять работу в свои руки.

В некоторых губсовдепах до сих пор замечался беспорядок; теперь же работа все больше и больше налаживается, так что из многих мест приходят известия, что никаких недоразумений и конфликтов в работе нет. Русская революция, несмотря на то, что прошло только 8 месяцев, доказала, что новый класс, взявший управление в свои руки, способен справляться с этой задачей. Несмотря на недостаток работников, административный аппарат все больше и больше налаживается. Наша постройка еще в такой стадии, что не видно ее определенных результатов, на что враги часто и указывают; но, несмотря на это, уже много сделано. Переход земли и промышленности в руки трудящихся, продуктообмен и продовольственное снабжение, несмотря на необыкновенную трудность, проводятся в жизнь. Необходимо выдвинуть трудящиеся массы на самостоятельную работу управления

и строительства социалистического государства. Только на практике массы убедятся, что со старым эксплуататорским классом все покончено.

Наша главная насущная задача — управление, организация и контроль. Эта работа неблагодарная и невидная, но именно в ней хозяйственные и административные силы рабочих и крестьян будут развертываться все более и более успешно.

Рабоче-крестьянские массы, призванные правительством к управлению страной и долгое время находившиеся вдали от этого, не могли отказаться от желания строить государство путем собственного опыта. Лозунг «вся власть Советам» привел к тому, что на местах хотели придти к опыту государственного строительства путем собственных ошибок. Такой переходный период был необходим и оказался благотворным. В этом стремлении сепаратизма было много здорового, доброго, в смысле стремления созидания. Советская конституция выявила отношение волостной власти к уездной, уездной к губернской и этой последней к центру.

С момента утверждения конституции и проведения ее в жизнь, начнется в государственном нашем строительстве более легкий период. Но, к сожалению, нам трудно в данный момент заняться экономической, хозяйственной и земледельческой политикой. Нам приходится отвлекаться и направлять все свое внимание на элементарные задачи, — продовольственный вопрос. Положение рабочего класса в голодающих губерниях поистине тяжелое. Необходимо так или иначе употребить все усилия, чтобы преодолеть продовольственные затруднения и связанные с ними трудности до нового урожая.

К этому присоединяются также задачи военного характера. Вы знаете, как чехо-словацкое движение, подкупленное и разожженное англо-французским империализмом, полукольцом охватило Россию. Вы также знаете, как к этому движению примыкает контр-революционная буржуазия и крестьянское кулачество. С мест мы получаем сведения, что поражения, которые имела за последнее время Советская Россия, на опыте убедили рабочих и революционное крестьянство, что помимо контроля, помимо государственного строительства, необходим также контроль и в военной области.

Я уверен, что в дальнейшем дело пойдет лучше. Я уверен, что губернские исполкомы, вводя в жизнь при помощи крестьянства организацию контроля над командным составом, создадут крепкую социалистическую армию. Уроки революции научили, наконец, классы рабочих и эксплуатируемых крестьян необходимости взяться за оружие. Крестьяне и рабочие, помимо завоевания земли, контроля и т. д., научились сознанию необходимости управлять армией. Направляя свою работу в области военного дела, они добьются того, что армия, созданная ими, заслужит в

полной мере названия социалистической и будет успешно бороться с контр-революционной буржуазией и империалистами до того момента, когда придет на выручку международный революционный пролетариат.

«Известия В.Ц.И.К.» № 161, 31 июля 1918 г.

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ ВАРШАВСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОЛКА 2 АВГУСТА 1918 Г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Одно желание теперь объединяет русских и польских революционеров — укрепить завоевания первой социалистической революции, за которой должен последовать ряд революций в других странах. 4 года заливается мир кровью, — борются два хищнические империализма за царствование на земном шаре. Но с каждым днем становится яснее, что не империалисты кончат войну, а победоносная рабочая революция.

Советская Россия предложила мир всему миру, за что в феврале были двинуты на нее германские войска. Теперь англо-французы всеми силами стараются втянуть нас в войну. Но мы знаем, — война подходит к концу, — у нас есть надежный союзник. Требуется последнее усилие. Либо власть кулаков, капиталистов и царя, как это бывало в неудавшихся революциях Запада, либо власть пролетариата. Вам выпала великая честь с оружием в руках защищать святые идеи и, борясь вместе с вчерашними врагами по фронту, германцами, австрийцами, мадьярами, против насильников, черной сотни всего мира, бороться с великим боевым лозунгом: «смерть или победа» и на деле осуществлять интернациональное братство народов.

«Правда» № 163, 4 августа 1918 г.

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В БУТЫРСКОМ РАЙОНЕ 2 АВГУСТА 1918 Г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Товарищи! Сегодня в разных концах Москвы обсуждается судьба социалистической России.

Враги Советской России окружают нас тесным железным кольцом. Высоко развевающееся знамя русской социальной революции не дает покоя международным империалистам, и они пошли войной на Советскую власть, на власть рабочих и крестьян.

Вы помните, товарищи, как в начале революции французы и англичане не переставали твердить, что они «союзники» свободной России. И вот ныне эти «союзники» сказались. Путем обмана и лжи они заняли Мурман, затем взяли Кемь и начали расстреливать наших товарищей, советских работников.

У них нашлись деятельные помощники в лице чехо-словаков. Их толкнуло на нас англо-французское золото. Вместе с ними греются около англо-французского золота и наши «спасители отечества»: Дутов, Алексеев и пр.

Советская власть сказала: мы не хотим воевать ни с немцами, ни с англичанами и французами; мы не хотим убивать таких же рабочих и крестьян. Для нас они не враги. Враг у нас другой — международная буржуазия. И наши лозунги подымаются во всех странах. В Германии уже началось пораженческое движение, в Италии и Австрии происходят массовые забастовки, в Америке происходят массовые аресты социалистов. И, чувствуя свою гибель, капиталисты и помещики прилагают последние усилия, чтобы задушить революционное движение. Русские капиталисты протягивают руки англо-французским капиталистам и помещикам.

Теперь два фронта: с одной стороны рабочие и крестьяне, а с другой — капиталисты. Наступает последний и решительный бой.

В 71-м году буржуазия свергла власть парижских рабочих. Но тогда мало было сознательных рабочих, мало было революционных бойцов. Теперь уже не удастся восторжествовать буржуазии,

Рабочие крепко держат в своих руках фабрики и заводы; крестьянство не отдаст землю помещикам. И в защиту этих завоеваний мы также объявляем войну всем мародерам и спекулянтам. Вместе с пушками и пулеметами они грозят нам голодом.

Объявляя войну богачам, мы говорим: «мир хижинам». Мы отберем все запасы у спекулянтов и не оставим на произвол судьбы рабочую бедноту!

«Известия В.Ц.И.К.» № 164 (428), 3 августа 1918 г.

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ НА ХОДЫНКЕ 2 АВГУСТА 1918 Г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Российская революция указала всему миру пути к социализму и показала буржуазии, что близится конец ее торжества. Наша революция протекает в исключительно тяжелых условиях мировой бойни.

Революция не делается по заказу, но симптомы того, что весь мир готов для великих событий, несомненны.

Нас окружают враги, заключившие священный союз для свержения Советской власти, но они сами власти не получат.

Пусть не торжествуют белогвардейские банды — их успех кратковременен, в их среде уже растет брожение.

Красная армия, пополняемая революционным пролетариатом, поможет нам высоко поднять знамя мировой социальной революции.

Смерть — или победа!

Мы победим мирового кулака и отстоим дело социализма!

«Известия В. Ц. И. К.» № 164 (428), 3 августа 1918 г.

ПИСЬМО К ЕЛЕЦКИМ РАБОЧИМ [46]).

Мне доставлена вырезка из одной Елецкой газеты [47]) с рассказом об экстренном собрании Елецкой организации партии левых эсеров 27-го июля. В этом рассказе я читаю, что Моченов докладывал о Саратовской конференции [48]) эсеров, где 8 организаций высказалось за одобрение тактики их Ц. К., которого оправдывал г. Колегаев, а 13 (тринадцать) организаций высказалось за реорганизацию партии и изменение тактики.

Между прочим тов. Рудаков настаивал на Елецком собрании на том, чтобы переформировать нашу (левых эсеров) партию, переменить ее название, очистить и ни в коем случае не допустить ее распада и гибели. Затем, некий Крюков рассказывал, будто он в Москве беседовал с представителями центральной власти, будто ему тов. Аванесов, Свердлов, Бонч-Бруевич заявили о желательности для Советской власти существования партии левых эсеров, будто бы я в беседе с Крюковым говорил о том же самом, указывая на то, что и коммунисты настолько далеко ушли от всей прежней теории, от книги, что у них вовсе нет программы в настоящее время, а в платформах чрезвычайно много косвенных позаимствований у «народнической» теории и т. д., и т. д.

Долгом считаю заявить, что все это сказки, и что ни с каким Крюковым я не беседовал. Убедительно прошу товарищей рабочих и крестьян Елецкого уезда относиться с чрезвычайной осторожностью к говорящим слишком часто неправду левым эсерам.

Кстати пару слов о моем взгляде на них. Такие субъекты, как Колегаевы и К°, ясное дело, простые пешки в руках белогвардейцев, монархистов, Савинковых, доказавших в Ярославле, кто «воспользовался» лево-эсеровским восстанием. Безголовость и бесхарактерность довела господ Колегаевых до этого падения, куда им и дорога. «Прислужники Савинковых» — вот как назовет их история. Но факты говорят, что есть люди среди левых эсеров (и в Саратове такие люди в большинстве) — они устыдились

этой безголовости, этой бесхарактерности, этой роли прислужников монархизма и помещичьих интересов. Если такие люди хотят переменить даже название своей партии (как я слышал называться «общинниками-коммунистами» или «народниками-коммунистами» и т. п.), то это можно лишь приветствовать.

Несогласие с марксизмом, во-первых, полное согласие с теорией «уравнительного землепользования» (и с законом о нем) во-вторых, вот что составляет чисто идейную основу такого народничества, от союза с которым никогда не отказывались коммунисты-большевики.

Мы за такой союз, за соглашение с средним крестьянством, ибо с ним нам рабочим коммунистам расходиться не следует, и ему мы готовы делать ряд уступок. Мы доказали это и доказывали не словами, а делами, ибо мы провели и проводим в жизнь строго лойяльно закон о социализации земли несмотря на то, что не все согласны с ним. Мы, вообще, стояли и стоим за беспощадную борьбу с кулаками, но за соглашение с средним крестьянством и за слияние с деревенской беднотой. Не надо понимать так, что соглашение с средним крестьянином означает обязательное соглашение с лево-эсером. Ничего подобного.

Мы закон о социализации провели тогда, когда у нас никакого соглашения с левыми эсерами не было; а этот закон и означает как раз наше соглашение с средними крестьянами, с крестьянской массой, а не с лево-эсеровскими интеллигентиками.

Товарищи рабочие и крестьяне, не гоняйтесь за соглашением с лево-эсерами, ибо мы видели и испытали их ненадежность, распространяйте коммунизм среди крестьян бедноты, большинство будет на нашей стороне. Старайтесь идти на уступки с средним крестьянином, относиться к нему как можно осторожнее, справедливее, ему мы можем и должны делать уступки. Будьте беспощадны к ничтожной горстке эксплуататоров, в том числе кулаков, спекулянтов хлебом, наживающихся на народной нужде, на голоде рабочей массы, — к горстке кулаков, которые пьют кровь трудящихся.

Москва, 6 августа 1918 г. *В. Ульянов (Н. Ленин).*

Напечатано 11 августа 1918 г, в «Советской Газете» № 73.

Печатается по тексту газеты.

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В СОКОЛЬНИЧЕСКОМ РАЙОНЕ 9 АВГУСТА 1918 Г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Пятый год тянется война, и теперь уже всякому ясно, кому она была нужна. Кто был богат, тот стал еще богаче, а кто был беден, тот теперь в буквальном смысле слова задыхается под игом капитализма. Бедному народу эта война стоила кровавых жертв, а в награду он получил лишь голод, безработицу и еще хуже, чем прежде, затянутую на своей шее петлю.

Войну начали хищники Англии и Германии, которым стало тесно жить вместе, и вот каждый из них задумал задушить другого ценою потоков крови рабочего мира. Каждый из хищников уверяет, что его воодушевляет благо народа, но на самом деле он работает для блага своего кармана.

Англия грабит захваченные немецкие колонии, часть Палестины и Месопотамии, а Германия, в свою очередь, грабит Польшу, Курляндию, Литву и Украину. Миллионеры этих стран стали в 10 раз богаче, но они все-таки ошиблись в расчете.

Схватившись в мертвой схватке, эти хищники очутились у пропасти. Они уже не в силах остановить войну, которая неизбежно толкает народы на революцию.

Русская революция бросила искры во все страны мира и еще ближе подвинула к краю пропасти зарвавшийся империализм.

Товарищи, тяжело наше положение, но мы должны преодолеть все и удержать в своих руках знамя социалистической революции, поднятое нами.

Рабочие всех стран смотрят на нас с надеждой. Вы слышите их голос: продержитесь еще немного, говорят они. Вы окружены врагами, но мы придем к вам на помощь и общими усилиями сбросим, наконец, в пропасть империалистских хищников.

Мы слышим этот голос и мы даем клятву: да, мы продержимся, мы будем биться на своем посту изо всех сил и не сложим оружия перед лицом наступающей на нас мировой контрреволюции!

«Известия В.Ц.И.К.» № 171 (435), 11 августа 1918 г.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ 16 АВГУСТА 1918 Г.

Чувствуется большой недостаток сил, а в массе силы есть, силы, которые можно использовать. Надо оказать большее доверие рабочей массе и суметь черпать оттуда силы. Меры для этого: привлечение в партию сочувствующих из молодежи и профессиональных союзов. Пусть будет затяжка в плате членских взносов, — опасности в этом никакой нет. Если шесть тысяч уделяем на фронт и взамен берем 12 тысяч новых, — не будет большой опасности. Моральное влияние надо использовать увеличением нашей партии.

На наших митингах очень мало выступающих новых сил, а такие силы были бы желательны, в их речах будут живые ноты. Искусно каким-нибудь образом организовать молодежь из рабочей среды. Надо, чтобы был контроль рабочей массы. Сама жизнь требует, чтобы много членов партии пошли на фронт, пока еще японцы и американцы не окрепли в Сибири. На место старых надо дать новые силы — молодежь.

Члены партии должны развить усиленную агитацию среди рабочих. Нельзя оставлять на канцелярских работах товарищей, умеющих хоть что-нибудь делать.

Надо расширить сферу нашего влияния на рабочую массу. Замечается очень небольшая инициатива ячеек, их выступления на месте были бы очень полезны в смысле воздействия на беспартийных. Надо будет обратить внимание на клубы, извлечь партийных работников из масс; если затрудняет дело взнос, то его уничтожить.

Нельзя брать товарищей, которые идут из-за места, их надо гнать из партии.

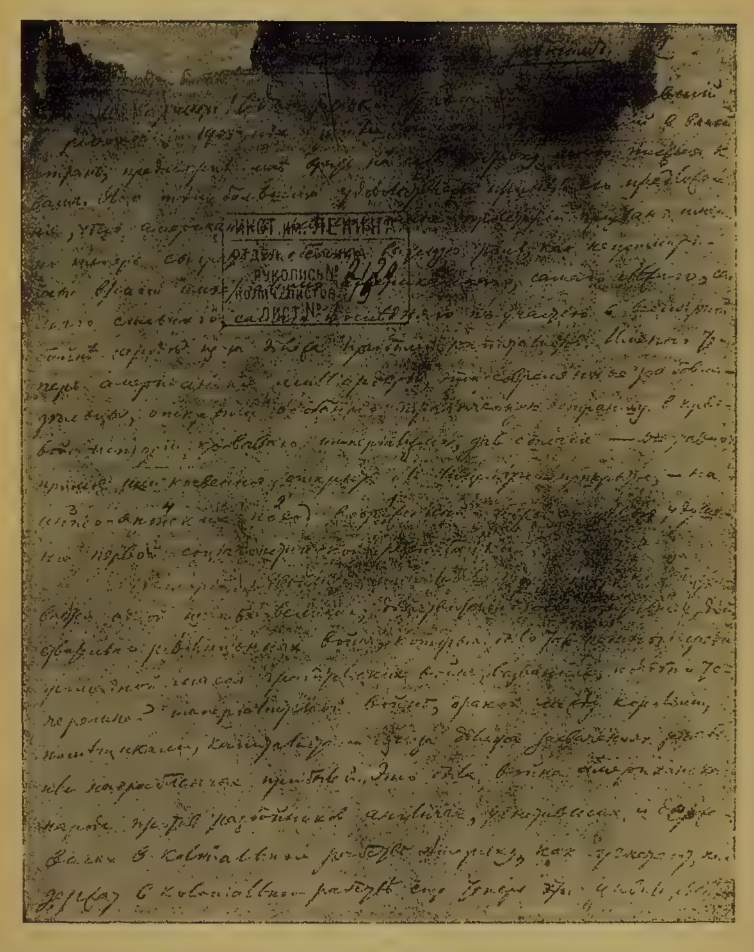
Впервые напечатано 22 января 1928 г. в «Правде» № 19.

ПИСЬМО К АМЕРИКАНСКИМ РАБОЧИМ [49].

Товарищи! Один русский большевик, участвовавший в революции 1905 года и затем много лет проведший в вашей стране, предложил мне взять на себя доставку моего письма к вам. Я с тем большим удовольствием принял его предложение, что американские революционные пролетарии призваны именно теперь сыграть особенно важную роль, как непримиримые враги империализма американского, самого свежего, самого сильного, самого последнего по участию в всемирной бойне народов из-за дележа прибылей капиталистов. Именно теперь американские миллиардеры, эти современные рабовладельцы, открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма, дав согласие — все равно, прямое или косвенное, открытое или лицемерно-прикрытое, — на вооруженный поход англо-японских зверей с целью удушения первой социалистической республики.

История новейшей, цивилизованной Америки открывается одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн, вызванных, подобно теперешней империалистской войне, дракой между королями, помещиками, капиталистами из-за дележа захваченных земель или награбленных прибылей. Это была война американского народа против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку, как угнетают, как держат в колониальном рабстве еще теперь эти «цивилизованные» кровопийцы сотни миллионов людей в Индии, в Египте и во всех концах мира.

С тех пор прошло около 150 лет. Буржуазная цивилизация принесла все свои роскошные плоды. Америка заняла первое место среди свободных и образованных стран по высоте развития производительных сил человеческого объединенного труда, по применению машин и всех чудес новейшей техники. Америка стала вместе с тем одной из первых стран по глубине пропасти между горсткой обнаглевших, захлебывающихся в грязи и в


ИНСТ. им. ЛЕНИНА
РУКОПИСЬ №
ЛИСТ №

Первая страница письма В. И. Ленина к американским рабочим — 1918 г.

Уменьшено

роскоши миллиардеров, с одной стороны, и миллионами трудящихся, вечно живущих на границе нищеты, с другой. Американский народ, давший миру образец революционной войны против феодального рабства, оказался в новейшем, капиталистическом, наемном рабстве у кучки миллиардеров, оказался играющим роль наемного палача, который в угоду богатой сволочи в 1898 г. душил Филиппины, под предлогом «освобождения» их, а в 1918 г. душит российскую социалистическую республику, под предлогом «защиты» ее от немцев.

Но четыре года империалистской бойни народов *) не прошли даром. Обман народа негодяями обеих групп разбойников, и английской, и немецкой, разоблачен до конца неоспоримыми и очевидными фактами. Четыре года войны показали на результатах ее общий закон капитализма, в применении к войне между разбойниками из-за дележа их добычи: кто был всех богаче и всех сильнее, тот нажился и награбил больше всех; кто был всех слабее, того грабили, терзали, давили, душили до конца.

Разбойники английского империализма были сильнее всех, по количеству их «колониальных рабов». Английские капиталисты не потеряли ни пяди «своей» (т.-е. награбленной ими в течение столетий) земли, а награбили все германские колонии в Африке, заграбили Месопотамию и Палестину, придушили Грецию и начали грабить Россию.

Разбойники германского империализма были всех сильней по организованности и дисциплинированности «их» войск, но слабее колониями. Они потеряли все колонии, но ограбили половину Европы, задушили наибольшее число маленьких стран и слабых народов. Какая великая «освободительная» война с обеих сторон! Как хорошо «защищали отечество» разбойники обеих групп **), капиталисты англо-французские и германские, вместе с их лакеями, социал-шовинистами, т.-е. социалистами, перешедшими на сторону «*своей*» буржуазии!

Американские миллиардеры были едва ли не всех богаче и находились в самом безопасном географическом положении. Они нажились больше всех. Они сделали своими данниками все, даже самые богатые, страны. Они награбили сотни миллиардов долларов. И на каждом долларе видны следы грязи: грязных тайных договоров между Англией и ее «союзниками», между Германией и ее вассалами, договоров о дележе награбленной добычи, договоров о «помощи» друг другу в угнетении рабочих и преследовании социалистов-интернационалистов. На каждом долларе — ком грязи от «доходных» военных поставок, обогащавших в каждой стране богачей и разорявших бедняков. На каждом долларе следы

*) В изд. 1918 г. «народов» опущено. *Ред.*
**) В изд. 1918 г.: «стран». *Ред.*

крови — из того моря крови, которую пролили 10 миллионов убитых и 20 миллионов искалеченных в великой, благородной, освободительной, священной борьбе из-за того, английскому или германскому разбойнику придется больше добычи, английские или германские палачи окажутся *первыми* из душителей слабых народов всего мира.

Если германские разбойники побили рекорд по зверству своих военных расправ, то английские побили рекорд не только по количеству награбленных колоний, но и по утонченности своего отвратительного лицемерия. Именно теперь англо-французская и американская буржуазная пресса распространяют в миллионах и миллионах экземпляров ложь и клевету про Россию, лицемерно оправдывая свой грабительский поход против нее стремлением «защитить» будто бы Россию от немцев.

Чтобы опровергнуть эту гнусную и подлую ложь, не надо тратить много слов: достаточно указать на один общеизвестный факт. Когда в октябре 1917 г. рабочие России свергли свое империалистское правительство, Советская власть, власть революционных рабочих и крестьян, предложила открыто справедливый мир, мир без аннексий и контрибуций, мир с полным соблюдением равенства прав для всех наций, — предложила такой мир *всем* воюющим странам.

Именно англо-французская и американская буржуазия не приняла нашего предложения, именно она отказалась даже разговаривать с нами о всеобщем мире! Именно *она* поступила предательски по отношению к интересам всех народов, именно она затянула империалистскую бойню!

Именно она, спекулируя на то, чтобы снова втянуть Россию в империалистскую войну, отстранилась от мирных переговоров и тем развязала руки столь же разбойническим капиталистам Германии, которые навязали России аннексионистский и насильственный Брестский мир!

Трудно представить себе более омерзительное лицемерие, чем то, с каким англо-французская и американская буржуазия сваливает «вину» *за* Брестский мир на нас. Как раз капиталисты тех стран, от которых зависело превратить Брест в всеобщие переговоры о всеобщем мире, они же и выступают «обвинителями» нас! Стервятники англо-французского империализма, нажившиеся на грабеже колоний и на бойне народов, протянули войну вот уже скоро на целый год после Бреста, и они же «обвиняют» *нас*, большевиков, предложивших справедливый мир всем странам, — *нас*, разорвавших, опубликовавших, предавших всеобщему позору тайные преступные договоры между бывшим царем и англо-французскими капиталистами.

Рабочие всего мира, в какой бы стране они ни жили, приветствуют нас, сочувствуют нам, рукоплещут нам за то, что мы

порвали железные кольца империалистских связей, империалистских грязных договоров, империалистских цепей, — за то, что мы вырвались на свободу, пойдя на самые тяжелые жертвы ради этого, — за то, что мы, как социалистическая республика, хотя бы и истерзанная, ограбленная империалистами, остались *вне* империалистской войны и перед всем миром подняли знамя мира, знамя социализма.

Неудивительно, что банда международных империалистов ненавидит нас за это, что они «обвиняют» нас, что все лакеи империалистов, в том числе наши правые эс-еры и меньшевики, тоже «обвиняют» нас. В ненависти к большевикам этих сторожевых псов империализма, как и в сочувствии сознательных рабочих всех стран, мы почерпаем новую уверенность в правоте нашего дела.

Тот не социалист, кто не понимает, что ради победы над буржуазией, ради перехода власти к рабочим, ради *начала* международной пролетарской революции, можно и должно *не* останавливаться ни перед какими жертвами, в том числе перед жертвой частью территории, перед жертвой тяжелых поражений от капитализма иных стран, перед жертвой дани капиталистам *). Тот не социалист, кто не доказал *делами* своей готовности на величайшие жертвы со стороны «его» отечества, лишь бы дело социалистической революции было фактически двинуто вперед.

Ради «своего» дела, т.-е. ради завоевания мирового господства, империалисты Англии и Германии не остановились перед полным разорением и удушением целого ряда стран, начиная от Бельгии и Сербии, продолжая Палестиной и Месопотамией. Ну, а социалисты ради «своего» дела, ради освобождения трудящихся всего мира от ига капитала, ради завоевания всеобщего прочного мира, они должны выжидать, пока найдется путь без жертв? они должны бояться начать бой, пока не будет «гарантирован» легкий успех? они должны ставить выше безопасность, целость «своего», буржуазией созданного, «отечества», по сравнению с интересами всемирной социалистической революции? Трижды заслуживают презрения те хамы международного социализма, те лакеи буржуазной морали, которые так думают.

Хищные звери англо-французского и американского империализма «обвиняют» нас в «соглашении» с немецким империализмом.

О, лицемеры! О, негодяи, которые клевещут на рабочее правительство, дрожа от страха перед тем сочувствием, с которым относятся к нам рабочие «их» собственных стран! Но их лицемерие будет разоблачено. Они притворяются, будто не понимают

*) В изд. 1918 г. вместо слов «от капитализма... капиталистам»: «от империализма». *Ред.*

разницы между соглашением «социалистов» с буржуазией (своей и чужой) *против рабочих*, против трудящихся, и соглашением *для охраны* победивших свою буржуазию рабочих, с буржуазией одного цвета *против буржуазии* другого национального цвета, ради использования пролетариатом противоположности между разными группами буржуазии.

На самом деле всякий европеец прекрасно знает эту разницу, а американский народ, как я сейчас покажу, особенно наглядно «пережил» ее в своей собственной истории. Есть соглашения и соглашения, есть fagots et fagots *), как говорят французы.

Когда хищники германского империализма в феврале 1918 года повели свои войска против безоружной, демобилизовавшей свою армию, России, доверившейся международной солидарности пролетариата раньше, чем вполне созрела международная революция, тогда я нисколько не колебался вступить в известное «соглашение» с французскими монархистами. Французский капитан Садуль, на словах сочувствовавший большевикам, на деле служивший верой и правдой французскому империализму, привел ко мне французского офицера де Люберсака. Я монархист, моя единственная цель — поражение Германии, заявил мне де Люберсак. Это само собою, ответил я (cela va sans dire). Это нисколько не помешало мне «согласиться» с де Люберсаком насчет услуг, которые желали оказать нам специалисты подрывного дела, французские офицера, для взрыва железно-дорожных путей в интересах помехи наступлению **) немцев. Это было образцом «соглашения», которое одобрит всякий сознательный рабочий, соглашения в интересах социализма. Мы жали друг другу руки с французским монархистом, зная, что каждый из нас охотно повесил бы своего «партнера». Но наши интересы на время совпадали. Против наступающих хищников немцев *мы* использовали в интересах русской и международной социалистической революции столь же хищнические контр-интересы *других* империалистов. Мы служили таким образом интересам рабочего класса России и других стран, мы усиливали пролетариат и ослабляли буржуазию всего мира, мы употребляли законнейшее и обязательное во *всякой* войне маневрирование, лавирование, отступление в ожидании того момента, когда *дозреет* быстро назревающая пролетарская революция в ряде передовых стран.

И, как бы ни выли от злобы акулы англо-французского и американского империализма, как бы ни клеветали они на нас, какие бы миллионы ни тратили на подкуп правоэсеровских, меньшевистских и прочих социал-патриотических газет, *я ни секунды не поколеблюсь* заключить *такое же* «соглашение» с хищниками

*) — вещь вещи рознь. *Ред.*
**) В изд. 1918 г.: «нашествию». *Ред.*

немецкого империализма, в случае, если наступление на Россию англо-французских войск того потребует. И я превосходно знаю, что мою тактику одобрит сознательный пролетариат России, Германии, Франции, Англии, Америки, словом всего цивилизованного мира. Такая тактика облегчит дело социалистической революции, ускорит ее наступление, ослабит международную буржуазию, усилит позиции побеждающего ее рабочего класса.

Американский народ давно применил, и с пользой для революции, эту тактику. Когда он вел свою великую освободительную войну против угнетателей англичан, против него стояли также угнетатели французы и испанцы, которым принадлежала часть теперешних Соединенных Штатов Северной Америки. В своей трудной войне за освобождение американский народ заключал тоже «соглашения» с одними угнетателями против других, в интересах ослабления угнетателей и усиления тех, кто революционно борется против угнетения, в интересах *массы* угнетенных. Американский народ использовал рознь между французами, испанцами *) и англичанами, он сражался даже иногда вместе с войсками угнетателей-французов и испанцев против угнетателей англичан, он победил сначала англичан, а потом освободился (частью при помощи выкупа) от французов и от испанцев.

«Историческая деятельность не тротуар Невского проспекта», говорил великий русский революционер Чернышевский [50]). Кто «допускает» революцию пролетариата лишь «под условием», чтобы она шла легко и гладко, чтобы было сразу соединенное действие пролетариев разных стран, чтобы была наперед дана гарантия от поражений, чтобы дорога революции была широка, свободна, пряма, чтобы не приходилось временами, идя к победе, нести самые тяжелые жертвы, «отсиживаться в осажденной крепости» или пробираться по самым узким, непроходимым, извилистым и опасным горным тропинкам, — тот не революционер, тот не освободил себя от педантства буржуазной интеллигенции, тот на деле окажется постоянно скатывающимся в лагерь контр-революционной буржуазии, как наши правые эсеры, меньшевики и даже (хотя и реже) левые эсеры.

Вслед за буржуазией эти господа любят обвинять нас в «хаосе» революции, в «разрушении» промышленности, в безработице и бесхлебьи. Как лицемерны эти обвинения со стороны тех, кто приветствовал и поддерживал империалистскую войну или «соглашался» с продолжавшим эту войну Керенским! Именно империалистская война виновата во всех этих бедствиях. Революция, которая порождена войной, не может не пройти через невероятные трудности и мучения, оставшиеся в наследство от многолетней, разорительной, реакционной бойни народов. Обвинять нас

*) В изд. 1918 г. «испанцами» опущено. *Ред.*

в «разрушении» промышленности или в «терроре» значит лицемерить или обнаруживать тупое педантство, неспособность понять основные условия той бешеной, обостренной до крайности классовой борьбы, которая называется революцией.

В сущности, «обвинители» подобного рода, если они «признают» классовую борьбу, ограничиваются словесным признанием ее, на деле же впадают постоянно в мещанскую утопию «соглашения» и «сотрудничества» классов. Ибо в эпоху революции классовая борьба неминуемо и неизбежно принимала всегда и во всех странах форму *гражданской войны*, а гражданская война немыслима ни без разрушений тягчайшего вида, ни без террора, ни без стеснения формальной демократии в интересах войны. Только слащавые попы — все равно христианские или «светские» в лице салонных, парламентарных социалистов — могут не видеть, не понимать, не осязать этой необходимости. Только мертвые «человеки в футляре» способны отстраняться из-за этого от революции вместо того, чтобы со всей страстью и решительностью бросаться в бой тогда, когда история требует решения борьбой и войной величайших вопросов человечества.

В американском народе есть революционная традиция, которую восприняли лучшие представители американского пролетариата, неоднократно выражавшие свое полное сочувствие нам, большевикам. Эта традиция — война за освобождение против англичан в XVIII веке, затем гражданская война в XIX веке. В 1870 году Америка в некоторых отношениях, если взять только «разрушение» некоторых отраслей промышленности и народного хозяйства, стояла *позади* 1860 года. Но каким бы педантом, каким идиотом был бы человек, который на *таком* основании стал бы отрицать величайшее, всемирно-историческое, прогрессивное и революционное значение гражданской войны 1863 — 1865 годов в Америке!

Представители буржуазии понимают, что свержение рабства негров, свержение власти рабовладельцев стоило того, чтобы вся страна прошла через долгие годы гражданской войны, бездны разорения, разрушений, террора, связанных со всякой войной. Но теперь, когда дело идет о неизмеримо более великой задаче свержения *наемного*, капиталистического, рабства, свержения власти буржуазии, — теперь представители и защитники буржуазии, а равно социалисты-реформисты, запуганные буржуазией, чурающиеся революции, не могут и не хотят понять необходимости и законности гражданской войны.

Американские рабочие не пойдут за буржуазией. Они будут с нами, за гражданскую войну против буржуазии. Меня укрепляет в этом убеждении вся история всемирного и американского рабочего движения. Я вспоминаю также слова одного из самых любимых вождей американского пролетариата Евгения Дебса,

который писал в «Призыве к разуму» (Appeal to Reason) [51]) кажется, в конце 1915 года — в статье «What shall I fight for» («За что я буду сражаться») [52]), — (я цитировал эту статью в начале 1916 года на одном публичном рабочем собрании в Берне, в Швейцарии), — что он, Дебс, дал бы себя скорее расстрелять, чем вотировать кредиты на теперешнюю, империалистскую, преступную и реакционную, войну; что он, Дебс, знает лишь одну священную, законную, с точки зрения пролетариев, войну, именно: войну против капиталистов, войну за освобождение человечества от наемного рабства!

Меня не удивляет, что Вильсон, глава американских миллиардеров, прислужник акул капиталистов, заключил в тюрьму Дебса. Пусть зверствует буржуазия против истинных интернационалистов, против истинных представителей революционного пролетариата! Чем больше ожесточения и зверства с ее стороны, тем ближе день победоносной пролетарской революции.

Обвиняют нас в разрушениях, созданных нашей революцией... И кто же обвинители? Прихвостни буржуазии, — той самой буржуазии, которая, за четыре года империалистской войны разрушив почти всю европейскую культуру, довела Европу до варварства, до одичания, до голода. Эта буржуазия требует теперь от нас, чтобы мы делали революцию не на почве этих разрушений, не среди обломков культуры, обломков и развалин, созданных войной, не с людьми, одичавшими от войны. О, как гуманна и справедлива эта буржуазия!

Ее слуги обвиняют нас в терроре... Английские буржуа забыли свой 1649-ый, французы свой 1793-ий год. Террор был справедлив и законен, когда он применялся буржуазией в ее пользу против феодалов. Террор стал чудовищен и преступен, когда его дерзнули применять рабочие и беднейшие крестьяне против буржуазии! Террор был справедлив и законен, когда его применяли в интересах замены одного эксплуатирующего меньшинства другим эксплуататорским меньшинством. Террор стал чудовищен и преступен, когда его стали применять в интересах свержения *всякого* эксплуататорского меньшинства, в интересах действительно огромного большинства, в интересах пролетариата и полупролетариата, рабочего класса и беднейшего крестьянства!

Буржуазия международного империализма перебила 10 миллионов человек, искалечила 20 миллионов на «своей» войне, войне из-за того, английским или немецким хищникам господствовать над всем миром.

Если *наша* война, война угнетенных и эксплуатируемых против угнетателей и эксплуататоров будет стоить полумиллиона или миллиона жертв во всех странах, — буржуазия скажет, что первые жертвы законны, вторые преступны.

Пролетариат скажет совсем другое.

Пролетариат усвоивает себе теперь, среди ужасов империалистской войны,—вполне и наглядно ту великую истину, которой учат все революции, истину, которую завещали рабочим их лучшие учителя, основатели современного социализма. Эта истина— та, что не может быть успешной революции без *подавления сопротивления эксплуататоров*. Наш долг был, когда мы, рабочие и трудящиеся крестьяне овладели государственной властью, подавить сопротивление эксплуататоров. Мы гордимся тем, что делали и делаем это. Мы жалеем о том, что недостаточно твердо и решительно делаем это.

Мы знаем, что во всех странах бешеное сопротивление буржуазии против социалистической революции неизбежно и что оно будет *расти* по мере роста этой революции. Пролетариат сломит это сопротивление, он созреет окончательно к победе и к власти в ходе борьбы против сопротивляющейся буржуазии.

Пусть кричит на весь свет продажная буржуазная пресса о каждой ошибке, которую делает наша революция. Мы не боимся наших ошибок. От того, что началась революция, люди не стали святыми. Безошибочно сделать революцию не могут те трудящиеся классы, которые веками угнетались, забивались, насильственно зажимались в тиски нищеты, невежества, одичания. И труп буржуазного общества, как мне приходилось уже однажды указывать*), нельзя заколотить в гроб и зарыть в землю. Убитый капитализм умирает **), разлагается среди нас, заражая воздух миазмами, отравляя нашу жизнь, хватая новое, свежее, молодое, живое тысячами нитей и связей старого, гнилого, мертвого.

На каждую сотню наших ошибок, о которых кричит на весь свет буржуазия и ее лакеи (наши меньшевики и правые эсеры, в том числе), приходится 10.000 великих и геройских актов — тем более великих и геройских, что они просты, невидны, спрятаны в будничной жизни фабричного квартала или захолустной деревни, совершены людьми, не привыкшими (и не имеющими возможности) кричать о каждом своем успехе на весь мир.

Но если бы даже дело обстояло наоборот, — хотя я знаю, что такое допущение не верно, — если бы даже на 100 наших правильных актов приходилось 10.000 ошибок, все-таки наша революция была бы, *и она будет перед всемирной историей*, велика и непобедима, ибо *первый раз* не меньшинство, не одни только богатые, не одни только образованные, а настоящая масса, громадное большинство трудящихся *сами* строят новую жизнь, *своим опытом* решают труднейшие вопросы социалистической организации.

Каждая ошибка в такой работе, в этой добросовестнейшей и искреннейшей работе десятков миллионов простых рабочих и

---

*) См. настоящий том, стр. 57. *Ред.*
**) В изд. 1918 г.: «гниет». *Ред.*

крестьян по переустройству всей их жизни, — каждая такая ошибка стоит тысячи и миллиона «безошибочных» успехов эксплуататорского меньшинства, успехов в деле надувания и объегоривания трудящихся. Ибо только *через* такие ошибки *научатся* строить новую жизнь, научатся обходиться *без* капиталистов рабочие и крестьяне, только так пробьют они себе путь, — через тысячи препятствий — к победоносному социализму.

Ошибки совершают, творя свою революционную работу, наши крестьяне, которые одним ударом, в одну ночь с 25-го на 26-е октября (ст. ст.) 1917 года отменили всякую частную собственность на землю и теперь, месяц за месяцем, преодолевая необъятные трудности, исправляя сами себя, решают практически труднейшую задачу организации новых условий хозяйственной жизни, борьбы с кулаками, обеспечения земли за *трудящимися* (а не за богатеями), перехода к *коммунистическому* крупному земледелию.

Ошибки совершают, творя свою революционную работу, наши рабочие, которые национализировали теперь, за несколько месяцев, почти все крупнейшие фабрики и заводы и учатся тяжелым, ежедневным трудом новому делу управления целыми отраслями промышленности, налаживают национализированные хозяйства, преодолевают гигантское сопротивление косности, мелкобуржуазности, эгоизма, кладут камень за камнем фундамент *новой* общественной связи, *новой* трудовой дисциплины, *новой* власти профессиональных союзов рабочих над их членами.

Ошибки совершают, творя свою революционную работу, наши советы, созданные еще в 1905 году могучим подъемом масс. Советы рабочих и крестьян, это — новый *тип* государства, новый высший *тип* демократии, это — форма диктатуры пролетариата, способ управления государством *без* буржуазии и *против* буржуазии. Впервые демократия служит здесь для масс, для трудящихся, перестав быть демократией для богатых, каковой остается демократия во всех буржуазных, даже самых демократических, республиках. Впервые народные массы решают, в масштабе для сотни миллионов людей, задачу осуществить диктатуру пролетариев и полу-пролетариев, — задачу, без решения которой *не может быть* и речи о социализме.

Пусть педанты или люди, неизлечимо напичканные буржуазно-демократическими, или парламентарными, предрассудками, недоуменно качают головой по поводу наших Совдепов, останавливаясь, например, на отсутствии прямых выборов. Эти люди ничего не забыли и ничему не научились за время великих переворотов 1914 — 1918 годов. Соединение диктатуры пролетариата с новой демократией для трудящихся, — гражданской войны с широчайшим вовлечением масс в политику, — такое соединение не дается сразу и не укладывается в избитые формы рутинного

парламентарного демократизма. Новый мир, мир социализма,—вот что встает перед нами в своем очертании, как Советская Республика. И неудивительно, что этот мир не рождается готовым, не выходит сразу, как Минерва из головы Юпитера.

Когда старые буржуазно-демократические конституции расписывали, например, формальное равенство и право собраний,— наша, пролетарская и крестьянская, советская конституция отбрасывает лицемерие формального равенства прочь. Когда буржуазные республиканцы свергали троны, тогда не заботились о формальном равенстве монархистов с республиканцами. Когда речь идет о свержении буржуазии, только предатели или идиоты могут добиваться формального равенства прав для буржуазии. Грош цена «свободы собраний» для рабочих и крестьян, если все лучшие здания захвачены буржуазией. Наши Советы *отняли* все хорошие здания, и в городах и в деревнях, у богачей, *передали все* эти здания рабочим и крестьянам под *их* союзы и собрания. Вот *наша* свобода собраний — для трудящихся. Вот смысл и содержание нашей советской, нашей социалистической конституции!

И вот почему так глубоко уверены все мы, что, какие бы беды ни обрушились еще на нашу Республику Советов, *она непобедима.*

Она непобедима, ибо каждый удар бешеного империализма, каждое поражение, наносимое нам международной буржуазией, поднимая к борьбе новые и новые слои рабочих и крестьян, обучает их ценой величайших жертв, закаляет их, рождает новый массовый героизм.

Мы знаем, что помощь от вас, товарищи-американские рабочие, придет еще, пожалуй, и не скоро, ибо развитие революции в разных странах идет в различных формах, различным темпом (и не может идти иначе). Мы знаем, что европейская пролетарская революция может и не разгореться еще в ближайшие недели, как ни быстро зреет она в последнее время. Мы ставим ставку на неизбежность международной революции, но это отнюдь не значит, что мы, как глупцы, ставим ставку на неизбежность революции *в определенный* короткий срок. Мы видели две великих революции, 1905 и 1917, в своей стране и знаем, что революции не делаются ни по заказу, ни по соглашению. Мы знаем, что обстоятельства выдвинули вперед *наш*, российский отряд социалистического пролетариата, не в силу наших заслуг, а в силу особой отсталости России, и что *до* взрыва международной революции возможен ряд поражений отдельных революций.

Несмотря на это, мы твердо знаем, что мы непобедимы, ибо человечество не сломится от империалистской бойни, а осилит ее. И первой страной, которая *сломала* каторжную цепь империалистской войны, была *наша* страна. Мы принесли тягчайшие

жертвы в борьбе за разрушение этой цепи, но мы *сломали* ее. Мы стоим *вне* империалистских зависимостей, мы подняли перед всем миром знамя борьбы за полное свержение империализма.

Мы находимся как бы в осажденной крепости, пока на помощь нам не подошли другие отряды международной социалистической революции. Но эти отряды *есть*, они *многочисленнее*, чем наши, они зреют, растут, крепнут по мере продолжения зверств империализма. Рабочие рвут со своими социал-предателями, Гомперсами, Хендерсонами, Ренoделями, Шейдеманами *), Реннерами. Рабочие идут медленно, но неуклонно к коммунистической, большевистской, тактике, к пролетарской революции, которая одна в состоянии спасти гибнущую культуру и гибнущее человечество.

Одним словом, мы непобедимы, ибо непобедима всемирная пролетарская революция.

20 авг. 1918 г. *Н. Ленин.*

Написано 20 августа 1918 г.
Напечатано 22 августа 1918 г. в «Правде» № 178.

Печатается по рукописи.

---

*) В изд. 1918 г. «Хендерсонами, Ренoделями, Шейдеманами» опущено. *Ред.*

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В АЛЕКСЕЕВСКОМ НАРОДНОМ ДОМЕ 23 АВГУСТА 1918 Г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Товарищи, сегодня наша партия устраивает митинги на тему о том, за что боремся мы — коммунисты.

На этот вопрос всего короче можно ответить так: за прекращение империалистской войны и за социализм.

Еще в начале войны, в пору реакции и царизма, мы заявляли, что она преступна, что единственным выходом из нее является превращение империалистской войны в гражданскую войну.

Многим казалась непонятной тогда связь между империалистской войной и социализмом, даже многие социалисты думали о том, что эта война должна закончиться, как и другие, путем заключения мира.

Но четыре года войны научили многому. Теперь все больше и больше становится очевидным, что иного выхода нет. За российской революцией нарастает революция во всех воюющих странах. Почему это произошло? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно осветить отношение коммунистов к войне и ее оценку с нашей точки зрения. Все войны, которые являлись результатом хищнических стремлений царей и капиталистов, мы считаем преступными, ибо они гибельны для трудящихся классов и приносят богатые плоды господствующей буржуазии.

Но есть войны, которые рабочий класс должен назвать единственно справедливыми войнами — это борьба за освобождение от рабства, от гнета капиталистов, и такие войны должны быть, так как иначе, как в борьбе, мы не достигнем освобождения.

Когда в 1914 году началась война между немцами и англо-французами из-за того, как поделить между собой землю, кому получить право душить весь мир, капиталисты обоих лагерей постарались прикрыть свои хищнические стремления лозунгами «защиты родины» и этими побасенками кормили народную массу.

Миллионы людей погибли в этой бойне, миллионы людей остались искалеченными. Война стала всемирной, и все больше

и больше стали возникать вопросы: зачем, во имя чего эти ненужные жертвы?

Англия и Германия залиты кровью, но выхода из войны нет: если прекратят войну одни империалистские страны, ее будут продолжать другие.

Капиталисты зарвались, они слишком много награбили. Между тем, идет разложение армии, повсюду появляются дезертиры; горы Италии наполнены ими, во Франции солдаты отказываются идти в бой, и даже в Германии упала прежняя дисциплина.

Французские и немецкие солдаты начинают понимать, что они должны повернуть свой фронт и обратить свое оружие на собственные правительства, так как кончить кровопролитную войну при капиталистической системе невозможно, отсюда же сознание необходимости начать борьбу рабочих всех стран с капиталистами всех стран.

Создать социалистический порядок трудно. Гражданская война должна продлиться еще долгие месяцы и, может быть, годы, и это должно быть понятно русскому человеку, так как он сознает, с каким трудом свергают правящий класс и как отчаянно борются русские помещики и капиталисты.

Нет ни одной страны в Европе, где бы рабочие не сочувствовали большевикам и не были уверены в том, что придет время, когда они свергнут свое правительство, как это сделали русские рабочие.

Мы, русские коммунисты, стоим пока одиноко потому, что наш отряд оказался впереди других отрядов, нас отрезали от остальных товарищей, но мы должны были выступить первыми, так как наша страна была самой отсталой. Наша революция выступила, как революция всеобщая, и мы будем решать наши задачи с помощью рабочих и крестьян всех стран.

Наши задачи тяжелы и трудны, к нам приходит много лишнего, вредного элемента, но работа началась, и если мы и делаем ошибки, то не надо забывать, что каждая ошибка просвещает и учит.

Капитализм — сила международная, и потому уничтожить его можно только во всех странах, но не в одной. Война против чехо-словаков является войной против капиталистов всего мира.

Рабочие встают, поднимаются на эту борьбу; питерские и московские рабочие становятся в ряды армии, и, вместе с тем, армия проникается идеей борьбы за победу социализма.

Пролетарские массы обеспечат Советской республике победу над чехо-словаками и возможность удержаться до тех пор, пока не вспыхнет всемирная социалистическая революция.

«Петроградская Правда» № 185 (411), 27 августа 1918 г.

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ МУЗЕЕ 23 АВГУСТА 1918 Г.

В чем наша программа? В завоевании социализма. В настоящий момент мировой войны выхода из этой войны, помимо победы социализма, нет. Но этого многие не понимают. Сейчас большинство человечества против кровавой бойни, но понять ее непосредственной связи с капиталистическим строем они не могут. Ужасы теперешней войны бросаются в глаза даже буржуазии, но не ей связывать конец войны с концом капиталистического строя... А эта главная мысль всегда отличала большевиков и революционных социалистов всех других стран от тех, кто хочет низвести на землю мир, сохранив капиталистический порядок в незыблемости.

Почему ведутся войны? Мы знаем, что большинство войн велось из-за интересов династий и называлось династическими. Но иногда войны велись из-за интересов угнетенных. Спартак поднял войну для защиты порабощенного класса. Такие же войны велись в эпоху колониальных угнетений, которые и сейчас не прекратили своего существования, в эпоху рабства и т. д. Эти войны были справедливыми, эти войны не могут быть осуждаемы.

Но когда мы говорим о настоящей европейской войне и осуждаем ее, то только потому, что она ведется классом угнетателей.

Какой цели служит настоящая война? Если верить дипломатам всех стран, то она ведется со стороны Франции и Англии в целях защиты малых народностей против варваров, гуннов-немцев; со стороны Германии она ведется против варваров-казаков, угрожающих культурному народу Германии и в целях защиты отечества от нападающих врагов.

Но нам известно, что эта война подготовлялась, нарастала и была неизбежна. Она была так же неизбежна, как неизбежна война между Америкой и Японией. В чем же заключается эта неизбежность?

А в том, что капитализм сосредоточил богатства земли в руках отдельных государств, разделил землю до последнего куска;

дальнейшая дележка, дальнейшее обогащение может идти уже за счет других, одного государства за счет другого. Разрешиться этот вопрос может исключительно силой — и война поэтому между мировыми хищниками стала неизбежной.

Во главе настоящей войны до сего времени стояли две главные фирмы — Англия и Германия. Англия представляла самую сильную колониальную страну. Несмотря на то, что население самой Англии не более 40 миллионов, — население ее колоний более 400 миллионов. Она издавна, по праву сильного, захватила чужие колонии, захватила массу земель и пользовалась эксплуатацией их. Но экономически она за последние 50 лет отстала от Германии. Промышленность Германии обогнала промышленность Англии. Крупный государственный капитализм Германии соединился с бюрократизмом, и Германия побила рекорд.

Между этими двумя гигантами решить спор на первенство нельзя было иначе, как силой.

Если Англия некогда, по праву сильного, захватила земли у Голландии, Португалии и т. д., — то теперь на сцену выступила Германия и заявила, что наступил и мой черед поживиться за счет другого.

Вот в чем вопрос: в борьбе за разделение мира между сильнейшими. И потому, что обе стороны имеют капиталы в сотни миллионов, борьба между ними обратилась во всемирную.

Мы знаем, сколько тайных преступлений совершено за эту войну. Опубликованные нами тайные договоры доказали, что фразы, объяснявшие ведение войны, оставались словами, и все государства, как и Россия, были связаны грязными договорами поживиться за счет малых и слабых народностей. В результате, кто был сильным — обогатился еще более; кто был слабым, — раздавлен.

Обвинять отдельных лиц в начале войны нельзя; ошибочно обвинять королей и царей в создании настоящей бойни, — ее создал капитал. Капитализм уперся в тупик. Этот тупик ничто иное, как империализм, диктовавший войну между конкурентами на весь мир.

Величайшей ложью было объявление войны из-за освобождения малых народностей. Оба хищника стоят, все так же кровожадно поглядывая друг на друга, а около немало задавленных малых народностей.

И мы говорим: нет выхода из империалистской бойни иначе, как через гражданскую войну.

Когда мы об этом говорили в 14 г., нам отвечали, что это похоже на прямую линию, проведенную в пространство, но наш анализ подтвержден ходом всех дальнейших событий. В настоящий момент мы видим, что генералы шовинизма остаются без армии. Недавно во Франции, наиболее пострадавшей от войны, наиболее чутко относившейся к лозунгу защиты отечества, ибо

враг стоял у ворот Парижа, — в этой стране оборонцы потерпели крушение; правда, шовинизм потерпел крушение от людей шатающихся, как Лонге, — все же это не так важно. Мы знаем, что в первые дни революции в России власть попала в руки господ, говоривших одни слова, но державших в карманах те же царские договоры.

И если развитие партий влево в России прошло быстрей, то этому помог тот проклятый режим, что был до революции, и наша революция 1905 года.

В Европе же, где господствует умный и расчетливый капитализм, где он обладает мощной и стройной организацией, там освобождение от националистического угара идет медленнее. Но все же нельзя не видеть, что империалистская война умирает долгой, мучительной смертью.

По сообщениям, которым вполне можно доверять, разложение захватило германскую армию, и она занялась спекуляцией. Иначе и быть не может. В тот момент, когда очнувшийся солдат начинает понимать, что калечение и смерть происходят единственно из-за интересов буржуазии, — разложение не может не проникнуть в массы.

Французская армия, которая держалась дольше всех и стойче всех, — тоже показала, что процесс разложения ей не чужд. Суд над Мальви приподнял завесу и над событиями во Франции и сообщил, что тысячи солдат отказывались выступить на фронт.

Все это — предвестники тех же событий, что развернулись и в России. Только культурные страны дадут нам картины более жестокой гражданской войны, нежели дала Россия. Это подтверждает Финляндия, наиболее демократическая страна из всех других в Европе, страна, где женщина впервые получила право голоса, — эта страна дико и безжалостно расправлялась с красноармейцами, и последние легко не сдавались. Эта картина показывает, какая жестокая участь ждет эти культурные страны.

Вы сами видите, как абсурдно было обвинение большевиков в том, что разложение русской армии — дело их рук.

Мы представляем только один отряд, который прошел несколько дальше других рабочих отрядов, и не потому, что он лучше других, а потому, что глупая политика нашей буржуазии позволила рабочему классу России быстрее снять с себя ее иго. Сейчас, борясь за социалистический строй в России, мы боремся за социализм всего мира. Сейчас во всех странах, на всех рабочих митингах, на всех рабочих собраниях только и разговора, что о большевиках, и нас знают, они знают, что мы в настоящее время делаем дело всего мира, исполняем работу для них.

Отменяя собственность на землю, национализируя предприятия, банки, которые занимаются в настоящий момент тем, чтобы организовать промышленность, мы имеем окрики со всех сторон,

что творим массу ошибок. Да, но рабочие сами творят социализм, и каких бы мы ошибок ни наделали — на этой практике мы учимся и подготовляем почву для безошибочного искусства делать революцию.

Вот почему мы видим такую бешеную ненависть! Вот почему французский империализм не жалеет бросать десятки и сотни миллионов для поддержки контр-революции, ибо она несет с собой возвращение Франции русских долгов, выражающихся в миллиардах, от которых отказались рабочие и крестьяне.

В настоящий момент вся буржуазная пресса забавляется тем, что наполняет ложью свои столбцы вроде того, что Совет Народных Комиссаров выехал в Тулу, а что десять дней тому назад его видели в Кронштадте и т. д.; что Москва накануне падения и что Советские власти бежали.

Вся буржуазия, все бывшие Романовы, все капиталисты и помещики за чехо-словаков, ибо мятеж последних они связывают с возможностью падения Советской власти. Об этом знают союзники, и они предпринимают одну из серьезнейших битв. Им не хватало в России ядра, и ядро они обрели в чехо-словаках. Поэтому к мятежу последних нельзя относиться несерьезно. Этот мятеж повлек за собою ряд контр-революционных восстаний, ряд мятежей кулацких и белогвардейских ознаменовали собою последние страницы нашей революционной истории.

Положение Советской власти серьезно, на это не следует закрывать глаз. Но взгляните кругом, и уверенность в нашей победе не может не заполнить вас.

Германия понесла ряд поражений, и не секрет, что эти поражения — результат «измены» немецких солдат; французские солдаты отказались выступить на фронт в самый опасный момент из-за ареста товарища Андрио, которого пришлось правительству освободить, чтобы двинуть войска, и т. д. и т. д.

Мы принесли много жертв. Брестский мир — одна тяжелая рана, мы ждали революции в Германии, но она тогда еще не дозрела. Это происходит сейчас, революция безусловно идет и неминуема. Но только глупец может спрашивать, когда наступит революция на Западе. Революцию нельзя учесть, революцию нельзя предсказать, она является сама собой. И она нарастает и должна вспыхнуть. Разве за неделю до февральской революции кто-либо знал, что она разразится? Разве в тот момент, когда сумасшедший поп [53]) вел народ ко дворцу, кто-либо думал, что разразится революция 5-го года? Но революция нарастает и должна неминуемо произойти.

И мы должны сохранить Советскую власть до ее начала, наши ошибки должны послужить уроком западному пролетариату, — международному социализму. Спасение не только русской революции, но и международной на чехо-словацком фронте. И мы уже

имеем сведения, что та армия, которую бесконечно предавали генералы, армия, которая бесконечно устала, эта армия, с приходом наших товарищей, коммунистов, рабочих, начинает побеждать, начинает проявлять революционный энтузиазм в борьбе с мировой буржуазией.

И мы верим, что победа за нами и что, победив, мы отстоим социализм.

Впервые напечатано в 1926 г. в Собрании сочинений Н. Ленина, том XX, ч. II.

Печатается по копии стенограммы.

РЕЧЬ НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ 28 АВГУСТА 1918 Г.

Товарищи! Мы переживаем один из наиболее критических, важных и интересных исторических моментов — момент нарастания всемирной социалистической революции. Теперь становится ясно даже тем, кто был далек от социалистических теорий и предвидений, что эта война не кончится так, как она началась, т.-е. путем обычного заключения мира между старыми империалистскими правительствами. Русская революция показала, что война ведет неизбежно к распаду всего капиталистического общества, что она превращается в войну трудящихся против эксплуататоров. В этом заключается значение русской революции.

Как ни велики трудности, стоящие на нашем пути, как ни стараются во всех странах разбрасывать десятки миллионов для распространения лжи и клеветы против русской революции, — рабочий класс всего мира чувствует, что русская революция — его собственное дело. Параллельно с войной одной группы империалистов против другой начинается всюду война, которую, зараженный примером русской революции, объявляет рабочий класс своей собственной буржуазии. Все признаки указывают на то, что Австрия и Италия переживают канун революции, разложение старого строя в этих странах идет быстрыми шагами. В более стойких и крепких государствах, как Германия, Англия и Франция, несколько иначе и менее заметно, но совершается тот же процесс. Крах капиталистического строя и капиталистической войны неизбежен. Германские империалисты не могли задушить социалистической революции. Подавление революции в красной Латвии, Финляндии и на Украине стоило Германии разложения армии. Поражение Германии на Западном фронте было вызвано в значительной степени тем, что старой армии в Германии уже не существует. То, о чем полушутя говорили дипломаты — «руссификация» германских солдат, — оказалось теперь не шуткой, а горькой для них правдой. Дух протеста растет, «измены» становятся обычным явлением в германской армии. С другой стороны, Англия и Франция делают последние усилия для сохранения

своего положения. Они бросаются на Русскую республику и натягивают струны капитализма до того, что они начинают рваться. В настроении рабочих масс, даже по признанию органов буржуазной прессы, наступил несомненный перелом: во Франции терпит крах идея «защиты отечества», рабочий класс Англии объявляет разрыв «гражданского мира». Это значит, что английские и французские империалисты поставили последнюю свою карту, — и мы с абсолютной уверенностью говорим, что карта будет бита. Как ни кричат известные группы, что большевики опираются на меньшинство, они должны признаться, что для борьбы с большевиками внутренних сил в России у них нет, и они вынуждены прибегать к иностранному вмешательству. Таким образом, рабочий класс Франции и Англии принужден участвовать в явно завоевательной войне, цель которой — удушение русской революции. Это значит, что англо-французский, а следовательно, и мировой империализм находится при последнем издыхании.

Как ни трудно было снова создать военное положение в стране, где народ сам смял войну и сам разбил старую армию, как ни трудно было сорганизовать армию в процессе острой гражданской войны, — мы превозмогли все трудности. Армия сложилась, и победа над чехо-словаками, белогвардейцами, помещиками, капиталистами и кулаками обеспечена. Трудящиеся массы понимают, что они ведут войну не за интересы кучки капиталистов, а за свое собственное дело. Русские рабочие и крестьяне впервые получили возможность сами распоряжаться фабриками и землей, и этот опыт не мог для них пройти бесследно. Наша армия составилась из отборных элементов, сознательных крестьян и рабочих. Каждый несет с собой на фронт сознание того, что он борется за судьбу не только русской, но всей международной революции, ибо мы можем быть уверены в том, что русская революция — только пример, только первый шаг в ряде революций, которыми неизбежно окончится война.

Одна из составных частей в той борьбе, которую мы сейчас ведем, — дело народного образования. Лицемерию и лжи мы можем противопоставить полную и открытую правду. Война показала наглядно, что такое «воля большинства», которой прикрывалась буржуазия, война показала, что кучка плутократов втягивает народы в бойню ради своих интересов. Вера в то, что буржуазная демократия служит большинству, подорвана теперь окончательно. Наша конституция, наши советы, которые явились новостью для Европы, но которые понятны нам еще с опыта революции 1905 года, служат лучшим агитаторским и пропагандистским примером, обличающим всю ложь и лицемерие их демократизма. Мы открыто провозгласили господство трудящихся и эксплуатируемых — это составляет нашу силу и источник нашей независимости.

В области народного образования — то же самое: чем более культурно было буржуазное государство, тем более утонченно оно лгало, утверждая, что школа может стоять вне политики и служить обществу в целом.

На самом деле школа была целиком превращена в орудие классового господства буржуазии, она была вся проникнута кастовым буржуазным духом, она имела целью дать капиталистам услужливых холопов и толковых рабочих. Война показала, как чудеса современной техники служат средством для истребления миллионов рабочих и несметного обогащения наживающихся на войне капиталистов. Война внутренне подорвана, потому что мы разоблачили их ложь, противопоставив ей правду. Мы говорим: наше дело в области школьной есть также борьба за свержение буржуазии; мы открыто заявляем, что школа вне жизни, вне политики — это ложь и лицемерие. Что такое был саботаж, объявленный наиболее образованными представителями старой буржуазной культуры? Саботаж показал нагляднее, чем любой агитатор, чем все наши речи и тысячи брошюр, что эти люди считают знание своей монополией, превращая его в орудие своего господства над так называемыми «низами». Они воспользовались своим образованием для того, чтобы сорвать дело социалистического строительства, открыто выступили против трудящихся масс.

В революционной борьбе русские рабочие и крестьяне получили свое окончательное воспитание. Они увидели, что только наш строй дает им действительное господство, они убедились, что государственная власть целиком и полностью идет на помощь рабочим и деревенским беднякам, чтобы они могли окончательно раздавить сопротивление кулаков, помещиков и капиталистов.

Трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы. Девять десятых трудящихся масс поняли, что знание является орудием в их борьбе за освобождение, что их неудачи объясняются недостатком образования и что теперь от них самих зависит сделать просвещение действительно доступным всем. Наше дело обеспечено тем, что массы сами взялись за строительство новой социалистической России. Они учатся на своем собственном опыте, на своих неудачах и ошибках, они видят, насколько просвещение необходимо для победоносного окончания той борьбы, которую они ведут. Несмотря на кажущееся распадение многих учреждений и ликование саботажной интеллигенции, мы видим, что опыт борьбы научил массы браться самим за вершение своей судьбы. Все, что сочувствует народу не на словах, а на деле, лучшая часть учительства, придет на помощь, — и в этом для нас верный залог того, что дело социализма победит.

Впервые напечатано в 1926 г. в Собрании сочинений Н. Ленина, том XX, ч. II.

Печатается по копии протокола Съезда.

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В БАСМАННОМ РАЙОНЕ 30 АВГУСТА 1918 Г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Буржуазия на время сделалась хозяином в революционной России, господствуя в ней при поддержке социал-соглашателей с февраля до октября.

С первых же шагов правительства Милюкова-Гучкова, народным массам становилось ясным, куда ведет их буржуазия. Но подлое дело русских капиталистов и помещиков, по существу продолжавших политику свергнутого народом царя, — прикрывали меньшевики и эсеры, выступавшие, как социалисты, а на деле продававшие социализм в угоду англо-французской бирже.

Отброшенные октябрьским восстанием в сторону, отметенные от революции, соглашатели принялись за свою обычную работу на Украине, Кавказе, в Сибири, на Волге. Они, наконец, добились того, что Советы в этих местах свергнуты, и большевистские деятели отданы на растерзание чехо-словацких наймитов и российских белогвардейцев.

И что же мы видим в этих местах, на развалинах Советов? Полное торжество капиталистов и помещиков, стон и проклятия в среде рабочих и крестьян. Земля отдана дворянам, фабрики и заводы их прежним владельцам, 8-часовой рабочий день уничтожен, рабочие и крестьянские организации упразднены, а на их место восстановлены царские земства и старая полицейская власть.

Пусть каждый рабочий и крестьянин, кто еще колеблется в вопросе о власти, посмотрит на Волгу, на Сибирь, на Украину, и тогда ответ сам собой придет — ясный и определенный.

«Правда» № 185, 31 августа 1918 г.

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ НА ЗАВОДЕ БЫВШ. МИХЕЛЬСОНА 30 АВГУСТА 1918 Г. [54]).

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Нас, большевиков, постоянно обвиняют в отступлении от девизов равенства и братства. Объяснимся по этому поводу начистоту.

Какая власть сменила царскую? — Гучково-Милюковская, которая начала собирать в России Учредительное Собрание. Что же действительно скрывалось за этой работой в пользу освобожденного от тысячелетнего ярма народа? А то, что за Гучковым и прочими радетелями собралась стая капиталистов, преследовавших свои империалистские задачи. А когда воцарилась компания Керенского, Чернова и прочих, то это правительство, шатавшееся и лишенное подпочвы, только и пеклось о кровных интересах близкой им буржуазии. Власть фактически перешла к кулакам, которая трудящимся массам ничего не давала. То же видим и в других странах. Возьмем Америку, самую свободную и цивилизованную. Там демократическая республика. И что же? Нагло господствует кучка не миллионеров, а миллиардеров, а весь народ — в рабстве и неволе. Если фабрики, заводы, банки и все богатства страны принадлежат капиталистам, а рядом с демократической республикой мы видим крепостное рабство миллионов трудящихся и беспросветную нищету, то спрашивается: где тут ваше хваленое равенство и братство?

Нет! Где господствуют демократы — там неприкрашенный, подлинный грабеж. Мы знаем истинную природу так называемых демократий.

Тайные договоры Французской республики, Англии и прочей демократии нам воочию показали сущность и подоплеку всего дела. Цели и интересы такие же преступно-грабительские, как и у Германии. Война нам открыла глаза, и мы ясно видим, как из защитников отечества вылезает наглый хищник и грабитель. Этому натиску хищника должно быть противопоставлено революционное действие, революционное творчество. Правда, очень

трудно в такое исключительное время провести объединение, в особенности крестьянских революционных элементов, но мы верим в творческую силу и социальный пыл авангарда революции — фабрично-заводского пролетариата. Рабочие же прекрасно сознали, что покуда будут жить в умах феерии о демократической республике и Учредительном собрании, до тех пор попрежнему будут тратиться 50 миллионов рублей ежедневно на пагубные для них военные цели, до тех пор они никогда не увидят выхода из капиталистического гнета. Поняв это, рабочие создали свои Советы.

Точно также реальная, подлинная жизнь научила рабочих понимать, что пока помещики великолепно устроились в дворцах и волшебных замках, до тех пор свобода собраний является фикцией и означает свободу собираться разве на том свете. Согласитесь, что обещать свободу рабочим и одновременно оставлять дворцы, землю, фабрики и все богатства в руках капиталистов и помещиков — не пахнет что-то свободой и равенством. У нас же один только лозунг, один девиз: всякий, кто трудится, тот имеет право пользоваться благами жизни. Тунеядцы, паразиты, высасывающие кровь из трудящегося народа, должны быть лишены этих благ. И мы провозглашаем: все — рабочим, все — трудящимся!

Мы знаем, как все это трудно провести, знаем бешеное сопротивление со стороны буржуазии, но верим в конечную победу пролетариата, ибо, раз он мог выйти из чудовищных бедствий пролетариата, ибо, раз он мог выйти из чудовищных бедствий военной империалистской грозы и водрузить на развалинах разрушенного им здания — здание социалистической революции, он не может не победить.

И, действительно, всюду идет сплочение сил. Благодаря отмене нами частной собственности на землю, происходит теперь живое объединение пролетариата города и деревни. Прояснение классового сознания рабочих все рельефнее вырисовывается также и на Западе. Рабочие Англии, Франции, Италии и других стран все больше обращаются с воззваниями и требованиями, свидетельствующими о близком торжестве дела всемирной революции. И наша задача дня: презрев все лицемерные, наглые выкрики и причитания разбойничьей буржуазии, творить свою революционную работу. Мы должны все бросить на чехо-словацкий фронт, чтобы раздавить всю эту банду, прикрывающуюся лозунгами свободы и равенства и расстреливающую сотнями и тысячами рабочих и крестьян.

У нас один выход: победа или смерть!

«Известия В. Ц. И. К.» № 188 (452), 1 сентября 1918 г.

Товарищи-рабочие! Идем в
последний, решительный бой!

Советская республика окружена врагами.
Но она победит и внешних и внутренних
врагов. Виден уже подъем среди рабочих мас-
сы, обеспечивающий победу. Видно уже, как
учащаются искры и взрывы революціоннаго
пожара в Западной Европе, дающие нам уверен-
ность в недалекой победе международной ра-
бочей революціи.

Внешний враг российской советской со-
ціалистической республики, это — в данный

Первая страница рукописи В. И. Ленина: «Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой!» — 1918 г.
Уменьшено

ТОВАРИЩИ-РАБОЧИЕ! ИДЕМ В ПОСЛЕДНИЙ, РЕШИТЕЛЬНЫЙ БОЙ!

Советская республика окружена врагами. Но она победит и внешних и внутренних врагов. Виден уже подъем среди рабочей массы, обеспечивающий победу. Видно уже, как участились искры и взрывы революционного пожара в западной Европе, дающие нам уверенность в недалекой победе международной рабочей революции.

Внешний враг российской советской социалистической республики, это — в данный момент англо-французский и японо-американский империализм. Этот враг наступает на Россию сейчас, он грабит наши земли, он захватил Архангельск и от Владивостока продвинулся (если верить французским газетам) до Никольска Уссурийского. Этот враг подкупил генералов и офицеров чехо-словацкого корпуса. Этот враг наступает на мирную Россию так же зверски и грабительски, как наступали германцы в феврале, с тем однако отличием, что англо-японцам нужен не только захват и грабеж русской земли, но и свержение советской власти для «восстановления фронта» т.-е. для вовлечения России опять в империалистскую (проще говоря: разбойничью) войну Англии с Германией.

Англо-японские капиталисты хотят восстановить власть помещиков и капиталистов в России, чтобы вместе делить добычу, награбленную в войне, чтобы закабалить русских рабочих и крестьян англо-французскому капиталу, чтобы содрать с них проценты по многомиллиардным займам, чтобы потушить пожар социалистической революции, начавшийся у нас и все более грозящий перекинуться на весь мир.

У зверей англо-японского империализма не хватит сил занять и покорить Россию. Таких сил не хватает даже у соседней с нами Германии, как доказал ее «опыт» с Украиной. Англо-японцы рассчитывали захватить нас врасплох. Это им не удалось. Рабочие Питера, за ним — Москвы, а за Москвой и всей промышленной центральной области поднимаются все более дружно, все

настойчивее, все бо́льшими массами, все беззаветнее. В этом залог нашей победы.

Англо-японские капиталистические хищники, пойдя в поход на мирную Россию, рассчитывают еще на свой союз с внутренним врагом советской власти. Мы знаем хорошо, кто этот внутренний враг. Это — капиталисты, помещики, кулаки, их сынки, ненавидящие власть рабочих и трудовых крестьян, крестьян не пьющих крови своих односельчан.

Волна кулацких восстаний перекидывается по России. Кулак бешено ненавидит советскую власть и готов передушить, перерезать сотни тысяч рабочих. Если бы кулакам удалось победить, мы прекрасно знаем, что они беспощадно перебили бы сотни тысяч рабочих, входя в союз с помещиками и капиталистами, восстановляя каторгу для рабочих, отменяя 8-мичасовой рабочий день, возвращая фабрики и заводы под иго капиталистов.

Так было во всех прежних европейских революциях, когда кулакам, вследствие слабости рабочих, удавалось повернуть назад от республики опять к монархии, от власти трудящихся опять к всевластию эксплуататоров, богачей, тунеядцев. Так было у нас на глазах в Латвии, в Финляндии, на Украине, в Грузии. Везде жадное, обожравшееся, зверское кулачье соединялось с помещиками и с капиталистами против рабочих и против бедноты вообще. Везде кулачье с неслыханной кровожадностью расправлялось с рабочим классом. Везде оно входило в союз с *иноземными капиталистами* против рабочих своей страны. Так поступали и поступают кадеты, правые эсеры, меньшевики; стоит вспомнить только их подвиги в «Чехо-словакии». Так поступают, по крайней глупости и бесхарактерности и левые эсеры, своим мятежом в Москве оказавшие помощь белогвардейцам в Ярославле, чехословакам и белым в Казани; не даром эти левые эсеры заслужили похвалу Керенского и его друзей, французских империалистов.

Никакие сомнения невозможны. Кулаки — бешеный враг советской власти. Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят восстания кулацкого, грабительского, меньшинства народа против власти трудящихся. Середины тут быть не может. Миру не бывать: кулака можно и легко можно помирить с помещиком, царем и попом, даже если они поссорились, но с рабочим классом *никогда*.

И поэтому бой против кулаков мы называем *последним* решительным боем. Это не значит, что не может быть многократных восстаний кулаков, или что не может быть многократных походов чужеземного капитализма против Советской власти. Слово: «последний» бой означает, что последний и самый многочисленный из *эксплуататорских* классов восстал против нас в нашей стране.

Кулаки — самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть

помещиков, царей, попов, капиталистов. Кулаков больше, чем помещиков и капиталистов. Но все же кулаки — меньшинство в народе.

Допустим, что у нас в России около 15 миллионов крестьянских земледельческих семей, считая прежнюю Россию, до того времени, когда хищники оторвали от нее Украину и прочее. Из этих 15 миллионов, наверное, около 10 миллионов бедноты, живущей продажей своей рабочей силы или идущей в кабалу богатеям или не имеющей излишков хлеба и особенно разоренной тяготами войны. Около 3-х миллионов надо считать среднего крестьянина, и едва-ли больше 2-х миллионов кулачья, богатеев, спекулянтов хлебом. Эти кровопийцы нажились на народной нужде во время войны, они скопили тысячи и сотни тысяч денег, повышая цены на хлеб и другие продукты. Эти пауки жирели насчет разоренных войною крестьян, насчет голодных рабочих. Эти пиявки пили кровь трудящихся, богатея тем больше, чем больше голодал рабочий в городах и на фабриках. Эти вампиры подбирали и подбирают себе в руки помещичьи земли, они снова и снова кабалят бедных крестьян.

Беспощадная война против этих кулаков! Смерть им! Ненависть и презрение к защищающим их партиям: правым эсерам, меньшевикам и теперешним левым эсерам! Рабочие должны железной рукой раздавить восстания кулаков, заключающих союз против трудящихся своей страны с чужеземными капиталистами.

Кулаки пользуются темнотой, раздробленностью, распыленностью деревенской бедноты. Они натравливают ее на рабочих, они подкупают иногда ее, давая ей на сотенку рубликов «поживиться» от спекуляции хлебом (и в то же время грабя бедноту на многие тысячи). Кулаки стараются перетянуть на свою сторону среднего крестьянина, и иногда им это удается.

Но рабочий класс вовсе не обязан расходиться со средним крестьянином. Рабочий класс не может помириться с кулаком, а с средним крестьянином он может искать и ищет *соглашения*. Рабочее правительство, т.-е. большевистское правительство, *доказало* это делом, а не словами.

Мы доказали это, приняв и строго проводя закон о «социализации земли»; в этом законе есть *много* уступок интересам и воззрениям среднего крестьянина.

Мы доказали это, *утроив* (на днях) хлебные цены, ибо мы вполне признаем, что заработок среднего крестьянина часто не соответствует теперешним ценам на промышленные продукты и *должен* быть повышаем.

Всякий сознательный рабочий будет разъяснять это среднему крестьянину и терпеливо, настойчиво, многократно доказывать ему, что социализм бесконечно выгоднее для среднего крестьянина, чем власть царей, помещиков, капиталистов.

Рабочая власть никогда не обижала и не обидит среднего крестьянина. А власть царей, помещиков, капиталистов, кулаков всегда не только обижала среднего крестьянина, а прямо душила, грабила, разоряла его во всех странах, везде без исключения, в России в том числе.

Теснейший союз и полное слияние с деревенской беднотой; уступки и соглашение с средним крестьянином; беспощадное подавление кулаков, этих кровопийцев, вампиров, грабителей народа, спекулянтов, наживающихся на голоде; — вот какова программа сознательного рабочего. Вот политика рабочего класса.

Написано в первой половине августа 1918 г.
Впервые напечатано в 1925 г.
в специальном издании Института Ленина.

Печатается по рукописи.

Председателю конференции Пролеткульта тов. Лебедеву-Полянскому

РОССІЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ
СОВЪТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
Пред. СОВЪТА
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.
Москва, Кремль.
17 IX 1918 г.
№

298

Президиуму
Конференции пролетарских
культурно-просветительных организаций

Дорогие тов.! От души благодарю Вас за добрые пожелания и в свою очередь желаю Вам наилучших успехов в Ваших работах.

Одним из главных условий победы соц. революции есть усвоение рабочим классом и проведение в жизнь господства этого класса на время перехода от капитализма к социализму. Господство авангарда всех трудя...

Первая страница письма В. И. Ленина Президиуму конференции пролетарских культурно-просветительных организаций — 1918 г.

Уменьшено

ПИСЬМО ПРЕЗИДИУМУ КОНФЕРЕНЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ [55]).

Дорогие товарищи! От души благодарю вас за добрые пожелания и в свою очередь желаю вам наилучших успехов в ваших работах.

Одно из главных условий победы социалистической революции есть усвоение рабочим классом и проведение в жизнь *господства* этого класса на время перехода от капитализма к социализму. *Господство* авангарда всех трудящихся и эксплуатируемых, т. е. пролетариата, необходимо на это переходное время для полного уничтожения классов, для подавления сопротивления эксплуататоров, *для объединения* всей массы трудящихся и эксплуатируемых, забитой, задавленной, распыленной капитализмом, вокруг городских рабочих, в теснейшем союзе с ними.

Все наши успехи вызваны тем, что рабочие поняли это и взялись за *управление* государством, через свои советы.

Но рабочие *недостаточно* еще поняли это и часто бывают чрезмерно *робки* в деле выдвигания *рабочих для управления* государством.

Боритесь за это, товарищи! Пусть пролетарские культурно-просветительные организации помогут этому. В этом — залог дальнейших успехов и окончательной победы социалистической революции.

С приветом

В. Ульянов (Ленин).

«Правда» № 201, 19 сентября 1918 г. *Печатается по рукописи.*

О ХАРАКТЕРЕ НАШИХ ГАЗЕТ.

Чрезмерно уделяется место политической агитации на старые темы,—политической трескотне. Непомерно мало места уделяется строительству новой жизни, фактам и фактам на этот счет.

Почему бы, вместо 200—400 строк, не говорить в 20—10 строках о таких простых, общеизвестных, ясных, усвоенных уже в значительной степени массой явлениях, как подлое предательство меньшевиков, лакеев буржуазии, как англо-японское нашествие ради восстановления священных прав капитала, как лясканье зубами американских миллиардеров против Германии и т. д., и т. п.? Говорить об этом надо, каждый новый факт в этой области отмечать надо, но не статьи писать, не рассуждения повторять, а в нескольких строках, в «телеграфном стиле» клеймить новые проявления старой, уже известной, уже оцененной политики.

Буржуазная пресса в «доброе старое буржуазное время» не касалась «святого святых» — внутреннего положения дел на частных фабриках, в частных хозяйствах. Этот обычай отвечал интересам буржуазии. От него нам надо радикально отделаться. Мы от него *не* отделались. Тип газет у нас *не* меняется еще так, как должен бы он меняться в обществе, переходящем от капитализма к социализму.

Поменьше политики. Политика «прояснена» полностью и сведена на борьбу двух лагерей: восставшего пролетариата и кучки рабовладельцев-капиталистов (с их сворой вплоть до меньшевиков и пр.). Об этой политике можно, повторяю, и должно говорить совсем коротко.

Побольше экономики. Но экономики не в смысле «общих» рассуждений, ученых обзоров, интеллигентских планов и т. п. дребедени, — которая, к сожалению, слишком часто является именно дребеденью. Нет, экономика нужна нам в смысле собирания, *тщательной проверки* и изучения фактов действительного строи-

тельства новой жизни. Есть ли *на деле* успехи крупных фабрик, земледельческих коммун, комитетов бедноты, местных совнархозов в строительстве *новой экономики?* Каковы именно эти успехи? Доказаны ли они? Нет ли тут побасенок, хвастовства, интеллигентских обещаний («налаживается», «составлен план», «пускаем в ход силы», «теперь ручаемся», «улучшение несомненно» и т. п. шарлатанские планы, на которые «мы» такие мастера)? Чем достигнуты успехи? Как сделать их более широкими?

Черная доска отсталых фабрик, после национализации оставшихся образцом разброда, распада, грязи, хулиганства, тунеядства, где она? Ее нет. А такие фабрики *есть*. Мы не умеем выполнять своего долга, не ведя *войны* против этих «хранителей традиций капитализма». Мы не коммунисты, а тряпичники, пока мы, молча, терпим такие фабрики. Мы не умеем вести классовой борьбы в газетах так, как ее вела буржуазия. Припомните, как великолепно *травила* она в прессе *ее* классовых врагов, как издевалась над ними, как позорила их, как сживала их со света. А мы? Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего *класса* от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций (привычек) капитализма и продолжают смотреть на Советское государство по-прежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже, — содрать с «него» денег побольше. Разве мало таких мерзавцев, хотя бы среди наборщиков советских типографий, среди сормовских и путиловских рабочих и т. д.? Сколько из них мы поймали, скольких изобличили, скольких пригвоздили к позорному столбу?

Печать об этом молчит. А если пишет, то по казенному, по чиновничьи, не как *революционная* печать, не как орган *диктатуры* класса, доказывающего своими делами, что сопротивление капиталистов и хранящих капиталистические привычки тунеядцев будет сломлено железной рукой.

То же с войной. Травим ли мы трусливых полководцев и разинь? Очернили ли мы перед Россией полки, никуда не годные? «Поймали» ли мы достаточное количество худых образцов, которых надо бы с наибольшим шумом удалить из армии за негодность, за халатность, за опоздание и т. п.? У нас нет деловой, беспощадной, истинно-революционной *войны с конкретными* носителями зла. У нас мало *воспитания масс* на живых, конкретных примерах и образцах из всех областей жизни — а это — главная задача прессы во время перехода от капитализма к коммунизму. У нас мало внимания к той *будничной* стороне внутри фабричной, внутри деревенской, внутри полковой жизни, где всего больше строится новое, где нужно всего больше внимания, огласки, общественной критики, травли негодного, призыва учиться у хорошего.

Поменьше политической трескотни. Поменьше интеллигентских рассуждений. Поближе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса *на деле* строит нечто *новое* в своей будничной работе. Побольше *проверки* того, насколько *коммунистично* это новое.

«Правда» № 202, 20 сентября 1918 г.
Подпись: Н. Ленин.

ПИСЬМО ОБЪЕДИНЕННОМУ ЗАСЕДАНИЮ В. Ц. И. К., МОСКОВСКОГО СОВЕТА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ 3 ОКТЯБРЯ 1918 Г.

В Германии разразился политический кризис. Паническая растерянность и правительства, и всех эксплуататорских классов в целом обнаружилась перед всем народом. Безнадежность военного положения и отсутствие всякой поддержки господствующих классов трудящимися массами обнаружены сразу. Этот кризис означает либо начало революции, либо, во всяком случае, то, что ее неизбежность и близость стали видны теперь массам воочию.

Правительство морально подало в отставку и истерически мечется между военной диктатурой и коалиционным кабинетом. Но военная диктатура, в сущности, испробована уже с начала войны, и как раз теперь она перестала быть осуществимой, так как армия сделалась ненадежной. Привлечение же в кабинет Шейдеманов и К° только ускорит революционный взрыв, сделает его более широким, более сознательным, более твердым и решительным после того, как разоблачится до конца все жалкое бессилие этих лакеев буржуазии, этих продажных людишек, таких же, как наши меньшевики и эсеры, как Гендерсоны и Сиднеи Уэббы в Англии, Альберы Тома и Ренодели во Франции и т. п.

Кризис в Германии только начался. Он кончится неизбежно переходом политической власти в руки германского пролетариата. Российский пролетариат с величайшим вниманием и восторгом следит за событиями. Теперь даже самые ослепленные из рабочих разных стран увидят, как правы были большевики, всю тактику строившие на поддержке всемирной рабочей революции и не боявшиеся приносить различные тягчайшие жертвы. Теперь даже самые темные поймут, какую безмерно подлую измену социализму совершали меньшевики и эсеры, идя на союз с грабительской англо-французской буржуазией, ради, будто бы, отмены

Брестского мира. И уже, разумеется, Советская власть не подумает помогать немецким империалистам попытками нарушить Брестский мир, взорвать его в такой момент, когда внутренние антиимпериалистические силы Германии начинают кипеть и бурлить, — в такой момент, когда представители германской буржуазии начинают оправдываться перед своим народом в заключении такого мира, начинают изыскивать средства «переменить» политику.

Но пролетариат России не только со вниманием и восторгом следит за событиями. Он ставит вопрос о том, чтобы напрячь все силы *для помощи немецким рабочим,* которым предстоят самые тяжелые испытания, самые тяжкие переходы от рабства к свободе, самая упорная *борьба и со своим и с английским империализмом.* Поражение германского империализма будет означать на известное время и рост наглости, зверства, реакционности и завоевательных попыток со стороны англо-французского империализма.

Большевистский рабочий класс России был всегда интернационалистским не на словах, а на деле, в отличие от тех мерзавцев, героев и вождей II Интернационала, которые либо прямо изменяли, вступая в союз со своей буржуазией, либо старались отделываться фразами, выдумывая (подобно Каутскому, Отто Бауэру и К°) отговорки от революции, выступая против всякого смелого, великого революционного действия, против всякой жертвы узко-национальными интересами во имя движения вперед пролетарской революции.

Российский пролетариат поймет, что теперь от него потребуются вскоре величайшие жертвы на пользу интернационализма. Близится время, когда обстоятельства могут потребовать от нас помощи освобождающемуся от своего империализма немецкому народу против англо-французского империализма.

Начнем же немедленно готовиться. Докажем, что русский рабочий умеет гораздо более энергично работать, гораздо более самоотверженно бороться и умирать, когда дело идет не об одной только русской, но и о международной рабочей революции.

Прежде всего удесятерим свои усилия по заготовке запасов хлеба. Постановим, что в каждом крупном элеваторе создается запас хлеба для помощи немецким рабочим, если обстоятельства поставят их в трудное положение в их борьбе за освобождение от чудовищ и зверей империализма. Пусть каждая партийная организация, каждый профессиональный союз, каждая фабрика, мастерская и т. д. свяжутся специально с несколькими избранными ею волостями для укрепления союза с крестьянами, для помощи им, для просвещения их, для победы над кулаками, для полной очистки всех излишков хлеба.

Пусть таким же путем удесятерится наша работа по созда-

нию пролетарской Красной армии. Перелом наступил, — мы все это знаем, видим и чувствуем. Рабочие и трудящиеся крестьяне передохнули от ужасов империалистической бойни, они поняли и на опыте увидали необходимость войны с угнетателями для защиты завоеваний их революции, революции трудящихся, их власти, Советской власти. Армия создается, Красная армия рабочих и бедных крестьян, готовых на все жертвы для защиты социализма. Армия крепнет и закаляется в битвах с чехо-словаками и белогвардейцами. Фундамент заложен прочно, надо спешить с возведением самого здания.

Мы решили иметь армию в 1.000.000 человек к весне, нам нужна теперь армия в три миллиона человек. Мы можем ее иметь. И мы будем ее иметь.

Мировая история за последние дни необыкновенно ускорила свой бег во всемирной рабочей революции. Возможны самые быстрые перемены, возможны попытки союза германского и англо-французского империализма против Советской власти.

Ускорить работу подготовки должны и мы. Удесятерим же наши усилия.

Пусть станет это лозунгом годовщины великой Октябрьской революции пролетариата!

Пусть станет это залогом грядущих побед всемирной пролетарской революции!

Напечатано в 1919 г. в книге: «Протоколы пятого созыва В.Ц.И.К. Стенографический отчет». Изд. В.Ц.И.К. Москва.

Печатается по тексту книги.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕНЕГАТ КАУТСКИЙ.

Под этим заглавием я начал писать брошюру *), посвященную критике только что вышедшей в Вене брошюры Каутского: «Диктатура пролетариата»[56]. Но, ввиду того, что моя работа затягивается, я решил просить редакцию «Правды» дать место краткой статье на ту же тему.

Более чем четырехлетняя изнурительнейшая и реакционная война сделала свое дело. В Европе чувствуется дыхание нарастающей пролетарской революции — и в Австрии, и в Италии, и в Германии, и во Франции, даже в Англии (крайне характерны, напр., в июльской книжке архиоппортунистического «Социалистического Обозрения», редактируемого полулибералом Рамсэем Макдональдом, «Признания капиталиста»[57]).

И в такой момент вождь II Интернационала, господин Каутский, выпускает книгу о диктатуре пролетариата, т.-е. о пролетарской революции, книгу во сто раз более позорную, более возмутительную, более ренегатскую, чем знаменитые «Предпосылки социализма» Бернштейна. Почти 20 лет прошло со времени издания этой ренегатской книги, и теперь является повторение, усугубление ренегатства Каутским!

Ничтожная часть книги посвящена собственно русской большевистской революции. Каутский повторяет целиком меньшевистские премудрости, так что русский рабочий встретил бы это только гомерическим хохотом. Представьте себе, например, что «марксизмом» называется пересыпанное цитатами из полулиберальных сочинений полулиберала Маслова рассуждение о том, как богатые крестьяне стараются прибрать себе землю (ново!), как им выгодны высокие цены на хлеб и т. п. А рядом с этим пренебрежительное, совсем уже либеральное, заявление нашего «марксиста»: «Бедный крестьянин признается здесь» (т.-е. большевиками в Советской Республике) «постоянным и массовым продуктом социалистической аграрной реформы «диктатуры пролетариата»» (стр. 48 брош. К.).

*) См. настоящий том, стр. 331 — 412. *Ред.*

Не правда ли, хорошо? Социалист, марксист, старается *нам* доказать *буржуазный* характер революции и при этом высмеивает, совершенно в духе Маслова, Потресова *и кадетов,* организацию бедноты в деревне.

«Экспроприации богатых крестьян вносят лишь новый элемент беспокойства и гражданской войны в процесс производства, который для своего оздоровления настоятельно требует спокойствия и безопасности» (стр. 49).

Невероятно, но факт. Это буквально сказано Каутским, а не Савинковым и не Милюковым!

В России мы столько уже раз видали, как «марксизмом» прикрываются защитники кулаков, что Каутский нас не удивит. Может быть, для европейского читателя придется подробнее остановиться на этом подлом прислужничестве буржуазии и либеральной боязни гражданской войны. Русскому рабочему и крестьянину достаточно указать пальцем на это ренегатство Каутского — и пройти мимо.

* *
*

Едва ли не девять десятых книги Каутского посвящены общему теоретическому вопросу первейшей важности: вопросу об отношении диктатуры пролетариата к «демократии». И тут-то всего яснее полный разрыв Каутского с марксизмом.

Каутский уверяет своих читателей — с совершенно серьезным и чрезвычайно «ученым» видом, — что под «революционной диктатурой пролетариата» Маркс разумел не «*форму правления*», исключающую демократию, а *состояние*, именно: «состояние господства». Господство же пролетариата, как большинства населения, возможно при строжайшем соблюдении демократии, и, напр., Парижская Коммуна, которая была как-раз диктатурой пролетариата, была выбрана всеобщим голосованием. А что Маркс не имел в виду, говоря о диктатуре пролетариата, «формы правления» (или формы правительства, Regierungsform), это де «доказывается уже тем, что он, Маркс, считал возможным для Англии и Америки переход (к коммунизму) мирным, т.-е. демократическим путем» (20-21 стр.)

Невероятно, но факт! Каутский рассуждает именно так и громит большевиков за нарушение «демократии» в их конституции, во всей их политике, проповедует изо всех сил, по всем поводам, «демократический, а не диктаторский метод».

Это — полнейший переход на сторону тех оппортунистов (вроде немецких Давида, Кольба и других столпов социал-шовинизма, или английских фабианцев и независимцев, или французских и итальянских реформистов), которые говорили прямее и честнее, что не признают учения Маркса о диктатуре пролетариата, ибо оно де противоречит демократизму.

Это — полное возвращение к тому взгляду до-марксистского

немецкого социализма, что де мы стремимся к «свободному народному государству», взгляду мещанских демократов, не понимавших, что *всякое* государство есть машина для подавления одного класса другим классом.

Это — полное отречение от революции пролетариата, на место которой ставится либеральная теория «завоевания большинства», «использования демократии»! Все, что сорок лет, с 1852 по 1891 год, проповедывали и доказывали Маркс и Энгельс о необходимости для пролетариата «разбить» буржуазную государственную машину, целиком забыто, извращено, выкинуто за борт ренегатом Каутским.

Разбирать подробно теоретические ошибки Каутского значило бы повторять то, что сказано мной в «Государстве и Революции» *). В этом здесь нет надобности. Укажу лишь вкратце:

Каутский отрекся от марксизма, забывши, что *всякое* государство есть машина подавления одного класса другим и что самая *демократическая буржуазная* республика есть машина для угнетения пролетариата буржуазией.

Не «формой правления», а *государством иного типа* является диктатура пролетариата, пролетарское государство, машина для подавления *буржуазии пролетариатом*. Подавление необходимо потому, что буржуазия окажет всегда бешеное сопротивление ее экспроприации.

(Ссылка на то, что Маркс в 70-х годах допускал возможность мирного перехода к социализму в Англии и Америке, есть довод софиста, то-есть, проще говоря, мошенника, который жульничает при помощи цитат и ссылок. Во-1-х, эту возможность Маркс и тогда считал исключением. Во-2-х, тогда не было еще монополистического капитализма, т.-е. империализма. В-3-х, именно в Англии и Америке не было тогда — (*теперь есть*) — военщины, как главного аппарата буржуазной государственной машины).

Где есть подавление, там не может быть свободы, равенства и проч. Поэтому Энгельс и говорил: «Пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников; а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать» [58]).

Буржуазная демократия, ценность которой для воспитания пролетариата и обучения его к борьбе бесспорна, всегда узка, лицемерна, лжива, фальшива, всегда остается демократией для богатых, обманом для бедных.

Пролетарская демократия подавляет эксплуататоров, буржуазию — и потому не лицемерит, *не обещает им* свободы и демократии — а трудящимся дает *настоящую демократию*.

---

*) См. XXI том Сочинений, стр. 365 — 455. *Ред*

Только Советская Россия дала пролетариату и всему гигантскому трудящемуся большинству России невиданную, невозможную и немыслимую ни в одной буржуазной демократической республике *свободу и демократию,* отняв, напр., дворцы и особняки у буржуазии (без этого свобода собраний — лицемерие), отняв типографии и бумагу у капиталистов (без этого свобода печати для трудящегося большинства нации есть ложь), заменив буржуазный парламентаризм демократической организацией *советов, в 1000 раз* более близких к «народу», более «демократичных», чем самый демократичный буржуазный парламент. *И так далее.*

Каутский выкинул за борт... «классовую борьбу» в применении к демократии! Каутский стал форменным ренегатом и лакеем буржуазии.

* *
*

Мимоходом нельзя не отметить нескольких перлов ренегатства.

Каутский вынужден признать, что советская организация имеет не только русское значение, а мировое, что она принадлежит к «важнейшим явлениям нашего времени», что она обещает приобрести «решающее значение» в грядущих великих «битвах между капиталом и трудом». Но — повторяя премудрость меньшевиков, благополучно перешедших на сторону буржуазии против пролетариата — Каутский «умозаключает»: советы хороши как «организации борьбы», а не как «государственные организации».

Великолепно! Организуйтесь в советы, пролетарии и беднейшие крестьяне! Но — боже упаси! — не смейте побеждать! не вздумайте победить! Как только вы победите буржуазию, так вам тут и капут, ибо «государственными» организациями в пролетарском государстве вы быть не должны. Вы должны, именно после вашей победы, распуститься!!

О, великолепный «марксист» Каутский! О, бесподобный «теоретик» ренегатства!

Перл номер второй. Гражданская война есть «смертельный враг» «социальной революции», ибо она, как мы уже слышали, «нуждается в спокойствии» (для богатых?) «и в безопасности» (для капиталистов?).

Пролетарии Европы! Не думайте о революции, пока вы не найдете такой буржуазии, которая бы *не наняла* против вас для гражданской войны Савинкова и Дана, Дутова и Краснова, чехо-словаков и кулаков!

Маркс в 1870 году писал: главная надежда, что война обучила французских рабочих владеть оружием [59]). «Марксист» Каутский от 4-х летней войны ждет не применения рабочими оружия против буржуазии (упаси боже! это, пожалуй, не совсем «демократично»), а... заключения добренького мира добренькими капиталистами!

Перл номер третий. Гражданская война имеет еще одну неприятную сторону: тогда как в «демократии» есть «охрана меньшинства» (которую — заметим в скобках — так хорошо испытали на себе французские защитники Дрейфуса или Либкнехты, Маклины, Дебсы в последнее время), — гражданская война (слушайте! слушайте!) «грозит потерпевшему поражение полным уничтожением».

Ну, разве же не настоящий революционер этот Каутский? Он всей душой за революцию... только такую, чтобы не было серьезной борьбы, грозящей уничтожением! Он вполне «преодолел» старые ошибки старого Энгельса, который с восторгом воспевал воспитательное действие насильственных революций [60]). Он, как «серьезный» историк, вполне отрекся от заблуждений тех, кто говорил, что гражданская война закаляет эксплуатируемых, учит их создавать новое общество *без* эксплуататоров.

Перл номер четвертый. Была ли исторически велика и полезна диктатура пролетариев и мещан в революции 1789 года? Ничего подобного. Ибо пришел Наполеон. «Диктатура низших слоев выравнивает путь к диктатуре сабли» (стр. 26). — Наш «серьезный» историк, — как и все либералы, в лагерь коих он перешел, — твердо уверен, что в странах, не видавших «диктатуры низших слоев» — например, в Германии, диктатуры сабли не было. Германия никогда не отличалась от Франции более грубой, более подлой диктатурой сабли, — это все клевета, придуманная Марксом и Энгельсом, которые бессовестно лгали, говоря, что до сих пор в «народе» Франции больше свободолюбия и гордости угнетенных, чем в Англии или Германии, и что Франция обязана этим именно своим революциям.

... Но довольно! Надо бы написать особую брошюру, чтобы перебрать все перлы ренегатства у подлого ренегата Каутского.

* *
*

На «интернационализме» господина Каутского нельзя не остановиться. Нечаянно Каутский пролил на него яркий свет, — именно тем, что изобразил в самых сочувственных выражениях интернационализм меньшевиков, которые ведь тоже циммервальдисты, — уверяет сладенький Каутский, — которые ведь «братья» большевиков, не шутите!

Вот это сладенькое изображение «циммервальдизма» меньшевиков:

«Меньшевики хотели всеобщего мира. Они хотели, чтобы все воюющие приняли лозунг: без аннексий и контрибуций. Пока это не достигнуто, русская армия должна была, по их мнению, стоять в боевой готовности»... А худые большевики «дезорганизовали» армию и заключили худой Брестский мир...

И Каутский говорит яснее ясного, что надо было оставить учредилку, не надо было брать власть большевикам.

Итак, интернационализм состоит в том, что надо *поддерживать «свое»* империалистское правительство, как поддерживали меньшевики и эсеры Керенского, прикрывать его тайные договоры, обманывая народ сладенькой фразой: мы де «требуем» от зверей, чтобы они стали добрыми, мы «требуем» от империалистских правительств, чтобы они «приняли лозунг без аннексий и контрибуций».

По мнению Каутского, в этом состоит интернационализм.

А по нашему мнению, это полное ренегатство.

Интернационализм состоит в разрыве со *своими* социал-шовинистами (т.-е. оборонцами) и со *своим* империалистским правительством, в революционной борьбе против него, в свержении его, в готовности идти на величайшие национальные жертвы (даже и на Брестский мир), если это полезно развитию *интернациональной* рабочей революции.

Мы прекрасно знаем, что Каутский и его компания (вроде Штребеля, Бернштейна и т. п.) были очень «возмущены» заключением Брестского мира: они бы хотели, чтобы мы сделали «жест»... отдающий в России моментально власть в руки буржуазии! Эти тупоумные, но добренькие и сладенькие немецкие мещане руководились не тем, чтобы пролетарская советская республика, первая в мире революционно свергнувшая свой империализм, продержалась до революции в Европе, раздувая пожар в других странах (мещане *боятся* пожара в Европе, *боятся* гражданской войны, нарушающей «спокойствие и безопасность»). Нет. Они руководились тем, чтобы во *всех* странах держался *мещанский* национализм, объявляющий себя «интернационализмом» за свою «умеренность и аккуратность». Пусть бы русская республика оставалась буржуазной и... дожидалась... Тогда бы все на свете были добрыми, умеренными, незавоевательными мещанами-националистами, и в этом как раз состоял бы интернационализм!

Так думают каутскианцы в Германии, лонгетисты во Франции, независимцы (I. L. P.) в Англии, Турати и его «братья» по ренегатству в Италии и так далее и тому подобное.

Теперь уже лишь круглые дураки могут не видеть, что мы были не только правы, свергая свою буржуазию (и ее лакеев, меньшевиков и эсеров), но были правы также, заключая Брестский мир *после того,* как открытый призыв к общему миру, поддержанный публикацией и разрывом тайных договоров, был отклонен буржуазией согласия (Антанты). Во-1-х, если бы мы не заключили Брестского мира, мы сразу отдали бы власть русской буржуазии и тем повредили величайшим образом всемирной социалистической революции. Во-2-х, ценою *национальных* жертв, мы сохранили такое *интернациональное* революционное влияние, что теперь вот прямо подражает нам Болгария, кипит

Австрия и Германия, ослаблены *оба* империализма, мы окрепли и *начали* создавать настоящую пролетарскую армию.

Из тактики ренегата Каутского вытекает, что немецкие рабочие должны теперь защищать отечество, вместе с буржуазией, и бояться больше всего немецкой революции, ибо англичане могли бы ей навязать новый Брест. Это и есть ренегатство. Это и есть мещанский национализм.

А мы говорим: завоевание Украины было величайшей национальной жертвой, а пролетариев и беднейших крестьян Украины оно закалило и *усилило,* как революционных борцов за интернациональную рабочую революцию. Украина пострадала — интернациональная революция выиграла, «развратив» немецкое войско, ослабив немецкий империализм, *сблизив* немецких, украинских и русских рабочих революционеров.

Было бы, конечно, «приятнее», если бы мы простой войной могли свергнуть и Вильгельма и Вильсона. Но это бредни. Свергнуть их внешней войной мы не можем. А двинуть вперед их *внутреннее* разложение мы можем. Мы достигли этого советской, пролетарской, революцией в *громадных* размерах.

Еще больше достигли бы такого успеха немецкие рабочие, если бы пошли на революцию, *не считаясь* с национальными жертвами (только в этом и состоит интернационализм), если бы они сказали (и *делом* подтвердили), что для них интерес международной рабочей революции *выше* целости, безопасности, спокойствия того или другого, *и именно своего,* национального государства.

* *
*

Величайшая беда и опасность Европы в том, что в ней *нет* революционной партии. Есть партии предателей, вроде Шейдеманов, Ренoделей, Хендерсонов, Уэббов и К°, или лакейских душ вроде Каутского. Нет партии революционной.

Конечно, могучее революционное движение масс может выправить этот недостаток, но он остается великой бедой и великой опасностью.

Поэтому всячески надо разоблачать ренегатов, вроде Каутского, поддерживая этим революционные *группы* действительно интернационалистских пролетариев, которые есть во *всех* странах. Пролетариат отвернется быстро от предателей и от ренегатов и пойдет за этими группами, воспитает себе из них своих вождей. Не даром воет буржуазия всех стран о «мировом большевизме».

Мировой большевизм победит мировую буржуазию.

Написано 9 октября 1918 г.
«Правда» № 219, 11 октября 1918 г.
Подпись: Н. Ленин.

Печатается по рукописи.

ТЕЛЕГРАММА ПО СЛУЧАЮ ВЗЯТИЯ САМАРЫ.

Самара взята. Волга свободна. Преступно не использовать немногих дней до закрытия навигации. Необходимо напрячь все усилия для вывоза максимума нефтяных и продовольственных грузов на верхние плесы Волги. Исполнение этой задачи невозможно без строжайшей централизации всех мероприятий и точного исполнения на местах приказов центра. Учитывая изложенное, *Совнарком* постановляет и предписывает к неуклонному исполнению:

1) Все пловучие и транспортные средства, взятые различными организациями, подлежат немедленному возврату в распоряжение *Главода и Главконефти* по принадлежности. (Эта мера не распространяется на суда и пловучие средства, находящиеся уже в составе Волжской Военной Флотилии.)

2) Право реквизиции судов и пловучих средств на Волге, предоставленное ранее различным организациям, учреждениям и лицам, отменяется. Реквизиция пловучих средств, потребных для военных целей, производится отныне не иначе, как с особого каждый раз разрешения Революционного Военного Совета Республики.

3) Предписывается всем командующим фронтами, Чрезвычайным Комиссиям и Совдепам немедленно принять строжайшие меры к обеспечению беспрепятственного плавания судов и охране грузов от каких либо захватов и задержек в следовании.

4) Распоряжение всем Волжским наливным флотом и всеми находящимися на Волге нефтяными грузами состоит в исключительном ведении Главного Нефтяного Комитета. (Телеграфный адрес: *Главконефть,* Москва.) Всем властям, не исключая военных и командующих на фронтах, предписывается безоговорочно исполнять все распоряжения *Главконефти,* касающиеся передвижения нефтяных грузов, и распоряжения *Главода,* касающиеся судов.

5) Непосредственное распоряжение нефтяными грузами на всей Волге возлагается на *члена коллегии Главконефти,* товарища

Тарвида; все его, а также его агентов распоряжения касательно нефти беспрекословно обязательны для всех властей.

6) Все изданные до сего дня постановления о реквизициях, запрещениях вывоза нефти и пр. остаются в силе лишь постольку, поскольку они не противоречат распоряжениям *Главконефти*.

7) Строжайше подтверждая изложенное, *Совет Народных Комиссаров* постановил предавать Военно-Революционному суду всех ослушников настоящего постановления, без различия должностей и партийной принадлежности. Агентам *Главконефти*, *Главода и Компрода* на местах предписывается о всех действиях местных властей, нарушающих планомерную работу центров, срочно доносить Москве. Немедленно будут командировываться Чрезвычайные Комиссии для предания суду и исполнения приговоров.

8) Содержание настоящего постановления *Совета Народных Комиссаров* объявить всем исполнительным органам и должностным лицам на местах.

Ленин.

«Известия В. Ц. И. К.» № 223, 13 октября 1918 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ БРОШЮРЫ: «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В РОССИИ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА» *) [61]).

Настоящая брошюра написана в начале апреля 1917 года, еще до образования коалиционного министерства. С тех пор много воды утекло, но основные особенности главных политических партий сказались, подтвердились в течение всех последующих этапов революции: и во время «коалиционного министерства», возникшего 6 мая 1917 года, и во время объединения меньшевиков и эсеров в июне (и июле) 1917 года против большевиков, и во время корниловщины, и во время Октябрьской революции 1917 г. и после нее.

Правильность данной характеристики главных партий и их *классовых основ* подтверждена всем ходом русской революции. Теперь рост революции в Западной Европе показывает, что и там основное соотношение главных партий то же самое. Роль меньшевиков и эсеров играют социал-шовинисты всех стран (социалисты на словах, шовинисты на деле), а также каутскианцы в Германии, лонгетисты во Франции и т. п.

Москва. 22 октября 1918 г. — *Н. Ленин.*

Напечатано в брошюре: «Политические партии в России и задачи пролетариата».

Печатается по тексту брошюры.

---

*) См. XX том Сочинений, стр. 136 — 144. *Ред.*

ДОКЛАД НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ В. Ц. И. К., МОСКОВСКОГО СОВЕТА, ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ 22 ОКТЯБРЯ 1918 Г. [62]).

Товарищи, мне кажется, что теперешнее наше положение, при всей его противоречивости, может быть выражено, во-первых, тем, что мы никогда не были так близки к международной пролетарской революции, как теперь, и, во-вторых, мы никогда не были в более опасном положении, как теперь. Вот на этих двух положениях, особенно на втором из них, мне хотелось бы остановиться сегодня подробнее. Я думаю, что широкие массы едва ли сознают всю опасность, которая на нас надвигается, а так как мы можем действовать, только опираясь на широкие массы, то главная задача представителей Советской власти состоит в том, чтобы передать этой массе всю правду теперешнего положения, как бы оно тяжело временами ни было. Что касается того, что мы близки к международной социалистической революции, то об этом говорилось не раз, и я буду краток. На самом деле, один из главных упреков, который бросали против Советской власти не только буржуазия, но и мелкобуржуазные слои, изверившиеся в социализме, а также и многие так называемые социалисты, которые привыкли к мирным временам, которые не верили в социализм, — все они бросали Советской власти упрек в том, что мы одновременно с социалистическим переворотом рабочего класса в России начинаем революцию на Западе и что мы делали ее на авось.

Товарищи! Теперь, когда на пятом году войны всеобщий крах империализма наглядно показывает неправильность этого упрека, и социалисты-предатели теперь ясно видят неосновательность этого упрека, становится ясно, что, независимо от тех успехов, которые мы имели, и которых мы добились в России, мы сделали за этот год революции так много, как никогда в мире не делала ни одна пролетарская партия. Мы ведем с успехом вперед революцию, существование которой считали не более трех

и шести недель, а наша революция оказалась явлением мировым. О том, что большевики есть явление мировое, говорит вся буржуазия, и от этого признания становится очевидным, что наша революция поползла с востока на запад и встречает там все более подготовленную почву. Вы знаете, что вспыхнула революция в Болгарии. Болгарские солдаты стали создавать Советы. Теперь приходят с каждым днем известия и о Сербии. Несмотря на то, что там хозяйничают державы Согласия, — в Сербии мы видим такую же революцию, образование Советской власти и Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Мы знаем, что Кавказ отложился совершенно, и хотя англо-французское согласие обещает народам тысячи благ, если они восстанут и отойдут от Германии, хотя много обещают самые богатые в мире и самые могущественные капиталисты Америки, Англии и Франции, становится очевидно, что буржуазия разных маленьких государств, на которые теперь Англия полагается, что эта буржуазия ни в коем случае не удержится, что ее господство, ее власть в этих государствах будет весьма кратким, преходящим явлением, потому что везде стучится в двери рабочая революция.

Буржуазия отдельных стран сознает, что ей придется держаться в своих государствах при помощи иностранных штыков. И не только в Австрии, но и в Германии, положение которых только недавно казалось прочным, — мы видим, началась революция. Мы получаем оттуда известия, германская печать говорит уже об отставке кайзера, о партии независимых демократов; печать получила уже от канцлера разрешение говорить о германской республике. Это что-нибудь да значит. Мы знаем, что разложение войск усилилось, что там распространяются прямые призывы к восстанию войск. Мы знаем, что в восточной Германии образованы военно-революционные комитеты, они выпускают революционные издания, революционизирующие солдат. Поэтому с полной определенностью можно говорить, что революция назревает не по дням, а по часам, и это не только говорим мы, — нет, это говорят именно все немцы из военной партии и буржуазии, которые чувствуют, что шатаются министры, что им народ не доверяет, что они продержатся в своем правительстве очень недолго. Это говорят все знающие положение дел: насколько неизбежна народная революция в Германии, а, может быть, даже пролетарская революция.

Мы прекрасно знаем, какое громадное пролетарское движение создалось и в других странах. Мы видели, как появился Гомперс в Италии и на деньги держав Согласия, при помощи всей итальянской буржуазии и социал-патриотов, объезжал все города Италии, проповедуя итальянским рабочим продолжать империалистическую войну. Мы видели, как в это время итальянская социалистиче-

ская печать помещала его заметки, в которых оставалось только имя Гомперса, а все остальное выкидывалось цензурой, или помещались заметки, в которых смеялись: «Гомперс участвует в банкетах и болтает». А буржуазная пресса признала, что Гомперса всюду освистали. Буржуазная пресса писала: «итальянские рабочие ведут себя так, что, кажется, они позволили бы ездить по Италии только Ленину и Троцкому». Итальянская социалистическая партия за время войны сделала громадный шаг вперед, т.-е. влево. Мы знаем, что во Франции слишком большое число патриотов было среди рабочих; им говорили, что Парижу и французской территории угрожает громадная опасность. На последнем съезде [63]), когда читали письмо о том, что делают союзники, англо-французские империалисты, раздались крики: «да здравствует социалистическая республика», а вчера было известие, что в Париже был митинг, на котором было 2.000 металлистов и который приветствовал Советскую Республику в России. Мы видим, что из трех социалистических партий в Англии только одна, независимая социалистическая партия, не становится открыто союзницей большевиков, а социалистические рабочие партии в Шотландии определенно заявляют себя сторонниками большевиков. В Англии тоже начинает распространяться большевизм, а испанские партии, которые стояли на стороне англо-французского империализма, среди которых в начале войны можно было найти одного или двух человек, которые имели отдаленное представление об интернационалистах, все эти партии на своем съезде приветствуют русских большевиков. Большевизм стал мировой теорией и тактикой международного пролетариата! Большевизм сделал то, что перед всем миром разыгралась стройная социалистическая революция, что фактически на деле по вопросу за большевиков или против большевиков возникли споры между всеми народами. Большевизм сделал то, что ставится программа создания пролетарского государства. Рабочие, которые не знали, как обстоит дело в России, так как читали только полные лжи и клеветы буржуазные газеты, начали отдавать себе отчет, видя, что пролетарское правительство одерживает победу за победой над своими контр-революционерами; видя, что нет иного выхода из этой войны, кроме нашей тактики, кроме революционного образа действий нашего рабочего правительства. И если в прошлую среду в Берлине была демонстрация, и рабочие выражали свое негодование по отношению к кайзеру, стараясь пройти перед его дворцом, то потом они отправились к русскому посольству, стараясь выразить свою солидарность с действиями русского правительства.

Вот к чему пришла Европа на пятом году войны! Поэтому мы и говорим, что никогда мы не были так близки к мировой революции, никогда не было так очевидно, что русский пролетариат установил свое могущество, и ясно, что за нами пойдут миллионы

и десятки миллионов мирового пролетариата. Вот почему, повторяю, никогда мы не были так близки к международной революции, и никогда не было наше положение столь опасным, потому что раньше никогда с большевизмом не считались, как с мировой силой. Казалось, что он является только следствием усталости русских солдат, что он является взрывом недовольства утомленных войной русских солдат, и как только пройдет это недовольство, и установится хотя бы самый насильнический мир, так всякие шаги к государственному творчеству и к социалистическим реформам будут подавлены. Все в этом были уверены, но оказалось, что как только от империалистической войны, которая закончилась самым насильственным миром, мы перешли к первым шагам государственного творчества, как только мы перешли к возможности дать крестьянам на деле пожить без помещиков и установить свои отношения против помещиков, убедиться на деле, что они строят свою жизнь на отобранной земле не для кулаков и не для новых капиталистов, а действительно для самих трудящихся, как только рабочие увидели, что они получили возможность строить свою жизнь без капиталистов, учиться тому трудному, но великому делу, без которого они никогда не избегнут эксплуатации, — так всем стало ясно, и на практике оказалось, что никакие силы, никакая контр-революция не свергнут Советскую власть.

Для того, чтобы в России мы пришли к этому убеждению, нам потребовались целые месяцы. Говорят, в деревне только летом 1918 года и только к осени крестьяне разобрались в смысле и значении нашей революции. В городе это сознание было давно, но чтобы оно дошло до каждого уезда, в каждую захолустную волость и село, чтобы не из книжек и речей, а из своей собственной жизни крестьянин увидел, что землю должен получать трудящийся, но не кулак, и что с кулаком нужно вести борьбу, что кулака нужно победить своей организацией, что волну восстания, которая по всей стране пробежала летом этого года, поддерживали помещики, кулаки и белогвардейцы, чтобы собственным опытом, своим горбом, на своей спине испытать власть учредилки, — для этого нужны были долгие и долгие месяцы, и из этих месяцев деревня выходит закаленной, и массы крестьянской бедноты, которые чужого труда не грабят, только теперь увидели не из книжек, из которых никогда не получат твердых убеждений трудовые массы, а из собственного опыта, что Советская власть есть власть эксплуатируемых трудящихся, и что есть возможность каждой деревне приступить к этому заложению фундамента новой социалистической России. Нужны были долгие месяцы, чтобы и в остальной России после 1918 года мы могли сказать с уверенностью, опираясь на сообщения людей, исходящих из фактического опыта, что нет такого захолустья в деревне, где

не знали бы, что такое Советская власть, и не отстаивали бы ее, потому что деревня видела всю опасность, грозящую со стороны капиталистов и помещиков, видела и трудность социалистического преобразования и не испугалась, а сказала себе: мы, десятки миллионов рук, к этой работе примкнем, мы за год многому научились и еще научимся. Это говорится теперь в России с полным убеждением, на основе своего собственного опыта, десятками и десятками миллионов. Только теперь это становится ясным и западно-европейской буржуазии, которая до этих пор не брала всерьез большевиков, не понимая, что тут создалась единственная прочная власть, которая с трудящимися массами идет, и которая может в них вызвать настоящий героизм самопожертвования. И когда эта пролетарская власть стала заражать Европу, когда оказалось, что это вовсе не какая-нибудь особенность России, и что во всем мире четырехлетняя война вызвала разложение армии, — а прежде говорили, что только Россия по ее отсталости и неподготовленности дошла до того, что на четвертом году войны армия ее разбежалась, — разве это возможно было бы в цивилизованных парламентских странах?

А теперь все видят, что после четырех лет мировой войны, когда миллионы людей перебиты и искалечены для того, чтобы капиталистам можно было нажиться, когда налицо десятки тысяч дезертиров, — это необычайное явление замечается не только в России и в Австрии, но и в хвастающейся своим порядком Германии, — вот когда это пришло, всемирная буржуазия увидела, что ей надо считаться с более серьезным врагом, и начала сплачиваться, и чем ближе мы подходили к международной пролетарской революции, тем больше сплачивалась контр-революционная буржуазия.

В некоторых странах от революции продолжают еще отмахиваться, как от большевиков в октябре отмахивались министры коалиции и говорили, что Россия до большевистской власти не дойдет. Во Франции, например, говорят, что большевики — кучка предателей, которые немцам продают свой народ. Что французские буржуа так говорят, — это простительно больше, чем левым эсерам, так как на то они и буржуа, чтобы тратить миллионы на лживые выдумки. Но когда французская буржуазия видела развитие большевизма во Франции, и даже партии, которые не были революционными, выступили за большевиков с революционным лозунгом, то французская республика увидела, что перед ней более грозный враг — крах империализма и перевес рабочих в революционной борьбе. Каждый знает, что для пролетарской революции из-за империалистской войны в настоящее время опасность особенно велика, потому что пролетарская революция растет во всех странах неравномерно, так как все страны стоят в разных условиях политической жизни, и в одной стране слишком ослаблен

пролетариат, а в другой — он сильнее. Если в одной стране верхушечная группа пролетариата слаба, то в других странах бывает так, что на время буржуазии удается не только разделить рабочих и отколоть от власти, как это случилось в Англии и Франции, — вот почему пролетарская революция развивается неравномерно, и вот почему буржуазия увидала, что наиболее сильным врагом ее является революционный пролетариат. Она сплачивается, чтобы выдержать крах мирового империализма.

Теперь положение для нас изменилось, и события развиваются с громадной быстротой. Первым делом были две группы империалистических хищников, которые старались друг друга уничтожить, но теперь они заметили, особенно на примере германского империализма, который недавно считал себя равносильным Англии и Франции, что главный враг их — революционный пролетариат. Теперь, когда Германию разлагает революционное движение, англо-французский империализм считает себя владыкой мира. Там убеждены, что его главный враг — большевики и мировая революция. Чем сильнее развивается революция, тем сильнее сплачивается буржуазия. Поэтому некоторые из нас, особенно многие из широкой массы, которые, убедившись теперь, что они могут победить наших контр-революционеров, казачество, офицерство и чехо-словаков, полагают, что этим дело сделано, — не дают себе отчета в том, что этого теперь для нас мало, — есть новый враг, который гораздо более страшен: этот враг — англо-французский империализм. Он до сих пор имел не очень много успехов в России, — например, при высадке в Архангельске. Один из французских писателей, который издавал газету и назвал ее «Победою» [64]), говорил, что Франции мало победы над немцами, что ей также нужно победить большевизм, и что поход на Россию — это не наступление на Германию, а поход против большевистского революционного пролетариата и против заразы, которая распространяется по всему миру.

Вот почему теперь появляется для нас новая опасность, которая еще не вся развернулась и не вся видна, которую англо-французские империалисты готовят исподтишка, которую мы должны яснее сознать, чтобы через руководителей масс сознание этой опасности принести в массы, потому что англичане и французы ни в Сибири, ни в Архангельске не имели большого успеха, — наоборот, потерпели ряд поражений, но они теперь направляют усилия на то, чтобы напасть на Россию с юга, либо с Дарданелл, либо с Черного моря, либо сухим путем через Болгарию и Румынию. Так как эти люди действуют с соблюдением военных тайн, то мы не можем указать, насколько подготовлен этот поход, и который из этих двух планов, а может быть, и третий ими выбран; в том-то и опасность, что мы точно знать не можем. Но мы совершенно точно знаем, что это готовится,

что пресса этих стран иногда пишет не очень осторожно, какой-либо журналист открыто объявляет главные цели, отбрасывает все лживые слова о союзе наций.

В германских правящих кругах мы теперь ясно видим два течения, два плана спасения, если можно еще спастись. Одни говорят: выиграем время, оттянем до весны, может быть, на линии укреплений мы еще в состоянии дать военный отпор; другие обращают внимание и говорят про германскую буржуазию, про германского кайзера, видят свое главное спасение в Англии и Франции; третьи все внимание обращают на то, чтобы достичь соглашения с Англией и Францией против большевиков, все их внимание устремлено на это, и если Вильсон отвечает сейчас на предложение мира грубым и пренебрежительным отказом, это еще не заставляет партию германских капиталистов, ищущих соглашения с Англией, отказаться от своих планов. Она знает, что иногда согласие может существовать молчаливое, что, если они будут оказывать услуги английским и французским капиталистам против большевиков, за эти услуги вознаграждение может быть в капиталистическом обществе; так бывает, за услуги платят. «Может быть, мы поможем английским и французским капиталистам что-нибудь ограбить, тогда кое-что из ограбленного они оставят у нас». Таковы мораль и правила капиталистического мира, и, мне кажется, претендуя на известную часть англо-французского капитала, люди эти считать умеют и рассчитывают не меньше, как на миллиарды. Часть этих господ такой расчет понимает.

Англо-французские капиталисты как бы говорят: придем на Украину, оккупируем и разграбим, но вы, господа немцы, до тех пор ее держите, когда мы придем, вы должны очистить часть Украины, тогда наши оккупационные французские войска будут работать иначе и возьмут Украину себе. Вот как они рассуждают, потому что они понимают, что буржуазия всех оккупированных стран: Финляндии, Украины и Польши, знает, что этой национальной буржуазии не продержаться одного дня, если уйдут немецкие оккупационные войска, и поэтому буржуазия этих стран, которая вчера продавалась немцам, ездила на поклон к немецким империалистам и заключала с ними союз против своих рабочих, как делали украинские меньшевики и эсеры в Тифлисе, — они теперь всем перепродают свое отечество. Вчера продавали его немцам, а ныне продают англичанам и французам. Вот что происходит за кулисами, какие переторжки. Видя, что англо-французская буржуазия побеждает, они все идут на ее сторону и готовят сделки с англо-французским империализмом против нас, за наш счет.

Когда они говорят своему будущему англо-французскому барину-миллиардеру, что они встают на их сторону, они говорят: ваше степенство победит большевиков, вы должны помочь нам,

потому что немцы нас не спасут. Это — заговор буржуазии всех стран против революционных рабочих и большевиков, которых как раз теперь больше всего ненавидят. Заботы всех крупных международных империалистов направлены на нас. Все это открыто, на виду, но этого широкие массы русских рабочих и крестьян знать не могут. Прямая обязанность, чтобы мы не просмотрели эту опасность, чтобы мы знали, что положение создалось особенно трудное.

Я для примера возьму Украину. Подумайте о положении ее, подумайте, как быть при теперешнем положении рабочим и сознательным коммунистам. С одной стороны они видят возмущение против немецких империалистов, против страшного грабежа Украины, с другой — видят, что часть германских войск, и большая часть, может быть, ушла: у них, может быть, является мысль дать выражение накипевшим ненависти и злобе, и сейчас же, не считаясь ни с чем, напасть на германских империалистов. А другие говорят: мы — интернационалисты, мы должны смотреть с точки зрения и России и Германии; даже с точки зрения Германии мы знаем, что власть не удержится никогда, мы знаем твердо, что если украинская победа рабочих и крестьян пойдет рядом с укреплением власти России и с успехом, то социалистическая пролетарская Украина не только победит, но и будет непобедима! Такие сознательные украинские коммунисты говорят себе: мы должны быть очень осторожны; может быть, завтра от нас потребуется напряжение всех сил и потребуется поставить все на карту ради борьбы против империализма и германских войск. Может быть, будет так завтра, но не сегодня, а сегодня мы знаем, что войска германских империалистов разлагаются сами собой; они знают, что рядом с украинскими войсками, восточно-прусскими и германскими, издаются революционные издания...*). В то же время наша главная задача — пропаганда в интересах украинского восстания. Это с точки зрения интернациональной и международной революции, потому что главное звено этой цепи есть звено германское, потому что германская революция уже назрела, и от нее зависит больше всего успех мировой революции.

Мы будем смотреть, как бы наше вмешательство не повредило их революции. Нужно понимать изменения и нарастания каждой революции. В каждой стране, — мы видели и переживали это и знаем это лучше других, — в каждой стране революция идет особым путем, и настолько различны эти пути, что она может и на год и на два запоздать. Мировая революция не устроена так гладко, чтобы везде, во всех странах идти одним путем, — тогда мы уже давно победили бы. Революции проходят разными политическими эпохами. Везде мы видим такое же стремление

*) Далее в стенограмме несколько строк не разобрано. *Ред.*

соглашателей, их попытки вместе с буржуазией спасти народ от буржуазии, как это делали у нас Церетели и Чернов, как в Германии это делают шейдемановцы; во Франции это делают по-своему. И теперь, когда революция подошла к Германии, к этой самой сильной стране рабочего движения, отличающейся организационной выдержкой, где рабочие дольше терпели, но, быть может, накопили больше революционной ненависти и лучше сумеют расправиться со своими врагами, вмешательство в эти события людей, которые не знают темпа нарастания революции, может повредить тем сознательным коммунистам, которые говорят: я прежде всего обращаю внимание на то, чтобы этот процесс сделать сознательным. Теперь, когда немецкий солдат убедился, что его гонят на убой, говоря, что он идет защищать родину, — мы говорим, что они защищают немецких империалистов, — теперь близится время, когда революция разразится с такой силой, что разрешит старый международный вопрос. Вот почему сознательные украинские коммунисты говорят: мы должны отдать все для победы международной революции, но мы должны сознавать, что обладаем будущим и должны идти нога в ногу с немецкой революцией.

Вот те трудности, которые я хотел показать на примере рассуждения украинских коммунистов. Эти трудности отражаются и на положении Советской России. Теперь мы должны сказать, что в данное время международный пролетариат проснулся и делает громадные шаги, но положение наше тем более трудно, потому что наш вчерашний враг поднимается против нас, как против своего главного врага. Теперь он идет бороться не с неприятельскими войсками, а с международным большевизмом. Теперь когда на южном фронте скопляются войска Краснова, а мы знаем, что они получили снаряды от немцев, когда мы разоблачили империализм перед всеми народами, люди, которые обвиняли нас в Брестском мире, посылали Краснова брать снаряды у немцев и ими забрасывали русских рабочих и крестьян, теперь получают их от англо-французских империалистов, получая, переторговываются и продают Россию тому миллионеру, который больше даст. Вот почему теперь недостаточно общей уверенности, которая у нас сложилась, в том, что перелом наступил. У нас есть старые враги, а за их спиной как раз сейчас собирается еще новая помощь. Мы все это знаем и наблюдаем. В каком-нибудь феврале или марте, полгода назад, у нас армии не было. Армия не могла воевать. Армия, пережившая четырехлетнюю империалистическую войну, когда она не знала, за что воюет, и смутно чувствовала, что воюет за чужие интересы, — эта армия побежала, и никакие силы в мире не могли ее удержать.

Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться, но не сразу революция научается защищаться. Революция была пробуждением к новой жизни миллионов. В фе-

врале и марте эти миллионы не знали, за что идут продолжать ту бойню, в которую их погнали цари и Керенские, и цель которой была разоблачена лишь в декабре большевистским правительством. Они ясно понимали, что это была не их война, и нужно было около полугода, чтобы наступил перелом. Этот перелом наступил; он изменяет силу революции. Массы, истомленные, истерзанные четырехлетней войной, в феврале и марте брали все и говорили, чтобы наступил мир и была прекращена война. Они не в состоянии были поставить вопроса, из-за чего война. Если эти массы теперь создали новую дисциплину в Красной армии, не дисциплину палки и помещичью, а дисциплину Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов; если они теперь идут на величайшее самопожертвование; если среди них сложилась новая сплоченность, то это потому, что в первый раз в сознании десятков миллионов рождается и родилась новая социалистическая дисциплина, родилась Красная армия. Она родилась только тогда, когда эти десятки миллионов людей на собственном опыте увидели, что помещиков и капиталистов они сбросили сами, что строится новая жизнь, что они начали ее сами строить, и что они эту жизнь построят, если не помешает иностранное нашествие.

Когда крестьяне увидели своего главного врага и начали борьбу с деревенскими кулаками, когда рабочие покинули фабриканта и начали строить заводы по пролетарскому плану народного хозяйства, они увидели всю трудность перестройки, но они с ней справились; нужны были месяцы, чтобы наладить работу. Эти месяцы прошли, и перелом этот прошел, прошел тот период, когда мы были бессильны, и мы пошли вперед гигантскими шагами; прошел период, когда у нас не было армии, когда не было дисциплины; создалась новая дисциплина, и в армию пошли новые люди, которые тысячами отдают жизнь.

Это значит, что новая дисциплина, товарищеский союз перевоспитали нас в борьбе на фронте и в деревенской борьбе против кулака. Этот перелом, который мы переживаем, был трудным, но теперь мы чувствуем, что дело налаживается, и мы от социализма неустроенного переходим к истинному социализму. Перед нами главная задача — борьба с империализмом, и в этой борьбе мы должны победить. Мы указываем на всю трудность и опасность этой борьбы. Мы знаем, что перелом в сознании Красной армии наступил, она начала побеждать, она выдвигает из своей среды тысячи офицеров, которые прошли курс, и тысячи других, которые никаких курсов не проходили, кроме курса войны. Поэтому мы нисколько не преувеличиваем, сознавая опасность, но теперь мы говорим, что армия у нас есть; и эта армия создала дисциплину, стала боеспособной. Южный наш фронт не есть фронт единичный, — это фронт против всего англо-французского империализма, против самого могущественного врага в мире,

но мы его не боимся, так как знаем, что ему самому не удастся справиться со своим внутренним врагом.

Три месяца назад смеялись, когда говорили, что в Германии может быть революция, говорили, что только полусумасшедшие большевики могут верить в немецкую революцию. Называли не только вся буржуазия, но и меньшевики и левые эсеры большевиков изменниками патриотизму и говорили, что в Германии революции не может быть. Но мы знали, что там нужна наша помощь, и для этой помощи мы должны были жертвовать всем, вплоть до тяжелых условий мира. Несколько месяцев назад говорили нам и доказывали это, но Германия в несколько месяцев превратилась из могущественной империи в гнилое дерево. Эта сила, которая ее разрушила, действует и в Америке, и в Англии, она сегодня слаба, но с каждым шагом, который попробуют сделать англо-французы в России, попробуют оккупировать Украину, как это сделали немцы, — с каждым шагом эта сила будет всплывать все больше и будет более страшной, чем испанская болезнь.

Вот, товарищи, почему главной задачей, повторяю, каждого сознательного рабочего является теперь ничего не скрывать от широких масс, которые могут не знать всей остроты положения, а, наоборот, раскрывать всю правду. Рабочие созрели, чтобы знать эту правду. Мы должны победить не только белогвардейцев, но и всемирный империализм. Мы должны победить и победим не только этого, но и более страшного врага. Для этого Красная армия нужна более всего. Пусть каждая организация Советской России не перестает ставить на первом месте вопрос об армии. В настоящее время, когда все утвердилось, на первом плане вопрос о войне, об укреплении армии. У нас есть полная уверенность, что мы с контр-революцией сладим. Мы знаем, что у нас есть силы, но мы также знаем, что англо-французский империализм сильнее нас, и хотим, чтобы это отчетливо сознавали рабочие массы. Мы говорим: надо усиливать армию в десять раз и более, говорить о том, чтобы более укреплялась дисциплина, и чтобы сознательные, просвещенные, сорганизованные настоящие вожди в десять раз более уделяли внимания и заботы этому росту международной революции. Рост этот не ограничится теми странами, которые потерпели поражение. Теперь революция начинается уже и в тех странах, которые оказались победителями, и вот в этом росте Россия уже создала крупную силу, этот рост является для нас по-прежнему главной и полной гарантией того, что международный социализм победит!

Напечатано в 1918 г. в книге: «Протоколы пятого созыва В. Ц. И. К. Стенографический отчет». Изд. В. Ц. И. К. Москва.

Печатается по тексту книги.

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ В.Ц.И.К., МОСКОВСКОГО СОВЕТА, ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ 22 ОКТЯБРЯ 1918 Г.

Революционное движение пролетарских масс и крестьянства против империалистской войны сделало за последнее время громадные успехи во всех странах, особенно на Балканах, в Австрии и в Германии. Но именно эти успехи вызвали у международной буржуазии, во главе которой встала теперь англо-американская и французская, особое озлобление и стремление спешно организоваться в контр-революционную силу для подавления революции, в первую же голову ее главного очага в данный момент, Советской власти в России.

Германская буржуазия и германское правительство, разбитые на войне и угрожаемые могучим революционным движением извнутри, мечутся в поисках спасения. Одно течение в правящих кругах Германии надеется еще оттяжками выиграть время до зимы и подготовить военную оборону страны на новой линии укреплений. Другое течение судорожно ищет соглашения с англо-французской буржуазией против революционного пролетариата и большевиков. Поскольку это течение натыкается на крайнюю несговорчивость победителей, англо-французских империалистов, постольку оно старается запугать их большевистской опасностью и подкупить их, оказывая им услуги против большевиков, против пролетарской революции.

Буржуазия подчиненных Германии или оккупированных ею стран еще усерднее ищет соглашения с Антантой особенно в тех случаях, когда она, как, например, в Финляндии, на Украине и т. п., сознает полную невозможность удержать свою власть над эксплуатируемыми трудящимися массами без помощи иностранных штыков.

В результате этих условий создается такое своеобразное положение для Советской власти: с одной стороны, мы никогда не

были так близки к международной пролетарской революции, как теперь; а с другой стороны, мы никогда не были в столь опасном положении, как теперь. Налицо нет уже двух, взаимно друг друга пожирающих и обессиливающих, приблизительно одинаково сильных, групп империалистских хищников. Остается одна группа победителей, англо-французских империалистов; она собирается делить между капиталистами весь мир; она ставит своей задачей во что бы то ни стало свергнуть советскую власть в России и заменить эту власть буржуазною; она готовится теперь напасть на Россию с юга, например, через Дарданеллы и Черное море или через Болгарию и Румынию, причем по крайней мере часть англо-французских империалистов, видимо, надеется на то, что германское правительство, по прямому или молчаливому соглашению с ними, станет уводить свои войска с Украины лишь по мере того, как Украину будут оккупировать англо-французские войска, для того, чтобы не допустить неизбежной иначе победы украинских рабочих и крестьян и создания ими украинского рабочего и крестьянского правительства.

Не везде и не до самой глубины широких рабочих и крестьянских масс проникло сознание того, что за спиной красновских и белогвардейских контр-революционеров на нас готовится натиск неизмеримо более опасной силы, силы международной контр-революционной буржуазии, англо-американской и французской в первую очередь. Это сознание мы должны неустанно нести в массы. На укрепление южного фронта, на создание и вооружение несравненно более могучей красной армии, чем теперь, необходимо обратить самое усиленное внимание. Каждая рабочая организация, каждый союз крестьянской бедноты, каждое советское учреждение должны снова и снова ставить на первое место порядка дня вопрос об усилении армии, пересматривать еще и еще раз, достаточно ли мы сделали, какие новые меры мы можем и должны предпринять.

В настроении наших рабочих и крестьянских масс наступил явный перелом. Крайняя усталость от войны массами преодолена. Армия создается и создалась. Выросла новая, коммунистическая дисциплина, дисциплина сознательная, дисциплина трудящихся. И этот факт дает нам полное основание надеяться с уверенностью, что мы можем отстоять и отстоим социалистическое отечество и победу международной пролетарской революции.

Напечатано в 1918 г. в книге: «Протоколы пятого созыва В. Ц. И. К. Стенографический отчет». Изд. В. Ц. И. К. Москва.

Печатается по рукописи.

РЕЧЬ НА ДЕМОНСТРАЦИИ В ЧЕСТЬ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 3 НОЯБРЯ 1918 Г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

События показывают нам, что не напрасны были страдания народа.

Мы воюем не только с русским капитализмом. Мы боремся против капитализма всех стран, против всемирного капитализма, — за свободу всех рабочих...

Если нам и было трудно бороться с голодом и с врагами, то теперь мы видим, что у нас имеются миллионы союзников.

Это рабочие Австрии, Венгрии и Германии. В то время, как мы собрались здесь, освобожденный из тюрьмы Фридрих Адлер, вероятно, подъезжает к Вене. На венских площадях, вероятно, празднуется первый день австрийской рабочей революции.

Уже близко то время, когда повсеместно будет праздноваться первый день всемирной революции.

Мы работали и страдали недаром! Мировая международная революция победит!

Да здравствует международная пролетарская революция!

«Правда» № 240, 5 ноября 1918 г.

РЕЧЬ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО СОВЕТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ 6 НОЯБРЯ 1918 Г.

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Мы собираемся сегодня на десятки и сотни митингов, чтобы праздновать годовщину Октябрьского переворота. Для тех, кто давно участвовал в рабочем движении, кто раньше был связан с рабочими низами, кто близко соприкасался с фабрикой и заводом — для тех ясно, что истекший год был годом подлинной пролетарской диктатуры. Это понятие составляло раньше неведомую книжную латынь, какое-то сочетание трудно понятных слов. Интеллигенты искали объяснения этому понятию в ученых книжках, которые, однако, давали им весьма туманное представление о том, что же такое пролетарская диктатура. И наша главная заслуга за истекший год заключается в том, что мы перевели эти слова с непонятной латыни на понятный русский язык. Рабочий класс за истекший год занимался не умствованиями, а на деле творил пролетарскую диктатуру и осуществлял ее, вопреки взбудораженным умам интеллигентов.

На Западе попрежнему царствовал капитализм. Теперь и там наступает время великих переворотов. Теперь и западно-европейский рабочий подходит к трудной переходной эпохе от капитализма к социализму. Ему, как и нам, придется ломать весь старый аппарат и строить новый.

Нам не пришлось использовать весь тот запас опыта, знаний, технической культуры, который был у буржуазной интеллигенции. Буржуазия ехидно посмеивалась над большевиками, говоря, что Советская власть едва продержится две недели, и потому не только уклонялась от дальнейшей работы, но всюду, где могла, и всеми способами, какие были ей доступны, сопротивлялась новому движению, новому строительству, которое ломало старый уклад.

Сопротивление буржуазии далеко еще не исчезло. Озлобление

ее растет с каждым днем, и тем быстрее, чем ближе мы подходим к концу старого капиталистического мира.

Международное положение, в связи с усиливающимся и приобретающим мировой масштаб большевизмом теперь таково, что на Советскую Республику может ополчиться союз империалистов всех оттенков, и сопротивление буржуазии из национального сделается интернациональным.

Германия, как вы знаете, выслала нашего посла из Берлина, ссылаясь на революционную пропаганду нашего представительства в Германии. Германское правительство как будто раньше не знало, что наше посольство вносит революционную заразу. Но если раньше Германия об этом молчала, то потому, что она была еще сильна, что она не боялась нас. Теперь же, после военного краха, мы стали ей страшны. Германские генералы и капиталисты обращаются к союзникам и говорят им: вы хоть и победили нас, но не очень увлекайтесь в ваших экспериментах над нами, ибо и вам и нам грозит мировой большевизм, в борьбе с которым мы можем вам пригодиться.

И весьма возможно, что союзные империалисты объединятся с немецким империализмом, если, конечно, последний к этому моменту еще уцелеет, для соединенного похода на Россию. Вот почему опасность, которая окружала нас в течение всего истекшего года, теперь становится особенно большой. Но теперь мы не одиноки. У нас теперь есть друзья в лице восставших уже в одних местах и восстающих народов в других, которые достаточно наглядно убеждают свои правительства в своем нежелании дальше воевать для грабительских захватов. Но, несмотря на то, что нас ждет новая полоса очень опасных периодов, мы будем продолжать и дальше наше социалистическое строительство. Опыт прошлого нам поможет избегать ошибок и даст нам новые силы для дальнейшей работы.

Роль профессиональных союзов в строительстве нового аппарата оказалась громадной. Рабочий класс показал, что он умеет без интеллигенции и без капиталистов организовать промышленность. Много сделано, но много еще осталось сделать впереди. Идите смелей, товарищи, вперед по тому пути, по которому вы шли до сих пор, привлекайте к работе все новые и новые массы! Дайте возможность всем тем, пусть неграмотным, неопытным, незнающим рабочим, но связанным с массой, искренно желающим, чтобы укрепился новый строй, дайте им всем, и партийным и непартийным, возможность работать и учиться в новом пролетарском государстве, управлять и создавать богатства.

Международный пролетариат восстанет, свергнет повсюду капитализм и доделает нашу работу, которая приведет к полной победе социализма!

«Известия В.Ц.И.К.» № 244 (508), 9 ноября 1918 г.

VI ВСЕРОССИЙСКИЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ, КАЗАЧЬИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ [65])

6 — 9 ноября 1918 г.

Напечатано в 1919 г. в книге: «Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов Раб., Кр., Каз. и Красноарм. Деп. Стенографический отчет». Изд. В. Ц. И. К. Москва

Печатается по тексту книги

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

ШЕСТОЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ С'ЕЗД СОВЕТОВ

Раб., Кр., Каз. и Красноарм. Деп.

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ.

Москва, 6—9 ноября 1918 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссийского Центрального Исполнительного
Комитета Советов Р., С., К. и К. Депутатов.
МОСКВА.—1919.

Обложка книги: «Шестой Всероссийский Чрезвычайный Съезд Советов Раб., Кр., Каз. и Красноарм. Деп. Стенографический отчет» — 1919 г.

Уменьшено

1.

РЕЧЬ О ГОДОВЩИНЕ РЕВОЛЮЦИИ 6 НОЯБРЯ 1918 г.

Товарищи! Годовщину нашей революции нам приходится чествовать в такой момент, когда разыгрываются самые крупные события международного рабочего движения, и когда даже наиболее скептическим, даже наиболее сомневавшимся элементам рабочего класса и трудящихся стало очевидным, что мировая война не окончится соглашениями или насилиями старого правительства и старого господствующего класса буржуазии, что она ведет не только Россию, но и весь мир ко всемирной пролетарской революции, к победе рабочих над капиталом, который залил кровью землю и показывает после всех насилий и зверств германского империализма ту же политику со стороны англо-французского империализма, поддерживаемого Австрией и Германией.

В тот день, когда мы чествуем годовщину революции, следует бросить взгляд на тот путь, который прошла она. Нам пришлось начинать нашу революцию в условиях необыкновенно трудных, в которых не будет находиться ни одна из дальнейших рабочих революций мира, и поэтому особенно важно, чтобы мы попытались осветить в целом пройденный нами путь, посмотреть, что за это время достигнуто и насколько мы подготовились за этот год к нашей главной, настоящей, к нашей решающей, основной задаче. Мы должны быть частью отрядов, частью всемирной пролетарской и социалистической армии. Мы всегда отдавали себе отчет в том, что, если бы нам пришлось начать революцию, нарастающую из всемирной борьбы, то вовсе не в силу каких-либо заслуг русского пролетариата, или в силу того, что он был впереди других, напротив, только особенная слабость, отсталость капитализма и особенно стеснительные военно-стратегические обстоятельства создали то, что нам пришлось ходом событий занять место впереди других отрядов, дожидаясь, пока эти отряды пойдут, поднимутся. Мы теперь даем себе отчет, чтобы узнать, насколько мы подготовились, чтобы подойти к тем битвам, которые теперь предстоят в нашей грядущей революции.

И вот, товарищи, задавая себе вопрос, что мы сделали в крупном масштабе за этот год, мы должны сказать, что сделано следующее: от рабочего контроля, этих начальных шагов рабочего класса, от хозяйничанья всеми средствами страны мы подошли вплотную к созданию рабочего управления промышленностью; от общекрестьянской борьбы за землю, от борьбы крестьян с помещиками, от борьбы, которая носила общенациональный, буржуазный, демократический характер, мы пришли к тому, что в деревне выделились пролетарские и полупролетарские элементы, выделились те, которые особенно трудятся, те, которых эксплуатируют, поднялись на строительство новой жизни; наиболее угнетенная часть деревни вступила в борьбу до конца с буржуазией, в том числе со своей деревенской кулацкой буржуазией.

Дальше, от первых шагов советской организации, мы пришли к тому, как справедливо заметил открывавший съезд товарищ Свердлов, что нет в России такого захолустья, где бы советская организация не упрочилась, не составляла бы цельной части советской конституции, выработанной на основе долгого опыта борьбы всех трудящихся и угнетенных.

От нашей полной беззащитности, от последней четырехлетней войны, которая оставила в массах не только ненависть угнетенных людей, но и отвращение, и страшную усталость, и измученность, которая осудила революцию на самый трудный, тяжелый период, когда мы были беззащитны перед ударами германского и австрийского империализма, — от этой беззащитности мы пришли к могучей Красной армии и, наконец, самое важное, мы пришли от международного одиночества, от которого мы страдали и в октябре и в начале текущего года, к такому положению, когда наш единственный, но прочный союзник, — трудящиеся и угнетенные всех стран, когда он, наконец, поднялся, когда вожди западно-европейского пролетариата, как Либкнехт и Адлер, — вожди, которые долгими месяцами каторги заплатили за свои смелые, геройские попытки поднять голос против империалистической войны, мы видим, что эти вожди на свободе, потому, что их заставила освободить венская и берлинская рабочая революция, которая растет не по дням, а по часам. От одиночества мы пришли к тому положению, когда мы стоим рука об руку, плечом к плечу с нашими международными союзниками. Вот основное, что достигнуто за этот год. И я позволю себе вкратце остановиться на этом пути, остановиться на этом переходе.

Товарищи, нашим лозунгом вначале был рабочий контроль. Мы говорили: несмотря на все обещания правительства Керенского, капитал продолжает саботировать производство страны, разрушая его все дальше и дальше. Мы видим теперь, что дело шло к разложению, и первым основным шагом, который обязателен для всякого не только социалистического, но и рабочего

правительства, должен быть рабочий контроль. Мы не декретировали сразу социализма во всей нашей промышленности потому, что социализм может сложиться и упрочиться только тогда, когда рабочий класс научится управлять, когда упрочится авторитет рабочих масс. Без этого социализм есть только пожелание. Поэтому мы ввели рабочий контроль, зная, что это шаг противоречивый, шаг неполный, но необходимо, чтобы рабочие сами взялись за великое дело строительства промышленности громадной страны без эксплуататоров, против эксплуататоров, и, товарищи, кто принимал непосредственное или даже косвенное участие в этом строительстве, кто пережил весь гнет и зверства старого капиталистического режима, тот научился многому и многому. Мы знаем, что добыто мало, мы знаем, что в стране наиболее отсталой и разоренной, где рабочему классу ставили столько препон и рогаток, чтобы научиться управлять промышленностью, — ему нужен долгий срок. Мы считаем самым важным и ценным то, что за это управление взялись сами рабочие, что с рабочего контроля, который должен был оставаться хаотическим, раздробленным, кустарным, неполным во всех главнейших отраслях промышленности, мы подошли к рабочему управлению промышленностью в обще-национальном масштабе.

Рабочие и профессиональные союзы переменили свое положение. Главной задачей их стало то, что они выдвигают представителей во все главки и центры, во все те новые организации, которые приняли от капитализма разоренную, умышленно саботирующую промышленность, и взялись за нее не при помощи всех тех интеллигентских сил, которые ставили с самого начала своей задачей использовать знание и высшее образование — этот результат приобретения человечеством запаса наук — все это они использовали для того, чтобы сорвать дело социализма, использовать науку не для того, чтобы она помогла массам в устройстве общественного, народного хозяйства без эксплуататоров. Эти люди ставили задачей использовать науку для того, чтобы бросать камни под колеса, мешать рабочим, наименее подготовленным к этому делу, которые брались за дело управления, и мы можем сказать, что основная помеха сломлена. Это было необычайно трудно. Саботаж всех тяготеющих к буржуазии элементов сломлен. Несмотря на громадные препятствия, рабочим удалось сделать этот основной шаг, который подвел фундамент социализму. Мы нисколько не преувеличиваем и не боимся сказать правду. Да, сделано мало с точки зрения достижения конца, но сделано много, необыкновенно много, с точки зрения упрочения фундамента. Говоря о социализме, нельзя говорить о строительстве фундамента сознательного в самых широких рабочих массах в том смысле, что они взяли книжки, прочли брошюру, а сознательность здесь в том, что они взялись

собственной энергией, собственными руками за необыкновенно трудное дело, наделали тысячи ошибок, и от каждой ошибки сами страдали, и каждая ошибка выковывала и закаляла в той работе по организации управления промышленности, которая теперь создана и стоит теперь на прочном фундаменте. Они довели работу свою до конца. Теперь эта работа будет делаться не так, как тогда; теперь вся рабочая масса, а не только вожди и передовики, а действительно широчайшие слои знают, что они сами собственной рукой строят социализм, фундамент построили, и никакая сила внутри страны не помешает довести это дело до конца.

Если по отношению к промышленности встретились такие большие трудности, если там мы должны были пережить этот кажущийся многим долгий, а на самом деле короткий путь, приведший от рабочего контроля к рабочему управлению, то в наиболее отсталой деревне нам пришлось проделать гораздо больше подготовительной работы. Тот, кто наблюдал деревенскую жизнь, кто соприкоснулся с крестьянскими массами в деревне, говорит: октябрьская революция городов для деревни стала настоящей октябрьской революцией только летом и осенью 1918 г. И здесь, товарищи, когда петроградский пролетариат и солдаты петроградского гарнизона брали власть, они прекрасно знали, что для строительства в деревне встретятся большие затруднения, что здесь надо идти более постепенно, что здесь пытаться вводить декретами, узаконениями общественную обработку земли было бы величайшей нелепостью, что на это могло пойти ничтожное число сознательных, а громадное большинство крестьян этой задачи не ставило. И поэтому мы ограничивались тем, что абсолютно необходимо в интересах развития революции: ни в коем случае не обгонять развития масс, а дожидаться, пока из собственного опыта этих масс, из их собственной борьбы вырастет движение вперед. Мы ограничивались в октябре тем, что старого векового врага крестьян, помещика-крепостника, собственника латифундий, смели сразу. Это была обще-крестьянская борьба. Тут еще внутри крестьянства не было деления между пролетариатом, полупролетариатом, беднейшей частью крестьянства и буржуазией. Мы, социалисты, знали, что без этой борьбы социализма нет, но мы знали также, что недостаточно нашего знания, что необходимо, чтобы оно проникло в миллионы не из пропаганды, а из собственного опыта этих миллионов, и поэтому мы, когда все крестьянство в целом представляло себе переворот лишь на началах уравнительного землепользования, мы открыто сказали в нашем декрете от 26 октября 1917 года, что мы берем в основу крестьянский наказ о земле *).

*) См. XXII том Сочинений, стр. 20 — 23. *Ред.*

Мы открыто сказали, что он не отвечает нашим взглядам, что это не есть коммунизм, но мы не навязывали того, что не соответствовало его взглядам, а соответствовало лишь нашей программе. Мы заявили, что мы идем с ними, как с трудовыми товарищами, уверенные, что ход революции приведет к той же самой обстановке, к которой мы пришли сами, и в результате мы видим крестьянское движение. Аграрная реформа началась с той самой социализации земли, которую мы проводили сами своими голосами, говоря открыто, что она не соответствует нашим взглядам, зная, что идею уравнительного землепользования разделяет громадное большинство, не желая ему ничего навязывать, дожидаясь, когда крестьянство само изживет это и пойдет дальше вперед. И мы дожидались и сумели подготовить на-[redacted]

Закон, который мы тогда приняли, исходит из общедемократических начал, из того, что объединяет богатого мужика-кулака с бедным, — ненависть к помещику, из общей идеи равенства, которая являлась, безусловно, революционной идеей против старого порядка монархии, от этого закона мы должны были перейти к делению внутри крестьян. Мы провели закон о социализации земли с общего согласия. Он был единогласно принят и нами и теми, которые не разделяли взглядов большевиков. Мы в вопросе о том, кому владеть землею, предоставили первое место в решении этого вопроса сельско-хозяйственным коммунам. Мы оставили дорогу свободной для того, чтобы земледелие могло развиваться на социалистических началах, прекрасно зная, что оно тогда, в октябре 1917 года, вступить на эту дорогу не в состоянии. Нашей подготовкой мы дождались того, что достигли гигантского всемирно-исторического шага, который не сделан еще ни в одном из самых демократических, республиканских государств. Этот шаг нынешним летом сделан был всей массой даже в наиболее захолустных русских деревнях. Когда дело дошло до продовольственных неурядиц, до голода, когда вследствие старого наследия и проклятых четырех лет войны, когда усилиями контр-революции и гражданской войны был отнят самый хлебный район, когда все это дошло до высшей точки, и голод грозил опасностью городам, — тогда единственный и вернейший, прочный оплот нашей власти, передовой рабочий городов и промышленных районов, двинулся объединенно в деревню. Клевещут те, которые говорят, что рабочие двинулись, чтобы внести вооруженную борьбу между рабочими и крестьянами. Эту клевету опровергают события. Они шли для того, чтобы дать отпор эксплуататорским элементам деревни — кулакам, которые нажили неслыханные богатства в спекуляции с хлебом в то время, когда народ умирал с голода. Они шли на помощь трудящейся бедноте, большинству деревень, и что они шли не напрасно, что они

протягивали руку союза, что их подготовительная работа слилась с массой, — это полностью показал июль, июльский кризис, когда кулацкое восстание пробежало по всей России. Июльский кризис закончился тем, что в деревнях повсюду поднялись трудовые эксплуатируемые элементы, поднялись вместе с пролетариатом городов. Сегодня товарищ Зиновьев сообщал мне по телефону, что в Питере областной съезд комитетов бедноты [66]) достиг 18.000 чел. и что там господствует необыкновенный энтузиазм и воодушевление. По мере того, как вкладывается в более наглядную форму то, что происходит во всей России, когда поднялась деревенская беднота, она увидела борьбу с кулаками на собственном опыте, увидела, что для того, чтобы обеспечить продовольствие в городе, чтобы восстановить товарообмен, без которого деревня жить не может, нельзя идти вместе с деревенской буржуазией и с кулаками. Нужно организоваться отдельно. И нами теперь сделан первый и величайший шаг социалистической революции в деревне. В октябре этого сделать мы не могли. Мы поняли этот момент, когда могли идти к массам, и мы достигли теперь того, что социалистическая революция в деревнях начата, что нет такой захолустной деревни, где не знали бы, что свой брат богатей, свой брат кулак, если он спекулирует с хлебом, — смотрит на все происходящие события со старой захолустной точки зрения.

И вот деревенское хозяйство, деревенская беднота, сплачиваясь со своими вождями, с городскими рабочими, дает только теперь окончательный и прочный фундамент для действительного социалистического строительства. Только теперь социалистическое строительство начнется в деревнях. Только теперь образуются те советы и хозяйства, которые планомерно стремятся к общественной обработке земли в крупном размере, к использованию знаний, науки и техники, что на основах старого, реакционного темного времени даже простой, элементарной, человеческой культуры дать не может. Тут еще более трудная работа, чем в промышленности. Тут еще больше ошибок делается нашими местными комитетами и советами на местах. На ошибках они учатся. Мы не боимся ошибок, когда их делают массы, сознательно относящиеся к строительству, потому что мы полагаемся только на собственный опыт и на собственное приложение рук.

И вот величайший переворот, который в такое короткое время привел нас к социализму в деревне, показывает, что вся эта борьба увенчалась успехом. Это наиболее наглядно доказывает Красная армия. Вы знаете, в каком положении мы оказались во всемирной империалистической войне, когда Россия оказалась в таком положении, что народные массы не могли этого вынести. Мы знаем, что мы тогда оказались в положении самом беспомощном. Мы открыто сказали рабочей массе всю правду. Мы

разоблачили тайные империалистические договоры той политики, которая служит величайшим орудием обмана, которая теперь в Америке, самой передовой демократической республике буржуазного империализма, обманывает массы как никогда, водит за нос массы. Когда война, ее империалистический характер, стал наглядным для всех, в это время единственной страной, которая тайную буржуазную внешнюю политику сломала до основания, была Российская советская республика. Она разоблачила тайные договоры и сказала через товарища Троцкого, обращаясь к странам всего мира: мы зовем вас на окончание этой войны демократическим путем без аннексий и контрибуций и говорим открыто и гордо тяжелую правду, но все-таки правду, что для того, чтобы окончить эту войну, нужна революция против буржуазного правительства! Наш голос остался одиноким. За это мы должны были расплачиваться тем невероятно тяжелым и трудным миром, который был навязан насильническим Брестским договором, который среди многих сочувствующих людей посеял уныние и отчаяние. Это было потому, что мы одиноки. Но мы исполняли долг свой, мы перед вами сказали: таковы цели войны! И если на нас обрушилась лавина германского империализма, то это потому, что требовался большой промежуток времени, пока наши рабочие и крестьяне пришли к твердой организации. Тогда мы армии не имели; у нас была старая дезорганизованная армия империалистов, которую гнали в войну за те цели, которых солдаты не держались, которым они не сочувствовали. Тут оказалось, что нам пришлось переживать весьма мучительный переворот. Это был период, когда массы должны были отдохнуть от мучительнейшей империалистской войны и сознать, что начинается новая война. Мы в праве назвать нашей войной ту войну, когда мы будем отстаивать свою социалистическую революцию. Это нужно было понять миллионам и десяткам миллионов людей из своего опыта. На это пошли месяцы. Долгим и тяжелым путем пробивалось это сознание. Но летом нынешнего года стало ясным для всех, что оно, наконец, пробилось, что перерождение наступило, что армия, которая есть продукт народной массы, потому что она выражает собой усталость и отчаяние, армия, которая жертвует собой, которая после четырехлетней кровавой бойни идет опять на войну, — чтобы такая армия шла за советскую республику нашей страны, нужно, чтобы усталость и отчаяние в массе, идущей в эту бойню, сменились ясным сознанием того, что они идут умирать, действительно, за свое дело: за рабочие и крестьянские советы, за социалистическую республику. Это достигнуто.

Те победы, которые мы летом одерживали над чехо-словаками, и те сведения о победах, которые получаются и которые достигают очень больших размеров, доказывают, что перерождение наступило, и что самая трудная задача — задача создания

сознательной социалистической организованной массы после четырехлетней мучительной войны, — эта задача достигнута. Это сознание проникло глубоко в массы. Десятки миллионов поняли, что они заняты трудным делом. В этом залог того, что хотя теперь на нас и собираются силы всемирного империализма, которые сильнее нас в данный момент, что хотя нас теперь окружают солдаты империалистов, которые поняли опасность Советской власти и горят желанием ее задушить, несмотря на то, что мы правду говорим сейчас, не скрываем, что они сильнее нас, мы не предаемся отчаянию.

Мы говорим: мы растем, советская республика растет! Дело пролетарской революции растет скорее, чем приближаются силы империалистов. Мы полны надежды и уверенности, что мы защищаем интересы не только русской социалистической революции, но мы ведем войну, защищая всемирную социалистическую революцию. Наши надежды на победу растут быстрей, потому что растет сознание наших рабочих. Чем была советская организация в октябре прошлого года? Это были первые шаги. Мы не могли ее приспособить, чтобы ее довести до настоящего положения, а теперь мы имеем советскую конституцию. Мы знаем, что эта советская конституция, которая в июле утверждена, что она не выдумана какой-нибудь комиссией, не сочинена юристами, не списана с других конституций. В мире не бывало таких конституций, как наша. В ней записан опыт борьбы и организации пролетарских масс против эксплуататоров и внутри страны, и во всем мире. У нас есть запас опыта в борьбе. И этот запас опыта дал нам наглядное подтверждение того, что организованные рабочие создавали Советскую власть без чиновников, без постоянной армии, без привилегий, фактически делаемых для буржуазии, сделали эту борьбу в основе своей не хуже их и создавали на фабриках и заводах фундамент нового строительства. Мы приступаем к работе, привлекая новых сотрудников, которые необходимы для проведения советской конституции. У нас есть теперь готовый кадр новобранцев, молодых крестьян, которых мы должны привлечь к работе, чтобы они могли войти в эти новые кадры и помочь нам довести дело до конца.

Теперь последний пункт, на котором я хочу остановиться, это — вопрос о международном положении. Мы стоим плечо с плечом с нашими международными товарищами и теперь мы убедились, как решительно и энергично выражают они уверенность, что русская пролетарская революция пойдет вместе с ними, как международная революция.

По мере того, как росло международное значение революции, также росло и усиливалось бешеное сплочение империалистов всего мира. В октябре 1917 года они считали нашу республику курьезом, на которую не стоило обращать внимания; в феврале

они считали ее социалистическим экспериментом, с которым не стоило считаться. Но армия республики росла, укреплялась: она разрешила самую трудную задачу создания социалистической Красной армии. В силу роста и успеха нашего дела, росли бешеное сопротивление и бешеная ненависть империалистов всех стран, которые пришли к тому, что англо-французские капиталисты, кричавшие, что они враги Вильгельма, близки к тому, чтобы соединиться с тем же самым Вильгельмом в борьбе за удушение социалистической советской республики, так как они видели, что она перестала быть курьезом и социалистическим экспериментом, а стала очагом, настоящим, фактическим очагом всемирной социалистической революции. Вот почему по мере того, как росли успехи нашей революции, росло число наших врагов. Мы должны дать себе отчет, нисколько не скрывая тяжести нашего положения, отчет о том, что нам предстоит впереди. Но на это мы пойдем, и мы идем уже не одни, а вместе с рабочими Вены и Берлина, которые поднимаются на ту же борьбу и внесут в нее, быть может, большую дисциплинированность и сознательность в наше общее дело.

Товарищи, чтобы показать вам, как сгущаются тучи против нашей советской республики и какие опасности нам грозят, позвольте прочесть вам полный текст ноты, которую сообщило нам через свое консульство германское правительство:

«Народному комиссару по иностранным делам Г. В. Чичерину. Москва. 5 ноября 1918 г.

По поручению Германского правительства Императорское Германское Консульство имеет честь сообщить Российской Федеративной Советской Республике нижеследующее: Германское Правительство уже второй раз было принуждено протестовать против того обстоятельства, что путем выступления русских официальных учреждений вопреки постановлению ст. 2 Брестского мирного договора ведется недопустимая агитация против германских государственных учреждений. Оно уже не считает для себя возможным ограничиться протестами против этой агитации, означающей не только нарушение указанных договорных постановлений, но и серьезное отступление от интернациональных обычаев. Когда после заключения мирного договора Советское правительство учредило свое дипломатическое представительство в Берлине, назначенному Российским уполномоченным господину Иоффе было определенно указано на необходимость избежания всякой агитационной и пропагандистской деятельности в Германии. Он на это ответил, что ему известна ст. 2 Брестского договора и что он знает, что в качестве представителя иностранной державы он не должен вмешиваться во внутренние дела Германии. Господин Иоффе и подведомственные ему органы пользовались поэтому в Берлине тем вниманием и доверием, с каким обыкновенно относятся к экстерриториальным иностранным представительствам. Это доверие было однако обмануто. Уже в течение некоторого времени становилось ясным, что русское дипломатическое представительство путем интимного общения с некоторыми элементами, работающими в направлении ниспровержения государственного порядка в

Германии, и путем употребления таких элементов на своей службе было заинтересовано в движении, направленном к ниспровержению существующего строя в Германии. Благодаря следующему инциденту, происшедшему 4-го сего месяца, выяснилось, что Русское Правительство посредством ввоза листков с призывом к революции принимает даже активное участие в движениях, имеющих целью ниспровержение существующего строя, нарушая тем самым привилегию пользования дипломатическими курьерами. Вследствие повреждения, которому подвергся во время транспорта один из ящиков, принадлежащих к официальному багажу приехавшего вчера в Берлин русского курьера, было констатировано, что эти ящики заключали в себе составленные на немецком языке и предназначенные по своему содержанию для распространения в Германии революционные листки. Дальнейшее основание для жалобы дается Германскому правительству тем отношением, которое Советское Правительство проявило к вопросу о том, как убийство императорского посланника графа Мирбаха должно быть искуплено. Русское правительство торжественно обещало, что сделает все, чтобы подвергнуть виновных наказанию. Германское правительство однако не могло констатировать никаких признаков того, что преследование или наказание виновных уже начато или даже что имеется намерение таковое произвести. Убийцы бежали из дома, окруженного со всех сторон органами общественной безопасности Русского правительства. Инициаторы убийства, открыто признавшие, что оно было ими постановлено и подготовлено, остались до сих пор безнаказанными и, судя по полученным известиям, были даже амнистированы. Германское правительство протестует против этих нарушений договора и публичного права. Оно должно требовать от русского правительства гарантий того, что агитация и пропаганда, идущие в разрез с мирным договором, в будущем не будут вестись. Оно должно кроме того настаивать на искуплении убийства посланника графа Мирбаха через наказание убийц и инициаторов убийства. До того момента, когда эти требования будут исполнены, Германское правительство должно просить Правительство Советской республики вызвать обратно из Германии своих дипломатических и других официальных представителей. Российскому уполномоченному в Берлине было сегодня заявлено, что экстренный поезд будет наготове для отъезда дипломатических и консульских представителей в Берлине и других находящихся в этом городе российских официальных лиц завтра вечером, и что будут приняты меры в целях беспрепятственного отъезда сего персонала до российского пограничного пункта. К Советскому правительству обращена просьба о том, чтобы оно позаботилось о предоставлении в то же время германским представителям в Москве и Петрограде возможности отъезда при соблюдении всего того, что требуется долгом вежливости. Другим, находящимся в Германии русским представителям, также германским официальным лицам, находящимся в других местах России, будет заявлено, что в недельный срок следует ехать первым — в Россию, вторым — в Германию. Германское правительство позволяет себе выразить ожидание, что и по отношению к последним германским официальным лицам будут соблюдены все требования вежливости при их отъезде и что другим германским подданным или лицам, состоящим под германским покровительством, в случае таковой их просьбы, будет предоставлена возможность беспрепятственного отъезда».

Товарищи, мы все прекрасно знаем, что германское правительство превосходно знало, что русское посольство с самого на-

чала войны пользовалось гостеприимством германских социалистов, а те, кто стоял за германский империализм, такие люди порога русского посольства не переступали. Друзьями их были те социалисты, которые были против войны, которые сочувствовали Карлу Либкнехту. Они с самого начала существования посольства были его гостями, и только с ними были мы в общении. Это германское правительство великолепно знало. Они за каждым представителем нашего правительства следят с таким же тщанием, с каким правительство Николая II следило за нашими товарищами. И если теперь правительство делает этот жест не только потому, чтобы что-нибудь изменилось, а потому, что оно раньше считало себя более сильным и не боялось, чтобы из-за одного дома, зажженного на улицах Берлина, загорелась вся Германия. Германское правительство потеряло голову, и, когда горит вся Германия, оно думает, что погасит пожар, направляя свои полицейские кишки на один дом.

Это только смешно. Если германское правительство собирается объявить разрыв дипломатических сношений, то мы скажем, что это мы знали, что оно всеми силами стремится к союзу с англо-французскими империалистами. Мы знаем, что правительство Вильсона засыпало телеграммами с просьбой о том, чтобы оставить немецкие войска в Польше, на Украине, Эстляндии и Лифляндии, потому что, хотя они и враги германского империализма, но эти войска делают их дело: они подавляют большевиков. Дайте уйти им только тогда, когда появятся антантофильские освободительные войска, чтобы душить большевиков.

Это мы прекрасно знаем; с этой стороны для нас здесь нет ничего неожиданного. Мы говорили только, что теперь, когда Германия загорелась, а Австрия вся горит, когда им пришлось выпустить Либкнехта и предоставить ему возможность поехать в русское посольство, что было решено общим собранием социалистов с Либкнехтом во главе, — теперь подобный шаг со стороны германского правительства не столько свидетельствует, что они хотят воевать, сколько о том, что они совершенно потеряли голову, что они мечутся между различными решениями, потому что на них надвинулся жесточайший враг — англо-американский империализм, который подавил Австрию в сто раз более насильническим миром, чем был Брестский мир. Германия видит, что ее также хотят эти освободители душить, терзать, мучить. Но вместе с тем, поднимается рабочий Германии. Германская армия не потому оказалась негодной, небоеспособной, что была слаба дисциплина, а потому, что солдаты, отказавшиеся сражаться, с восточного фронта перенесены на западный немецкий фронт и они перенесли с собою то, что буржуазия называет мировым большевизмом.

Вот почему германская армия оказалась небоеспособной, и вот почему этот документ больше всего доказывает это метание.

Мы говорим, что он поведет к разрыву дипломатических сношений, а может быть, повел бы и к войне, если бы у них оказывались силы вести белогвардейские войска. Поэтому мы дали телеграмму всем совдепам [67]), которая кончается тем, чтобы быть на-чеку, приготовиться, надо напрячь все силы, это одно из проявлений того, что международный империализм своей главной задачей ставит свержение большевизма. Это не значит победить только Россию, — это значит победить своих собственных рабочих в каждой стране. Этого им не удастся сделать, какие зверства и насилия ни последовали бы за этим решением. И они, эти звери, готовятся, они готовят поход на Россию с юга, через Дарданеллы, или Болгарию, или Румынию. Они ведут переговоры, чтобы в Германии образовать белогвардейские войска и бросить на Россию. Эту опасность мы прекрасно сознаем и открыто говорим: товарищи, мы работали год недаром; мы подвели фундамент, мы подошли к решительным битвам, которые, действительно, будут решительными. Но мы идем не одни: пролетариат западной Европы поднялся и не оставил камня на камне в Австро-Венгрии. Тамошнее правительство отличается той же беспомощностью, той же дикой растерянностью, той же полной потерей головы, которой отличалось в свое время к концу февраля 1917 года правительство Николая Романова. Нашим лозунгом должно быть: еще и еще раз напрячь все свои силы, памятуя, что мы подходим к последней решительной битве, не за русскую, а международную социалистическую революцию!

Мы знаем, что звери империализма еще сильнее нас, они могут еще нам и нашей стране причинить массу насилий, зверств и мучений, но они не могут победить международную революцию. Они полны дикой ненависти, и поэтому мы говорим себе: будь, что будет, а каждый рабочий и крестьянин России исполнит свой долг и пойдет умирать, если это требуется в интересах революции. Мы говорим: будь, что будет, но какие бы бедствия ни накликали еще империалисты, они этим себя не спасут. Империализм погибнет, а международная социалистическая революция, несмотря ни на что, победит!

2.

РЕЧЬ О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ 8 НОЯБРЯ 1918 ГОДА.

Товарищи, с самого начала октябрьской революции вопрос о внешней политике и международных отношениях стал перед нами, как самый главный вопрос, не только потому, что империализм означает отныне сильное и прочное сцепление всех государств мира в одну систему, — чтобы не сказать, в один грязный кровавый комок, — потому, что полная победа социалистической революции немыслима в одной стране, а требует самого активного сотрудничества, по меньшей мере, нескольких передовых стран, к которым мы Россию причислить не можем. Вот почему вопрос о том, насколько мы достигнем расширения революции и в других странах и насколько нам удастся до тех пор дать отпор империализму, стал одним из главных вопросов революции.

Я самым кратким образом позволю себе напомнить вам главные этапы нашей международной политики за истекший год. Как мне уже случалось указывать в речи по поводу годовщины революции *), главным признаком нашего положения год тому назад было наше одиночество. Как ни прочно было наше убеждение в том, что во всей Европе создается и создалась революционная сила, что война не кончится без революции, но признаков начавшейся или начинающейся революции тогда не было. В этом положении нам ничего не оставалось, как направить усилия нашей внешней политики на просвещение рабочих масс Западной Европы, просвещение не в том смысле, чтобы мы претендовали на бо̀льшую подготовку, чем они, а в том смысле, что пока не свергнута буржуазия одной страны, господствует военная цензура и тот неслыханный кровавый туман, который сопровождает всякую войну, особенно реакционную,— вы прекрасно знаете, что в самых демократических республиканских странах война означает военную цензуру и неслыханные методы, употреблявшиеся буржуазией вместе с буржуазными штабами для того, чтобы обманывать народ. Нашей задачей было поделиться тем, что в этом отношении завоевано другими народами. Мы сделали в этом отношении все, что могли, когда мы сорвали и опубликовали те

*) См. настоящий том, стр. 249—260. *Ред.*

грязные тайные договоры, которые бывший царь заключил к выгоде своих капиталистов с капиталистами Англии и Франции. Вы знаете, что договоры были насквозь грабительскими; вы знаете, что правление Керенского и меньшевиков сохранило эти договоры в тайне и подкрепило их. Нам случается в виде исключения встречать в сколько-нибудь честной прессе Англии и Франции указания, что лишь благодаря русской революции они, французы и англичане, узнали многое существенное, касающееся их дипломатической истории.

Конечно, мы сделали очень мало с точки зрения социальной революции в целом, но то, что мы сделали, было одним из крупнейших шагов к ее подготовке.

Если теперь попытаться окинуть общим взглядом те результаты, которые дало нам разоблачение германского империализма, то мы увидим, что теперь трудящимся всех стран стал наглядным и ясным факт, что их заставляли вести войну кровавую и грабительскую. И в конце этого года войны начинается такое же разоблачение поведения Англии и Америки, потому что масса открывает глаза и начинает разбираться в сущности их замыслов. Вот все, что мы сделали, но свою лепту мы внесли. Разоблачение таких договоров было ударом для империализма. Условия мира, который мы вынуждены были подписать, были в смысле пропаганды и агитации таким могучим орудием и ими мы сделали так много, как не сделало ни одно правительство, ни один народ. Если попытка, которая была предпринята нами, — разбудить массы, — не дала результатов сразу, то мы никогда и не предполагали, что революция начнется немедленно или же все потеряно. В течение последних пятнадцати лет мы провели две революции, и мы видели ясно, какой период они должны пройти, пока овладеют массами. Подтверждение этому мы находим в последних событиях в Австрии и Германии. Мы говорили, что мы рассчитываем не на то, чтобы в союзе с хищниками стать такими же хищниками, — нет, мы рассчитывали на то, чтобы будить пролетариат враждебных стран. Нам отвечали насмешками, говоря, что мы собираемся будить пролетариат Германии, который удушит нас, пока мы собираемся выступить против него с пропагандой. А факты показали, что мы были правы, когда рассчитывали, что трудящиеся массы во всех странах одинаково враждебны империализму. Надо только дать им известный период для подготовки, ибо в русском народе, несмотря на воспоминания о революции 1905 года, потребовался также продолжительный период прежде, чем мы поднялись снова на революцию.

Перед Брестским миром мы сделали все, что могли, чтобы нанести империализму удар. Если история нарастания пролетарской революции этого не вычеркнула, и если Брестский мир заставил нас отступить перед империализмом, то это произошло

потому, что в январе 1918 года мы не были еще достаточно подготовлены. Судьба осудила нас на одиночество, и мы пережили мучительную эпоху после Брестского мира. Нам говорили: лучше новый союз с империалистами, только не подписание такого мира.

Когда люди готовы были придти в отчаяние, мы говорили себе: лучше новая война с англо-французами, лишь не подчиняться насильническому миру. Мы говорили: если бы мы обращались к международным рабочим, мы бы продолжали свою работу. Товарищи, четыре года, которые мы прожили в международной войне, дали мир, но мир насильнический. Но и этот насильнический мир в конечном итоге показал, что мы правы и что наши надежды построены не на песке. С каждым месяцем мы укреплялись, а западно-европейский империализм ослабевал. Теперь мы видим в результате, что Германия, которая полгода тому назад совершенно не считалась с нашим посольством, которая думала, что там не может быть ни одного красного дома, по крайней мере, в последнее время, слабеет. Последняя телеграмма сообщает о воззвании германского империализма к массам, чтобы они сохраняли спокойствие и что мир близок [68]). Мы знаем, что значит, когда императоры обращаются с призывом о сохранении спокойствия и обещают в близком будущем то, что исполнить они не могут. Если Германия получит скоро мир, то этот мир будет для них Брестским миром, который вместо мира принесет трудящимся массам больше мучений, чем они вынесли до сих пор.

Так сложились итоги нашей международной политики, что через полгода после Брестского мира мы с точки зрения буржуазии представляли собою страну разбитую, но с точки зрения пролетарской мы пришли к пути быстрого роста и стоим во главе пролетарской армии, которая начала колебать Австрию и Германию. Этот успех подтвердил собой и вполне оправдал в глазах всякого представителя пролетарских масс все жертвы, которые были принесены. Если бы случилось, что нас вдруг смело бы,— предположим, что наступил бы конец нашей деятельности, но этого не может быть: чудес не бывает,—но если бы это случилось, мы имели бы право сказать, не скрывая ошибок, что мы использовали тот период времени, который судьба нам дала, полностью для социалистической мировой революции. Мы все сделали для трудящихся масс России, и нами сделано больше, чем кем бы то ни было, для мировой пролетарской революции.

Товарищи, вот во время последних месяцев, последних недель международное положение стало резко меняться, пока германский империализм оказался почти разрушенным. Все надежды на Украину, которой германский империализм кормил своих трудящихся, оказались лишь обещаниями. Оказалось, что американский

империализм подготовился и Германии был нанесен удар. Наступило совершенно иное положение. Мы ни в чем не делали себе иллюзии. После октябрьской революции мы были гораздо слабее империализма, и теперь мы слабее, чем международный империализм, — мы это и сейчас должны повторять, чтобы не впадать в самообман; после октябрьской революции мы были слабее и не могли принимать боя. И сейчас мы слабее и должны сделать все необходимое, чтобы избегнуть боя с ним.

Но если нам удалось просуществовать год после октябрьской революции, то этим мы обязаны тому, что международный империализм был расколот на две группы хищников: англо-французов-американцев и германцев, которые были в мертвой схватке друг с другом, которым было не до нас. Ни одна из этих групп целиком серьезных сил против нас направить не могла, а, конечно, они обе направили бы на нас эти силы, если бы могли. Война, ее кровавый туман застилал глаза. Материальные жертвы, которые нужны были для войны, требовали напряжения сил до последней степени. Им было не до нас, не благодаря тому, что мы были каким-либо чудом сильнее империалистов, — нет, это пустяк! а только благодаря тому факту, что международный империализм раскололся на две группы хищников, которые душили друг друга. Только этим мы обязаны тому, что советская республика открыто провозгласила борьбу империалистам всех стран, отняв у них капиталы в виде заграничных займов, бивши их по лицу, открыто задевая по разбойничьему карману.

Период заявлений, которые мы делали в то время по поводу той переписки, которую заводили немецкие империалисты, и несмотря на то, что всемирный империализм не мог так броситься, как он должен был по его вражде и жажде капиталистической прибыли, неслыханно увеличенной войной, — этот период кончился. С того момента, когда англо-американские империалисты оказались победителями второй группы, они целиком заняты борьбой между собой и тем самым должны отвлекаться от решительного похода против советской республики. Второй группы больше нет: осталась одна группа победителей. Это совершенно изменило наше международное положение, и мы должны считаться с этой переменой. В каком отношении стоит эта перемена к развитию международного положения, на это отвечают факты. Страны, потерпевшие поражение, переживают теперь победу рабочей революции, ибо ясно для всех ее громадное развитие. Когда мы брали власть в октябре, мы в Европе были ничем больше, как отдельной искрой. Правда, искры умножались, и эти искры шли от нас. Это — величайшее дело, которое нам удалось сделать, но все же это были отдельные искры, и теперь мы видим, там горит пожар и охвачено большинство стран: Америка, Германия, Англия. Мы знаем, что после Болгарии перекинулась революция на Сербию.

Мы знаем, как эти рабоче-крестьянские революции прошли через Австрию и дошли до Германии. Целый ряд стран объят пожаром рабочей революции. В этом отношении наши усилия и те жертвы, которые мы приносили, оправдались. Они оказались не авантюрой, как клеветали враги, а необходимым переходом к международной революции, который должна была пережить страна, поставленная впереди, несмотря на свою неразвитость и отсталость.

Это один результат, самый важный с точки зрения окончательного исхода империалистической войны. Другой результат — тот, на который я указывал в начале, — что англо-американский империализм стал теперь так же изобличать себя, как в свое время австро-германский. Мы видим, что если бы во время брестских переговоров Германия оказалась бы сколько-нибудь владеющей собой, сколько-нибудь хладнокровной, способной воздерживаться от авантюр, она могла бы удержать свое господство, могла бы завоевать себе, несомненно, выгодное положение на западе. Она этого не сделала потому, что такую машину, как война миллионов и десятков миллионов; война, которой разожжены до последней степени шовинистические страсти, война, которая связана с интересами, измеряемыми капиталистическими сотнями миллиардов рублей, — такую машину, раз ее разогнали, никаким тормозом остановить нельзя. Эта машина пошла дальше, чем сами германские империалисты хотели, и их раздавила. Они увязли, они оказались в положении человека, который обожрался, идя тем самым к своей гибели. И вот теперь у нас на глазах в этом весьма некрасивом, но с точки зрения революционного пролетариата весьма полезном состоянии оказался английский и американский империализм. Можно было думать, что они имеют гораздо больше политического опыта, чем Германия, и уже сотни лет пережившие самый тяжелый период своей истории: здесь люди, привыкшие к управлению демократическому, где управляют не какие-нибудь юнкера. Можно было думать, что эти люди сохранят хладнокровие. Если бы мы рассуждали с точки зрения индивидуальной, способны ли они быть хладнокровными с точки зрения демократии вообще, как филистеры буржуазии, профессора, которые ничего не поняли в борьбе империализма и рабочего класса, если бы мы рассуждали с точки зрения демократии вообще, мы должны были бы сказать, что Англия и Америка — страны, где демократия воспитана веками, что там буржуазия сумеет удержаться. Если бы она теперь удержалась какими-либо мероприятиями, то это было бы, во всяком случае, на довольно продолжительный срок. Но оказывается, что с ними повторяется то же самое, что случилось с военно-деспотической Германией. В этой империалистической войне — громадное различие между Россией и республиканскими странами. Империалистическая война такая кровавая, хищническая, зверская, что она даже эти важней-

шие различия стерла; она приравняла свободнейшую демократию Америки и полувоенно-деспотическую Германию.

Мы видим, как Англия и Америка,— страны, имевшие больше других возможность остаться демократическими республиками, — так же дико, безумно зарвались, как Германия в свое время, и поэтому они так же быстро, а может быть и еще быстрее, приближаются к тому концу, который так успешно проделал германский империализм. Сначала он невероятно раздулся на три четверти Европы, разжирел, а потом он тут же лопнул, оставляя страшнейшее зловоние. И к этому концу мчится теперь английский и американский империализм. Чтобы в этом убедиться, достаточно бросить хотя бы беглый взгляд на те условия перемирия и мира, который теперь освободители народов от германского империализма, англичане и американцы, шлют побежденным народам. Возьмите Болгарию. Казалось бы, что такая страна, как Болгария, колоссу англо-американского империализма ведь страшна быть не могла. Однако революция в этой маленькой, слабой, совершенно беспомощной стране заставила англо-американцев потерять голову и поставить условия перемирия, которые равны оккупации. Там теперь, где провозглашена крестьянская республика, в Софии, этом важном железнодорожном пути, все железные дороги заняты англо-американскими войсками. Им приходится бороться с крестьянской республикой маленькой страны. С точки зрения военной, это — пустяки. Люди, которые стоят на точке зрения буржуазии старого господствующего класса, старых военных отношений, они только презрительно улыбаются. Ну, что значит этот пигмей — Болгария: — против англо-американских сил? С военной точки зрения — ничто, а с точки зрения революционной — очень много. Это не колония, где привыкли побежденных вырезывать миллионами и миллионами. Ведь англичане и американцы считают это только водворением порядка, внедрением цивилизации и христианства в недра диких африканцев. Это им не центральная Африка; тут солдаты, как ни сильна была бы их армия,—тут солдаты разлагаются, когда они встречают революцию. Что это не фраза, это доказывает Германия. В Германии, во всяком случае, в смысле дисциплины, солдаты были образцом. Когда германцы шли на Украину, то здесь, кроме дисциплины, действовали другие факты. Изголодавшийся немецкий солдат шел за хлебом, и требовать от него, чтобы он не слишком грабил хлеб, по человеческим условиям, неправдоподобно. Тем более мы знаем, что в этой стране они больше всего заразились духом русской революции. Это отлично поняла буржуазия Германии, и это заставило Вильгельма метаться из стороны в сторону. Ошибаются Гогенцоллерны, если воображают, что Германия прольет хоть каплю крови за их интересы. Вот каков был результат политики вооруженного до зу-

бов немецкого империализма. И это повторяется теперь и с Англией. Уже начинается разложение среди англо-американской армии; оно началось с тех пор, когда она стала свирепствовать по отношению к Болгарии. А ведь это только начало. За Болгарией пошла Австрия. Позвольте вам прочесть несколько пунктов из тех условий, которые диктуют победители англо-американского империализма. Это люди, которые больше всего накричали трудящимся массам, что они ведут освободительную войну, что их главная цель — раздавить прусский милитаризм, который грозит распространить казарменный строй на все страны. Они накричали, что они ведут освободительную войну. Это был обман. Вы знаете, когда буржуазные адвокаты, эти парламентарии, которые всю жизнь учились, как надувать, не краснея, когда им приходилось надувать друг друга, — это легко; но когда приходится таким образом надувать рабочих, этот обман не проходит даром. Политиканы, парламентарии, эти деятели Англии и Америки, они в этом искусны. Их обман не тронет нисколько: рабочие массы, которые они разжигали во имя свободы, опомнятся сразу, и это еще скажется, когда они в массовом масштабе, не из прокламаций, которые содействуют, но не двигают настоящим образом революции, а из собственного опыта увидят, кто их обманывает, когда они увидят условия мира с Австрией.

Вот мир, который навязывают теперь государству сравнительно слабому, уже сейчас распадающемуся, те, которые кричали, что большевики изменники, потому что подписывают Брестский мир! Когда немцы хотели послать сюда в Москву своих солдат, мы сказали, что лучше ляжем все в боях, но никогда на это не согласимся. Мы говорили себе, что тяжелы будут жертвы, которые должны будут принести оккупированные области, но все знают, как Советская Россия помогала и снабжала их необходимым. А теперь демократические войска Англии и Франции должны будут служить «для поддержания порядка», — и это говорится, когда в Болгарии и Сербии Советы рабочих депутатов, когда в Вене и Будапеште Советы рабочих депутатов. Мы знаем, что это за порядок. Это значит, что англо-американские войска призываются играть роль душителей и палачей всемирной революции.

Товарищи, когда русские крепостные войска в 48 году шли душить венгерскую революцию, это могло им сойти, потому что эти войска были крепостными; это могло сойти по отношению к Польше, но чтобы народ, который свободой владел уже в течение столетия, в котором разжигали ненависть против германского империализма, говоря, что это зверь, которого необходимо удушить, не понял, что англо-американский империализм такой же зверь, по отношению к которому справедливость может быть только в том, чтобы удушить его равным образом, этого быть не может!

И вот история теперь со злобной иронией, которая истории

свойственна, дошла до того, что после разоблачения германского империализма пришла очередь англо-французскому, который разоблачает себя до конца, и мы заявляем перед русскими, германскими, австрийскими рабочими массами: это не русские крепостные войска 48 года! Им это даром не пройдет! Они идут подавлять народ, переходящий к свободе от капитализма, душить революцию. И мы говорим с абсолютной уверенностью, что теперь этот обожравшийся зверь так же свалится в пропасть, как свалился зверь германского империализма.

Товарищи, я коснусь теперь той стороны дела, которая более всего касается нас. Я перейду к тем условиям мира, которые предстоит теперь подписать Германии. Товарищи, из комиссариата иностранных дел говорили мне, что в «Таймсе», главном органе неслыханно богатой буржуазии Англии, которая фактически вершит всю политику, уже были помещены условия, на которые Германия должна будет согласиться. От нее требуется отдать остров Гельголанд, Вильгельмсгафенский канал, отдать город Эссен, в котором производится почти все военное оборудование, уничтожить торговый флот, отдать сразу Эльзас-Лотарингию и выплатить 60 миллиардов контрибуции, в том числе значительную часть золотом, так как деньги всюду подешевели и английские купцы тоже начали считать на другую валюту. Мы видим, что для Германии они готовят мир, полный настоящего удушения, мир более насильнический, чем мир Брестский. С точки зрения материальной и своих сил, они это сделать смогут, если бы на свете не было столь неприятного для них большевизма. Они себе готовят гибель этим миром. Ведь это происходит не в центральной Африке, но в XX веке в цивилизованных странах. Если украинское население безграмотно, если дисциплинированный немецкий солдат давил украинцев, то теперь германский солдат похоронил свою дисциплину. Тем больше похоронит себя английский и американский империализм, когда он поведет такую авантюру, которая доведет их до политического краха, когда он обращает свои войска в положение душителей и жандармов всей Европы. Они давно стараются устранить Россию и поход против нее был задуман давно. Стоит только вспомнить занятие Мурмана и то, как они миллионы выкинули чехо-словакам и заключили договор с Японией, а теперь Англия отняла по договору у турок Баку, чтобы душить нас, отняв у нас сырье.

Английские войска готовы начать поход на Россию, с юга или с Дарданелл, либо через Болгарию и Румынию. Они кольцом сжимают советскую республику, они стараются порвать экономическую связь между республикой и всем миром. Для того они заставили Голландию прервать дипломатические сношения. Если Германия вытурила нашего посла из Германии, то она

действовала, если не по прямому соглашению с англо-французской политикой, то желая им услужить, чтобы они были к ней великодушны. Мы, мол, тоже выполняем обязанности палача по отношению к большевикам, вашим врагам. Товарищи, мы должны себе сказать, что главный итог международного положения можно охарактеризовать так, как мне на-днях удалось это сделать *): что никогда мы не были столь близки к международной пролетарской революции, как теперь. Мы им доказали, что, ставя ставку на международную пролетарскую революцию, никакие жертвы не могут быть слишком малы. Мы величайшие жертвы, национальные и экономические, приносили не даром. В этом отношении мы достигли успеха. Но если мы никогда не были так близки к международной революции, то никогда наше положение не было так опасно, как теперь. Империалисты были заняты друг другом. И теперь одна из группировок сметена группой англо-франко-американцев. Они главной задачей считают душить мировой большевизм, душить его главную ячейку, Российскую советскую республику. Для этого они собираются построить китайскую стену, чтобы оградиться, как карантином от чумы, от большевизма. Эти люди стараются карантином избавиться от большевизма, но этого быть не может. Если господам англо-французского империализма, этим обладателям совершеннейшей в мире техники, если им удастся построить точно китайскую стену вокруг республики, то бацилла большевизма пройдет через стены и заразит рабочих всех стран. Товарищи, пресса западно-европейского, англо-французского империализма старается изо всех сил замалчивать его положение.

Нет той лжи и клеветы, которую они не посылали бы против Советской власти. Можно сказать сейчас, что вся англо-французская и американская печать в руках капиталистов, — а она ворочает миллиардами, — что она действует вся как один, чтобы замалчивать правду о советской России, чтобы распространять ложь и клевету против нас. И несмотря на то, что военная цензура свирепствует уже годы и им удалось добиться, чтобы в прессе демократических стран не пропускать ни слова правды про Советскую республику, тем не менее нет ни одного большого рабочего собрания ни в одной стране, где бы не обнаружилось, что рабочие массы на стороне большевиков, потому что нельзя скрывать правду. Враг обвиняет нас в том, что мы осуществляем диктатуру пролетариата, да, мы этого не скрываем! И тем, что советское правительство не боится и говорит открыто, оно привлекает на свою сторону новые миллионы трудящихся, потому что осуществляет диктатуру против эксплуататоров, и трудящиеся массы видят и почерпают убеждение в том, что

*) См. настоящий том, стр. 228 — 238. *Ред.*

борьба с эксплуататорами была серьезна и что она будет доведена до серьезного конца. Несмотря на этот заговор молчания, которым нас окружает европейская печать, они до сих пор указывали на свою обязанность, указывали, что они идут на Россию потому, что Россия дала себя захватить Германии, что Россия фактически германский агент, что там, в России, люди, стоящие во главе правительства,—по их мнению,—немецкие агенты. Там каждый месяц появляются новые фальсификаторы документов, которые получают хорошую мзду, доказывая, что Ленин и Троцкий сплошь предатели и немецкие люди. Несмотря на все это, они не могут скрыть правды, и там прорываются, нет-нет, и прорываются откровенные признаки того, что эти господа империалисты не могут чувствовать себя прочно. «Эко де Пари» [69]) делает признание: «Мы идем в Россию, чтобы сломить власть большевиков». Потому что у них официальная перспектива такова, что они с Россией войны не ведут, в военные дела не вмешиваются, а только борются против германского засилия. Наши французские интернационалисты, которые публикуют в Москве газету «Третий Интернационал» [70]), привели эту цитату, и хотя нас отрезали от Парижа и Франции, хотя тут китайская стена возведена чрезвычайно искусно, а мы говорим своей буржуазии: господа французские империалисты, вы защищаться не можете. И разумеется, сотни тысяч французских рабочих эту маленькую цитату знают и не одну эту, а видят, что все заявления их правителей, их буржуазии сплошная ложь. Их собственная буржуазия проговаривается; они признают: мы хотим сломать власть большевиков. После четырехлетней кровавой войны они должны сказать своему народу: идите еще воевать против России, чтобы сломить власть большевиков, которых мы ненавидим за то, что они нам должны 17 миллиардов и не хотят их уплачивать, за то, что они невежливо обращаются с капиталистами, помещиками и царями. Цивилизованные народы, которые довели себя до такого положения, что им приходится говорить это, обнаруживают прежде всего то, что их политика идет крахом, и как они сильны ни были бы в военном отношении, мы с полным спокойствием смотрим на эту силу и говорим: а у вас, в вашем тылу есть еще более грозный враг — это те народные массы, которые вы до сих пор обманывали, и у вас язык иссяк от лжи и клеветы на советскую Россию. Другое подобное сведение из английской буржуазной газеты «Манчестер Гардиен» [71]) от 23 октября. Это пишет буржуазная английская газета: «если союзные армии тоже остаются в России и будут продолжать военные операции, единственной целью является вызвать внутренний переворот в России» [72]).

Союзные правительства должны поэтому либо положить конец своим военным операциям, либо заявить, что они находятся

в войне с большевиками. Повторяю, важность этой маленькой цитаты, которая звучит для нас как революционный призыв, как самое сильное революционное воззвание, важность в том, что пишет буржуазная газета, которая сама является врагом социалистов, но она чувствует, что дальше скрыть правды нельзя. Если буржуазные газеты говорят так, вы можете себе представить, что говорят и как думают английские рабочие массы. Вы знаете, как у нас во время существования царизма, до революции 1905 или 1917 годов, каким языком говорили либералы. Вы знаете, что этот язык либералов означал приближение взрыва в пролетарских революционных массах. Поэтому из языка этих буржуазных английских либералов вы сделаете заключение о том, что делается в настроении, умах и сердцах английских, французских и американских рабочих. Вот почему вы должны без всяких прикрытий сказать себе ту тяжелую правду, которая характеризует наше международное положение. Международная революция близка, но таких расписаний, по которым революция развивалась бы, не существует; мы, пережившие две революции, хорошо знаем это. Но мы знаем, что если империалистам международной революции не задержать, то поражения отдельных стран и еще более тяжелые жертвы возможны. Они знают, что Россия в муках пролетарской революции, но они ошибаются, если думают, что, задавив один очаг революции, они задавят революцию в других странах.

Что касается нас, мы должны сказать, что положение более опасное, чем когда бы то ни было, что нужно еще и еще раз напрячь свои силы. После того, как мы сделали за год прочный фундамент, создали социалистическую Красную армию на основе новой дисциплины, после этого мы с уверенностью говорим себе, что мы можем и должны продолжать эту работу и должны говорить на всех собраниях, в любом советском учреждении, в профессиональных союзах, на собраниях комитетов бедноты: товарищи, мы прожили год и достигли успеха, но это еще мало по сравнению с тем могучим врагом, который идет на нас. Это враг всемирный, победивший весь мир, англо-французский империализм. Мы идем в борьбу с ним не потому, чтобы мы думали в политическом и техническом отношениях сравняться с передовыми странами Европы. Нет, но мы знаем, что этот враг идет в той же плоскости, в какой пришел англо-французский империализм, который теперь окутал Турцию, захватил Болгарию и занят тем, чтобы оккупировать всю Австро-Венгрию и водворить царский, жандармский порядок; мы знаем, что он идет к гибели. Мы знаем, что это исторический факт, и вот почему мы, нисколько не задаваясь целями, явно несообразными, говорим себе: англо-французскому империализму мы отпор дать можем!

Каждый шаг укрепления нашей Красной армии будет иметь эхом десять шагов разложения и революции в этом кажущемся столь сильным противнике. Поэтому нет ни малейшего основания предаваться отчаянию или пессимизму. Мы знаем, что опасность велика. Может быть, нам судьба готовит еще более тяжелые жертвы. Положим, одну страну раздавить могут, но они никогда не раздавят международной пролетарской революции, они еще больше ее разожгут и они все в ней погибнут!

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ-КОНЦЕРТЕ СОТРУДНИКОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ 7 НОЯБРЯ 1918 Г.

ЗАПИСЬ УЧАСТНИКА ВЕЧЕРА.

Товарищи, чествуя годовщину нашей революции, мне хочется остановиться на тяжелой деятельности чрезвычайных комиссий.

Нет ничего удивительного в том, что не только от врагов, но часто и от друзей мы слышим нападки на деятельность ЧК. Тяжелую задачу мы взяли на себя. Когда мы взяли управление страной, нам, естественно, пришлось сделать много ошибок и естественно, что ошибки чрезвычайных комиссий больше всего бросаются в глаза. Обывательская интеллигенция подхватывает эти ошибки, не желая вникнуть глубже в сущность дела. Что удивляет меня в воплях об ошибках ЧК,— это неумение поставить вопрос в большом масштабе. У нас выхватывают отдельные ошибки ЧК, плачут и носятся с ними.

Мы же говорим: на ошибках мы учимся. Как во всех областях, так и в этой мы говорим, что самокритикой мы научимся. Дело, конечно, не в составе работников ЧК, а в характере деятельности их, где требуется решительность, быстрота, а главное — верность. Когда я гляжу на деятельность ЧК и сопоставляю ее с нападками, я говорю: это обывательские толки, ничего не стоящие. Это напоминает мне проповедь Каутского о диктатуре, равняющуюся поддержке буржуазии. Мы же говорим из опыта, что экспроприация буржуазии достается тяжелой борьбой — диктатурой.

Маркс говорил: между капитализмом и коммунизмом лежит революционная диктатура пролетариата. Чем больше он, пролетариат, будет давить буржуазию, тем бешенее будет ее отпор. Мы знаем, как во Франции в 48 году расправлялись с пролетариями, и, когда нас упрекают в жестокости, мы недоумеваем, как люди забывают элементарнейший марксизм. Мы не забыли восстания юнкеров в октябре, мы не должны забывать про ряд подготовляющихся восстаний. Нам приходится, с одной стороны,

учиться творческой работе, а с другой,— сломить сопротивление буржуазии. Финляндская белая гвардия не постеснялась расстреливать рабочих, несмотря на ее демократичность. В глубоких массах укрепилась мысль о необходимости диктатуры, несмотря на ее тяжесть и трудность. Вполне понятно примазывание к ЧК чуждых элементов. Самокритикой мы их отшибем. Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неоценима, иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров,— нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом.

«Правда» № 290, 18 декабря 1918 г.

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКИ БОРЦАМ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 7 НОЯБРЯ 1918 Г.

Товарищи! Мы открываем памятник передовым борцам Октябрьской революции 1917 года. Лучшие люди из трудящихся масс отдали свою жизнь, начав восстание за освобождение народов от империализма, за прекращение войн между народами, за свержение господства капитала, за социализм.

Товарищи! История России за целый ряд десятилетий нового времени показывает нам длинный мартиролог революционеров. Тысячи и тысячи гибли в борьбе с царизмом. Их гибель будила новых борцов, поднимала на борьбу все более и более широкие массы.

На долю павших в октябрьские дни прошлого года товарищей досталось великое счастье победы. Величайшая почесть, о которой мечтали революционные вожди человечества, оказалась их достоянием: эта почесть состояла в том, что по телам доблестно павших в бою товарищей прошли тысячи и миллионы новых борцов, столь же бесстрашных, обеспечивших этим героизмом массе победу.

Теперь во всех странах кипит и бурлит возмущение рабочих. В целом ряде стран поднимается рабочая социалистическая революция. Капиталисты всего мира в ужасе и озлоблении спешат соединиться для подавления восстания. И особенную ненависть внушает им Социалистическая Советская Республика России. На нас готовится поход объединенных империалистов всех стран, на нас обрушиваются новые битвы, нас ждут новые жертвы.

Товарищи! Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим, лозунгом восставших рабочих всех стран. Этот лозунг — «победа или смерть».

И с этим лозунгом борцы международной социалистической революции пролетариата будут непобедимы.

Впервые напечатано в 1926 г.
в Собрании сочинений Н. Ленина,
том XX, ч. II.

Печатается по рукописи.

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ ПАМЯТНИКА МАРКСУ И ЭНГЕЛЬСУ 7 НОЯБРЯ 1918 Г.

Мы открываем памятник вождям всемирной рабочей революции, Марксу и Энгельсу.

Века и века страдало и томилось человечество под гнетом ничтожной кучки эксплуататоров, которые измывались над миллионами трудящихся. Но если эксплуататоры прежней эпохи — помещики — грабили и теснили крепостных крестьян, раздробленных, распыленных, темных, — то эксплуататоры нового времени, капиталисты, увидали перед собой, среди угнетенных масс, передовой отряд этих масс, городских, фабрично-заводских, промышленных рабочих. Их объединила фабрика, их просветила городская жизнь, их закалила общая стачечная борьба и революционные выступления.

Великая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они научным анализом доказали неизбежность краха капитализма и перехода его к коммунизму, в котором не будет больше эксплуатации человека человеком.

Великая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они указали пролетариям всех стран их роль, их задачу, их призвание: подняться первыми на революционную борьбу против капитала, объединить вокруг себя в этой борьбе *всех* трудящихся и эксплуатируемых.

Мы переживаем счастливое время, когда это предвидение великих социалистов стало сбываться. Мы видим все, как в целом ряде стран занимается заря международной социалистической революции пролетариата. Несказанные ужасы империалистской бойни народов вызывают всюду геройский подъем угнетенных масс, удесятеряют их силы в борьбе за освобождение.

Пусть же памятники Марксу и Энгельсу еще и еще раз напоминают миллионам рабочих и крестьян, что мы не одиноки в своей борьбе. Рядом с нами поднимаются рабочие более передовых стран. Их и нас ждут еще тяжелые битвы. В общей борьбе будет сломан гнет капитала, будет окончательно завоеван социализм!

*Впервые напечатано в 1926 г.
в Собрании сочинений Н. Ленина,
том XX, ч. II.*

Печатается по рукописи.

ИНСТ. ИМ. ЛЕНИНА
ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ ГРУППА № 2539
КОЛИЧ. ЛИСТОВ /
ЛИСТ № 1

Первая страница речи при открытии памятника Марксу и Энгельсу, написанная В. И. Лениным 7 ноября 1918 г.

Уменьшено

РЕЧЬ К ДЕЛЕГАТАМ КОМИТЕТОВ БЕДНОТЫ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ 8 НОЯБРЯ 1918 Г.

Организация деревенской бедноты, товарищи, стоит перед нами как самый важный вопрос нашего внутреннего строительства и даже как самый главный вопрос всей нашей революции.

Октябрьская революция поставила себе задачу вырвать из рук капиталистов фабрики и заводы, чтобы сделать орудия производства общенародными и, передав всю землю крестьянам, перестроить сельское хозяйство на социалистических началах.

Первую часть задачи было гораздо легче выполнить, чем вторую. В городах революция имела дело с крупным производством, на котором заняты десятки и сотни тысяч рабочих. Фабрики и заводы принадлежали небольшому числу капиталистов, с которыми рабочим нетрудно было справиться. Рабочие имели уже долгий опыт от прежней борьбы с капиталистами, которая научила их действовать дружно, решительно и организованно. Кроме того, фабрику или завод делить не нужно, важно лишь, чтобы все производство строилось в интересах рабочего класса и крестьянства, чтобы продукты труда не попадали в руки капиталистов.

Совсем иначе обстоит дело с землей. Здесь для победы социализма необходим был ряд переходных мер. Сразу из множества мелких крестьянских хозяйств сделать крупное невозможно. Сразу добиться того, чтобы сельское хозяйство, которое велось вразброд, стало общественным и приняло формы крупного, общегосударственного производства, при котором продукты труда переходили бы в равномерное и справедливое пользование всего трудового народа при всеобщей и равномерной трудовой повинности, — сразу этого добиться, в короткий срок, конечно, невозможно.

В то время, как фабрично-заводские рабочие в городах уже успели окончательно скинуть капиталистов и сбросить с себя ярмо эксплуатации, в деревне только началась настоящая борьба с эксплуатацией.

После Октябрьской революции мы добили помещика, мы отняли у него землю, но этим борьба в деревне еще не закончилась. Завоевание земли, как и всякое завоевание трудящихся, прочно только тогда, когда оно опирается на самостоятельность самих трудящихся, на их собственную организацию, на их выдержку и революционную стойкость.

Была ли эта организация у трудящихся крестьян?

К сожалению, нет, и в этом корень, причина всей трудности борьбы.

Крестьяне, не пользующиеся чужим трудом, не наживающиеся на счет других, разумеется, всегда будут поддерживать то, чтобы земля досталась всем поровну, чтобы все трудились, чтобы из владения землей не делать эксплуатации и для этого прибирать к своим рукам как можно больше участков. Другое дело кулаки и мироеды, которые на войне разжились, которые пользовались голодом, чтобы продавать за баснословную цену хлеб, прятали его, выжидая нового повышения цен, и всячески стараются теперь разбогатеть на народном несчастьи, на голоде бедняков деревни и городских рабочих.

Они, кулаки и мироеды — не менее страшные враги, чем капиталисты и помещики. И если кулак останется нетронутым, если мироедов мы не победим, то неминуемо будет опять царь и капиталист.

Опыт всех революций, которые до сих пор были в Европе, наглядно подтверждает, что революция неизбежно терпит поражение, если крестьянство не побеждает кулацкого засилья.

Все европейские революции кончались ничем именно потому, что деревня не умела справляться с своими врагами. Рабочие в городах свергали царей (в Англии и Франции царей казнили еще несколько сот лет тому назад, это мы только опоздали с нашим царем), и, однако, после некоторого времени воцарялись старые порядки. Это потому, что тогда не было еще даже в городах крупного производства, которое объединяло бы на фабриках и заводах миллионы рабочих и сплачивало их в такую сильную рать, которая без поддержки крестьян смогла бы устоять против натиска и капиталистов, и кулаков.

А беднейшее крестьянство не было организовано, само оно с кулаками плохо боролось, и вследствие этого революция терпела поражение также и в городах.

Теперь положение иное. За последние двести лет крупное производство настолько сильно развилось и покрыло все страны такой сетью громадных фабрик и заводов с тысячами и десятками тысяч рабочих, что теперь всюду в городах уже создался большой кадр организованных рабочих, пролетариата, которые представляют достаточную силу для окончательной победы над буржуазией, над капиталистами.

В прежних революциях крестьянской бедноте в ее тяжелой борьбе с кулаками не на кого было опереться.

Организованный пролетариат — более сильный и более опытный, чем крестьянство — этот опыт дала ему прежняя борьба, теперь стоит в России у власти, владея всеми орудиями производства, всеми фабриками и заводами, железными дорогами, судами и т. д.

Теперь беднейшее крестьянство имеет надежного и сильного союзника в борьбе против кулачья. Беднейшее крестьянство знает, что город стоит за него, что пролетариат ему поможет всем, чем может — и уже помогает на деле. Это показали недавние события.

Все вы помните, товарищи, в каком опасном положении находилась революция в июле этого года. Чехо-словацкое восстание разрасталось, голод в городах усиливался, а кулаки в деревне становились все наглее, все яростнее нападали на город, на Советскую власть, на бедняков.

Мы призвали деревенскую бедноту к организации, мы приступили к строительству комитетов и организации продовольственных рабочих отрядов. Левые эсеры подняли восстание. Они говорили, что в комитетах бедноты сидят лодыри, что рабочие грабят хлеб у трудовых крестьян.

А мы им отвечали, что они защищают кулачье, которое поняло, что в борьбе с Советской властью, кроме оружия, можно еще действовать измором. Они говорили: «лодыри»,— а мы спрашивали, да почему тот или иной стал «лодырем», почему он опустился, почему он обнищал, почему он спился? не из-за кулаков разве? Кулаки вместе с левыми эсерами кричали о «лодырях», а сами загребали хлеб, прятали его, спекулировали, желая разбогатеть на голоде и страданиях рабочих.

Кулаки выжимали все соки из бедняков, они пользовались чужим трудом, и в то же время кричали: «лодыри»!

Кулаки с нетерпением ждали чехо-словаков, они охотно посадили бы нового царя, чтобы безнаказанно продолжать эксплуатацию, чтобы попрежнему стоять над батраком, попрежнему наживаться.

И все спасение было в том, что деревня объединилась с городом, что пролетарские и полупролетарские—не пользующиеся чужим трудом—элементы деревни вместе с городскими рабочими открыли поход на кулаков и мироедов.

В деле этого объединения особенно много пришлось сделать на почве продовольствия. Рабочее население в городах неимоверно страдало от голода, а кулаки говорили себе:

— Еще немного подержу свой хлеб, авось, дороже заплатят

Кулакам не к спеху, конечно: денег у них достаточно; они сами рассказывают, что керенки у них накопились целыми фунтами.

Но такие люди, которые могут во время голода прятать и накапливать хлеб,— злейшие преступники. С ними надо бороться, как с худшими врагами народа.

И эту борьбу в деревне мы начали.

Меньшевики и эсеры пугали нас расколом, который мы внесем в деревню организацией комитетов бедноты. Но что значит не расколоть деревню? Это значит — оставить ее под кулаком. Но этого-то мы и не хотим, и потому решили деревню расколоть. Мы говорили: мы потеряем кулаков, это правда, этого несчастья не скроешь, но мы выиграем тысячи и миллионы бедняков, которые станут на сторону рабочих.

Так и выходит. Раскол в деревне только яснее показал, где бедняки, где средние крестьяне, не пользующиеся чужим трудом, а где мироеды и кулаки.

Рабочие приносили и приносят бедноте свою помощь в борьбе с кулаками. В гражданской войне, разгоревшейся в деревне, рабочие стоят на стороне беднейшего крестьянства, как стали они и тогда, когда проводили эсеровский закон о социализации земли.

Мы, большевики, были противниками закона о социализации земли. Но все же мы его подписывали, потому что мы не хотели идти против воли большинства крестьянства. Воля большинства для нас всегда обязательна, и идти против этой воли — значит совершать измену революции.

Мы не хотели навязывать крестьянству чуждой ему мысли о никчемности уравнительного разделения земли. Мы считали, что лучше, если сами трудящиеся крестьяне собственным горбом, на собственной шкуре увидят, что уравнительная дележка — вздор. Только тогда мы бы могли их спросить, где же выход из того разорения, из того кулацкого засилья, что происходит на почве дележки земли?

Дележка хороша была только для начала. Она должна была показать, что земля отходит от помещиков, что она переходит к крестьянам. Но этого недостаточно. Выход только в общественной обработке земли.

Этого сознания у нас не было, но жизнь сама приводит нас к этому убеждению. Коммуны, артельная обработка, товарищества крестьян — вот где спасение от невыгод мелкого хозяйства, вот в чем средство поднятия и улучшения хозяйства, экономия сил и борьбы с кулачеством, тунеядством и эксплуатацией.

Мы хорошо знали, что крестьяне живут, точно вросшие в землю: крестьяне боятся новшеств, они упорно держатся старины. Мы знали, что крестьяне только тогда поверят в пользу той или иной меры, когда они собственным умом дойдут до понимания, до сознания этой пользы. И потому мы помогли разделу земли, хотя и сознавали, что не в этом выход.

Но теперь бедняки сами начинают с нами соглашаться. Жизнь показывает им, что там, где нужно, скажем, 10 плугов, потому что земля разделена на 100 участков, при коммунальном хозяйстве можно обойтись меньшим количеством плугов, ибо земля не дробится так сильно. Коммуна позволяет целой артели, целому товариществу сделать такие улучшения в хозяйстве, какие недоступны отдельным мелким собственникам и так далее.

Конечно, не сразу удастся перейти всюду к общественному землепользованию. Кулаки будут всячески сопротивляться этому, да и сами крестьяне часто упорно противятся проведению коммунальных начал в сельском хозяйстве. Но чем дальше и чем больше на примерах, на собственном опыте крестьянство будет убеждаться в преимуществах коммун, тем успешнее пойдет дело.

В этом деле громадную роль играют комбеды. Необходимо, чтобы комбеды покрыли всю Россию. Развитие комбедов идет усиленно уже давно. В Петрограде на-днях состоялся съезд комбедов Северной области. Вместо ожидавшихся 7.000 представителей явилось 20.000, и отведенный для собрания зал не мог вместить всех собравшихся. Выручила хорошая погода, которая позволила устроить собрание на площади перед Зимним дворцом.

Этот съезд показал, что гражданская война в деревне понята правильно: беднота объединяется и дружными рядами борется против кулаков, богатеев и мироедов.

Центральный комитет нашей партии выработал план преобразования комбедов, который пойдет на утверждение VI съезда советов. Мы постановили, что комбеды и советы в деревнях не должны существовать порознь. Иначе получится склока и лишнее словоговорение. Мы сольем комбеды с советами, мы сделаем так, чтобы комбеды стали советами.

Мы знаем, что и в комбеды иногда пролезают кулаки. Если это будет продолжаться, то и к комбедам будет такое же отношение со стороны бедноты, как к кулацким советам Керенского и Авксентьева. Переменой клички никого не обманешь. Ввиду этого предположено произвести перевыборы в комбеды. Выбирать в комбеды имеет право только тот, кто не эксплуатирует чужого труда, кто не грабит на народном голоде, кто не спекулирует излишками хлеба и не прячет его. Кулакам и мироедам в пролетарских комбедах места быть не должно.

Советская власть решила отпустить в особый фонд 1 миллиард рублей для поднятия сельского хозяйства. Всем существующим и вновь создающимся коммунам будет оказываться денежная и техническая помощь.

Если понадобятся интеллигенты-специалисты, мы их пошлем. Они в большинстве хоть и контр-революционеры, но комбеды сумеют их запречь, и они будут работать для народа не хуже,

чем работали раньше для эксплуататоров. Вообще, наши интеллигенты уже успели убедиться, что своим саботажем, умышленной порчей работы им не скинуть рабочей власти.

Не страшен нам и иностранный империализм. Германия уже обожглась на Украине. Вместо 60 миллионов пудов хлеба, которые она надеялась вывезти оттуда, Германия вывезла только 9 миллионов пудов и в придачу русский большевизм, к которому она особенной симпатии не питает. Как бы то же самое не случилось и с англичанами, которым мы можем сказать: смотрите, любезные, не подавитесь!

Но опасность, однако, для нас существует, пока наши братья за рубежом еще не всюду восстали. И потому мы должны продолжать организовывать и укреплять нашу Красную армию. Особенно близко должно быть это дело деревенской бедноте, которая только под защитой нашей армии может заниматься своим внутренним хозяйством.

Товарищи, переход к новому хозяйству будет идти, может быть, медленно, но необходимо неуклонно проводить в жизнь начала коммунального хозяйства.

С кулаками надо вести борьбу энергично, ни на какие сделки с ними не идти.

С средними крестьянами мы можем работать вместе и вместе с ними бороться против кулаков. Против середняков мы ничего не имеем, они, может быть, не социалисты и социалистами не станут, но опыт им докажет пользу общественной обработки земли, и большинство из них сопротивляться не будет.

Кулакам же мы говорим: мы и против вас нечего не имеем, но отдайте ваши излишки хлеба, не спекулируйте и не эксплуатируйте чужого труда. До тех же пор, пока этого не будет, мы будем с вами вести беспощадную борьбу. У трудящихся мы ничего не отнимаем, но у тех, кто пользуется наемным трудом, кто наживается на других — у тех мы экспроприируем все.

«Беднота» № 185, 10 ноября 1918 г.

РЕЧЬ НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РАБОТНИЦ 19 НОЯБРЯ 1918 Г. [73]).

Товарищи, в некотором отношении съезд женской части пролетарской армии имеет особенно важное значение, так как женщины во всех странах всего труднее приходили в движение. Не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия.

Во всех цивилизованных странах, даже самых передовых, положение женщин таково, что не даром их называют домашними рабынями. Ни в одном капиталистическом государстве, даже самой свободной республике, нет полного равноправия женщин.

Задача Советской Республики — в первую голову уничтожить все ограничения прав женщин. Источник буржуазной грязи, подавленности, приниженности — бракоразводный процесс — советская власть уничтожила полностью.

Скоро год, как существует совершенно свободное законодательство о разводе. Мы издали декрет, который уничтожил разницу в положении брачного и внебрачного ребенка и целый ряд политических стеснений; нигде так полно не осуществлены равенство и свобода трудящихся женщин.

Мы знаем, что вся тяжесть устарелых правил взваливается на женщину рабочего класса.

Наш закон первый раз в истории вычеркнул все то, что делало женщин бесправными. Но дело не в законе. У нас в городах и фабрично-заводских местах этот закон о полной свободе брака прививается хорошо, а в деревне это часто-часто остается на бумаге. Там до сих пор преобладает церковный брак. Этим они обязаны влиянию священников, с этим злом труднее бороться, чем со старым законодательством.

Бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно; много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства. Нужно бороться путем пропаганды, путем просвещения. Внося остроту в борьбу, мы можем озлобить массу; такая борьба укрепляет деление масс по принципу религии, наша же сила в единении. Самый глубокий источник

религиозных предрассудков — это нищета и темнота; с этим злом и должны мы бороться.

Положение женщины до сих пор оставалось таковым, что его называют рабским; женщина задавлена своим домашним хозяйством, и от этого положения ее может спасти только социализм, только тогда, когда мы от мелких хозяйств перейдем к общему и к общей обработке земли.

Только тогда будет полное освобождение и раскрепощение женщин. Эта задача трудна; образуются комитеты бедноты, наступает время, когда социалистическая революция укрепляется.

Лишь теперь организуется беднейшая часть населения в деревне, и в них, в организациях бедноты, социализм приобретает прочную основу.

Раньше часто бывало, что революционным становился город, а после него выступала деревня.

Настоящий переворот опирается на деревню, и в этом его значение и сила. Из опыта всех освободительных движений замечено, что успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины. Советская власть делает все, чтобы женщина самостоятельно вела свою пролетарскую социалистическую работу.

Положение советской власти трудно постольку, поскольку империалисты всех стран ненавидят Советскую Россию и собираются на нее войной за то, что она зажгла пожар революции в целом ряде стран и сделала решительные шаги к социализму. Теперь, когда они хотят разбить революционную Россию, у них у самих начинает гореть почва под ногами. Вы знаете, как разрастается революционное движение в Германии, в Дании идет борьба рабочих с правительством, Голландия превращается в советскую республику. Революционное движение в этих маленьких странах не имеет самостоятельного значения, но особенно показательно потому, что в этих странах не было войны и там существовал самый «правовой» демократический порядок. Если такие страны приходят в движение, то это дает уверенность в том, что революционное движение охватывает весь мир.

До сих пор никакая республика не могла освободить женщину. Советская власть поможет ей. Наше дело непобедимо, так как во всех странах поднимается непобедимый рабочий класс. Это движение обозначает рост непобедимой социалистической революции.

«Правда» № 57 (298), 10 марта 1925 г.

РЕЧЬ НА СОБРАНИИ 20 НОЯБРЯ 1918 Г. [74]).

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Товарищи, мне хотелось бы сказать несколько слов по поводу одного письма, которое помещено во вчерашнем номере «Правды». Это письмо принадлежит перу одного из видных членов Учредительного собрания и партии правых эсеров — Питирима Сорокина [75]). В этом письме Сорокин обращается к своим избирателям с заявлением, что он слагает с себя звание члена Учредительного собрания и отказывается от всякого участия в политике. Это письмо представляет из себя не только чрезвычайно интересный человеческий документ, но оно имеет и огромное политическое значение.

Как известно, Питирим Сорокин был главным сотрудником право-эсеровской «Воли Народа» [76]), которая шла об руку с кадетами. Это признание в напечатанном письме означает крупный поворот, перелом, который происходит в среде, до сих пор резко-враждебно относившейся к Советской власти. Если он говорит, что во многих случаях политика некоторых деятелей бывает общественно вредной, то это доказывает, что Питирим Сорокин открыто и честно признает, наконец, что вся политика правых эсеров была общественно вредна.

Многие представители этой партии начинают, в связи с последними событиями, понимать, что наступает время, когда обнажается вся правильность большевистской позиции и разоблачаются все промахи и ошибки ее непримиримых врагов.

Письмо Сорокина доказывает, что в целом ряде враждующих с нами групп мы можем рассчитывать в данный момент, по крайней мере, на их нейтральное отношение к Советской власти. Многих отталкивал от нас чудовищный Брестский мир, многие не верили в революцию, многие свято верили в чистые стремления союзников, а теперь все это разоблачилось, и все видят, что пресловутые союзники, продиктовавшие Германии еще более чудовищные условия, чем условия Брестского мира, являются такими же грабителями, как немецкие империалисты.

Союзники, как известно, являются сторонниками монархического строя в России, они в Архангельске, например, активно поддерживают монархистов. Англичане идут на Россию с тем, чтобы занять место разгромленных немецких империалистов. Все это открыло глаза даже самым закоренелым и темным противникам революции.

До настоящего времени многие слепцы шли за Учредительным собранием, мы же всегда говорили, что Учредительное собрание является лозунгом помещиков, монархистов, всей русской буржуазии во главе с Милюковым, который продает Россию направо и налево — кто даст подороже.

Американская республика душит рабочий класс. Теперь все узнали, что такое демократическая республика. Теперь ясно для всех, что может существовать либо победивший империализм, либо Советская власть — середины нет.

«Правда» № 253, 22 ноября 1918 г.

ЦЕННЫЕ ПРИЗНАНИЯ ПИТИРИМА СОРОКИНА.

«Правда» поместила сегодня замечательно интересное письмо Питирима Сорокина, на которое надо обратить особое внимание всех коммунистов. В письме этом, напечатанном в «Известиях Северо-Двинского Исполнительного Комитета», Питирим Сорокин заявляет о своем выходе из партии правых эсеров и о сложении им с себя звания члена Учредительного собрания. Мотивы автора письма сводятся к тому, что он затрудняется не только другим, но и самому себе указывать спасительные политические рецепты и потому «отказывается от всякой политики». «Истекший год революции, — пишет Питирим Сорокин, — научил меня одной истине: политики могут ошибаться, политика может быть общественно полезна, но может быть и общественно вредна, работа же в области науки и народного просвещения всегда полезна, всегда нужна народу»... Подпись под письмом: «Приват-доцент Петербургского Университета и Психо-Неврологического Института, бывший член Учредительного собрания и бывший член партии эсеров Питирим Сорокин».

Это письмо заслуживает прежде всего внимания, как чрезвычайно интересный «человеческий документ». Не очень часто встречается такая искренность и прямота, с которой П. Сорокин признается в ошибочности своей политики. Едва ли не в большинстве случаев политики, убеждавшиеся в неправильности занятой ими линии, пытаются прикрыть свой поворот, затушевать его, «выдумать» какие-нибудь более или менее посторонние мотивы и т. п. Открытое и честное признание своей политической ошибки само уже по себе является крупным политическим актом. Питирим Сорокин неправ, когда пишет, что работа в области науки «всегда полезна». Ибо ошибки бывают и в этой области, примеры упорной проповеди реакционных, скажем, философских взглядов людьми, заведомо не реакционными, есть и в русской литературе. С другой стороны, открытое заявление видного, т.-е. занимавшего известный всему народу и ответственный политический пост, человека об его отказе от политики —

есть тоже политика. Честное признание политической ошибки приносит очень большую политическую пользу многим людям, если дело идет об ошибке, которую разделяли целые партии, имевшие в свое время влияние на массы.

Политическое значение письма Питирима Сорокина именно в настоящий момент чрезвычайно велико. Оно дает нам всем «урок», который надо хорошенько продумать и усвоить.

Всякому марксисту давно известна та истина, что *решающими* силами во всяком капиталистическом обществе могут быть только пролетариат и буржуазия, тогда как все социальные элементы, стоящие между этими классами и подходящие под экономическую рубрику мелкой буржуазии, *неизбежно* колеблются между этими решающими силами. Но от книжного признания этой истины до умения делать вытекающие из нее выводы в сложной обстановке практической действительности — дистанция огромного размера.

Питирим Сорокин — представитель чрезвычайно широкого общественного и политического течения, меньшевистско-эсеровского. Что это — одно течение, что разница между меньшевиками и эсерами, с точки зрения их отношения к борьбе между буржуазией и пролетариатом, несущественная, это доказали особенно убедительно и особенно наглядно события русской революции с февраля 1917 года. Меньшевики и эсеры — разновидности мелкобуржуазной демократии, такова экономическая сущность и основная политическая характеристика данного течения. Из истории передовых стран известно, как часто это течение, в его молодости, окрашивается в «социалистический» цвет.

Спрашивается, что̀ оттолкнуло особенно сильно представителей этого течения от большевиков, от пролетарской революции несколько месяцев тому назад и что вызывает у них теперь поворот от враждебности к нейтральности? Совершенно очевидно, что причиной поворота явился, во-первых, крах германского империализма, связанный с революцией в Германии и других странах, а равно с разоблачением англо-французского империализма; во-вторых, разоблачение буржуазно-демократических иллюзий.

Остановимся на первой причине. Патриотизм — одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств. К числу особенно больших, можно сказать, исключительных трудностей нашей пролетарской революции принадлежало то обстоятельство, что ей пришлось пройти полосу самого резкого расхождения с патриотизмом, полосу Брестского мира. Горечь, озлобление, бешеное негодование, вызванные этим миром, понятны, и само собою разумеется, что мы, марксисты, могли ждать только от сознательного авангарда пролетариата понимания той истины, что мы приносим и должны принести величайшие национальные жертвы ради высшего инте-

реса всемирной пролетарской революции. Идеологам, не принадлежащим к марксизму, и широким массам трудящихся, не принадлежащим к вышколенному долгой стачечной и революционной школой пролетариату, неоткуда было взять ни твердого убеждения в назревании этой революции, ни безусловной преданности ей. В лучшем случае наша тактика казалась им фантастикой, фанатизмом, авантюрой, принесением в жертву очевиднейших реальных интересов сотен миллионов народов отвлеченной, утопической или сомнительной надежде на то, что будет в других странах. А мелкая буржуазия, по ее экономическому положению, более патриотична и по сравнению с буржуазией, и по сравнению с пролетариатом.

А вышло так, как мы говорили.

Германский империализм, который казался единственным врагом, рухнул. Германская революция, которая казалась «грезофарсом» (употребляя известное выражение Плеханова), стала фактом. Англо-французский империализм, который фантазия мелкобуржуазных демократов рисовала в виде друга демократии, защитника угнетенных, оказался на деле зверем, навязавшим Германской республике и народам Австрии условия, хуже брестских, — зверем, использующим войска «свободных» республиканцев, французов и американцев, для роли жандармов и палачей, душителей независимости и свободы малых и слабых наций. Всемирная история с беспощадной основательностью и откровенностью разоблачила этот империализм. Русским патриотам, ничего не желавшим знать, кроме непосредственных (и по старому понимаемых) выгод своего отечества, факты мировой истории показали, что превращение нашей русской революции в социалистическую было не авантюрой, а необходимостью, ибо *иного* выбора *не оказалось:* англо-французский и американский империализм *неизбежно* задушит независимость и свободу России, *если* не победит всемирная социалистическая революция, всемирный большевизм.

Факты — упрямая вещь, — говорит английская пословица. А нам пришлось за последние месяцы пережить такие факты, которые означают величайший перелом всей мировой истории. Эти факты заставляют мелкобуржуазных демократов России, несмотря на их ненависть к большевизму, воспитанную историей нашей внутри-партийной борьбы, повернуть от враждебности к большевизму сначала к нейтральности, потом к поддержке его. Миновали те объективные условия, которые особенно резко оттолкнули от нас таких демократов-патриотов. Наступили такие мировые объективные условия, которые *заставляют* их повернуть в нашу сторону. Поворот Питирима Сорокина отнюдь не случайность, а проявление неизбежного поворота *целого класса,* всей мелкобуржуазной демократии. Тот не марксист, тот плохой социалист, кто не сумеет учесть и использовать этого.

*

Далее. Вера в универсальное, всеспасающее действие «демократии» *вообще,* непонимание того, что она является *буржуазной* демократией, исторически ограниченной в своей полезности, в своей необходимости, такая вера и такое непонимание держались во всех странах веками и десятилетиями, особенно прочно среди мелкой буржуазии. Крупный буржуа прошел огонь, воду и медные трубы, он знает, что демократическая республика, как и всякая другая форма государства, при капитализме есть не что иное, как машина для подавления пролетариата. Крупный буржуа *знает* это из своего интимнейшего знакомства с настоящими руководителями и с наиболее глубокими (зачастую именно в силу этого наиболее прикрытыми) пружинами *всякой* буржуазной государственной машины. Мелкий буржуа, по своему экономическому положению, по всем условиям своей жизни меньше способен усвоить эту истину, даже держится иллюзий насчет того, будто демократическая республика означает «чистую демократию», «свободное народное государство», внеклассовое или надклассовое народовластие, чистое проявление всенародной воли и так далее и тому подобное. Прочность этих предрассудков мелкобуржуазного демократа неизбежно вызывается тем, что он дальше стоит от острой классовой борьбы, от биржи, от «настоящей» политики, и было бы совершенно немарксистским ожидать, будто одной пропагандой и в скорое время можно искоренить эти предрассудки.

Но всемирная история несется теперь с такой бешеной быстротой и разрушает все привычное, все старое молотом такой необъятной мощности, кризисами такой невиданной силы, что самые прочные предрассудки не выдерживают. Естественно и неизбежно возникла у «демократа вообще» наивная вера в Учредилку, наивное противоположение «чистой демократии» «пролетарской диктатуре». Но то, что пережили «учредиловцы» в Архангельске и в Самаре, в Сибири и на юге не могло не разрушить самых прочных предрассудков. Идеализированная демократическая республика Вильсона *оказалась* на деле формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов. Средний «демократ» вообще, меньшевик и эсер, думал: «куда уж нам какой-то высший, якобы, тип государства, какая-то Советская власть! Дай бы нам бог обыкновенную демократическую республику!» И, конечно, в «обыкновенное», сравнительно мирное время такой «надежды» хватило бы на долгие десятилетия.

А теперь ход мировых событий и жесточайшие уроки союза всех монархистов России с англо-французским и американским империализмом показывают *на деле,* что демократическая республика есть буржуазно-демократическая республика, которая уже устарела, с точки зрения вопросов, поставленных империализмом

в порядок дня истории; — что никакого *иного* выбора нет: *или* Советская власть побеждает во всех передовых странах мира, *или* самый реакционный, самый бешеный, душащий все мелкие и слабые народы, восстановляющий реакцию во всем мире англо-американский империализм, великолепно научившийся использовать форму демократической республики.

Или — или.

Середины нет. Совсем недавно такой взгляд считали ослепленным фанатизмом большевиков.

А вышло именно так.

Если Питирим Сорокин сложил с себя звание члена Учредительного собрания, это не случайность, это признак поворота целого класса, всей мелкобуржуазной демократии. Раскол среди нее неизбежен: часть перейдет на нашу сторону, часть останется нейтральной, часть сознательно присоединится к монархистам-кадетам, продающим Россию англо-американскому капиталу, стремящимся удушить революцию чужеземными штыками. Суметь учесть и использовать этот поворот среди меньшевистской и эсеровской демократии от враждебности большевизму сначала к нейтральности, потом к поддержке их, есть одна из насущных задач текущего момента.

Всякий лозунг, бросаемый партией в массы, имеет свойство застывать, делаться мертвым, сохранять свою силу для многих даже тогда, когда изменились условия, создавшие необходимость этого лозунга. Это зло неизбежное, и, не научившись бороться с ним и побеждать его, нельзя обеспечить правильную политику партии. Тот период нашей пролетарской революции, когда она особенно резко разошлась с меньшевистской и эсеровской демократией, был исторически необходим; без острой борьбы против таких демократов, когда они колебнулись в стан наших врагов и занялись восстановлением *буржуазной и империалистской* демократической республики, обойтись было нельзя. Лозунги этой борьбы сплошь да рядом застыли и окостенели теперь, *мешая* правильно учесть и целесообразно использовать новый момент, когда начался новый поворот среди такой демократии, поворот в нашу сторону, поворот не случайный, а коренящийся в самых глубоких условиях всей международной обстановки.

Недостаточно того, чтобы поддержать этот поворот, чтобы встретить поворачивающих к нам дружелюбно. Политик, сознающий свои задачи, должен научиться *вызывать* этот поворот в отдельных слоях и группах широкой мелкобуржуазной демократической массы, если он убедился, что для такого поворота имеются серьезные и глубокие исторические причины. Революционный пролетарий должен знать, кого надо подавлять, с кем надо — когда и как — уметь заключать соглашение. Было бы смешно и нелепо отказываться от террора и подавления по отношению

к помещикам и капиталистам с их прихвостиями, продающими Россию иностранным «союзным» империалистам. Было бы комедией пытаться «убеждать» и вообще «психологически влиять» на них. Но так же, — если не более, — нелепо и смешно было бы настаивать на одной только тактике подавления и террора по отношению к мелкобуржуазной демократии, когда ход вещей заставляет ее поворачивать к нам.

А с такой демократией пролетариат встречается повсюду. В деревне наша задача уничтожить помещика, сломить сопротивление эксплуататора и спекулянта-кулака; опереться для этого мы можем прочно *только* на полупролетариев, на «бедноту». Но средний крестьянин нам не враг. Он колебался, колеблется и будет колебаться: задача воздействия на колеблющихся *не одинакова* с задачей низвержения эксплуататора и победы над активным врагом. Уметь достигать соглашения с средним крестьянином — ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту — это задача момента, ибо именно теперь поворот в среднем крестьянстве в нашу сторону неизбежен в силу вышеизложенных причин.

То же относится и к кустарю, и к ремесленнику, и к рабочему, поставленному в наиболее мелкобуржуазные условия или сохранившему наиболее мелкобуржуазные взгляды, и ко многим служащим, и к офицерам, и — в особенности — к интеллигенции вообще. Нет сомнения, что в нашей партии нередко замечается неуменье использовать поворот среди них и что это неуменье можно и должно преодолеть, превратить его в уменье.

Мы имеем прочную уже опору в громадном большинстве профессионально-организованных пролетариев. Надо уметь привлечь к себе, включить в общую организацию, подчинить общепролетарской дисциплине наименее пролетарские, наиболее мелкобуржуазные слои *трудящихся*, которые поворачивают к нам. Тут лозунг момента — не борьба с ними, а привлечение их, уменье наладить воздействие на них, убеждение колеблющихся, использование нейтральных, воспитание обстановкой массового пролетарского влияния тех, кто отстал или совсем недавно еще начал отделываться от «учредиловских» или «патриотически-демократических» иллюзий.

Мы имеем достаточно уже прочную опору в трудящихся массах. Шестой съезд Советов особенно наглядно показал это. Нам не страшны буржуазные интеллигенты, а со злостными саботажниками и белогвардейцами из них мы ни на минуту не ослабим борьбы. Но лозунг момента — уметь использовать поворот среди них в нашу сторону. У нас еще очень не мало осталось «примазавшихся» к Советской власти худших представителей буржуазной интеллигенции: выкинуть их вон, заменить их интеллигенцией, которая вчера еще была сознательно враждебна нам и которая сегодня только нейтральна, такова одна из важней-

ших задач теперешнего момента, задача всех советских деятелей, соприкасающихся с «интеллигенцией», задача всех агитаторов, пропагандистов и организаторов.

Разумеется, соглашение с средним крестьянином, с вчерашним меньшевиком из рабочих, с вчерашним саботажником из служащих или из интеллигенции требует уменья, как и всякое политическое действие в сложной и бурно изменяющейся обстановке. Всё дело в том, чтобы не довольствоваться тем уменьем, которое выработал в нас прежний наш опыт, а идти *непременно дальше*, добиваться *непременно большего*, переходить непременно от более легких задач к более трудным. Без этого никакой прогресс вообще невозможен, невозможен и прогресс в социалистическом строительстве.

У меня были на-днях представители съезда уполномоченных кредитных кооператоров. Они показали мне резолюцию их съезда [77]), направленную *против слияния* кредитно-кооперативного банка с народным банком республики. Я сказал им, что стою за соглашение с средним крестьянином и глубоко ценю даже начало поворота от враждебности к нейтральности по отношению к большевикам со стороны кооператоров, но почва для соглашения дается лишь их согласием на полное слияние, особенно банка, с единым банком республики. Представители съезда тогда заменили свою резолюцию другой, провели через съезд другую резолюцию, в которой вычеркнули все, что говорилось против слияния, *но... но* выдвинули план *особого* «кредитного союза» кооператоров, ничем на деле не отличающегося от особого банка! Это было смешно. Перекрашиванием слов можно, разумеется, накормить или обмануть только дурака. Но «неудача» одной из таких... «попыток» нисколько не колебнет нашей политики; с кооператорами, с средним крестьянством мы осуществляли и будем осуществлять политику соглашения, отсекая всякие попытки изменить *линию* Советской власти и советского социалистического строительства.

Колебания мелкобуржуазных демократов неизбежны. Достаточно было немногих побед чехо-словаков, и эти демократы впали в панику, сеяли панику, перебегали к «победителям», готовы были раболепно встречать их. Разумеется, нельзя ни на минуту забывать, что и теперь — достаточно будет частичных успехов, скажем, англо-американо-красновских белогвардейцев, и колебания начнутся в другую сторону, усилится паника, умножатся случаи распространения паники, случаи измен и перелетов на сторону империалистов и так далее, и тому подобное.

Это мы знаем. Этого мы не забудем. Завоеванная нами чисто пролетарская основа Советской власти, поддерживаемой полупролетариями, останется неизменно прочной. Наша рать не дрогнет, наша армия не колебнется, — это мы знаем уже из опыта.

Но когда глубочайшие всемирно-исторические перемены вызывают неизбежный поворот в нашу сторону среди масс беспартийной, меньшевистской, эсеровской демократии, мы должны научиться, и мы научимся, использовать этот поворот, поддержать его, вызвать его в соответственных группах и слоях, осуществить все возможное в деле соглашения с этими элементами, облегчить тем работу социалистического строительства, ослабить тяжесть мучительной разрухи, темноты, неумелости, замедляющих победу социализма.

«Правда» № 252, 21 ноября 1918 г.
Подпись: Н. Ленин.

РЕЧЬ В «ДЕНЬ КРАСНОГО ОФИЦЕРА» 24 НОЯБРЯ 1918 Г.

Приветствую вас от имени Народных Комиссаров, — говорит Ленин. — Когда я думаю о задачах нашей армии и красных офицеров, я вспоминаю один случай, которому я был свидетелем не так давно, в вагоне Финляндской дороги.

Я видел, что публика чему-то улыбается, слушая одну старушку, и попросил перевести мне ее слова. Финка, сравнивая старых солдат с революционными, говорила, что первые защищали интересы буржуазии и помещиков, а вторые бедноты. «Раньше бедняк жестоко расплачивался за каждое взятое без спроса полено, а теперь, если встретишь в лесу, говорила старушка, солдата, так он еще поможет нести вязанку дров». «Теперь не надо, говорила она, бояться больше человека с ружьем».

Я думаю, — продолжает Ленин, — что лучше награды для Красной армии трудно представить.

Дальше Ленин говорит, что старый командный состав состоял преимущественно из избалованных и извращенных сынков капиталистов, которые ничего не имели общего с простым солдатом. Поэтому-то, теперь, строя новую армию, мы должны брать командиров только из народа. Только красные офицеры будут иметь среди солдат авторитет и сумеют упрочить в нашей армии социализм. Такая армия будет непобедима.

«Известия В.Ц.И.К.» № 258 (522), 26 ноября 1918 г.

РЕЧЬ НА СОБРАНИИ УПОЛНОМОЧЕННЫХ МОСКОВСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО РАБОЧЕГО КООПЕРАТИВА 26 НОЯБРЯ 1918 Г. [78]).

Товарищи, я приветствую в вашем лице представителей рабочей кооперации, которая должна сыграть громадную роль в отношении правильной постановки всего дела снабжения. Нам неоднократно, а особенно за последнее время в Совнаркоме, приходилось ставить на обсуждение вопросы, касающиеся кооперации и отношения к ней рабоче-крестьянской власти.

В этом направлении необходимо вспомнить, как важна была раньше во время власти капитализма роль кооперации, которая строилась по принципу экономической борьбы с классом капиталистов.

Правда, кооперативы, по своему подходу к практической работе распределения, очень часто народные интересы превращали в интерес отдельной группы лиц, руководясь часто стремлением разделять с капиталистами торговую прибыль. Руководясь часто торговыми интересами, кооператоры часто забывали о том социалистическом строе, который, как им казалось, был еще слишком далек и недостижим.

Кооперативы часто объединяли главным образом мелкобуржуазные элементы, среднее крестьянство, которое в своих стремлениях в кооперативном движении руководилось своими мелкобуржуазными интересами. Однако эти кооперативы делали то дело, которое несомненно развивало самодеятельность масс, и в этом их большая заслуга. Кооперативы, действительно, на основе самодеятельности масс, построили большие хозяйственные организации, — и в этом, мы не станем отрицать, они сыграли большую роль.

Эти хозяйственные организации в некоторых случаях развились в организации, могущие заменять и дополнять капиталистический аппарат, — и это мы должны признать, а между тем городской пролетариат был настолько вовлечен в организацию капиталистической крупной промышленности, — что он стал до-

РАБОЧІЙ МІРЪ

ОРГАНЪ

МОСКОВСКАГО ЦЕНТРАЛЬНАГО РАБОЧАГО КООПЕРАТИВА

№ 19 *1918*

Содержаніе.

МОСКВА.

Обложка журнала «Рабочий Мир» № 19 — 1918 г.

Уменьшено

статочно силен, чтобы свергнуть класс помещиков и капиталистов, суметь использовать весь капиталистический аппарат.

Городской пролетариат достаточно хорошо понимал, что в той разрухе, которую создала империалистическая война, необходимо наладить аппарат снабжения и для этого он в первую очередь использовал крупный капиталистический аппарат.

И это мы должны помнить. Кооперация — огромнейшее культурное наследство, которым нужно дорожить и пользоваться.

И поэтому, когда нам в Совнаркоме приходилось подходить к вопросу о роли кооперации, мы подходили к этому вопросу очень осторожно, отлично понимая, как важно полностью использовать весь этот хорошо налаженный хозяйственный аппарат.

Вместе с тем мы не могли забыть, что главными работниками в области кооперативного строительства были меньшевики, правые эсеры и другие соглашательские и мелкобуржуазные партии. Мы не могли забыть это до тех пор, пока эти политические группы, находясь между двумя борющимися классами, пользовались кооперативами частью для прикрытия контр-революционеров, даже для поддержки из накопленных кооперативами средств чехо-словаков. Да, у нас были об этом сведения. Однако это имело место далеко не всюду, и мы часто привлекали кооперативы для работы с нами, если они хотели с нами работать.

В последнее время и международное положение Советской России стало таким, что многим мелкобуржуазным группам стало ясно, какое значение имеет рабоче-крестьянская власть.

В то время, когда Советская Россия стала перед Брестом, когда мы были вынуждены заключить тягчайший мир с немецкими империалистами, — меньшевики и правые эсеры особенно против нас поднимали свои голоса. Когда Советская Россия принуждена была заключить этот мир, меньшевики и эсеры кричали всюду, что большевики губят Россию.

Одни из этих представителей считали, что большевики утописты, фантазирующие, что возможна мировая революция. Другие считали, что большевики агенты германского империализма.

Наконец, многие из них тогда полагали, что большевики сделали уступки германскому империализму, и злорадствовали, думая, что это есть соглашение с немецкой правящей буржуазией.

Я не буду здесь приводить более нелестных выражений, чтобы не сказать большего, которые тогда отпускались этими группами по адресу Советской власти.

Однако, события, развертывающиеся в последнее время по всему миру, многому научили меньшевиков и правых эсеров. Воззвание Ц.К. меньшевиков ко всем трудящимся [79]), недавно опубликованное в нашей печати, говорит о том, что, расходясь идейно с коммунистами, они считают необходимым бороться против

мирового империализма, возглавляемого теперь англо-американскими капиталистами.

Действительно, произошли события огромной важности. Советы рабочих депутатов образованы в Румынии и Австро-Венгрии. А в Германии Советы высказываются против учредилки и через несколько, может быть, недель падет правительство Гаазе-Шейдемана и будет заменено правительством Либкнехта. Одновременно англо-французский капитализм напрягает все усилия, чтобы раздавить русскую революцию и тем остановить мировую революцию. Теперь всем стало ясно, что вожделения союзнического империализма идут еще дальше германского: условия, выставленные ими в отношении Германии, еще хуже Брестского мира, да кроме того они вообще хотят задушить революцию и сыграть роль мировых жандармов. Меньшевики своей резолюцией показали, что они поняли, куда дуют английские ветры. И теперь мы должны не отталкивать их, а наоборот, принять их, дать возможность им работать совместно с нами.

Коммунисты еще в апреле этого года показали, что они не чуждаются работать с кооператорами. Задача коммунистов состоит в том, чтобы, опираясь на городской пролетариат, суметь использовать всех, кто может быть привлечен к работе, всех, кто шел раньше с социалистическими лозунгами, но не нашел в себе мужества бороться за них до победы или поражения. Маркс сказал, что пролетариат должен экспроприировать капиталистов, а мелкобуржуазные группы суметь использовать. И мы говорили, что у капиталистов надо забрать все, а кулаков лишь прижать и поставить под контроль хлебной монополии. Мы должны пойти на соглашение со средним крестьянством, взять его под наш контроль, фактически все-таки осуществляя идеалы социализма.

Мы должны прямо сказать, что рабочие и беднейшие крестьяне все усилия направят на то, чтобы осуществить фактически идеалы социализма и если кому не по пути к этим идеалам, то мы пойдем и без них. Но мы должны использовать всех, могущих действительно помочь нам в этой труднейшей борьбе.

И вот Совнарком, обсуждая эти вопросы, еще в апреле пришел к соглашению с кооперацией. Это было единственное заседание, на котором кроме народных комиссаров коммунистов присутствовали представители гражданской кооперации.

Мы с ними сговаривались. Это было единственное заседание, на котором принималось постановление не большинством коммунистов, а меньшинством — кооператорами.

И Совнарком на это пошел, считая необходимым использовать и опыт и знание кооператоров и их аппарат.

Вы знаете также, что несколько дней назад был принят декрет [80]), опубликованный в воскресенье в «Известиях», об организации снабжения, и в этом декрете как раз отводится значи-

тельная роль кооперации и кооперативам. Ибо без сети кооперативных организаций не возможна организация социалистического хозяйства, и до сих пор делалось в этом отношении многое неправильно. Закрывались отдельные кооперативы, национализировались, а между тем советы не справлялись с распределением, не справлялись с организацией Советских лавок.

И вот согласно этому декрету всем кооперативам должно быть возвращено все, что у них взято.

Кооперативы должны быть денационализированы, должны быть восстановлены.

Правда, декрет очень осторожно подходит к тем кооперативам, которые закрыты за то, что к ним примазались контр-революционеры. Мы определенно говорили, что в этом отношении деятельность кооперативов должна быть поставлена под контроль, однако, мы говорим, что кооперативы должны быть полностью использованы.

Всем вам ясно, что одна из основных задач пролетариата сейчас же правильно поставить дело снабжения и распределения продуктов.

И раз мы имеем аппарат, который обладает таким опытом и который главное основан на самодеятельности масс, мы должны его направить к осуществлению этих задач. Важно именно в этом отношении использовать самодеятельность масс, создавших эти организации. Необходимо, чтобы к работе по снабжению были бы привлечены самые низы, и мы это должны поставить в качестве главного здания кооперации и именно рабочей кооперации.

Дело снабжения, распределения продуктов такое, что в нем разбирается каждый. Разбирается и человек, не мучившийся над книжкой. А в России громадная часть населения невежественна потому, что делалось все, чтобы не дать рабочим и угнетенным массам образования.

Но в массах есть много и много живых сил, могущих проявить грандиозные способности в большей степени, чем это можно представить. И потому задача рабочей кооперации привлечь эти силы, найти их и им дать непосредственную работу по снабжению и по распределению продуктов. Социалистическое общество есть единый кооператив.

И я не сомневаюсь, что самодеятельность масс в рабочей кооперации послужит к тому, что рабочая кооперация действительно создаст единую, городскую московскую потребительскую коммуну.

Напечатано в 1918 г. в журнале «Рабочий Мир» № 19.

Печатается по тексту листовки, сверенному по тексту, напечатанному в 1918 г. в журнале «Рабочий Мир» № 19.

СОБРАНИЕ ПАРТИЙНЫХ РАБОТНИКОВ МОСКВЫ [81])

27 ноября 1918 г.

Печатается по стенограмме

1.

ДОКЛАД О МЕЛКОБУРЖУАЗНЫХ ПАРТИЯХ.

Товарищи, я бы хотел побеседовать о тех задачах, которые ложатся на нашу партию и на советскую власть, в связи с вопросом об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии. Последние события, несомненно, ставят этот вопрос на очередь, потому что гигантская перемена в международном положении, вроде уничтожения Брестского договора, революции в Германии, краха германского империализма и разложения англо-американского империализма не могли не подорвать целого ряда буржуазно-демократических положений, которые составляли теоретическое основание, в особенности мелкобуржуазной демократии. Военное положение России, натиск англо-французского и американского империализма, перешедшего к союзу с самыми верхушками интеллигенции, не могли не толкнуть часть этой мелкобуржуазной демократии более или менее на нашу сторону Вот об этих изменениях, которые мы должны внести в нашу тактику, о тех новых задачах, которые возникают перед нами, я и хотел бы сегодняшний вечер побеседовать.

Позвольте мне начать с некоторых основных теоретических положений. Нет сомнения, что главным социальным слоем, который дает еще экономическую основу мелкобуржуазной демократии является, по крайней мере в России, среднее крестьянство. Нет сомнения в том, что социалистический переворот и переход от капитализма к социализму неизбежно должен принять особые формы в стране, в которой число крестьянского населения значительно. Поэтому я хотел бы прежде всего напомнить вам, каким образом сложились основные положения марксизма в отношении пролетариата к среднему крестьянству. Для того, чтобы напомнить это вам, я прочту несколько заявлений, сделанных Энгельсом в его статье «Крестьянский вопрос во Франции и Германии». Статья эта вышла отдельной брошюрой, написана в 1895 или 1894 году, когда вопрос об аграрной программе социалистической партии в отношении к крестьянству практически

стал на очередь дня, в связи с обсуждением программы немецкой социал-демократии на Бреславльском съезде этой партии. Вот как отзывался тогда Энгельс об отношении пролетариата: «Каковы же наши отношения к мелкому крестьянству? Во-первых, безусловно правильно предложение французской программы. Мы предвидим неизбежную гибель мелкого крестьянина, но ни в коем случае не призваны устранять ее своим вмешательством. А во-вторых, точно также очевидно, что, обладая государственной властью, мы не будем думать о том, чтобы насильно экспроприировать мелких крестьян, с вознаграждением или нет, это безразлично, как это мы вынуждены сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство, собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели». Далее по этому вопросу Энгельс говорил: «Мы никогда не можем обещать мелкому крестьянину поддержать его единоличное хозяйство и единоличную собственность против превосходных сил капиталистического производства. Мы можем обещать им только, что не будем против их воли, силой вмешиваться в их хозяйственные отношения». И, наконец, последнее изречение, которое я хотел напомнить вам — это рассуждение о богатых крестьянах, о крупных крестьянах, по русски выражаясь, о кулаках, о таких значит крестьянах, которые не обходятся без употребления наемных сил. Этим крестьянам в социалистическом обществе марксисты ничего сделать не могут. «Если эти крестьяне поймут неизбежность гибели их теперешнего способа производства и сделают из этого необходимые выводы, то пусть они идут к нам и нашей обязанностью будет посильно облегчить также и им переход к новой форме производства. В противном случае мы должны их предоставить собственной судьбе...»

Вот те положения, которые мне хотелось бы напомнить вам и которые, нет сомнения, известны всякому коммунисту. Из этого положения мы видим, что задача пролетариата, овладевшего государственной властью, никоим образом не может быть одинакова в странах, где преобладает крупный капиталистический строй, или в странах, где отсталое, мелкое, среднее, крупное крестьянство. Притом мы видим, что мы совершенно точно излагали задачи марксизма, когда говорили, что по отношению к помещику, нашему эксплуататору, война была нашей обязанностью.

В отношении к среднему крестьянину мы говорим: ни коим образом никакого насилия; в отношении к крупному крестьянину — мы говорим: наш лозунг — их подчинение хлебной монополии, борьба с ними, когда нарушена хлебная монополия, когда они прячут хлеб. Мне недавно приходилось повторять эти положения на собрании в несколько сот человек — предста-

вителей комитетов деревенской бедноты, которые съехались в Москве одновременно с VI съездом *). В нашей партийной литературе и в пропаганде, и в агитации мы всегда подчеркивали эту разницу наших отношений к крупной буржуазии и мелкой буржуазии, но будучи все коммунистами и теоретически все согласны, далеко не все и далеко недостаточно быстро делали соответственные политические выводы.

И я нарочно начал, так сказать, издалека — со среднего крестьянина, — чтобы показать вам, какими экономическими категориями и какими экономическими понятиями о взаимоотношениях классов должны мы руководствоваться для того, чтобы на бесспорных основаниях представить вопрос о нашей политике по отношению к буржуазной демократии. И нет сомнения, что этот мелкий крестьянский класс, — мы называем средним такого, который не продает своих сил, — этот крестьянин в России во всяком случае есть главный экономический класс, который является основой широкого разнообразия политических течений буржуазной демократии. У нас в России эти течения больше всего связаны с партией меньшевиков и эсеров. История социализма в России знает длительную борьбу большевиков с этими партиями, причем западно-еврепейские, например, социалисты постоянно смотрели на эту борьбу, как на борьбу внутри социализма. До сих пор вы постоянно можете встретить такое отношение у социалистов Западной Европы. Они смотрят на дело так, что борьба меньшевиков с революционерами — есть борьба внутри, т.-е. борьба, означающая раскол социализма в России. В скобках сказать этот взгляд высказывается сплошь и рядом в выступлении даже хороших социал-демократов.

Сегодня как раз передали мне письмо Фридриха Адлера — человека известного по своему революционному поведению в Австрии. Насколько отражает это настроение его письмо, писанное в конце октября и сегодня полученное, видно из того, что оно содержит в себе просьбу: нельзя ли освободить меньшевиков из тюрьмы? Больше ничего не нашел умнее написать в такой момент, кроме этой просьбы. Правда, он оговорился, что он не осведомлен о движении и так далее. Но все-таки это характерно, что для западно-европейской демократии бросается в глаза печальная судьба социалистов внутри России. Эта смешная ошибка западно-европейских социалистов объясняется тем, что они смотрят назад, а не вперед и забывают, что революция каждый день показывала, что ни меньшевики, ни эсеры, которые проповедуют социализацию, не являются тем, чтобы относить их к социалистам. Смешнейшая ошибка, берущая букву, а не дело. В ноябре — декабре 1917 года и теперь, после того, как мы

*) См. настоящий том, стр. 279 — 284. *Ред.*

пережили революцию, продолжается колебание меньшевиков. Для нас ясно, тут не может быть сомнений, что только люди, которые умышленно отвернулись от революции — могут отвергать эту истину. Меньшевики и эсеры все время революции 1917 года только и делали, что колебались между буржуазией и пролетариатом, никогда не могли занять правильной позиции в своем поведении и, точно нарочно, иллюстрировали слова Маркса, его положение о том, что мелкая буржуазия ни на какую самостоятельную позицию в коренных битвах неспособна. Лучшее подтверждение этого старого положения — это поведение наших меньшевиков и эсеров. Лучшего подтверждения нельзя и представить. И, конечно, из этих фактов, из того, как держались они на деле, из этих фактов, а не из их программы и посулов и обещаний должны мы делать вывод о социалистической сущности этих партий.

Если в дальнейшей борьбе меньшевиков против нашей партии во время революции, когда наши лозунги, программа и тактические положения получили подтверждение из опыта борьбы, — если в это время меньшевики и эсеры заняли позицию против нашей партии, то надо сказать, что и их многолетняя, даже в течение десятилетий борьба была опровергнута, была несостоятельна. Напротив, правильность, необходимость ожесточенной борьбы с меньшевиками и эсерами, которую вели большевики в течение десятилетий — эта правильность доказана ходом революции.*).

.....Пролетариат с самого начала, когда он создавал Советы, проявлял интенсивную, хотя менее сознательную, чем буржуазия, но определенную классовую позицию, уже тем, что он создал Советы, уже становился против буржуазии под лозунгом: «вся власть Советам» и тем дал всю платформу, дал ясную политику и определил всю тактику. А меньшевики и эсеры колебались все время. И, если их называли их же собственные друзья весной и летом 1917 года полубольшевиками, то это было не только острота, но и верная характеристика как меньшевиков, так и эсеров, которая показывала, что ни по одному вопросу, — возьмите вопрос о Советах, о революционном движении в деревнях, о непосредственном захвате земли, о братании на фронте, о поддержке или не поддержке империализма, — во всех этих коренных вопросах меньшевики и эсеры говорили сегодня — «да», а завтра «нет», с одной стороны помогали, а с другой стороны нет, и делали из всего периода образец бесхарактерности и беспомощности, когда путались под ногами буржуазии и делались покорными буржуазии или, лучше сказать, делали, как она сама хотела. А с другой стороны, в своей пропаганде они всегда бросали населению фразы за Советы. Ведь они все время называли

*) Далее в стенограмме несколько строк не разобраны. *Ред.*

Советы революционной демократией и противополагали тому, что называли цензовым элементом. Это у них было хитрым политическим построением, а широкие массы, в ряды которых это попадало, увлекались: «это за Совет!». Проповедь меньшевиков частью служила и нам. Это вопрос очень сложный, имеющий очень богатую историю и материал. Мне достаточно на него кратко указать. И, мне думается, что он совершенно бесспорно доказан событиями. И вот эта политика, политика меньшевиков и эсеров в революции, на наших глазах доказывает окончательно наше положение, что считать их социалистами — ошибка. Социалистами они были только, пожалуй, по фразеологии и по воспоминаниям, а на деле это есть мелкая русская буржуазия и, конечно, беспартийная.

Вот почему я начал с того, как должны марксисты относиться к среднему крестьянину. Это объясняет наши основы в политике, это должно претвориться в отношениях коммунистов к мелкобуржуазным партиям. Теперь мы подходим к такой полосе, когда предыдущие наши лозунги предшествующего периода революции должны измениться, чтобы правильно учесть настоящий перелом.

Вы знаете, что в октябре-ноябре эти элементы колебались, вы знаете, как они силились образовать новое правительство — то или иное. Вы помните, как партия большевиков летом оказалась непримиримой и поступила правильно, сказавши себе, что нам предстоит уничтожить врагов пролетариата, нам предстоят битвы по основным вопросам о войне и мире, о буржуазном представительстве, о Советской власти. Во всех этих вопросах мы могли опираться только на свои силы и мы поступили вполне правильно, когда не шли на компромисс с мелкобуржуазной демократией. Они усердно нам предлагали свою форму — мы их целиком отвергли. Правы ли мы были, нам показывают дальнейшие события. Дальнейший ход событий, — это было затруднение с миром — переговоры о мире всех народов и заключение Брестского мира. Вы знаете, что на этой почве колебания дошли до того, что Брестский мир оттолкнул их.

В России должно было быть учредительное собрание. Вы знаете, когда учредительное собрание оказалось с правыми меньшевиками и эсерами, собрание было разогнано *)......

Из этих двух обстоятельств, с одной стороны из нашей внешней политики, приведшей к заключению Брестского мира, с другой стороны из нашей беспощадной борьбы с иллюзиями части демократии, идеологией буржуазной демократии,—из нашей беспощадной борьбы за советскую власть, — из этих двух обстоятельств вытекало то, что от нас резко отшатнулась мелко-

*) Далее в стенограмме несколько слов не разобраны. *Ред.*

буржуазная демократия. Вы знаете, что после Брестского мира среди левых эсеров начались колебания, часть из них пошла на авантюру, другая часть кололась между собой и колется до сих пор. Но факт остается фактом. Из-за того, что мы были беспощадны в борьбе с буржуазным парламентаризмом и буржуазно-демократическим предрассудком — учредилкой, из-за того, что мы в защите советской власти и ее революционной политики ставили выше всего революцию в международном масштабе и требовали, чтобы всякий интернационалист подчинял бы этой политике все национальные интересы и не останавливался перед национальными жертвами — из-за этого лозунга, — из-за Брестского мира вся мелкобуржуазная демократия от нас отшатнулась. Мы, конечно, ни минуты, ни капли не можем сомневаться в том, что наша политика была тогда абсолютно правильна. Теперь доказывать это — значит повторять зады, потому что немецкая революция доказала больше всего правильность наших взглядов. В чем больше всего нас упрекали после Брестского мира и что чаще всего приходилось слышать от мало сознательных рабочих масс — это то, что мы напрасно возлагаем надежду на немецкую революцию и что ее все нет. Немецкая революция опровергла все эти упреки и доказала правильность наших взглядов о том, что она должна придти, что мы должны бороться против немецкого империализма не только путем национальной войны, но и путем пропаганды и разложения внутри. События нас так подтвердили, что тут доказывать нечего. Равным образом относительно учредилки, колебания были здесь неизбежны и ход событий настолько подтвердил правильность наших взглядов, что теперь все начавшиеся на западе революции идут под лозунгом советской власти и создают эту советскую власть. Советы — вот что характеризует революцию везде, они перекинулись из Австрии и Германии в Голландию и Швейцарию, в страны с наиболее старой демократической культурой, которые называют себя Западной Европой по сравнению даже с Германией. В них выставляется лозунг советской власти. Значит, исторический крах буржуазной демократии не был выдумкой большевиков, а был абсолютной исторической необходимостью. В Швейцарии и Голландии политическая борьба имела место уже сотни лет тому назад и сейчас лозунг советской власти выставляется там не ради прекрасных глаз большевиков. Значит, верно мы учли настоящее. Ход событий настолько подтвердил правильность нашей тактики, что останавливаться дальше на этом вопросе не следует. Надо только понять, что это вопрос серьезный, вопрос самого глубокого предрассудка мелкобуржуазной демократии. Припомните общую историю буржуазной революции и развитие парламентаризма во всех западно-европейских странах и вы увидите, что такого рода предрассудки царили во всех странах у старых социал-демократов.

Во Франции эти взгляды держались дольше всего. Иначе быть не может.

Мелкая буржуазия в вопросах о парламентаризме наиболее патриотична, она наиболее патриотична, если сравнить ее с пролетариатом и крупной буржуазией. Последняя более интернациональна потому, что мелкая буржуазия менее подвижна, не связана так с другими народами и не втянута в мировой торговый оборот. Поэтому нельзя было иного ожидать, как именно того, что по вопросу о парламентаризме всего больше должна проявиться мелкая буржуазия. Так это было и в России, именно от нас особенно оттолкнулась мелкая буржуазия. Большую роль в этом отношении сыграло то, что революция боролась с патриотизмом. Нам пришлось в эпоху Брестского мира идти против патриотизма. Мы говорили: если ты социалист, так ты должен все свои патриотические чувства принести в жертву во имя международной революции, которая придет, которой еще нет, но в которую ты должен верить, если ты интернационалист.

И понятно, что мы могли, говоря так, привлечь на свою сторону только передовые отряды рабочего класса. Понятно, большинство мелкобуржуазно-демократических сил не стояло на нашей точке зрения. Этого мы ждать не могли. И откуда было мелкой буржуазии перейти на нашу точку зрения? Нам пришлось осуществлять здесь диктатуру пролетариата в ее самой суровой форме. Когда мелкая буржуазия от нас отшатнулась, нам пришлось в России пережить эту иллюзию, пережить эпоху увлечения этой иллюзией и разбить ее. Все это совершилось в несколько месяцев. А если вы возьмете историю западно-европейских стран, там не изжили этой иллюзии и в десятки лет. Возьмем историю Голландии, Франции, Англии и так далее. Нам пришлось разбить мелкобуржуазную иллюзию о том, что народ есть нечто единое и что народная воля может быть выражена в чем либо ином вне классовой борьбы. Эта иллюзия держалась в передовых странах десятки лет, а мы в несколько месяцев с гигантской быстротой пронеслись мимо нее, и нам пришлось силой подавить эту иллюзию. В результате вся мелкобуржуазная демократия в то время оказалась против нас.

Мы были совершенно правы, что мы в этом вопросе ни на какие компромиссы не пошли. Если бы мы сделали поблажки мелкобуржуазным иллюзиям, учредиловской иллюзии, мы бы погубили все дело пролетарской революции в России. Мы бы принесли в жертву узко-национальным интересам интересы международной революции, которая оказалась идущей по большевистской тропе, потому что она не была национальной, а была чисто пролетарской. Вот в этих условиях создалось то, что и меньшевистские и эсеровские мелкобуржуазные массы от нас отшатнулись. Они пошли по ту сторону баррикад, они очутились на стороне

наших врагов. Когда началось восстание дутовцев, мы наглядно убедились, что в составе дутовцев, красновцев и скоропадцев находились те войска и те политические силы, которые с нами боролись. Тут политическое положение привело к гражданской войне. На нашей стороне оказался пролетариат и беднейшее крестьянство.

Вы знаете, что по всей России во время чехо-словацкого выступления, когда оно проходило с наибольшим успехом, в это время по всей России шли кулацкие восстания. Только сближение городского пролетариата с деревней укрепило нашу власть. Пролетариат при помощи деревенской бедноты, только он выдерживал борьбу против всех врагов. И меньшевики, и эсеры в громадном большинстве были на стороне чехо-словаков, дутовцев и красновцев. Это положение требовало от нас самой ожесточенной борьбы и террористических методов этой войны. Как бы люди с различных точек зрения ни осуждали этого терроризма, а это осуждение мы слышали от всех колеблющихся социал-демократов, — этот терроризм, для нас ясно, что он был вызван обостренной гражданской войной. Он был вызван тем, что вся мелкобуржуазная демократия повернула против нас. Они вели с нами войну различными приемами — путем гражданской войны, подкупом, саботажем. Вот такие условия создали необходимость террора. Поэтому раскаиваться в нем, отрекаться от него мы не должны. Мы должны только ясно понять, какие условия нашей пролетарской революции вызвали остроту борьбы. Эти особые условия состояли в том, что нам пришлось действовать против патриотизма, что нам пришлось заменять учредительное собрание лозунгом «вся власть советам».

Когда настал поворот международной политики, тогда неизбежно наступил поворот в положении мелкобуржуазной демократии. Мы видим изменение настроения в их лагере. В воззвании меньшевиков мы видим призыв отказаться от союза с имущими классами, призыв, с которым меньшевики обращаются к своим друзьям, — людям из мелкобуржуазной демократии, которые с дутовцами, чехо-словаками, англичанами заключили союз, пожалуй они сами в нем участвовали, — теперь они к ним обращаются с воззванием, чтобы они шли бороться против англо-американского империализма. Теперь для каждого ясно, что нет такой силы, кроме англо-американского империализма, которая могла бы что нибудь противопоставить большевистской власти. Такого же рода колебания идут среди эсеров и среди интеллигенции, которая больше всего разделяет предрассудки буржуазной демократии, которая больше всего была полна патриотических предубеждений. Среди нее идет тот же самый процесс.

Теперь задача нашей партии состоит в том, чтобы при выборе своей тактики руководиться классовыми отношениями,

чтобы мы в этом вопросе точно разобрались, что это такое, случайность, проявление бесхарактерности, колебания, которые не имеют под собой никакой почвы, или наоборот, это процесс, который имеет глубокие социальные корни. Если мы взглянем на этот вопрос в целом с точки зрения теоретически установленных отношений пролетариата к среднему крестьянству, с точки зрения истории нашей революции, мы увидим, что сомневаться в ответе нельзя. Это поворот не случайный, не личный. Он касается миллионов и миллионов людей, которые поставлены в России в положение либо среднего крестьянства, или соответствующее среднему крестьянству. Поворот касается всей мелкобуржуазной демократии. Она шла против нас с озлоблением, доходящим до бешенства, потому, что мы должны были ломать все ее патриотические чувства. А история повернула так, что патриотизм теперь поворачивает в нашу сторону. Ясно, что нельзя свергнуть большевиков, иначе, как иностранными штыками. Если до сих пор надеялись, что англичане, французы и американцы, это настоящая демократия, если до сих пор еще сохранилась эта иллюзия, то теперь мир, который они дают Австрии и Германии, разоблачает эту иллюзию полностью. Англичане ведут себя так, как если бы они занялись специально целью доказать правильность большевистских взглядов на международный империализм. Англичане, французы, австрийцы ведут себя так, как если бы они задались целью доказать правоту большевистских взглядов. Поэтому из среды партий, которые боролись с нами, например из Плехановского лагеря, раздаются голоса, которые говорят: мы ошибались, мы думали, что германский империализм — наш главный враг, а западные страны — Франция, Англия, Америка несут нам демократический строй. А оказалось, что мир, который эти западные страны дают, во 100 раз более унизительный, грабительский, хищнический, чем наш Брестский мир. Оказалось, что англичане и американцы выступают в качестве палачей и жандармов русской свободы, как эта роль выполнялась при русском палаче Николае I, не хуже королей, которые исполняли роль палачей, когда они душили венгерскую революцию. Теперь эту роль взяли агенты Вильсона. Они душат революцию в Австрии, они играют роль жандармов, они ставят ультиматум в Швейцарии: не дадим хлеба, если вы не станете на борьбу с большевистским правительством. Они заявляют Голландии: не смейте допускать к себе советских послов, иначе блокада. У них орудие простое — веревка голода. Вот чем они душат народ. Но веревка окажется быть может не крепкой *).....

История в последнее время в эпоху войны и после войны отличается необыкновенной быстротой развития и доказывает

*) Далее в стенограмме несколько слов не разобраны. *Ред.*

положение, что англо-французский империализм есть такой же гнусный империализм, как и немецкий. Не забывайте, что и в Америке мы имеем самую свободную республику, самую лучшую, может быть самую демократическую, но это нисколько не мешает тому, что империализм там действует также зверски, что там не только линчуют интернационалистов, но что толпа вытаскивает их на улицу, раздевает до нага, обливает смолой и зажигает, что там не только не стоят за мир, но и за пацифизм вообще.

Все эти события разоблачают империализм с необыкновенной силой и ставят вопрос: либо Советская власть, либо полное удушение революции англо-французскими штыками. Здесь нет уже речи о соглашении с Керенским, вы знаете, что Керенского они выбросили вон, как выжатый лимон. Они шли вместе с Дутовым и Красновым, шли на Мурман, в особенности на Архангельск. Теперь они через этот период перешли, они чувствуют это хорошо. Патриотизм толкает их теперь к нам, — так вышло, так заставила их действовать история. И всем нам надо учесть этот массовый опыт всемирной истории. Нельзя защищать буржуазию, нельзя защищать учредилку, потому что она фактически оказалась на руку Дутовым, Красновым, — это кажется смешно, как Учредительное Собрание могло стать их лозунгом. Но так вышло, потому что Учредительное Собрание собиралось, когда еще буржуазия была наверху. Учредительное Собрание оказалось органом буржуазии, а буржуазия оказалась на стороне империалистов, ведущих политику против большевиков. Она готова была на все, чтобы удушить Советскую власть самыми подлыми способами — предать Россию кому угодно, только, чтобы уничтожить власть Советов.

Вот политика кадетов, вот политика, которую они вели на деле, политика, которая привела к гражданской войне, и эта политика, имеющая гигантское мировое значение, заставила повернуть нашу мелкобуржуазную демократию. Конечно, колебания в этой среде всегда неизбежны и такою эта среда и останется. Когда произошли первые победы чехо-словаков, эта буржуазная интеллигенция пыталась распространять слухи, что чехо-словацкая победа неизбежна. Печатали телеграммы из Москвы, что Москва накануне падения, что она окружена. И мы прекрасно знаем, что, в случае даже самых незначительных побед англо-французов, мелкобуржуазная интеллигенция прежде всего потеряет голову, впадет в панику и начнет распускать всякие слухи об успехах наших противников. Но революция показала неизбежность восстания против войны, даже Германия восстала против империализма. И теперь и «наши союзники» оказались главными врагами русской свободы и русской самостоятельности.

Россия не может быть и не будет независимой, если не будет укреплена Советская власть. Вот почему произошел такой

переворот и в связи с ним на нас лежит теперь задача — определить свою тактику. Очень ошибся бы тот, кто задумал бы перенести этот лозунг нашей революционной борьбы на тот период, когда между нами не могло быть никакого примирения, когда мелкая буржуазия была против нас, когда наша непоколебимость требовала от нас применения террора. Теперь это была бы не непоколебимость, а просто глупость — недостаточное понимание тактики марксизма, потому что тактика марксизма определяется соотношением классов, и мы должны оценивать ее с точки зрения мировой революции. Когда мы должны были заключить Брестский мир, этот шаг с точки зрения узко-патриотической казался изменой России; с точки зрения мировой революции — это был правильный стратегический шаг, оказавший больше всего помощь мировой революции. Мировая революция разыгралась именно теперь, когда Советская власть стала всенародным учреждением.

И теперь, хотя буржуазная демократия продолжает колебаться, но иллюзия ее подорвана. И конечно мы должны учесть это положение, как и все остальные условия, как и то, что говорит Энгельс и что я припомнил вначале в связи с этим напоминанием. Это должно теперь получить больше оснований, чем прежде. Если прежде у нас наблюдалась другая точка зрения, которая здесь выставлялась, — не насилием привлекать среднего крестьянина, а убеждением и примером, потому что он стоял на стороне чехо-словаков, то все-таки насилие было неизбежно, ибо война есть война и нужно действовать, как на войне.

А теперь, когда эти люди начинают поворачиваться к нам, мы не должны отворачиваться от них только потому, что наш лозунг в листовках и в газетах раньше был другим. И когда мы видим, что они делают полуоборот к нам, мы должны написать эти листовки заново, потому что изменились отношения этой мелкобуржуазной демократии к нам. Мы должны сказать: милости просим, мы вас не боимся, если вы думаете, что мы умеем действовать только насилием, то вы ошибаетесь, и мы могли бы достигнуть соглашения. И те элементы, которые полны традиций буржуазных предрассудков, все кооператоры, все части трудящихся, которые больше всего связаны с известным кругом производства и тех буржуазных профессий, которые в капиталистическом обществе необходимы, а в социалистическом мы их отбросим, все они пошли бы к нам навстречу. Возьмите всю интеллигенцию. Она жила буржуазной жизнью, она привыкла к известным удобствам. Поскольку она колебалась в сторону чехо-словаков, нашим лозунгом была беспощадная борьба — террор.

В виду того, что теперь этот поворот в настроении мелкобуржуазных масс наступил, нашим лозунгом должно быть соглашение, использование этих отношений на практике, но не помощью

насилий, а помощью отношений добрососедских, союзнических. Когда нам случается встречать заявление мелкобуржуазной демократии, что она хочет быть нейтральной по отношению к Советской власти, раз мы должны удержать свою позицию в отношении к этой власти, — мы можем сказать: нейтральность и добрососедские отношения — это старый хлам, который никуда не годится с точки зрения коммунизма. Это старый хлам и больше ничего, но мы должны обсудить этот хлам с точки зрения дела. Мы всегда так смотрели и никогда не надеялись, что эти мелкобуржуазные элементы станут коммунистами. Но это предложение мы должны обсудить.

Мы говорили о диктатуре пролетариата, что пролетариат должен быть господствующим над всеми остальными классами. Мы не можем уничтожить различия между классами до полного введения коммунизма. Классы останутся, пока мы не уничтожим эксплуататоров — крупную буржуазию и помещиков, которых мы беспощадно экспроприируем. Но мы не можем сказать этого по отношению к среднему и мелкому крестьянству. И здесь требуется применение господства пролетариата над другими классами. Мы должны действовать беспощадно, экспроприируя буржуазию и помещиков, но привлекая к себе мелкобуржуазную демократию. На это можно ответить насмешкой и сказать, что достаточно знать подробно и ясно положение продовольственного дела, положение железнодорожного транспорта — этим вы никого не привлечете. Охотнее всего нам ответят таким образом, а мы им скажем: правильна ли наша политика в борьбе с империализмом? Можете ли сказать нам, что мы шли не по той дороге? Им нужны примеры, относительно которых мы все уверены, как бы нас ни упрекали и какими бы фразами нас ни осыпали, и хотя они никогда не впадут в этот «азиатский» социализм, но пример большевистской политики оказался пригодным для целого ряда стран.

Если мы скажем, что отношение к нашей учредилке было преступным в глазах меньшевиков, то разве недостаточно вспомнить, что не прошло трех недель со времени революции в Германии, как там обсуждается вопрос: учредилка или Советы. Нравится ли это им или не нравится, а оказалось, что мы были правы. Вот почему у меньшевиков и эсеров замечается поворот к нам. Наша политика в масштабе международном оказалась самым убедительным примером, который поглотил сильные предрассудки. Вот почему мы говорили, что мы опираемся на самые твердые факты. Вот почему мы можем использовать этот поворот, действуя на них примером, твердо помня, что если в области патриотизма в борьбе за парламентские учреждения мы в такой короткий срок победили, то тем более мы уверены, что мы победим и в другой области, и нам не страшна теперь агитация этих элементов. И когда они говорят: мы хотим быть нейтраль-

ными и быть в добрососедских отношениях, мы скажем: этого только нам и надо. Мы никогда не ожидали, что вы станете коммунистами.

Мы продолжаем стоять на почве беспощадной экспроприации помещиков и капиталистов. Тут мы беспощадны, и тут мы не можем вступить ни на какой путь примирения или соглашательства в этой области. Это есть измена по отношению к средним крестьянам, к мелкобуржуазной демократии. И это есть одна из форм борьбы, заранее предусмотренная теоретиками коммунизма, вытекающая из того, что мелкое производство никакими декретами перевести в крупное нельзя, что здесь нужно постепенно основывать социалистическое общество и развивать, ходом событий, неизбежность социализма. Эти элементы никогда не станут социалистами по убеждению, прямыми настоящими социалистами. Они станут социалистами, когда увидят, что выхода нет. Теперь они видят: Европа так развалилась, империализм дошел до такого положения, что никакая буржуазная демократия не спасет, что только Советская власть может спасти. Вот почему нам теперь этот нейтрализм, эти добрососедские отношения со стороны мелкобуржуазной демократии не только не страшны, а желательны. Вот почему, если мы смотрим на дело не с точки зрения пропагандистов коммунизма, а с точки зрения представителей класса, осуществляющего диктатуру, мы говорим: мы на большее никогда не рассчитываем, по отношению к мелкобуржуазной демократии с нас этого достаточно; вы будете с нами в добрососедских отношениях, а у нас будет государственная власть, мы вас, господа меньшевики, после вашего выступления по вопросу об Антанте и так далее, охотно легализируем, это будет сделано Центральным комитетом, согласно решения нашей партии, но мы не забудем того, что в вашей партии остались активисты, и по отношению к ним наши методы борьбы остаются старыми, потому что активисты — это друзья чехо-словаков, а пока чехо-словаки не изгнаны из России, вы представляете таких же врагов. Мы оставляем за собой государственную власть, только за собой. Мы с теми, кто с нами вступает в отношения нейтральности, рассуждаем как класс, который держит в своих руках политическую власть, направляет всю остроту своего оружия против помещиков и капиталистов, и который говорит мелкобуржуазной демократии: если вам угодно переходить на сторону чехо-словаков и красновцев — мы показали, как мы боролись, и мы будем бороться. Если вам угодно учиться примеру у большевиков, мы вступаем на путь соглашения с вами, зная, что иначе, как целым рядом соглашений, которые мы будем испытывать, проверять, сопоставлять с вами, страна не может перейти к социализму.

Мы на этот путь вступили с самого начала, например, тем, что голосовали закон о социализации земли и перевели его лишь

постепенно в ту меру, в силу которой удалось деревенскую бедноту объединить вокруг себя и повернуть против кулаков. Лишь по мере победы пролетарского движения в деревнях и не против помещиков вообще, а против кулаков, — лишь по мере победы этого движения, мы будем переходить систематически к коллективному общественному землевладению и к общественной обработке земли. Эту задачу нельзя было осуществить иначе, как опираясь на чисто пролетарское движение в деревне, и в этом отношении предстоит еще очень многое сделать. Нет сомнения, что здесь только практическое осуществление, только действительность покажет, как следует поступить.

Одно дело задача соглашения с средним крестьянством, другое дело — с мелкобуржуазными элементами, и третье дело с кооператорами. Видоизменение будет переживать эта задача, если мы будем ставить ее по отношению к тем буржуазным союзам, которые сохранили мелкобуржуазные традиции и привычки. Еще известное видоизменение эта задача переживет, если мы будем говорить о мелкобуржуазной интеллигенции: она колеблется, но она нам для нашего социалистического переворота также нужна. Мы знаем, что строить социализм можно только из элементов крупнокапиталистической культуры, и интеллигенция есть такой элемент. Если нам приходилось с ней беспощадно бороться, то к этому нас не коммунизм обязывал, а тот ход событий, который всех демократов и всех влюбленных в буржуазную демократию от нас оттолкнул. Теперь явилась возможность использовать эту интеллигенцию для социализма, ту интеллигенцию, которая не социалистична, которая никогда не будет коммунистичной, но которую сейчас объективный ход событий и соотношений настраивает по отношению к нам нейтрально и по-соседски. «Опираться на вас, мелкая интеллигенция, мы не будем никогда, а будем опираться только на авангард пролетариата, ведущего за собой всех пролетариев и всю деревенскую бедноту». Другой опоры у партии коммунистов быть не может. Но одно дело опираться на класс, представляющий собой диктатуру, а другое дело господствовать над другими классами. Конечно, в этом отношении существует огромная разница, которую я старался показать.

Вы помните, что Энгельс даже по отношению к тем крестьянам, которые пользуются наемным трудом, сказал: «может быть и не всех придется экспроприировать» [82]). Мы экспроприируем по общему правилу, и у нас кулака нет. Мы давим его. Подавляем его физически, когда он проникает в совет и пытается задушить там деревенского бедняка. Вы видите, как здесь проводится господство одного класса. Один пролетариат может господствовать. Но по одному это применяется к мелкому крестьянину, по другому к среднему, иначе к помещику, иначе к мелкому буржуа. Вся задача состоит в том, чтобы этот поворот, который вызван

международными условиями,— чтобы мы сумели его понять, понять неизбежность того, что лозунги, к которым привыкли за истекшие полгода истории революции, — неизбежно должны быть видоизменены, поскольку речь идет о мелкобуржуазной демократии. Мы должны сказать: мы власть оставляем за тем же классом, но по отношению к мелкобуржуазной демократии наш лозунг был — соглашение. Но нас заставили применить террор.

По отношению к этой демократии наша задача — это систематическое испытание, испробование их политики, применительно к каждому человеку, испробование сил мелкобуржуазной демократии, соответственно форме добрососедских отношений и соглашений, при которых пролетариат говорит: моя линия ведет к коммунизму путем экспроприирования. Если вы действительно в добрососедских отношениях с нами, — потрудитесь исполнить те или другие задачи, господа кооператоры и интеллигенты. А если не исполните, — вы будете нарушителями закона, нашими врагами, и мы будем с вами бороться. А если вы стоите на почве добрососедских отношений и исполните эти задачи, этого нам с избытком достаточно. Опора у нас прочная. В вашей дряблости мы никогда не сомневались. Но что вы нам нужны — этого мы не отрицаем. Потому что вы являлись единственным культурным элементом.

Если бы нам пришлось строить социализм не из элементов, оставленных нам в наследие капитализмом, — задача была бы легка, но в том то и трудность социалистического строительства, что нам приходится строить социализм из людей, насквозь испорченных капитализмом. В том то и трудность перехода, что он связан с диктатурой, с моментом, когда руководит один только класс — пролетариат. Из этого вытекает, что мы говорим себе. что линию будет определять пролетариат, который вышколен и обращен в боевую силу, способную разбить буржуазию. Между буржуазией и пролетариатом стоит масса переходных ступеней и по отношению к ним наша политика теперь должна стать на те рельсы, которые нами предусмотрены теоретически и которые мы теперь можем осуществлять. Нам предстоит целый ряд задач, целый ряд соглашений, испробований соглашений, технических заданий, которые мы, господствующая пролетарская власть, должны суметь дать. Мы должны суметь дать среднему крестьянину одно задание, помочь в товарообмене, в разоблачении кулака. Кооператорам другое: они обладают аппаратом для распределения продуктов в массовом размере; этот аппарат мы должны взять себе. Мы должны строить социализм из тех остатков кооперативных аппаратов, которые остались от прошлого, и уметь заставить оставшийся господствующий класс провести и выполнить эти задания. Интеллигенции мы должны дать совсем другие задания. Она не в силах продолжать саботаж и настроена так, что теперь она занимает позицию по отношению к нам самую добрососедскую, и

мы должны брать эту интеллигенцию, ставить ей определенные задачи, следить и проверять их выполнение, относиться к ним, как Маркс говорил по отношению к служащим Парижской Коммуны: «каждый отдельный наниматель умеет выбирать себе подходящих помощников, бухгалтеров и, когда они ошибаются, — умеет исправлять их ошибки, а если они не годятся, — заменять их новыми, хорошими» [83]).

Мы строим власть из элементов, оставленных нам капитализмом. Мы не можем строить власть, если такое наследие капиталистической культуры, как интеллигенция, не будет использовано. Если ход событий нас толкнул на борьбу, — мы ответили по правилу: на одного разбойника — три разбойника. И мы должны все свои задачи направить к тому, чтобы отнестись к мелкой буржуазии, как к доброму соседу, находящемуся под строгим контролем государственной власти. Тут задачей сознательного пролетариата является понять, что его господство не означает тот факт, что он выполнит все эти задачи. Тот, кто так думает, тот понятия не имеет о социалистическом строительстве, тот за год революции и диктатуры ничему не научился. Таким господам лучше отправиться в школу и там кое чему поучиться. А кто чему нибудь за истекшее время научился, — тот скажет себе: вот эту то интеллигенцию я и использую теперь на строительство. Для этого у меня есть достаточная опора в крестьянстве и та позиция в международных отношениях, которая заполняется годом борьбы и теми жертвами, которые мы понесли в области Брестского мира и политики. Мы принесли эти жертвы, чтобы доказать правильность нашей политики. И мы должны помнить, что только в ходе этой борьбы, в ходе ряда соглашений и опытов соглашений пролетариата с мелкобуржуазной демократией выработается то строительство, которое приведет к социализму.

Вспомним, что Энгельс говорил, что мы должны действовать примером [84]). Никакая форма не будет окончательной, пока не будет достигнут полный коммунизм. Мы не претендовали на то, что мы знаем точную дорогу. Но мы идем к коммунизму неизбежно, неминуемо и мы это можем определить в каждом отдельном случае, если, конечно, не будем метаться. В настоящее время каждая неделя дает больше, чем десятки лет мирного времени. Полгода, пережитые со времени Брестского мира, были эпохой колебаний против нас. Западноевропейская революция — пример, начинающий повторять нас, должен укрепить нас. Мы должны учесть происшедшие перемены, учесть все элементы, не делая никаких иллюзий, зная, что колеблющиеся останутся колеблющимися, пока не победит полностью всемирная социалистическая революция. Это может быть будет и не так скоро, хотя ход событий германской революции обнадеживает, что это будет скорее, чем многие предполагают. Немецкая революция разви-

вается так, как развивалась и наша, но более ускоренным темпом. Во всяком случае задача, которая перед нами стоит — это отчаянная борьба с англо-американским империализмом, который именно потому, что он чувствовал, что большевизм стал мировой силой, старается удушить нас с максимальной быстротой, желая сначала расправиться с русскими большевиками, а потом со своими собственными.

Мы должны те элементы из колеблющихся, которых зверства империализма толкают к нам, использовать. И мы это сделаем. Вы прекрасно знаете, что в войне нельзя пренебрегать никакой помощью, даже косвенной. В войне даже положение колеблющихся классов имеет громадное значение. Чем более остра война, тем больше мы должны приобрести влияния на колеблющиеся элементы, которые приходят к нам. Отсюда вытекает, что тактика, которую мы вели полгода, должна быть видоизменена сообразно новым задачам в отношении к различным слоям мелкобуржуазной демократии.

Если мне удалось обратить внимание партийных работников на эту задачу и побудить их путем систематического опыта придти к правильному решению, я могу считать свою задачу исполненной.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ О МЕЛКОБУРЖУАЗНЫХ ПАРТИЯХ.

Товарищи, мне придется сделать немного заключительных замечаний. Прежде всего я хотел ответить по поводу затронутого здесь вопроса о догме. Маркс и Энгельс говорили много раз, что наше учение не догма, а руководство к действию [85]), и я думаю, мы должны это прежде всего и больше всего иметь в виду.

Учение Маркса и Энгельса не догма, которую мы заучиваем — его нужно принять, как руководство к действию. Это мы говорили всегда, и я думаю· целесообразно действовали, никогда не впадая в оппортунизм, а видоизменяли тактику. Но это никоим образом не является отступлением от учения и никоим образом назвать оппортунизмом нельзя. Я говорил и еще и еще раз повторяю, что это учение является не догмой, а руководством к действию.

Дальше, переходя к замечанию товарища Стеклова: с кем мы будем соглашаться, с штабами или массами? я отвечу: в первую голову, конечно, с массами, а затем с штабами, а когда придется бороться с штабами, все зависит от отдельных случаев. Я к этому перейду, но сейчас я практически не вижу никакой возможности соглашения с партией меньшевиков и партией эсеров *). Нам говорят, соглашаться — значит чем-нибудь поступиться. Чем вы поступитесь и как вы отступите от основной линии? Это будет отступничество, а если это только в практике, тогда это не ново. Разумеется, мы никогда не поступимся нашими принципами. Сейчас об этом не имеет смысла говорить. Пятнадцать лет тому назад споры шли об основной линии и принципах, споры эти мне приходилось вести, к сожалению, главным образом заграницей, а не в России. А теперь речь идет о государственной власти; но о том, чтобы ею сколько-нибудь поступиться — об этом не может быть и речи. Недаром Вильсон заявил: а теперь наш враг есть мировой большевизм [86]). Это заявляют буржуа всего мира. Если они соберутся на нас походом — это значит, что они признали, что большевистская власть есть не русское только, а мировое явление. Был бы смешон и жалок большевик, который предложил бы буржуазии какое-нибудь соглашение. Да и когда революционный пожар перекинулся на целый ряд стран, — ни

*) Далее в стенограмме несколько строк не разобраны. *Ред.*

одно капиталистическое буржуазное правительство на это не пойдет и пойти не может.

Швейцарская буржуазия, когда дошло дело до последних событий, говорила прямо: мы не русские, мы вам власть не отдадим. Капитан Садуль, который присоединился к большевизму, пишет, что он удивляется, наблюдая удивительную покорность русской буржуазии, и заявляет, что их французская буржуазия будет поступать не так. Там мы увидим озлобление гораздо большее и гражданская война, если она разовьется, примет самые беспощадные формы, и с этой стороны никаких вопросов поднимать невозможно.

Вопрос совершенно решен практически годом пролетарской диктатуры, и ни одному крестьянину, ни одному рабочему не может придти в голову идти на соглашение с буржуазией. А что соглашение не есть нечто новое, я совершенно согласен. Я только хотел, чтобы мы совещались вместе по таким вопросам.

Те обстоятельства, которые меньшевиков и эсеров и мелкую интеллигенцию особенно оттолкнули от нас, — беспощадная борьба за Брестский мир в период наступления германского империализма, — эти обстоятельства миновали. Но, что хотя бы временные успехи англо-французов вызовут новые колебания этой интеллигенции и мелкой демократии, которая начнет сеять панику и перебегать, мы это прекрасно знаем. Мы соглашаемся с ними, чтобы достигнуть определенных результатов и для определенной практической работы. Эта тактика не может вызывать ни споров, ни удивлений. Но что она не была понята, это доказали многие и даже такой влиятельный член Московского Совета, как товарищ Максимов. Товарищ Максимов говорил, что с Хинчуком нужно не соглашаться, а разумно договариваться. Когда мы издавали весной первый декрет о кооперативах и они нам поставили ультимативные требования, мы им уступили. Это мы называем соглашением — иначе эту политику назвать нельзя. И если каждый советский работник возьмет себе за правило, самому себе скажет и всем товарищам повторит: с мелкобуржуазной демократией разумно договорись, я буду считать себя удовлетворенным.

Мы до сих пор в работе, особенно в работе на местах, еще слишком далеки от того, чтобы разумно договариваться. Наоборот, мы часто не договариваемся разумно. Нас обвиняют в этом, не понимая, что новое строительство без этого невозможно. Нет гения, который мог бы строить новую жизнь, не научившись в строительстве. Когда нужно с практическими деятелями разумно договориться, мы этого не умеем. Чтобы устроить лавку, надо знать, как ее устроить. Нужны люди, которые знают свое дело. Нам большевикам в этой практической работе применять свои познания приходилось очень редко. У нас очень редок недостаток

в агитаторах, но, самый вопиющий недостаток, недостаток в практических руководителях, в организаторах. И это до сих пор продолжается, несмотря на лежащий за спиною год опыта. Со всяким человеком, который в этой области достаточно опытен, который выставляет лозунг нейтральности и добрососедских отношений, с каждым таким человеком разумно договорись. Если он умеет строить лавку, распределять товар, если он может хоть чему нибудь научить, если он человек практик, это большое приобретение.

В числе друзей большевизма с тех пор, как они победили, всякий знает, что в их числе много врагов, в их же собственных рядах. К нам часто примазываются элементы совершенно ненадежные, жульнические, которые политически колеблются, продают, предают и изменяют. И мы это хорошо знаем, и это нас не меняет. Это исторически неизбежно. Когда меньшевики нас укоряют, что среди советских служащих масса примазавшихся, нечестных, даже в общегражданском смысле, элементов, мы говорим им: откуда же нам взять лучших, как сделать нам, чтобы лучшие светлые люди сразу в нас поверили. Революции, которая бы сразу могла победить и убедить, сразу заставить поверить в себя, такой революции нет. Она начинается в одной стране, а в других странах ей не верят. Нашу революцию считают кошмарным хаосом, и от наших организованных «хаотических» собраний, называемых у нас советами, ничего не ждут в других странах. И это вполне естественно. Нам надо было многое завоевать. И вот когда говорят: надо разумно договориться с Хинчуком, — он умеет строить лавку — я говорю: договоритесь и с другими, возьмите мелких буржуев, которые много умеют делать.

Если мы вобьем этот лозунг: «договорись», вобьем в головы на местах, если поймем, что просыпается к власти новый класс, что берутся за управление люди, которые никогда за такое сложное дело не брались, и естественно, делают ошибки, — мы не смутимся. Мы знаем, что без ошибок нельзя управлять. Но кроме ошибок мы наблюдаем неумелое пользование властью, только как властью, когда люди говорят: я получил власть, я предписал, и ты должен слушаться. Мы говорим: по отношению к целому ряду элементов: мелкобуржуазной демократии профессиональных союзов, крестьян и кооперативов, — не проводите этого лозунга, теперь он перестает быть нужным. Поэтому разумнее договориться с мелкобуржуазной демократией, в особенности с интеллигенцией — это наша задача. Конечно, мы договоримся на нашей платформе, мы договоримся, как власть.

Мы говорим: правда ли, что вы перешли от враждебности к позиции нейтральности и добрососедских отношений, правда ли, что вы перестали быть враждебными. Иначе мы не будем закрывать глаз, мы будем говорить открыто: война, так война, и

мы поступали, как на войне, но если вы перешли от враждебности к нейтральности, если вы говорите о добрососедских отношениях, эти слова я взял из заявлений людей, не принадлежащих к лагерю коммунистов, которые вчера еще были гораздо ближе к лагерю белогвардейцев, — я говорю: раз находятся такие люди, которые переходят в таких широких размерах от вчерашней враждебности к сегодняшней нейтральности и к добрососедским отношениям, нам нужно продолжать свою пропаганду.

Товарищ Хмельницкий напрасно опасается, что меньшевики проводят свою пропаганду, чтобы руководить жизнью рабочего класса. Мы говорим не о социал-демократах, которые не поняли социалистической республики, мы говорим не о них и не о мелкобуржуазной бюрократии, — тут идейная борьба с меньшевиками, непримиримая война. Сказать меньшевику, что он мелкобуржуазный демократ, это для него худшее оскорбление, и чем спокойнее вы станете доказывать меньшевику это, тем больше будет его бешенство. Думать, что мы из своего собственного достигнутого положения отдадим хотя одну сотую или одну тысячную часть — это ошибка. Ни малейшей доли мы не уступим.

Примеры, которые приводил товарищ Шмидт, доказывали, что даже группа пролетариата, которая ближе стояла к буржуазии, как например, печатники, мелкобуржуазные служащие, буржуазные банковские служащие, которые производили операции в торгово-промышленных заведениях, — от перехода к социализму много теряют. Мы закрыли массу буржуазных газет, мы национализировали банки, мы закрыли целый ряд путей, по которым служащие банков обогащались, принимая участие в спекуляции, но и в этом лагере мы видим колебание, мы видим, что они переходят к нам. Если Хинчук ценен тем, что он умеет строить лавочки, то банковский служащий ценен тем, что он знает технику денежного дела, с которым многие из нас, хотя знакомы теоретически, но в практическом деле обнаруживают весьма большую слабость. И я говорю с таким человеком, который эту технику знает, и который мне говорит, что он от вчерашней враждебности перешел к нейтральности и добрососедству. Мы говорим: со всяким человеком разумно договорись. И в Совдепах, если товарищ Максимов эту тактику, о которой он, как выдающийся член Президиума Московского Совдепа, говорил по отношению к интеллигенции и колеблющейся мелкой буржуазии, поведет, я буду вполне и с избытком удовлетворен.

Дальше вопрос о кооперативах. Товарищ Стеклов выразился так: от кооперативов пахнет плохо. Товарищ Максимов сказал относительно кооперативов: не нужно писать такие декреты, как последний декрет Совета Народных Комиссаров. У нас в практической области не было единогласия. Для нас не ново то, что с мелкой буржуазией, если она не враждебна к нам,

нужно согласиться на такую ноту. Если старое положение оказывается плохим, его нужно переменить, когда этого требуют изменившиеся обстоятельства. Что в этом отношении дело изменилось, мы ясно видим. Тут кооперативы служат наглядным примером. Кооперативный аппарат есть аппарат снабжения, рассчитанный не на частную инициативу капиталистов, а на массовое участие самих трудящихся, и Каутский задолго до того, как перешел к ренегатам, был прав, говоря, что социалистическое общество есть один большой кооператив [87]).

Если мы стремимся наладить контроль и практически организовать хозяйство для сотен тысяч людей, то мы не должны забывать, что, когда социалисты обсуждают этот вопрос, они указывают, что им могут пригодиться руководители трестов, как опытные практики. Теперь опыт показывает, что мелкобуржуазные элементы перешли от враждебности к нейтральности. И в то же время надо понять, что организовывать лавочки они умеют. Мы не отрицаем: Хинчук как идеолог насквозь пропитан буржуазными предрассудками, от них всех разит этим, но в то же время у них есть практические знания. В смысле идей у нас все пушки на нашей стороне, а у них — ни одной. Но когда они говорят, что они не враждебны и переходят к нейтральности, то мы должны учесть, что теперь сотни и тысячи людей менее способных, чем Хинчук, также разумно договариваются. Я говорю: нужно уметь с ними договариваться. В области практического строительства они больше знают, лучше умеют и у них надо учиться. Пусть они поучатся у нас воздействию на международный пролетариат, а вот лавочки строить мы у них поучимся. Этого мы не умеем. Тут во всякой области нужны техники со специальными познаниями.

И по отношению к кооперативам я не понимаю, почему тут пахнет плохо. Когда мы первый декрет о кооперативах проводили, мы приглашали для обсуждения в Совет Народных Комиссаров людей не только не коммунистов, но гораздо ближе стоящих к белогвардейцам, мы с ними совещались, мы спрашивали их: вы можете это принять? Они говорили: это — да, а этого не можем. Конечно, это было соглашательство с буржуазией с точки зрения внешней или невдумчивой. Приглашены были представители буржуазной кооперации, и по их указанию вычеркнуто несколько статей декрета. Например, вычеркнута была статья о бесплатном пользовании и вступлении в пролетарский кооператив. Нам казалось это вполне приемлемым, а они наше предложение отвергли.

Мы говорим, что мы должны идти путем соглашения с людьми, которые умеют гораздо лучше нас устраивать лавки. В этом мы не осведомлены, но от своей борьбы мы нисколько не отступаем. Когда мы издавали следующий такой же декрет, то-

варищ Максимов сказал: не надо таких декретов писать, потому что там сказано: закрытые кооперативы открывать вновь. Это показывает, что у работников Московского Совдепа, как и у нас, есть известные недоразумения, и даже ради устранения таких недоразумений, надо устраивать такие совещания и беседы, как сегодняшняя. Мы указывали, что ради интересов дела мы намерены были использовать не только профсоюзы вообще, но и Союз Торгово-Промышленных служащих, а торгово-промышленные служащие всегда были опорой буржуазного строя. Но раз эти люди прибегают к нам и говорят: мы согласны жить в добрососедских отношениях, встречайте их радушно, нужно взять протянутую руку, — рука от этого не отвалится. Мы не забудем, что если завтра ударят англо-французские империалисты, они отвернутся и первые побегут. На этот счет товарищ Скрыпник может не беспокоиться, он не будет ни на одну сотую ослаблен. Но когда эта партия, эти буржуазные элементы не бегут, мы повторяем: тут нужно с ними сближение. Поэтому мы приняли декрет, который опубликован в воскресенье, и который не нравится товарищу Максимову, — этим он показывает применение старой коммунистической тактики, неприменимой к новым обстоятельствам. Если мы написали его вчера, а в ответ получили резолюцию Центрального Комитета служащих [88]), то мы оказались бы в дураках, когда бы сказали, что ты не во время начал, зачем ты пишешь, когда начался поворот, когда изменяется положение.

Вооруженные капиталисты ведут войну все дальше и упорнее, и нам страшно важно использовать этот, хотя бы временный, поворот при практическом строительстве. Вся власть у нас. Мы можем кооперативы не закрывать, а закрытые открывать вновь, потому что закрывали мы их, когда они служили белогвардейской агитации. Но всякий лозунг получает способность затвердевать больше, чем нужно. Когда по России шла волна закрытия кооперативов и их преследование, — это требовалось условиями момента. А сейчас это не требуется. Аппарат очень важный, связанный со средним крестьянством, аппарат, который объединяет раздробленные, распыленные слои крестьян, — никакой серьезной политики, никакого государственного дела не сделает. Эти Хинчуки делают полезную работу, основанную буржуазными элементами. Когда эти крестьяне и мелкие буржуазные демократы говорят, что они переходят от враждебности к нейтральности, к добрососедскому отношению, мы должны сказать: нам только этого и надо. И давайте, добрые соседи, договариваться разумным образом с вами. Мы всячески вам содействуем, осуществляем ваши права; разберем ваши претензии, дадим вам какие бы то ни было привилегии, но исполняйте наши задания. Если вы этого не сделаете, то знайте, что весь аппарат Чрезвычайной Комиссии остается

у нас. Если вы не сумеете использовать свои права и не исполните наших заданий, то весь аппарат государственного контроля останется у нас, и мы будем рассматривать вас как нарушителей государственной воли. Вы должны дать нам отчет до последней копейки, и нарушение этого будет караться, как нарушение государственной воли и государственных законов.

Весь этот контроль остается в наших руках, но сейчас привлечь этих людей к себе, хотя бы на время — задача с точки зрения мировой политики не гигантская, а для нас существенно необходимая. Она наше положение в войне усилит. У нас нет порядочного тыла. Это даст нам моральную победу, потому что покажет западно-европейскому империализму, что он встретит у нас отпор довольно серьезный, а этим нельзя пренебрегать, ибо в каждой стране есть своя внутренняя рабочая, пролетарская оппозиция против нашествия на Россию. Вот почему я думаю, поскольку можно судить по заявлению товарища Максимова, мы нащупываем определенное согласие. Если разногласия и обнаруживаются, то они не так существенны, ибо раз признается необходимость разумно договариваться по отношению ко всей мелкобуржуазной демократии, интеллигенции, кооператорам, к не признающим еще нас профессиональным союзам, не выпуская из рук власти, если мы эту политику твердо проведем в течение всей зимы, — мы приобретем уже большой плюс для всего дела международной революции.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕНЕГАТ КАУТСКИЙ

Написано в октябре-ноябре 1918 г.
Напечатано в 1918 г. отдельной книгой.
Изд. «Коммунист», Москва

Печатается по тексту книги, сверенному с рукописью

Россійская Коммунистическая Партія (большевиковъ).

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Н. Ленинъ (Вл. Ульяновъ).

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ и РЕНЕГАТЪ КАУТСКІЙ.

Цѣна 3 руб.

Книгоиздательство „КОММУНИСТЪ“.

МОСКВА:
1) Срѣтенка (уг. Рыбникова пер.), д. 8. Тел. 4-70-48; 3-15-00.
2) 2-ой домъ Совѣтовъ, Театр. пл.

ПЕТРОГРАДЪ:
1) Поварской пер., д. № 2, кв. 9 и 10. Тел. 2-27-42.
2) Литейный проспектъ, д. 48.

1918.

Обложка брошюры В. И. Ленина: «Пролетарская революция и ренегат Каутский» — 1918 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Вышедшая недавно в Вене брошюра Каутского «Диктатура пролетариата» (Wien, 1918, Ignaz Brand, стр. 63) представляет из себя нагляднейший пример того полнейшего и позорнейшего банкротства II Интернационала, о котором давно говорят все честные социалисты всех стран. Вопрос о пролетарской революции становится теперь практически в порядок дня в целом ряде государств. Поэтому разбор ренегатских софизмов и полного отречения от марксизма у Каутского является необходимым.

Но сначала надо подчеркнуть, что пишущему эти строки с самого начала войны приходилось многократно указывать на разрыв Каутского с марксизмом. Ряд статей 1914 — 1916 годов в заграничном «Социал-Демократе»[89]) и «Коммунисте»[90]) был посвящен этому. Статьи эти собраны в издании Петроградского Совета: Г. Зиновьев и Н. Ленин: «Против течения», Петргр. 1918 г. (страниц 550)[91]). В брошюре, изданной в Женеве в 1915 году и переведенной тогда же на немецкий и французский языки[92]), я писал о «каутскианстве»:

«Каутский, наибольший авторитет II Интернационала, представляет из себя в высшей степени типичный и яркий пример того, как словесное признание марксизма привело на деле к превращению его в «струвизм» или в «брентанизм»» (то-есть в либерально-буржуазное учение, признающее нереволюционную «классовую» борьбу пролетариата, что особенно ярко выразили русский писатель Струве и немецкий экономист Брентано). «Мы видим это и на примере Плеханова. Из марксизма явными софизмами выхолащивают его революционную живую душу, в марксизме признают *все, кроме* революционных средств борьбы, проповеди и подготовки их, воспитания масс именно в этом направлении. Каутский безыдейно «примиряет» основную мысль социал-шовинизма, признание защиты отечества в данной войне, с дипломатической, показной уступкой левым в виде воздержания при голосовании кредитов, словесного признания своей оппозиционности и т. д. Каутский, в 1909 году написавший целую книгу о

приближении эпохи революций и о связи войны с революцией; Каутский, в 1912 году подписавший Базельский манифест о революционном использовании грядущей войны, теперь на все лады оправдывает и прикрашивает социал-шовинизм и, подобно Плеханову, присоединяется к буржуазии для высмеивания всяких помыслов о революции, всяких шагов к непосредственно-революционной борьбе.

Рабочий класс не может осуществить своей всемирно-революционной цели, не ведя беспощадной войны с этим ренегатством, бесхарактерностью, прислужничеством оппортунизму и беспримерным теоретическим опошлением марксизма. Каутскианство не случайность, а социальный продукт противоречий II Интернационала, соединения верности марксизму на словах и подчинения оппортунизму на деле» (Г. Зиновьев и Н. Ленин: «Социализм и война», Женева, 1915, стр. 13 — 14 *)).

Далее. В написанной в 1916 году книге «Империализм, как новейший этап капитализма» (вышла в Петрограде в 1917 году) **), я подробно разбирал теоретическую фальшь всех рассуждений Каутского об империализме. Я приводил определение империализма Каутским: «Империализм есть продукт высоко-развитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении каждой промышленной капиталистической нации присоединить к себе или подчинить все бо́льшие *аграрные* (курсив Каутского) области, без отношения к тому, какими нациями они населены». Я показывал полнейшую неверность этого определения и «приспособленность» его к затушевыванию самых глубоких противоречий империализма, а затем к примирению с оппортунизмом. Я приводил свое определение империализма: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами». Я показывал, что критика империализма у Каутского стоит даже ниже буржуазной, мещанской критики его.

Наконец, в августе и сентябре 1917 года, т.-е. до пролетарской революции в России (25 октября — 7 ноября 1917 года), я написал вышедшую в Петрограде в начале 1918 года брошюру «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции» ***) и здесь, в главе VI, об «Опошлении марксизма оппортунистами», посвятил особое внимание Каутскому, доказывая, что он совершенно извратил учение Маркса, подделывал его под оппортунизм, «отрекался от революции на деле при признании ее на словах».

---

*) См. XVIII том Сочинений, стр. 185 — 223. *Ред.*
**) См. XIX том Сочинений, стр. 67 — 175. *Ред.*
***) См. XXI том Сочинений, стр. 365 — 455. *Ред.*

В сущности, основная теоретическая ошибка Каутского в его брошюре о диктатуре пролетариата состоит именно в тех оппортунистических извращениях учения Маркса о государстве, которые подробно вскрыты в моей брошюре «Государство и революция».

Эти предварительные замечания были необходимы, ибо они доказывают, что Каутский был открыто обвинен мной в ренегатстве задолго до того, как большевики взяли государственную власть и были за это осуждены Каутским.

КАК КАУТСКИЙ ПРЕВРАТИЛ МАРКСА В ДЮЖИННОГО ЛИБЕРАЛА.

Основной вопрос, затрогиваемый Каутским в его брошюре, есть вопрос о коренном содержании пролетарской революции, именно о диктатуре пролетариата. Это—вопрос, имеющий важнейшее значение для всех стран, особенно для передовых, особенно для воюющих, особенно в настоящее время. Можно сказать без преувеличения, что это — самый главный вопрос всей пролетарской классовой борьбы. Поэтому необходимо на нем внимательно остановиться.

Каутский ставит вопрос таким образом, что «противоположность обоих социалистических направлений» (т.-е. большевиков и не-большевиков) есть «противоположность двух в корне различных методов: демократического и диктаторского» (стр. 3).

Отметим мимоходом, что, называя не-большевиков в России, т.-е. меньшевиков и эсеров, социалистами, Каутский руководится их названием, т.-е. словом, а не тем *действительным местом*, которое они занимают в борьбе пролетариата с буржуазией. Великолепное понимание и применение марксизма! Но об этом подробнее ниже.

Сейчас надо взять главное: великое открытие Каутского о «коренной противоположности» «демократического и диктаторского методов». В этом гвоздь вопроса. В этом вся суть брошюры Каутского. И это — такая чудовищная теоретическая путаница, такое полное отречение от марксизма, что Каутский, надо признать, далеко опередил Бернштейна.

Вопрос о диктатуре пролетариата есть вопрос об отношении пролетарского государства к буржуазному государству, пролетарской демократии к буржуазной демократии. Казалось бы, это ясно как день. Но Каутский, точно какой-то учитель гимназии, засохший на повторении учебников истории, упорно поворачивается задом к XX веку, лицом к XVIII, и в сотый раз, невероятно скучно, в целом ряде параграфов, жует и пережевывает старье об отношении буржуазной демократии к абсолютизму и средневековью!

Поистине, точно во сне мочалку жует!

Ведь это же значит решительно не понять, что к чему. Ведь только улыбку вызывают потуги Каутского представить дело так, будто есть люди, проповедующие «презрение к демократии» (с. 11) и т. п. Такими пустячками приходится затушевывать, запутывать вопрос Каутскому, ибо он ставит вопрос по-либеральному, о демократии вообще, а не о буржуазной демократии, он избегает даже этого точного, классового понятия, а старается говорить о «досоциалистической» демократии. Почти треть брошюры, 20 страниц из 63, занял наш водолей болтовней, которая очень приятна для буржуазии, ибо равняется подкрашиванию буржуазной демократии и затушевывает вопрос о пролетарской революции.

Но ведь заглавие брошюры Каутского есть все же «Диктатура пролетариата». Что в этом именно суть учения Маркса, это общеизвестно. И Каутскому пришлось, после всей болтовни не на тему, привести слова Маркса о диктатуре пролетариата.

Как это проделал «марксист» Каутский, это уже прямая комедия! Слушайте:

«На одно слово Карла Маркса опирается тот взгляд» (который Каутский объявляет презрением к демократии) — так буквально значится на стр. 20. А на стр. 60-ой это повторено даже в такой форме, что (большевики) «вспомнили во̀-время словечко» (буквально так!! des Wörtchens) о диктатуре пролетариата, употребленное Марксом однажды в 1875 году в письме».

Вот это «словечко» Маркса:

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата» [98]).

Во-первых, назвать это знаменитое рассуждение Маркса, подводящее итог всему его революционному учению, «одним словом» или даже «словечком» — значит издеваться над марксизмом, значит отрекаться от него полностью. Нельзя забывать, что Каутский знает Маркса почти наизусть, что, судя по всем писаниям Каутского, у него в письменном столе или в голове помещен ряд деревянных ящичков, в которых все написанное Марксом распределено аккуратнейшим и удобнейшим для цитирования образом. Каутский *не может не знать*, что и Маркс и Энгельс и в письмах и в печатных произведениях говорили о диктатуре пролетариата *многократно*, особенно и до и*) после Коммуны. Каутский не может не знать, что формула: «диктатура пролетариата» есть лишь более исторически-конкретное и научно-точное изложение той задачи пролетариата «разбить» буржуазную государственную машину, о которой (задаче) и Маркс и Энгельс, учитывая опыт ре-

*) В рукописи «и до и» отсутствует. *Ред.*

волюций 1848 и еще более 1871 года, говорят с 1852 до 1891 года, *в течение сорока лет.*

Как объяснить это чудовищное извращение марксизма начетчиком в марксизме Каутским? Если говорить о философских основах данного явления, то дело сведется к подмене диалектики эклектизмом и софистикой. Каутский — великий мастер такой подмены. Если говорить практически-политически, то дело сведется к лакейству перед оппортунистами, т. е. в конце концов перед буржуазией. С начала войны прогрессируя все быстрее, Каутский дошел до виртуозности в этом искусстве быть марксистом на словах, лакеем буржуазии на деле.

Еще более убеждаешься в этом, когда рассматриваешь, как замечательно «истолковал» Каутский «словечко» Маркса о диктатуре пролетариата. Слушайте:

«Маркс, к сожалению, упустил указать подробнее, как он представляет себе эту диктатуру»... (Насквозь лживая фраза ренегата, ибо Маркс и Энгельс дали именно ряд подробнейших указаний, которые умышленно обходит начетчик в марксизме Каутский)... «Буквально слово диктатура означает уничтожение демократии. Но, разумеется, взятое буквально это слово означает также единовластие одного отдельного лица, не связанного никакими законами. Единовластие, которое отличается от деспотизма тем, что оно мыслится не как постоянное государственное учреждение, а как преходящая мера крайности.

Выражение «диктатура пролетариата», следовательно, не диктатура одного лица, а одного класса, уже исключает, что Маркс имел в виду при этом диктатуру в буквальном смысле слова.

Он говорил здесь не о *форме правления,* а о *состоянии,* которое по необходимости должно наступить повсюду там, где пролетариат завоевал политическую власть. Что Маркс здесь не имел в виду формы правления, это доказывается уже тем, что он держался взгляда, что в Англии и в Америке переход может совершиться мирно, следовательно, путем демократическим» (стр. 20).

Мы нарочно привели полностью все это рассуждение, чтобы читатель мог ясно видеть, какими приемами оперирует «теоретик» Каутский.

Каутский пожелал подойти к вопросу таким образом, чтобы начать с определения «слова» диктатура.

Прекрасно. Подойти любым образом к вопросу — священное право всякого. Надо только отличать серьезный и честный подход к вопросу от нечестного. Кто хотел бы серьезно отнестись к делу при данном способе подхода к вопросу, тот должен бы дать *свое определение* «слова». Тогда вопрос был бы поставлен ясно и прямо. Каутский этого не делает. «Буквально, — пишет он — слово диктатура означает уничтожение демократии».

Во-первых, это не определение. Если Каутскому угодно уклоняться от дачи определения понятию диктатура, к чему было выбирать данный подход к вопросу?

Во-вторых, это явно неверно. Либералу естественно говорить о «демократии» вообще. Марксист никогда не забудет поставить вопрос: «для какого класса?» Всякий знает, например, — и «историк» Каутский знает это тоже,—что восстания или даже сильные брожения рабов в древности сразу обнаруживали сущность античного государства, как *диктатуры рабовладельцев*. Уничтожала ли эта диктатура демократию *среди рабовладельцев* для них? Всем известно, что нет.

«Марксист» Каутский сказал чудовищный вздор и неправду, ибо «*забыл*» о классовой борьбе...

Чтобы из либерального и лживого утверждения, данного Каутским, сделать марксистское и истинное, надо сказать: диктатура не обязательно означает уничтожение демократии для того класса, который осуществляет эту диктатуру над другими классами, но она обязательно означает уничтожение (или существеннейшее ограничение, что̀ тоже есть один из видов уничтожения) демократии для того класса, над которым или против которого осуществляется диктатура.

Но, как ни истинно это утверждение, а определения диктатуры оно не дает.

Рассмотрим следующую фразу Каутского:

...«Но, разумеется, взятое буквально, это слово означает также единовластие одного отдельного лица, не связанного никакими законами»...

Подобно слепому щенку, который случайно тычет носом то в одну, то в другую сторону, Каутский нечаянно наткнулся здесь на *одну* верную мысль (именно, что диктатура есть власть, не связанная никакими законами), но определения диктатуры *все же не дал* и сказал, кроме того, явную историческую неправду, будто диктатура означает власть одного лица. Это и грамматически неверно, ибо диктаторствовать может и кучка лиц, и олигархия, и один класс, и т. д.

Дальше Каутский указывает отличие диктатуры от деспотизма, но, хотя его указание явно неверно, останавливаться на нем мы не будем, ибо это совершенно не относится к интересующему нас вопросу. Известна склонность Каутского от XX века поворачиваться к XVIII, а от XVIII к античной древности, и мы надеемся, что, добившись диктатуры, немецкий пролетариат учтет эту склонность, посадив, скажем, Каутского гимназическим учителем древней истории. От определения диктатуры пролетариата отлынивать посредством умствований о деспотизме есть либо крайняя глупость либо весьма неискусное мошенничество.

В итоге мы получаем, что, взявшись говорить о диктатуре, Каутский наговорил много заведомой неправды, но никакого определения не дал! Он мог бы, не полагаясь на свои умственные способности, прибегнуть к своей памяти и выложить из «ящичков» все случаи, когда Маркс говорит о диктатуре. Он получил

бы, наверное, либо следующее, либо по существу совпадающее с ним, определение:

Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами.

Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами.

И вот эту-то простую истину, истину ясную как божий день для всякого сознательного рабочего (представителя массы, а не верхушечного слоя подкупленной капиталистами мещанской сволочи, каковой являются социал-империалисты всех стран), эту очевидную для всякого представителя эксплуатируемых, борющихся за свое освобождение, эту бесспорную для всякого марксиста истину приходится «войной отвоевывать» у ученейшего господина Каутского. Чем объяснить это? — Тем духом лакейства, которым пропитались вожди II Интернационала, ставшие презренными сикофантами на службе у буржуазии.

Сначала Каутский совершил подтасовку, заявив явный вздор, будто буквальный смысл слова диктатура означает единоличного диктатора, а потом он — на основании этой подтасовки заявляет, что у Маркса, значит, слова о диктатуре класса *имеют* не буквальный смысл (а такой, при котором диктатура не означает революционного насилия, а «мирное завоевание большинства при буржуазной», — это заметьте, — демократии).

Надо отличать, видите ли, «состояние» от «формы правления». Удивительно глубокомысленное различие, совсем вроде того, как если бы мы отличали «состояние» глупости у человека, рассуждающего неумно, от «формы» его глупостей!

Каутскому *нужно* истолковать диктатуру, как «состояние господства» (это выражение буквально употреблено у него на следующей же, 21-ой, странице), ибо тогда *исчезает революционное насилие, исчезает насильственная революция.* «Состояние господства» есть состояние, в котором бывает любое большинство при... «демократии». Таким мошенническим фокусом *революция* благополучно *исчезает.*

Но мошенничество слишком грубое, и Каутского оно не спасет. Что диктатура предполагает и означает «состояние» неприятного для ренегатов *революционного насилия* одного класса над другим, этого «шила в мешке не утаишь». Вздорность различения «состояния» и «формы правления» всплывают наружу. О форме правления говорить здесь втройне глупо, ибо всякий мальчик знает, что монархия и республика разные формы правления. Господину Каутскому нужно доказывать, что *обе* эти формы правления, как и все переходные «формы правления» при капитализме, суть лишь разновидности *буржуазного государства,* т.-е. *диктатуры буржуазии.*

Говорить о формах правления, наконец, есть не только глупая, но и аляповатая фальсификация Маркса, который яснее ясного говорит здесь о форме или типе *государства*, а не о форме правления.

Пролетарская революция невозможна без насильственного разрушения буржуазной государственной машины и замены ее *новою*, которая, по словам Энгельса, «не является уже в собственном смысле государством» [94]).

Каутскому все это надо замазать и изолгать — этого требует его ренегатская позиция.

Посмотрите, к каким жалким увертка́м он прибегает.

Увертка первая: «Что Маркс не имел тут в виду формы правления, доказывается тем, что он считал возможным в Англии и Америке мирный переворот, т.-е. демократическим путем»...

Форма правления тут решительно не при чем, ибо бывают монархии, не типичные для буржуазного государства, например, отличающиеся отсутствием военщины, и бывают республики, вполне *) типичные, например, с военщиной и с бюрократией. Это общеизвестный исторический и политический факт, и Каутскому не удастся его фальсифицировать.

Если бы Каутский хотел серьезно и честно рассуждать, он бы спросил себя: бывают ли исторические законы, касающиеся революции и не знающие исключения? Ответ был бы: нет, таких законов нет. Такие законы имеют в виду лишь типичное, то, что́ Маркс однажды назвал «идеальным» в смысле среднего, нормального, типичного капитализма.

Далее. Было ли в 70-х годах нечто такое, что́ делало из Англии и Америки исключение *в рассматриваемом отношении?* Всякому, сколько-нибудь знакомому с требованием науки в области исторических вопросов, очевидно, что этот вопрос необходимо поставить. Не поставить его значит фальсифицировать науку, значит играть в софизмы. А поставив этот вопрос, нельзя сомневаться в ответе: революционная диктатура пролетариата есть *насилие* против буржуазии; необходимость же этого насилия *в особенности* вызывается, как подробнейшим образом и многократно объясняли Маркс и Энгельс (особенно в «Гражданской войне во Франции» и в предисловии к ней), тем, что существует *военщина и бюрократия*. Как раз этих учреждений, как раз в Англии и в Америке, как раз в 70-х годах XIX века, когда Маркс делал свое замечание, *н е б ы л о*. (А теперь они и в Англии и в Америке *есть*.)

Каутскому приходится буквально мошенничать на каждом шагу, чтобы прикрывать свое ренегатство!

И заметьте, как он показал здесь нечаянно свои ослиные уши: он написал: «мирно», *т.-е. демократическим путем!!*

---

*) В рукописи далее следует: «в этом отношении». *Ред.*

При определении диктатуры Каутский изо всех сил старался спрятать от читателя основной признак этого понятия, именно: революционное *насилие*. А теперь правда вылезла наружу: речь идет о противоположности *мирного* и *насильственного переворотов*.

Здесь зарыта собака. Все увертки, софизмы, мошеннические фальсификации для того и нужны Каутскому, чтобы *отговориться* от *насильственной* революции, чтобы прикрыть свое отречение от нее, свой переход на сторону *либеральной* рабочей политики, т.-е. на сторону буржуазии. Здесь зарыта собака.

«Историк» Каутский так бесстыдно фальсифицирует историю, что забывает основное: домонополистический капитализм — а апогеем его были именно 70-ые годы XIX века — отличался, в силу *экономических* его коренных свойств, которые в Англии и Америке проявились особенно типично, наибольшими, сравнительно, миролюбием и свободолюбием. А империализм, т.-е. монополистический капитализм, окончательно созревший лишь в XX веке, по *экономическим* его коренным свойствам, отличается наименьшим миролюбием и свободолюбием, наибольшим и повсеместным развитием военщины. «Не заметить» этого, при рассуждении о том, насколько типичен или вероятен мирный или насильственный переворот, значит опуститься до самого дюжинного лакея буржуазии.

Увертка вторая. Парижская Коммуна была диктатурой пролетариата, а выбрана она была *всеобщим* голосованием без лишения буржуазии ее избирательных прав, «*демократически*». И Каутский торжествует: ...«Диктатура пролетариата была для Маркса» (или по Марксу) «состоянием, которое с необходимостью вытекает из чистой демократии, если пролетариат составляет большинство» (bei überwiegendem Proletariat, S. 21).

Этот довод Каутского настолько забавен, что, поистине, испытываешь настоящее embarras des richesses (затруднение от обилия возражений). Во-первых, известно, что цвет, штаб, верхи буржуазии бежали из Парижа в Версаль. В Версали был «социалист» Луи Блан, что̀, между прочим, показывает лживость утверждения Каутского, будто в Коммуне участвовали «все направления» социализма. Не смешно ли изображать «чистой демократией» с «всеобщим голосованием» разделение жителей Парижа на два воюющих лагеря, один из которых сконцентрировал всю боевую, политически активную буржуазию?

Во-вторых, Коммуна боролась с Версалем, как рабочее правительство *Франции* против буржуазного. При чем же тут «чистая демократия» и «всеобщее голосование», когда Париж решал судьбу Франции? Когда Маркс находил, что Коммуна сделала ошибку, не взяв банка, который принадлежал всей Франции [95]), то не исходил ли Маркс из принципов и практики «чистой демократии»?

Право же, видно, что Каутский пишет в такой стране, в которой полиция запрещает людям «скопом» смеяться, иначе Каутский был бы убит смехом.

В-третьих. Позволю себе почтительно напомнить наизусть знающему Маркса и Энгельса господину Каутскому следующую оценку Коммуны Энгельсом с точки зрения... «чистой демократии»:

«Видали ли когда-нибудь революцию эти господа (антиавторитаристы)? «Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т.-е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не в праве ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?» [96]).

Вот вам и «чистая демократия»! Как бы осмеял Энгельс того пошлого мещанина, «социал-демократа» (в французском смысле — 40-х годов и в общеевропейском — 1914 — 18 годов), который вздумал бы вообще говорить о «чистой демократии» в обществе, разделенном на классы!

Но довольно. Перечислить все отдельные нелепости, до которых договаривается Каутский, вещь невозможная, ибо у него в каждой фразе бездонная пропасть ренегатства.

Маркс и Энгельс подробнейшим образом анализировали Парижскую Коммуну, показали, что ее заслугой была попытка *разбить, сломать* «готовую государственную машину». Маркс и Энгельс этот вывод считали столь важным, что *только* эту поправку внесли в 1872 году к «устарелой» (частями) программе «Коммунистического Манифеста» [97]). Маркс и Энгельс показали, что Коммуна уничтожала армию и чиновничество, уничтожала *парламентаризм,* разрушала «паразитический нарост — государство» и т. д., а премудрый Каутский, надев ночной колпак, повторяет то, что́ тысячу раз говорили либеральные профессора, — сказки про «чистую демократию».

Не даром сказала Роза Люксембург 4 августа 1914 г., что немецкая социал-демократия теперь есть *смердящий труп.*

Увертка третья та: «Если мы говорим о диктатуре, как форме правления, то мы не можем говорить о диктатуре класса. Ибо класс, как мы уже заметили, может только господствовать, но не управлять»... Управляют же «организации» или «партии».

Путаете, безбожно путаете, господин «путаницы советник»! Диктатура не есть «форма правления», это смешной вздор. И Маркс говорит не о форме правления, а о форме или типе *государ-*

ства. Это совсем не то, совсем не то. Совершенно неверно также, что не может управлять *класс*; такой вздор мог сказать только «парламентский кретин», ничего не видящий, кроме буржуазного парламента, ничего не замечающий, кроме «правящих партий». Любая европейская страна покажет Каутскому примеры управления ее господствующим *классом,* напр., помещиками в средние века, несмотря на их недостаточную организованность.

Итог. Каутский извратил самым неслыханным образом понятие диктатуры пролетариата, превратив Маркса в дюжинного либерала, т.-е. докатился сам до уровня либерала, который болтает пошлые фразы о «чистой демократии», прикрашивая и затушевывая классовое содержание *буржуазной* демократии, чураясь всего более *революционного насилия* со стороны угнетенного класса. Когда Каутский «истолковал» понятие «революционной диктатуры пролетариата» таким образом, что исчезло революционное насилие со стороны угнетенного класса над угнетателями, то в деле либерального искажения Маркса был побит всемирный рекорд. Ренегат Бернштейн оказался щенком по сравнению с ренегатом Каутским.

БУРЖУАЗНАЯ И ПРОЛЕТАРСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ.

Вопрос, безбожно запутанный Каутским, представляется на деле в таком виде.

Если не издеваться над здравым смыслом и над историей, то ясно, что нельзя говорить о «чистой демократии», пока существуют различные *классы*, а можно говорить только о *классовой* демократии. (В скобках сказать, «чистая демократия» есть не только *невежественная* фраза, обнаруживающая непонимание как борьбы классов, так и сущности государства, но и трижды пустая фраза, ибо в коммунистическом обществе демократия будет, перерождаясь и превращаясь в привычку, *отмирать,* но никогда не будет «чистой» демократией.)

«Чистая демократия» есть лживая фраза либерала, одурачивающего рабочих. История знает буржуазную демократию, которая идет на смену феодализму *), и пролетарскую демократию, которая идет на смену буржуазной.

Если Каутский чуть не десятки страниц посвящает «доказательству» той истины, что буржуазная демократия прогрессивна по сравнению с средневековьем и что ее обязательно должен использовать пролетариат в своей борьбе против буржуазии, то это именно либеральная болтовня, одурачивающая рабочих. Не только в образованной Германии, но и в необразованной России это — труизм. Каутский просто пускает «ученый» песок в

*) В рукописи: «сменяющую средневековье». *Ред.*

глаза рабочим, рассказывая с важным видом и о Вейтлинге и об иезуитах в Парагвае, и о многом прочем, чтобы *обойти буржуазную* сущность современной, т.-е. *капиталистической демократии.*

Каутский берет из марксизма то, что приемлемо для либералов, для буржуазии (критика средневековья, прогрессивная историческая роль капитализма вообще и капиталистической демократии в частности), и выкидывает, замалчивает, затушевывает в марксизме то, что *неприемлемо* для буржуазии (революционное насилие пролетариата против буржуазии для ее уничтожения). Вот почему Каутский и оказывается неизбежно, в силу его объективного положения и какова бы ни была его субъективная убежденность, лакеем буржуазии.

Буржуазная демократия, будучи великим историческим прогрессом по сравнению с средневековьем, всегда остается — и при капитализме не может не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных. Вот этой истины, составляющей существеннейшую составную часть марксистского учения, «марксист» Каутский не понял. Вот в этом — коренном — вопросе Каутский преподносит «приятности» для буржуазии вместо научной критики тех условий, которые делают всякую буржуазную демократию демократией для богатых.

Напомним сначала ученейшему господину Каутскому те теоретические заявления Маркса и Энгельса, которые наш начетчик позорно «забыл» (в угоду буржуазии), а потом поясним дело наиболее популярно.

Не только древнее и феодальное, но и «современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом» (Энгельс в его сочинении о государстве [98])). «Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать» (Энгельс в письме к Бебелю от 28. III. 1875). «Государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии» (Энгельс в предисловии к «Гражданской войне» Маркса) [99]). Всеобщее избирательное право есть «показатель зрелости рабочего класса. *Дать больше оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве*»*) (Энгельс в его соч. о государстве [100])). Господин Каут-

*) Курсив Ленина. *Ред.*

ский разжевывает необычайно скучно первую часть этого положения, приемлемую для буржуазии. Вторую же, которую мы подчеркнули и которая для буржуазии не приемлема, ренегат Каутский замалчивает!

«Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы... Вместо того, чтобы один раз в три или шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять (ver- und zertreten) народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того, чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому работодателю» (Маркс в соч. о Парижской Коммуне «Гражд. война во Франции»).

Каждое из этих положений, прекрасно известных ученейшему господину Каутскому, бьет ему в лицо, изобличает все его ренегатство. Во всей брошюре Каутского нет ни капли понимания этих истин. Все содержание его брошюры есть издевательство над марксизмом!

Возьмите основные законы современных государств, возьмите управление ими, возьмите свободу собраний или печати, возьмите «равенство граждан перед законом», — и вы увидите на каждом шагу хорошо знакомое всякому честному и сознательному рабочему лицемерие буржуазной демократии. Нет ни одного, хотя бы самого демократического государства, где бы не было лазеек или оговорок в конституциях, обеспечивающих буржуазии возможность двинуть войска против рабочих, ввести военное положение и т. п. «в случае нарушения порядка», — на деле, в случае «нарушения» эксплуатируемым классом своего рабского положения и попыток вести себя не по-рабски. Каутский бестыдно прикрашивает буржуазную демократию, замалчивая, напр., то, что делают наиболее демократические и республиканские буржуа в Америке или Швейцарии против бастующих рабочих.

О, мудрый и ученый Каутский об этом молчит! Он не понимает, этот ученый и политический деятель, что молчание об этом есть подлость. Он предпочитает рассказывать рабочим детские сказки вроде того, что демократия означает «охрану меньшинства». Невероятно, но факт! В лето 1918-ое от рождества христова, на пятом году всемирной империалистской бойни и удушения интернационалистских (т.-е. не предавших подло социализма, как Ренодели и Лонге, как Шейдеманы и Каутские, как Хендерсоны и Уэббы и т. п.,) меньшинств во всех «демократиях мира», господин ученый Каутский сладеньким, сладеньким голосом воспевает «охрану меньшинства». Кто желает, может прочесть это на стр. 15 брошюры Каутского. А на странице 16 сей ученый индивид расскажет вам о вигах и тори [101]) в XVIII веке в Англии!

О, ученость! О, утонченное лакейство перед буржуазией! О, цивилизованная манера ползать на брюхе перед капиталистами и лизать их сапоги! Если бы я был Круппом или Шейдеманом, или Клемансо, или Реноделем, я бы стал платить господину Каутскому миллионы, награждать его поцелуями Иуды, расхваливать его перед рабочими, рекомендовать «единство социализма» со столь «почтенными» людьми, как Каутский. Писать брошюры против диктатуры пролетариата, рассказывать о вигах и тори в XVIII веке в Англии, уверять, что демократия означает «охрану меньшинства», и умалчивать о *погромах* против интернационалистов в «демократической» республике Америке, — разве это не лакейские услуги буржуазии?

Ученый господин Каутский «забыл» — вероятно, случайно забыл — «мелочь» именно: что охрану меньшинства господствующая партия буржуазной демократии дает только другой *буржуазной* партии, пролетариату же при всяком *серьезном, глубоком, коренном* вопросе вместо «охраны меньшинства» достаются военные положения или погромы. *Чем больше развита демократия, тем ближе бывает при всяком глубоком политическом расхождении, опасном для буржуазии, к погрому или к гражданской войне.* Этот «закон» буржуазной демократии ученый господин Каутский мог бы наблюдать на деле Дрейфуса в республиканской Франции, на линчевании негров и интернационалистов в демократической республике Америке, на примере Ирландии и Ульстера в демократической Англии, на травле большевиков и организации погромов против них в апреле 1917 г. в демократической республике российской. Я нарочно беру примеры не только из времени войны, но также из довоенного, мирного времени. Слащавому господину Каутскому угодно закрыть глаза на эти факты XX века и зато рассказать рабочим удивительно новые, замечательно интересные, необыкновенно поучительные, невероятно важные вещи про вигов и тори в XVIII веке.

Возьмите буржуазный парламент. Можно ли допустить, что ученый Каутский никогда не слыхал о том, как биржа и банкиры *тем больше* подчиняют себе буржуазные парламенты, *чем сильнее* развита демократия? Из этого не следует, что не надо использовать буржуазный парламентаризм (и большевики так успешно использовали его, как едва ли другая партия в мире, ибо в 1912 — 14 годах мы завоевали всю рабочую курию в 4-ой Думе). Но из этого следует, что только либерал может забывать *историческую ограниченность и условность* буржуазного парламентаризма, как забывает об этом Каутский. На каждом шагу в самом демократическом буржуазном государстве встречают угнетенные массы вопиющее противоречие между *формальным* равенством, которое «демократия» капиталистов провозглашает, и тысячами

фактических ограничений и осложнений *), делающих пролетариев *наемными рабами*. Именно это противоречие раскрывает глаза массам на гнилость, лживость, лицемерие капитализма. Именно это противоречие разоблачают постоянно агитаторы и пропагандисты социализма перед массами, *чтобы приготовить* их к революции! А когда началась эра революций, тогда Каутский повернулся задом **) к ней и стал воспевать прелести умирающей буржуазной демократии.

Пролетарская демократия, одной из форм которой является советская власть, дала невиданное в мире развитие и расширение демократии именно для гигантского большинства населения, для эксплуатируемых и трудящихся. Написать целую книжку о демократии, как это сделал Каутский, говорящий на двух страницах о диктатуре и на десятках страниц о «чистой демократии»,—и *не заметить* этого, это значит по-либеральному извратить дело совершенно.

Возьмите внешнюю политику. Ни в одной, самой демократической, буржуазной стране она не делается открыто. Везде обман масс, в демократической Франции, Швейцарии, Америке, Англии во сто раз шире и утонченнее, чем в других странах. Советская власть революционно сорвала покров тайны с внешней политики. Каутский этого не заметил, он об этом молчит, хотя в эпоху грабительских войн и тайных договоров о «разделе сфер влияния» (т. е. о разделе мира разбойниками-капиталистами) это имеет кардинальное значение, ибо от этого зависит вопрос о мире, вопрос о жизни и смерти десятков миллионов людей.

Возьмите устройство государства. Каутский хватается за «мелочи» вплоть до того, что выборы «непрямые» (в советской конституции), но сути дела не видит. *Классовой* сущности государственного аппарата, государственной машины он не замечает. В буржуазной демократии капиталисты тысячами проделок — тем более искусных и верно действующих, чем развитее «чистая» демократия, *отталкивают* массы от участия в управлении, от свободы собраний и печати и т. д. Советская власть *первая* в мире (строго говоря, вторая, ибо то же самое начала делать Парижская Коммуна) *привлекает* массы, именно *эксплуатируемые* массы, к управлению. Участие в буржуазном парламенте (который *никогда* не *решает* серьезнейших вопросов в буржуазной демократии: их решает биржа, банки) *загорожено* от трудящихся масс тысячами загородок, и рабочие великолепно знают и чувствуют, видят и осязают, что буржуазный парламент *чужое* учреждение, *орудие угнетения* пролетариев буржуазией, учреждение враждебного класса, эксплуататорского меньшинства.

---

*) В рукописи: «ухищрений». *Ред.*
**) В изд. 1918 г.: «лицом». *Ред.*

Советы — непосредственная организация самих трудящихся и эксплуатируемых масс, *облегчающая* им возможность самим устраивать государство и управлять им всячески, как только можно. Именно авангард трудящихся и эксплуатируемых, городской пролетариат, получает то преимущество при этом, что он наилучше объединен крупными предприятиями; ему всего легче выбирать и следить за выборами. Автоматически советская организация *облегчает* объединение всех трудящихся и эксплуатируемых вокруг их авангарда, пролетариата. Старый буржуазный аппарат—чиновничество, привилегии богатства, буржуазного образования, связей и проч. (эти фактические привилегии тем разнообразнее, чем развитее буржуазная демократия), — все это при советской организации отпадает. Свобода печати перестает быть лицемерием, ибо типографии и бумага отбираются у буржуазии. То же самое с лучшими зданиями, дворцами, особняками, помещичьими домами. Советская власть многие и многие тысячи этих лучших зданий отняла сразу у эксплуататоров, и таким образом сделала в миллион раз более «демократичным» право собраний для масс,—то право собраний, без которого демократия есть обман. Непрямые выборы в нелокальные, неместные советы облегчают съезды советов, делают *весь* аппарат дешевле, подвижнее, доступнее для рабочих и для крестьян в такой период, когда жизнь кипит и требуется особенно быстро иметь возможность отозвать своего местного депутата или послать его на общий съезд советов.

Пролетарская демократия в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии; Советская власть в миллионы раз демократичнее самой демократической буржуазной республики.

Не заметить этого мог только либо сознательный прислужник буржуазии, либо человек совершенно политически мертвый, не видящий живой жизни из-за пыльных буржуазных книг, пропитанный насквозь буржуазно-демократическими предрассудками и тем превращающий себя, объективно, в лакея буржуазии.

Не заметить этого мог только человек, который не способен *поставить вопроса* с точки зрения *угнетенных* классов.

Есть ли хоть одна страна в мире, из числа наиболее демократических буржуазных стран, в которой *средний, массовый* рабочий, средний массовый *батрак* или деревенский полупролетарий вообще (т.-е. представитель угнетенной массы, громадного большинства населения) пользовался хоть приблизительно такой *свободой* устраивать собрания в лучших зданиях, такой *свободой* иметь для выражения своих идей, для защиты своих интересов, крупнейшие типографии и лучшие склады бумаги, такой свободой выдвигать именно людей своего класса на управление государством и на «устраивание» государства, как в советской России?

Смешно и думать, чтобы господин Каутский нашел в любой стране хоть одного из тысячи осведомленных рабочих и батраков, которые усомнились бы в ответе на этот вопрос. Инстинктивно, слыша обрывки признаний правды из буржуазных газет, рабочие всего мира сочувствуют Советской Республике именно потому, что видят в ней *пролетарскую* демократию, *демократию для бедных,* а не демократию для богатых, каковой является на деле всякая, даже наилучшая, буржуазная демократия.

Нами управляют (и наше государство «устрояют») буржуазные чиновники, буржуазные парламентарии, буржуазные судьи. Вот — простая, очевидная, бесспорная истина, которую знают по своему жизненному опыту, которую чувствуют и осязают ежедневно десятки и сотни миллионов людей из угнетенных классов во всех буржуазных странах, в том числе и самых демократических.

А в России совсем разбили чиновничий аппарат, не оставили на нем камня на камне, прогнали всех старых судей, разогнали буржуазный парламент — и дали *гораздо более доступное* представительство именно рабочим и крестьянам, *их* советами заменили чиновников, или *их* советы поставили над чиновниками, *их* советы сделали избирателями судей. Одного этого факта достаточно, чтобы все угнетенные классы признали Советскую власть, то-есть данную форму диктатуры пролетариата, в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики.

Каутский не понимает этой, для всякого рабочего понятной и очевидной, истины, ибо он «забыл», «разучился» ставить вопрос: демократия *для какого класса?* Он рассуждает с точки зрения «чистой» (т.-е. бесклассовой? или вне-классовой?) демократии. Он аргументирует как Шейлок: «фунт мяса», больше ничего. Равенство всех граждан — иначе нет демократии.

Приходится ученому Каутскому, «марксисту» и «социалисту» Каутскому поставить вопрос:

может ли быть равенство эксплуатируемого с эксплуататором?

Это чудовищно, это невероятно, что приходится ставить такой вопрос при обсуждении книги идейного вождя II Интернационала. Но «взялся за гуж, не говори, что не дюж». Взялся писать о Каутском, — разъясняй ученому человеку, почему не может быть равенства эксплуататора с эксплуатируемым.

МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ РАВЕНСТВО ЭКСПЛУАТИРУЕМОГО С ЭКСПЛУАТАТОРОМ?

Каутский рассуждает следующим образом:

1) «Эксплуататоры составляли всегда лишь небольшое меньшинство населения» (стр. 14 книжки Каутского).

Это бесспорная истина. Как следует рассуждать, исходя из этой истины? Можно рассуждать по-марксистски, социалистически; тогда надо взять за основу отношение эксплуатируемых к эксплуататорам. Можно рассуждать по-либеральному, буржуазно демократически; тогда надо взять за основу отношение большинства к меньшинству.

Если рассуждать по-марксистски, то приходится сказать: эксплуататоры неминуемо превращают государство (а речь идет о демократии, то-есть об одной из форм государства) в орудие господства своего класса, эксплуататоров, над эксплуатируемыми. Поэтому и демократическое государство, пока есть эксплуататоры, господствующие над большинством эксплуатируемых, неизбежно будет демократией для эксплуататоров. Государство эксплуатируемых должно коренным образом отличаться от такого государства, должно быть демократией для эксплуатируемых и *подавлением эксплуататоров*, а подавление класса означает неравенство этого класса, изъятие его из «демократии».

Если рассуждать по-либеральному, то придется сказать: большинство решает, меньшинство повинуется. Неповинующихся наказывают. Вот и все. Ни о каком классовом характере государства вообще, «чистой демократии» в частности, рассуждать не к чему; к делу это не относится, ибо большинство есть большинство, а меньшинство есть меньшинство. Фунт мяса есть фунт мяса, и баста.

Каутский рассуждает именно так:

(2) «По каким бы причинам надо было господству пролетариата принимать и необходимо принимать такую форму, которая несовместима с демократией?» (стр. 21). Следует пояснение того, что пролетариат имеет на своей стороне большинство, пояснение весьма обстоятельное и весьма многословное, и с цитатой из Маркса, и с цифрами голосов в Парижской Коммуне. Вывод: «Режим, который так сильно коренится в массах, не имеет ни малейшего повода посягать на демократию. Он не всегда сможет обойтись без насилия, в тех случаях, когда насилие пускается в ход, чтобы подавить демократию. На насилие можно отвечать только насилием. Но режим, который знает, что за ним массы, будет применять насилие лишь для того, чтобы *охранять* демократию, а не для того, чтобы *уничтожать* ее. Он совершил бы прямо-таки самоубийство, если бы захотел устранить свою самую надежную основу, всеобщее избирательное право, глубокий источник могучего морального авторитета» (стр. 22).

Вы видите: отношение эксплуатируемых к эксплуататорам из аргументации Каутского исчезло. Осталось только большинство вообще, меньшинство вообще, демократия вообще, уже знакомая нам «чистая демократия».

Заметьте, что это говорится *в связи с Парижской Комму-*

ной! Приведем же для наглядности, как Маркс и Энгельс говорили о диктатуре *в связи с Коммуной*:

Маркс: ...«Если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру... чтобы сломать сопротивление буржуазии... рабочие придают государству революционную и преходящую форму»... [102])

Энгельс: ...«Победившая» (в революции) «партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не в праве ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?»...

Он же: «Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать»....

Между Каутским и Марксом с Энгельсом расстояние, как — небо от земли, как между либералом и пролетарским революционером. Чистая демократия и просто «демократия», о которой говорит Каутский, есть лишь пересказ того же самого «свободного народного государства», т. е. *чистая бессмыслица*. Каутский с ученостью ученейшего кабинетного дурака или с невинностью 10-летней девочки вопрошает: зачем бы это нужна была диктатура, ежели есть большинство? А Маркс и Энгельс разъясняют:

— — Затем, чтобы сломать сопротивление буржуазии,

— — затем, чтобы внушать реакционерам страх,

— — затем, чтобы поддержать авторитет вооруженного народа против буржуазии,

— затем, чтобы пролетариат мог насильственно подавить своих противников.

Каутский этих разъяснений не понимает. Влюбленный в «чистоту» демократии, не видящий ее буржуазности, он «последовательно» стоит на том, что большинству, раз оно большинство, не нужно «ломать сопротивления» меньшинства, не нужно «насильственно подавлять» его, — достаточно подавлять *случаи* нарушения демократии. Влюбленный в «чистоту» демократии, Каутский *нечаянно* совершает ту самую маленькую ошибку, которую всегда делают все буржуазные демократы: именно, он формальное равенство (насквозь лживое и лицемерное при капитализме) принимает за фактическое! Мелочь!

Эксплуататор не может быть равен эксплуатируемому.

Эта истина, как она ни неприятна Каутскому, составлет существеннейшее содержание социализма.

Другая истина: действительного, фактического равенства не может быть, пока совершенно не уничтожена всякая возможность эксплуатации одного класса другим.

Эксплуататоров можно разбить сразу, при удачном восстании в центре или возмущении войска. Но за исключением разве совсем редких и особенных случаев, эксплуататоров нельзя уничтожить сразу. Нельзя сразу экспроприировать всех помещиков и капиталистов сколько-нибудь большой страны. Далее, одна экспроприация, как юридический или политический акт, далеко не решает дела, ибо нужно фактически *сместить* помещиков и капиталистов, фактически *заменить* их другим, рабочим, управлением фабриками и имениями. Не может быть равенства между эксплуататорами, которые в течение долгих поколений выделялись и образованием, и условиями богатой жизни, и навыками, — и эксплуатируемыми, масса коих даже в самых передовых и наиболее демократических буржуазных республиках забита, темна, невежественна, запугана, разрозненна. Эксплуататоры на долгое время после переворота сохраняют неизбежно ряд громадных фактических преимуществ: у них остаются деньги (уничтожить деньги сразу нельзя), кое-какое движимое имущество, часто значительное, остаются связи, навыки организации и управления, знание всех «тайн» (обычаев, приемов, средств, возможностей) управления, остается более высокое образование, близость к технически высшему (по-буржуазному живущему и мыслящему) персоналу, остается неизмеримо больший навык в военном деле (это очень важно) и так далее, и так далее.

Если эксплуататоры разбиты только в одной стране — а это, конечно, типичный случай, ибо одновременная революция в ряде стран есть редкое исключение — то они остаются *все же сильнее* эксплуатируемых, ибо международные связи эксплуататоров громадны. Что часть эксплуатируемых или наименее развитых средне-крестьянских, ремесленных и т. п. масс идет и способна идти за эксплуататорами, это показывали до сих пор *все* революции, Коммуна в том числе (ибо среди версальских войск, о чем «забыл» ученейший Каутский, были и пролетарии).

При таком положении вещей предполагать, что при сколько-нибудь глубокой и серьезной революции решает дело просто-напросто отношение большинства к меньшинству, есть величайшее тупоумие, есть самый глупенький предрассудок дюжинного либерала, есть *обман масс*, сокрытие от них заведомой исторической правды. Эта историческая правда состоит в том, что *правилом* является при всякой глубокой революции *долгое, упорное, отчаянное* сопротивление эксплуататоров, сохраняющих в течение ряда лет крупные фактические преимущества над эксплуатируемыми. Никогда, — иначе, как в сладенькой фантазии сладенького дурачка Каутского — эксплуататоры не подчиняются решению большин-

ства эксплуатируемых, не испробовав в последней, отчаянной битве, в ряде битв своего преимущества.

Переход от капитализма к коммунизму есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплуататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта *надежда* превращается в *попытки* реставрации. И после первого серьезного поражения, свергнутые эксплуататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили в него, не допускали мысли о нем, с удесятеренной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого «рая», за их семьи, которые жили так сладко, и которые теперь «простонародная сволочь» осуждает на разорение и нищету (или на «простой» труд...). А за эксплуататорами-капиталистами тянется широкая масса мелкой буржуазии, про которую десятки лет исторического опыта всех стран свидетельствуют, что она шатается и колеблется, сегодня идет за пролетариатом, завтра пугается трудностей переворота, впадает в панику от первого поражения или полупоражения рабочих, нервничает, мечется, хныкает, перебегает из лагеря в лагерь... как наши меньшевики и эсеры.

И при таком положении вещей, в эпоху отчаянной, обостренной войны, когда историей ставятся на очередь дня вопросы о бытии или небытии вековых и тысячелетних привилегий, — толковать о большинстве и меньшинстве, о чистой демократии, о ненадобности диктатуры, о равенстве эксплуататора с эксплуатируемым! Какая бездна тупоумия, какая пропасть филистерства нужна для этого!

Но десятилетия сравнительно «мирного» капитализма, 1871—1914 годов накопили в прилаживающихся к оппортунизму социалистических партиях авгиевы конюшны филистерства, узколобия, ренегатства...

* * *

Читатель заметил, вероятно, что Каутский в приведенной выше цитате из его книги говорит о посягательстве на всеобщее избирательное право (называя его — в скобках будь замечено — глубоким источником могучего морального авторитета, тогда как Энгельс по поводу той же Парижской Коммуны и по поводу того же вопроса о диктатуре говорит об авторитете вооруженного народа против буржуазии; характерно сравнить взгляд филистера и революционера на «авторитет»...).

Надо заметить, что вопрос о лишении эксплуататоров избирательного права есть *чисто-русский* вопрос, а не вопрос о диктатуре пролетариата вообще. Если бы Каутский, не лицемеря, озаглавил свою брошюру: «Против большевиков», тогда это заглавие соответствовало бы содержанию брошюры и тогда Каутский имел бы право говорить прямо об избирательном праве. Но

Каутский захотел выступить, прежде всего, как «теоретик». Он озаглавил свою брошюру: «Диктатура пролетариата» *вообще*. Он говорит о советах и о России специально лишь во второй части брошюры, начиная с 5-го параграфа ее. В первой же части (из которой мною и взята цитата) речь идет о *демократии* и *диктатуре вообще*. Заговорив об избирательном праве, Каутский *выдал себя*, как полемиста против большевиков, *ни во грош не ставящего теорию*. Ибо теория, т.-е. рассуждение об общих (а не национально-особых) классовых основах демократии и диктатуры, должна говорить не о специальном вопросе, вроде избирательного права, а об общем вопросе: может ли быть демократия *сохранена и для богатых, и для эксплуататоров* в исторический период свержения эксплуататоров и замены их государства государством эксплуатируемых?

Так и только так может ставить вопрос теоретик.

Мы знаем пример Коммуны, мы знаем все рассуждения основателей марксизма в связи с нею и по поводу нее. На основании этого материала, я разбирал, например, вопрос о демократии и диктатуре в своей брошюре «Государство и революция», написанной до октябрьского переворота. Об ограничении избирательного права *я не говорил ни слова*. И теперь надо сказать, что вопрос об ограничении избирательного права есть национально-особый, а не общий вопрос диктатуры. К вопросу об ограничении избирательного права надо подходить, изучая *особые условия* русской революции, *особый путь* ее развития. В дальнейшем изложении это и будет сделано. Но было бы ошибкой заранее ручаться, что грядущие пролетарские революции в Европе непременно дадут, все или большинство, ограничение избирательного права для буржуазии. Это может быть так. После войны и после опыта русской революции это, вероятно, будет так, но это *необязательно* для осуществления диктатуры, это не составляет *необходимого* признака логического понятия диктатуры, это не входит *необходимым* условием в историческое и классовое понятие диктатуры.

Необходимым признаком, обязательным условием диктатуры является *насильственное* подавление эксплуататоров, как класса, и, следовательно, *нарушение* «чистой демократии», т.-е. равенства и свободы, *по отношению* к этому *классу*.

Так и только так может быть поставлен вопрос теоретически. И Каутский тем, что он не поставил так вопроса, доказал, что выступает против большевиков не как теоретик, а как сикофант оппортунистов и буржуазии.

В каких странах, при каких национальных особенностях того или иного капитализма будет применено (исключительно или преимущественно) то или иное ограничение, нарушение демократии для эксплуататоров, это — вопрос о национальных особенностях того или иного капитализма, той или иной революции. Тео-

ретический вопрос стоит иначе, он стоит так: возможна ли диктатура пролетариата *без нарушения демократии* по отношению к классу *эксплуататоров?*

Каутский именно этот, теоретически *единственно* важный и существенный, вопрос обошел. Каутский приводил всякие цитаты из Маркса и Энгельса, *кроме тех,* которые относятся к данному вопросу и которые приведены мной выше.

Каутский разговаривал обо всем, что́ угодно, обо всем, что́ приемлемо для либералов и буржуазных демократов, что́ не выходит из их круга идей, — кроме главного, кроме того, что пролетариат не может победить, *не сломив сопротивления* буржуазии, *не подавив насильственно своих противников,* и что там, где есть «насильственное подавление», где нет «свободы», *конечно, нет демократии.*

Этого Каутский не понял.

* *
*

Перейдем к опыту русской революции и к тому расхождению между Совдепами и Учред. Собранием, которое (расхождение) привело к роспуску Учредилки и к лишению буржуазии избирательного права.

СОВЕТЫ НЕ СМЕЮТ ПРЕВРАЩАТЬСЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ.

Советы, это — русская форма пролетарской диктатуры. Если бы теоретик-марксист, пишущий работу о диктатуре пролетариата, действительно изучал это явление (а не повторял мелкобуржуазные ламентации против диктатуры, как делает Каутский, перепевая меньшевистские мелодии), то такой теоретик дал бы общее определение диктатуры, а затем рассмотрел бы ее особую, национальную, форму, советы, дал бы критику их, как одной из форм диктатуры пролетариата.

Понятно, что от Каутского, после его либеральной «обработки» учения Маркса о диктатуре, ждать чего-либо серьезного нельзя. Но в высшей степени характерно посмотреть, как же он подошел к вопросу о том, что̀ такое советы, и как он справился с этим вопросом.

Советы, пишет он, вспоминая их возникновение в 1905 году, создали такую «форму пролетарской организации, которая была наиболее всеобъемлющей (umfassendste) из всех, ибо она обнимала всех наемных рабочих» (стр. 31). В 1905 году они были только местными корпорациями, в 1917 г. стали всероссийским объединением.

«Уже теперь, — продолжает Каутский, — советская организация имеет за собой великую и славную историю. А предстоит ей еще более могучая

и притом не только в одной России. Везде оказывается, что против гигантских сил, которыми распоряжается в экономическом и политическом отношениях финансовый капитал, недостаточны» (versagen; это немецкое выражение немножко сильнее, чем «недостаточны», и немножко слабее, чем «бессильны») «прежние методы экономической и политической борьбы пролетариата. От них нельзя отказаться, они остаются необходимыми для нормальных времен, но от времени до времени перед ними встают такие задачи, выполнить которые они не в силах, такие задачи, когда успех обещает только соединение всех политических и экономических орудий силы рабочего класса» (32).

Следует рассуждение о массовой стачке и о том, что «бюрократия профессиональных союзов», столь же необходимая, как профессиональные союзы, «не годится, чтобы руководить такими могучими массовыми битвами, которые все более становятся знамением времени» . . .

. . . «Таким образом, — заключает Каутский — советская организация есть одно из важнейших явлений нашего времени. Она обещает приобрести решающее значение в великих решительных битвах между капиталом и трудом, к которым мы идем навстречу.

Но в праве ли мы требовать от советов еще большего? Большевики, которые после ноябрьской (по новому стилю, т.-е., по нашему, октябрьской) революции 1917 года приобрели вместе с левыми социалистами-революционерами большинство в русских Советах Рабочих Депутатов, перешли после разгона Учредительного Собрания к тому, чтобы из Совета, который был до тех пор *боевой организацией* одного *класса*, сделать *государственную организацию*. Они уничтожили демократию, которую русский народ завоевал в мартовской (по новому стилю, по-нашему, в февральской революции. Соответственно этому, большевики перестали называть себя *социал-демократами*. Они называют себя *коммунистами*» (стр. 33, курсив Каутского).

Кто знает русскую меньшевистскую литературу, тот сразу видит, как рабски переписывает Каутский Мартова, Аксельрода, Штейна и К⁰. Именно «рабски», ибо Каутский до смешного искажает факты в угоду меньшевистским предрассудкам. Каутский не позаботился, напр., справиться у своих информаторов, вроде берлинского Штейна или стокгольмского Аксельрода, *когда* подняты были вопросы о переименовании большевиков в коммунисты и о значении советов, как государственных организаций. Если бы Каутский навел эту простую справку, он не написал бы строк, вызывающих смех, ибо оба эти вопроса подняты были большевиками *в апреле 1917 года*, например, в моих «тезисах» 4 апреля 1917 года*), т.-е. *задолго до* октябрьской революции 1917 года (не говоря уже о разгоне Учредилки 5 января 1918 года).

Но выписанное мною полностью рассуждение Каутского есть *гвоздь* всего вопроса о советах. Гвоздь именно в том, должны ли Советы стремиться к тому, чтобы стать государственными орга-

*) См. XX том Сочинений, стр. 87 — 90. *Ред.*

низациями (большевики в апреле 1917 года выдвинули лозунг: «вся власть Советам», и на конференции партии большевиков в том же апреле 1917 года большевики заявили, что не удовлетворяются буржуазной парламентарной республикой, а требуют рабоче-крестьянской республики типа Коммуны или типа Советов); — *или* Советы не должны стремиться к этому, не должны брать власти в руки, не должны становиться государственными организациями, а должны оставаться «боевыми организациями» одного «класса» (как выражался Мартов[103]), благовидно прикрашивая своим невинным пожеланием тот факт, что советы были под меньшевистским руководством *орудием подчинения рабочих буржуазии).*

Каутский повторил рабски слова Мартова, взяв *обрывки* из теоретического спора большевиков с меньшевиками и перенеся эти обрывки, без критики и без смысла, на обще-теоретическую, обще-европейскую почву. Вышла такая каша, которая у каждого сознательного русского рабочего, если бы он ознакомился с приведенным рассуждением Каутского, вызвала бы гомерический смех.

Таким же смехом будут встречать Каутского все европейские рабочие (кроме горстки закоренелых социал-империалистов), когда мы им объясним, в чем тут дело.

Каутский оказал Мартову медвежью услугу, доведя до абсурда, с необыкновенной наглядностью, ошибку Мартова. В самом деле, посмотрите, что̀ вышло у Каутского.

Советы обнимают всех наемных рабочих. Против финансового капитала прежние методы экономической и политической борьбы пролетариата недостаточны. Советам предстоит великая роль не только в России. Они сыграют решающую роль в великих решающих битвах между капиталом и трудом в Европе. Так говорит Каутский.

Прекрасно. «Решающие битвы между капиталом и трудом», не решают ли они вопроса о том, какой из этих классов завладеет государственной властью?

Ничего подобного. Боже упаси.

В «решающих» битвах союзы, охватывающие всех наемных рабочих, *не должны становиться государственной организацией!*

А что такое государство?

Государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим.

Итак, угнетенный класс, авангард всех трудящихся и эксплуатируемых в современном обществе, должен стремиться к «решающим битвам между капиталом и трудом», *но не должен трогать* той машины, посредством которой капиталом подавляется труд! — — *Не должен ломать* этой машины! — — *Не должен* своей всеобъемлющей организации *использовать для подавления эксплуататоров!*

Великолепно, превосходно, господин Каутский! «Мы» признаем классовую борьбу, — как ее признают все либералы, т.-е. без низвержения буржуазии...

Вот где полный разрыв Каутского и с марксизмом, и с социализмом становится явным. Это — переход, фактически, на сторону буржуазии, которая готова допустить все, что́ угодно, кроме превращения организаций угнетенного ею класса в государственные организации. Здесь уже Каутскому никак не спасти своей, все примиряющей, от всех глубоких противоречий отделывающейся фразами, позиции.

Либо Каутский отказывается от всякого перехода государственной власти в руки рабочего класса, либо он допускает, чтобы рабочий класс брал в руки старую, буржуазную, государственную машину, но никоим образом не допускает, чтобы он сломал, разбил ее, заменив новою, пролетарскою. Так или этак «толковать» и «разъяснять» рассуждение Каутского, в обоих случаях разрыв с марксизмом и переход на сторону буржуазии очевиден.

Еще в «Коммунистическом Манифесте», говоря о том, какое государство нужно победившему рабочему классу, Маркс писал: «государство, т.-е. организованный, как господствующий класс, пролетариат». Теперь является человек с претензией, что он продолжает быть марксистом, и заявляет, что организованный поголовно и ведущий «решающую борьбу» с капиталом пролетариат *не должен* делать своей классовой организации государственною. «Суеверная вера в государство», про которую Энгельс в 1891 году писал [104]), что она «перешла в Германии в общее сознание буржуазии и даже многих рабочих», — вот что обнаружил здесь Каутский. — Боритесь, рабочие, — «соглашается» наш филистер (на это «согласен» и буржуа, раз рабочие все равно борются и приходится думать лишь о том, как сломать острие их меча), — боритесь, но *не смейте побеждать!* Не разрушайте государственной машины буржуазии, не ставьте на место буржуазной «государственной организации» пролетарскую «государственную организацию».

Кто всерьез разделял марксистский взгляд, что государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, кто сколько-нибудь вдумался в эту истину, тот никогда не мог бы договориться до такой бессмыслицы, что пролетарские организации, способные победить финансовый капитал, не должны превращаться в государственные организации. Именно в этом пункте и сказался мелкий буржуа, для которого государство «все же таки» есть нечто вне-классовое, или над-классовое. Почему бы, в самом деле, позволено было пролетариату, «*одному классу*», вести решающую войну с *капиталом,* который господствует не только над пролетариатом, но над всем народом,

над всей мелкой буржуазией, над всем крестьянством, — но не позволено было пролетариату, «*одному классу*», превращать свою организацию в государственную? Потому, что мелкий буржуа *боится* классовой борьбы и не доводит ее до конца, *до самого главного*.

Каутский запутался совершенно и выдал себя с головой. Заметьте: он признал сам, что Европа идет навстречу к решающим битвам между капиталом и трудом и что прежние методы экономической и политической борьбы пролетариата недостаточны. А эти методы как раз и состоят в использовании *буржуазной* демократии. Следовательно?..

Каутский побоялся додумать, что́ из этого следует.

...Следовательно, только реакционер, враг рабочего класса, прислужник буржуазии, может размалевывать теперь прелести буржуазной демократии и болтать о чистой демократии, поворачиваясь лицом к отжившему прошлому. Буржуазная демократия *была* прогрессивна по отношению к средневековью, и использовать ее надо было. Но теперь она *недостаточна* для рабочего класса. Теперь надо смотреть не назад, а вперед, к замене буржуазной демократии *пролетарскою*. И если подготовительная работа к пролетарской революции, обучение и формирование пролетарской армии были возможны (и необходимы) *в рамках* буржуазно-демократического государства, то, раз дошло дело до «решающих битв», ограничивать пролетариат этими рамками значит быть изменником пролетарского дела, значит быть ренегатом.

Каутский попал в особенно смешной просак, ибо повторил довод Мартова, *не заметив*, что у Мартова этот довод опирается *на другой* довод, которого у Каутского нет! Мартов говорит (а Каутский за ним повторяет), что Россия еще не дозрела до социализма, из чего естественно вытекает: рано еще превращать Советы из органов борьбы в государственные организации (читай: своевременно обращать Советы, при помощи меньшевистских вождей, в органы *подчинения* рабочих империалистской буржуазии). Каутский же *не может* сказать прямо, что Европа не дозрела до социализма. Каутский писал в 1909 году [105]), когда он еще не был ренегатом, что *преждевременной* революции теперь бояться нельзя, что изменником был бы тот, кто из боязни поражения отказался бы от революции. Отречься *прямо* от этого Каутский не решается. И выходит такая бессмыслица, которая всю глупость и трусость мелкого буржуа разоблачает до конца: с одной стороны, Европа зрела для социализма и идет к решающим битвам труда с капиталом, — а с другой стороны, *боевую организацию* (т.-е. складывающуюся, растущую, крепнущую в борьбе), организацию пролетариата, авангарда и организатора, вождя угнетенных, *нельзя* превращать в государственную организацию!

* *
*

В практически-политическом отношении идея, что Советы необходимы, как боевая организация, но не должны превращаться в государственные организации, еще бесконечно более нелепа, чем в теоретическом. Даже в мирное время, когда нет на-лицо революционной ситуации, массовая борьба рабочих с капиталистами, например, массовая стачка, вызывают страшное озлобление с обеих сторон, чрезвычайную страстность борьбы, постоянные ссылки буржуазии на то, что она остается и хочет оставаться «хозяином в доме» и т. п. А во время революции, когда политическая жизнь кипит, такая организация, как советы, охватывающая *всех* рабочих *всех* отраслей промышленности, затем *всех* солдат и все трудящееся и беднейшее сельское население,— такая организация сама собою, ходом борьбы, простой «логикой» натиска и отпора неизбежно приходит к постановке вопроса *ребром*. Попытка занять серединную позицию, «примирить» пролетариат и буржуазию, является тупоумием и терпит жалкий крах: так было в России с проповедью Мартова и других меньшевиков, так же неизбежно будет и в Германии и в других странах, если Советы разовьются сколько-нибудь широко, успеют объединиться и укрепиться. Сказать Советам: боритесь, но не берите сами в руки всей государственной власти, не становитесь государственными организациями — значит проповедывать сотрудничество классов и «социальный мир» пролетариата с буржуазией. Смешно и думать о том, чтобы такая позиция в ожесточенной борьбе могла привести к чему-либо, кроме позорного краха. Сиденье между двух стульев — вечная судьба Каутского. Он делает вид, что ни в чем не согласен с оппортунистами в теории, а на самом деле он во всем существенном (то-есть во всем, что относится к революции) согласен с ними *на практике*.

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Вопрос об Учредительном Собрании и его разгоне большевиками — гвоздь всей брошюры Каутского. К этому вопросу он возвращается постоянно. Кивками на то, как большевики «уничтожили демократию» (см. выше в одной цитате из Каутского), переполнено все произведение идейного вождя II Интернационала. Вопрос, действительно, интересный и важный, ибо соотношение буржуазной и пролетарской демократии здесь предстало перед революцией *практически*. Посмотрим же, как рассматривает этот вопрос наш «теоретик-марксист».

Он цитирует «тезисы об Учредительном Собрании», которые были написаны мной и опубликованы в «Правде» 26. XII. 1917 *).

*) См. XXII том Сочинений, стр. 131—134. *Ред.*

Казалось бы, лучшего доказательства серьезного подступа к делу со стороны Каутского, с документами в руках, и ожидать нельзя. Но взгляните, *как* цитирует Каутский. Он не говорит, что этих тезисов было 19, он не говорит, что в них был поставлен вопрос как о соотношении обычной буржуазной республики с Учредительным Собранием и Республики Советов, так и об *истории* расхождения в нашей революции Учредительного Собрания с диктатурой пролетариата. Каутский обходит все это и просто заявляет читателю, что «особенно важны из них (из этих тезисов) два»: один — что эсеры раскололись после выборов в Учредительное Собрание, но до его созыва (Каутский молчит о том, что это тезис пятый), другой — что республика советов вообще более высокая демократическая форма, чем Учредительное Собрание. (Каутский молчит о том, что это — тезис третий.)

И вот, только из этого третьего тезиса Каутский цитирует полностью частицу его, именно, следующее положение:

«Республика Советов является не только формой более высокого типа демократических учреждений (по сравнению с *обычной,* буржуазной республикой при Учредительном Собрании, как венце ее), но и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный *) переход к социализму» (Каутский опускает слово «обычной» и вступительные слова тезиса: «для перехода от буржуазного строя к социалистическому, для диктатуры пролетариата»).

Процитировав эти слова, Каутский с великолепной иронией восклицает:

«Жаль только, что к этому выводу пришли лишь после того, как оказались в меньшинстве в Учредительном Собрании. Раньше никто не требовал его более бурно, чем Ленин».

Так сказано буквально на стр. 31-ой книги Каутского!

Ведь это же перл! Только сикофант буржуазии мог представить дело так лживо, чтобы читатель получил впечатление, будто все разговоры большевиков о более высоком типе государства суть выдумка, появившаяся на свет *после* того, как большевики оказались в меньшинстве в Учредительном Собрании!! Столь гнусную ложь мог сказать только негодяй, продавшийся буржуазии, или, что̀ совершенно одно и то же, доверившийся П. Аксельроду и скрывающий своих информаторов.

---

*) Между прочим это выражение «наиболее безболезненный» переход Каутский цитирует многократно, покушаясь, очевидно, на иронию. Но так как покушение это с негодными средствами, то Каутский через несколько страниц совершает передержку и цитирует фальшиво: «безболезненный» переход! Конечно, такими средствами подсунуть противнику бессмыслицу не трудно. Передержка помогает также обойти довод по существу: наиболее безболезненный переход к социализму возможен лишь при поголовной организации бедноты (Советы) и при содействии центра государственной власти (пролетариата) такой организации.

Ибо всем известно, что я в первый же день своего приезда в Россию, 4. IV. 1917 г., прочел публично тезисы, в которых заявил о превосходстве государства типа коммуны над буржуазной парламентарной республикой. Я заявлял это потом *неоднократно* в печати, например, в брошюре о политических партиях *), которая была переведена на английский [106]) и появилась в Америке в январе 1918 года, в нью-йоркской газете «Evening Post» **) [107]). Мало того, конференция партии большевиков в конце апреля 1917 года приняла резолюцию о том, что пролетарско-крестьянская республика выше буржуазной парламентарной республики, что наша партия последнею не удовлетворится, что программа партии должна быть соответственно изменена.

Как назвать после этого выходку Каутского, уверяющего немецких читателей, будто я бурно требовал созыва Учредительного Собрания, и лишь после того, как большевики остались в нем в меньшинстве, стал «умалять» честь и достоинство Учредительного Собрания? Чем можно извинить такую выходку? ***) Тем, что Каутский не знал фактов? Но тогда зачем было ему браться писать о них? Или почему бы не заявить честно, что я, Каутский, пишу на основании сведений от меньшевиков Штейна и П. Аксельрода с К°? Каутский желает претензией на объективность прикрыть свою роль прислужника обиженных на свое поражение меньшевиков.

Однако это только цветочки. Ягодки впереди будут.

Допустим, что Каутский не пожелал или не мог (??) получить от своих информаторов перевода большевистских резолюций и заявлений по вопросу о том, удовлетворяются ли они буржуазной парламентарной демократической республикой. Допустим даже это, хотя это и невероятно. Но ведь тезисы-то мои от 26. XII. 1917 г. Каутский *прямо упоминает* на стр. 30-ой своей книги.

Эти-то тезисы знает Каутский полностью, или из них он знает только то, что ему перевели Штейны, Аксельроды и К°? Каутский цитирует *третий* тезис по *коренному* вопросу о том, сознавали ли большевики *до* выборов в Учредительное Собрание и говорили ли они *народу*, что республика Советов выше буржуазной республики? *Но Каутский умалчивает о 2-ом тезисе.*

А второй тезис гласит:

«Выставляя требование созыва Учредительного Собрания, революционная социал-демократия с самого начала революции 1917 года *неоднократно подчеркивала*, что *республика советов является более высокой*

---

*) См. XX том Сочинений, стр. 136—144. *Ред.*

**) — «Вечерняя Почта». *Ред.*

***) Кстати сказать: подобной меньшевистской лжи очень много в брошюре Каутского! Это — памфлет озлобленного меньшевика.

формой демократизма, чем обычная, буржуазная республика с Учредительным Собранием» (курсив мой).

Чтобы представить большевиков беспринципными людьми, «революционными оппортунистами» (это выражение, не помню, в какой связи, употребляет где-то в своей книге Каутский), господин Каутский *скрыл от немецких читателей*, что в тезисах есть прямая ссылка на «*неоднократные*» заявления!

Таковы те мелкие, мизерные и презренные приемы, которыми оперирует господин Каутский. От *теоретического* вопроса он таким образом увернулся.

Верно это или нет, что буржуазно-демократическая парламентарная республика стоит *ниже*, чем республика типа Коммуны или типа советов? В этом гвоздь, а Каутский это обошел. Все то, что́ дал Маркс в анализе Парижской Коммуны, Каутский «забыл». Он «забыл» и письмо Энгельса к Бебелю от 28. III. 1875 г., в котором особенно наглядно и вразумительно выражена та же мысль Маркса: «Коммуна не была уже государством в собственном смысле слова».

Вот вам самый выдающийся теоретик II Интернационала, который в специальной брошюре о «Диктатуре пролетариата», специально рассуждая о России, где прямо и неоднократно поставлен вопрос о форме государства более высокого, чем демократически-буржуазная республика, замалчивает этот вопрос. Чем же это отличается *на деле* от перехода на сторону буржуазии?

(Заметим в скобках, что и здесь Каутский плетется в хвосте русских меньшевиков. У них людей, знающих «все цитаты» из Маркса и Энгельса, сколько угодно, но ни один меньшевик с апреля 1917 г. до октября 1917 г. и с октября 1917 г. до октября 1918 г. *ни разу* не попробовал разобрать вопроса о государстве типа Коммуны. Плеханов тоже обошел этот вопрос. *Пришлось, верно, помолчать.*)

Само собою разумеется, что разговаривать о разгоне Учредительного Собрания с людьми, которые называют себя социалистами и марксистами, но на деле переходят к буржуазии по *главному* вопросу, по вопросу о государстве типа Коммуны, значило бы метать бисер перед свиньями. Достаточно будет напечатать в приложении к настоящей брошюре мои тезисы об Учредительном Собрании полностью. Из них читатель увидит, что вопрос был поставлен 26. XII. 1917 г. и теоретически, и исторически, и практически-политически.

Если Каутский, как теоретик, совершенно отрекся от марксизма, то он мог бы, как историк, рассмотреть вопрос о борьбе Советов с Учредительным Собранием. Мы знаем из многих работ Каутского, что он *умел* быть марксистским историком, что *такие* работы его останутся прочным достоянием пролетариата, несмотря на позднейшее ренегатство. Но по данному вопросу Каутский и

как историк *отворачивается* от истины, игнорирует *общеизвестные* факты, поступает как сикофант. Ему *хочется* представить большевиков беспринципными, и он рассказывает, как пробовали большевики *смягчить* конфликт с Учредительным Собранием, прежде чем разогнать его. Решительно ничего дурного тут нет, отрекаться нам не от чего; тезисы я печатаю полностью, и в них сказано яснее ясного: господа колеблющиеся мелкие буржуа, засевшие в Учредительном Собрании, либо миритесь с пролетарской диктатурой, либо мы вас «революционным путем» победим (тезисы 18 и 19).

Так всегда поступал и так всегда будет поступать действительно революционный пролетариат по отношению к колеблющейся мелкой буржуазии.

Каутский стоит в вопросе об Учредительном Собрании на формальной точке зрения. В тезисах у меня сказано ясно и многократно, что интересы революции стоят выше формальных прав Учредительного Собрания (см. тезисы 16 и 17). Формально-демократическая точка зрения и есть точка зрения *буржуазного* демократа, который не признает, что интерес пролетариата и пролетарской классовой борьбы стоит выше. Каутский, как историк, не мог бы не признать, что буржуазные парламенты являются органами того или иного класса. Но теперь Каутскому понадобилось (для грязного дела отречения от революции) забыть марксизм, и Каутский *не ставит вопроса*, органом какого *класса* было Учредительное Собрание в России. Каутский не разбирает конкретной обстановки, ему не хочется посмотреть на факты, он ни слова не говорит немецким читателям о том, что в тезисах дано не только теоретическое освещение вопроса об ограниченности буржуазной демократии (тезисы №№ 1—3), не только конкретные условия, определившие несоответствие партийных списков половины октября 1917 года с действительностью в декабре 1917 года (тезисы №№ 4—6), но и история классовой борьбы и *гражданской войны* в октябре—декабре 1917 года (тезисы №№ 7—15). Из этой конкретной истории мы сделали вывод (тезис № 14), что лозунг «вся власть Учредительному Собранию» стал *на деле* лозунгом кадетов и калединцев и их пособников.

Историк Каутский этого не замечает. Историк Каутский никогда не слыхал о том, что всеобщее избирательное право дает иногда мелкобуржуазные, иногда реакционные и контр-революционные парламенты. Историк-марксист Каутский не слыхал о том, что одно дело — форма выборов, форма демократии, другое дело классовое содержание данного учреждения. Этот вопрос о классовом содержании Учредительного Собрания прямо поставлен и разрешен в моих тезисах. Возможно, что мое разрешение неверно. Ничто не было бы для нас так желательно, как

марксистская критика нашего анализа со стороны. Вместо того, чтобы писать совсем глупые фразы (их много у Каутского) насчет того, будто кто-то мешает критике большевизма, Каутскому следовало бы приступить к такой критике. Но в том-то и дело, что критики у него нет. Он даже и *не ставит вопроса* о классовом анализе советов, с одной стороны, и Учредительного Собрания, с другой. И поэтому *нет возможности* спорить, дискутировать с Каутским, а остается только *показать* читателю, почему нельзя Каутского назвать иначе, как ренегатом.

Расхождение Советов с Учредительным Собранием имеет свою историю, которую не мог бы обойти даже историк, не стоящий на точке зрения классовой борьбы. Каутский и этой фактической истории не пожелал *коснуться*. Каутский скрыл от немецких читателей тот общеизвестный факт (который теперь скрывают лишь злостные меньшевики), что Советы и при господстве меньшевиков, т.-е. с конца февраля до октября 1917 года, расходились с «общегосударственными» (т.-е. буржуазными) учреждениями. Каутский стоит, в сущности, на точке зрения примирения, согласования, сотрудничества пролетариата и буржуазии; как бы Каутский ни отрекался от этого, но такая его точка зрения есть факт, подтверждаемый всей брошюрой Каутского. Не надо было разгонять Учредительного Собрания, это и значит: не надо было доводить до конца борьбу с буржуазией, не надо было свергать ее, надо было примириться пролетариату с буржуазией.

Почему же Каутский умолчал о том, что меньшевики занимались этим мало почтенным делом с февраля по октябрь 1917 года и ничего не достигли? Если было возможно помирить буржуазию с пролетариатом, почему же при меньшевиках примирение не удалось, буржуазия держалась в стороне от Советов, Советы назывались (*меньшевиками*) «революционной демократией», а буржуазия — «цензовыми элементами»?

Каутский скрыл от немецких читателей, что именно меньшевики в «эпоху» (II — X 1917 г.) своего господства называли Советы революционной демократией, тем самым признавая их превосходство над всеми прочими учреждениями. Только благодаря сокрытию этого факта, у историка Каутского вышло так, что расхождение Советов с буржуазией не имеет своей истории, что оно явилось сразу, внезапно, беспричинно, в силу дурного поведения большевиков. А на деле как раз *более чем полугодовой* (для революции это громадный срок) *опыт* меньшевистского соглашательства, попыток примирения пролетариата с буржуазией и убедил народ в бесплодности этих попыток и оттолкнул пролетариат от меньшевиков.

Советы — прекрасная, имеющая великое будущее, боевая организация пролетариата, признается Каутский. Раз так, вся позиция

Каутского разваливается, как карточный домик или как мечтание мелкого буржуа о том, чтобы обойтись без острой борьбы пролетариата с буржуазией. Ибо вся революция есть сплошная и притом отчаянная борьба, а пролетариат есть передовой класс *всех* угнетенных, фокус и центр всех стремлений всех и всяких угнетенных к своему освобождению. Советы—орган борьбы угнетенных масс — естественно отражали и выражали настроения и перемену взглядов этих масс неизмеримо быстрее, полнее, вернее, чем какие бы то ни было другие учреждения (в этом, между прочим, один из источников того, почему советская демократия есть высший тип демократии).

Советы успели с 28 февраля (старого стиля) по 25 октября 1917 года созвать *два* всероссийских съезда гигантского большинства населения России, всех рабочих и солдат, семи или восьми десятых крестьянства, не считая массы местных, уездных, городских, губернских и областных съездов. За это время буржуазия не успела созвать ни одного учреждения, представляющего большинство (кроме явно поддельного, издевательского, озлобившего пролетариат, «демократического совещания»). Учредительное Собрание отразило *то же* настроение масс, *ту же* политическую группировку, что первый (июньский) Всероссийский Съезд Советов. Ко времени созыва Учредительного Собрания (январь 1918 года) состоялся второй Съезд Советов (октябрь 1917 года) и третий (январь 1918 г.), при чем оба они *показали яснее ясного*, что массы полевели, революционизировались, отвернулись от меньшевиков и эсеров, перешли на сторону большевиков, *то-есть* отвернулись от мелкобуржуазного руководства, от иллюзий соглашения с буржуазией и перешли на сторону пролетарской революционной борьбы за свержение буржуазии.

Следовательно, одна уже *внешняя история* советов показывает неизбежность разгона Учредительного Собрания и *реакционность* его. Но Каутский твердо стоит на своем «лозунге»: пусть гибнет революция, пусть буржуазия торжествует над пролетариатом, лишь бы процветала «чистая демократия». Fiat justitia, pereat mundus! *)

Вот краткие итоги Всероссийских Съездов Советов в истории русской революции:

Всероссийские Съезды Советов	Число делегатов	Из них большевиков	% большевиков
1-ый (3. VI. 1917)	790	103	13%
2-ой (25. X. 1917)	675	343	51%
3-ий (10. I. 1918)	710	434	61%
4-ый 14. III. 1918)	1.232	795	64%
5-ый (4. VII. 1918)	1.164	773	66%

*) — «Пусть совершится правосудие, хотя бы погиб мир». *Ред.*

Достаточно взглянуть на эти цифры [108]), чтобы понять, почему защита Учредительного Собрания или речи (вроде речей Каутского) о том, что большевики не имеют за собой большинства населения, встречаются у нас только смехом.

СОВЕТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ.

Как я уже указывал, лишение буржуазии избирательных прав не составляет обязательного и необходимого признака диктатуры пролетариата. И в России большевики, задолго до октября выставившие лозунг такой диктатуры, не говорили заранее о лишении эксплуататоров избирательных прав. *Эта* составная часть диктатуры явилась на свет не «по плану» какой-либо партии, а *выросла* сама собой в ходе борьбы. Историк Каутский этого, конечно, не заметил. Он не понял, что буржуазия, еще при господстве меньшевиков (соглашателей с буржуазией) в советах, сама отделила себя от советов, бойкотировала их, противопоставляла себя им, интриговала против них. Советы возникли без всякой конституции и *больше года* (с весны 1917 до лета 1918) жили без всякой конституции. Озлобление буржуазии против самостоятельной и всемогущей (ибо всех охватывающей) организации угнетенных, борьба — притом самая беззастенчивая, корыстная, грязная — борьба буржуазии против советов, наконец, явное участие буржуазии (от кадетов до правых эсеров, от Милюкова до Керенского) в корниловщине, — все это *подготовило* формальное исключение буржуазии из советов.

Каутский о корниловщине слыхал, но он плюет величественно на исторические факты и ход, формы борьбы, определяющие *формы* диктатуры: при чем тут факты, в самом деле, раз речь идет о «чистой» демократии? «Критика» Каутского, направленная против отнятия избирательных прав у буржуазии, отличается поэтому такой... сладенькой наивностью, которая была бы умилительна, если бы исходила от ребенка, и которая вызывает отвращение, когда исходит от лица, официально еще не признанного слабоумным.

...«Если бы капиталисты при всеобщем избирательном праве оказались незначительным меньшинством, то они скорее бы помирились со своей судьбой» (33)... Неправда ли, мило? Умный Каутский много раз видал в истории и вообще прекрасно знает из наблюдения живой жизни таких помещиков и капиталистов, которые считаются с волей большинства угнетенных. Умный Каутский твердо стоит на точке зрения «оппозиции», т.-е. на точке зрения внутри-парламентской борьбы. Он так и пишет буквально: «оппозиция» (стр. 34 и мн. др.).

О, ученый историк и политик! Не мешало бы вам знать, что «оппозиция» есть понятие мирной и только парламентской борьбы, то-есть понятие, соответствующее не-революционной ситуации,

понятие, соответствующее *отсутствию революции*. В революции речь идет о беспощадном враге в гражданской войне — никакие реакционные иеремиады мелкого буржуа, боящегося такой войны, как боится ее Каутский, не изменят этого факта. Рассматривать вопросы беспощадной гражданской войны, когда буржуазия идет на все преступления — пример версальцев и их сделки с Бисмарком говорят кое-что для всякого человека, который относится к истории не как гоголевский Петрушка, — когда буржуазия призывает на помощь иностранные государства и интригует с ними против революции, это — комизм. Революционный пролетариат должен, подобно «путаницы советнику» Каутскому, одеть ночной колпак и рассматривать буржуазию, которая организует дутовские, красновские и чешские контр-революционные восстания, которая платит миллионы саботажникам, — рассматривать ее, как легальную «оппозицию». О, глубокомыслие!

Каутского интересует исключительно формально-юридическая сторона дела, так что, читая его рассуждения о советской конституции, невольно вспоминаешь слова Бебеля: «юристы, это — насквозь реакционные люди». «В действительности — пишет Каутский — капиталистов одних нельзя сделать бесправными. Кто такой капиталист в юридическом смысле? Имущий? Даже в такой далеко ушедшей по пути экономического прогресса стране, как Германия, пролетариат которой столь многочислен, учреждение советской республики сделало бы политически бесправными большие массы. В 1907 году в Германской империи число занятых промысловым трудом и их семей в трех больших группах, сельское хозяйство, промышленность и торговля — составляло около 35 миллионов в группе служащих и наемных рабочих, а в группе самостоятельных 17 миллионов. Следовательно, партия вполне может быть большинством среди наемных рабочих, но меньшинством в населении» (стр. 33).

Вот — один из образчиков рассуждений Каутского. Ну, разве же это не контр-революционное хныканье буржуа? Почему вы всех «самостоятельных» зачислили в бесправных, господин Каутский, когда вы прекрасно знаете, что громаднейшее большинство русских крестьян наемных рабочих не держат, значит, прав не лишается? Разве это не фальсификация?

Почему вы, ученый экономист, не привели хорошо известных вам и имеющихся в той же немецкой статистике 1907 года данных о наемном труде в сельском хозяйстве по группам хозяйств? Почему вы не показали немецким рабочим, читателям вашей брошюры, этих данных, из коих было бы видно, *сколько эксплуататоров*, как немного эксплуататоров из всего числа «сельских хозяев» по немецкой статистике?

Потому что ваше ренегатство сделало вас простым сикофантом буржуазии.

Капиталист, видите ли, неопределенное юридическое понятие, и Каутский на нескольких страницах громит «произвол» советской конституции. Английской буржуазии этот «серьезный ученый» позволяет веками вырабатывать и разрабатывать новую (для средневековья) буржуазную конституцию, а нам, рабочим и крестьянам России, сей представитель лакейской науки не дает никаких сроков. От нас он требует до буквочки разработанной конституции в несколько месяцев...

...«Произвол»! Подумайте только, какая бездна самого грязного лакейства перед буржуазией, самого тупого педантства обнаруживается *таким* упреком. Когда насквозь буржуазные и большею частью реакционные юристы капиталистических стран в течение веков или десятилетий разрабатывали детальнейшие правила, написали десятки и сотни томов законов и разъяснений законов, *притесняющих* рабочего, связывающих по рукам и ногам *бедняка,* ставящих тысячи придирок и препон любому простому трудящемуся человеку из народа, — о, тогда буржуазные либералы и господин Каутский не видят тут «произвола»! Тут «порядок» и «законность»! Тут все обдумано и прописано, как можно «дожать» бедняка. Тут есть тысячи буржуазных адвокатов и чиновников (про них Каутский вообще молчит, вероятно, именно потому, что Маркс придавал громадное значение *разбитию* чиновничьей машины...),—адвокатов и чиновников, умеющих истолковать законы так, что рабочему и среднему крестьянину никогда не прорваться через проволочные заграждения этих законов. Это — не «произвол» буржуазии, это не диктатура корыстных и грязных, напившихся народной крови эксплуататоров, ничего подобного. Это — «чистая демократия», с каждым днем становящаяся все чище и чище.

А когда трудящиеся и эксплуатируемые классы, впервые в истории, отрезанные империалистической войной от своих зарубежных братьев, составили *свои* советы, призвали к политическому строительству *те массы,* которых буржуазия угнетала, забивала, отупляла, и стали *сами* строить *новое,* пролетарское государство, стали в пылу бешеной борьбы, в огне гражданской войны *намечать* основные положения о государстве *без эксплуататоров,* — тогда все мерзавцы буржуазии, вся банда кровопийцев, с их подпевалой, Каутским, завопили о «произволе»! Ну где же, в самом деле, этим неучам, рабочим и крестьянам, этой «черни» суметь истолковать свои законы? Где же им взять чувство справедливости, им, простым трудящимся, не пользующимся советами образованных адвокатов, буржуазных писателей, Каутских и мудрых старых чиновников?

Из моей речи 29. IV. 1918 *) господин Каутский цитирует

*) См. XXII том Сочинений, стр. 469 — 498. *Ред.*

слова: ...«Массы сами определяют порядок и сроки выборов»... И «чистый демократ» Каутский умозаключает:

... «Следовательно, дело обстоит, повидимому, так, что каждое собрание избирателей по своему усмотрению определяет порядок выборов. Произвол и возможность отделаться от неудобных оппозиционных элементов внутри самого пролетариата были бы таким образом доведены до высшей степени» (стр. 37).

Ну, чем это отличается от речей чернильного кули, нанятого капиталистами, который вопит по поводу угнетения массою при стачке «желающих трудиться» прилежных рабочих? Почему чиновничье-*буржуазное* определение порядка выборов в «чистой» буржуазной демократии *не* есть произвол? Почему чувство справедливости *у масс, поднявшихся на борьбу* с их вековыми эксплуататорами, у масс, просвещаемых и закаляемых этой отчаянной борьбой, должно быть ниже, чем у *горсток* воспитанных в *буржуазных* предрассудках чиновников, интеллигентов, адвокатов?

Каутский — истинный социалист, не смейте заподозривать искренность этого почтеннейшего отца семейства, этого честнейшего гражданина. Он — горячий и убежденный сторонник победы рабочих, пролетарской революции. Он только желал бы, чтобы сладенькие интеллигентики-мещане и филистеры в ночном колпаке *сначала*, до движения масс, *до* их бешеной борьбы с эксплуататорами и непременно *без* гражданской войны, составили умеренный и аккуратный *устав развития революции*...

С глубоким нравственным возмущением наш ученейший Иудушка Головлев рассказывает немецким рабочим, что 14. VI. 1918 Всероссийский Ц. И. К. Советов постановил исключить из советов представителей партии правых эсеров и меньшевиков [109]). «Это мероприятие — пишет Иудушка Каутский, весь горя от благородного негодования,— направляется не против определенных лиц, которые совершили определенные наказуемые действия... Конституция советской республики ни слова не говорит о неприкосновенности депутатов-членов советов. Не определенные *лица*, а определенные *партии* исключаются здесь из советов» (стр. 37).

Да, это в самом деле ужасно, это нетерпимое отступление от чистой демократии, по правилам которой будет делать революцию наш революционный Иудушка Каутский. Нам, русским большевикам, надо было сначала обещать неприкосновенность Савинковым и К°, Либерданам с Потресовыми («активистам») [110]) и К°, потом написать уголовное уложение, объявляющее «наказуемым» участие в чехо-словацкой контр-революционной войне или союз на Украине, или в Грузии с немецкими империалистами *против* рабочих своей страны, и *только потом*, на основании этого уголовного уложения, мы были бы в праве, согласно «чистой демократии», исключать из советов «определенных лиц».

Само собою разумеется при этом, что чехо-словаки, получающие через Савинковых, Потресовых и Либерданов *) или при помощи их агитации деньги от англо-французских капиталистов, а равно Красновы, имеющие снаряды от немцев при помощи украинских и тифлисских меньшевиков, смирно сидели бы до тех самых пор, пока мы изготовим правильное уголовное уложение, и, как самые чистые демократы, ограничивались ролью «оппозиции»...

Не менее сильное нравственное негодование вызывает у Каутского то, что советская конституция отнимает избирательные права у тех, кто «держит наемных рабочих с целью прибыли». «Работник на дому или маленький хозяйчик — пишет Каутский — с одним подмастерьем может жить и чувствовать вполне по-пролетарски, а у него нет избирательного права» (стр. 36).

Какое отступление от «чистой демократии»! Какая несправедливость! До сих пор все марксисты полагали и тысячи фактов подтверждали, что мелкие хозяйчики самые бессовестные и прижимистые эксплуататоры наемных рабочих, но Иудушка Каутский берет, разумеется, не *класс* мелких хозяйчиков (и кто это выдумал вредную **) теорию классовой борьбы?), а отдельных лиц, таких эксплуататоров, которые «живут и чувствуют вполне по-пролетарски». Знаменитая «бережливая Агнеса», которую считали давно умершей, воскресла под пером Каутского. Эту бережливую Агнесу выдумал и пустил в ход в немецкой литературе, несколько десятилетий тому назад, «чистый» демократ, буржуа Евгений Рихтер. Он пророчил несказанные беды от диктатуры пролетариата, от конфискации капитала у эксплуататоров, он вопрошал с невинным видом, кто такой капиталист в юридическом смысле? Он брал пример бедной бережливой швеи («бережливая Агнеса»), у которой злые «диктаторы пролетариата» отнимают ее последние гроши. Было время, когда вся немецкая социал-демократия потешалась над этой «бережливой Агнесой» чистого демократа Евгения Рихтера. Но это было давно, так давно, когда еще жил Бебель, говоривший открыто и прямо правду, что-де в нашей партии много национал-либералов [111]; это было так давно, когда еще Каутский не был ренегатом.

Теперь «бережливая Агнеса» воскресла в лице «вполне по-пролетарски живущего и чувствующего мелкого хозяйчика с одним подмастерьем». Злые большевики обижают его, отнимают у него избирательное право. Правда, «всякое избирательное собрание», как говорит тот же Каутский, может в Советской Республике пустить к себе связанного, допустим, с данным заводом бедного мастерка, если он, в виде исключения, не эксплуататор, если он *на деле* «живет и чувствует вполне по-пролетарски».

---

*) В рукописи этой фразы нет. *Ред.*
**) В рукописи: «глупую». *Ред.*

Но разве можно положиться на знание жизни, на чувство справедливости неупорядоченного и действующего (о, ужас!) без устава заводского собрания простых рабочих? Разве не ясно, что лучше дать избирательное право *всем* эксплуататорам, *всем*, нанимающим наемных рабочих, чем рисковать возможностью, что рабочие обидят «бережливую Агнесу» и «по-пролетарски живущего и чувствующего мастерка»?

* * *

Пусть презренные негодяи ренегатства, приветствуемые буржуазией и социал-шовинистами *), поносят нашу советскую конституцию за то, что она отнимает избирательное право у эксплуататоров. Это хорошо, ибо это ускорит и углубит раскол революционных рабочих Европы с Шейдеманами и Каутскими, Реноделями и Лонгэ, Хендерсонами и Рамсеями Макдональдами, со старыми вождями и старыми предателями социализма.

Массы угнетенных классов, сознательные и честные вожди из революционных пролетариев будут *за* нас. Достаточно ознакомить таких пролетариев и эти массы с нашей советской конституцией, и они скажут сразу: вот где настоящие *н а ш и л ю д и*, вот где настоящая рабочая партия, настоящее рабочее правительство. Ибо оно не обманывает рабочих болтовней о реформах, как *обманывали нас все названные вожди*, а борется всерьез с эксплуататорами, проводит всерьез революцию, борется *на деле* за полное освобождение рабочих.

Если эксплуататоры лишены избирательного права советами после годовой «практики» советов, *значит* эти советы суть действительно организации угнетенных масс, а не продавшихся буржуазии социал-империалистов и социал-пацифистов. *Если* эти советы отняли избирательное право у эксплуататоров, *значит*, советы не органы мелкобуржуазного соглашательства с капиталистами, не органы парламентской болтовни (Каутских, Лонгэ и Макдональдов), а органы действительно революционного пролетариата, ведущего борьбу не на живот, а на смерть с эксплуататорами.

«Книжка Каутского здесь почти неизвестна», пишет мне из Берлина на-днях (сегодня — 30. X.) хорошо осведомленный товарищ. Я бы посоветовал нашим послам в Германии и в Швейцарии не пожалеть тысяч на скупку этой книги и на *раздачу ее*

---

*) Я только что прочел передовицу [112]) в «Франкфуртской Газете» [113]) (22. X. 1918, № 293), с восторгом пересказывающую брошюру Каутского. Газета биржевиков довольна. Еще бы! А товарищ из Берлина пишет мне, что «Форвертс» [114]), газета Шейдеманов, в специальной статье заявил, что подписывается почти под каждой строчкой Каутского. Поздравляем, поздравляем!

даром сознательным рабочим, чтобы втоптать в грязь ту «европейскую» — читай: империалистическую и реформистскую — социал-демократию, которая давно стала «смердящим трупом».

* * *

В конце своей книги, на стр. 61 и 63, господин Каутский горько плачет по поводу того, что «новая теория» (как он называет большевизм, боясь прикоснуться к анализу Парижской Коммуны Марксом и Энгельсом) «находит сторонников даже в старых демократиях, как, напр., Швейцария». «Непонятно» для Каутского, «если эту теорию принимают немецкие социал-демократы».

Нет, это вполне понятно, ибо революционным массам становятся противны, после серьезных уроков войны, и Шейдеманы, и Каутские.

«Мы» всегда были за демократию — пишет Каутский — и вдруг мы же откажемся от нее!

«Мы», оппортунисты социал-демократии, всегда были против диктатуры пролетариата, и Кольбы с К° открыто говорили это *давно*. Каутский знает это и напрасно думает, что он скроет от читателей очевидный факт своего «возвращения в лоно» Бернштейнов и Кольбов.

«Мы», революционные марксисты, никогда не делали себе божка из «чистой» (буржуазной) демократии. Плеханов в 1903 г. был, как известно, революционным марксистом (до его печального поворота, приведшего его к позиции русского Шейдемана). И Плеханов говорил тогда на съезде партии, принимавшем программу, что пролетариат в революции отнимет, при надобности, избирательное право у капиталистов, *разгонит какой угодно парламент*, если он окажется контр-революционным [115]). Что именно такой взгляд единственно соответствует марксизму, это увидит всякий хотя бы из приведенных мною выше заявлений Маркса и Энгельса, это, очевидно, вытекает из всех основ марксизма.

«Мы», революционные марксисты, не говорили народу таких речей, с которыми любили выступать каутскианцы всех наций, лакействуя перед буржуазией, подделываясь под буржуазный парламентаризм, замалчивая *буржуазный* характер современной демократии и требуя только *ее* расширения, *ее* доведения до конца.

«Мы» говорили буржуазии: «вы, эксплуататоры и лицемеры, говорите о демократии, в то же время ставя на каждом шагу тысячи препон участию *угнетенных масс* в политике. Мы ловим вас на слове и требуем, в интересах этих масс, расширения *вашей* буржуазной демократии, *дабы подготовить массы к революции* для свержения вас, эксплуататоров. И если вы, эксплуататоры,

попытаетесь оказать сопротивление нашей пролетарской революции, мы вас подавим беспощадно, мы вас сделаем бесправными, мало того: мы не дадим вам хлеба, ибо в нашей пролетарской республике эксплуататоры будут бесправны, будут лишены огня и воды, ибо мы всерьез, а не по-шейдемановски и не по-каутскиански — социалисты».

Вот как говорили и будем говорить «мы», революционные марксисты, и вот почему угнетенные массы будут за нас и с нами, а Шейдеманы и Каутские будут в помойной яме ренегатов.

ЧТО ТАКОЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ?

Каутский убежденнейшим образом считает и называет себя интернационалистом. Шейдеманов он объявляет «правительственными социалистами». Защищая меньшевиков (Каутский не говорит прямо, что солидарен с ними, но целиком проводит их взгляды), Каутский обнаружил замечательно наглядно, какого сорта его «интернационализм». А так как Каутский — не одиночка, а представитель течения, неизбежно выросшего в обстановке II Интернационала (Лонгэ во Франции, Турати в Италии, Нобс и Гримм, Грабер и Нэн в Швейцарии, Рамсей Макдональд в Англии и т. п.), то остановиться на «интернационализме» Каутского поучительно.

Подчеркивая, что меньшевики тоже были в Циммервальде (диплом, несомненно, но... диплом подгнивший), Каутский следующим образом рисует взгляды меньшевиков, с которыми он согласен:

...«Меньшевики хотели всеобщего мира. Они хотели, чтобы все воюющие приняли лозунг: без аннексий и контрибуций. До тех пор, пока это не достигнуто, русская армия должна была, по этому взгляду, стоять в боевой готовности. Большевики же требовали немедленного мира во что бы то ни стало, они готовы были, в случае необходимости, заключить сепаратный мир, они старались силой вынудить его, усиливая и без того уже большую дезорганизацию армии» (стр. 27). Большевики должны были, по мнению Каутского, не брать власти и довольствоваться учредилкой.

Итак, интернационализм Каутского и меньшевиков состоит вот в чем: от империалистического буржуазного правительства требовать реформ, но продолжать его поддерживать, продолжать поддерживать ведомую этим правительством войну, пока все воюющие не приняли лозунга: без аннексий и контрибуций. Такой взгляд выражали неоднократно и Турати, и каутскианцы (Гаазе и др.), и Лонгэ с К^0, заявлявшие, что мы де *за* «защиту отечества».

Теоретически, это — полное неумение отделиться от социал-шовинистов и полная путаница в вопросе о защите отечества.

Политически, это — подмена интернационализма мещанским национализмом и переход на сторону реформизма, отречение от революции.

Признание «защиты отечества» есть оправдание, с точки зрения пролетариата, данной войны, признание ее законности. А так как война остается империалистской (и при монархии, и при республике) — независимо от того, где стоят неприятельские войска в данный момент, в моей или чужой стране,— то признание защиты отечества есть *на деле* поддержка империалистской, грабительской буржуазии, полная измена социализму. В России и при Керенском, в буржуазно-демократической республике, война продолжала оставаться империалистской, ибо ее вела буржуазия, как господствующий класс (а война есть «продолжение политики»); и особенно наглядным выражением империалистского характера войны были тайные договоры о дележе мира и грабеже чужих стран, заключенные бывшим царем с капиталистами Англии и Франции.

Меньшевики гнусно обманывали народ, называя такую войну оборонительной или революционной, и Каутский, одобряя политику меньшевиков, одобряет обман народа, одобряет роль мелких буржуа, услужавших капиталу надувательством рабочих, привязыванием их к колеснице империалистов. Каутский проводит типично мещанскую, филистерскую политику, воображая (и внушая массам вздорную мысль), будто *выставление лозунга* меняет дело. Вся история буржуазной демократии разоблачает эту иллюзию: для обмана народа буржуазные демократы всегда выдвигали и всегда выдвигают какие угодно «лозунги». Дело в том, чтобы *проверить* их искренность, чтобы со словами сопоставить *дела,* чтобы не довольствоваться идеалистической или шарлатанской *фразой,* а доискиваться *классовой реальности.* Империалистская война не тогда перестает быть империалистской, когда шарлатаны или фразеры, или мещане-филистеры выдвигают сладенький «лозунг»,— а лишь тогда, когда *класс,* ведущий империалистскую войну и связанный с ней миллионами экономических нитей (а то и канатов), оказывается на деле *свергнутым* и когда его заменяет у власти действительно революционный класс, пролетариат. *Иначе из империалистской войны — а равно из империалистского, грабительского мира — вырваться нельзя.*

Одобряя внешнюю политику меньшевиков, объявляя ее интернационалистской и циммервальдистской, Каутский, во-1-х, показывает этим всю гнилость циммервальдского, оппортунистического, большинства (не даром мы, *левая* Циммервальда, сразу отгородились от такого большинства!), а во-2-х — и это самое главное — Каутский переходит с позиции пролетариата на позицию мелкой буржуазии, с позиции революционной на позицию реформистскую.

Пролетариат борется за революционное свержение империалистской буржуазии, мелкая буржуазия за реформистское «усовершенствование» империализма, за приспособление к нему, при *подчинении* ему. Когда Каутский был еще марксистом, напр., в 1909 году, когда он писал «Путь к власти», он отстаивал именно идею о неизбежности *революции* в связи с войной, он говорил о приближении *эры революций*. Базельский манифест 1912 года прямо и определенно говорит о *пролетарской революции* в связи с той самой империалистской войной между германскою и английскою группами, которая в 1914 году и вспыхнула. И в 1918 году, когда революции в связи с войной начались, вместо того, чтобы разъяснять их неизбежность, вместо того, чтобы обдумывать и продумывать до конца *революционную* тактику, способы и приемы подготовки к революции, Каутский стал называть интернационализмом реформистскую тактику меньшевиков. Разве это не ренегатство?

Меньшевиков хвалит Каутский за то, что они настаивали на сохранении боевой готовности армии. Большевиков он порицает за то, что они усиливали и без того уже большую «дезорганизацию армии». Это значит хвалить реформизм и подчинение империалистской буржуазии, порицать революцию, отрекаться от нее. Ибо сохранение боевой готовности означало и было при Керенском сохранение армии с *буржуазным* командованием (хотя бы и республиканским). Всем известно — и ход событий наглядно подтвердил,— что эта республиканская армия сохраняла *корниловский* дух, благодаря корниловскому командному составу. Буржуазное офицерство не могло не быть корниловским, не могло не тяготеть к империализму, к насильственному подавлению пролетариата. Оставить по-старому все основы империалистской войны, все основы *буржуазной* диктатуры, починить мелочи, подкрасить пустячки («реформы»)— вот к чему сводилась *на деле* меньшевистская тактика.

И наоборот. Без «дезорганизации» армии ни одна великая революция не обходилась и обойтись не может. Ибо армия есть самый закостенелый инструмент поддержки старого строя, наиболее отвердевший оплот буржуазной дисциплины, поддержки господства капитала, сохранения и воспитания рабской покорности и подчинения ему трудящихся. Рядом с армией контрреволюция никогда не терпела, не могла терпеть вооруженных рабочих. Во Франции — писал Энгельс — после каждой революции рабочие бывали вооружены; «поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоружение рабочих» [116]). Вооруженные рабочие были зачатком *новой* армии, организационной ячейкой *нового* общественного строя. Раздавить эту ячейку, не дать ей вырасти — было первой заповедью буржуазии. Первой заповедью всякой победоносной революции —

Маркс и Энгельс многократно подчеркивали это — было: разбить старую армию, распустить ее, заменить ее новою [117]). Новый общественный класс, поднимаясь к господству, не мог никогда и не может теперь достигнуть этого господства и укрепить его иначе, как совершенно разложив старую армию («дезорганизация», — вопят по этому поводу реакционные или просто трусливые мещане); иначе, как пройдя через труднейший, мучительнейший период без всякой армии (через этот мучительный период прошла и великая французская революция); иначе, как постепенно вырабатывая, в тяжелой гражданской войне, новую армию, новую дисциплину, новую военную организацию нового класса. Историк Каутский прежде понимал это. Ренегат Каутский забыл это.

Какое право имеет Каутский называть Шейдеманов «правительственными социалистами», если он *одобряет* тактику меньшевиков в русской революции? Меньшевики, поддерживая Керенского, вступая в его министерство, были правительственными социалистами точно так же. От этого вывода никак не увернется Каутский, если только попробует поставить вопрос о *господствующем классе,* ведущем империалистскую войну. Но Каутский избегает поставить вопрос о господствующем классе, вопрос обязательный для марксиста, ибо одна постановка такого вопроса разоблачила бы ренегата.

Каутскианцы в Германии, лонгетисты во Франции, Турати и К⁰ в Италии рассуждают так: социализм предполагает равенство и свободу наций, их самоопределение; *поэтому,* когда на нашу страну нападают, или когда неприятельские войска вторгнулись в нашу землю, социалисты в праве и обязаны защищать родину. Но это рассуждение есть, теоретически, либо сплошная издевка над социализмом, либо мошенническая увертка, а практически-политически это рассуждение совпадает с рассуждением совсем темного мужичка, который не умеет даже и подумать о социальном, классовом характере войны и о задачах революционной партии во время реакционной войны.

Социализм против насилия над нациями. Это бесспорно. Но социализм вообще против насилия над людьми. Однако, кроме христианских анархистов и толстовцев, никто еще не выводил отсюда, что социализм против *революционного* насилия. Значит, говорить о «насилии» вообще, без разбора условий, отличающих реакционное от революционного насилия, значит быть мещанином, отрекающимся от революции, или это значит просто обманывать себя и других софистикой.

То же самое относится и к насилию над нациями. Всякая война состоит в насилии над нациями, но это не мешает социалистам быть *за* революционную войну. Классовый характер войны — вот основной вопрос, стоящий перед социалистом (если

он не ренегат). Империалистская война 1914—1918 годов есть война между двумя группами империалистской буржуазии за дележ мира, за дележ добычи, за ограбление и удушение мелких и слабых наций. Такую оценку войны дал Базельский манифест в 1912 году, такую оценку подтвердили факты. Кто сходит с этой точки зрения на войну, тот не социалист.

Если немец при Вильгельме или француз при Клемансо говорят: я в праве и обязан, как социалист, защищать родину, если неприятель вторгся в мою страну, то это рассуждение не социалиста, не интернационалиста, не революционного пролетария, а *мещанина-националиста*. Ибо в этом рассуждении исчезает классовая революционная борьба рабочего против капитала, исчезает оценка *всей* войны в целом, с точки зрения мировой буржуазии и мирового пролетариата, т.-е. исчезает интернационализм, остается убогий, заскорузлый национализм. Мою страну обижают, мне до большего нет дела, вот к чему сводится такое рассуждение, вот в чем его мещански-националистическая узость. Это все равно, как если бы по отношению к индивидуальному насилию, над одним лицом, кто либо рассуждал: социализм против насилия, поэтому я лучше пойду на предательство, чем сидеть в тюрьме.

Француз, немец или итальянец, который говорит: социализм против насилия над нациями, *поэтому* я защищаюсь, когда враг вторгся в мою страну, *предает* социализм и интернационализм. Ибо такой человек *видит только* свою «страну», выше всего ставит «свою»... «*буржуазию*», не думая *об интернациональных связях*, делающих войну империалистскою, делающих *его* буржуазию звеном в цепи империалистского грабежа.

Все мещане и все тупые и темные мужички рассуждают именно так, как рассуждают ренегаты каутскианцы, лонгетисты, Турати и К°, именно: в моей стране враг, а больше мне ни до чего нет дела *).

Социалист, революционный пролетарий, интернационалист рассуждает иначе: характер войны (реакционная она или революционная) зависит не от того, кто напал и в чьей стране стоит «враг», а *от того, какой класс* ведет войну, какая политика продолжается данной войной. Если данная война есть реакционная империалистская война, т.-е. ведомая двумя мировыми группами империалистской, насильнической, грабительской реакционной буржуа-

*) Социал-шовинисты (Шейдеманы, Ренодели, Хендерсоны, Гомперсы и К°) отказываются от всяких речей об «Интернационале» во время войны. Они считают «изменниками»... социализму врагов своей буржуазии. Они *за* завоевательную политику своей буржуазии. Социал-пацифисты (т.-е. социалисты на словах, мещанские пацифисты на деле) выражают всякие «интернационалистические» чувства, восстают против аннексий и проч., но на деле продолжают поддерживать свою империалистскую буржуазию. Разница между двумя типами несерьезная, вроде как разница между капиталистом со злыми и капиталистом с сладкими речами на устах.

зии, то всякая буржуазия (даже малой страны) превращается в участника грабежа, и моя задача, задача представителя революционного пролетариата, готовить *мировую пролетарскую революцию*, как *единственное* спасение от ужасов мировой войны. Не с точки зрения «своей» страны я должен рассуждать (ибо это рассуждение убогого тупицы националистского мещанина, не понимающего, что он игрушка в руках империалистской буржуазии), а с точки зрения *моего участия* в подготовке, в пропаганде, в приближении мировой пролетарской революции.

Вот что такое интернационализм, вот какова задача интернационалиста, революционного рабочего, действительного социалиста. Вот какую *азбуку* «забыл» ренегат Каутский. И его ренегатство становится еще более наглядным, когда он от одобрения тактики мелкобуржуазных националистов (меньшевиков в России, лонгетистов во Франции, Турати в Италии, Гаазе и К° в Германии) переходит к критике большевистской тактики. Вот эта критика:

«Большевистская революция была построена на предположении, что она послужит исходным пунктом для всеобщей европейской революции; что смелая инициатива России побудит пролетариев всей Европы подняться.

При таком предположении было, разумеется, безразлично, какие формы примет русский сепаратный мир, какие тяжести и потери территории (буквально: членовредительства или калечения, Verstümmelungen) принесет он русскому народу, какое истолкование самоопределения наций он даст. Тогда безразлично было также, способна Россия защищаться или нет. Европейская революция, по этому взгляду, составляла наилучшую защиту русской революции, она должна была принести всем народам на прежней российской территории полное и настоящее самоопределение.

Революция в Европе, которая принесла бы там социализм и укрепила его, должна была также стать средством для устранения тех помех, которые ставились в России осуществлению социалистического производства экономической отсталостью страны.

Все это было очень логично и хорошо обосновано, если только допустить основное предположение: что русская революция неминуемо должна развязать европейскую. Ну, а как же в том случае, если этого не случится?

До сих пор это предположение не оправдалось. И теперь пролетариев Европы обвиняют, что они покинули и предали русскую революцию. Это—обвинение против неизвестных, ибо кого же сделать ответственным за поведение европейского пролетариата?» (стр. 28).

И Каутский разжевывает дополнительно, что Маркс, Энгельс, Бебель ошибались не раз насчет наступления ожидавшейся ими революции, но что они никогда не строили своей тактики на ожидании революции *в «определенный срок»* (стр. 29), тогда как, дескать, большевики «поставили все на одну карту всеобщей европейской революции».

Мы нарочно выписали столь длинную цитату, чтобы показать читателю наглядно, как «ловко» подделывает Каутский марксизм, подменяя его пошлым и реакционным мещанским взглядом.

Во 1-х, приписывать противнику явную глупость и потом опровергать ее есть прием не очень-то умных людей. Если бы большевики построили свою тактику на ожидании революции в других странах *к определенному сроку*, это была бы бесспорная глупость. Но большевистская партия этой глупости не сделала: в моем письме к американским рабочим (20. VIII. 1918 *)) я прямо отгораживаюсь от этой глупости, говоря, что мы рассчитываем на американскую революцию, но не к определенному сроку. В моей полемике против левых эсеров и «левых коммунистов» (январь—март 1918 г.) **) я неоднократно развивал ту же самую мысль. Каутский совершил маленькую... совсем маленькую передержку, на которой и построил свою критику большевизма. Каутский смешал во-едино тактику, рассчитывающую на европейскую революцию в более или менее близкий, но не в определенный срок, и тактику, рассчитывающую на европейскую революцию в определенный срок. Маленький подлог, совсем маленький!

Вторая тактика есть глупость. Первая *обязательна* для марксиста, для всякого революционного пролетария и интернационалиста; — *обязательна*, ибо только она марксистски-правильно учитывает объективное положение во всех европейских странах, порождаемое войной, только она отвечает интернациональным задачам пролетариата.

Подменивши крупный вопрос об основах революционной тактики вообще мелким вопросом о той ошибке, которую могли бы сделать революционеры-большевики, но которой они не сделали, Каутский благополучно отрекся от революционной тактики вообще!

Ренегат в политике, он в теории *не умеет даже поставить вопроса* об объективных предпосылках революционной тактики.

И здесь мы подошли ко второму пункту.

Во 2-х. Расчет на европейскую революцию обязателен для марксиста, если есть налицо *революционная ситуация*. Это — азбучная истина марксизма, что тактика социалистического пролетариата не может быть одинакова тогда, когда есть налицо революционная ситуация, и тогда, когда ее нет.

Если бы Каутский поставил этот, обязательный для марксиста, вопрос, он увидел бы, что ответ получается безусловно против него. Задолго до войны все марксисты, все социалисты были согласны в том, что европейская война создаст революционную ситуацию. Когда Каутский еще не был ренегатом, он ясно и определенно признавал это — и в 1902 году («Социальная революция» и в 1909 году («Путь к власти») [118]. Базельский манифест от имени всего II Интернационала признал это: не даром

*) См. настоящий том, стр. 176—189. *Ред.*
**) См. XXII том Сочинений. *Ред.*

социал-шовинисты и каутскианцы («центровики», люди, колеблющиеся между революционерами и оппортунистами) всех стран, как огня, боятся соответствующих заявлений Базельского манифеста!

Следовательно, ожидание революционной ситуации в Европе было не увлечением большевиков, а *общим мнением* всех марксистов. Если Каутский отделывается от этой бесспорной истины такими фразами, что-де большевики «всегда верили в всемогущество насилия и воли», то это именно пустозвонная фраза, *прикрывающая* бегство и позорное бегство Каутского от постановки вопроса о революционной ситуации.

Далее. Наступила революционная ситуация на деле или нет? И этого вопроса Каутский не сумел поставить. На него отвечают экономические факты: голод и разорение, созданные войной повсюду, означают революционную ситуацию. На данный вопрос отвечают также политические факты: уже с 1915 года ясно обнаружился во *всех* странах процесс раскола старых, сгнивших, социалистических партий, процесс *отхода масс* пролетариата от социал-шовинистских вождей налево, к революционным идеям и настроениям, к революционным вождям.

5-го августа 1918 года, когда писал свою брошюру Каутский, не видеть этих фактов мог лишь человек, боящийся революции, изменяющий ей. А теперь, в конце октября 1918 года, революция в *ряде* стран Европы растет на глазах у всех и весьма быстро. «Революционер» Каутский, который желает, чтобы его считали по прежнему марксистом, оказался таким близоруким филистером, который — подобно филистерам 1847 года, осмеянным Марксом,— не видел приближающейся революции!!!

Мы подошли к третьему пункту.

В 3-х. Каковы особенности революционной тактики при условии, что есть налицо европейская революционная ситуация? Каутский, став ренегатом, побоялся поставить этот обязательный для марксиста вопрос. Каутский рассуждает, как типичный филистер-мещанин или темный крестьянин: наступила «всеобщая европейская революция» или нет? Если наступила, тогда *и он* готов стать революционером! Но тогда — заметим мы — всякая сволочь (вроде тех негодяев, которые иногда примазываются теперь к победившим большевикам) станет объявлять себя революционером!

Если нет, тогда Каутский отворачивается от революции! У Каутского нет и тени понимания той истины, что революционера-марксиста отличает от обывателя и мещанина уменье *проповедывать* темным массам необходимость назревающей революции, *доказывать* ее неизбежность, *разъяснять* ее пользу для народа, *готовить* к ней пролетариат и все трудящиеся и эксплуатируемые массы.

Каутский приписал большевикам бессмыслицу, будто они

ставили все на одну карту, рассчитывая, что европейская революция наступит в определенный срок. Эта бессмыслица обратилась против Каутского, ибо у него как раз вышло: тактика большевиков была бы правильна, если бы европейская революция наступила к 5 августа 1918 года! Именно это число упоминает Каутский как время писания его брошюры. И когда через несколько недель после этого 5 августа стало ясным, что революция в ряде европейских стран наступает, то все ренегатство Каутского, вся его фальсификация марксизма, все его неуменье рассуждать революционно и даже ставить вопросы революционно обнаружились во всей своей прелести!

Когда пролетариев Европы обвиняют в измене — пишет Каутский — то это обвинение против неизвестных.

Ошибаетесь, господин Каутский! Посмотрите в зеркало, и вы увидите тех «неизвестных», против коих это обвинение направлено. Каутский прикидывается наивным, он делает вид, что не понимает, *кто* такое обвинение направлял и *какой смысл* оно имеет. На самом же деле Каутский прекрасно знает, что обвинение это выставляли и выставляют немецкие «левые», спартаковцы, Либкнехт и его друзья. Обвинение это выражает *ясное сознание* того, что немецкий пролетариат совершал предательство русской (и международной) революции, когда душил Финляндию, Украину, Латвию, Эстляндию. Обвинение это направляется прежде всего и больше всего не против *массы*, которая всегда забита, а против тех *вождей*, которые, подобно Шейдеманам и Каутским, *не исполняли* своего долга революционной агитации, революционной пропаганды, революционной работы в массах против их косности, которые действовали фактически *наперерез* революционным инстинктам и стремлениям, всегда тлеющим в глубине массы угнетенного класса. Шейдеманы прямо, грубо, цинично, большей частью корыстно предавали пролетариат и переходили на сторону буржуазии. Каутскианцы и лонгетисты делали то же самое, колеблясь, шатаясь, трусливо озираясь на тех, кто силен в данную минуту. Каутский всеми своими писаниями во время войны *угашал* революционный дух вместо того, чтобы поддерживать, развивать его.

Это останется прямо-таки историческим памятником мещанского отупения «среднего» вождя немецкой официальной социал-демократии, что Каутский даже не понимает, какое гигантское *теоретическое значение*, какое еще бóльшее агитационное и пропагандистское значение имеет «обвинение» пролетариев Европы в том, что они предали русскую революцию! Каутский не понимает, что это «обвинение» есть — при цензурных условиях германской «империи» — едва ли не единственная форма, в которой не предавшие социализма немецкие социалисты, Либкнехт и его друзья, выражают *свой призыв к немецким рабочим* сбросить

Шейдеманов и Каутских, оттолкнуть таких «вождей», освободиться от их отупляющей и опошляющей проповеди, подняться, *вопреки* им, *мимо* них, через них, к революции, *на революцию!*

Каутский не понимает этого. Где же ему понять тактику большевиков? Можно ли ожидать от человека, который отрекается от революции вообще, чтобы он взвесил и оценил условия развития революции в одном из наиболее «трудных» случаев?

Тактика большевиков была правильной, была *единственно* интернационалистической тактикой, ибо она базировалась не на трусливой боязни мировой революции, не на мещанском «неверии» в нее, не на узко-националистическом желании отстоять «свое» отечество (отечество своей буржуазии), а на все остальное «наплевать», — она была основана на правильном (до войны, до ренегатства социал-шовинистов и социал-пацифистов общепризнанном) *учете* европейской революционной ситуации. Эта тактика была единственно интернационалистской, ибо проводила максимум осуществимого в одной стране *для* развития, поддержки, пробуждения революции *во всех странах.* Эта тактика оправдалась громадным успехом, ибо большевизм (вовсе не в силу заслуг русских большевиков, а в силу глубочайшего сочувствия *масс* повсюду тактике, революционной на деле) стал *мировым* большевизмом, дал идею, теорию, программу, тактику, отличающуюся конкретно, практически от социал-шовинизма и социал-пацифизма. Большевизм добил старый, гнилой Интернационал Шейдеманов и Каутских, Реноделей и Лонгэ, Хендерсонов и Макдональдов, которые будут теперь путаться в ногах друг у друга, мечтая о «единстве» и воскрешая труп. Большевизм *создал* идейные и тактические основы III Интернационала, действительно пролетарского и коммунистического, учитывающего и завоевания мирной эпохи, и опыт *начавшейся эпохи революций.*

Большевизм популяризовал на весь мир идею «диктатуры пролетариата», перевел эти слова с латинского сначала на русский, а потом на *все* языки мира, показав на примере *Советской власти,* что рабочие и беднейшие крестьяне *даже* отсталой страны, даже наименее опытные, образованные, привычные к организации, *в состоянии* были целый год, среди гигантских трудностей, в борьбе с эксплуататорами (коих поддерживала буржуазия *всего* мира), сохранить власть трудящихся, создать демократию, неизмеримо более высокую и широкую, чем все прежние демократии мира, *начать* творчество десятков миллионов рабочих и крестьян по практическому осуществлению социализма.

Большевизм помог на деле развитию пролетарской революции в Европе и в Америке так сильно, как ни одной партии ни в одной стране не удавалось до сих пор помогать. В то время, как рабочим всего мира с каждым днем становится яснее, что

тактика Шейдеманов и Каутских не избавляла от империалистской войны и от наемного рабства у империалистской буржуазии, что эта тактика не годится в образец для всех стран, — в это время массам пролетариев всех стран с каждым днем становится яснее, что большевизм указал верный путь к спасению от ужасов войны и империализма, что большевизм *годится как образец тактики для всех.*

Не только обще-европейская, но мировая пролетарская революция зреет у всех на глазах, и ей помогла, ее ускорила, ее поддержала победа пролетариата в России. Этого всего мало для полной победы социализма? Конечно, мало. Одной стране большего сделать нельзя. Но эта одна страна, благодаря Советской власти, сделала все же столько, что даже, если бы русскую советскую власть завтра раздавил мировой империализм, допустим, путем соглашения германского империализма с англо-французским, даже в этом, худшем из худых случаев большевистская тактика оказалась бы принесшей громадную пользу социализму и поддержавшей рост непобедимой мировой революции.

ПРИСЛУЖНИЧЕСТВО *) БУРЖУАЗИИ ПОД ВИДОМ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА».

Как уже было сказано, книге Каутского следовало бы называться — если бы заглавие правильно передавало содержание — не «Диктатура пролетариата», а «Перепев буржуазных нападок на большевиков».

Старые «теории» меньшевиков о буржуазном характере русской революции, т. е. старое искажение марксизма меньшевиками (в 1905 году *отвергнутое* Каутским!), теперь вновь подогреты нашим теоретиком. Придется остановиться на этом вопросе, как ни скучен он для русских марксистов.

Русская революция буржуазная — говорили все марксисты России перед 1905 годом. Меньшевики, подменяя марксизм либерализмом, выводили отсюда: следовательно, пролетариат не должен идти дальше того, что приемлемо для буржуазии, он должен вести политику соглашения с ней. Большевики говорили, что это — либерально-буржуазная теория. Буржуазия стремится совершить преобразование государства по-буржуазному, *реформистски*, а не революционно, сохраняя по возможности и монархию и помещичье землевладение и т. п. Пролетариат должен вести буржуазно-демократическую революцию до ее конца, не давая себя «связать» реформизмом буржуазии. *Классовое* соотношение сил при буржуазной революции большевики формулировали так: пролетариат, присоединяя к себе крестьянство, нейтрализует либе-

*) В рукописи: «Защита». *Ред.*

ральную буржуазию и разрушает до конца монархию, средневековье, помещичье землевладение.

В союзе пролетариата с крестьянством *вообще* и обнаруживается буржуазный характер революции, ибо крестьянство вообще есть мелкие производители, стоящие на почве товарного производства. Далее, добавляли тогда же большевики, пролетариат присоединяет к себе *весь полупролетариат* (всех эксплуатируемых и трудящихся), нейтрализует среднее крестьянство и *ниспровергает* буржуазию: в этом состоит социалистическая революция в отличие от буржуазно-демократической. (См. мою брошюру 1905 года: «Две тактики», перепечатанную в сборнике: «За 12 лет», Петербург, 1907 года *).)

Каутский принял косвенное участие в этом споре в 1905 г., высказавшись, по запросу тогдашнего меньшевика, Плеханова, по существу дела, *против* Плеханова, что вызвало тогда особые насмешки большевистской печати [119]). Теперь Каутский ни *словечком* не вспоминает тогдашних споров (боится разоблачения его же заявлениями!) и тем лишает немецкого читателя всякой возможности понять суть дела. Господин Каутский *не мог* рассказать немецким рабочим в 1918 году о том, как в 1905 году он был за союз рабочих с крестьянами, а не с либеральной буржуазией, и на каких условиях он защищал этот союз, какую программу проектировал для этого союза.

Попятившись назад, Каутский под видом «экономического анализа», с горделивыми фразами об «историческом материализме», защищает теперь подчинение рабочих буржуазии, разжевывая, при помощи цитат из меньшевика Маслова [120]) старые либеральные взгляды меньшевиков; при этом цитатами доказывается новая мысль об отсталости России, а вывод из этой новой мысли делается старый, в том духе, что-де при буржуазной революции не идти дальше буржуазии! И это вопреки всему тому, что говорили Маркс и Энгельс, сравнивая буржуазную революцию 1789 — 1793 г.г. во Франции с буржуазной революцией в Германии в 1848 году! [121])

Прежде чем переходить к главному «доводу» и главному содержанию «экономического анализа» у Каутского, отметим, что первые же фразы обнаруживают курьезную путаницу мыслей или непродуманность мыслей автора:

«Экономической основой России — вещает наш «теоретик» — является доныне сельское хозяйство, и притом именно мелкое крестьянское производство. Им живет около $^4/_5$, может быть, даже $^5/_6$ населения» (стр. 45). Во-первых, любезный теоретик, подумали ли вы, сколько может быть эксплуататоров среди этой массы мелких производителей? Конечно, не более $^1/_{10}$ всего

*) См. VIII том Сочинений, стр. 27 — 126. *Ред.*

их числа, а в городах еще меньше, ибо там крупное производство более развито. Возьмите даже невероятно высокую цифру, допустите, что $^{1}/_{5}$ мелких производителей — эксплуататоры, теряющие избирательное право. И тогда вы получите, что 66% большевиков на V Съезде Советов представляли *большинство населения*. А к этому надо еще добавить, что среди левых эсеров всегда была внушительная часть за Советскую власть, т.-е. принципиально *все* левые эсеры были за Советскую власть, а когда часть левых эсеров пошла на восстание-авантюру в июле 1918 года, то от них отделились из их бывшей партии две новые партии, «народников коммунистов» [122]) и «революционных коммунистов» [123]) (из видных левых эсеров, коих еще старая партия выдвигала на важнейшие государственные посты; к первой принадлежит, напр., Закс, ко второй Колегаев). Следовательно, Каутский сам опроверг — нечаянно! — смехотворную сказку, будто за большевиками стоит меньшинство населения.

Во-2-х, любезный теоретик, подумали ли вы о том, что мелкий крестьянский производитель *неизбежно* колеблется между пролетариатом и буржуазией? Эту марксистскую истину, подтвержденную всей новейшей историей Европы, Каутский «забыл» очень кстати, ибо она разбивает в пух и прах всю меньшевистскую «теорию», им повторяемую! Если бы Каутский не «забыл» этого, он не мог бы отрицать необходимость пролетарской диктатуры в стране с преобладанием мелких крестьянских производителей.

Рассмотрим главное содержание «экономического анализа» нашего теоретика.

Что Советская власть есть диктатура, это бесспорно, говорит Каутский. «Но есть ли это диктатура *пролетариата?*» (стр. 34).

«Крестьяне составляют, по советской конституции, большинство населения, имеющего право участвовать в законодательстве и управлении. То, что нам выставляют как диктатуру *пролетариата*, оказалось бы, если бы это было проведено последовательно и если бы один класс, вообще говоря, мог непосредственно осуществлять диктатуру, что осуществимо лишь для партии, — то оказалось бы диктатурой *крестьянства*» (стр. 35).

И, чрезвычайно довольный столь глубокомысленным и остроумным рассуждением, добрый Каутский пытается острить: «Выходит как будто бы, что наиболее безболезненное осуществление социализма обеспечено тогда, когда оно отдается в руки крестьян» (стр. 35).

Подробнейшим образом, с рядом чрезвычайно ученых цитат из полулиберального Маслова, наш теоретик доказывает новую мысль о заинтересованности крестьян в высоких ценах на хлеб, в низкой заработной плате городским рабочим и т. д., и т. п. Эти новые мысли, кстати сказать, тем скучнее изложены, чем меньше обращено внимания на действительно новые явления

после-военного времени, например, на то, что крестьяне требуют за хлеб не денег, а товаров, что у крестьян не хватает орудий, которых нельзя достать в необходимом числе ни за какие деньги. Об этом еще особо ниже.

Итак, Каутский обвиняет большевиков, партию пролетариата, в том, что она отдала диктатуру, отдала дело проведения социализма, в руки мелкобуржуазного крестьянства. Прекрасно, господин Каутский! Каковы же должны были бы быть, по вашему просвещенному мнению, отношения пролетарской партии к мелкобуржуазному крестьянству?

Об этом наш теоретик предпочел помолчать, — должно быть, вспомнив пословицу: «слово — серебро, молчание — золото». Но Каутский выдал себя следующим рассуждением:

«В начале Советской Республики Крестьянские Советы представляли из себя организации *крестьянства* вообще. Теперь Республика эта провозглашает, что советы представляют организации пролетариев и *бедных* крестьян. Зажиточные теряют избирательное право в Советы. Бедный крестьянин признается здесь постоянным и массовым продуктом социалистической аграрной реформы при «диктатуре пролетариата»» (стр. 48).

Какая убийственная ирония! Ее можно услыхать в России от любого буржуа: они все злорадствуют и смеются, что Советская Республика открыто признается в существовании беднейших крестьян. Они смеются над социализмом. Это их право. Но «социалист», который смеется над тем, что после разорительнейшей четырехлетней войны у нас остаются — и надолго останутся — беднейшие крестьяне, такой «социалист» мог родиться только в обстановке массового ренегатства.

Слушайте дальше:

... «Советская Республика вмешивается в отношения между богатыми и бедными крестьянами, но не посредством нового распределения земли. Чтобы устранить нужду горожан в хлебе, в деревни посылаются отряды вооруженных рабочих, которые отнимают у богатых крестьян излишки хлеба. Часть этого хлеба отдается городскому населению, другая — беднейшим крестьянам» (стр. 48).

Разумеется, социалист и марксист Каутский глубоко возмущен мыслью о том, что такая мера могла бы распространяться дальше, чем на окрестности больших городов (а она у нас распространяется на всю страну). Социалист и марксист Каутский наставительно замечает, с бесподобным, несравненным, восхитительным хладнокровием (или тупоумием) филистера: ... «Они (экспроприации зажиточных крестьян) вносят новый элемент беспокойства и гражданской войны в процесс производства» ... (гражданская война, вносимая в «процесс производства», это уже нечто сверхъестественное!) ... «который для своего оздоровления настоятельно нуждается в спокойствии и безопасности» (49).

Да, да, насчет спокойствия и безопасности для эксплуататоров

и спекулянтов хлебом, которые прячут его излишки, срывают закон о хлебной монополии, доводят до голода население городов, — насчет этого марксисту и социалисту Каутскому, конечно, следует вздохнуть и пролить слезу. Мы все социалисты и марксисты и интернационалисты — кричат хором господа Каутские, Гейнрихи Веберы (Вена), Лонгэ (Париж), Макдональд (Лондон) и т. п. — мы все за революцию рабочего класса, только... только так, чтобы не нарушать спокойствия и безопасности спекулянтов хлебом! И это грязное прислужничество капиталистам мы прикрываем «марксистской» ссылкой на «процесс производства»... Если это марксизм, то что же называется лакейством перед буржуазией?

Посмотрите, что̀ получилось у нашего теоретика. Он обвиняет большевиков в том, что они выдают диктатуру крестьянства за диктатуру пролетариата. И в то же время он обвиняет нас в том, что мы вносим гражданскую войну в деревни (мы это считаем своей *заслугой*), что мы посылаем в деревню отряды вооруженных рабочих, которые открыто провозглашают, что осуществляют «диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства», помогают этому последнему, экспроприируют у спекулянтов, богатых крестьян, излишки хлеба, укрываемые ими в нарушение закона о хлебной монополии.

С одной стороны, наш марксист-теоретик стоит за чистую демократию, за подчинение революционного класса, вождя трудящихся и эксплуатируемых, большинству населения (включая, следовательно, и эксплуататоров). С другой стороны, он *против* нас разъясняет неизбежность буржуазного характера революции, буржуазного потому, что крестьянство в целом стоит на почве буржуазных общественных отношений, и в то же время претендует на отстаиванье им пролетарской, классовой, марксистской точки зрения!

Вместо «экономического анализа» это — каша и путаница первого сорта. Вместо марксизма это — обрывки либеральных учений и проповедь лакейства перед буржуазией и перед кулаками.

Запутанный Каутским вопрос большевики уже в 1905 году разъяснили полностью. Да, революция наша буржуазная, *пока* мы идем *вместе* с крестьянством, как *целым*. Это мы яснее ясного сознавали, сотни и тысячи раз с 1905 года говорили, никогда этой необходимой ступени исторического процесса ни перепрыгнуть, ни декретами отменить не пробовали. Потуги Каутского «изобличать» нас по этому пункту изобличают только путаницу его взглядов и боязнь его вспомнить то, что он писал в 1905 году, когда он не был еще ренегатом.

Но в 1917 году, с *апреля* месяца, задолго до октябрьской революции, до взятия власти нами, мы говорили открыто и разъясняли народу: остановиться на этом революция теперь не

сможет, ибо ушла вперед страна, шагнул вперед капитализм, дошло до невиданных размеров разорение, которое *потребует* (хочет ли этого кто-нибудь или нет), потребует шагов вперед, *к социализму*. Ибо иначе идти вперед, иначе спасать страну, истерзанную войной, иначе *облегчать* муки трудящихся и эксплуатируемых *нельзя*.

Вышло именно так, как мы говорили. Ход революции подтвердил правильность нашего рассуждения. *Сначала* вместе со «всем» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). *Затем*, вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплуатируемыми, *против капитализма*, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится *социалистическою*. Пытаться поставить искусственную китайскую стену между той и другой, отделить их друг от друга чем-либо иным, *кроме* степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом. Это значило бы посредством квази-ученых ссылок на прогрессивность буржуазии по отношению к средневековью протаскивать реакционную защиту буржуазии по отношению к социалистическому пролетариату.

Советы, между прочим, потому именно представляют из себя неизмеримо более высокую форму и тип демократизма, что, объединяя и втягивая в политику *массу рабочих и крестьян*, они дают самый близкий к «народу» (в том смысле, в котором Маркс говорил в 1871 году о действительно народной революции)[124], самый чуткий барометр развития и роста политической, классовой зрелости масс. Советская конституция не писалась по какому-нибудь «плану», не составлялась в кабинетах, не навязывалась трудящимся юристами из буржуазии. Нет, эта конституция *вырастала* из хода развития *классовой борьбы*, по мере созревания *классовых противоречий*. Именно те факты, которые вынужден признать Каутский, доказывают это.

Сначала советы объединяли крестьянство в целом. Неразвитость, отсталость, темнота именно беднейших крестьян отдавала руководство в руки кулаков, богатеньких, капиталистов, мелкой буржуазии, мелкобуржуазных интеллигентов. Это была пора господства мелкой буржуазии, меньшевиков и социалистов-революционеров (считать тех и других социалистами могут только глупцы или ренегаты вроде Каутского). Мелкая буржуазия неминуемо, неизбежно колебалась между диктатурой буржуазии (Керенский, Корнилов, Савинков) и диктатурой пролетариата, ибо ни на что самостоятельное мелкая буржуазия неспособна, по коренным свойствам ее экономического положения. К слову сказать, Каутский

полностью отрекается от марксизма, отделываясь при анализе русской революции юридическим, формальным, служащим буржуазии для прикрытия ее господства и для обмана масс, понятием «демократия» и *забывая* о том, что «демократия» выражает на деле иногда *диктатуру буржуазии*, иногда бессильный реформизм мещанства, подчиняющегося этой диктатуре, и т. д. У Каутского выходит, что в капиталистической стране были буржуазные партии, была пролетарская, ведущая за собой большинство пролетариата, его массу (большевики), *но не было* мелкобуржуазных партий! Не было *классовых корней*, мелкобуржуазных корней у меньшевиков и эсеров!

Колебания мелкой буржуазии, меньшевиков и эсеров, просветили массы и оттолкнули громадное большинство их, все «низы», всех пролетариев и полупролетариев, от таких «вождей».

В советах получили преобладание (в Питере и Москве к октябрю 1917 года) большевики, среди эсеров и меньшевиков усилился раскол.

Победившая большевистская революция означала конец колебаний, означала полное разрушение монархии и помещичьего землевладения (до октябрьской революции оно *не было* разрушено). *Буржуазная* революция была нами доведена *до конца*. Крестьянство шло за нами *в целом*. Его антагонизм к социалистическому пролетариату не мог обнаружиться в один момент. Советы объединяли крестьянство *вообще*. Классовое деление внутри крестьянства еще не назрело, еще не вылилось наружу.

Этот процесс развился летом и осенью 1918-го года. Чехословацкое контр-революционное восстание разбудило кулаков. По России прошла волна кулацких восстаний. Беднейшее крестьянство не из книг, не из газет, *а из жизни* училось непримиримости своих интересов с интересами кулаков, богатеев, деревенской буржуазии. «Левые эсеры», как всякая мелкобуржуазная партия, отражали колебания масс, и именно летом 1918 года они раскололись: часть пошла вместе с чехо-словаками (восстание в Москве, когда Прошьян, захватив телеграф — на час! — оповещал Россию о свержении большевиков, затем измена главнокомандующего армией против чехо-словаков, Муравьева, и т. д.) [125]; часть, названная выше, осталась с большевиками.

Обострение продовольственной нужды в городах ставило все резче вопрос о хлебной монополии (про которую «забыл» теоретик Каутский в своем экономическом анализе, повторяющем зады, вычитанные десять лет тому назад у Маслова!).

Старое, помещичье и буржуазное, даже демократически-республиканское, государство посылало в деревню вооруженные отряды, находившиеся фактически в распоряжении буржуазии. Этого господин Каутский не знает! В этом он не видит «дикта-

туры буржуазии», Боже упаси! Это — «чистая демократия», особенно, если это одобрялось бы буржуазным парламентом! О том, как Авксентьев и С. Маслов, в компании Керенских, Церетели и т. п. публики эсеров и меньшевиков, арестовывали летом и осенью 1917 года членов земельных комитетов, об этом Каутский «не слыхал», об этом он молчит!

Все дело в том, что государство буржуазное, осуществляющее диктатуру буржуазии чрез посредство демократической республики, не может признаться перед народом в том, что оно служит буржуазии, не может сказать правды, вынуждено лицемерить.

А государство типа Коммуны, государство советское, открыто и прямо говорит народу *правду,* заявляя, что оно есть диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства, привлекая к себе именно этой правдой десятки и десятки миллионов новых граждан, забитых при любой демократической республике, втягиваемых в политику, в *демократию,* в управление государством советами. Советская республика посылает в деревни отряды вооруженных рабочих; в первую голову более передовых, из столиц. Эти рабочие несут социализм в деревню, привлекают на свою сторону бедноту, организуют и просвещают ее, помогают ей *подавить сопротивление буржуазии.*

Все, знающие дело и бывшие в деревне, говорят, что наша деревня только летом и осенью 1918 года переживает *сама* «октябрьскую» (т.-е. пролетарскую) «революцию». Наступает перелом. Волна кулацких восстаний сменяется подъемом бедноты, ростом «комитетов бедноты». В армии растет число комиссаров из рабочих, офицеров из рабочих, командиров дивизиями и армиями из рабочих. В то время, как *) Каутский, напуганный июльским (1918 г.) кризисом и воплями буржуазии, бежит за ней «петушком» и пишет целую брошюру, проникнутую убеждением, что большевики накануне их свержения крестьянством, в то время, как Каутский **) усматривает «сужение» (стр. 37) круга тех, кто поддерживает большевиков, в отколе левых эсеров, — в это время *действительный* круг сторонников большевизма *вырастает необъятно,* ибо просыпаются к *самостоятельной* политической жизни десятки и десятки миллионов деревенской бедноты, освобождаясь от опеки и от влияния кулаков и деревенской буржуазии.

Мы потеряли сотни левых эсеров, бесхарактерных интеллигентов и кулаков из крестьян, мы приобрели миллионы представителей бедноты ***).

---

*) В рукописи далее следует: «дурачек». *Ред.*

**) В рукописи: «этот дурачек». *Ред.*

***) На VI съезде советов (7—9 XI 1918) было с решающим голосом 967 депутатов, из них 950 большевиков, да с совещательным 351, из них 335 большевиков. Итого 97% большевиков. (Этого примечания нет в рукописи. *Ред.*)

Через год после пролетарской революции в столицах наступила, под ее влиянием и при ее помощи, пролетарская революция в деревенских захолустьях, которая окончательно укрепила Советскую власть и большевизм, окончательно доказала, что внутри страны нет сил против него.

Завершив буржуазно-демократическую революцию вместе с крестьянством вообще, пролетариат России перешел окончательно к революции социалистической, когда ему удалось расколоть деревню, присоединить к себе ее пролетариев и полупролетариев, объединить их против кулаков и буржуазии, в том числе крестьянской буржуазии.

Вот если бы большевистский пролетариат столиц и крупных промышленных центров не сумел объединить вокруг себя деревенской бедноты против богатого крестьянства, тогда этим была бы доказана «незрелость» России для социалистической революции, тогда крестьянство осталось бы «целым», т.-е. осталось бы под экономическим, политическим и духовным руководством кулаков, богатеев, буржуазии, тогда революция не вышла бы за пределы буржуазно-демократической революции. (Но и этим, в скобках сказать, не было бы доказано, что пролетариат не должен был брать власти, ибо только пролетариат довел действительно до конца буржуазно-демократическую революцию, только пролетариат сделал кое-что серьезное для приближения мировой пролетарской революции, только пролетариат создал советское государство, второй шаг, после Коммуны, в направлении к социалистическому государству.)

С другой стороны, если бы большевистский пролетариат попробовал сразу, в октябре — ноябре 1917 года, не сумев выждать классового расслоения деревни, не сумев *подготовить* и провести его, попробовал «декретировать» гражданскую войну или «введение социализма» в деревне, попробовал обойтись без временного блока (союза) с крестьянством вообще, без ряда уступок среднему крестьянину и т. п., — тогда это было бы бланкистским искажением марксизма, тогда это было бы попыткой меньшинства навязать свою волю большинству, тогда это было бы теоретической нелепостью, непониманием того, что обще-крестьянская революция есть *еще* революция буржуазная и что *без ряда переходов, переходных ступеней,* сделать ее социалистическою в отсталой стране нельзя.

Каутский *все* перепутал в важнейшем теоретическом и политическом вопросе и на практике оказался просто прислужником буржуазии, вопящим против диктатуры пролетариата.

* *
*

Такую же, если не бóльшую, путаницу внес Каутский в другой интереснейший и важнейший вопрос, именно: была ли прин-

ципиально правильно поставлена, а затем была ли целесообразно проведена *законодательная* деятельность Советской Республики в аграрном преобразовании, этом труднейшем и в то же время важнейшем социалистическом преобразовании? Мы были бы несказанно благодарны всякому западно-европейскому марксисту, если бы он, ознакомившись хотя бы с важнейшими документами, дал *критику* нашей политики, ибо этим он помог бы нам чрезвычайно, помог и назревающей революции во всем мире. Но Каутский дает вместо критики невероятную теоретическую путаницу, превращающую марксизм в либерализм, а на практике пустые, злобные, мещанские выходки против большевиков. Пусть судит читатель:

«Крупного землевладения нельзя было удержать. Это сделала революция. Это стало ясным тотчас же. Его нельзя было не передать крестьянскому населению... (Неверно, господин Каутский: вы подставляете «ясное» для вас на место отношения разных *классов* к вопросу; история революции доказала, что коалиционное правительство буржуа с мелким буржуа, меньшевиками и эсерами, вело политику сохранения крупного землевладения. Это особенно доказал закон С. Маслова [126]) и аресты членов земельных комитетов. Без диктатуры пролетариата «крестьянское население» не победило бы помещика, объединившегося с капиталистом.)

...«Однако насчет того, в каких формах должно это произойти, единства не было. Мыслимы были различные решения»... (Каутского больше всего заботит «единство» «социалистов», кто бы себя ни называл этим именем. О том, что основные классы капиталистического общества должны приходить к различным решениям, он забывает.) ...«С социалистической точки зрения самым рациональным было бы передать крупные предприятия в государственную собственность и предоставить крестьянам, которые до сих пор были заняты в них, как наемные рабочие, обработку крупных имений в формах товарищества. Но это решение предполагает таких сельских рабочих, которых в России нет. Другим решением могла бы быть передача крупного землевладения в государственную собственность, с разделом его на мелкие участки, сдаваемые в аренду малоземельным крестьянам. Тогда было бы еще осуществлено кое-что от социализма»...

Каутский отделывается, как всегда, знаменитым: с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, надо признаться. Он ставит *рядом* различные решения, не задаваясь мыслью — единственно реальной, единственно марксистской мыслью — о том, каковы должны быть *переходы* от капитализма к коммунизму в таких-то *особых условиях*. В России есть наемные сельские рабочие, но их немного, и *поставленного* Советскою властью вопроса о том, как перейти к коммунальной и товарищеской обработке земли, Каутский не коснулся. Курьезнее всего, однако, что

Каутский хочет видеть «кое-что от социализма» в раздаче мелких участков земли в аренду. На самом деле это *мелкобуржуазный* лозунг, и «от социализма» тут *ничего* нет. Если «государство», сдающее земли в аренду, *не* будет государством типа Коммуны, а будет парламентарной буржуазной республикой (именно таково постоянное предположение Каутского), то сдача земли мелкими участками будет типичной *либеральной реформой*.

О том, что Советская власть отменила *всякую* собственность на землю, Каутский молчит. Хуже того. Он совершает невероятную подтасовку и цитирует декреты Советской власти так, что опускается наиболее существенное.

Заявив, что «мелкое производство стремится к полной частной собственности на средства производства», что учредилка была бы «единственным авторитетом», способным помешать разделу (утверждение, которое вызовет хохот в России, ибо все знают, что рабочие и крестьяне авторитетными считают *только* советы, а учредилка стала лозунгом чехо-словаков и помещиков), — Каутский продолжает:

«Один из первых декретов советского правительства постановил: 1. Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа. 2. Помещичьи имения, равно как все земли, удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями, переходят в распоряжение волостных земельных комитетов уездных советов крестьянских депутатов, впредь до разрешения Учредительным Собранием вопроса о земле».

Процитировав *только эти два пункта*, Каутский заключает:

«Ссылка на Учредительное Собрание осталась мертвой буквой. Фактически крестьяне отдельных волостей могли делать с землею, что хотели» (47).

Вот вам образцы «критики» Каутского! Вот вам «ученая» работа, больше всего похожая на подлог. Немецкому читателю внушается, что большевики капитулировали перед крестьянством по вопросу о частной собственности на землю! что большевики предоставили крестьянам враздробь («отдельным волостям») делать, что хотят!

А на самом деле цитируемый Каутским декрет — первый декрет, изданный 26 октября 1917 г. (ст. ст.) *), — состоит не из 2-х, а из 5-ти статей *плюс* восемь статей «наказа», при чем про наказ сказано, что он «должен служить для руководства».

В 3-ей статье декрета говорится, что хозяйства переходят «*к народу*», что обязательно составление «точной описи всего конфискуемого имущества» и «строжайшая революционная охрана». А в наказе говорится, что «право частной собственности на

*) См. XXII том Сочинений, стр. 20 — 23. *Ред.*

землю отменяется навсегда», что «земельные участки с высококультурными хозяйствами» *«не подлежат разделу»*, что «весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа», что «вся земля поступает в общенародный земельный фонд».

Далее, одновременно с роспуском Учредительного Собрания (5. I. 1918 г.), Третьим Съездом Советов принята *«декларация прав* трудящегося и эксплуатируемого народа» *), вошедшая теперь в основной закон Советской Республики. В этой декларации статья II, 1 говорит, что «частная собственность на землю отменяется» и что «образцовые поместья и сельско-хозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием».

Следовательно, ссылка на Учредительное Собрание *не* осталась мертвой буквой, ибо другое общенародное представительное учреждение, неизмеримо более авторитетное в глазах крестьян, взяло на себя решение аграрного вопроса.

Далее, 6 (19) февраля 1918 года опубликован закон о социализации земли, который еще раз подтверждает отмену всякой собственности на землю, передает распоряжение и землей и *всем частновладельческим* инвентарем советским властям *под контролем федеральной советской власти;* в задачи распоряжения землей ставит

«развитие коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, за счет хозяйств единоличных, в целях перехода к социалистическому хозяйству» (ст. 11, пункт *д*).

Вводя *уравнительное* землепользование, этот закон на основной вопрос: «кто имеет право пользоваться землей», отвечает:

«ст. 20. Отдельными участками поверхности земли для общественных и личных надобностей в пределах Российской Советской Федеративной Республики могут пользоваться: А) В целях культурно-просветительных: 1) государство, в лице органов Советской власти (федеральной, областной, губернской, уездной, волостной и сельской). 2) Общественные организации (под контролем и с разрешения местной Советской власти). Б) Для занятия сельским хозяйством: 3) Сельско-хозяйственные коммуны. 4) Сельско-хозяйственные товарищества. 5) Сельские общества. 6) Отдельные семьи и лица»...

Читатель видит, что Каутский совершенно извратил дело и представил немецкому читателю в абсолютно фальшивом виде аграрную политику и аграрное законодательство пролетарского государства в России.

Теоретически важных, основных, вопросов Каутский даже не сумел поставить!

Эти вопросы следующие:

1) Уравнительность землепользования и

*) См. XXII том Сочинений, стр. 174—178. *Ред.*

2) Национализация земли,—отношение той и другой меры к социализму вообще и к переходу от капитализма к коммунизму в частности.

3) Общественная обработка земли, как переход от мелкого раздробленного земледелия к крупному общественному; удовлетворяет ли постановка этого вопроса в советском законодательстве требованиям социализма?

По первому вопросу необходимо установить прежде всего два следующие основные факта: а) большевики и при учете опыта 1905 года (сошлюсь, например, на свою работу об аграрном вопросе в первой русской революции *)) указывали на демократически-прогрессивное, демократически-революционное значение лозунга уравнительности и в 1917 году, *до* октябрьской революции вполне определенно говорили об этом: б) проводя закон о социализации земли,—закон, «душой» которого является лозунг уравнительного землепользования,—большевики с полнейшей точностью и определенностью заявили: эта идея не наша, мы с таким лозунгом не согласны, мы считаем долгом проводить его, ибо таково требование подавляющего большинства крестьян. А идея и требования большинства трудящихся должны быть *изжиты ими самими*: ни «отменить» таких требований, ни «перескочить» через них нельзя. Мы, большевики, будем *помогать* крестьянству изжить мелкобуржуазные лозунги, *перейти* от них как можно скорее и как можно легче к социалистическим.

Теоретик-марксист, который хотел бы помочь рабочей революции своим научным анализом, должен бы был ответить, во-первых, верно ли, что идея уравнительности землепользования имеет демократически-революционное значение, значение доведения до конца *буржуазно*-демократической революции? Во-вторых, правильно ли поступили большевики, проводя своими голосами (и лояльнейшим образом соблюдая) мелкобуржуазный закон об уравнительности?

Каутский не сумел даже *заметить*, в чем состоит, теоретически, гвоздь вопроса!

Каутскому никогда не удалось бы опровергнуть того, что идея уравнительности имеет прогрессивное и революционное значение в буржуазно-демократическом перевороте. Дальше этот переворот идти не может. Доходя до конца, он *тем яснее*, тем *скорее*, тем *легче* обнаруживает перед массами *недостаточность* буржуазно-демократических решений, необходимость выйти за их рамки, перейти к *социализму*.

Сбросившее царизм и помещиков крестьянство мечтает об уравнительности, и никакая сила не могла бы помешать крестьянам, избавленным и от помещиков, и от *буржуазно*-парла-

*) См. XI том Сочинений. *Ред.*

ментарного, республиканского государства. Пролетарии говорят крестьянам: мы вам поможем дойти до «идеального» капитализма, ибо уравнительность землепользования есть идеализирование капитализма с точки зрения мелкого производителя. И в то же время мы вам покажем недостаточность этого, необходимость перехода к общественной обработке земли.

Интересно бы посмотреть, как бы попробовал Каутский опровергать правильность *такого* руководства крестьянской борьбой со стороны пролетариата!

Каутский предпочел уклониться от вопроса...

Далее, Каутский прямо обманул немецких читателей, скрыв от них, что *в законе* о земле Советская власть дала *прямое* преимущество коммунам и товариществам, поставив их на первое место.

С крестьянством до конца буржуазно-демократической революции,—с беднейшей, пролетарской и полупролетарской частью крестьянства вперед к социалистической революции! Такова была политика большевиков, и это была единственная марксистская политика.

А Каутский путается, не умея поставить ни одного вопроса! С одной стороны, он *не смеет* сказать, что пролетарии должны были разойтись с крестьянством в вопросе об уравнительности, ибо он чувствует нелепость подобного расхождения (да притом в 1905 году Каутский, когда он не был еще ренегатом, ясно и прямо отстаивал союз рабочих и крестьян, как условие победы революции). С другой стороны, Каутский цитирует сочувственно либеральные пошлости меньшевика Маслова, который «доказывает» утопичность и реакционность мелкобуржуазного равенства *с точки зрения социализма* и умалчивает о прогрессивности и революционности мелкобуржуазной борьбы за равенство, за уравнительность, *с точки зрения буржуазно-демократической революции.*

У Каутского выходит путаница без конца: заметьте, что Каутский (1918 года) *настаивает* на *буржуазном* характере русской революции. Каутский (1918 года) требует: не выходите из этих рамок! И тот же Каутский усматривает «кое-что *от социализма*» (*для буржуазной* революции) в *мелкобуржуазной* реформе, сдаче мелких участков земли *бедным* крестьянам (т.-е. в приближении к уравнительности)!!

Пойми, кто может!

Каутский, сверх того, обнаруживает филистерское неумение считаться с действительной политикой определенной партии. Он цитирует *фразы* меньшевика Маслова, *не желая видеть действительной* политики партии меньшевиков в 1917 году, когда она, в «коалиции» с помещиками и кадетами, отстаивала фактически *либеральную аграрную реформу и соглашение с помещиками*

(доказательство: аресты членов земельных комитетов и законопроект С. Маслова).

Каутский не заметил, что фразы П. Маслова о реакционности и утопичности мелкобуржуазного равенства прикрывают на деле меньшевистскую политику *соглашения* крестьян с помещиками (т.-е. облувания крестьян помещиками) вместо *революционного* свержения помещиков крестьянами.

Ну, и «марксист» Каутский!

Именно большевики строго учли различие буржуазно-демократической революции от социалистической: доводя до конца первую, они открывали дверь для перехода ко второй. Это — единственно революционная и единственно марксистская политика.

И напрасно повторяет Каутский беззубые либеральные остроты: «Нигде еще и никогда мелкие крестьяне под влиянием теоретических убеждений не переходили к коллективному производству» (50).

Очень остроумно!

Нигде и никогда мелкие крестьяне большой страны не были под влиянием пролетарского государства.

Нигде и никогда мелкие крестьяне не приходили к открытой классовой борьбе беднейших крестьян с богатыми, вплоть до гражданской войны между ними, *при условии* пропагандистской, политической, экономической и военной поддержки беднейших пролетарской государственной властью.

Нигде и никогда не было такого обогащения спекулянтов и богатеев от войны, при таком разорении массы крестьян.

Каутский повторяет старье, пережевывает старую жвачку, боясь и подумать о новых задачах пролетарской диктатуры.

А что, любезный Каутский, если у крестьян *не хватает* орудий для мелкого производства, а пролетарское государство *помогает* им доставать машины для коллективной обработки земли, есть ли это «теоретическое убеждение»?

Перейдем к вопросу о национализации земли. Наши народники, в том числе все левые эсеры, отрицают, что проведенная у нас мера есть национализация земли. Они теоретически неправы. Поскольку мы остаемся в рамках товарного производства и капитализма, постольку отмена частной собственности на землю есть национализация земли. Слово «социализация» выражает лишь тенденцию, пожелание, подготовку перехода к социализму.

Каково же должно быть отношение марксистов к национализации земли?

Каутский и здесь не умеет даже поставить теоретического вопроса или — чтó еще хуже — умышленно обходит вопрос, хотя из русской литературы известно, что Каутский знает о давних спорах среди русских марксистов по вопросу о национализации

земли, о муниципализации земли (передача крупных имений местным самоуправлениям), о разделе.

Прямой насмешкой над марксизмом является утверждение Каутского, что передача крупных имений государству и сдача их мелкими участками в аренду малоземельным крестьянам осуществляла бы «нечто от социализма». Мы уже указали, что тут нет никакого социализма. Но этого мало: тут нет и *буржуазно-демократической* революции, доведенной до конца.

С Каутским случилось большое несчастье, что он доверился меньшевикам. От этого произошел курьез: защищающий буржуазный характер нашей революции, Каутский, обвиняющий большевиков за то, что они вздумали идти к социализму, *сам* дает либеральную реформу под видом социализма, *не доводя этой реформы* до полной чистки всего средневековья в отношениях землевладения! У Каутского, как и у его советчиков-меньшевиков, получилась защита либеральной буржуазии, боящейся революции, вместо защиты последовательной буржуазно-демократической революции.

В самом деле. Почему бы в государственную собственность превращать только крупные имения, а не все земли? Либеральная буржуазия достигает этим наибольшего сохранения старины (т.-е. наименьшей последовательности в революции) и наибольшей легкости возврата к старому. Радикальная, т.-е. доводящая до конца буржуазную революцию, буржуазия выставляет лозунг *национализации земли*.

Каутский, который в давно-давно прошедшие времена, почти 20 лет тому назад, написал прекрасный марксистский труд об аграрном вопросе [127]), не может не знать указаний Маркса на то, что национализация земли является именно *последовательным* лозунгом *буржуазии* [128]). Каутский не может не знать полемики Маркса с Родбертусом и замечательных разъяснений Маркса в «Теориях прибавочной стоимости», где особенно наглядно показано и революционное в буржуазно-демократическом смысле значение национализации земли.

Меньшевик П. Маслов, которого Каутский так неудачно выбрал в советчики себе, отрицал, чтобы русские крестьяне могли пойти на национализацию всей (в том числе и крестьянской) земли. До известной степени этот взгляд Маслова мог стоять в связи с его «оригинальной» теорией (повторяющей буржуазных критиков Маркса), именно, отрицанием абсолютной ренты и признанием «закона» (или «факта», как выражался Маслов) «убывающего плодородия почвы».

На деле уже в революции 1905 года обнаружилось, что громадное большинство крестьян России, и общинников, и подворников, стоит за национализацию всей земли. Революция 1917 года

подтвердила это и, после перехода власти к пролетариату, осуществила это. Большевики остались верны марксизму, не пытаясь (вопреки Каутскому, который нас в этом обвиняет — без тени доказательств) «перескочить» через буржуазно-демократическую революцию. Большевики прежде всего помогли наиболее радикальным, наиболее революционным, наиболее близким к пролетариату из буржуазно-демократических идеологов крестьянства, именно левым эсерам, провести то, что́ фактически явилось национализацией земли. Частная собственность на землю в России с 26. X. 1917 г., т.-е. с первого дня пролетарской, социалистической революции, отменена.

Этим создан фундамент, наиболее совершенный с точки зрения развития капитализма (не разрывая с Марксом, Каутский не сможет отрицать этого), и в то же время создан земельный строй, *наиболее гибкий* в смысле перехода к социализму. С точки зрения буржуазно-демократической, революционному крестьянству в России *дальше идти некуда:* ничего «идеальнее», с этой точки зрения, как национализация земли и равенство землепользования, ничего «радикальнее» (с этой же точки зрения) *быть не может.* Именно большевики, только большевики, только в силу победы *пролетарской* революции, помогли крестьянству довести буржуазно-демократическую революцию действительно до конца. И только этим они сделали максимум для облегчения и ускорения перехода к социалистической революции.

Можно судить по этому, какую невероятную путаницу преподносит читателю Каутский, который обвиняет большевиков в непонимании буржуазного характера революции и который сам обнаруживает такое отступление от марксизма, что *молчит* о национализации земли и выставляет наименее революционную (с буржуазной точки зрения) либеральную аграрную реформу, как «нечто от социализма»! — —

Мы подошли здесь к третьему из поставленных выше вопросов, к вопросу о том, насколько учла пролетарская диктатура в России необходимость перехода к общественной обработке земли. Каутский совершает здесь опять-таки нечто весьма похожее на подлог: он цитирует только «тезисы» одного большевика [129]), говорящие о задаче перехода к коллективной обработке земли! Процитировав один из этих тезисов, наш «теоретик» победоносно восклицает:

«Тем, что известная вещь объявляется задачей, задача, к сожалению, не решается. Коллективное сельское хозяйство в России осуждено пока на то, чтобы оставаться на бумаге. Нигде еще и никогда мелкие крестьяне не переходили к коллективному производству на основании теоретических убеждений» (50).

Нигде еще и никогда не было такого литературного мошен-

ничества, до которого опустился Каутский. Он цитирует «тезисы», умалчивая о *законе* Советской власти. Он говорит о «теоретическом убеждении», умалчивая о пролетарской государственной власти, имеющей в руках и заводы, и товары! Все то, что́ писал марксист Каутский в «Аграрном вопросе» в 1899 году по вопросу о средствах, имеющихся в руках пролетарского государства, для постепенного перевода мелких крестьян к социализму, забыто ренегатом Каутским в 1918 году.

Конечно, несколько сот поддерживаемых государством сельско-хозяйственных коммун и советских хозяйств (т. е. за счет государства обрабатываемых товариществами рабочих крупных хозяйств),—этого очень мало. Но разве можно назвать «критикой» обход этого факта Каутским?

Национализация земли, проведенная в России пролетарской диктатурой, наиболее обеспечила доведение до конца буржуазно-демократической революции,—даже на случай, что победа контрреволюции повернула бы от национализации назад к разделу (этот случай специально разобран был мною в книжке об аграрной программе марксистов в революции 1905 года *)). А кроме того национализация земли дала наибольшие возможности пролетарскому государству переходить к социализму в земледелии.

Итог: Каутский дал нам, теоретически, невероятную кашу, с полным отречением от марксизма, а на практике лакейство перед буржуазией и ее реформизмом. Нечего сказать, хороша критика!

* *
*

«Экономический анализ» промышленности начинается у Каутского следующим великолепным рассуждением:

В России есть крупная капиталистическая промышленность. Нельзя ли на этой основе построить социалистическое производство? «Так можно бы думать, если бы социализм состоял в том, чтобы рабочие отдельных фабрик и рудников брали их себе в собственность» (буквально: присваивали их себе), «чтобы отдельно вести хозяйство на каждой из фабрик» (52). «Как раз сегодня, 5 августа, когда я пишу эти строки—добавляет Каутский, — из Москвы сообщают об одной речи Ленина от 2 августа **), в которой он, как передают, сказал: «Рабочие крепко держат фабрики в своих руках, а крестьяне не отдадут земли помещикам». Пароль: «фабрика — рабочим, земля — крестьянам» был до сих пор не социал-демократическим, а анархо-синдикалистским» (52 — 53).

---

*) См. XI том Сочинений. *Ред.*
**) См. настоящий том, стр. 169 — 170. *Ред.*

Мы выписали целиком это рассуждение, чтобы русские рабочие, которые прежде уважали Каутского, и уважали за дело, сами увидали приемы перебежчика к буржуазии.

Подумайте только: 5 августа, когда налицо была уже масса декретов о национализации фабрик в России, при чем ни одна фабрика не была «присвоена» рабочими, а *все* передавались в собственность республики, 5 августа Каутский, на основании явно мошеннического толкования одной фразы из моей речи, внушает немецким читателям мысль, будто бы в России фабрики передаются отдельным рабочим! И Каутский после этого на протяжении десятков и десятков строк жует жвачку про то, что фабрики нельзя передавать по-одиночке рабочим!

Это не критика, а прием лакея буржуазии, который нанят капиталистами, чтобы оболгать рабочую революцию.

Фабрики надо передавать государству, или общине, или потребительным обществам — пишет еще и еще раз Каутский и наконец добавляет:

«На этот путь и попытались теперь вступить в России»... Теперь!! то-есть что же это значит? в августе? Что же Каутский не мог заказать своим Штейну, Аксельроду или другим друзьям русской буржуазии перевода хотя бы одного декрета о фабриках?

...«Как далеко это зашло, этого еще не видно. Эта сторона Советской Республики во всяком случае представляет наибольший интерес для нас, но она остается еще целиком во мраке. В декретах недостатка нет»... (Поэтому Каутский их *содержание* игнорирует, или скрывает от своих читателей!), «но недостает надежных сведений о действии этих декретов. Социалистическое производство невозможно без всесторонней, детальной, надежной и быстро информирующей статистики. Таковой Советская Республика до сих пор создать не могла. То, чтó мы узнаем об ее экономических действиях, крайне противоречиво и не поддается никакой проверке. Это тоже один из результатов диктатуры и подавления демократии. Нет свободы прессы и слова» (53).

Вот как пишется история! От «свободной» прессы капиталистов и дутовцев Каутский получил бы сведения о фабриках, переходящих к рабочим... Поистине, великолепен этот надклассовый «серьезный ученый»! Ни одного из бесконечного количества фактов, свидетельствующих, что фабрики передаются *только* Республике, что распоряжается ими составленный с преобладающим участием выборных от профессиональных союзов рабочих орган Советской власти, Высший Совет Народного Хозяйства, — ни одного из таких фактов Каутский не желает и касаться. Он упорно, с упрямством человека в футляре, твердит одно: дайте мне мирную демократию, без гражданской войны, без диктатуры, с хорошей статистикой (Советская Республика создала статистическое учреждение и привлекла все лучшие статистические силы Рос-

сии, но, конечно, скоро идеальной статистики получить нельзя). Одним словом, революции без революции, без бешеной борьбы, без насилий,— вот чего требует Каутский. Это все равно, как если бы требовали стачек без бурной страстности рабочих и хозяев. Отличите-ка подобного «социалиста» от дюжинного либерального чиновника!

И, опираясь на такой «фактический материал», т.-е. умышленно обойдя с полным презрением многочисленные факты, Каутский «заключает»:

«Сомнительно, получил ли русский пролетариат в смысле действительных практических завоеваний, не декретов, в Советской Республике больше, чем он получил бы от Учредительного Собрания, в котором, точно также, как и в Советах, преобладали социалисты, хотя и другой окраски» (58).

Перл, не правда ли? Это изречение мы советуем почитателям Каутского распространить пошире среди русских рабочих, ибо лучшего материала для оценки своего политического падения Каутский дать бы не мог. Керенский тоже был «социалист», товарищи-рабочие, только «другой окраски»! Историк Каутский довольствуется кличкой, званьем, которое себе «присвоили» правые эсеры и меньшевики. О фактах, говорящих, что при Керенском меньшевики и правые эсеры поддерживали империалистскую политику и мародерство буржуазии, историк Каутский и слышать не хочет, о том, что Учредительное Собрание давало большинство именно этим героям империалистской войны и буржуазной диктатуры, он скромно умалчивает. И это называется «экономическим анализом»!...

В заключенье еще один образчик «экономического анализа»:

...«Советская Республика, через девять месяцев своего существования, вместо того, чтобы распространить всеобщее благосостояние, оказалась вынужденной объяснять, от чего происходит всеобщая нужда» (41).

Кадеты приучили нас к таким рассуждениям. Прислужники буржуазии все так рассуждают в России: дайте-ка, дескать, через 9 месяцев всеобщее благосостояние — после четырех-летней разорительной войны, при всесторонней помощи иностранного капитала саботажу и восстаниям буржуазии в России. Решительно никакой разницы, ни тени разницы между Каутским и контр-революционным буржуа *на деле* не осталось. Сладенькие речи, подделанные «под социализм», повторяют то, что грубо, без обиняков, без прикрас, говорят корниловцы и дутовцы и красновцы в России.

* * *

Предыдущие строки были написаны 9 ноября 1918 г. В ночь с 9 на 10 получены известия из Германии о начавшейся победо-

носной революции сначала в Киле и других северных и приморских городах, где власть перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, затем в Берлине, где власть тоже перешла в руки Совета [130]).

Заключение, которое мне осталось написать к брошюре о Каутском и о пролетарской революции, становится излишним.

23 (10) ноября 1918 г.

Приложение I.

ТЕЗИСЫ ОБ УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ *).

Приложение II.

НОВАЯ КНИГА ВАНДЕРВЕЛЬДЕ О ГОСУДАРСТВЕ.

Мне довелось лишь после прочтения книги Каутского ознакомиться с книгой Вандервельде: «Социализм против государства» (Париж 1918). Сопоставление обеих этих книг напрашивается невольно. Каутский — идейный вождь Второго (1889 — 1914) Интернационала, Вандервельде — формальный представитель его, как председатель Международного Социалистического Бюро. Оба представляют полное банкротство II Интернационала, оба «искусно», со всей ловкостью опытных журналистов, прикрывают марксистскими словечками это банкротство, свой собственный крах и переход на сторону буржуазии. Один особенно наглядно показывает нам типичное в немецком оппортунизме, тяжеловесном, теоретичном, грубо фальсифицирующем марксизм посредством отсечения от марксизма того, что̀ для буржуазии неприемлемо. Другой типичен для романской — в известной мере можно сказать: западно-европейской (в смысле: к западу от Германии лежащей) — разновидности господствующего оппортунизма, более гибкой, менее тяжеловесной, тоньше фальсифицирующей марксизм посредством того же основного приема.

Оба извращают в корне как учение Маркса о государстве, так и учение его о диктатуре пролетариата, при чем Вандервельде больше останавливается на первом вопросе, Каутский на втором. Оба затушевывают теснейшую, неразрывную связь того и другого вопросов. Оба на словах революционеры и марксисты, на деле — ренегаты, направляющие все усилия на то, чтобы *отговориться* от революции. У обоих нет и тени того, что пронизывает насквозь все произведения Маркса и Энгельса, того, что̀ отличает социализм на деле от буржуазной карикатуры на него, именно: выяснения задач революции *в отличие* от задач реформы, выяснения революционной тактики в отличие от реформистской, выяснения роли пролетариата *в уничтожении* системы или порядка, строя наемного рабства, в отличие от роли пролетариата «великих» держав, делящегося с буржуазией частичкой ее империалистской сверхприбыли и сверхдобычи.

*) См. XXII том Сочинений, стр. 131 — 134. *Ред.*

Приведем несколько существеннейших рассуждений Вандервельде в подтверждение такой оценки.

Вандервельде цитирует Маркса и Энгельса чрезвычайно усердно, подобно Каутскому. И, подобно Каутскому, он цитирует из Маркса и Энгельса все, что̀ угодно, *кроме* того, что̀ совершенно неприемлемо для буржуазии, что̀ отличает революционера от реформиста. О завоевании политической власти пролетариатом — сколько угодно, ибо это уже введено практикой в исключительно парламентарные рамки. О том, что Маркс и Энгельс после опыта Коммуны сочли необходимым дополнить устарелый отчасти «Коммунистический Манифест» разъяснением той истины, что рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной, что он должен *разбить* ее, — об этом *ни единого словечка!* Вандервельде, как и Каутский, точно сговорившись, обходят полным молчанием как раз наиболее существенное из *опыта* пролетарской революции, как раз то, что отличает революцию пролетариата от реформ буржуазии.

Как и Каутский, Вандервельде говорит о диктатуре пролетариата, чтобы отговориться от нее. Каутский это проделал путем грубых фальсификаций. Вандервельде то же самое осуществляет потоньше. В соответственном параграфе, параграфе 4, о «завоевании политической власти пролетариатом», он посвящает подразделение «*в*» вопросу о «коллективной диктатуре пролетариата», «цитирует» Маркса и Энгельса (повторяю: опуская как раз то, что относится к самому главному, к *разбитию* старой, буржуазно-демократической государственной машины) и заключает:

...«В социалистических кругах обыкновенно так себе представляют социальную революцию: новая коммуна, на этот раз побеждающая, и не в одном пункте, а в главных центрах капиталистического мира.

Гипотеза; но гипотеза, не имеющая в себе ничего невероятного в такое время, когда уже становится видным, что послевоенный период во многих странах увидит неслыханные антагонизмы классов и социальные конвульсии.

Только, если неудача Парижской Коммуны, не говоря о трудностях русской революции — доказывает что-либо, то это именно невозможность покончить с капиталистическим строем до тех пор, пока пролетариат не подготовится достаточно к использованию той власти, которая в силу обстоятельств могла бы достаться в его руки» (стр. 73).

И больше ровно ничего по сути дела!

Вот они, вожди и представители II Интернационала! В 1912 году они подписывают Базельский манифест, в котором прямо говорят о связи именно той войны, которая в 1914 году вспыхнула, с пролетарской революцией, прямо *грозят* ею. А когда пришла война и создалась революционная ситуация, они начинают, эти Каутские и Вандервельды, отговариваться от революции. Извольте видеть: революция по типу Коммуны есть только

не невероятная гипотеза! Это совершенно аналогично рассуждению Каутского о возможной роли Советов в Европе.

Но ведь так рассуждает всякий образованный *либерал*, который, несомненно, согласится теперь, что новая коммуна «не невероятна», что Советам предстоит большая роль и т. п. Пролетарский революционер отличается от либерала тем, что, как теоретик, анализирует именно новое *государственное* значение Коммуны и Советов. Вандервельде *умалчивает* обо всем, что подробно излагают на эту тему Маркс и Энгельс, анализируя опыт Коммуны.

Как практик, как политик, марксист должен бы выяснить, что только изменники социализма могли бы теперь отстраниться от задачи: выяснять необходимость пролетарской революции (типа Коммуны, типа Советов или, допустим, какого-либо третьего типа), разъяснять необходимость подготовки к ней, пропагандировать в массах революцию, опровергать мещанские предрассудки против революции и т. д.

Ничего подобного ни Каутский, ни Вандервельде не делают именно потому, что они сами изменники социализма, желающие среди рабочих сохранить репутацию социалистов и марксистов.

Возьмите теоретическую постановку вопроса.

Государство и в демократической республике есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим. Каутский эту истину знает, признает, разделяет,—но... но обходит самый коренной вопрос, какой же класс, почему и какими средствами должен подавлять пролетариат, когда он завоюет пролетарское государство.

Вандервельде знает, признает, разделяет, цитирует это основное положение марксизма (стр. 72 его книги), но... ни словечка о «неприятной» (для господ капиталистов) теме насчет *подавления сопротивления эксплуататоров!!*

Вандервельде, как и Каутский, эту «неприятную» тему совершенно обошли. В этом и состоит их ренегатство.

Вандервельде, как и Каутский, великий мастер по части замены диалектики эклектицизмом. С одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, надо признаться. С одной стороны, под государством можно понимать «совокупность нации» (смотри словарь Литтрэ,—труд ученый, что̀ и говорить, — стр. 87 у Вандервельде), с другой стороны, под государством можно понимать «правительство» (там же). Эту ученую пошлость Вандервельде выписывает, одобряя ее, *рядом* с цитатами из Маркса.

Марксистский смысл слова «государство» отличается от обычного, — пишет Вандервельде. Возможны «недоразумения» в силу этого. «Государство, у Маркса и Энгельса, это не государство в широком смысле, не государство, как орган ведения, представитель общих интересов общества (intérêts généraux de la société). Это — государство-власть, государство —

орган авторитета, государство — орудие господства одного класса над другим» (стр. 75 — 76 у Вандервельде).

Об уничтожении государства Маркс и Энгельс говорят только во втором смысле... «Утверждения слишком абсолютные рисковали бы оказаться неточными. Между государством капиталистов, основанным на господстве исключительно одного класса, и государством пролетарским, преследующим цель уничтожения классов, есть много переходных ступеней» (стр. 156).

Вот вам «манера» Вандервельде, лишь чуточку отличающаяся от манеры Каутского, по существу же тождественная с ней. Диалектика отрицает абсолютные истины, выясняя смену противоположностей и значение кризисов в истории. Эклектик не хочет «слишком абсолютных» утверждений, чтобы просунуть свое мещанское, свое филистерское пожелание «*переходными ступенями*» заменить революцию.

О том, что переходной ступенью между государством, органом господства класса капиталистов, и государством, органом господства пролетариата, является именно *революция*, состоящая в *свержении* буржуазии и в *ломке*, в разбитии *ее* государственной машины, об этом Каутские и Вандервельды молчат.

О том, что диктатура буржуазии должна смениться диктатурой *одного* класса, пролетариата, что за «переходными ступенями» *революции* последуют «переходные ступени» постепенного отмирания пролетарского государства, это Каутские и Вандервельды затушевывают.

В этом и состоит их политическое ренегатство.

В этом и состоит, теоретически, философски, подмена диалектики эклектицизмом и софистикой. Диалектика конкретна и революционна, «переход» от диктатуры одного класса к диктатуре другого класса она отличает от «перехода» демократического пролетарского государства к не-государству («отмирание государства»). Эклектика и софистика Каутских и Вандервельдов, в угоду буржуазии, смазывают все конкретное и точное в классовой борьбе, подставляя общее понятие «перехода», куда можно запрятать (и куда *девять десятых* официальных *социал-демократов* нашей эпохи *прячет*) отречение от революции!

Вандервельде, как эклектик и софист, поискуснее, потоньше, чем Каутский, ибо посредством *фразы:* «переход от государства в узком смысле к государству в широком смысле» можно обойти все, какие бы то ни было, вопросы революции, обойти все различие между революцией и реформой, даже различие между марксистом и либералом. Ибо какой же европейски образованный буржуа вздумает отрицать «вообще» «переходные ступени» в таком «общем» смысле?

«Я согласен с Гэдом, — пишет Вандервельде, — в том, что невозможно социализировать средства производства и обмена без предварительного выполнения двух следующих условий:

1. Превращение теперешнего государства, органа господства одного класса над другим, в то, что Менгер называет народным государством труда, посредством завоевания пролетариатом политической власти.

2. Отделение государства, органа авторитета, и государства, органа ведения, или, употребляя сен-симонистское выражение, управления людьми от администрирования вещами» (89).

Это пишет Вандервельде курсивом, особенно подчеркивая значение таких положений. Но ведь это чистейшая эклектическая каша, полный разрыв с марксизмом! Ведь «народное государство труда» есть лишь пересказ старого «свободного народного государства», с которым щеголяли немецкие социал-демократы в 70-х годах и которое Энгельс клеймил, как бессмыслицу [131]). Выражение «народное государство труда» есть фраза, достойная мелкобуржуазного демократа (вроде нашего левого эсера), — фраза, заменяющая классовые понятия *внеклассовыми*. Вандервельде ставит рядом и завоевание *пролетариатом* (одним *классом*) государственной власти, и «народное» государство, не замечая того, что получается каша. У Каутского с его «чистой демократией» получается такая же каша, такое же антиреволюционное, мещанское игнорирование задач классовой революции, классовой, пролетарской диктатуры, *классового* (пролетарского) государства.

Далее. Управление людьми исчезнет и уступит место администрированию вещами лишь тогда, когда отомрет *всякое* государство. Этим сравнительно отдаленным будущим Вандервельде загромождает, затеняет задачу *завтрашнего* дня: *свержение* буржуазии.

Такой прием опять-таки равняется прислужничеству либеральной буржуазии. Либерал согласен поговорить о том, что будет тогда, когда людьми не надо будет управлять. Отчего же не заняться столь безвредными мечтами? А вот о подавлении пролетариатом сопротивления буржуазии, сопротивляющейся ее экспроприации, — об этом помолчим. Этого требует классовый интерес буржуазии.

«Социализм против государства». Это — поклон Вандервельде пролетариату. Поклониться нетрудно, всякий «демократический» политик умеет кланяться своим избирателям. А под прикрытием «поклона» проводится антиреволюционное, антипролетарское содержание.

Вандервельде подробно пересказывает Острогорского [132]) насчет того, сколько обмана, насилия, подкупа, лжи, лицемерия, притеснения бедных прячется под цивилизованной, прилизанной, приглаженной внешностью современной буржуазной демократии. Но вывода из этого Вандервельде не делает. Того, что буржуазная демократия подавляет трудящуюся и эксплуатируемую массу, *а пролетарская демократия* должна будет *подавлять буржуазию*, он не замечает. Каутский и Вандервельде слепы к этому. Классовый

интерес буржуазии, за которой плетутся эти мелкобуржуазные изменники марксизму, *требует* обхода этого вопроса, замалчивания его или прямого отрицания надобности в таком подавлении.

Мещанский эклектицизм против марксизма, софистика против диалектики, филистерский реформизм против пролетарской революции, вот как надо бы было озаглавить книгу Вандервельде.

РЕЧЬ НА III СЪЕЗДЕ РАБОЧЕЙ КООПЕРАЦИИ 7 ДЕКАБРЯ 1918 Г. [183]).

Товарищи, перед рабочей кооперацией стоит теперь чрезвычайно важная задача в области хозяйственной, а также и в области политической. Те и другие задачи теперь ясно и неразрывно связаны между собой в смысле экономической и политической борьбы. Что касается ближайших задач кооперации, то я хочу подчеркнуть значение «соглашательства с кооперацией». То соглашательство, о котором говорилось так много за последнее время в печати, существенно расходится с понятием соглашательства с буржуазией, которое представляет собой измену. То соглашательство, о котором мы говорим сейчас, есть соглашательство совершенно особого рода. Есть громадная разница между соглашательством Советского правительства с Германией, которое дало одни результаты, и соглашательством, вреднейшим и гибельнейшим для страны, — соглашательством рабочего класса с буржуазией. Я говорю о полной измене под видом этого соглашательства как классовой борьбе, так и основным принципам социализма. Для социалистов, ставящих своей определенной задачей борьбу с буржуазией и борьбу с капиталом, само собой понятно это различие.

Мы все прекрасно знаем, что для нашей классовой борьбы может быть одно единое решение: это признание или власти капитала, или власти рабочего класса. Мы знаем, что все попытки мелкобуржуазных партий создавать и проводить свою политику в стране заранее обречены на полнейшую неудачу. Мы ясно видели, пережили ряд попыток тех или других мелкобуржуазных партий или групп, стремящихся проводить свою политику, и мы видим, что эти промежуточные попытки должны потерпеть неудачу. В силу вполне определенных условий только две центральные силы, стоящие на совершенно противоположных полюсах, могут провести свое господство в России, могут повернуть ее судьбу в ту или другую сторону. Я даже скажу больше: весь мир создается и управляется одной или другой из этих центральных

сил. Относительно России определенно можно сказать, что только одна из этих сил может, в силу тех или иных экономических условий жизни, стать во главе движения. Остальные промежуточные силы — их много, но они никогда не могут сыграть решающего значения в жизни страны.

В настоящий момент перед Советской властью должен стать вопрос о соглашении кооперации с Советской властью. В апреле мы отступили от своих намеченных целей и пошли на уступку. Конечно, классовая кооперация не должна существовать в стране, в которой уничтожаются все классы, но я повторяю, что условия времени требовали некоторой задержки, и мы произвели ее в виде оттяжки на несколько месяцев. Но тем не менее мы все знаем, что с той позиции, на которой стоит сейчас власть в стране, она никогда не сойдет. Мы должны были сделать эту уступку, потому что мы были в то время одиноки в целом мире, и наша уступка объясняется трудностью нашей работы. В силу экономических задач, взятых на себя пролетариатом, мы должны были примирить и сохранить известные привычки мелкобуржуазных слоев. Здесь главная речь идет о том, что каким бы то ни было путем, но нужно достигнуть того, чтобы была направлена и согласована деятельность всей массы трудящихся и эксплуатируемых. Мы все время должны помнить, чего пролетариат требует от нас. Народная власть должна считаться с тем, что различные слои мелкой буржуазии будут соединяться все сильнее и сильнее с правящим рабочим классом, когда жизнь, в конце концов, покажет, что выбора нет, что все надежды на среднее разрешение вопроса государственной жизни страны окончательно разрушены. Все те прекрасные лозунги, как народная воля, Учредительное Собрание и тому подобное, которыми прикрывались все полумеры, тотчас же были сметены, когда заговорила действительная народная воля. Вы видите сами, что произошло, как все эти лозунги, лозунги полумер, полетели вдребезги. В данный момент мы видим, что это происходит не только в России, что это происходит в масштабе всей мировой революции.

Я хочу установить разницу между тем соглашательством, которое вызвало такую страшную ненависть во всем рабочем классе, и тем соглашательством, которого мы теперь требуем, соглашения со всем мелким крестьянством, со всей мелкой буржуазией. Во время Брестского мира, когда мы принимали тяжкие условия этого мира, нам говорили, что надежды на мировую революцию нет, и ее быть не может. Мы были совершенно одиноки во всем мире. Мы знаем, что многие партии в то время, благодаря Брестскому миру, оттолкнулись от нас и стали на сторону буржуазии. В тот момент нам пришлось перенести целый ряд ужаснейших переживаний. Через несколько месяцев после этого жизнь показала, что выбора нет и быть не может, что нет средины.

Когда наступила германская революция, всем стало ясно, что революция идет по всему миру, что Англия, Франция и Америка тоже идут по пути к тому же самому—по нашему пути! Когда наши мелкобуржуазные демократические слои шли за своими заступниками, они не понимали, куда те ведут их, они не понимали, что их ведут по пути капитализма. Сейчас мы видим на примере германской революции, что эти представители демократии, эти заступники ее, эти господа Вильсоны и компания, навязывают свои договоры побежденному народу похуже того Брестского договора, который был навязан нам. Мы ясно видим, что, в силу двинувшихся событий на Западе, в силу изменившейся ситуации, международной демагогии теперь пришел крах. Теперь определенно выяснилась физиономия каждой нации. Теперь маски сорваны, все иллюзии разбиты таким тяжелым тараном, как таран мировой истории.

Естественно, что при таких колеблющихся элементах, которые бывают всегда в переходное время, Советская власть должна использовать все свое значение и свое влияние, для того, чтобы провести в жизнь задачи, которые мы ставим теперь, задачи, которыми мы поддерживаем свою политику, начатую еще в апреле. Тогда мы отложили намеченные нами цели на некоторое время, тогда мы сделали сознательно и открыто ряд уступок.

Здесь поднимался вопрос о том, в какой именно точке пути мы находимся. Сейчас вся Европа определенно видит, что над нашей революцией уже не производится никакого опыта, и у них, у цивилизованных народов, изменилось к нам отношение. Они поняли, что в этом смысле мы делаем новое огромное дело, что в этом деле нам особенно трудно потому, что почти все время мы стояли совершенно одинокими и совершенно забытыми всем международным пролетариатом. В этом смысле на нашу долю легло много серьезных ошибок, которых мы совершенно и не скрываем. Конечно, мы должны были стремиться к объединению всего населения, не производить никакой розни. Если мы не сделали этого до сих пор, то мы должны когда-нибудь начать это делать. Мы уже произвели слияние со многими организациями. Теперь должно быть проведено слияние между рабочей кооперацией и советскими организациями. С апреля месяца текущего года мы приступили к организации, чтобы начать действовать путем опыта, чтобы приложить к жизни то накопление общественных политических сил, которые у нас есть. Мы приступили к организации снабжения и распределения предметов между всем населением. Проверяя каждый свой шаг, мы приступили к этой организации, что особенно было трудно провести в нашей отсталой в хозяйственном отношении стране. Соглашение с кооперацией мы начали с апреля месяца, и декрет, который был издан, о полном слиянии и организации снабжения и распределения,

стоит на той же самой почве. Мы знаем, что трения, на которые указывалось в речи предыдущего оратора, когда он ссылался на Петербург, существуют почти всюду. Мы знаем, что эти трения совершенно неизбежны, потому что наступает тот момент, когда встречаются и сливаются два совершенно различных аппарата, но тем не менее мы также знаем, что это неизбежно и что через это мы должны пройти. Точно так же и вы должны понять, что так долго встречающееся сопротивление со стороны рабочей кооперации, в конце концов, вызвало к себе недоверие, и недоверие вполне законное, со стороны Советской власти.

Вы говорите: мы хотим независимости. Вполне естественно, что всякий, кто выдвигает такой лозунг, может вызвать недоверие. Если жаловаться на трения и желать от них избавиться, то прежде всего нужно распрощаться с идеей независимости, потому что всякий, кто стоит на этой точке зрения, уже является противником Советской власти в то время, когда все стремится к более и более тесному слиянию. Как только у рабочей кооперации произойдет слияние, совершенно ясное, честное и открытое с Советской властью, эти трения начнут исчезать. Я очень хорошо знаю, что когда две группы соединяются в одну, то первое время в работе происходят некоторые шероховатости, но, тем не менее, с течением времени, когда привлеченная группа заслужит доверие привлекающей, все эти трения постепенно исчезнут. Между тем, если эти две группы останутся разделенными, возможны постоянные междуведомственные трения. Я не понимаю одного, при чем здесь независимость? Ведь все мы стоим на той точке зрения, что все общество как в смысле снабжения, так и в смысле распределения, должно представлять собой один общий кооператив. Все мы стоим на той точке зрения, что кооперация есть одно из завоеваний социалистической партии. В этом состоит великая трудность социалистических завоеваний. В этом состоит трудность и задача победы. Капитализм умышленно разъединял слои населения. Это разъединение должно исчезнуть окончательно и бесповоротно, и все общество должно превратиться в единый кооператив трудящихся. Ни о какой независимости отдельных групп не может и не должно быть речи.

О таком кооперативе я говорил сейчас, как о задаче победы социализма. Вот почему мы говорим, что, каково бы ни было расхождение наше по частным вопросам, мы не пойдем ни на какие соглашения с капитализмом, мы не сделаем шага, отступающего от принципов нашей борьбы. То соглашение, на которое мы идем сейчас с прослойками общественных классов, это есть соглашение не с буржуазией и не с капиталом, а с отдельными отрядами пролетариата и демократии. Этого соглашения нечего бояться, потому что вся рознь между этими слоями исчезнет совершенно и бесследно в огне революции. Сейчас нужно

одно, чтобы только было единодушное стремление идти с открытой душой в этот единый мировой кооператив. То, что сделано Советской властью, и то, что сделано до сих пор кооперацией, должно быть слито. Таково содержание последнего декрета Советской власти. Таков подход во многих местах представителей Советской власти, не дождавшихся наших декретов. Громадное дело, сделанное кооперацией, должно быть непременно слито с тем громадным делом, которое сделано Советской властью. Все слои населения, борющиеся за свою свободу, должны быть слиты в одну крепкую организацию. Мы знаем, что много ошибок сделали мы, особенно в первые месяцы после октябрьской революции. Но теперь, с течением времени, мы будем стремиться к тому, чтобы среди населения было полное единение и полное соглашение. А для этого необходимо, чтобы все было подчинено Советской власти и все иллюзии о какой-то «независимости» как отдельных слоев, так и рабочей кооперации были возможно скорее изжиты. Эта надежда на «независимость» может существовать только там, где еще может быть надежда на какой-нибудь возврат к прежнему.

Раньше западные народы рассматривали нас и все наше революционное движение, как курьез. Они говорили: пускай себе побалуется народ, а мы посмотрим, что из всего этого выйдет... Чудной русский народ!

Вот этот «чудной русский народ» показал всему миру, что значит его «баловство».

В настоящее время, когда подошло начало немецкой революции, один из иностранных консулов говорил Зиновьеву: «Да еще не известно, кто больше использовал Брестский мир, вы или мы».

Это говорил он потому, что все говорят то же самое. Все увидали, что это только начало всемирной великой революции. Это начало великой революции положили мы, отсталый русский «чудной» народ... Нужно сказать, что история идет странными путями; на долю страны отсталой выпала честь идти во главе великого мирового движения. Это движение видит и понимает буржуазия всего мира. Этим пожаром захвачены: Германия, Бельгия, Швейцария, Голландия.

С каждым днем все сильнее и сильнее разрастается это движение, с каждым разом растет и крепнет Советское революционное правительство. И потому теперь буржуазия стала на совершенно иной путь своих отношений к вопросам. Потому о независимости отдельных партий в то время, когда мировой топор занесен над капитализмом, не может быть никакой речи. Пример самый крупный дает нам Америка. Америка — это одна из самых демократических стран, громадная демократическая социальная республика. Где же, если не там, в этой стране, имеющей все

избирательные права, все права свободного государства, правильно должны быть разрешаемы все правовые вопросы?

Что Вильсоны делают теперь с побежденной Германией? Вот как развертываются перед нами картины мировых отношений! Те картины, из которых мы черпаем содержание того, что господа Вильсоны предлагают своим друзьям, они в миллион и триллион раз убедительнее. Наше дело Вильсоны довели бы до конца моментально. Эти господа — свободные миллиардеры, гуманнейшие во всем свете люди — своих друзей сумели бы отучить моментально не только говорить, но даже и думать о какой бы то ни было «независимости». Они прямо и определенно поставили бы перед вами дилемму: или вы за капиталистический строй, или вы за Советы. Они сказали бы: вы должны поступать так, потому что это говорим вам мы, ваши друзья, — англичане, американцы, — Вильсоны и французы, — Клемансо.

Потому у вас не может быть абсолютно никаких надежд на то, что может быть сохранена хоть какая-нибудь независимость. Этого не будет, и мечтать об этом безнадежно. Когда определенно стал вопрос об охране своей собственности, с одной стороны, и пролетариат нашел свою полосу, с другой стороны, — уже не может быть середины. Жизнь должна сплести свои ветви или крепко с капиталом, или еще крепче с Советской республикой. Для всех совершенно ясно, что социализм вступил в эпоху своего осуществления. Для всех ясно, что отстоять или сохранить мелкобуржуазные положения совершенно нельзя, если дать всему населению избирательное право. Может быть, господа Вильсоны и питаются этими надеждами, т. е. не питаются надеждами, а стараются прикрасить свои собственные цели проведением подобных иллюзий, но только я должен сказать, что людей, которые в эти сказки поверят, вы не много теперь найдете; если такие люди и остались, то они являются исторической редкостью, курьезом, которому место в музее.

Я должен сказать, что разногласия, которые у вас начались еще с самого начала относительно сохранения «независимости» кооперации, это только попытки, которые должны окончиться без всякой надежды на положительное разрешение. Эта борьба несерьезна. Забывают, что те резолюции, которые ежедневно выносит сильнейший класс мира, которые, несомненно, единогласно вынесет и наше собрание съезда, приветствуют диктатуру только одного пролетариата во всем мире. Вынося эту резолюцию, наш съезд вступил на такую дорогу, с которой никакого моста на ту «независимость», о которой здесь говорится сегодня, уже не осталось и остаться не может. Вы знаете, как Карл Либкнехт не только встал в определенную оппозицию к мелкобуржуазному крестьянству, но он стал также в оппозицию к кооперации. Вы знаете, что его за это Шейдеман и компания счи-

тают фантазером и фанатиком, и тем не менее вы сами выразили ему приветствие, точно так же, как выразили приветствие и Маклину. Выражением этой солидарности в вопросах с великими мировыми вождями вы сожгли все свои корабли. Вы должны твердо стоять на своих позициях, так как в данный момент вы отстаиваете не только себя, не только свои права, но и права Либкнехта и Маклина. Не раз я слышал, как русские меньшевики осуждали соглашательство, как громили они тех, которые договаривались с лакеями кайзера. И не одни только русские меньшевики грешны в этом. Весь мир указывал на нас, бросая нам сурово — «соглашатели». А теперь, когда началась мировая революция, когда им приходится разговаривать с Гаазе и Каутскими, теперь на нашей стороне право сказать, характеризуя наше положение хорошей русской пословицей: «отойдем, да поглядим, как мы хорошо сидим»...

Мы знаем свои недочеты, и на них легко указывать. Но со стороны все это кажется не так, как оно существует в действительности. Вы знаете, что был момент, когда не было ни единого человека, который не осуждал бы нашего поведения и нашей политики, а теперь мы знаем целые партии, которые пришли к нам, которые хотят работать вместе с нами [134]). Мировое колесо революционного движения повернулось теперь таким образом, что нам не страшны решительно никакие соглашательства.

Я думаю, что и наш съезд найдет свой правильный выход из создавшегося положения. А выход этот один — слияние кооперации с Советской властью. Вы знаете, что Англия, Франция, Америка, Испания смотрели на наши действия, как на эксперименты, а теперь они смотрят иначе: они смотрят, все ли благополучно в их-то собственных государствах. Конечно, с точки зрения физической, материальной, финансовой, они значительно сильнее нас, но, несмотря на их внешний блеск, мы знаем, что внутри они гниют; они сильнее нас в настоящий момент той самой силой, той мощью, которой была сильна Германия в момент заключения Брестского мира. И что же мы видим теперь? Тогда от нас откачнулись решительно все. А теперь каждый месяц, в который мы отстаиваем укрепление Советской республики, мы отстаиваем не только себя, но и дело, начатое Либкнехтом и Маклином, и мы уже видим, как Англия, Франция, Америка и Испания заражаются тем же недугом, загораются тем же огнем, как и Германия,—огнем всеобщей и всемирной борьбы рабочего класса с империализмом.

Напечатано в 1919 г. в брошюре: «Речи В. Ленина, В. Милютина и В. Ногина на 3-м съезде рабочей кооперации». Москва.

Печатается по тексту брошюры.

РЕЧЬ НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТДЕЛОВ, КОМИТЕТОВ БЕДНОТЫ И КОММУН 11 ДЕКАБРЯ 1918 Г. [135]).

Товарищи, уже самый состав настоящего съезда указывает, по моему мнению, на ту серьезную перемену и тот крупный шаг вперед, который сделан нами, Советской Республикой, в деле социалистического строительства, в особенности, в области сельскохозяйственных земледельческих отношений, самых важных для нашей страны. Настоящий съезд соединяет в себе представителей земельных отделов, комитетов бедноты и сельско-хозяйственных коммун, и это соединение показывает, что наша революция за короткий срок, в один год, успела шагнуть далеко в области перестройки тех отношений, которые всего труднее перестройке поддаются, которые во всех прежних революциях больше всего тормозили дело социализма, и которые необходимо глубже всего перестроить, чтобы обеспечить победу социализма.

Первая стадия, первая полоса в развитии нашей революции после октября была посвящена, главным образом, победе над общим врагом всего крестьянства, победе над помещиками.

Вы все прекрасно знаете, товарищи, как еще февральская революция — революция буржуазии, революция соглашателей — эту победу над помещиками крестьянам обещала, как она своего обещания не выполнила. Только октябрьский переворот, только победа рабочего класса в городах, только Советская власть дала возможность на деле очистить всю Россию, из конца в конец от язвы старого крепостнического наследия, старой крепостнической эксплуатации, от помещичьего землевладения и гнета помещиков над крестьянством в целом, над всеми крестьянами без различия.

На эту борьбу против помещиков не могли не подняться, и поднялись в действительности все крестьяне. Эта борьба объединила беднейшее трудящееся крестьянство, которое не живет эксплуатацией чужого труда. Эта борьба объединила также и наиболее зажиточную и даже самую богатую часть крестьянства, которая не обходится без наемного труда.

Пока еще наша революция была занята этой задачей, пока нам приходилось еще напрягать все силы на то, чтобы самостоятельным движением крестьян, при помощи городского движения рабочих, власть помещиков была действительно сметена и окончательно уничтожена, — до тех пор революция оставалась обще-крестьянской и поэтому не могла выйти из рамок буржуазных.

Она еще не трогала более сильного, более современного врага всех трудящихся — капитала. Она грозила поэтому кончиться также половинчато, как кончалось большинство революций в Западной Европе, где временным союзом городских рабочих и всего крестьянства удавалось смести монархию, смести остатки средневековья, смести более или менее дочиста помещичье землевладение или помещичью власть, но никогда не удавалось подорвать самих основ власти капитала.

И вот к этому, гораздо более важному и более трудному делу стала переходить с лета и осени текущего года наша революция. Волна восстаний контр-революционеров, которая поднялась летом текущего года, когда к походу на Россию западно-европейских империалистов, к походу их наемников — чехо-словаков, присоединилось все, что есть эксплуататорского и угнетательского в русской жизни. И эта волна пробудила новые веяния и новую жизнь в деревне.

Все эти восстания объединили на практике, в отчаянной борьбе против советской власти и европейских империалистов и их наемников — чехо-словаков, и все, что оставалось в России еще на стороне помещиков и капиталистов. А за ними восстали и все деревенские кулаки.

Деревня перестала быть единой. В той деревне, которая, как один человек, боролась против помещиков, возникли два лагеря — лагерь трудящегося беднейшего крестьянства, которое вместе с рабочими твердо продолжало идти к осуществлению социализма и переходило от борьбы против помещиков к борьбе против капитала, против власти денег, против кулацкого использования великого земельного преобразования, и лагерь более зажиточных крестьян. Эта борьба, отколов окончательно от революции имущие, эксплуататорские классы, перевела нашу революцию на те социалистические рельсы, на которые рабочий класс городов твердо и решительно хотел ее поставить в Октябре, но на которую он никогда не сможет победоносно направить революцию, если не найдет сознательной, твердо сплоченной поддержки в деревнях.

Вот в чем значение переворота, который произошел в нынешнее лето и в нынешнюю осень по самым глухим закоулкам деревенской России, который не был шумен, не был так наглядно виден и не бросался так всем в глаза, как октябрьский переворот

прошлого года, но который имеет еще несравненно более глубокое и важное значение.

Образование в деревне комитетов бедноты было поворотным пунктом и показало, что рабочий класс городов, объединившийся в октябре со всем крестьянством для того, чтобы разбить главного врага свободной, трудящейся и социалистической России, чтобы разбить помещиков — от этой задачи пошел вперед, к гораздо более трудной и исторически более высокой и действительно социалистической задаче — и в деревню внести сознательную социалистическую борьбу, и в деревне пробудить сознание. Величайший земельный переворот — провозглашение в Октябре отмены частной собственности на землю, провозглашение социализации земли, — этот переворот остался бы неизбежно на бумаге, если бы городские рабочие не пробудили бы к жизни деревенский пролетариат, деревенскую бедноту, трудящееся крестьянство, которое составляет громадное большинство, которое вместе со средним крестьянством не эксплуатирует чужого труда, не заинтересовано в эксплуатации, и которое способно, поэтому, идти и пошло теперь дальше, от совместной борьбы против помещиков к обще-пролетарской борьбе против капитала, против власти эксплуататоров, опирающихся на силу денег, на силу движимого имущества, пошло от очистки России от помещиков к образованию социалистического порядка.

Этот шаг, товарищи, представлял из себя самую большую трудность. Относительно этого шага все те, кто сомневался в социалистическом характере нашей революции, пророчили нам неизбежный неуспех, и от этого шага зависит теперь все дело социалистического строительства в деревне. Образование комитетов бедноты, широкая сеть этих комитетов, которая раскинулась по России, предстоящее теперь и частью уже начатое преобразование их в полновластные сельские Советы депутатов, которые должны провести в деревне основные начала советского строительства — власти трудящихся, — вот где настоящий залог того, что мы не ограничили свою работу тем, чем ограничивали обычные буржуазно-демократические революции в западно-европейских странах. Уничтожив монархию и средневековую власть помещиков, мы переходим теперь к делу подлинного социалистического строительства. Дело это в деревне самое трудное, но в то же время и самое важное. Работа эта самая благодарная. Если удалось в самой деревне пробудить сознательность трудящейся части крестьянства, если она именно волною капиталистических восстаний окончательно отделена от интересов классов капиталистов, если трудящееся крестьянство, в комитетах бедноты и в преобразовываемых советах, все теснее и теснее сливается с городскими рабочими, — то в этом видим мы единственный и в то же время вернейший и несомненно прочный залог того, что дело социали-

стического строительства стало в России теперь прочнее. Теперь оно приобрело основу и в громадной массе земледельческого деревенского населения.

Нет сомнения, что в такой крестьянской стране, как Россия, социалистическое строительство представляет из себя задачу очень трудную. Нет сомнения, что смести врага вроде царизма, вроде власти помещиков, вроде помещичьего землевладения, можно было сравнительно легко. Можно было в центре решить эту задачу в несколько дней, можно было по всей стране решить ее в несколько недель, но задача, к которой мы теперь приступаем, по самой сути своей, может быть решена только чрезвычайно упорным и длительным трудом. Тут нам предстоит борьба шаг за шагом, вершок за вершком; придется отвоевывать завоевания новой социалистической России, бороться за общественную обработку земли.

И само собой понятно, что такого рода переворот, переход от мелких единичных крестьянских хозяйств к общественной обработке земли — требует долгого времени, что он ни в коем случае не может быть совершен сразу.

Мы прекрасно знаем, что в странах с мелким крестьянским хозяйством переход к социализму невозможен без целого ряда постепенных предварительных ступеней. В сознании этого, октябрьский переворот первой этой задачей поставил только сметение и уничтожение помещичьей власти. Февральский основной закон о социализации земли,[136]) который, как вы знаете, проведен был единогласным решением и коммунистов и тех участников советской власти, которые на точке зрения коммунистов не стояли, этот закон является в то же время и выражением воли и сознания громадного большинства крестьян и доказательством того, что рабочий класс, рабочая коммунистическая партия, сознавая свою задачу, настойчиво, терпеливо, рядом постепенных переходов, пробуждая сознание трудящейся части крестьянства и идя вперед лишь в меру пробуждения этого сознания, лишь в меру самостоятельной организации крестьянства, двигается по пути к новому социалистическому строительству.

Мы прекрасно знаем, что такие величайшие перевороты в жизни десятков миллионов людей, касающихся наиболее глубоких основ жизни и быта, как переход от мелкого единичного крестьянского хозяйства к общей обработке земли, могут быть созданы только длительным трудом, что они вообще осуществимы лишь тогда, когда необходимость заставляет людей переделать свою жизнь.

А после отчаянной, длительной войны во всем мире — мы явственно видим начало социалистической революции во всем мире. Даже и для более отсталых стран создалась эта необходимость, которая говорит, независимо от каких бы то ни было

теоретических взглядов или социалистических учений, — говорит внушительнейшим языком всякому и каждому, что по старому жить нельзя.

Когда страна потерпела такое гигантское разорение и такой крах, когда мы видим, что этот крах распространяется на весь мир, что завоевания культуры, науки и техники, которые приобретены человечеством за много веков, сметены за четыре года этой преступной, разорительной и грабительской войной, и что вся Европа, а не только Россия, возвращается к состоянию варварства, — тогда перед самыми широкими массами и в особенности перед крестьянством, которое больше всего, может быть, от этой войны страдало, наглядно встает сознание того, что нужны чрезвычайные усилия, что нужно напряжение всех сил, чтобы избавиться от этого наследия проклятой войны, оставившей нам только разорение и нужду. Жить по старому, как жили до войны, нельзя, и такое расхищение человеческих сил и труда, какое связано с мелким отдельным крестьянским хозяйством, дальше продолжаться не может. Вдвое и втрое поднялась бы производительность труда, вдвое и втрое был бы сбережен человеческий труд для земледелия и человеческого хозяйства, если бы от этого раздробленного мелкого хозяйства совершился бы переход к хозяйству общественному.

Разорение, оставленное нам в наследство войной, прямо таки не позволяет восстановить это старое, мелкое крестьянское хозяйство. Мало того, что крестьян в их массе пробудила война, мало того, что война показала им, какие чудеса техники существуют в настоящее время, и что эти чудеса техники приспособлены к истреблению людей, но она пробудила мысль, что чудеса техники должны пойти в первую голову на преобразование самого общенародного, занимающего более всего людей, наиболее отсталого производства — земледельческого. Мало того, что это сознание пробуждено, но люди убедились на чудовищных ужасах современной войны, какие силы создала современная техника, и как растрачиваются эти силы в ужаснейшей, бессмысленнейшей войне, и что единственным средством спасения от этих ужасов являются те же самые силы техники. Наша обязанность и долг направить их на то, чтобы самое отсталое производство, земледельческое, сельско-хозяйственное, поставить на новые рельсы, чтобы его преобразовать и превратить земледелие из промысла, ведущегося бессознательно, по-старинке, в промысел, который основан на науке и завоеваниях техники. Война пробудила это сознание неизмеримо больше, чем каждый из нас может судить. Но, кроме того, что война пробудила это сознание, она также отняла возможность восстановить производство по-старому.

Те, кто мечтают, что можно будет после этой войны добиться восстановления того положения, которое было до войны, восста-

новления системы и устройства хозяйства при старых приемах,— те ошибаются и с каждым днем все более видят свою ошибку. Война вызвала такое страшное разорение, что отдельные мелкие хозяйства у нас не имеют теперь ни рабочего скота, ни инвентаря, ни орудий. Мы на такое расхищение народного труда идти дальше не можем. Трудящиеся, беднейшее крестьянство, которое больше всего принесло жертв для революции и больше всего потерпело от войны, отняло землю у помещиков не для того, чтобы эти земли попались к новым кулакам. Перед этим трудящимся крестьянством сама жизнь ставит теперь в упор вопрос о переходе к общественной обработке земли, как единственному средству восстановить ту культуру, которая теперь разорена и разрушена войной, как единственному средству выйти из той темноты, забитости и подавленности, на которую всю массу деревенского населения осуждал капитализм, той темноты и подавленности, которая позволяла капиталистам четыре года давить человечество войной, и от которой теперь, во что бы то ни стало, все трудящиеся во всех странах, с революционной энергией и страстью решают избавиться.

Вот, товарищи, какие условия должны были создаться в мировом масштабе, чтобы вопрос об этой труднейшей и в то же время самой главной социалистической реформе, об этом самом главном и коренном социалистическом преобразовании, чтобы он был поставлен на очередь дня, и он поставлен в России на очередь дня. Образование комитетов бедноты, теперешний совместный съезд земельных отделов, комитетов бедноты и сельско-хозяйственных коммун, все это показывает нам в связи с той борьбой, которая внутри деревни происходила летом и осенью настоящего года, все это показывает нам, что сознание в самых широких массах трудящегося крестьянства проснулось, и что стремление к установке общественной обработки земли есть в самом крестьянстве, в большинстве трудящегося крестьянства. Конечно, повторяю, к этому величайшему из преобразований мы должны подходить с постепенностью. Немедленно ничего нельзя здесь сделать, но я должен напомнить вам, что и в том основном законе о социализации земли, который был предрешен на другой же день после переворота 25-го октября, в первом же заседании первого же органа Советской власти — 2-го Всероссийского Съезда Советов, издан был закон не только о том, что частная собственность на землю отменяется навсегда, не только о том, что помещичья собственность уничтожается, но и, между прочим, о том, что инвентарь, рабочий скот и орудия, переходящие во владение народа и во владение трудящихся хозяйств, тоже должны перейти в общественное достояние, тоже должны перестать быть частной собственностью отдельных хозяйств. И в законе о социализации земли, который принят в феврале 1918 года, и в этом законе по основному вопросу о том, какие цели ставим мы теперь

себе, какие задачи распоряжения землей хотим мы осуществить и что призываем мы сторонников Советской власти, трудящееся крестьянство, осуществить по этому вопросу — на этот вопрос закон о социализации земли в статье 11 отвечает, что такой задачей является развитие коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов за счет хозяйств единоличных, в целях перехода к социалистическому хозяйству.

Товарищи, у нас, когда мы принимали этот закон, отнюдь не было полного единодушия и согласия коммунистов с другими партиями, напротив, мы принимали этот закон тогда, когда в Советской власти и Советском правительстве существовало единение коммунистов с партией левых эсеров, не разделявших коммунистических взглядов, и тем не менее мы пришли к единодушному и единогласному решению, на почве которого мы остались и теперь, памятуя, что такой переход от единоличных хозяйств к общественной обработке земли, еще раз скажу, не может быть осуществлен сразу, что борьба, которая завязалась в городах, она ставила вопрос проще. Там против тысячи рабочих стоял один капиталист и снести его не стоило большого труда. Борьба же, которая завязалась в деревне, была гораздо сложнее. Вначале был общий натиск крестьян против помещиков; вначале было полное уничтожение помещичьей власти, таким образом, чтобы она не могла и воссоздаться; затем — борьба внутри крестьянства, где в лице кулаков, в лице эксплуататоров и спекулянтов, пользовавшихся излишками хлеба, чтобы наживаться за счет голодной неземледельческой части России, восстановились новые капиталисты. Тут предстояла новая борьба, и вы все знаете, как летом этого года борьба эта довела до вспышек целого ряда восстаний. По отношению к кулаку мы не говорим так, как по отношению к помещику-капиталисту, что он должен быть лишен всей собственности. Мы говорим, что должно быть сломлено сопротивление этого кулака против необходимых мер, как, например, хлебной монополии, которую он не выполняет, чтобы наживаться на спекулятивной продаже излишков хлеба, в то время, когда рабочие и крестьяне неземледельческих местностей мучительно голодают, и наша политика здесь вела всегда такую же беспощадную борьбу, как и против помещиков и капиталистов. Но, затем, еще оставались отношения беднейшей части трудящегося крестьянства к среднему крестьянству. По отношению к среднему крестьянству наша политика была всегда союзом с ним. Оно никоим образом не враг советских учреждений, и не враг пролетариата, и не враг социализма. Оно будет, конечно, колебаться и согласится перейти к социализму лишь тогда, когда увидит прочный, на деле показательный пример того, что этот переход необходим. Этого среднего крестьянства, конечно, нельзя убедить теоретическими рассужде-

ниями или агитационными речами,—на это мы не рассчитываем,— но его убедит пример и сплоченность трудящейся части крестьянства; его убедит союз этого трудящегося крестьянства с пролетариатом, и здесь мы рассчитываем на длительное, постепенное убеждение, на ряд переходных мер, осуществляющих соглашение пролетарской социалистической части населения, соглашение коммунистов, ведущих решительную борьбу против капитала во всех его формах, соглашение их со средним крестьянством.

Вот, учитывая эту обстановку, учитывая то, что мы имеем дело в деревне с задачей несравненно более трудной, мы и ставим вопрос так, как он поставлен в законе о социализации земли. Вы знаете, что там провозглашена отмена частной собственности на землю, провозглашено уравнительное разделение земли, вы знаете, что таким образом и начато осуществление этого закона, и что мы провели его в большинстве крестьянских местностей и в то же время, по общему единодушному согласию и коммунистов, и всех, кто тогда взглядов коммунизма еще не разделял; в законе стоит то положение, которое я вам сейчас прочитал и которое говорит, что нашей общей задачей, нашей общей целью является переход к социалистическому хозяйству, к коллективному землевладению, к общественной обработке земли. Чем дальше идет период строительства, тем яснее становится теперь и для крестьян, уже осевших на земли, и для тех военнопленных, которые сотнями тысяч и миллионами возвращаются теперь измученные и истерзанные из плена, все яснее и яснее становится перед ними весь гигантский размер того, что мы должны сделать для восстановления хозяйства, для того, чтобы вывести крестьян навсегда из старого положения заброшенности, забитости и темноты, все яснее становится, что выходом, действительно прочным и приближающим массу крестьян к культурной жизни, действительно ставящим их на положение, равное с другими гражданами, — этим выходом является только общественная обработка земли, и к этой общественной обработке земли постепенными мерами стремится теперь Советская власть систематически. Во имя этой общественной обработки земли образуются коммуны и советские хозяйства. Значение такого рода хозяйств указано в законе о социализации земли. В той части его, где ставится вопрос, кто может пользоваться землей, вы прочтете, что на первом месте среди лиц и учреждений, которые могут пользоваться землей, стоит государство, на втором — общественные организации, дальше — сельско-хозяйственные коммуны и на четвертом месте — сельско-хозяйственные товарищества. Опять-таки я обращаю ваше внимание на то, что эти основные положения закона о социализации земли составлены тогда, когда коммунистическая партия проводила не только свою волю, когда она сознательно делала уступки тем, кто так или иначе выражал сознание и

волю среднего крестьянства. Мы сделали и делаем такого рода уступки. Мы вступили и вступаем в этого рода соглашение, потому что переход к этой коллективной форме землевладения, к общественной обработке земли, к советским хозяйствам, к коммунам невозможен сразу; тут требуется упорное и настойчивое воздействие Советской власти, которая ассигновала один миллиард рублей на улучшение сельского хозяйства, под условием перехода к общественной обработке земли. Этот закон показывает, что мы хотим больше всего силой примера, силой привлечения к улучшению хозяйства, действовать на массу средних крестьян и рассчитываем лишь на постепенное действие такого рода мер для этого глубокого и важнейшего переворота в хозяйстве земледельческой России.

Союз комитетов бедноты, сельско-хозяйственных коммун и земельных отделов, союз, который мы имеем на настоящем съезде, он нам показывает и дает полную уверенность, что дело теперь поставлено правильно, в настоящем социалистическом масштабе, этим переходом к общественной обработке земли. Этой неуклонной и систематической работой должно быть достигнуто повышение производительности труда. Для этого мы должны применить наилучшие приемы земледелия и привлечь агрономические силы России так, чтобы мы могли использовать все наилучше поставленные хозяйства, которые до сих пор служили лишь источником обогащения отдельных лиц, служили источником возрождения капитализма, новой кабалы, нового закрепощения наемных рабочих и которые теперь, при законе о социализации и при полной отмене частной собственности на землю, должны служить источником сельско-хозяйственного знания и культуры и повышения производительности для всех миллионов трудящихся. В этом союзе городских рабочих с трудящимся крестьянством, в этом образовании комитетов бедноты и в перевыборе их в советские учреждения лежит залог того, что земледельческая Россия стала теперь на путь, на который позднее нас, но зато вернее нас вступают одно за другим западно-европейские государства. Им было гораздо труднее начать переворот, потому что врагом их было не гнилое самодержавие, а наиболее культурный и объединенный капиталистический класс, но вы знаете, что этот переворот начался, и вы знаете, что революция не ограничилась пределами России, что наша главная надежда, наш главный устой — это пролетариат западно-европейский, более передовых стран, что эта главная опора всемирной революции пришла в движение, и мы твердо уверены, и ход немецкой революции показывает это на деле, что там переход к социалистическому хозяйству, использование более высокой земледельческой техники, более быстрое объединение трудящегося населения деревни, там оно пойдет быстрее и будет совершаться легче, чем у нас.

В союзе с рабочими городов, в союзе с социалистическим пролетариатом всего мира, русское трудящееся крестьянство может быть уверено теперь, что оно поборет все невзгоды, все натиски империалистов и осуществит дело, без которого освобождения трудящихся быть не может, — дело общественной обработки земли, дело постепенного, но неуклонного перехода от мелких единоличных хозяйств к общественной обработке земли.

«Правда» № 272, 14 декабря 1918 г.

НАБРОСОК ПРАВИЛ ОБ УПРАВЛЕНИИ СОВЕТСКИМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ [137]).

1.

Коллегиальное обсуждение и решение всех вопросов управления в Советских учреждениях должно сопровождаться установлением самой точной *ответственности* *каждого* из состоящих на любой Советской должности лиц за *выполнение определенных*, ясно и недвусмысленно очерченных, заданий и *практических* работ.

Исполнение этого правила, без коего невозможно проведение действительного контроля и подбор наиболее подходящих лиц на каждую должность и на каждую работу, должно стать отныне *безусловно обязательным.*

Поэтому каждая Советская Коллегия и каждое Советское учреждение, без всякого изъятия, обязаны немедленно:

во-1-х, принять постановление о точном распределении работы и ответственности между всеми членами Коллегии или должностными лицами;

во-2-х, с полнейшей точностью определять ответственность тех лиц, которые исполняют отдельные поручения какого бы то ни было рода, особенно же касающиеся быстрого и правильного сбора и распределения материалов и продуктов.

Исполнение этого правила, обязательное для всех Советских учреждений, в особенности обязательно для местных, уездных, городских и т. д. совнархозов и хозяйственных (или экономических) отделов Исполкомов. Такие отделы и Совнархозы обязаны немедленно возложить на определенных лиц ответственность за быстрый и правильный сбор *каждого* из всех видов сырых материалов и продуктов, в коих нуждается население.

Все руководящие Советские учреждения, как то: Исполкомы, Губернские и общегородские Совдепы и т. п., обязаны немедленно перестроить свои работы таким образом, чтобы на первое место встал фактический контроль за действительным осуще-

(1)

Коллегіальное обсужденіе и рѣшеніе всѣхъ вопросовъ управленія въ совѣтскихъ учрежденіяхъ должно сопровождаться установленіемъ самой точной отвѣтственности каждаго изъ состоящихъ на любой совѣтской должности лицъ за выполненіе опредѣленныхъ, ясно и недвусмысленно очерченныхъ, заданій и практическихъ работъ.

Исполненіе этого правила, безъ котораго невозможно проведеніе дѣйствительнаго контроля и подборъ наиболѣе подходящихъ лицъ на каждую должность и на каждую работу, должно быть абсолютно безусловно обязательнымъ.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА НАБРОСКА ПРАВИЛ ОБ УПРАВЛЕНИИ СОВЕТСКИМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ, НАПИСАННОГО В. И. ЛЕНИНЫМ — 1918 г.

ствлением постановлений центральной власти и местных учреждений, работа же другого рода была в максимальной возможной степени передана подсобным комиссиям из небольшого числа членов данного учреждения.

2.

В целях борьбы с волокитой и для более успешного открытия злоупотреблений, а равно разоблачения и устранения нечестных должностных лиц, проникших в Советские учреждения, вводятся следующие правила:

В каждом Советском учреждении должны быть вывешены не только внутри здания, но и снаружи, так чтобы они были доступны всем без всяких пропусков, правила о днях и часах приема публики. Помещение для приема обязательно должно быть устроено так, чтобы допуск в него был свободный, безусловно без всяких пропусков.

В каждом Советском учреждении должна быть заведена книга для записи, в самой краткой форме, имени просителя, сущности его заявления и направления дела.

В воскресные и праздничные дни должны быть назначены часы приема.

Должностным лицам от Государственного Контроля дается право присутствовать на всех приемах и вменяется в обязанность от времени до времени посещать приемы, проверять книгу записей и составлять протоколы посещения, осмотра книги и опроса публики.

Комиссариаты Труда, Гос. Контроля и Юстиции обязаны организовать повсеместно,— с оповещением населения о дне и часе приема, всем свободного без пропусков и бесплатного,— справочных бюро, с приемом обязательно и в воскресные дни.

Эти справочные бюро обязаны не только давать все просимые справки, как устные и письменные, но и составлять бесплатно письменные заявления для неграмотных и неспособных составить ясное заявление лиц. К участию в этих справочных бюро обязательно привлекаются, как представители *всех* партий, допущенных в Советы с обязательным привлечением и партий, не участвующих в правительстве, так и представители непартийных профес. союзов и не партийных союзов интеллигенции.

3.

Дело обороны Советской Республики настоятельно требует наибольшей экономии сил и наиболее производительного применения народного труда.

В этих целях постановляется — в первую голову по отношению ко всем Советским учреждениям, с дальнейшим распро-

странением на все и всякие предприятия и коллегии — нижеследующее:

1) Каждый, сколько-нибудь самостоятельный, отдел всех без изъятия Советских учреждений должен в 3-х дневный срок представить местному Исполкому (а в Москве, сверх того, в Нар. К-риат Юстиции) краткие сведения по следующей программе: а) ведомство; б) название отдела; в) содержание его работы, в самом кратком описании; г) число подотделов, делопроизводств или иных подразделений с перечнем их; д) число служащих мужского и женского пола; е) объем делопроизводства, насколько он может быть выражен, напр., числом дел, размерами переписки и т. подобными признаками.

Местные Исполкомы (а в Москве Исполком Совдепа по соглашению с Нар. К-риатом Юст.) и президиумом Ц.И.К. обязаны немедленно: (1) принять меры к проверке правильного и своевременного исполнения вышеизложенного правила; 2) к выработке в недельный, со дня представления указанных сведений, срок плана согласования, объединения и *слияния* отделов, ведающих одинаковые или однородные дела.

Комиссии, которым вышеуказанные учреждения поручат осуществление этого, должны включать в себя представителей ведомств Внутренних Дел, Юстиции и Гос. Контроля и Труда, с привлечением по мере надобности и других ведомств, с обязательством *еженедельного* представления в С.Н.К. и в През. Ц.И.К. кратких отчетов о том, что сделано для слияния однородных отделов и для экономии труда.

2) В каждом городе, где есть однородные отделы или ведомства, центральные, областные, городские, губернские, уездные должны быть немедленно созданы при высшем учреждении комиссии для согласования и объединения всех таких учреждений, в целях максимальной экономии сил, при чем эти комиссии работают по правилам и с соблюдением сроков, указанных в ст. 1.

3) Тем же к-сиям (ст. 1 и 2) и на тех же основаниях поручается спешное проведение мер по максимальной замене мужского труда женским и по составлению списков мужчин, могущих быть переведенными на работы в войске или при войске или на другие работы не канцелярского, а исполнительского и практического характера.

4) Тем же комиссиям (ст. 1 и 2) поручается, по соглашению с местными организациями РКП, проведение такой смены лиц, чтобы члены РКП (со стажем не менее 2-х лет членства) оставались лишь на руководящих и ответственнейших местах, а остальные места были замещены беспартийными или членами других партий, для освобождения наибольшего числа членов РКП для других работ.

Все организации РКП обязуются, в недельный срок со дня

опубликования настоящего постановления Ц.К. Р.К.П., внести во все членские билеты и карточки сведения о том, *с какого времени* данное лицо состоит в партии большевиков.

При отсутствии этих сведений и при невозможности собрать их (и проверить за подписью не менее 3-х членов РКП с 2-х летним партийным стажем) на каждом членском билете или карточке должна быть сделана пометка: «с какого времени в партии, неизвестно».

Все состоящие на каких либо советских должностях члены РКП обязаны немедленно внести на свои членские билеты, за удостоверением председателей партийных организаций, или секретарей их, краткие сведения о том, к каким партиям данное лицо принадлежало или примыкало в течение последних *пяти* лет.

Написано 12 декабря 1918 г.
Впервые напечатано в 1928 г. в «Ленинском Сборнике», VIII.

Печатается по рукописи.

РЕЧЬ НА РАБОЧЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕСНЕНСКОГО РАЙОНА 14 ДЕКАБРЯ 1918 Г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Товарищи, против Советской России в настоящее время союзниками объявлен поход. Они ведут усиленную агитацию среди своих рабочих, говоря, будто большевики опираются только на меньшинство народа. Эта нелепая, глупая сказка, которая у нас считается настолько нелепой, что на нее даже не обращают внимания, может так легко распространяться в Западной Европе только благодаря тому, что вся печать там в руках буржуазии.

Ленин опровергает выдумки союзников указанием на рост большевистского влияния на Съездах Советов. В то время, как на I Съезде большевиков была только одна седьмая часть, на II — 51%, на V — 66% и на VI — 97%. Союзники идут на нас, потому что мы говорим: тех долгов, которые сделал царь, мы уплачивать не будем, если же их хочет уплатить вам царь или его родственники из собственного кармана, то, пожалуйста, мы этому не мешаем.

Выясняя рост революционного движения во Франции и Англии и сравнивая наступление союзников на нас с немецким наступлением, Ленин доказывает, что оно приведет к гибели империализм держав Согласия. Чем больше зарываются эти новые грабители, тем ближе они к краю той ямы, которую они сами себе копают.

Каждый их шаг, каждый их солдат на русской территории ускоряют эту неминуемую гибель и, как бы ни свирепствовали, как бы ни зверствовали союзники, наше дело прочно, потому что оно опирается на сознание миллионов трудящихся масс в правоте своего дела. Союзники быстрее, чем немцы, катятся к пропасти, в которую они свалятся.

Во второй части своей речи Ленин говорил об отношении к мелкобуржуазным партиям. Мелкобуржуазные партии называют себя социалистами, но ведь от названия ничего не станется; мы знаем, как банки, например, называются «самопомощью», а на самом деле под этим названием скрывается грабеж.

Не надо забывать, что социалистами станут только рабочие, беднейшие, эксплуатируемые, а средние классы всегда будут колебаться.

Ленин доказывает необходимость перемены отношения к середнякам, мелким буржуа. Не надо их бояться, не надо бояться, что они испортят нашу среду, наоборот, мы всех переварим, нас же никто не переварит.

«Правда» № 275, 18 декабря 1918 г.

ПАМЯТИ ПРОШЬЯНА.

Мне пришлось познакомиться с тов. Прошьяном и оценить его во время совместной работы в Совнаркоме в конце прошлого и в начале текущего года, когда левые эсеры шли в союзе с нами. Прошьян выделялся сразу глубокой преданностью революции и *социализму*. Не про всех левых эсеров можно было сказать, что они социалисты, даже, пожалуй, про большинство из них сказать этого было нельзя. Но про Прошьяна это надо было сказать, ибо, несмотря на верность его идеологии русских народников, идеологии несоциалистической, в Прошьяне виден был глубоко убежденный социалист. По-своему, не через марксизм, не от идей классовой борьбы пролетариата, этот человек сделался социалистом, и мне не раз доводилось наблюдать, при совместной работе в Совнаркоме, как тов. Прошьян становился решительно на сторону большевиков-коммунистов против своих коллег, левых социалистов-революционеров, когда они выражали точку зрения мелких хозяйчиков и относились отрицательно к коммунистическим мероприятиям в области сельского хозяйства.

Особенно запомнился мне разговор с тов. Прошьяном незадолго до Брестского мира. Тогда казалось, что разногласий между нами сколько-нибудь существенных уже не осталось. Прошьян стал говорить мне о необходимости слияния наших партий, о том, что наиболее далекие от коммунизма (тогда этого слова не было еще в ходу) левые эсеры заметно и очень сильно сблизились с ним за время общей работы в Совнаркоме. Я отнесся сдержанно к предложению Прошьяна, назвал его преждевременным, но сближения между нами на практической работе отнюдь не отрицал.

Полное расхождение принес Брестский мир, а из расхождения, при революционной последовательности и убежденности Прошьяна, не могла не произойти прямая, даже военная борьба. Чтобы дело могло дойти до восстания или до таких фактов, как измена главнокомандующего Муравьева, левого эсера, этого я, должен признаться, никак не ожидал. Но пример Прошьяна по-

казал мне, как глубоко, даже в наиболее искренних и убежденных социалистах из левых эсеров, засел *патриотизм*,— как разногласие в общих основах миросозерцания, с неизбежностью проявили себя при трудном повороте истории. Субъективизм народников привел к роковой ошибке даже лучших из них, которые дали ослепить себя призраком чудовищной силы, именно германского империализма. Иная борьба против этого империализма, кроме повстанческой, и притом непременно в данную минуту, без всякого учета объективных условий нашего международного положения, казалась с точки зрения долга революционера прямо-таки недопустимой. Тут сказалась та самая ошибка, которая в 1907 году сделала социалистов-революционеров безусловными «бойкотистами» столыпинской Думы. Только в обстановке горячих революционных битв ошибка более жестоко отомстила за себя и толкнула Прошьяна на путь вооруженной борьбы с Советской властью.

А все же-таки Прошьяну довелось до июля 1918 года больше сделать для укрепления Советской власти, чем с июля 1918 года для ее подрыва. И в международной обстановке, создавшейся после немецкой революции, новое — более прочное, чем прежде,— сближение Прошьяна с коммунизмом было бы неизбежно, если бы этому сближению не помешала преждевременная смерть.

«Правда» № 277, 20 декабря 1918 г.
Подпись: Н. Ленин.

О «ДЕМОКРАТИИ» И ДИКТАТУРЕ.

Немногочисленные номера берлинского «Красного Знамени»[138] и венского «Клича» (Weckruf)[139], органа коммунистической партии немецкой Австрии, дошедшие до Москвы, показывают нам, что предатели социализма, поддерживавшие войну хищников-империалистов, все эти Шейдеманы и Эберты, Австерлицы и Реннеры, встречают достойный отпор от истинных представителей революционных пролетариев Германии и Австрии. Мы горячо приветствуем оба органа, знаменующие жизненность и рост III Интернационала.

Повидимому, главным вопросом революции и в Германии и в Австрии является теперь вопрос: Учредительное Собрание или власть Советов? Представители обанкротившегося II Интернационала, все от Шейдемана до Каутского, стоят за первое и называют свою точку зрения защитой «демократии» (Каутский даже договорился до «чистой демократии») в противоположность диктатуре. Взгляды Каутского я разобрал подробно в только что вышедшей в Москве и Петрограде брошюре: «Пролетарская революция и ренегат Каутский» *). Попытаюсь вкратце изложить суть спорного вопроса, который стал теперь практически на очередь дня для всех передовых капиталистических стран.

Шейдеманы и Каутские говорят о «чистой демократии» или о «демократии» вообще, чтобы обмануть массы и скрыть от них *буржуазный* характер *современной* демократии. Пусть буржуазия продолжает сохранять в своих руках весь аппарат государственной власти, пусть горстка эксплуататоров продолжает пользоваться прежней, буржуазной, государственной машиной! Выборы, производимые при таких условиях, буржуазия, понятное дело, любит называть «свободными», «равными», «демократическими», «всенародными», ибо эти слова служат для сокрытия правды, для сокрытия того, что собственность на средства производства и политическая власть остается у эксплуататоров,

*) См. настоящий том, стр. 331—412. *Ред.*

что поэтому о действительной свободе, о действительном равенстве для эксплуатируемых, т.-е. для громадного большинства населения, не может быть и речи. Буржуазии выгодно и необходимо скрывать от народа *буржуазный* характер современной демократии, изображать ее демократией вообще или «чистой демократией», и Шейдеманы, а также Каутские, повторяя это, *на деле* покидают точку зрения пролетариата и переходят на сторону буржуазии.

Маркс и Энгельс, когда они последний раз вдвоем подписывали предисловие к «Коммунистическому Манифесту» (это было в 1872 году), считали необходимым особо обратить внимание рабочих на то, что пролетариат не может просто овладеть готовой (т.-е. буржуазной) государственной машиной и пустить ее в ход для своих целей, что он должен сломать, разбить ее. Ренегат Каутский написал целую брошюру о «Диктатуре пролетариата», скрыв от рабочих эту важнейшую марксистскую истину, извратив в корне марксизм, и понятно, что похвалы, которые господа Шейдеманы и К° расточали этой брошюре, были вполне заслужены, как похвалы агентов буржуазии тому, кто переходит на сторону буржуазии.

Говорить о чистой демократии, о демократии вообще, о равенстве, о свободе, о всенародности, когда рабочие и все трудящиеся голодны, раздеты, разорены, измучены не только капиталистическим наемным рабством, но и 4-хлетней грабительской войной, а капиталисты и спекулянты продолжают владеть своей награбленною «собственностью» и «готовым» аппаратом государственной власти, это значит издеваться над трудящимися и эксплуатируемыми.

Это значит бить в лицо основным истинам марксизма, который учил рабочих: вы должны использовать буржуазную демократию, как громадный исторический прогресс по сравнению с феодализмом, но ни на минуту не забывайте буржуазный характер этой «демократии», ее исторической условности и ограниченности, не разделяйте «суеверной веры» в «государство», не забывайте, что государство и при самой демократической республике, а не только при монархии, есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим.

Буржуазия вынуждена лицемерить и называть «общенародной властью» или демократией вообще, или чистой демократией (*буржуазную*) демократическую республику, на деле представляющую из себя диктатуру буржуазии, диктатуру эксплуататоров над трудящимися массами. Шейдеманы и Каутские, Аустерлицы и Реннеры (теперь, к сожалению, при помощи Фридриха Адлера) поддерживают эту ложь и это лицемерие. А марксисты, коммунисты, разоблачают его и говорят рабочим и трудящимся массам прямую и открытую правду: на деле демократическая республика,

учредительное собрание, всенародные выборы и т. п. есть диктатура буржуазии и для освобождения труда от ига капитала нет иного пути, как смена этой диктатуры *диктатурой пролетариата*. Только диктатура пролетариата в состоянии освободить человечество от гнета капитала, от лжи, фальши, лицемерия буржуазной демократии, этой демократии *для богатых*, в состоянии установить демократию *для бедных*, т.-е. сделать блага демократии доступными *фактически* для рабочих и беднейших крестьян, тогда как теперь (даже и при самой демократической — *буржуазной* — республике) эти блага демократии *фактически* недоступны громадному большинству трудящихся.

Возьмем, например, свободу собраний и свободу печати. Шейдеманы и Каутские, Австерлицы и Реннеры уверяют рабочих, что теперешние выборы в учредительное собрание в Германии и в Австрии происходят «демократически». Это ложь, ибо *на деле* капиталисты, эксплуататоры, помещики, спекулянты держат в своих руках 9/10 лучших зданий, которые пригодны для собраний, и 9/10 запасов бумаги, типографий и прочее. Рабочий в городе, батрак и поденщик в деревне *на деле* отстранены от демократии как этим «священным правом собственности» (охраняемым господами Каутскими и Реннерами, к которым перешел, к сожалению, и Фридрих Адлер), так и буржуазным аппаратом государственной власти, т.-е. буржуазными чиновниками, буржуазными судьями и прочее. Теперешняя «свобода собраний и печати» в «демократической» (буржуазно-демократической) республике немецкой есть ложь и лицемерие; ибо *на деле* это есть *свобода для богачей* покупать и подкупать прессу, *свобода богачей* спаивать народ сивухой буржуазной газетной лжи, *свобода богачей* держать в своей «собственности» помещичьи дома, лучшие здания и т. п.

Диктатура пролетариата *отнимает* у капиталистов в пользу трудящихся помещичьи дома, лучшие здания, типографии, склады бумаги.

Это будет замена «всенародной», «чистой» «демократии» «диктатурой одного класса» — вопят Шейдеманы и Каутские, Австерлицы и Реннеры (вместе с их заграничными единомышленниками, Гомперсами, Хендерсонами, Реноделями, Вандервельдами и К⁰).

Неправда — ответим мы. Это будет заменой фактической диктатуры буржуазии (каковую диктатуру лицемерно прикрывают формы демократической буржуазной республики) диктатурой пролетариата. Это будет заменой демократии для богатых демократиею для бедных. Это будет заменой свободы собраний и печати для меньшинства, для эксплуататоров, свободой собраний и печати для *большинства* населения, для трудящихся. Это будет гигантским, всемирноисторическим *расширением* демократии, пре-

вращением ее из лжи в правду, освобождением человечества от оков капитала, *искажающего* и урезывающего всякую, даже и самую «демократическую» и республиканскую, *буржуазную* демократию. Это будет заменой буржуазного государства *пролетарским* государством, каковая замена есть единственный путь к отмиранию государства вообще.

Почему же нельзя достигнуть такой цели без диктатуры одного класса? почему нельзя прямо перейти к «чистой» демократии? спрашивают лицемерные друзья буржуазии или наивные клейнбюргеры и филистеры, одураченные ею.

Мы отвечаем: потому, что во всяком капиталистическом обществе решающее значение могут иметь либо буржуазия, либо пролетариат, а мелкие хозяйчики неизбежно остаются колеблющимися, бессильными, глупыми мечтателями о «чистой», т.-е. внеклассовой или надклассовой демократии. Потому, что из общества, в котором один класс угнетает другой, нельзя выйти иначе, как диктатурой угнетенного класса. Потому, что победить буржуазию, свергнуть ее в состоянии только пролетариат, ибо это единственный класс, который объединен и «вышколен» капитализмом и который в состоянии увлечь за собой колеблющуюся массу трудящихся, живущих по мелкобуржуазному,— увлечь ее за собой или по крайней мере «нейтрализовать» ее. Потому что только сладенькие мещане и филистеры могут мечтать, обманывая этими мечтами и себя и рабочих, о свержении ига капитала без долгого и трудного *подавления сопротивления* эксплуататоров. В Германии и Австрии это сопротивление пока еще не развернулось открыто, ибо пока еще не началась экспроприация экспроприаторов. Это сопротивление будет отчаянным, бешеным, когда такая экспроприация начнется. Скрывая это от себя и от рабочих, Шейдеманы и Каутские, Австерлицы и Реннеры совершают предательство интересов пролетариата, переходят в самый решительный момент от позиции классовой борьбы и свержения ига буржуазии на позиции соглашения пролетариата с буржуазией, на позицию «социального мира» или примирения эксплуататоров с эксплуатируемыми.

«Революции — локомотивы истории», говорил Маркс [140]). Революции быстро учат. Рабочие городов, батраки деревень Германии и Австрии быстро поймут измену делу социализма со стороны Шейдеманов и Каутских, Австерлицев и Реннеров. Пролетариат отбросит прочь этих «социалпредателей», социалистов на словах, предателей социализма на деле, как отбросил он в России таких же мелких буржуа и филистеров, меньшевиков и «социалистов-революционеров». Пролетариат увидит — тем скорее, чем полнее будет господство названных «вождей», — что только замена буржуазного государства, будь то самая демократическая буржуазная республика, государством типа Парижской Коммуны

(о котором так много говорил Маркс, искаженный и преданный Шейдеманами и Каутскими), или государством типа Советов, в состоянии открыть дорогу к социализму. Диктатура пролетариата избавит человечество от ига капитала и от войн.

Написано 23 декабря 1918 г.
Напечатано 3 января 1919 г. в «Правде» № 2.
Подпись: Н. Ленин.

Печатается по рукописи.

РЕЧЬ НА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА 25 ДЕКАБРЯ 1918 Г. [141])

Товарищи! Позвольте мне сказать прежде всего несколько слов о международном положении Советской Республики. Конечно, все вы знаете, что главным вопросом международного положения является победа англо-французско-американского империализма и его попытки завладеть окончательно всей землей, а, главным образом, погубить Советскую Россию.

Вы знаете, что в начале октябрьского переворота не только большинство представителей западно-европейской буржуазии, но и некоторая часть буржуазии российской смотрели на дело таким образом, что у нас совершается некоторый социалистический эксперимент, который не может иметь существенного и серьезного значения с мировой точки зрения. Особенно наглые близорукие представители буржуазии неоднократно высказывались в том духе, что коммунистические эксперименты в России ничего, кроме удовольствия, германскому империализму доставить не могут. И были, к сожалению, люди, которые позволяли ослеплять себя этими выходками и оценивали, между прочим, под таким углом зрения невероятно тяжелые и невероятно насильнические условия Брестского мира. В сущности говоря, эти люди сознательно и бессознательно возбуждали классовый мелкобуржуазный патриотизм и оценивали ухудшающееся положение не с точки зрения мирового значения, не с точки зрения развития событий в мировом масштабе, а с той точки зрения, будто германский империализм является главным врагом и что будто этот насильнический, необыкновенно грабительский мир является торжеством германских империалистов.

Действительно, если рассматривать события того времени в смысле положения России, то более губительных условий нельзя и представить. Но вздорность выводов немецких империалистов обнаружилась через несколько месяцев, когда немцы, завоевывая Украину, хвалились перед немецкой буржуазией, а еще

более перед немецким пролетариатом, что наступил момент жатвы плодов империалистической политики, что на Украине они достанут все необходимое для Германии. Это была самая недальновидная и близорукая оценка событий.

Но вскоре же обнаружилось, что те, которые рассматривали события с точки зрения влияния их на развитие мировой революции, оказались единственно правыми. Именно, пример Украины, претерпевшей неслыханные страдания, этот пример, показал, что единственно правильной оценкой событий была та, которая основывалась на изучении, на внимательном наблюдении международной пролетарской революции: империализм оказался задушенным трудящимися массами, поставленными в невыносимо тяжкие условия. И теперь мы видим, что эпизод с Украиной был одним из звеньев в процессе нарастания всемирной революции.

Германские империалисты гораздо меньше смогли получить от Украины материальных благ, чем рассчитывали. Между тем это превращение войны в явно грабительскую подорвало всю германскую армию, а соприкосновение с Советской Россией внесло в эту армию трудящихся масс Германии то разложение, которое сказалось через несколько месяцев. И теперь, когда англо-американский империализм еще более обнаглел и рассматривает себя, как владыку, которому никто не может оказать сопротивление, мы не закрываем глаза на то чрезвычайно трудное положение, перед которым мы находимся. Державы Согласия сейчас перешли грань возможной для буржуазии политики и зарвались так же, как зарвались германские империалисты в феврале и марте 1918 года, заключая Брестский мир. Та же причина, которая привела к гибели германский империализм, явно вырисовывается перед нами и в отношении англо-французского империализма. Последний навязал Германии условия мира гораздо более худшие, более тяжелые, чем те, которые были навязаны Германией нам при заключении мира Брестского. Этим англо-французский империализм перешел ту грань, которая и окажется потом роковой для него. За этой гранью империализм теряет надежду удержать в повиновении трудящиеся массы.

Несмотря на шум, поднятый шовинистами по поводу победы и разрушения Германии, несмотря на то, что война официально еще не закончена, мы уже теперь имеем во Франции и Англии признаки чрезвычайно высокого роста рабочего движения и перемену позиции тех политиков, которые стояли на шовинистской точке зрения, а теперь выступают против своего правительства из-за попытки вмешательства в русские дела. Если же сопоставить с этим известия, появившиеся за последнее время в газетах, о начале братания англо-американских солдат, если помнить, что империалистические войска состоят из граждан, к которым применяют обман и угрозы, то мы можем признать, что почва

Советской России достаточно крепка. Учитывая эту общую картину мировой войны и революции, мы совершенно спокойны и с абсолютной уверенностью смотрим на будущее и говорим, что англо-французский империализм настолько зарвался, что перешел все грани мира, которые были в пределах осуществимости для империалистов, что ему грозит полнейший крах.

Удушение революции, захват и раздел всех стран,—вот задачи, которые поставлены державами Согласия, продолжающими империалистическую войну. Но, несмотря на то, что Англия и Америка гораздо больше стояли в стороне от ужасов войны, чем Германия, что демократически сорганизованная буржуазия у них гораздо более дальновидна, чем германская буржуазия, английские и американские империалисты потеряли голову и сейчас в силу объективных условий вынуждены взяться за такую задачу, которая им не под силу, вынуждены держать войска для успокоения и усмирения.

Однако условия, в которых мы сейчас находимся, требуют полнейшего напряжения наших сил. И теперь мы все еще должны каждый месяц ценить больше, чем прежде десять лет, потому что мы делаем во сто раз больше: мы не только охраняем Российскую республику, но и творим великое дело для мирового пролетариата. От нас требуется большое напряжение, большая работа по составлению организационного плана и выработке общих отношений.

Переходя к вопросу о ближайших наших задачах, должен сказать, что основа уже сделана, и за время между первым и вторым съездами Совнархозов основной тип работ намечен. Общий план управления промышленностью, национализированными предприятиями, управления целыми отраслями промышленности, выработан и поставлен на твердую основу, при участии профессиональных союзов, при чем со всякими синдикалистскими, сепаратистскими, местническими и областническими попытками, приносящими делу вред, мы будем и в дальнейшем бороться так же, как боролись до сих пор.

Военное положение возлагает на нас особую ответственность и тяжелые задачи. Коллегиальное управление необходимо при участии профессиональных союзов. Коллегии необходимы, но коллегиальные управления не должны обращаться в помеху практическому делу. И когда теперь мне, в частности, приходилось наблюдать за проведением в жизнь экономических задач нашими предприятиями, особенно бросается в глаза, что исполнительная часть нашей работы, связанная с коллегиальным обсуждением, иногда тормозит исполнение. Этот переход от коллегиального исполнения к личной ответственности составляет задачу дня.

От совнархозов, главков и центров мы будем безусловно требовать, чтобы коллегиальная система управления не выражалась

в болтовне, в писании резолюций, в составлении планов и областничестве. Это недопустимо. Мы неуклонно будем требовать, чтобы каждый работник совнархоза, каждый член главка знал, за какую отрасль хозяйства, в узком смысле, он отвечает. Когда мы получаем сведения о том, что имеется сырье, но люди не знают, сколько сырья, не сумели этого определить, когда доносятся вопли, что склады с товарами стоят запертыми, и в то же время крестьяне требуют товарообмена, требуют справедливо, отказываясь отдавать хлеб за обесцененные бумажки, мы должны знать, какой член какого именно коллегиального управления занимается волокитой, и мы должны сказать, что этот член за волокиту отвечает и будет отвечать с точки зрения обороны, т. е. с точки зрения немедленного ареста и военного суда, хотя бы он был представителем самого важного союза в наиважнейшем главке. Этот человек должен отвечать за то, насколько практически проведены в жизнь простейшие элементарные вещи: учет продуктов на хозяйственных складах и правильное их использование. С выполнением таких именно элементарных задач у нас большей частью происходит затор.

С исторической точки зрения это не вызывает никаких опасений, потому что в строительстве новых и невиданных до сих пор форм надо известное время потратить для того, чтобы наметить общий план организации, который разовьется в процессе работы. Наоборот, надо удивляться тому, как много сделано в этой области за такое короткое время. Но с точки зрения военной, с точки зрения социалистической, когда пролетариат требует с нашей стороны проявления максимальной энергии, чтобы хлеб и полушубки были, чтобы рабочие меньше нуждались в обуви, продуктах и тому подобное, необходимо увеличить товарообмен втрое, в десять раз, чем он идет сейчас. Эта сторона дела должна явиться ближайшей задачей совнархозов.

Нам нужна практическая работа людей, ответственных за то, чтобы хлеб обменивался на продукты, чтобы хлеб не залеживался, чтобы в каждом складе сырье было не только на учете, но и не залеживалось, чтобы оказывалась действительная помощь в области производства.

Что касается кооперативов, то и к ним необходимо подойти с деловой стороны. Когда я вижу членов совнархозов, заявляющих, что кооперация—дело лавочное, что там находятся меньшевики, что там находятся белогвардейцы и потому от них надо держаться подальше, я утверждаю, что эти люди проявляют полное непонимание дела. Они абсолютно не понимают задачи момента, когда вместо того, чтобы указывать годных кооператоров, как специалистов, указывают на них, как на людей, протягивающих руку белогвардейцам. Я утверждаю, что они занимаются не своим делом: для уловления белогвардейцев у нас есть чрезвычайкомы,

им и следует предоставить делать свое дело. Кооперативы же — единственный аппарат, созданный капиталистическим обществом, который мы и должны использовать. Поэтому всякую попытку заменить дело рассуждениями, представляющими воплощение близорукости и самого грубого тупоумия, интеллигентского самомнения, мы будем преследовать путем беспощадных репрессий по военному положению.

Если до сих пор, год спустя, дело не налажено, как следует, если в то время, когда перед нами стоят задачи практические, мы все еще продолжаем обсуждение планов, страна же требует хлеба, валеной обуви, своевременного распределения предметов сырья, подобная волокита и вторжение в чужую область нетерпимы.

При нашем аппарате иногда стоят элементы, склоняющиеся к белогвардейцам, но, при наличии во всех наших учреждениях коммунистического контроля, эти люди не могут получить политического значения и руководящей роли. Об этом не может быть и речи. Нам же они нужны, как практические работники, и бояться их нечего. Я не сомневаюсь, что коммунисты — превосходнейшие люди, среди них имеются превосходные организаторы, но, чтобы получить этих организаторов в большом числе, нужны годы и годы, а нам ждать нельзя.

Сейчас мы можем получить таких работников в среде буржуазии, в среде специалистов и интеллигенции. И мы будем спрашивать с каждого товарища, работающего в совнархозе: что вы, господа, сделали для того, чтобы привлечь к работе опытных людей, что вы сделали для того, чтобы привлечь специалистов, чтобы привлечь приказчиков, дельных буржуазных кооператоров, которые должны работать у вас нисколько не хуже, чем они работали у каких-нибудь Колупаевых и Разуваевых? Пора нам отказаться от прежнего предрассудка и призвать всех нужных нам специалистов к нашей работе. Это должны знать все наши коллегиальные управления, все наши коммунистические работники. В таком отношении к делу — залог нашего успеха.

Достаточно всевозможных праздных разговоров, теперь настало время перейти к практическому делу, которое может вывести нашу страну из того круга, в который ее замыкают империалисты. На этой точке зрения должны стоять все советские, все кооперативные аппараты. Нам нужно делать дело и дело! Если пролетариат, взяв власть в свои руки, не сумеет воспользоваться своей властью, не сумеет практически поставить вопрос и практически же его разрешить, он потеряет очень многое. Пора оставить тот предрассудок, будто только коммунисты, среди которых, несомненно, есть и весьма хорошие люди, могут проводить определенную работу. Пора оставить этот предрассудок: нам нужны работники дела и дела, и мы должны всех их привлечь к работе.

Капитализм оставил нам громадное наследство, оставил нам своих крупнейших специалистов, которыми мы должны непременно воспользоваться и воспользоваться в широком, массовом размере, пустив всех их в ход. Тратить время на подготовку специалистов из наших коммунистов нам совершенно некогда, потому что сейчас все дело в практической работе, в практических результатах.

Нужно поставить вопрос так, чтобы каждый член коллегии, каждый член ответственного учреждения взял в свои руки дело, отвечая за него целиком. Непременно нужно, чтобы всякий, взявший на себя определенную отрасль, отвечал бы за все: и за производство, и за распределение. Я должен вам сказать, что положение нашей Советской Республики таково, что при правильном распределении хлеба и других продуктов, мы можем продержаться очень и очень долго. Но для этого непременно нужна правильная политика решительного разрыва со всякой волокитой, нужно действовать быстро и решительно, нужно назначить определенных лиц на определенную ответственную работу, нужно, чтобы каждый из этих лиц знал определенно свое дело, определенно отвечал за него, будучи ответственным вплоть до расстрела. Вот политика, которую мы ведем и в Совнаркоме, и в Совете обороны, и этой политике необходимо подчинить всю деятельность совнархозов и кооперативов. Вот тот путь, по которому должна идти политика пролетариата.

Нужно поставить вопрос так, чтобы у нас правильно вертелось колесо товарообмена. В этом сейчас вся задача, в этой области нам предстоит большая работа, и к этой работе я позволяю себе в заключение того, что говорю сейчас, настоятельно всех вас призвать.

Напечатано 27 декабря 1918 г. в «Правде» № 283.

Печатается по тексту книги: «Труды II Всероссийского съезда Советов Народного хозяйства», сверенному по тексту, напечатанному в «Правде».

ПОДВИГ ПРЕСНЕНСКИХ РАБОЧИХ.

Тринадцать лет тому назад пролетарии Москвы подняли знамя восстания против царизма. Это был высший пункт развития первой рабочей революции против царизма. Рабочие потерпели поражение, и Пресня обагрилась рабочей кровью.

Незабвенный героизм московских рабочих дал образец борьбы всем трудящимся массам России. Но массы эти были еще тогда слишком неразвиты, слишком разрозненны и не поддержали пресненских и московских героев, с оружием в руках поднявшихся против царской, помещичьей монархии.

За поражением московских рабочих последовало поражение всей первой революции. Двенадцать долгих, мучительных лет самой дикой помещичьей реакции терзали всех рабочих и крестьян всех народов России.

Подвиг пресненских рабочих не пропал даром. Их жертвы были не напрасны. В царской монархии была пробита первая брешь, которая медленно, но неуклонно расширялась и ослабляла старый, средневековый порядок. В трудящиеся массы города и деревни подвиг московских рабочих внес глубокое брожение, следы, которые уже не замирали, вопреки всяческим преследованиям.

До вооруженного восстания в декабре 1905 года, народ в России оказывался неспособным на массовую вооруженную борьбу с эксплуататорами. После декабря это был уже не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещение. Он закалился в восстании. Он подготовил ряды бойцов, которые победили в 1917 году и которые теперь — через все неимоверные трудности, побеждая муки голода и разрухи, созданной империалистской войной, — отстаивают дело всемирной победы социализма.

Да здравствуют рабочие Красной Пресни, передовой отряд всемирной рабочей революции!

«Петроградская Правда» № 284 (509), 26 декабря 1918 г.
Подпись: Н. Ленин.

---

*

ТЕЛЕГРАММА СОВЕТУ КОММУН СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ.

По поступающим сведениям, вопреки декрета 21 ноября, кооперативы национализируются, закрываются, их товары реквизируются, и не оказывается содействия восстановлению их законной деятельности. Все, кто вызывают нарушение дела снабжения, расстраивают организацию тыла Советской Республики. Настоящим предписывается прекратить немедленно попытки нарушения и обхода декрета 21 ноября, восстановить закрытые и национализированные кооперативы, возвратить им товары, обязательно включить кооперативы в распределительную сеть, наравне с советскими лавками. Следует всемерно использовать кооперативный аппарат в деле заготовки распределения, привлекать представителей кооперации в кооперативные комиссии продорганов. Нарушение и обход декрета будет караться. Сообщить настоящую телеграмму к сведению и исполнению всем исполкомам и продорганам Северной Области. Опубликовать в местных органах.

Председатель Совета обороны *Ульянов (Ленин).*

«Петроградская Правда» № 285 (510), 27 декабря 1918 г.

ТЕЛЕФОНОГРАММА ГЛАВКОМУ.

Совет Обороны запрашивает: 1) Верно ли, что в боях в районе Балашова недели две назад нашими частями в продолжение 2 — 3 дней сдано противнику 25 — 30 орудий, и, если это верно, что сделано вами для привлечения к ответственности виновных и предотвращения подобных явлений? 2) Верно ли, что две недели назад издан вами приказ о взятии Оренбурга, и, если это верно, почему приказ не приводится в исполнение? 3) Что сделано для того, чтобы упрочить положение наших частей в районе Перми, требующих от центра срочной помощи?

На эти вопросы Совет Обороны ждет от вас ответа.

Председатель Совета Обороны

Вл. Ульянов (Ленин).

Написано 6 декабре 1918 г.
Впервые напечатано 23 февраля 1927 г. в «Известиях» № 44.

Печатается по тексту «Известий».

МАЛЕНЬКАЯ КАРТИНКА ДЛЯ ВЫЯСНЕНИЯ БОЛЬШИХ ВОПРОСОВ [142]).

Товарищ Сосновский, редактор «Бедноты» [143]), принес мне замечательную книгу. С ней надо познакомить как можно большее число рабочих и крестьян. Из неё надо извлечь серьезнейшие уроки по самым важным вопросам социалистического строительства, превосходно поясненные живыми примерами. Это — книга товарища Александра Тодорского: «Год — с винтовкой и плугом» [144]), изданная в городке Весьегонске тамошним уездным исполкомом по поводу годовщины Октябрьской революции.

Автор описывает годовой опыт деятельности руководителей работы по строительству Советской власти в Весьегонском уезде,— сначала гражданскую войну, восстание местных кулаков и его подавление, затем «мирное строительство жизни». Описание хода революции в захолустном уезде вышло у автора такое простое и вместе с тем такое живое, что пересказывать его значило бы только ослаблять впечатление. Надо пошире распространить эту книгу и выразить пожелание, чтобы как можно бóльшее число работников, действовавших в массе и с массой, в настоящей гуще живой жизни, занялись описанием своего опыта. Издание нескольких сотен или хотя бы нескольких десятков лучших, наиболее правдивых, наиболее бесхитростных, наиболее богатых ценным фактическим содержанием из таких описаний было бы бесконечно более полезно для дела социализма, чем многие из газетных, журнальных и книжных работ записных литераторов, сплошь да рядом за бумагой не видящих жизни.

Возьму один маленький пример из рассказа товарища А. Тодорского. Дело шло о том, чтобы не оставить «безработными» «купеческие руки», а побудить их «взяться за работу».

...«В этих целях были призваны в исполком три молодых, энергичных и особенно дельных промышленника: Е. Е. Ефремов, А. К. Логинов, Н. М. Козлов и под угрозой лишения свободы и конфискации всего имущества привлечены к созданию лесопильного и хромового (кожевенного) заводов, к оборудованию которых сразу же и было приступлено.

Маленькая картинка для выяснения больших вопросов. 1

Товарищ Сосновский, редактор «Бедноты», принес мне замечательную книжку. С ней надо ознакомить как можно большее число рабочих и крестьян. Из нее надо извлечь сердцевинные уроки по самым важным вопросам социалистического строительства, преподанные посредством живых примеров. Это — книга товарища Александра Тодорского: «Год — с винтовкой и плугом», изданная в городке Весьегонске уездным исполкомом по поводу годовщины Октябрьской революции.

Автор описывает годовой опыт деятельности руководящей работы по строительству советской власти в Весьегонском уезде, — снача-

Первая страница рукописи В. И. Ленина: «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов» — 1918 г.

Уменьшено

Советская власть не ошиблась в выборе работников, а промышленники, к чести их, почти первые поняли, что имеют дело не с «двухнедельными случайными гостями», а с настоящими хозяевами, взявшими власть в твердые руки.

Вполне правильно уяснив это, они энергично взялись за исполнение распоряжений исполкома, и уже в настоящее время Весьегонск имеет лесопильный завод на полном ходу, обслуживающий всю потребность местного населения и выполняющий заказы от вновь строящейся железной дороги.

Что же касается завода по выделке хрома, то сейчас оборудовано помещение и идет установка двигателя, барабанов и прочих машин, доставленных из Москвы, и не далее, как через $1^1/_2$—2 месяца, Весьегонск будет иметь хромовую кожу своего приготовления.

Оборудование двух советских заводов «несоветскими» руками служит хорошим примером в том, как надо бороться с классом, нам враждебным.

Это — еще полдела, если мы ударим эксплуататоров по рукам, обезвредим их или «доканаем». Дело успешно будет выполнено тогда, когда мы заставим их работать, и делом, выполненным их руками, поможем улучшить новую жизнь и укрепить советскую власть.»

Это превосходное и глубоко правильное рассуждение следовало бы вырезать на досках и выставить в каждом совнархозе, продоргане, в любом заводе, в земотделе и так далее. Ибо то, что́ поняли товарищи в захолустном Весьегонске, сплошь да рядом упорно не понимают советские работники столиц. Не редкость встретить советского интеллигента или рабочего, коммуниста, который презрительно морщит нос при упоминании кооперации, заявляя с чрезвычайно великой важностью — и со столь же великой глупостью — что это не советские руки, что это буржуи, лавочники, меньшевики, что вот тогда-то и там-то кооператоры прикрыли своими финансовыми оборотами помощь белогвардейцам, что аппарат снабжения и распределения в нашей социалистической республике должны строить чистые советские руки.

Подобное рассуждение типично в том отношении, что истина смешана здесь с ложью так, что получается опаснейшее извращение задач коммунизма, приносящее бездну вреда нашему делу.

Да, кооперация есть аппарат буржуазного общества, выросший в атмосфере «лавочничества», воспитавший руководителей в духе буржуазной политики и буржуазного миросозерцания, дающий поэтому высокий процент белогвардейцев или пособников белогвардейщины. Это бесспорно. Но плохо то, когда из бесспорной истины путем упрощения и аляповатого применения ее начинают делать нелепые выводы. Мы не можем построить коммунизма иначе, как из материалов, созданных капитализмом, иначе, как из того культурного аппарата, который взращен буржуазной обстановкой и поэтому неизбежно бывает пропитан — раз речь заходит о человеческом материале, как части культурного аппарата — буржуазной психологией. В этом трудность

построения коммунистического общества, но в этом же гарантия возможности и успешности его построения. Тем и отличается марксизм от старого утопического социализма, что последний хотел строить новое общество не из тех массовых представителей человеческого материала, которые создаются кровавым, грязным, грабительским, лавочническим капитализмом, а из разведенных в особых парниках и теплицах особо добродетельных людей. Эта смешная мысль теперь всем смешна и всеми оставлена, но не все хотят или умеют продумать обратное учение марксизма, продумать, как это можно (и должно) строить коммунизм из массового человеческого материала, испорченного веками и тысячелетиями рабства, крепостничества, капитализма, мелкого раздробленного хозяйничанья, войной всех против всех из-за местечка на рынке, из-за более высокой цены за продукт или за труд.

Кооперация есть аппарат буржуазный. Из этого следует, что он не заслуживает *политического* доверия, но отнюдь не следует, что позволительно отвернуться от задачи использовать его для целей управления и строительства. Политическое недоверие приводит к тому, что нельзя давать несоветским людям *политически* ответственных постов. Оно приводит к тому, что чрезвычайки внимательно следят за представителями классов, слоев или групп, тяготеющих к белогвардейщине. (При этом, в скобках будь сказано, вовсе не обязательно договариваться до таких нелепостей, которую написал в своем казанском журнале «Красный Террор» [145]) товарищ Лацис, один из лучших, испытанных коммунистов, который хотел сказать, что красный террор есть насильственное подавление эксплуататоров, пытающихся восстановить свое господство, а вместо того написал на странице 2 № 1 своего журнала: «не ищите (!!?) в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом».)

Политическое недоверие к представителям буржуазного аппарата законно и необходимо. Отказ использовать их для дела управления и строительства есть величайшая глупость, несущая величайший вред коммунизму. Кто захотел бы рекомендовать меньшевика как социалиста или как политического руководителя или даже как политического советчика, тот совершил бы громадную ошибку, ибо история революции в России доказала окончательно, что меньшевики (и социалисты-революционеры) не социалисты, а мелкобуржуазные демократы, способные становиться на сторону *буржуазии* при каждом серьезном обострении классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Но мелкобуржуазная демократия—не случайное политическое образование, не какое-нибудь исключение, а *необходимый* продукт капитализма, при чем не только старое, докапиталистическое, экономически реакционное среднее крестьянство является «поставщиком» этой

демократии, но и культурно-капиталистическая, на почве крупного капитализма произрастающая кооперация, интеллигенция и т. п. Ведь даже в отсталой России рядом с Колупаевыми и Разуваевыми народились капиталисты, которые умели ставить себе на службу культурную интеллигенцию, меньшевистскую, эсеровскую, беспартийную. Неужели мы окажемся глупее этих капиталистов и не сумеем использовать такого «строительного материала» для постройки коммунистической России?

Написано в конце 1918 или начале 1919 г.
Впервые напечатано 12 ноября 1925 г. в «Правде» № 258.

Печатается по рукописи.

РЕЧЬ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ В.Ц.И.К, МОСКОВСКОГО СОВЕТА И ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ 17 ЯНВАРЯ 1919 Г. [146]).

Товарищи, позвольте мне начать с краткого указания на то, какие главные факты пережила наша продовольственная политика. Я думаю, что эти краткие указания будут полезны не только для того, чтобы мы правильно оценили значение того постановления, которое мы предлагаем принять сегодня В. Ц. И. К, а также будет полезно для оценки всей нашей продовольственной политики в целом, и для оценки той роли, которая теперь, когда наступает трудный поворот, выпадает на долю представителей организованного пролетариата—этого авангарда и главной опоры Советской России и социалистической революции. Товарищи, наша продовольственная политика характеризуется тремя главными актами, которые в хронологической постепенности выступают перед нами таким образом: первый—постановление об образовании комитетов бедноты, это шаг, который представляет из себя всю основу нашей продовольственной политики и вместе с тем является гигантской важности переломным пунктом во всем ходе развития и строя нашей революции. Этим шагом мы перешли ту грань, которою отделяется буржуазная революция от социалистической, ибо одна победа рабочего класса в городах и один переход всех фабрик в руки пролетарского государства, все это не в состоянии было бы закрепить и создать основы социалистического порядка, если бы в деревне мы не создали себе также не общекрестьянской, а действительно пролетарской опоры. В Октябре мы должны были ограничиться тем, что объединяли пролетариат с крестьянами в целом и вообще, и благодаря такому союзу получили возможность быстро разбить помещичье землевладение и смести его с лица земли. Но когда мы перешли к организации беднейшего крестьянства, пролетариата и полупролетариата крестьянства, только тогда мог прочно организоваться союз трудя-

щихся масс пролетариата города с пролетариатом деревни. Только тогда война против кулачества и крестьянской буржуазии могла пройти настоящим образом. Этот коренной шаг в нашей продовольственной политике продолжает быть коренным выступлением всей нашей продовольственной политики.

Вторым шагом, может быть менее важным, был декрет, проведенный при участии и по инициативе наших представителей, это декрет об использовании кооперации. Тут мы установили, что аппарат, который создала кооперация и который создан всем капиталистическим обществом и который в России, по понятным причинам, был слабее, чем в западно-европейских странах, должен быть нами использован. В этом отношении мы сделали много грехов, и многого не сделали, не только в деревнях, но и в городах, но и в крупных пролетарских центрах. Мы встречаемся здесь с непониманием, с неумением, с предрассудками и с традициями, которые отталкивают нас от кооперации. Совершенно законно, что среди верхов кооперации много непролетарских элементов; мы должны вести борьбу против этих людей, которые способны переметнуться на сторону буржуазии, — против контр-революционных элементов и их поползновений и вместе с тем сохранить аппарат, аппарат кооперации, — это тоже наследие от капитализма, — аппарат распределения между миллионами, без которого и строить социализм сколько нибудь успешно нельзя. Тут Продовольственный Комиссариат наметил правильную политику, но мы ее еще не доделали, и те положения, которые мы предложим от имени фракции коммунистов сегодня В.Ц.И.К., делают еще шаг вперед по этому пути и настаивают на том, чтобы кооперативный аппарат был использован. Надо уметь вести борьбу против негодно-верхушечного элемента кооперативного аппарата — у нас достаточно силы и власти, чтобы это провести, ибо смешно думать, чтобы сопротивление было серьезно, — надо уметь проводить такую борьбу и обязательно использовать кооперативный аппарат, с тем, чтобы мы не растеряли своих сил, с тем, чтобы этот аппарат был един, с тем, чтобы коммунисты использовали свои силы, не только для политической работы, но и для организационной работы, и технически воспользовались тем аппаратом, который подготовлен к этой работе — кооперативным аппаратом.

Третий шаг, который знаменует нашу продовольственную политику, есть создание рабочих продовольственных организаций. Здесь, товарищи продовольственники, перед вами выступает ответственная задача. Путь, на который мы вступили, это путь, по которому мы должны идти, и мы должны стремиться, чтобы встать на этот путь во всех комиссариатах, это мера, которая имеет не только продовольственное значение, она имеет значение общесоциальное и обще-классовое. Для того, чтобы социалистический

переворот мог быть прочен, для этого к управлению должен придти новый класс. Мы знаем, что в России, до 61 года, властью, которая управляла, были крепостники и помещики. Мы знаем, что с тех пор, в общем и целом, власть, которая управляла, была буржуазия, были представители зажиточных слоев. Теперь социалистический переворот будет прочен лишь постольку, поскольку мы сумеем новый класс, пролетариат, поднять к управлению, сделать так, чтобы управлял Россией пролетариат. Сделать так, чтобы это управление было переходом к поголовному обучению всех трудящихся искусству управлять государством, и обучению не книжному, не газетному, не в речах и брошюрках, а к обучению на практике, чтобы каждый мог испытать свою способность взяться за это дело.

Вот, товарищи, главный этап нашей продовольственной политики, который вместе с тем знаменует и самый характер построения этой продовольственной политики. Надо сказать, что здесь на наших товарищей продовольственников ложится самая тяжелая задача. Понятно, что голод есть бедствие самое свирепое, самое ужасное, что ко всяким неустройствам в этой области массы относятся с понятным нетерпением, озлоблением и возмущением, ибо перенести такое бедствие нет никакой возможности. И понятно в то же время, что Компроду выпадает самая трудная задача. Вы знаете отлично, и особенно знают товарищи из профессиональных союзов, как много у нас разрухи и беспорядка в управлении крупными предприятиями, в учете продуктов крупных предприятий. А ведь это в несколько тысяч раз легче, чем учесть продовольствие, собираемое миллионами крестьян. А ведь выбора нет. В стране продуктов вообще мало. Их недостаточно для того, чтобы накормить всех.

Что значит, когда говорят, что некоторых продуктов в обрез. Это значит, что если бы мы теперь их распределили между всем населением, если бы каждый крестьянин свез все продукты, если бы каждый свел свое потребление несколько ниже сытого, потому что полностью сытым всем быть нельзя, если бы каждый крестьянин добровольно согласился уменьшить свое потребление несколько ниже сытой нормы и все остальное полностью отдать государству, и если бы мы все это правильно распределили, — мы продержались бы при уменьшенном питании, но без голода. Но ясно, что если поставить такую задачу, выполнить ее при нашей разрухе, при нашем неумении, в обще-государственном масштабе,—это умение только теперь вырабатывается, его взять раньше неоткуда было, — понятно, что такая задача обычными путями неразрешима. Если продовольствия недостаточно, — это значит... что это значит? Это значит, что, если вы разрешите свободу торговли, при недостаточном количестве продуктов, от которых зависит жизнь или смерть населения, вы создадите беше-

ную спекуляцию, вы создадите то, что продукты вздуются до цены, которая называется монопольной или голодной ценой и что по этим бешеным ценам смогут удовлетворить себя небольшие верхушки, которые получают доход значительно выше среднего, а громадная масса останется при голоде. Вот, что значит положение, когда в стране продуктов недостаточно, когда страна находится в голоде. А с тех пор, как империалисты двинулись на Россию, она окружена. Они не могут открыто выступать со своими грабительскими планами, но это не есть конец их вмешательству, как справедливо указал товарищ Каменев. Мы представляем осажденную страну, крепость. В этой осажденной крепости нужда неминуема, и поэтому задача Комиссариата Продовольствия самая трудная из организационных задач какого бы то ни было комиссариата.

Нашим врагом является теперь, если говорить о внутреннем враге, не столько капиталист и помещик — это меньшинство эксплуататоров победить было легко и оно побеждено, — нашим врагом являются спекулянты и бюрократы;—спекулянты, которым по наклонности своей является всякий крестьянин, имеющий возможность нажиться и воспользоваться на отчаянной нужде и мучительном голоде в городах и отдельных деревнях. А вы прекрасно знаете, особенно товарищи из профессиональных союзов, что стремление — тенденция превратиться в спекулянтов, эту тенденцию приходится наблюдать и в фабрично-заводских центрах, когда продукта нет, когда его мало, и всякий, кому продукт попал в руки, старается окопаться и нажиться. Если допустить свободу торговли, цены вздуются сейчас до необъятных, недоступных для громадных масс населения размеров.

Вот, товарищи, каково положение, вот почему есть в неразвитых массах, в массах, которые слишком устали, изголодались и исстрадались, стремление или неоформленное чувство возмущения, негодования против товарищей, работающих в продовольственном деле. Все такие лица являются людьми, которые не умеют думать, которые не видят дальше своего носа, им кажется, что продукты может быть можно достать. Он слышал, что там то продукты есть, что там их достали, подсчитать же в целом, хватит ли для 10 миллионов, сколько требуется для этого, такой человек не может. Ему представляется, что ему мешают, что ему создают заторы товарищи продовольственники. Они не понимают того, что продовольственники поступают, как расчетливые, разумные хозяева, которые говорят: что если вы проявите самую большую строгость, величайшую организованность, тогда в лучшем случае, в лучшем случае вы продержитесь с нормой ниже сытого, но не доходящей до голода. Таково положение страны, в которой самые крупные центры, поставлявшие питание, отрезаны от нас — Сибирь, Донецкий район, — отрезано сейчас топливо, сырье,

весь хлеб и для людей и для промышленности и без которых страна принуждена переживать отчаянные муки.

Продовольственники поступают как разумные хозяева, которые говорят: надо держаться сплоченно, и только тогда мы сможем удержаться при систематических действиях против попытки действовать вразброд, при желании заплатить что угодно, ни с чем не считаясь, лишь бы быть сытым. Мы должны думать и действовать не каждый в одиночку и вразброд, ибо это есть гибель, мы должны бороться с этим стремлением, с этими привычками, которые в нас во всех, в миллионах трудящихся, оставило капиталистическое частное хозяйство, оставила система работы на рынок: — я продам, я выручу, чем больше выработаю я, тем меньше буду голодать и — тем больше будут голодать другие. Вот то проклятое наследие частной собственности, которое оставляло массы голодными даже тогда, когда продуктов в стране много, когда ничтожное меньшинство обогащалось и на богатстве и на нищете в то время, как народ бедствовал и погибал на войне. Вот, товарищи, положение, в котором находится наша продовольственная политика. Вот тот экономический закон, который говорит: при недостатке продуктов бешеная спекуляция порождается при всяком шаге в сторону так называемой свободной торговли. Вот почему все разговоры на эту тему, все попытки поддержать их представляют величайший вред, падение, шаг назад от того социалистического строительства, которое Компрод осуществляет с невероятной трудностью в борьбе с миллионами спекулянтов, которых нам оставил капитализм и старая мелкобуржуазная собственническая привычка: «каждый за себя, один бог за всех», и если мы с этим правилом не сладим, тогда мы социализм построить не сможем.

Только объединение, только самый тесный союз, который осуществляется повседневной жизнью в столь будничной работе, где его осуществить всего труднее: в вопросе дележа куска хлеба, когда его не достает, — только при этом действительно можно строить социализм. Мы знаем, что это осуществить нельзя в один год, что люди, которые настрадались от голода, проявляют величайшее нетерпение, требуют, чтобы мы хотя бы от времени до времени отступали от этой единственной продовольственной политики. И нам приходится отступать изредка, но в целом мы от своей политики не отойдем и не отступим.

Вот, товарищи, положение, при котором полгода тому назад, когда продовольственный кризис достиг высшей точки, когда у нас не было никаких запасов, когда чехо-словацкие успехи отнимали у нас большую часть Волги, нам пришлось пойти на полтора пуда [147]). Эта мера стоила большой борьбы, стоила резкой борьбы, — положение обеих сторон было очень плохо. Продовольственники говорят: да, положение худое, но нельзя, чтобы оно

было еще хуже. Если вы на неделю для немногих получите облегчение, то для миллионов вы положение ухудшаете. С другой стороны говорят: вы требуете от народа, истощенного и измученного голодом, идеальной организации, вы требуете невозможного, вы должны дать облегчение, хотя бы оно портило общую политику на время. Эта мера даст новый прилив бодрости, а это самое главное. Вот положение, которое мы переживали, когда мы выдвигали полуторапудничество. Вот положение общее, принципиальное, коренное, когда оно стало нетерпимым, мы должны были от него отойти, чтобы хоть временно помочь, чтобы спасти бодрость и силу духа. Это положение повторяется теперь, когда мы стоим на грани, когда мы пережили полгода более легких и начинается полугодие тяжелое. Чтобы показать наглядно, я вам скажу, что за первую половину 1918 года комиссариат продовольствия заготовил 28 миллионов пудов, а за второе полугодие 67.000.000 пуд., т.-е. в два с половиной раза больше. Вот положение, при котором вы ясно видите, что первое полугодие означает полугодие особенной острой тяжелой нужды, второе полугодие в связи с урожаем дает возможность подняться. Теперь в девятнадцатом году успех, который имели наши продовольственные организации, благодаря, главным образом, комитетам бедноты в деревнях и рабочей продовольственной инспекции в городах, успех громадный, который дал возможность в два с половиной раза увеличить заготовки. Но этот успех первого года нашей работы, когда нужно было строить новое здание, испытывать новые приемы, он на целый год не обеспечивал и не мог обеспечить, но он на полгода дал возможность передышки. Она приходит к концу, начинается второе полугодие самое трудное, самое тяжелое, нужно всячески все пускать в ход, чтобы помочь, чтобы дать рабочим возможность небольшой передышки, чтобы улучшить их положение всем, чем только можно. И понятно, что президиум Московского Совета с председателем Каменевым особенно энергично добивался того, чтобы мы внесли возможно большую ясность в политику, в разделение продуктов на монопольные и немонопольные, при котором нам можно было бы временно достигнуть возможных результатов, чтобы рабочие городов и неземледельческих местностей почувствовали хотя бы небольшое облегчение, чтобы почерпнуть новый прилив бодрости и энергии, которые особенно нужны теперь, когда мы стоим накануне тяжелого полугодия, но когда есть признаки, что в лагере империалистов ослабевают силы и атаки на нас.

Товарищ Каменев привел здесь, несомненно, не только признаки, но факты, которые доказывают, что несмотря на тяжелые испытания и поражения, которые мы понесли под Пермью,— Красная Армия строится на прочном фундаменте, что она может победить и что она победит. Но полугодие, в котором мы

находимся, является самым тяжелым. Поэтому с самого начала необходимо сделать что нужно и что возможно для того, чтобы облегчить положение, чтобы ясно провести нашу продовольственную политику, это является нашей насущнейшей задачей. Между нами коммунистами точно также была борьба из-за полуторапудничества, она иногда принимала резкие формы, она приводит не к ослаблению, а к тому, что мы еще больше и больше пересматриваем нашу политику с придирчивостью, с осторожностью и со взаимными нападками, но мы приходим к решению, которое быстро и дружно принимается и которое в этот трудный момент, как только мы подходим к новому трудному полугодию, требует от нас еще и еще раз сказать себе, почему создалось такое положение, которое заставляет еще и еще раз подтянуться, напрячь все усилия.

Мы пережили особенно трудный год и мы переживаем еще более трудное полугодие. Но каждое полугодие после немецкой революции, после начавшегося брожения в Англии и во Франции приближает нас вперед к победе не только русской, но и всемирной революции. Вот то положение, которое перед нами, и мы решили выдвинуть проект основного положения продовольственной политики, которое мы будем просить В.Ц.И.К. утвердить, чтобы оно немедленно было переработано в соответствующие декреты продовольственными работниками, а нам,—представителям центра, рабочим города и неземледельческих местностей, — они дали возможность удесятерить еще более свою энергию, ибо только в этой энергии залог того, что мы можем победить, что мы, делая временные уступки, необходимые при усталости и при голоде, мы основы своей продовольственной коммунистической политики отстоим и донесем их непоколебимыми до того времени, когда придет пора полной и всемирной победы коммунизма. Я прочту вам по пунктам то предложение, которое фракция коммунистов В.Ц.И.К. делает Всероссийскому Исполнительному Комитету:

«Объединенное заседание В.Ц.И.К., Всероссийского Съезда Проф. Союзов, Моск. Совета, представителей фабрично-заводских комитетов и Профессиональных Союзов города Москвы принимает нижеуказанные основные положения по продовольственному вопросу и поручает Наркомпроду выработать в самом срочном порядке декреты, руководствуясь этим положением.

1. Подтверждается правильность и незыблемость советской продовольственной политики, заключающейся в следующем:

а) учет и государственное распределение по классовому принципу;

б) монополия на основные продукты питания и

в) передача дела снабжения из частных рук в руки государства.

2. Без неуклонного проведения в жизнь уже декретированной государственной монополии на основные продукты питания (хлеб, сахар, чай, соль) и без массовой государственной заготовки по твердым ценам других важнейших продовольственных продуктов (мясо, морская рыба, коно-

пляное, подсолнечное и льняное масла и животные жиры, кроме коровьего масла, картофель), — при данных условиях немыслимо правильное снабжение населения продовольствием, при чем указанные массовые заготовки по твердым ценам являются лишь мерой подготовительной к введению и на эти продукты государственной монополии, осуществление которой является очередной задачей Компрода.

Заготовка и провоз всех перечисленных в этом пункте продовольственных продуктов, за исключением картофеля, никому, кроме государственных органов продовольствия, не разрешается. Право массовой заготовки картофеля по установленным твердым ценам предоставляется, наряду с государственными органами, также рабочим организациям и профессиональным и кооперативным объединениям.

Дальше пункт третий объясняет:

3. В качестве временной меры предоставляется рабочим организациям и кооперативным объединениям право заготовки всех неперечисленных в пункте 2-м продуктов.

4. Местные продовольственные органы принуждаются к содействию заготовляющим организациям в использовании этого права. Провоз и рыночная продажа этих продуктов объявляются совершенно свободными. Никакие заградительные отряды, кордоны и охраны и проч. не имеют права препятствовать свободному подвозу и свободной продаже на базарах, рынках, с возов и т. д. указанных продуктов.

Товарищи, Вас может удивит это слово, с точки зрения старых привычек, старой государственности, «принуждаются» к исполнению декрета. Вы может быть скажете, разве так плохо дело в советской республике, что к исполнению воли В.Ц.И.К. надо принуждать. Приходится, товарищи, принуждать и это лучше сказать прямо, чем прятать голову под крыло и воображать, что все обстоит благополучно. Пусть товарищи — представители В.Ц.И.К. и делегаты на Всероссийском Съезде Профессиональных Союзов припомнят хорошенько, что говорится между собой, насколько правильно проводится ими все то, что давным давно декретировано в области правильного учета продуктов и полной сдачи государству тех продуктов, которые нельзя оставить для товарообмена, а без товарообмена крестьяне говорят: нет, за керенки мы вам не дадим ничего. А вот, если вы это припомните в разговорах с глазу на глаз между собой и посмотрите, сколько у нас остается неиспользованным в области предписаний центральной власти, вы тогда скажете и согласитесь, что лучше сказать правду, что наши местные органы надо принуждать неуклонно и беспощадно. Именно здесь, где собрался В.Ц.И.К., как высший орган вместе с органами Всероссийского Съезда Профессиональных Союзов, которые собрали наиболее многочисленное представительство, — а теперь это наиболее важно, и эти наши более авторитетные товарищи, именно здесь, должны твердо сказать и понести па места, что местным органам надо привыкнуть к тому, что мы должны их принуждать, проводить центральную

политику последовательно. Это очень трудно и здесь естественно, что многие миллионы людей, которые привыкли видеть в центральной власти грабителей, помещиков, эксплуататоров, естественно, что у них доверия к центру быть не может, и это недоверие надо преодолеть и если этого не преодолеть, то нельзя построить социализма, ибо это есть построение централизованного хозяйства, хозяйства из центра, которое может быть проведено только пролетариатом, который в этом духе воспитан фабрикой и жизнью, только он в состоянии это сделать. Трудна борьба с мелко-местническими, собственническими привычками. Мы знаем, что нельзя этого сразу сделать, но мы никогда не устанем добиваться от представителей пролетариата, чтобы они эту истину повторяли и проводили в жизнь, ибо без этого построить социализма нельзя.

Товарищи, этот пункт особенно важен. Здесь товарищу Каменеву удалось дать многое, что нами естественно в нашей спешной работе не исполнялось, ибо нашему продовольственному и другим комиссариатам приходится нагромождать одни постановления на другие, благодаря чему местным органам очень трудно во всем этом разобраться. Нас обвиняют в спешности издания декретов, но что же нам делать, когда приходится спешить из-за наступающего империализма и когда спешить нас заставляет бич, сильнее которого нельзя себе представить, — это отсутствие хлеба и топлива. Тогда нам приходится пускать в ход все для выяснения задачи, для выяснения частных ошибок и поэтому так важно точное и ясное разграничение, которое теперь достигнуто этой борьбой. Чтобы достигнуть этого в гораздо больших размерах, мы должны теперь добиться, чтобы все местные органы не позволяли себе отсебятины, чтобы не смели ссылаться на то, что они вспомнили декрет вчерашнего дня и позабыли декрет нынешнего дня, чтобы они знали совершенно точно и ясно, какие продукты составляют из себя монополию государства, какие продукты составляют предмет свободного провоза и свободной продажи: это все, кроме точно перечисленного в первом и втором параграфах. Пусть это станет общим достоянием, пусть те, кто сейчас разъезжаются, несут это на места, пусть делают то, что возлагает на них их официальное положение, пусть захватят с собой соответствующие декреты, которые будут разработаны, чтобы на местах они неуклонно исполнялись и проводились, чтобы постановления центра действительно проводились, чтобы нерешительности, которая была прежде, больше не было. И дальше, последние слова четвертого параграфа говорят:

«Примечание. По отношению к яйцам и коровьему маслу это постановление распространяется лишь на те районы, где массовая заготовка яиц и коровьего масла Компродом не ведется».

Товарищи, я вам прочту вкратце и остальные параграфы декрета. Не имея возможности останавливаться подробно на них и не видя в этом надобности, так как после меня выступит еще несколько товарищей и в том числе и более компетентные, подчеркиваю только то, что считаю особенно нужным. Я вкратце прочту те основные положения, которые мы предлагаем принять В.Ц.И.К. и дать поручения Совнаркому и всем остальным властям Советской республики превратить их в декреты и осуществить безусловно и обязательно.

5. «В целях усиления заготовки и более успешного выполнения отдельных задач вводится применение принципа разверстки и заготовки немонополизированных продуктов и премиальная система для кооперативных и иных организаций, ведущих заготовки для государства, как монополизированных, так и немонополизированных продуктов.

Меры организационные в целях обновления продовольственных органов и усиления участия рабочих:

а) широкое использование рабочей продовольственной инспекции и распространение ее на контроль над соблюдением продорганами декретов 10/XII и над заготовкой немонополизированных продуктов;

б) скорейшее введение рабочей инспекции во все продовольственные органы на местах и распространение рабочей инспекции на отделы Компрода в целях решительной борьбы с бюрократизмом и канцелярской волокитой;

в) укрепление связи с рабочими организациями — профессиональными союзами и рабочей кооперацией — путем дальнейшего усиления местных органов, пользуясь для этого силами из среды деятелей указанных выше организаций;

г) введение института практикантов рабочих во всех центральных и местных органах и учреждениях для подготовки практических деятелей продовольственников из рабочей среды, могущих занять ответственные должности.

6. Использование полностью кооперативного аппарата в деле заготовки и распределения. Введение в состав кооперативных аппаратов ответственных представителей государственных органов снабжения для контроля и согласования деятельности кооперативных организаций с продовольственной политикой правительства».

Вот в этом, между прочим, одно из орудий борьбы с верхушечными элементами кооперативных организаций. Но величайшей ошибкой, величайшей гибелью для дела грозит, если вы всем кооперативным аппаратом будете пренебрегать, пренебрежительно, или якобы, горделиво отбрасывать в сторону, говоря: мы себе построим новый, нечего этим делом заниматься, этим могут заниматься только коммунисты. Необходимо воспользоваться готовым аппаратом,—нельзя построить социализма, не используя остатка капитализма. Необходимо использовать все то, что против нас создал капитализм в смысле культурных ценностей. В этом трудность социализма, что его нужно строить из материалов, созданных чужими людьми, но только в этом возможность

социализма и мы все знаем это теоретически, а с тех пор как пережит этот год, мы убедились практически, что построить социализм можно только из того, что создано капитализмом против нас и что мы должны употребить все это на постройку социализма, на укрепление его.

Следующий седьмой параграф гласит:

7. «Контроль над соблюдением правил перевозки продуктов и неуклонным проведением монополий возлагается на рабочих с помощью вооруженных отрядов, организуемых Компродом.

Все заградительные продовольственные отряды, кроме отрядов Компрода и Губпродкомов, немедленно снимаются. Отряды Компрода и Губпродкомов снимаются по мере образования на местах соответствующих органов рабочей инспекции».

Товарищи, мое время истекло и я позволю себе указать только на то, что здесь, в последних параграфах, мы видим главные основы того, что составляет дух нашей продовольственной и всей советской политики. Я уже указывал, что пришли трудные времена, началось полугодие, более тяжелое, кончилась передышка в продовольственном смысле и наступило самое тяжелое время. Всякий раз, когда перед советской властью в необыкновенно трудном деле строительства социализма встают трудности, советская власть знает только одно средство борьбы с ними: обращение к рабочим, каждый и каждый раз к более и более широким слоям рабочих. Я уже говорил, социализм может быть построен только тогда, когда в 10 и 100 раз более широкие массы, чем прежде, станут сами строить государство и строить новую хозяйственную жизнь. Наши продовольственники достигли того, что по их сведениям, теперь в уездных продовольственных комитетах — упродкомах уже не меньше трети сидит рабочих, главным образом рабочих Питера, Москвы, Иваново-Вознесенска — цвета нашей пролетарской армии. Это хорошо, но этого мало. Нужно, чтобы было две трети, — надо работать дальше и дальше. Вы знаете, что передовые слои рабочих уже взялись за дело государственного управления, за дело строительства новой жизни. Мы знаем, что надо спускаться ниже, глубже, смелее, брать новые и новые слои. Они еще не обучены, они неизбежно будут делать ошибки, но мы этого не боимся. Мы знаем, что каждая ошибка, которую сделают они в области государственного строительства, создаст нам молодые кадры работников, каждая ошибка вознаградит нас сторицей, даст нам десятки молодых более свежих сил *). Нам неоткуда больше брать сил. Мы должны идти только вперед, брать середь дня молодых рабочих, ставить представителей пролетариата на все более и более ответственные посты.

---

*) Так в стенограмме. *Ред.*

Теперешний продовольственный кризис объясняется наступлением более тяжелого полугодия. Он объясняется и положением транспорта. Я уже говорил, что во вторую половину 1918 г. у нас было заготовлено $67^1/_2$ миллионов пудов. Но из этих $67^1/_2$ миллионов пудов — 20 миллионов мы не могли вывезти. Последний отчаянный кризис в Питере объясняется тем, что наши запасы стоят на Волго-Бугульминской железной дороге и их оттуда невозможно вывезти. Положение транспорта отчаянное. Изношенность подвижного состава ужасная, потому, что ни одна страна не подвергалась такому испытанию, как Россия при той отсталости, которая существует в России и потому, что в железнодорожной организации мы таких сплоченных пролетарских масс не имеем. Мы хотели бы просить вас, товарищи, чтобы вы, пользуясь этим собранием, понесли в массы то сознание, что нам нужны новые и новые работники для продовольствия, транспорта, чтобы они из собственного опыта оказали нам помощь. Ставьте их на работу, присматривайтесь за новичками и они сделают гораздо больше, чем прежние организации. Все на продовольствие и на транспорт! Пусть организация, какого бы цеха она ни была, пусть она пересмотрит все свои силы и скажет, достаточно ли мы взяли людей, все ли мы сделали, чтобы отправить комиссаров, как мы отправляем их в армию. Рабочие изнемогают, полуголодные, недостаточно продовольствия. Нужно послать лучших работников туда, чтобы все были на ответственных постах военных, продовольственных и транспортных. Тут может действовать всякий, даже не специалист. В транспортном деле иногда нужна помощь партийного товарища, воздействие идейного пролетария, который прошел школу, который будет влиять на менее пролетарские слои железно-дорожных служащих посредством контроля и надзора. Товарищи, я повторяю еще раз этот лозунг: «Все на продовольствие и на транспорт»! Тут нужно сделать то, что мы сделали с армией, куда шли политические комиссары и где мы добились своего. Я уверен, что в этот момент на это тяжелое полугодие мы еще раз добьемся того, что мы победим голод и разруху!

«Известия В.Ц.И.К.» № 12 (564), 18 января 1919 г.

Печатается по подлиннику стенограммы.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ МОСКОВСКОЙ ОБЩЕГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 18 ЯНВАРЯ 1919 Г. [148]).

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

— Насколько можно было познакомиться по резолюциям,— говорит Ленин, — с двумя проектами, выдвинутыми в результате обсуждения вопроса о взаимоотношении центра и районов — первый об улучшении советской деятельности и второй о полной реорганизации советского механизма, — то второй проект, выраженный резолюцией группы товарищей, производит впечатление недоговоренности, так как никаких конкретных причин к изменению советского механизма, как предлагает эта резолюция, не [redacted]

Нашим врагом теперь является бюрократизм и спекуляция. Из за разрухи мы не видим улучшений, но разруху можно уничтожить только централизацией, при отказе от чисто местнических интересов, которые, как видно, и вызывали оппозицию против централизма, являющегося, однако, единственным исходом из нашего положения. Группа товарищей, предлагающая резолюцию, уходит от централизма в типу местничества.

Оказывается, районы недовольны тем, что некоторые постановления центральной Советской власти проводятся без обсуждения с районами; если это так, то районы имеют полное право созывать совещания, на которых могут быть обсуждены все волнующие их вопросы. Нас заедает бюрократизм, который преодолеть очень трудно. С ним надо усиленно бороться, надо ставить в учреждения побольше рабочих. Однако, когда борьба с бюрократизмом направляется не туда, куда надо, то положение становится очень опасным, например по отношению к специалистам. Наше положение плохо не потому, что у нас много специалистов, а потому, что у нас нет строгой централизации. Некоторые области советской работы страдают, наоборот, из за недостатка специалистов. Надо ставить в учреждения побольше рабочих-

середняков, которые, приучаясь около специалистов к работе, сумели бы их заменить и вести самостоятельно практическую работу. Таким образом, заканчивает Ленин, в тезисах, предлагаемых товарищем Игнатовым, как видно, не высказана суть того, чего хотят эти товарищи. Борьба направлена не туда, куда надо.

«Правда» № 19, 28 января 1919 г.

РЕЧЬ НА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ УЧИТЕЛЕЙ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ 18 ЯНВАРЯ 1919 Г.

Товарищи, позвольте мне приветствовать ваш Съезд от имени Совета Народных Комиссаров. Товарищи, теперь перед учительством встают особо важные задачи, и я надеюсь, что после пережитого года, после той борьбы, которая шла в среде учительства, между теми, кто с самого начала стал на сторону Советской власти, на сторону борьбы за социалистический переворот, и между той частью учительства, которая до сих пор оставалась на почве старых порядков, на почве старых предрассудков, что можно сохранить учебу на почве этих старых порядков, — я думаю, что теперь, после годовой борьбы, после того, что произошло в международных отношениях, — этой борьбе должен придти и приходит конец. Нельзя сомневаться в том, что громадное большинство учительского персонала, который стоит близко к рабочему классу и к трудящейся части крестьянства, что оно в громадном большинстве убедилось теперь, как глубоки корни социалистической революции, как неизбежно она распространяется на весь мир, и я думаю, что теперь громадное большинство учительства несомненно искренне встанет и будет становиться на сторону власти трудящихся и эксплуатируемых, в борьбе за социалистический переворот и в борьбе с той частью учительства, которая до сих пор, оставаясь на почве старых буржуазных предрассудков и старых порядков и лицемерий, воображала, что может что-нибудь сохранить от этих порядков.

Одним из таких буржуазных лицемерий является убеждение в том, что школа может быть вне политики. Вы прекрасно знаете, насколько лживо это убеждение. И буржуазия, выдвигающая такое положение сама, во главу угла школьного дела ставила свою буржуазную политику и старалась школьное дело свести к тому, чтобы натаскать для буржуазии покорных и расторопных прислужников, старалась снизу до верху даже всеобщее обучение свести к тому, чтобы натаскать для буржуазии покор-

ных и расторопных слуг, исполнителей воли и рабов капитала, никогда не заботясь о том, чтобы школу сделать орудием человеческой личности вне класса. И теперь ясно для всех, что это может сделать только школа социалистическая, стоящая в неразрывной связи со всеми трудящимися и эксплуатируемыми и стоящая не за страх, а за совесть на Советской платформе.

Конечно, дело перестройки школы—дело трудное. И, конечно, тут бывали и сейчас наблюдаются ошибки и попытки принцип связи школы с политикой перетолковать и извратить в грубый и уродливый смысл, когда пытаются внести эту политику в умы еще молодого подрастающего поколения, которому следует подготовиться. И несомненно, что с этим грубым применением основного принципа нам всегда придется бороться. Но сейчас главная задача той части учительства, которая встала на почву Интернационала, которая встала на почву Советской власти, заботиться о том, чтобы создать более широкий и по возможности всеобъемлющий учительский союз.

Для старого учительского союза, который отстаивал буржуазные предрассудки, который обнаружил непонимание и до последней степени отстаивал гораздо дольше даже, чем отстаивали такие же привилегии другие вершинные союзы *), которые образовались с самого начала революции 1917 года и с которыми мы боролись во всех областях жизни, — для этого союза почвы нет в вашем союзе, союзе интернационалистов. Я думаю, что ваш союз интернационалистов может вполне превратиться в единый школьный профессиональный союз учителей, стоящий, как и все профессиональные союзы, — это особенно ярко показывает II Всероссийский Съезд профессиональных союзов, — на платформе Советской власти. Задача перед учительством стоит необъятная. Здесь приходится бороться и с теми остатками расхлябанности и разъединенности, которые оставила нам прошлая революция.

Далее пропаганда и агитация. Сейчас естественно, что при том недоверии учительскому составу, которое оставила практика саботажа и предрассудки буржуазного состава учительства, которое привыкло думать, что настоящее образование могут получать только богатые и что для большинства трудящихся достаточна только подготовка хороших слуг и хороших рабочих, но не настоящего хозяина жизни, — оставалась раздробленность во всех областях пропаганды и просвещения. Это осуждает часть учителей на узкую сферу, на сферу якобы учебы и не давало нам возможности полностью создать единый аппарат, в который все силы науки войдут и будут работать вместе с нами. Нам удастся это сделать постольку, поскольку мы порвем со старыми буржуазными предрассудками и тут задача вашего союза — привлечь

*) Так в стенограмме. *Ред.*

самые широкие учительские массы в вашу семью, задача воспитать наиболее отсталые слои учительства, подчинить их общепролетарской политике, связать в общую организацию.

В деле профессионального объединения на плечах учительства лежит великая задача в том положении, которое создалось сейчас у нас, когда отчетливо выясняются все вопросы гражданской войны, и когда мелкобуржуазные демократические элементы силою вещей вынуждены переходить на сторону Советской власти, потому что они убедились, что всякий другой путь невольно толкает их на путь защиты белогвардейства международного империализма. Когда во всем мире ставится одна главная задача, дело ставится так, что либо крайняя реакция, либо военная диктатура и расстрелы, относительно которых мы имели наглядные известия из Берлина, либо эта бешеная реакция озверевших капиталистов, которые чувствуют, что эта четырехлетняя война им не может пройти безнаказанно, и поэтому они на все готовы, готовы еще заливать землю кровью трудящихся, либо полная победа трудящихся в социалистической революции. В тот момент, который мы переживаем, середины быть не может. И вот почему то учительство, которое с самого начала стало на позицию Интернационала, которое теперь ясно видит, что их противники в среде учителей другого лагеря никакой серьезной оппозиции оказать не могут, они должны встать на дорогу более широкой работы. Из вашего союза должен создаться теперь широкий, охватывающий огромные массы учителей, профессиональный союз учителей, союз, который встанет решительно на почву Советской платформы и борьбы за социализм путем диктатуры пролетариата.

Именно такова формула, которая принята заседающим теперь II Съездом профессиональных союзов. Он требует, чтобы все занятые в известной профессии, в известного рода деятельности, объединялись в один единый союз, но в то же время говорит, что профессиональное движение не может быть оторванным от основных задач борьбы за освобождение труда от капитала. И поэтому полноправным членом профессиональных союзов могут быть только те союзы, которые признают революционную классовую борьбу за социализм путем диктатуры пролетариата. Таков ваш союз. Если вы на эту позицию встанете, — вам обеспечен успех в деле привлечения громадной массы учительства и работы над тем, чтобы знания и науки перестали быть делом привилегированных, перестали быть материалом, который укрепляет позицию богатых и эксплуататоров, а превратились бы в орудие освобождения трудящихся и эксплуатируемых. На этом поприще позвольте пожелать вам, товарищи, всяческого успеха.

Впервые напечатано в 1926 г., в Собрании сочинений Н. Ленина, т. XX, ч. II.

Печатается по копии стенограммы.

РЕЧЬ ПО ПОВОДУ УБИЙСТВА РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ И КАРЛА ЛИБКНЕХТА 19 ЯНВАРЯ 1919 Г. [149]).

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Сегодня в Берлине буржуазия и социал-предатели ликуют, — им удалось убить К. Либкнехта и Р. Люксембург. Эберт и Шейдеман, в течение 4-х лет гнавшие рабочих на убой ради грабительских интересов, теперь взяли на себя роль палачей пролетарских вождей. На примере германской революции мы убеждаемся, что «демократия» есть только прикрытие буржуазного грабежа и самого дикого насилия.

Смерть палачам!

«Правда» № 14, 21 января 1919 г.

ДОКЛАД НА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ 20 ЯНВАРЯ 1919 Г. [150]).

Товарищи, я должен, прежде всего, извиниться, что, в силу маленького нездоровья, должен буду ограничиться сегодня лишь небольшим выступлением по тому вопросу, который поставлен сейчас перед вами. Это — вопрос о задачах профессиональных союзов.

Резолюция, которая вам предложена, предлагается Съезду Профессиональных Союзов от имени фракции коммунистов, где она подверглась всестороннему обсуждению. Так как резолюция теперь напечатана, то я предполагаю, что все присутствующие с ней знакомы, и позволю себе остановиться лишь на двух главных пунктах, которые на мой взгляд представляют из себя самые существенные пункты, затрагиваемые, вообще говоря, в этой резолюции.

Мне кажется, что первым из этих пунктов, характера, так сказать, отрицательного, является заявление по поводу флага единства или независимости профессионального движения, того флага, про который пункт 3 резолюции говорит, что на практике он привел группы, придерживающиеся этого лозунга, к открытой борьбе против Советской власти, и эта попытка поставила их, т.-е. эти группы, вне рядов рабочего класса.

Мне кажется, товарищи, что этот пресловутый лозунг независимости заслуживает внимания не только с профессиональной точки зрения. Я думаю, что вся борьба, которая теперь наполняет мир и явным образом заостряется с неслыханной быстротой на вопросе диктатуры пролетариата или диктатуры буржуазии, я думаю, что вся эта борьба может быть правильно понята, правильно учтена, может дать возможность рабочему классу, сознательным его представителям, правильно в этой борьбе участвовать, лишь при условии понимания того, каким самообманом для одних, обманом для других является этот лозунг независимости. Прежде всего, я хотел бы отметить, хотя

Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВТОРОЙ
Всероссийский С'езд
Профессиональных Союзов

16—25 января 1919 года.

Стенографический отчет.

Часть 1-я (Пленумы).

Государственное Издательство.
Москва.—1921 г.

Обложка книги: «Второй всероссийский съезд профессиональных союзов 16—25 января 1919 года. Стенографический отчет» — 1921 г.

Уменьшено

бы вкратце, насколько теоретически этот лозунг неправилен, насколько он теоретически не выдерживает и тени критики.

Товарищи, последнее событие в Германии, зверское, предательское убийство Либкнехта и Люксембург, представляет собой событие не только самое драматическое и трагическое в начинающейся немецкой революции, — оно, кроме того, проливает необыкновенно яркий свет на постановку вопросов современной борьбы в теперешних течениях различных политических взглядов и в теперешних теоретических построениях. Как раз из Германии мы больше всего слышали речей, хотя бы, например, о пресловутой демократии, о лозунгах демократии вообще, как и о лозунгах независимости рабочего класса от государственной власти. Эти лозунги, которые кажутся на первый взгляд, пожалуй, не связанными друг с другом, на самом деле тесно связаны. Они тесно связаны потому, что показывают, как до сих пор, несмотря на громадный опыт классовой борьбы пролетариата, сильны еще мелкобуржуазные предрассудки; как до сих пор классовая борьба сплошь да рядом признается, по немецкому выражению, только губами, не проходя действительно ни в голову, ни в сердце тех, кто о ней говорит. Каким образом, в самом деле, — если мы припомним хотя бы азбуку политической экономии, как ее усваивали из «Капитала» Маркса, того учения о классовой борьбе, на котором мы все стоим обеими ногами, — каким образом, при обострении борьбы в теперешнем размахе, теперешнем размере, когда ясно, что социалистическая революция встала в порядок дня во всем мире, когда это практически ясно из действий в самых демократических странах, — каким образом тут можно говорить о демократии вообще, или каким образом тут можно говорить о независимости. Кто думает таким образом, тот — если говорить по теории политической экономии — показывает, что он ни одной страницы не понимал в «Капитале» Маркса, которым у нас теперь клянутся без исключения все социалисты всех стран.

Но, на самом деле, клянясь этим произведением, они, однако, когда почти подошли к той главной борьбе, к которой вел «Капитал» Маркса, от этой классовой борьбы отступают и воображают, что может существовать внеклассовая или надклассовая демократия, что демократия в современном обществе, пока капиталисты остаются при собственности, может быть иная, не буржуазная демократия, т.-е. прикрытая фальшивыми, лживыми демократическими вывесками, буржуазная диктатура. Как раз из этой самой Германии недавно неслись к нам голоса о том, что вот там может быть, и даже наверное, диктатура пролетариата не выйдет из рамок демократии, что демократия останется осуществленной. Как раз там люди, претендовавшие на то, что они учителя марксизма, люди, бывшие идеологами

всего Второго Интернационала с 1889 по 1914 г.г. вроде Каутского, выступали со знаменем демократии, не понимая, что демократия, пока собственность остается у капиталистов, есть только насквозь лицемерное прикрытие диктатуры буржуазии, и что ни о каком серьезном решении вопроса об освобождении труда из-под ига капитала не может быть и речи, если это лицемерное прикрытие не будет сорвано, если мы не поставим вопроса так, как его всегда учил ставить Маркс и как его учила ставить повседневная борьба пролетариата, и как учила ставить каждая стачка, каждое обострение профессиональной борьбы. Поставить вопрос так, что, пока собственность остается за капиталистами, всякая демократия будет только лицемерно прикрытой буржуазной диктатурой. Всякие речи о всеобщем голосовании, о всенародной воле, о равенстве голосующих будут сплошным обманом, ибо не может быть равенства между эксплуататором и эксплуатируемым, между владельцем капитала и собственности и современным наемным рабом.

Конечно, буржуазная демократия есть исторически громадный прогресс по сравнению с царизмом, самодержавием, монархией и всякими остатками феодализма. Конечно, мы должны будем ее использовать и тогда будем ставить вопрос так, что, пока на очереди не стоит борьба рабочего класса за всю власть, использование форм буржуазной демократии для нас обязательно. Но дело в том, что мы к этому решительному моменту борьбы как раз пришли в международном масштабе. Именно теперь вопрос стал так: удержат ли капиталисты власть над средствами производства и, прежде всего, — собственность на орудия производства. А это значит, что они готовят новые войны. Война империалистская показала нам с полной очевидностью, как капиталистическая собственность связана с этой бойней народов и привела к ней неудержимо и неуклонно. Но тогда всякие речи о демократии в смысле выражения общенародной воли наглядно для всех оказываются обманом, оказываются только привилегией капиталистов и богачей одурманивать наиболее отсталые слои трудящихся и своей печатью, которая остается у собственников, и всеми прочими средствами политического воздействия.

Вопрос стоит так и только так. Либо диктатура буржуазии, прикрытая учредилками, всякого рода голосованиями, демократией и т. п. буржуазным обманом, которым ослепляют дураков и которым могут теперь козырять и щеголять только люди, насквозь и по всей линии ставшие ренегатами марксизма и ренегатами социализма, — либо диктатура пролетариата для того, чтобы железной рукой подавить буржуазию, натравливающую самые несознательные элементы на лучших вождей всемирного пролетариата. Либо победа пролетариата для подавления буржуазии, которая тем более бешено сейчас организует самое отчаян-

ное сопротивление пролетариату, чем яснее она увидела, что этот вопрос поставлен массами. Ибо до сих пор, в громадном большинстве случаев, она считала недовольство и возмущение рабочих временным выражением их недовольства. До сих пор английские, например, капиталисты, самые может быть опытные в деле политического обмана рабочих, самые политически воспитанные, организованные, они и до сих пор, сплошь и рядом, так и рассматривают дело, что война, конечно, привела к недовольству и это неизбежно порождает и породит рабочие волнения, но чтобы вопрос состоял теперь в том, кто же будет во главе государства, в чьих руках будет государственная власть и останется ли собственность у господ капиталистов, — этого они еще не высказали. А, между тем, события показали, что именно этот вопрос был несомненно поставлен в порядок дня не только в России, но и в целом ряде западно-европейских стран, и даже не только участвовавших в войне, а и таких нейтральных, которые сравнительно меньше пострадали, вроде Швейцарии и Голландии.

Буржуазия больше всего воспитывалась и воспитывала массы в духе буржуазного парламентаризма, а в них назревало, что стало с очевидностью ясно, советское движение, движение за советскую власть. Советское движение перестало быть русской формой власти пролетариата, оно стало позицией международного пролетариата в его борьбе за власть, оно стало вторым шагом ко всемирному развитию социалистической революции. Первым шагом была Парижская Коммуна, которая показала, что к социализму рабочий класс придет не иначе, как через диктатуру, через насильственное подавление эксплуататоров. Это первое, что показала Парижская Коммуна, что рабочий класс не сможет идти к социализму через старое буржуазно-демократическое парламентарное государство, а лишь через государство нового типа, которое и парламентаризм и чиновничество разбивает снизу доверху.

Вторым шагом, с точки зрения всемирного развития социалистической революции, явилась советская власть. И если ее сначала считали, а ее можно было и даже должно было считать, если не сходить с почвы фактов, явлением только русским, то теперь события показали, что это не только русское явление, что это международная форма борьбы пролетариата, что войны, которые по новому перетасовали пролетарские и полупролетарские массы, дали им новую организацию, воочию противопоставленную грабительскому империализму, противопоставленную классу капиталистов с его неслыханными, небывалыми до войны прибылями, повсюду создали эти новые массовые организации борьбы, организации пролетариата для свержения власти буржуазии.

Не все сознавали это значение Советов, когда Советы возникли. Не все и сейчас это значение сознают. Но нам-то, которые пережили зачатки этих Советов в 1905 году, нам-то, которые пережили после Февральской революции 1917 года долгую полосу колебания и качания между советской организацией масс и мелкобуржуазной, соглашательской, предательской идеологией, — нам-то теперь картина яснее ясного. Она лежит перед нами, как на ладони, и мы, с точки зрения этой картины, с точки зрения того, как развертывалась и развертывается с каждым днем все шире и глубже борьба пролетариата за власть в государстве против капиталистической собственности, подходим к разрешению вопроса. С этой точки зрения, чего стоят все указания о демократии и все фразы о «независимости» и тому подобные речи, постоянно сбивающиеся на какую-то позицию внеклассовую, забывающую, что в капиталистическом обществе господствует буржуазия, что капиталистическое общество рождается именно из власти буржуазии и в политической и в экономической сфере. Именно власть пролетариата, но ничего среднего, во сколько-нибудь серьезных вопросах, на сколько-нибудь продолжительное время быть не может. А кто говорит о независимости, кто говорит о демократии вообще, тот сознательно или несознательно предполагает что-то среднее, что-то межклассовое, что-то надклассовое. И во всех случаях это есть самообман, это есть обман, это есть прикрытие того, что пока власть капиталистов остается, до тех пор, пока у капиталистов остается собственность на орудия производства, — до тех пор демократия может быть менее широка, может быть более широка, цивилизована и т. п., а на деле останется буржуазная диктатура, и тем яснее, тем очевиднее из каждого крупного противоречия ключом бьет гражданская война.

Чем ближе к демократии политические формы Франции, тем скорее там из такого дела, как дело Дрейфуса, вытекала гражданская война. Чем шире демократия в Америке, с пролетариатом, интернационалистами и даже с простыми пацифистами, тем скорее вытекают случаи линчевания и вспышки гражданской войны. Значение этого тем яснее нам теперь, когда первая неделя буржуазной свободы, демократии в Германии привела к самой бешеной, гораздо более острой, чем у нас, гораздо более отчаянной схватке гражданской войны. И кто судит об этих вспышках с точки зрения того, установлен ли суд тех или других партий; кто судит с точки зрения простого убийства Либкнехта и Люксембург, те вооружаются слепотой и трусостью мысли, не желая понять того, что перед нами тут есть вспышки неудержимой гражданской войны, которая из всех противоречий капитализма вытекает неудержимо. Средины нет и быть не может. Всякие речи о независимости или демократии вообще, какими бы соусами их ни облекали, есть величайший обман, величайшее пре-

дательство социализма. И если теоретическая пропаганда большевиков, которые теперь являются фактическими основателями Интернационала, если теоретическая проповедь большевиков о гражданской войне не далеко хватила и сплошь и рядом останавливалась перед цензурными рогатками и военными заградительными мерами империалистских государств, то уже не проповедь, не теория, а факты гражданской войны становятся тем более бешеными, чем более стара, чем более продолжительна демократия западно-европейских государств. Эти факты пробьют самые отсталые, самые тупые черепа. Теперь о лучших людях, которые толкуют о демократии вообще, о независимости, об этих людях можно говорить, как об ископаемых.

И, тем не менее, считаясь с теми тяжелыми условиями борьбы, из которых профессиональное движение России недавно только родилось и выросло, а теперь выросло уже почти окончательно, приходится мимоходом бросить взгляд назад, вспомнить про вчерашний день. На мой взгляд такие воспоминания, упоминания необходимы тем более, что профессиональному движению, именно, как профессиональному движению, приходится в эпоху начавшейся всемирной социалистической революции переживать излом особенно крутой.

В профессиональном движении особенно широко пытались ловить рыбу в мутной воде идеологи буржуазии. Они старались экономическую борьбу, являвшуюся основой профессионального движения, сделать независимой от политической борьбы. Между тем, профессиональным союзам, как самой широкой организации пролетариата в классовом масштабе, как раз теперь, на деле, особенно после политического переворота, передавшего власть пролетариату, как раз в такой момент приходится играть особенно большую роль, приходится занимать самое центральное положение в политике, приходится становиться, в известном смысле слова, главным политическим органом, ибо все старые понятия, старые категории этой политики опровергнуты и перевернуты на голову политическим переворотом, отдавшим власть в руки пролетариата. Старое государство, как его строили, хотя бы наилучшие и наидемократические из буржуазных республик, повторяю, никогда не было и быть не может ничем другим, как диктатурой буржуазии, т.-е. тех, у кого в руках фабрики, орудия производства, земли, железные дороги, одним словом, все материальные средства, все орудия труда, без обладания которых труд остается в рабстве.

Именно поэтому, когда политическая власть перешла в руки пролетариата, профессиональным союзам приходилось выступать все более в роли строителей политики рабочего класса, в роли людей, организация класса которых должна заменить прежний эксплуататорский класс, опрокинуть все старые традиции и предрассудки старой науки, которая устами одного из ученых говорила

пролетариату: «ведайте своей экономикой, а политикой будет ведать партия буржуазных элементов» [151]). Вся эта проповедь оказалась прямым орудием в руках класса эксплуататоров и их палачей для того, чтобы подавлять пролетариат, переходящий повсюду к восстаниям и борьбе.

И здесь, товарищи, профессиональным союзам в их работе государственного строительства приходится ставить совершенно новый вопрос — вопрос об огосударствлении профессиональных союзов, как назван этот вопрос в резолюции, предложенной фракцией коммунистов. Здесь профессиональным союзам больше всего приходится продумать одно из самых глубоких и знаменитых изречений основателей современного коммунизма: «чем шире и чем глубже происходящий в обществе переворот, тем многочисленнее должно быть число людей, которые этот переворот совершают, которые являются творцами этого переворота в подлинном смысле слова» [152]). Возьмите старое крепостническое дворянское общество. Там перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой. Возьмите буржуазное общество, которое хвалится своим всеобщим голосованием. А, на самом деле, как мы знаем, это всеобщее голосование, весь этот аппарат превращается в обман, ибо громадное большинство трудящихся забито и задавлено даже в самых передовых, культурных и демократических странах — задавлено капиталистической каторгой, так что фактически в политике не участвует и участвовать не может. И теперь впервые наступает в истории человечества переворот, который может привести к полной победе социализма, — и это лишь при условии, что новые громадные массы возьмутся за дело управления самостоятельно. Переворот социалистический означает не перемену форм государства, не замену монархии республикой, не новое голосование людей, которое предполагает совершенно «равных» людей, и которое на деле является искусственным завершением и прикрытием того, что один есть собственник, а другой — неимущий. С точки зрения людей буржуазного общества, — раз есть «демократия» и раз капиталист и пролетарий участвуют в этом голосовании, — это есть «воля народа», это есть «равенство», это есть выражение его желания. Мы знаем, каким гнусным обманом являются эти речи, прикрывающие только палачей и убийц, вроде Эберта и Шейдемана. В буржуазном обществе массой трудящихся управляла буржуазия, при помощи тех или иных форм, более или менее демократических, управляло меньшинство, имущие, участвующие в капиталистической собственности, превратившие образование и науку, высший оплот и высший цвет капиталистической цивилизации, в орудия эксплуатации, в монополию, для того, чтобы громадное большинство людей держать в рабстве. Переворот, который мы начали, который мы уже

два года совершаем и который мы твердо решились довести до конца, — возможен и осуществим лишь при условии, что мы достигнем перехода власти к новому классу, что на месте буржуазии, капиталистических рабовладельцев, буржуазных интеллигентов, представителей всех имущих, всех собственников, — во всей области управления, во все дело государственного строительства, во все дело руководства новой жизнью — с низов до верхов вступит новый класс.

Вот задача, которая стоит теперь перед нами. Лишь только тогда, когда этот новый класс воспитается не из книжек, не из митингов, не из речей,—а из практики своего управления, лишь тогда, когда он привлечет к этому самые широкие массы трудящихся, лишь тогда, когда он выработает такие формы, которые дадут всем трудящимся возможность легко приспособиться к делу управления государством и создания государственного распорядка, социалистический переворот может быть прочен, и лишь при этом условии он не может не быть прочным. При наличии этого условия, он будет представлять такую силу, которая отбросит назад капитализм и все его пережитки, как соломинку, как прах.

Вот задача, которая, с точки зрения классовой, говоря вообще, стоит перед нами, как условие победоносного социалистического переворота, та задача, которая так близко и непосредственно смыкается с задачей тех организаций, которые стремились даже в рамках капиталистического общества к самой широкой массовой борьбе за его уничтожение. Но из тогдашних организаций профессиональные союзы были самыми широкими организациями, которые сейчас, оставаясь формально самостоятельными организациями, могут и должны, как выражается одно из положений предлагаемой вам резолюции, «принимать энергичное участие в работе Советской власти путем непосредственной работы во всех государственных органах, организации массового контроля над их действиями и т. п., создания новых органов учета, контроля и регулирования всего производства и распределения, которые покоятся на организованной самодеятельности самих заинтересованных широких трудящихся масс».

В капиталистическом обществе в лучших случаях, в самых передовых странах, после десятилетий, иногда даже после столетий развития цивилизации и культуры у буржуазной демократии никогда не случалось, чтобы профессиональные союзы охватывали больше, чем одну пятую часть наемных работников. Небольшая верхушка участвовала в них, и из этой верхушки лишь ничтожная часть подманивалась, подкупалась капиталистами, чтобы в качестве вождей рабочих занимать места в капиталистическом обществе. Американские социалисты называли этих людей «рабочими лейтенантами» класса капиталистов. Они в стране самой свободной буржуазной культуры, самой демократической

буржуазной республики, лучше всего видели эту роль ничтожных верхушек пролетариата, которые фактически поступали на службу буржуазии, на ее смену, ею были подкупаемы и покупаемы и создали те кадры социал-патриотов и оборонцев, героями которых останутся навсегда Эберт и Шейдеман.

У нас, товарищи, теперь иное положение. Профессиональные союзы могут начать государственное экономическое строительство по-новому, опираясь на все созданное капиталистической культурой, опираясь на то, что создало капиталистическое производство, строя социализм, именно из этой материальной базы, из того крупного производства, иго которого ложилось на нас, которое создано против нас, которое делалось для бесконечного угнетения рабочих масс, но которое их объединяло, сплачивало и тем самым создало авангард нового общества. И этот авангард начал после Октябрьской революции, после перехода власти к пролетариату, браться за свое настоящее дело,— воспитание трудящейся эксплуатируемой массы, привлечения ее к управлению государством, к управлению производством без чиновников, без буржуазии, без капиталистов. Вот почему резолюция, которая вам предлагается, отвергает всякий буржуазный план и все эти предательские речи. Вот почему она говорит, что неизбежно огосударствление профессиональных союзов. Вместе с тем, она делает шаг вперед. Мы уже не теоретически только ставим теперь вопрос об этом огосударствлении профессиональных союзов. Мы, слава богу, ушли от той стадии, когда занимались постановкой этих вопросов на теоретическую дискуссию и только. Мы даже успели, может быть, иногда позабыть про те времена, когда мы занимались такими свободными дискуссиями на чисто-теоретическую тему. Эти времена давно похоронены, и эти вопросы мы ставим теперь на основании годичного опыта профессиональных союзов, которые в своей роли организаторов производства создали такие организации, как Высший Совет Народного Хозяйства, которые в этом неимоверно трудном деле наделали массу ошибок и делают их, само собою разумеется, постоянно, не обращая внимания на злобное хихиканье буржуазии, которая говорит: ну, вот, взялись пролетарии строить, ну, вот, и наделали ошибок.

Буржуазия воображает, что, когда она перенимала дело из рук царя и дворянчиков, она ошибок не делала. Она воображает, что реформа 1861 года, чинившая крепостническое здание, оставляя массу доходов и власть в руках крепостников, что эта реформа прошла гладко, что у них не было на десятки лет в России хаоса. Нет ни одной страны, где бы господа дворяне не насмехались над выскочками буржуазии и разночинцами, которые брались за задачу управления государством.

Само собою понятно, что теперь весь цвет или, лучше сказать, пустоцвет буржуазной интеллигенции тоже издевается над

каждой ошибкой, которую делает новая власть, особенно когда новому классу пришлось, в силу бешеного сопротивления эксплуататоров, в силу похода всемирного союза эксплуататоров на одну из самых слабых и наименее подготовленных стран, как Россию,— когда союзу трудящихся пришлось делать свой переворот с бешеной быстротой, в условиях, когда приходилось думать не столько о гладком течении этого переворота, сколько о том, чтобы удалось удержаться до тех пор, пока начнет пробуждаться западноевропейский пролетариат. Эту задачу мы решили. В этом отношении, товарищи, мы можем сказать уже сейчас, что мы во много раз более счастливы, чем деятели Французской революции, которая была побита союзом монархических и отсталых стран, которая в лице власти низших слоев тогдашней буржуазии продержалась год, которая не вызвала сразу однородного движения и в других странах и которая, тем не менее, для буржуазии, для буржуазной бюрократии сделала столько, что все развитие всего цивилизованного человечества во всем XIX веке — все исходит от Великой Французской революции, все ей обязано.

Мы гораздо счастливее. То, что сделали тогдашние деятели в год для развития буржуазной бюрократии, то мы в такой же срок за этот минувший год сделали в гораздо большем размере для нового пролетарского режима, сделали так, что уже сейчас движение в России, начавшееся не в силу наших заслуг, а в силу особого стечения обстоятельств и особых условий, ставящих Россию между двумя империалистскими гигантами современного культурного мира, — это движение и победа Советской власти за нынешний год достигли того, что самое движение стало международным, что основан Коммунистический Интернационал, достигли того, что лозунги и идеалы старой буржуазной демократии разбиты, и теперь нет ни одного сознательного политика во всем мире, какой бы партии он ни был, который мог бы не видеть, что международная социалистическая революция началась, что она происходит.

Товарищи, я немного отвлекся в сторону, подойдя к теме о том, как, ушедши далеко от теоретической постановки вопроса, мы подошли к практическому его разрешению. У нас есть годовой опыт, который дал нам уже сейчас неизмеримо больше успехов в деле победы пролетариата и его революции, чем в конце позапрошлого века год диктатуры буржуазной демократии дал для победы этой буржуазной демократии во всем мире. Но за этот год мы, кроме этого, приобрели громадный практический опыт, который нам позволяет, если не учитывать с точностью каждый наш шаг, то, по крайней мере, наметить темп развития, быстроту его, видеть практические трудности, видеть практические шаги, которые от одной частичной победы в деле свержения буржуазии поведут к другой.

Возвращаясь назад, мы видим, какие ошибки нам надо испра-

вить, ясно видим то, что нам надо строить и как надо строить дальше. Вот почему наша резолюция не ограничивается провозглашением огосударствления профессиональных союзов, принципиальным провозглашением диктатуры пролетариата, необходимостью того, что мы идем, как говорит одно из мест резолюции: «неизбежно к слиянию организаций профессиональных с органами государственной власти» — это мы знаем и теоретически это мы наметили и перед Октябрем, это надо было наметить и раньше. Но этого мало. Для партии, которая подошла целиком к практическому строительству социализма, для профессиональных союзов, которые уже выделили органы управления промышленностью в общероссийском и общегосударственном масштабе, которые уже создали Высший Совет Народного Хозяйства, которые тысячами ошибок приобрели тысячи элементов своего собственного организационного опыта, гвоздь вопроса заключается не в том, в чем прежде.

Теперь уже нам недостаточно ограничиться провозглашением диктатуры пролетариата. Неизбежно огосударствление профессиональных союзов, неизбежно слияние их с органами государственной власти, неизбежен всецело переход в их руки дела строительства крупного производства. Но этого всего недостаточно.

Нам надо также учесть наш практический опыт, чтобы учесть ближайший, настоящий момент. В этом сейчас для нас гвоздь задачи. И вот к этому моменту резолюция подходит, когда она говорит, что, если бы сейчас профессиональные союзы попробовали самочинно взять на себя функции государственной власти, из этого вышла бы только каша. Мы достаточно от этой каши пострадали. Мы много боролись с теми остатками проклятого буржуазного строя, с мелкособственническими, не то анархистскими, не то эгоистическими, стремлениями, которые засели глубоко и в рабочих.

Рабочий никогда не был отделен от старого общества китайской стеной. И у него сохранилось много традиционной психологии капиталистического общества. Рабочие строят новое общество, не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоят по колени еще в этой грязи. Приходится только мечтать о том, чтобы очиститься от этой грязи. Было бы глубочайшей утопией думать, что это можно сделать немедленно. Это было бы утопией, которая на практике только отодвинула бы царство социализма на небеса.

Нет, мы беремся за устройство социализма не так. Мы беремся, стоя на почве капиталистического общества, борясь со всеми теми слабостями, недостатками, которые имеются и у трудящихся, которые тянут пролетариат книзу. В этой борьбе много сепаратистских старых мелкособственнических привычек и навыков и еще имеет место старый лозунг: «каждый за себя,

один бог за всех». Этого было слишком достаточно в каждом профессиональном союзе, на каждой фабрике, которая думала сплошь да рядом только о себе, а об остальном — пусть позаботится господь бог да начальство. Это мы испытали, это мы видели на своем горбе, это нам стоило стольких ошибок, стольких тяжелых ошибок, что этот опыт мы теперь учитываем и говорим товарищам: мы вас предостерегаем от всех самочинных действий в этой области самым решительным образом. И мы говорим: это будет не строительство социализма, это будет то, что мы все поддадимся слабостям капитализма.

Мы научились теперь учитывать всю трудность задачи, стоящей перед нами. Мы в центре работы по строительству социализма, и с точки зрения этой сердцевины работы говорим против всяких самочинных действий в этой области. Против этих самочинных действий сознательные рабочие должны быть предостерегаемы. Надо сказать: сейчас, одним махом, профессиональные союзы сливать с органами государственной власти мы не можем. Это будет ошибкой. Задача ставится не так.

Мы знаем теперь, что пролетариат выдвинул несколько тысяч, может быть, несколько десятков тысяч пролетариев на дело управления государством. Мы знаем, что новый класс — пролетариат — теперь имеет своих представителей в каждой отрасли государственного управления, и в каждом клочке социализированного или социализирующегося предприятия или в области хозяйства. Это пролетариат знает. Он взялся за дело практически и видит теперь, что нужно дальше продолжать по этому же пути, нужно сделать еще немало шагов, прежде чем можно будет сказать: профессиональные объединения трудящихся окончательно слились со всем государственным аппаратом. Это будет тогда, когда органы насилия одного класса над другим рабочие окончательно приберут в свои руки. И это будет, мы это знаем.

Мы хотим теперь сосредоточить все ваше внимание на ближайшем практическом деле. Необходимо еще и еще расширять участие самих трудящихся в управлении хозяйством и строительстве нового производства. Если мы этой задачи не решим, если мы не превратим профессиональные союзы в органы воспитания вдесятеро более широких масс, чем теперь, для непосредственного участия в управлении государством, — тогда мы дело коммунистического строительства не доведем до конца. Это мы ясно видим. Это в нашей резолюции сказано, и на это самое последнее я бы хотел обратить больше всего ваше внимание.

Профессиональные союзы с величайшим переворотом, который наступил в истории, когда пролетариат взял в свои руки государственную власть, испытывают величайший перелом во всей деятельности. Они становятся главным созидателем нового общества, потому что созидателями этого общества могут быть

только многомиллионные массы. Как сотни были этими созидателями в эпоху крепостного права, как тысячи и десятки тысяч строили государство в эпоху капитализма, так теперь социалистический переворот может быть сделан только при активном непосредственном практическом участии в управлении государством десятков миллионов. Мы к этому пошли, но мы до этого еще не дошли.

Профессиональные союзы должны знать, что рядом с теми задачами, которые частью ставятся, а частью отпали, которые, во всяком случае, если бы даже они остались, не могут не остаться для нас мелкими. Рядом с этими задачами учета, нормирования, объединения организаций, ставится более высокая и важная задача: научить массу управлению, не книжному, не лекциями, не митингами, научить опытом, сделать так, чтобы на место того передового слоя, который пролетариат дал из своей среды, который он поставил командовать, организовывать, входило все больше и больше в эти ведомства, все новые и новые слои рабочих, чтобы на место этого нового слоя пришло десять таких же. Эта задача кажется необъятной и трудной. Но, если мы подумаем, как быстро опыт революции дал возможность выполнить самые необъятные задания, поставленные с Октября, как потянулись к знанию те слои трудящихся, которым эти знания были недоступны и не нужны, если мы об этом подумаем, — эта задача перестанет нам казаться необъятной.

Мы увидим, что мы можем эту задачу разрешить, научить неизмеримо большие массы трудящихся такому делу, как управление государством и управление промышленностью, развить практическую работу, разрушить то, что в течение веков и десятилетий вкоренялось в рабочие массы, — тот вредный предрассудок, что дело управления государством — есть дело привилегированных, что это есть особое искусство. Это неправда. Мы будем неизбежно делать ошибки, но на каждой ошибке теперь будут учиться не группы студентов, теоретически изучающих какой-нибудь курс государственного управления, а миллионы трудящихся, которые на себе будут чувствовать последствия каждой ошибки, сами будут видеть, что перед ними стоят неотложные задачи учета и распределения продуктов, поднятия производительности труда, и которые на опыте видят, что власть в их руках, что никто им не поможет, если они не помогут себе сами, — вот та новая психология, которая в рабочем классе создается, вот та новая задача колоссальной исторической важности, которая стоит перед пролетариатом, которая больше всего должна внедриться в сознание профессиональных союзов и деятелей профессионального движения. Они не только профессиональные. Теперь они профессиональные союзы постольку, поскольку они объединены в единственно возможных рамках, связанных со старым капита-

лизмом, и объединяют наибольшее число трудящихся. А задача их — двинуть эти миллионы и десятки миллионов трудящихся от одной деятельности, более простой, к более высокой, никогда не уставая вычерпывать новые слои из резерва трудящихся и никогда не уставая двигать их до самых трудных задач; воспитывать, таким образом, более и более широкую массу управлению государством; сливаться с той борьбой пролетариата, который взял в руки диктатуру и перед всем миром держит ее теперь, каждодневно привлекая во всех странах отряд за отрядом промышленных рабочих и социалистов, вчера еще терпевших указания социал-предателей и социал-оборонцев, ныне подходящих все больше и больше к знамени коммунизма и Коммунистического Интернационала.

Держать это знамя и, вместе с тем, неуклонно расширять ряды строителей социализма, помнить, что задачи профессиональных союзов — быть строителями новой жизни, быть воспитателями новых миллионов и десятков миллионов, которые бы на своем опыте учились не делать ошибок, отбрасывать старые предрассудки, учиться на своем опыте управлять государством и управлять производством, — только в этом безошибочная гарантия, что дело социализма победит полностью, исключая всякие возможности возврата назад.

Напечатано в 1921 г. в книге: «Второй Всероссийский Съезд Профессиональных Союзов. Стенографический отчет». Москва. Гиз.

Печатается по тексту книги.

ПИСЬМО К РАБОЧИМ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ.

Товарищи! В конце своего письма к американским рабочим, от 20 августа 1918 г. *), я писал, что мы находимся в осажденной крепости, пока другие армии международной социалистической революции не пришли нам на помощь. Рабочие разрывают со своими социал-предателями, Гомперсами и Реннерами, добавлял я. Рабочие приближаются медленно, но неуклонно, к коммунистической и большевистской тактике.

С тех пор, как написаны эти слова, прошло менее 5 месяцев, и приходится сказать, что назревание всемирной пролетарской революции в связи с переходом рабочих разных стран к коммунизму и большевизму шло за это время чрезвычайно быстро.

Тогда, 20 августа 1918 г., только наша, большевистская, партия порвала решительно со старым, II Интернационалом 1889—1914 годов, который так позорно обанкротился во время империалистской войны 1914—18 годов. Только наша партия перешла вполне на новый путь, от опозорившего себя союзом с грабительской буржуазией социализма и социал-демократизма к коммунизму, от мелкобуржуазного реформизма и оппортунизма, которые насквозь пронизывали и пронизывают официальную социал-демократию и социалистические партии, к действительно пролетарской революционной тактике.

Теперь, 12 января 1919 года, мы видим уже целый ряд коммунистических пролетарских партий, не только в пределах бывшей империи царя, например, в Латвии, Финляндии, Польше, но и в Западной Европе, в Австрии, Венгрии, Голландии, наконец, в Германии. Когда германский «Союз Спартака» с такими всемирно известными и всемирно знаменитыми вождями, с такими верными сторонниками рабочего класса, как Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин, Франц Меринг, порвал окончательно свою связь с социалистами вроде Шейдемана и Зюдекума, с этими социал-

*) См. настоящий том, стр. 176—189. *Ред.*

шовинистами (социалистами на словах, шовинистами на деле), навсегда опозорившими себя союзом с грабительской, империалистской буржуазией Германии и с Вильгельмом II, когда «Союз Спартака»[153]) назвал себя «коммунистической партией Германии», — тогда *основание* действительно пролетарского, действительно интернационалистского, действительно революционного III Интернационала, *коммунистического Интернационала*, стало *фактом*. Формально это основание еще не закреплено, но фактически III Интернационал теперь уже существует.

Теперь уже все сознательные рабочие, все искренние социалисты не могут не видеть, какое подлое предательство социализма совершили те, кто, подобно меньшевикам и «социалистам-революционерам» в России, подобно Шейдеманам и Зюдекумам в Германии, подобно Ренnetworks Реноделям и Вандервельдам во Франции, Хендерсонам и Уэббам в Англии, Гомперсам и К° в Америке, поддерживали «свою» буржуазию в войне 1914—1918 годов.

Эта война вполне разоблачила себя, как империалистская, реакционная, грабительская война и со стороны Германии и со стороны капиталистов Англии, Франции, Италии, Америки, которые теперь начинают ссориться из-за дележа награбленной добычи, из-за дележа Турции, России, африканских и полинезийских колоний, Балкан и т. п. Лицемерные фразы Вильсона и «вильсонистов» о «демократии» и «союзе народов» разоблачаются удивительно быстро, когда мы видим захват левого берега Рейна французской буржуазией, захват Турции (Сирия, Месопотамия) и части России (Сибирь, Архангельск, Баку, Красноводск, Асхабад и т. д.) французскими, английскими и американскими капиталистами, — когда мы видим все усиливающуюся вражду из-за дележа награбленной добычи между Италией и Францией, между Францией и Англией, между Англией и Америкой, между Америкой и Японией.

И рядом с теми трусливыми, половинчатыми, насквозь пропитанными предрассудками буржуазной демократии, «социалистами», которые вчера защищали «свои» империалистские правительства, а сегодня ограничиваются платоническими «протестами» против военного вмешательства в Россию, — рядом с ними растет в странах Антанты число людей, которые идут по дороге коммунистической, по дороге Маклина, Дебса, Лорио, Лаццари, Серрати, таких людей, которые поняли, что только свержение буржуазии, разрушение буржуазных парламентов, только Советская власть и диктатура пролетариата способны подавить империализм, обеспечить победу социализма, обеспечить прочный мир.

Тогда, 20 августа 1918 г., пролетарская революция ограничивалась Россией, и «Советская власть», т.-е. принадлежность *всей* власти в государстве Советам рабочих, солдатских и крестьянских

депутатов, казалась еще (да и была на деле) только российским учреждением.

Теперь, 12 января 1919 г., мы видим могучее «советское» движение не только в частях бывшей империи царя, например, в Латвии, в Польше, на Украйне, но и в западно-европейских странах, и в нейтральных (Швейцария, Голландия, Норвегия), и в страдавших от войны (Австрия, Германия). Революция в Германии — которая особенно важна и характерна, как одна из наиболее передовых капиталистических стран — сразу приняла «советские» формы. Весь ход развития германской революции и особенно борьба «спартаковцев», т.-е. истинных и единственных представителей пролетариата, против союза предательской сволочи, Шейдеманов и Зюдекумов, с буржуазией, — все это показывает ясно, как *поставлен* вопрос историей по отношению к Германии: «Советская власть» или буржуазный парламент, под какими бы вывесками (вроде «Национального» или «Учредительного» Собрания) он ни выступал.

Такова *всемирно историческая* постановка вопроса. Теперь это можно и должно сказать без всякого преувеличения.

«Советская власть» есть второй всемирно-исторический шаг или этап развития диктатуры пролетариата. Первым шагом была Парижская Коммуна. Гениальный анализ содержания и значения этой Коммуны, данный Марксом в его «Гражданской войне во Франции», показал, что Коммуна создала *новый тип* государства, *пролетарское государство*. Всякое государство, в том числе и самая демократическая республика, есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим. Пролетарское государство есть машина для подавления буржуазии пролетариатом, а такое подавление необходимо в силу того бешеного, отчаянного, ни перед чем не останавливающегося сопротивления, которое оказывают помещики и капиталисты, вся буржуазия и все ее приспешники, все эксплуататоры, когда начинается их свержение, когда начинается экспроприация экспроприаторов.

Буржуазный парламент, хотя бы самый демократический в самой демократической республике, в которой сохраняется собственность капиталистов и их власть, есть машина для подавления миллионов трудящихся кучками эксплуататоров. Социалисты, борцы за освобождение трудящихся от эксплуатации, должны были использовать буржуазные парламенты, как трибуну, как одну из баз для пропаганды, агитации, организации, *пока борьба наша ограничивалась рамками буржуазного строя*. Теперь, когда всемирная история поставила на очередь дня вопрос о разрушении всего этого строя, о свержении и подавлении эксплуататоров, о переходе от капитализма к социализму, — теперь ограничиваться буржуазным парламентаризмом, буржуазной демократией, прикрашивать ее, как «демократию» вообще,

затушевывать ее *буржуазный* характер, забывать, что всеобщее избирательное право, пока сохраняется собственность капиталистов, есть одно из орудий буржуазного государства, — это значит позорно изменять пролетариату, переходить на сторону его классового врага, буржуазии, быть изменником и ренегатом.

Три направления в всемирном социализме[154]), о которых с 1915 года неустанно говорит большевистская печать, стоят теперь перед нами, в свете кровавой борьбы и гражданской войны в Германии, с особенной отчетливостью.

Карл Либкнехт — это имя известно рабочим всех стран. Повсюду, и особенно в странах Антанты, это имя есть символ преданности вождя интересам пролетариата, верности социалистической революции. Это имя есть символ действительно искренной, действительно готовой на жертвы, беспощадной борьбы с капитализмом. Это имя — символ непримиримой борьбы с империализмом не на словах, а на деле, борьбы, готовой на жертвы, как раз тогда, когда «своя» страна охвачена угаром империалистских побед. С Либкнехтом и «спартаковцами» идет все, что осталось честного и действительно революционного среди социалистов Германии, все, чтó есть лучшего и убежденного в пролетариате, все массы эксплуатируемых, в которых кипит возмущение и растет готовность на революцию.

Против Либкнехта — Шейдеманы, Зюдекумы и вся эта банда презренных лакеев кайзера и буржуазии. Это такие же предатели социализма, как Гомперсы и Викторы Бергеры, Хендерсоны и Уэббы, Ренодели и Вандервельды. Это — та верхушечка подкупленных буржуазией рабочих, которых мы, большевики, звали (адресуя это название к русским Зюдекумам-меньшевикам) «агентами буржуазии в рабочем движении», и которых лучшие из социалистов Америки окрестили великолепным по экспрессивности и по глубокой правдивости выражением: «labor lieutenants of the capitalist class», «рабочими лейтенантами класса капиталистов». Это *новейший* «modern», *тип* социалистического предательства, ибо во всех цивилизованных, передовых странах буржуазия грабит — путем ли колониального угнетения или путем финансового извлечения «выгод» с формально независимых слабых народов — грабит население, во много раз превышающее население «своей» страны. Отсюда — экономическая возможность «сверхприбылей» для империалистской буржуазии и употребления доли из этой сверхприбыли на подкуп известного верхушечного слоя пролетариата, на превращение его в реформистскую, оппортунистическую, боящуюся революции, мелкую буржуазию.

Между спартаковцами и шейдемановцами — колеблющиеся, бесхарактерные «каутскианцы», единомышленники Каутского, на словах «независимые», на деле *зависящие* целиком и по всей линии сегодня от буржуазии и шейдемановцев, завтра от спартаковцев,

частью идущие за первыми, частью за вторыми, люди без идей, без характера, без политики, без чести, без совести, живое воплощение растерянности филистеров, на словах стоящих за социалистическую революцию, на деле неспособных понять ее, когда она началась, и защищающих по-ренегатски «демократию» вообще, т.-е. *на деле* защищающих *буржуазную* демократию.

В каждой капиталистической стране всякий мыслящий рабочий узнает, в измененной соответственно национальным и историческим условиям обстановке, именно эти три основные направления и среди социалистов и среди синдикалистов, ибо империалистская война и начало всемирной пролетарской революции во всем мире порождает однородные идейно-политические тенденции.

* *
*

Предыдущие строки были написаны до зверского и подлого убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург правительством Эберта и Шейдемана. Эти палачи, лакействуя перед буржуазией, предоставляли германским белогвардейцам, сторожевым псам священной капиталистической собственности, линчевать Розу Люксембург, убивать выстрелами в спину Карла Либкнехта, с явноложной ссылкой на его «побег» (русский царизм, подавляя в крови революцию 1905 года, много раз прибегал к подобному убийству с такой же ложной ссылкой на «побег» арестованных),— и в то же время эти палачи прикрывали белогвардейцев авторитетом якобы ни в чем не повинного, якобы выше классов стоящего правительства! Не найти слов для выражения всей мерзости и низости этого палачества, совершаемого якобы социалистами. Очевидно, история избрала такой путь, на котором роль «рабочих лейтенантов капиталистического класса» должна быть доведена до «последней черты» зверства, низости и подлости. Пусть дурачки каутскианцы толкуют в своей газете «Фрейхейт» [155]) о «суде» из представителей «всех» «социалистических» партий [156]) (палачей Шейдеманов эти лакейские души продолжают называть социалистами)! Эти герои филистерского тупоумия и мещанской трусости не понимают даже того, что суд есть орган государственной власти, а борьба и гражданская война в Германии идет как раз из-за того, в чьих руках будет эта власть: в руках ли буржуазии, которую будут «обслуживать» Шейдеманы, как палачи и погромщики, Каутские как хвалители «чистой демократии», или в руках пролетариата, который свергнет эксплуататоров-капиталистов и раздавит их сопротивление.

Кровь лучших людей всемирного пролетарского Интернационала, незабвенных вождей международной социалистической революции закалит новые и новые массы рабочих к борьбе не на жизнь, а на смерть. И эта борьба приведет к победе. Мы

пережили в России летом 1917 г. «июльские дни», когда русские Шейдеманы, меньшевики и эсеры, также «государственно» прикрывали «победу» белогвардейцев над большевиками, когда на улицах Петрограда казаки линчевали рабочего Воинова за распространение большевистских воззваний. Мы знаем по опыту, как быстро такие «победы» буржуазии и ее холопов излечивают массы от иллюзий буржуазного демократизма, «всенародного голосования» и тому подобное.

* * *

Среди буржуазии и правительств Антанты замечаются теперь некоторые колебания. Часть видит, что разложение союзнических войск в России, помогающих белогвардейцам, служащих самой черной монархической и помещичьей реакции, уже начинается; — что продолжение военного вмешательства и попытки победить Россию, требующие миллионной оккупационной армии на долгое время, что этот путь есть вернейший путь для самого быстрого перенесения пролетарской революции в страны Антанты. Пример немецких оккупационных войск на Украйне достаточно убедителен.

Другая часть буржуазии в странах Антанты стоит по-прежнему за военное вмешательство в России, за «экономическое окружение» (Клемансо) и удушение советской республики. Вся пресса, служащая этой буржуазии, т.-е. большинство купленных капиталистами ежедневных газет Англии и Франции, пророчит быстрый крах Советской власти, расписывает ужасы голода в России, врет про «беспорядки» и про «непрочность» советского правительства. Войска белогвардейцев, помещиков и капиталистов, которым помогает Антанта и офицерами, и снарядами, и деньгами, и вспомогательными отрядами, эти войска отрезывают голодный центр и север России от самых хлебородных районов, от Сибири и от Дона.

Бедствия голодающих рабочих в Петрограде и Москве, в Иванове-Вознесенске и других неземледельческих центрах действительно велики. Никогда не вынесли бы рабочие массы таких бедствий, таких мук голода, на которые обрекает их военное вмешательство Антанты (вмешательство, зачастую прикрытое лицемерными обещаниями не посылать «своих» войск, при продолжающейся посылке «чернокожих», затем снарядов, денег, офицеров), — массы не вынесли бы таких бедствий, если бы рабочие не понимали, что они отстаивают дело социализма и в России и во всем мире.

«Союзные» и белогвардейские войска держат Архангельск, Пермь, Оренбург, Ростов на Дону, Баку, Асхабад, но «советское движение» завоевало Ригу и Харьков. Латвия и Украйна становятся

советскими республиками. Рабочие видят, что великие жертвы приносят они не напрасно, что победа Советской власти идет и ширится, растет и крепнет по всему миру. Каждый месяц тяжелой борьбы и великих жертв усиливает дело Советской власти во всем мире, ослабляя ее врагов, эксплуататоров.

У эксплуататоров есть еще достаточно силы в руках, чтобы убивать и линчевать лучших вождей всемирной пролетарской революции, чтобы усугублять жертвы и муки рабочих в оккупируемых или завоевываемых странах и областях. Но у эксплуататоров всего мира не хватает сил, чтобы удержать победу всемирной пролетарской революции, несущей освобождение человечества от ига капитала, от вечной угрозы новых и неизбежных при капитализме империалистских войн.

Напечатано 24 января 1919 г. в «Правде» № 16.
Подпись: Н. Ленин.

Печатается по рукописи.

ВСЕ НА РАБОТУ ПО ПРОДОВОЛЬСТВИЮ И ТРАНСПОРТУ.

Мне уже довелось, на последнем заседании В.Ц.И.К. *) указать на то, что началось особенно трудное полугодие для советской республики. В первое полугодие 1918 года заготовлено хлеба 28 миллионов пудов, во второе — 67 миллионов пудов. Первое полугодие 1919 года будет тяжелее предыдущего полугодия.

Голод становится все сильнее. Сыпной тиф превращается в самую грозную опасность. Необходимы героические усилия, а у нас делается далеко и далеко недостаточно.

Можно ли спастись и поправить положение?

Несомненно да. Взятие Уфы и Оренбурга, победа на юге, затем победа советского восстания на Украине открывают самые благоприятные перспективы.

Теперь мы в состоянии достать значительно больше хлеба чем необходимо для полуголодной продовольственной нормы.

Миллионы пудов хлеба ссыпаны уже в восточном районе. Задерживает их плохое состояние транспорта. На юге освобождение от казаков-красновцев всей Воронежской губернии и части Донской области дает полную возможность получения, сверх всех наших прежних расчетов, больших количеств хлеба. Наконец, прямо-таки громадными являются излишки хлеба на Украине, и советское правительство Украины предлагает нам помощь.

Мы можем теперь не только спастись от голода, но и накормить досыта изголодавшееся население неземледельческой России.

Дело за плохим положением транспорта и за крайним недостатком продовольственных работников.

Надо напрячь все силы, еще и еще раз возбудить энергию в рабочих массах. Надо решительно порвать с привычной колеей обыденной жизни и обыденной работы. Надо встряхнуться! Надо взяться за *революционную мобилизацию* работников для

---

*) См. настоящий том, стр. 460 — 471. *Ред.*

продовольствия и транспорта, *не ограничиваясь* рамками «текущей» работы, а выходя за их пределы, разыскивая новые и новые приемы извлечения и привлечения добавочных сил.

Мы имеем теперь самые веские основания считать — с точки зрения наиболее «осторожного» и даже пессимистического расчета, — что победа над голодом и тифом в это полугодие (победа *вполне* возможная) даст нам *полный поворот* к улучшению всего хозяйственного положения, ибо связь с Украиной и с Ташкентом избавляет нас от главных и коренных причин скудости и недостатка сырья.

Разумеется, изголодавшиеся массы устали, иногда эта усталость сверхчеловечески велика, но выход есть и подъем энергии все же безусловно возможен: тем более, что нарастание пролетарской революции во всем мире становится все более очевидным, обещает нам коренное улучшение не только нашего внутреннего, но и нашего международного положения.

Надо встряхнуться. Надо, чтобы каждая организация партии, каждый профессиональный союз, каждая группа профессионально-организованных рабочих или даже неорганизованных, но имеющих желание «повоевать» против голода, — чтобы каждая группа советских работников и граждан вообще поставила перед собой вопрос:

Что можем мы сделать для расширения и усиления всенародного похода против голода?

Не можем ли мы заменить мужской труд женским и двинуть еще и еще мужчин на труднейшие задачи транспортной и продовольственной работы?

Не можем ли мы дать комиссаров на заводы по ремонту паровозов и вагонов?

Не можем ли мы дать рядовых работников продовольственной армии?

Не должны ли мы десятого или пятого человека из нашей среды, из нашей группы, из нашего завода и т. д. выделить в продовольственную армию или на более трудную и более тяжелую, чем обычно, работу в железнодорожных мастерских?

Не заняты ли некоторые из нас такой советской или вообще иной работой, которую можно ослабить или даже прекратить без гибели основных и коренных устоев государства? Не обязаны ли мы тотчас мобилизовать этих работников на продовольствие и транспорт?

Еще и еще раз поднимемся возможно более широкой массой для нанесения нового удара проклятому правилу старого капиталистического общества, тому правилу, которое мы унаследовали от этого общества, тому правилу, которым каждый из нас, в большей или меньшей степени, заражен и развращен, правилу: «каждый за себя, один бог за всех». Нас больше всего душит, давит, режет, гнетет, губит это наследие грабительского, грязного

и кровавого капитализма. От этого наследия нельзя избавиться сразу, с ним нужна неустанная борьба, против него надо не раз и не два, а много раз, объявлять и проводить новый крестовый поход.

Спасти миллионы и десятки миллионов от голода и от тифа можно, спасение близко, надвинувшийся голодный и тифозный кризис можно преодолеть и победить вполне. Отчаиваться наивно, глупо, позорно. Бежать поодиночке, в рассыпную, кто во что горазд, чтобы как-нибудь одному «вывернуться», как-нибудь одному оттолкнуть более слабых и пробиться вперед, — это значит дезертировать, покидать больных и усталых товарищей, ухудшать общее положение.

Мы создали крепкий фундамент Красной армии, которая *пробилась* теперь через неслыханные трудности, через железную стену поддерживаемых богатейшими англо-французскими миллиардерами войск помещиков и капиталистов, пробилась к главным источникам сырья, к хлебу, к хлопку, к углю. Мы создали этот фундамент работой по-новому, политической пропагандой на фронте, организацией коммунистов в нашей армии, самоотверженной организацией и борьбой лучших людей рабочей массы.

Мы одержали ряд побед и на внешнем, военном, фронте, и на внутреннем фронте, на борьбе с эксплуататорами, на борьбе с саботажем, на борьбе за трудный, тяжелый, тернистый, но *правильный* путь социалистического строительства. Мы близки к полной и решительной победе не только в русском, но и в международном масштабе.

Еще несколько усилий, — и мы вырвемся из цепких лап голода.

То, что мы сделали и делаем для Красной армии, сделаем это еще раз и с новой энергией для оживления, расширения, усиления работы по продовольствию и транспорту. Все лучшие работники должны быть на *такой* работе. Всем, кто хочет и может работать, найдется место, всякий поможет, если захочет, организованной и массовой победе над разрухой и над голодом, всякой активной силе, всякой способности, всякой специальности, всякой профессии, всякому отзывчивому человеку может и должно быть найдено занятие в этой *мирной армии* продовольственных и транспортных работников — мирной армии, которая должна теперь, для полной победы, поддержать Красную армию, закрепить и использовать ее победы.

Все на работу по продовольствию и транспорту!

Написано 26 января 1919 г.

Напечатано 28 января 1919 г. в «Правде» № 19. — *Печатается по рукописи.*

Подпись: Н. Ленин.

ОТВЕТ НА ЗАПРОС КРЕСТЬЯНИНА [157]).

В «Известиях Ц.И.К.» от 2 февраля было помещено письмо крестьянина Г. Гулова, который ставит вопрос об отношении нашего рабоче-крестьянского правительства к крестьянам-середнякам и рассказывает про распространяемые слухи, будто Ленин с Троцким не ладят, будто между ними есть крупные разногласия и как раз на счет середняка-крестьянина.

Товарищ Троцкий уже дал свой ответ в «Письме к крестьянам-середнякам» [158]), напечатанном в «Известиях Ц.И.К.» от 7 февраля. Товарищ Троцкий говорит в этом письме, что слухи о разногласиях между мною и им самая чудовищная и бессовестная ложь, распространяемая помещиками и капиталистами, или их вольными и невольными пособниками. Я, с своей стороны, целиком подтверждаю заявление товарища Троцкого. Никаких разногласий у нас с ним не имеется, и относительно крестьян-середняков нет разногласий не только у нас с Троцким, но и вообще в коммунистической партии, в которую мы оба входим.

Товарищ Троцкий в своем письме подробно и ясно объяснил, почему партия коммунистов и теперешнее рабоче-крестьянское правительство, выбранное Советами и принадлежащее к этой партии, не считает своими врагами крестьян-середняков. Я подписываюсь обеими руками под тем, что сказано тов. Троцким.

Нет ни одного декрета (закона), ни одного постановления Советской власти, в котором бы не проводилось разницы между тремя главными группами крестьян: первая группа — беднота (пролетарии и полупролетарии, как принято говорить в экономической науке). Таких очень много. Когда была власть помещиков и капиталистов, весь гнет их падал больше всего на бедноту. Во всех странах мира самой прочной опорой истинного социалистического движения являются рабочие и поддерживающая их деревенская беднота. Вторая группа — кулаки, то-есть богатые крестьяне, которые угнетают чужой труд, либо нанимая работников, либо давая деньги в рост и тому подобное. Эта группа тянет руку помещиков и капиталистов, врагов Советской власти. Третья группа — крестьяне-середняки. Это не враги Совет-

1

Ответ
на запрос крестьянина

В „Известиях" Ц.И.К. от 2 февраля было помещено письмо крестьянина Г. Гулова, который ставит вопрос об отношении нашего рабоче-крестьянского правительства к крестьянам-середнякам и рассказывает про распространяемые слухи, будто Ленин с Троцким не ладят, будто между ними есть крупные разногласия и как раз на счет среднего крестьянина.

Товарищ Троцкий уже дал свой ответ в „Письме к крестьянам-середнякам", напечатанном в „Известиях" ЦИК от 7 февраля. Товарищ Троцкий говорит в этом письме, что слухи о разногласиях между мною и им самая чудовищная и бессовестная ложь, распространяемая помещиками и капиталистами, или их вольными и невольными пособниками. Я с сво-

Первая страница рукописи В. И. Ленина: «Ответ на запрос крестьянина» — 1919 г.
Уменьшено

ской власти. Они могут быть друзьями ее, мы этого добиваемся и этого добьемся. Все учителя социализма всегда признавали, что рабочие должны будут свергнуть помещиков и капиталистов, чтобы осуществить социализм, но с средними крестьянами возможно соглашение и необходимо соглашение.

При господстве помещиков и капиталистов совсем немногие из средних крестьян, разве один на сотню, добивались прочного благосостояния, да и то добивались только выходя в кулаки, садясь на шею бедноте. А громадное большинство средних крестьян, при власти помещиков и капиталистов, неизбежно будут испытывать нужду и издевательство со стороны богатых. Во всех капиталистических странах дела обстоят таким образом.

При социализме возможно полное и прочное благосостояние и всех рабочих, и всех средних крестьян поголовно, без всякого грабежа чужого труда. Никогда ни один большевик, ни один коммунист, ни один разумный социалист не допускали и мысли о насилии против среднего крестьянина. Все социалисты всегда говорили о соглашении с ними, о постепенном добровольном переходе средних крестьян к социализму.

Наша страна разорена четырехлетней преступной войной капиталистов больше, чем другие страны. Везде разруха и расстройство, нет товаров, в городах и в неземледельческих губерниях страшный, мучительный голод. Приходится напрягать все силы, чтобы победить разруху, победить голод, победить войска помещиков и капиталистов, пытающихся добиться восстановления старой власти царя и богачей, эксплуататоров. На юге, и на Дону, и на Украине белогвардейцы побеждены, дорога к топливу (углю) и к хлебу очищается. Еще немного последних усилий, и мы сможем спастись от голода. Но разруха, оставленная войной, велика, и только долгая, самоотверженная работа всех трудящихся в состоянии вывести нашу страну на путь прочного благосостояния.

Из тех жалоб, которые раздаются из среды крестьян-середняков, двоякого рода жалобы надо отметить. Во-первых, жалобы на чрезмерное «начальническое», недемократическое, а иногда и на прямо безобразное поведение местных властей, особенно в захолустьях. Нет сомнения, что в деревнях труднее поставить правильный контроль и надзор за местными властями, что иногда примазываются к коммунистам худшие элементы, недобросовестные люди. С такими людьми, которые вопреки законам Советской власти несправедливо обращаются с крестьянством, необходима беспощадная борьба, немедленное удаление их, самый суровый суд над ними. Все усилия честных рабочих и крестьян направляются на то, чтобы очистить Россию от таких «последышей» помещичьего и капиталистического быта, которые позволяют себе вести себя как «начальники», тогда как, по законам нашей

рабоче-крестьянской республики, они обязаны быть выборными от советов, дающими пример добросовестности и строгого исполнения законов. Советская власть не мало расстреляла уже таких должностных лиц, которые попадались, например, во взяточничестве, и борьба против подобных негодяев будет доведена до конца.

Другого рода жалобы раздаются на отбирание хлеба, на строгое запрещение свободной торговли хлебом. С произволом и отступлением от закона наше правительство борется неумолимо. Но можно ли разрешить свободную торговлю хлебом? В разоренной стране хлеба недостает или достает в обрез, а к тому же железные дороги испорчены войной так, что подвоз идет крайне плохо.

При недостатке хлеба, свободная торговля хлебом означает бешеную спекуляцию и повышение цен до сотен рублей за пуд, ибо голодный человек отдаст все за кусок хлеба. Свободная торговля хлебом в голодной стране, это значит бешеная нажива кулаков, бессовестных богатых крестьян, набивающих мошну на нужде и голоде народа. Свободная торговля хлебом в голодной стране означает победу богатых над бедными, ибо богатые купят хлеб даже по безумной, бешеной цене, а бедные останутся не при чем. Свободная торговля хлебом, это значит свобода наживаться для богатых, свобода умирать для бедных. Свободная торговля хлебом, это поворот назад, к господству и всевластию капиталистов.

Нет. Мы не хотим идти и не пойдем назад, к восстановлению власти капиталистов, власти денег, к свободе наживы. Мы хотим идти вперед к социализму, к правильному распределению хлеба между всеми трудящимися. Все излишки хлеба должны быть по справедливой цене отданы советскому государству, а государство должно распределить их между трудящимися поровну. Этого нельзя добиться сразу, установить такой справедливый социалистический порядок нелегко. Надо много трудиться, долго работать, устраивать строгую товарищескую дисциплину рабочих и крестьян, чтобы искоренить старую, капиталистическую, свободу торговли, свободу наживы, свободу грызни, свободу угнетения, залившую кровью всю землю.

Но за эту трудную работу взялись теперь миллионы и миллионы рабочих и крестьян. Всякий честный, добросовестный крестьянин и рабочий понял значение социализма и настойчиво борется за него.

Во всем мире растет социалистическая революция. Власть капиталистов, «свобода торговли» не возвратится. Социализм победит.

Написано 14 февраля 1919 г.

Напечатано 15 февраля 1919 г. в «Правде» № 35.

Подпись: Н. Ленин.

Печатается по рукописи.

ПРОЕКТ ДОГОВОРА С БУЛЛИТ[159]).

Все существующие де-факто правительства в России и Финляндии сохраняют власть на принадлежащей им территории, исключая случаи, которые может предусмотреть конференция,— что народы, обитающие на территории, управляемой правительством де-факто, сами пожелают переменить правительство.

При этом должно быть гарантировано общим взаимным обязательством не применять силы для низвержения какого бы то ни было из этих правительств, включая Финляндию, Польшу, Галицию, Румынию, Армению, Азербейджан и Афганистан.

2. Экономическая блокада снимается, и восстановляются взаимные торговые сношения.

3. Советскому правительству предоставляется беспрепятственный транзит по всем железным дорогам и пользование всеми портами, принадлежавшими прежней Российской империи и Финляндии.

4. Граждане охватываемых соглашением стран имеют право свободного въезда, проживания и перемещения в полной безопасности под условием невмешательства во внутреннюю политику других стран. Взаимно обеспечивается право посылать официальных представителей, которые не должны обязательно иметь все права дипломатических чиновников, но пользуются правом иммунитета.

5. Объявляется общая амнистия всем политическим противникам, преступникам и пленным в России и для всех, кто преследуется или может быть преследуем вне России за оказание помощи Советской России. Все военнопленные должны быть возвращены.

6. Немедленно при подписании этого соглашения все иностранные войска отзываются из России, и прекращается всякая военная поддержка анти-советских правительств. Все армии, остающиеся в России, переводятся на мирное положение.

7. Правительства России и Финляндии отвечают за финан-

совые обязательства прежней империи перед странами, участвующими в этом соглашении, и их подданными. Дальнейшие постановления на этот счет согласуются с этими основными принципами.

Написано в феврале 1919 г.
Напечатано в 1920 г. в «The Foreign Policies of Soviet Russia» by Alfred L. P. Dennis, prof. of History, Clark University. N. Y. E. P. Dutton & Co., p.p. 83-84.

Печатается по книге: «М. Н. Покровский. Внешняя политика России в XX веке». Изд. Ком. Университета им. Я. М. Свердлова. Москва 1926 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА, ОТНОСЯЩИХСЯ К ПЕРИОДУ МАЙ 1918 Г. — МАРТ 1919 Г., ДО СЕГО ВРЕМЕНИ НЕ РАЗЫСКАННЫХ

СТЕНОГРАММА ДОКЛАДА ВЛ. И. НА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 15 МАЯ 1918 Г.

Краткий газетный отчет об этой речи (см. настоящий том, стр. 17) помещен в «Правде» № 95, 17 мая 1918 г.

СТЕНОГРАММА РЕЧИ НА I СЪЕЗДЕ УЧИТЕЛЕЙ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ 5 ИЮНЯ 1918 Г.

Краткая протокольная запись (см. настоящий том, стр. 66) помещена в «Сборнике Всероссийского Союза учителей-интернационалистов» № 1, Москва. 1918 г.

РЕЧЬ ВЛ. И. НА СОБРАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЗАВОДСКИХ ЯЧЕЕК ЗАМОСКВОРЕЦКОГО РАЙОНА 19 ИЮНЯ 1918 Г.

Об этом выступлении Вл. И. упоминается в «Правде» № 124, 21 июня 1918 г.:

«На собрании присутствовал тов. В. И. Ленин, который говорил присутствующим о текущей продовольственной кампании и давал некоторые разъяснения».

РЕЧЬ ВЛ. И. НА МИТИНГЕ В СИМОНОВСКОМ ПОДРАЙОНЕ НА ЗАВОДЕ АМО 28 ИЮНЯ 1918 Г. НА ТЕМУ «ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА»

Краткая заметка об этой речи Вл. И. имеется в «Правде» № 132, 30 июня 1918 г.:

«Тов. Ленин в своей речи указывает на необходимость и происхождение гражданской войны и призывает московский пролетариат к сплоченности и дружной организации в деле борьбы как с контр-революционными силами, так и с голодом и государственной разрухой».

СТЕНОГРАММА РЕЧИ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ V СЪЕЗДА СОВЕТОВ 3 ИЮЛЯ 1918 Г.

Краткий газетный отчет (см. настоящий том, стр. 111) помещен в «Правде» № 135, 4 июля 1918 г.

РЕЧЬ ВЛ. И. НА МИТИНГЕ В ЗАМОСКВОРЕЦКОМ РАЙОНЕ НА ТЕМУ «СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА В ОПАСНОСТИ».

Об этой речи упоминается в «Правде» № 163, 4 августа 1918 г.

РЕЧЬ ВЛ. И. НА ВЕЧЕРЕ МОСКОВСКОГО ПРОЛЕТКУЛЬТА 6 НОЯБРЯ 1918 Г. В ПОМЕЩЕНИИ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО КРУЖКА.

Краткая заметка об этой речи имеется в газете «Воля Труда» № 46, 9 ноября 1918 г.:

«Среди концерта было объявлено о присутствии в зале председателя С. Н. К. тов. Ленина. Известие вызвало овации и крики «ура» по адресу вождя пролетариата. Ленин прошел на эстраду и в краткой речи характеризовал задачи строительства новой культуры, когда пролетариат сам выковывает себе жизнь, — в отличие от прежней культуры, в которой он оставался в стороне, был во всем придатком, эксплуатировавшимся капиталом».

СТЕНОГРАММА РЕЧИ, ПРОИЗНЕСЕННОЙ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ В. Ц. С. П. С. И М. Г. С. П. С. 6 НОЯБРЯ 1918 Г.

Краткий газетный отчет этой речи (см. настоящий том, стр. 242) помещен в «Известиях» № 244, 9 ноября 1918 г.

РЕЧЬ ВЛ. И. НА ОТКРЫТИИ КЛУБА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ХАМОВНИЧЕСКОМ РАЙОНЕ 10 НОЯБРЯ 1918 Г.

В заметке об открытии клуба, помещенной в «Правде» № 246, 14 ноября 1918 г., указано, что собравшиеся «с напряженным вниманием выслушали последние сообщения о колоссальном росте революции в Германии. Разъясняя значение совершающихся событий, тов. Ленин указал на то, что теперь более всего должны мы напрячь свои силы. «Организация, организация, организация», — вот чем закончил т. Ленин свою речь.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ ВЛ. И. О СОБЫТИЯХ В ГЕРМАНИИ НА ЗАСЕДАНИИ СОВНАРКОМА 11 НОЯБРЯ 1918 Г.

Об этом выступлении Вл. И. имеется следующая заметка в «Известиях» № 246, 12 ноября 1918 г.:

«Поздно вечером 11 ноября в Кремле состоялось заседание С. Н. К., посвященное обсуждению событий в Германии. Совершенно очевидно, что события развиваются по направлению мировой социалистической революции. Однако при всем головокружительном темпе событий в них имеется известная постепенность. Для окончательного изжития застарелых иллюзий необходим известный срок, хотя бы минимальный. С. Н. К. считает необходимым сохранить максимальную осторожность в оценке происходящего в Германии революционного движения. Тов. В. И. Ленин, анализируя последние полученные сведения, выразился так: в основном, повидимому, у немцев все-таки февраль, а не октябрь».

РЕЧЬ ВЛ. И. НА КОММУНИСТИЧЕСКОМ ВЕЧЕРЕ В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ 11 НОЯБРЯ 1918 Г.

Об этом выступлении Вл. И. имеется заметка в газете «Коммунар», 12 ноября 1918 г.:

«Вчера на вечере московских коммунистов в Большом театре тов. Ленин поделился последними сведениями, полученными из Берлина по прямому проводу». В том же номере приведено следующее выражение из этой речи Вл. И.: «Надеемся, что на днях они поймут, что можно обойтись и без президента».

СТЕНОГРАММА РЕЧИ НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РАБОТНИЦ 19 НОЯБРЯ 1918 Г.

Краткий газетный отчет об этой речи (см. настоящий том, стр. 285) помещен в «Правде» № 57 (298), 10 марта 1925 Г.

СТЕНОГРАММА РЕЧИ НА РАБОЧЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕСНЕНСКОГО РАЙОНА 14 ДЕКАБРЯ 1918 г.

Крактий газетный отчет об этой речи (см. настоящий том, стр. 436) помещен в «Правде» № 275, 18 декабря 1918 г.

СТЕНОГРАММА РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ МОСКОВСКОЙ ОБЩЕГОРОДСКОЙ ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 18 ЯНВАРЯ 1919 Г.

Краткий газѐтный отчет об этой речи (см. настоящий том, стр. 472) помещен в «Правде» № 19, 28 января 1919 г.

II. СПИСОК ДОКУМЕНТОВ ПЕРИОДА МАЙ 1918 Г. — МАРТ 1919 Г., В РЕДАКТИРОВАНИИ И СОСТАВЛЕНИИ КОТОРЫХ ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В. И. ЛЕНИН.

За период с 14 мая 1918 г. по 1 марта 1919 г. Вл. И. принимал участие в редактировании следующих документов:

1. Воззвание к петроградским рабочим об организации продовольственных отрядов. («Петроградская Правда» № 103 (329), 22 мая 1918 г.)
2. Декрет Совнаркома о предоставлении Народному Комиссариату Продовольствия чрезвычайных полномочий. («Известия» № 94, 14 мая 1918 г.)
3. Декрет В.Ц.И.К. о реорганизации Народного Комиссариата Продовольствия и местных продовольственных органов. («Известия» № 109, 31 мая 1918 г.)
4. Постановление Совнаркома об объявлении Москвы на военном положении. («Правда» № 106, 30 мая 1918 г.)
5. Воззвание Совнаркома к трудовым казакам Дона и Кубани. («Правда» № 207, 31 мая 1918 г.)
6. Воззвание Совнаркома о мобилизации всех вооруженных сил. («Правда» № 107, 31 мая 1918 г.)
7. Воззвание Совнаркома о международном положении Советской республики. («Правда» № 108, 1 июня 1918 г.)
8. Декрет Совнаркома об организации деревенской бедноты и о снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельско-хозяйственными орудиями. («Известия» № 119, 12 июня 1918 г.)
9. Декрет Совнаркома о национализации крупных предприятий. («Известия» № 134, 30 июня 1918 г.)
10. Воззвание Совнаркома по поводу чехо-словацкого мятежа. («Правда» № 116, 11 июня 1918 г.)
11. Декрет В.Ц.И.К. о Социалистической Академии общественных наук (положение). («Известия» № 145, 12 июля 1918 г.)
12. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. («Известия» № 151, 19 июля 1918 г.)
13. Декрет о монополии на ткани. («Известия» № 154, 23 июля 1918 г.)
14. Телеграмма Совнаркома всем Советам о борьбе против еврейских погромов и антисемитизма. («Известия» № 158, 28 июля 1918 г.)
15. Воззвание Совнаркома ко всем железнодорожным рабочим. («Известия» № 158, 28 июля 1918 г.)
16. Воззвание Совнаркома к рабочим стран Согласия. («Правда» № 160, 1 августа 1918 г.)
17. Декрет о привлечении рабочих организаций к заготовке хлеба. («Известия» № 166, 6 августа 1918 г.)

18. Декрет о заградительных реквизиционных продовольственных отрядах, действующих на железнодорожных и водных путях (положение). («Известия» № 166, 6 августа 1918 г.)

19. Декрет о уборочных и о уборочно-реквизиционных отрядах. («Известия» № 166, 6 августа 1918 г.)

20. Декрет об обязательном товарообмене в хлебных сельских местностях. («Известия» № 168, 8 августа 1918 г.)

21. Постановление Совнаркома о составлении Народными Комиссарами отчета о своей деятельности с 25 октября 1917 г. (Протокол заседания Совнаркома от 29 августа 1918 г.)

22. Декрет о единовременном чрезвычайном десятимиллиардном революционном налоге. («Известия» № 240, 2 ноября 1918 г.)

23. Декрет об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства. («Известия» № 257, 24 ноября 1918 г.)

24. Декрет об организации рабочей продовольственной инспекции. («Известия» № 268, 7 декабря 1918 г.)

25. Декрет об обложении сельских хозяев натуральным налогом в виде отчислений части сельско-хозяйственных продуктов. («Известия» № 248, 14 ноября 1918 г.)

26. Воззвание В.Ц.И.К., Совнаркома и Московского Совета к трудящемуся народу Австро-Венгерского государства. («Правда» № 239, 3 ноября 1918 г.)

27. Телеграмма председателя Совнаркома о невмешательстве органов местной власти в хозяйственно-административные функции заводоуправлений национализированных предприятий. (Протокол заседания Совнаркома от 2 ноября 1918 г.)

28. Письмо Ц.К. Р.К.П. (б.) немецкой группе «Спартак» и компартии немецкой Австрии. (Архив Института Ленина.)

29. Декрет об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям. 4 января 1919 г. («Собр. Уз. и Распор.» № 17, 2 мая 1919 г.)

30. Обращение Р.К.П. (б.) и ряда других компартий к международному пролетариату о созыве первого съезда Коммунистического Интернационала. («Правда» № 16, 24 января 1919 г.)

31. Декрет об организации советских хозяйств учреждениями и объединениями промышленного пролетариата. («Известия» № 37, 18 февраля 1919 г.)

III. УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ И ИСТОЧНИКОВ, УПОМИНАЕМЫХ В. И. ЛЕНИНЫМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XXIII ТОМА.

ствия, постановлений местных Советских органов о самостоятельных заготовках и свободном провозе хлебных продуктов. — 466.
— № 257, 24 ноября 1918 г. Декрет Совнаркома об организации снабжения. — 302.
— № 265, 4 декабря 1918 г. Постановление В.Ц.И.К. о порядке перевыборов волостных и сельских советов (инструкция). — 283.
ИЛЬИН, В. [ЛЕНИН В. И.] — Государство и революция. Петроград. «Жизнь и Знание», 1917 г. — 337.
— За 12 лет. СПБ. 1908 г. — 387.
«КРАСНЫЙ ТЕРРОР». Еженедельник Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией на Чехо-Словацком фронте. Казань № 1, 1 ноября 1918 г. Лацис. — «Красный террор». — 460.
ЛАЦИС. — Красный террор. «Красный Террор» № 1, 1 ноября 1918 г. — 458.
ЛЕНИН, Н. — Две тактики социал-демократии в демократической революции. Женева, 1905 г. Изд. Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. Стр. VIII + 108. — 387.
— Империализм, как новейший этап капитализма. Петроград. «Жизнь и Знание», 1917 г. Стр. 130. — 336.
— Политические партии в России. Петроград. «Жизнь и Знание», 1917 г. — 364.
МАСЛОВ, П. — Аграрный вопрос в России. Условия развития сельского хозяйства в России, т. I, изд. 2-ое, дополненное. Спб. «Общественная Польза», 1905 г. Стр. IX + 457. — 399.
МАСЛОВ, С. Л. — Законопроект о передаче земель сельско-хозяйственного значения в руки земельных комитетов. «Дело Народа» № 183, 18 октября 1917 г. — 395.
МИРОВАЯ ОПАСНОСТЬ БОЛЬШЕВИЗМА. «Правда» № 258, 28 ноября 1918 г. — 324.
НЕУДАВШИЕСЯ ЗАМЫСЛЫ ЧЕХО-СЛОВАКОВ. Уфа, 18 июня. «Правда» № 122, 19 июня 1918 г. — 95.
НОТА ГЕРМАНСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА ГОСПОДИНА ГАУШИЛЬДА НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ Г. В. ЧИЧЕРИНУ. Москва, 5 ноября 1918 г. «Правда» № 242, 9 ноября 1918 г. — 257.
ОБРАЩЕНИЕ НАРКОМПРОДА. «Правда» № 108, 1 июня 1918 г. — 59.
ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ 7—14 ЯНВАРЯ 1918 Г. Полный стенографич. отчет с предисловием М. Томского. Издание В.Ц.С.П.С., Москва, 1918 г., стр. 382. — 359.
ПОСТАНОВЛЕНИЕ В.Ц.И.К. О ПОРЯДКЕ ПЕРЕВЫБОРОВ ВОЛОСТНЫХ И СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ. (Инструкция.) «Известия» № 265, 4 декабря 1918 г. — 283.
— СОВНАРКОМА ОБ ОТМЕНЕ ПРОТИВОРЕЧАЩИХ ДЕЙСТВУЮЩИМ УЗАКОНЕНИЯМ, А ТАКЖЕ И РАСПОРЯЖЕНИЯМ НАРОДНОГО КОМИССАРА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ, ПОСТАНОВЛЕНИЙ МЕСТНЫХ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ О САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЗАГОТОВКАХ И СВОБОДНОМ ПРОВОЗЕ ХЛЕБНЫХ ПРОДУКТОВ. «Известия» № 144, 8 сентября 1918 г. — 466.
«ПРАВДА» № 58, 29 марта 1918 г. Богаевский сдался в плен. (Разговор Семенова с т.т. Квитковским и Алексеевым. Царицын.) — 63.
— № 108, 1 июня 1918 г. Обращение Наркомпрода. — 59.
— № 122, 19 июня 1918 г. Неудавшиеся замыслы чехо-словаков. Уфа, 18 июня 1918 г. — 95.
— №№ 124 и 127, 21 и 25 июня 1918 г. Глашатай в борьбе. — Заявление о солидарности с большевиками во второй вюртембергской палате. — 94.

НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ.

AUS DEM LITERARISCHEN NACHLASS VON K. MARX, F. ENGELS UND F. LASSAL, herausgegeben von F. Mehring. Dritter Band. Zweite Auflage. Stuttgart. Dietz 1913. K. Marx. — «Bilanz der preussischen Revolution». — 387.

BEBEL, AUGUST. — Aus meinem Leben. Zweiter Teil. Stuttgart. 1911. Verlag J. H. W. Dietz. S. 420. Engels Brief an Bebel 28 März 1875. — 220, 346, 360, 365.

— Schlusswort über die parlamentarische Thätigkeit und die Taktik der Partei. (Protokol über Verhandlungen des Parteitages der s.-d. Partei Deutschlands, abgehalten zu Erfurt vom 14 bis 20. X. 1891). Berlin. 1891. Verlag der Expedition des «Vorwärts». S. 368. — 373.

BERNSTEIN, EDUARD. — Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Stuttgart. 1899. J. H. W. Dietz Nachfolger. S. X + 188. — 218.

DEBS, E. — In whose war I will fight. «Appeal to Reason» № 1032, 11 September 1915. — 185.

DIE ENTHÜLLTEN GEHEIMVERTRÄGE. Aus der Hexenküche der Ententediplomatie. «Vorwärts». Berlin. 34 Jahrgang, № 326, 28 September 1917. — 93.

«DIE NEUE ZEIT» IX Jahrgang, I Band. 1890 — 91. S. 561 — 575. K. Marx. — Ein Brief an Bracke 5 Mai 1875. — 338.

— XIII Jahrgang, I Band. 1894 — 95, S. 292 — 306. Fr. Engels. — Die Bauernfrage in Frankreich und Deutschland. — 307.

— XX Jahrgang. II Band. 1901 — 02. K. Marx. — Briefe an Dr L. Kugelmann. S. 542. — 391.

— XXV Jahrgang, I Band. 1906 — 07. K. Kautsky. — Triebkräfte und Aussichten der russischen Revolution. S. 284, 324. — 387.

XXXII Jahrgang. I Band. 1913 — 14. Fr. Engels. — Ueber das Autoritätsprinzip. K. Marx. — Der politische Indifferentismus. S. 37, 40. — 353.

DIKTATUR ODER DEMOKRATIE. «Vorwärts», 35 Jahrgang, № 290, 21 Oktober 1918. — 374.

ENGELS, FRIEDRICH. — Brief an Bebel 28 März 1875. — In.: A. Bebel. Aus meinem Leben. Zweiter Teil. Stuttgart. 1911. Verlag J. H. W. Dietz. S. 420. — 220, 346, 360, 365.

— Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats. — 346.

— Die Bauernfrage in Frankreich und Deutschland. «Die Neue Zeit». Jahrgang XIII. I Band. 1894 — 1895. S. 292 — 306. — 307.

— Einleitung zu Karl Marx, «Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte». Dritte Auflage. Hamburg. O. Meissner. 1883. S. 110. — 378.

— Einleitung zu K. Marx, «Der Bürgerkrieg in Frankreich». Dritte deutsche Auflage. Berlin. 1891. — 346.

— Einleitung zu K. Marx. «Die Klassenkämpfe in Frankreich» 1846 bis 1850. (Aus «Neue Rheinische Zeitung», Politisch-Ökonomische Revue. Hamburg. 1850.) Berlin. Verlag der Buchhandlung «Vorwärts». 1895. — 486.

— Einleitung zu Sigismund Borkheim, «Zur Erinnerung für deutschen Mordspatrioten 1806 — 1807». Gottingen - Zürich. 1888. S.-d. Bibliothek. Bd. XXIV. — 48, 105.

— Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. — 220.

— Ueber das Autoritätsprinzip. «Die Neue Zeit» 1913 — 1914. XXXII Jahrgang. I Band. S. 37. — 344.

«FRANKFURTER ZEITUNG» № 293, 22 Oktober 1918. Leitartikel. — 374.

«FREIHEIT». Berlin, I Jahrgang № 30, 17 Januar 1919. — 498.

KAUTSKY, K. Consumvereine und Arbeiterbewegung. Wiener Volksbuchhandlung Ignaz Brandt. 1897. S. 31. — 328.

— Der Weg zur Macht. Politische Betrachtungen über das Hineinwachsen in die Revolution. Berlin 1909. Verlag der Buchhandlung «Vorwärts». S. 104. — 361, 382.

KAUTSKY, K.—Die Agrarfrage. Eine Uebersicht über die Tendenzen der modernen Landwirtschaft und die Agrarpolitik der Sozialdemokratie. Stuttgart. J. H. W. Dietz Nachfolger. 1899 S. VIII + 451. — 403.

— Die Diktatur des Proletariats. Wien. Verlag der Wiener Volksbuchhandlung Ignaz Brandt. 1918. S. 63. — 218, 335.

— Die Soziale Revolution. Berlin. 1902. Verlag der Expedition der Buchhandlung «Vorwärts». — 382.

— Triebkräfte und Aussichten der russischen Revolution. «Die Neue Zeit» XXV Jahrgang. 1906 — 1907. I Band, 284. 324. — 387.

MACDONALD, RAMSAY. — («Признания капиталиста»). «The Socialist Review». A quarterly Review of Modern Thought. London. July. 1918.—218.

«MANCHESTER GUARDIAN» № 22 (530), 23 Oktober 1918. Allies and Russia. — 270.

MARX, K.—Bilanz der preussischen Revolution. (Aus «Neue Rheinische Zeitung» 7 December 1848.) — Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx, F. Engels und F. Lassal, herausgegeben von F. Mehring. Dritter Band. Zweite Auflage. Stuttgart. Dietz. 1913. — 387.

— Briefe an Dr. L. Kugelmann. 13 December 1870, 12 April 1871. «Die Neue Zeit» XX Jahrgang. I Band. S. 542. — 391.

— Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. — 483.

— Der Bürgerkrieg in Frankreich. Leipzig. 1872. — 221, 342, 347.

— Der politische Indifferentismus. «Die Neue Zeit» XXXII Jahrgang. I Band. 1913 — 1914. S. 40. — 357.

— Die Klassenkämpfe in Frankreich 1848 bis 1850. — 443.

— Ein Brief an Bracke 5 Mai 1875. «Die Neue Zeit» IX Jahrgang. I Band. 1890 — 1891. S. 561 — 575. — 338.

— Theorien über den Mehrwert. Aus dem nachgelassenen Manuscript «Zur Kritik der politischen Oekonomie». Herausgegeben von K. Kautsky. Bd. II, I Teil. Stuttgart. Dietz. 1905. S. XII + 344. — 401.

MARX, K., ENGELS, FR. — Das Kommunistische Manifest. Neue Ausgabe mit einem Vorwort der Verfasser. Leipzig. 1872. Verlag der Expedition des «Volksstaat». — 90.

OSTROGORSKY, M.—La démocratie et les partis politiques. Paris. 1912. 2 т.т. — 411.

«THE SOCIALIST REVIEW». A quarterly Review of Modern Thought. London. July 1918. Ramsay Macdonald. — («Признания капиталиста»). — 218.

III-ME INTERNATIONALE. Organe de la section française du parti communiste (bolchevik) russe. I-e année. Journal hebdomadaire. Moscou № 1, le 20 Octobre 1918. Revue de la presse française. — 270.

VANDERVELDE, ÉMILE.—Le socialisme contre l'État. Paris—Nancy. Berger-Levrault, libraires-éditeurs. 1918. P. 174. — 407.

«VORWÄRTS». Berlin. 34 Jahrgang, № 326, 28 September 1917. Die enthüllten Geheimverträge. Aus der Hexenküche der Ententediplomatie. — 93.

— 35 Jahrgang, № 290, 21 Oktober 1918. Diktatur oder Demokratie. — 374.

— 35 Jahrgang, № 305, 5 November 1918. Aufruf der deutschen Regierung. «An das deutsche Volk». — 263.

ZOLA, ÉMILE. — La joie de vivre. Paris. 1884. — 108.

IV. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ.

№ 1 (к стр. 25).

О ЗАПИСИ В ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ОТРЯДЫ.

«Товарищи рабочие! Советская власть употребляет все усилия, чтобы достать хлеб голодным столицам и губерниям. Поставленное Вами Правительство вводит товарообмен, создает повсеместно в хлебородных губерниях заготовочные аппараты, устраняет дезорганизацию в продовольственных органах, налаживает транспорт, регулирует потребление, борется со спекуляцией. Но хлеб достается Советской власти для голодающей части населения с большим трудом. Сытые и разбогатевшие за годы войны деревенские кулаки, в руках которых остался хлеб от прежних урожаев, не желают давать хлеба голодным. Если раньше, при царском правительстве и правительстве Керенского, хлеба не хотели давать помещики и крупные хлеботорговцы, то теперь эту предательскую роль взяла на себя деревенская буржуазия. Подстрекаемые скрытыми и явными врагами Советской власти и блюдя свои узкие и корыстные интересы, деревенские кулаки пытаются свалить хлебную монополию и государственное регламентирование потребления, то-есть такой порядок снабжения страны хлебом, который один только может дать хлеб голодным. Разрушая хлебную монополию, контр-революционеры всех мастей, опираясь на деревенскую буржуазию, стремятся погубить Советскую власть и сковать цепями капиталистического рабства рабочих и крестьянскую бедноту.

Отказываться от последней нельзя. Борьба за хлеб теперь означает борьбу против контр-революции, уже торжествующей в Финляндии, на Украине и Прибалтийском крае, борьбу за Советскую власть, за социализм. Помните об этом рабочие Красного Петербурга и не колеблясь немедленно начинайте беспощадную борьбу с деревенскими кулаками за хлеб!!

Удержать советскую власть, удержать и закрепить победу трудящихся и эксплуатируемых над помещиками и капиталистами можно только при строжайшей, железной власти сознательных рабочих. Только такая власть может привлечь к себе и объединить вокруг себя всех трудящихся, всю бедноту.

Товарищи-рабочие! Помните, что положение революции критическое. Помните, что спасти революцию можете только вы; больше некому.

Десятки тысяч отборных, передовых, преданных социализму рабочих, неспособных поддаться на взятку и на хищение, способных создать железную силу против кулаков, спекулянтов, мародеров, взяточников, дезорганизаторов,—вот что необходимо.

Вот что необходимо настоятельно и неотложно.

Вот без чего голод, безработица и гибель революции неизбежны.

В организации сила рабочих и спасенье их. Это все знают. Теперь организация рабочих нужна особого рода, организация железной власти рабочих для победы над буржуазией. Товарищи-рабочие! дело революции, спасенье революции в ваших руках.

Время не терпит: за непомерно тяжелым маем придут еще более тяжелые июнь и июль, а может быть еще и часть августа.

Хлеб надо достать во что бы то ни стало. Если нельзя взять хлеб у деревенской буржуазии обычными средствами, то надо взять его силой. Но смеет ли Советская власть давать возможность контрреволюции сделать свое черное дело? Конечно нет! Товарищи рабочие, если нельзя взять хлеб у деревенской буржуазии обычными средствами, то надо взять его силой. Надо бороться за хлеб! И мы призываем Вас к этой борьбе. Записывайтесь в ряды продовольственных отрядов, организуемых Комиссариатом Продовольствия! Оружие и необходимые средства будут даны Вам. Иных мер против протягивающейся костлявой руки голода, которые дали бы немедленно положительные результаты, нет. Вы одержали победу над помещиками и крупной буржуазией. Чтобы довести эту победу до конца, надо одержать еще победу над средней и мелкой буржуазией, над деревенскими кулаками. Эта победа может достаться Вам лишь после больших и упорных усилий. Но какие бы трудности ни стояли на пути новой борьбы, отказаться от последней нельзя. Борьба за хлеб теперь означает борьбу против контр-революции, уже торжествующей в Финляндии, Прибалтийском Крае и на Украине, борьбу за Советскую власть, за социализм. Не забывайте же об этом, рабочие Красного Петербурга, и, не колеблясь, немедленно открывайте беспощадную борьбу с кулаками, мародерами, спекулянтами и дезорганизаторами за хлеб!»

Председатель Совнаркома *В. Ульянов (Ленин).*

«Петроградская Правда» № 103 (329), 22 мая 1918 г.

№ 2 (к стр. 55).

ДЕКРЕТ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПО БОРЬБЕ С ДЕРЕВЕНСКОЙ БУРЖУАЗИЕЙ, УКРЫВАЮЩЕЙ ХЛЕБНЫЕ ЗАПАСЫ И СПЕКУЛИРУЮЩЕЙ ИМИ.

Гибельный процесс развала продовольственного дела страны, тяжкое наследие четырехлетней войны, продолжает все более расширяться и обостряться. В то время, как потребляющие губернии голодают, в производящих губерниях в настоящий момент имеются попрежнему большие запасы даже не обмолоченного еще хлеба урожаев 1916 и 1917 годов. Хлеб этот находится в руках деревенских кулаков и богатеев, в руках деревенской буржуазии. Сытая и обеспеченная, скопившая огромные суммы денег, вырученных за годы войны, деревенская буржуазия остается упорно глухой и безучастной к стонам голодающих рабочих и крестьянской бедноты, не вывозит хлеб к ссыпным пунктам в расчете принудить государство к новому и новому повышению хлебных цен и продает в то же время хлеб у себя на месте по баснословным ценам хлебным спекулянтам-мешочникам.

Этому упорству жадных деревенских кулаков-богатеев должен быть положен конец. Продовольственная практика предшествующих лет показала, что срыв твердых цен на хлеб и отказ от хлебной монополии, об-

легчив возможность пиршества для кучки наших капиталистов, сделал бы хлеб совершенно недоступным для многомиллионной массы трудящихся и подверг бы их неминуемой голодной смерти.

На насилия владельцев хлеба над голодающей беднотой ответом должно быть насилие над буржуазией.

Ни один пуд хлеба не должен оставаться в руках держателей, за исключением количества необходимого для обсеменения их полей и на продовольствие их семей до нового урожая.

И это необходимо провести в жизнь немедленно, особенно после оккупации Украины германцами, когда мы вынуждены довольствоваться хлебными ресурсами, которых едва лишь хватает для обсеменения и урезанного продовольствия.

Обсудив создавшееся положение и принимая во внимание, что только при строжайшем учете и равномерном распределении всех хлебных запасов Россия выбьется из продовольственного кризиса, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов постановил:

1) Подтверждая незыблемость хлебной монополии и твердых цен, а также необходимость беспощадной борьбы с хлебными спекулянтами-мешочниками, обязать каждого владельца хлеба весь избыток, сверх количества, необходимого для обсеменения полей и личного потребления по установленным нормам до нового урожая, заявить к сдаче в недельный срок после объявления этого постановления в каждой волости. Порядок этих заявок определяется Народным Комиссариатом Продовольствия через местные продовольственные органы.

2) Призвать всех трудящихся и неимущих крестьян к немедленному объединению для беспощадной борьбы с кулаками.

3) Объявить всех, имеющих излишек хлеба и не вывозящих его на ссыпные пункты, а также расточающих хлебные запасы на самогонку, — врагами народа, предавать их революционному суду с тем, чтобы виновные приговаривались к тюремному заключению на срок не менее 10-ти лет, изгонялись навсегда из общины, все их имущество подвергалось конфискации, а самогонщики, сверх того, присуждались к принудительным общественным работам.

4) В случае обнаружения у кого-либо избытка хлеба, не заявленного к сдаче, согласно пункту 1-му, хлеб отбирается у него бесплатно, а причитающаяся по твердым ценам стоимость незаявленных излишков выплачивается в половинном размере тому лицу, которое укажет на сокрытые излишки, после фактического поступления их на ссыпные пункты, и в половинном размере — сельскому обществу. Заявление о сокрытых излишках делаются местным продовольственным организациям.

Принимая затем во внимание, что борьба с продовольственным кризисом требует применения быстрых и решительных мер, что наиболее плодотворное осуществление этих мер требует в свою очередь централизации всех распоряжений продовольственного характера в едином учреждении и что таким учреждением является Народный Комиссариат Продовольствия, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов постановляет для более успешной борьбы с продовольственным кризисом предоставить Народному Комиссару Продовольствия следующие полномочия:

1) Издавать обязательные постановления по продовольственному делу, выходящие за обычные пределы компетенции Народного Комиссариата Продовольствия.

2) Отменять постановления местных продовольственных органов и других организаций и учреждений, противоречащие планам и действиям Народного Комиссара Продовольствия.

3) Требовать от учреждений и организаций всех ведомств безоговорочного и немедленного исполнения распоряжений Народного Комиссара Продовольствия в связи с продовольственным делом.

4) Применять вооруженную силу в случае оказания противодействия отбиранию хлеба или иных продовольственных продуктов.

5) Распускать или реорганизовать продовольственные органы на местах в случае противодействия их распоряжениям Народного Комиссара Продовольствия.

6) Увольнять, смещать, предавать революционному суду, подвергать аресту должностных лиц и служащих всех ведомств и общественных организаций в случае дезорганизующего вмешательства их в распоряжения Народного Комиссара Продовольствия.

7) Передавать настоящие полномочия (кроме права подвергать аресту, пункт 6) другим лицам и учреждениям на местах с одобрения Совета Народных Комиссаров.

8) Все мероприятия Народного Комиссара Продовольствия, связанные по характеру их с ведомствами Путей Сообщения и Высшего Совета Народного Хозяйства, осуществляются по совещании с соответствующими ведомствами.

9) Постановления и распоряжения Народного Комиссара Продовольствия, издаваемые в порядке настоящих полномочий, проверяются Коллегией Народного Комиссариата Продовольствия, имеющей право, не приостанавливая исполнения, обжаловать их в Совет Народных Комиссаров.

Настоящий декрет вступает в силу со дня его подписания и вводится в действие по телеграфу.

Подписали: Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов *Я. Свердлов.* Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин).* Секретарь Всер. Центр. Исп. Ком. *Аванесов.*

9 мая (26 апреля) 1918 года.

«Собр. Узак. и Распоряж.» 1917—1918, Отд. I.

№ 3 (к стр. 55).

ДЕКРЕТ О РЕОРГАНИЗАЦИИ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ И МЕСТНЫХ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНОВ.

Народный Комиссариат Продовольствия.

§ 1. Признавая необходимым объединить в одном органе снабжение населения всеми предметами первой необходимости и продовольствия, организовать в государственном масштабе распределение этих товаров и подготовить переход к национализации торговли предметами первой необходимости, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов постановляет возложить на Народный Комиссариат Продовольствия выполнение указанных задач.

§ 2. Центральные органы, регулирующие производство и распределение того или иного предмета первой необходимости, в деле распределения подчиняются всем указаниям Народного Комиссариата Продовольствия. Те из этих органов, которые имеют чисто распределительные функции, переходят в ведение Народного Комиссариата Продовольствия.

Примечание. Утверждение общего плана распределения предметов первой необходимости, производство коих регулируется Высшим Советом Народного Хозяйства, принадлежит Народному Комиссару Продовольствия по соглашению с председателем Высшего

Совета Народного Хозяйства, причем принятые ими планы с обозначением тех продуктов, на которые эти планы распространяются, равно как и периодические отчеты о количестве продуктов, фактически распределенных по этим планам, публикуются во всеобщее сведение.

§ 3. Цены на предметы первой необходимости устанавливаются Высшим Советом Народного Хозяйства совместно с Народным Комиссариатом Продовольствия.

§ 4. Распределение между населением осуществляется местными продовольственными организациями при участии кооперации на основании декрета о потребительских кооперативных организациях (Собр. Узак. и Расп. Раб. и Крест. Правит. № 32, ст. 418).

Примечание. Частная торговля предметами первой необходимости может быть допущена под контролем и на основаниях, устанавливаемых областными и губернскими продовольственными органами в согласии с общими указаниями Народного Комиссариата Продовольствия и положениями о частной торговле.

§ 5. Для выработки планов распределения предметов первой необходимости, заготовки сельско-хозяйственных продуктов и товарообмена и для согласования действия организаций, ведающих снабжением, при Народном Комиссариате Продовольствия учреждается Совет Снабжения, являющийся совещательной комиссией, из представителей Народного Комиссариата Продовольствия, Высшего Совета Народного Хозяйства, Комиссариатов Торговли и Промышленности, Путей Сообщения, Земледелия и Военно-Морского ведомства, областных и столичных комитетов продовольствия, Центрального Союза потребительных обществ, действующий на основании особого положения, издаваемого Народным Комиссариатом Продовольствия.

Местные органы.

§ 1. Уездные, губернские и областные (краевые) продовольственные комитеты преобразуются на следующих основаниях:

§ 2. 1) Уездные продовольственные комитеты состоят из:

а) уездного комиссара продовольствия, избираемого уездным Советом Рабочих и Крестьянских Депутатов и утверждаемого губернским комиссаром продовольствия, и

б) коллегии, список членов которой составляется уездным комиссаром продовольствия и утверждается исполнительным органом уездного Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Уездные продовольственные комитеты действуют под контролем уездного Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов и находятся в подчинении губернского комитета продовольствия.

Примечание. Народный Комиссар Продовольствия делегирует в каждый уездный продовольственный комитет отпускающих хлеб губерний с правом решающего голоса от одного до половины общего числа членов уездного продовольственного комитета из списка кандидатов, рекомендованных профессиональными союзами рабочих или Советскими организациями потребляющих губерний и партиями, стоящими на Советской платформе. Подробные правила о делегировании таковых членов вырабатываются Народным Комиссариатом Продовольствия.

2) Губернские продовольственные комитеты состоят из:

а) губернского комиссара продовольствия, избираемого губернским Советом Рабочих и Крестьянских Депутатов и утверждаемого Народным Комиссаром продовольствия, и

б) коллегии, список членов которой составляется губернским комиссаром продовольствия и утверждается исполнительным органом губернского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов.

В губерниях, вывозящих хлеб, в состав губернского комитета продовольствия входят с правом решающего голоса два представителя от областных продовольственных комитетов потребляющих губерний, один представитель от столиц, по соглашению последних, и один представитель от армии и флота.

Примечание. С согласия Народного Комиссара Продовольствия в состав губернского продовольственного комитета могут входить указанные выше представители и в губерниях, вывозящих другие продукты и предметы первой необходимости.

Губернские продовольственные комитеты действуют под контролем местного Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов и находятся в подчинении Народного Комиссара Продовольствия.

3) Областные продовольственные комитеты состоят из:

а) областного комиссара снабжения, избираемого съездом представителей губернских продовольственных комитетов, входящих в состав данной области, и утверждаемого Народным Комиссаром Продовольствия, и

б) коллегии, список членов которой составляется областным комиссаром и утверждается тем же съездом.

В состав коллегии каждого областного комитета входят с правом решающего голоса по одному представителю от других областных комитетов продовольствия, один представитель от центральных железнодорожных продовольственных органов, два представителя от кооперативных объединений и один представитель от армии и флота.

Областные комитеты продовольствия находятся в подчинении Народного Комиссара Продовольствия.

Примечание: а) При составлении списков членов коллегии, областные, губернские и уездные комиссары включают в таковые лиц, обладающих необходимыми знаниями в делах продовольствия и снабжения, в том числе и представителей кооперации, хотя бы они и не состояли членами Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов.

б) На обязанность всех местных продовольственных органов возлагается наблюдение за деятельностью кооперации и направление ее по руслу, обеспечивающему осуществление Советской политики, а равно и использование кооперативных организаций в целях проведения и более полного укрепления хлебной монополии.

4) Городские продовольственные комитеты учреждаются на основаниях, устанавливаемых городскими Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов, и находятся в подчинении губернских комиссаров продовольствия, а столичные — Народного Комиссара Продовольствия.

§ 3. При местных продовольственных органах, по усмотрению Народного Комиссара Продовольствия, учреждаются особые отряды из сознательных и рекомендованных партиями, стоящими на Советской платформе, профессиональными и Советскими организациями рабочих, формируемые по преимуществу в потребляющих районах.

Отряды эти находятся в распоряжении местных продовольственных органов и в своей деятельности подчиняются указаниям последних.

Местные продовольственные органы пользуются отрядами в целях организационных, инструкторских и агитационных.

Главнейшей задачей рабочих отрядов должна быть организация трудового крестьянства против кулаков.

Деятельность этих отрядов определяется особой инструкцией, утвержденной Народным Комиссаром Продовольствия.

§ 4. К предметам ведения областных, губернских и уездных продовольственных комитетов относятся:

а) неуклонное осуществление хлебной монополии, т.-е. изъятие по установленным твердым ценам всех излишков хлеба из рук владельцев и сбор этих излишков в государственных складах.

б) исполнение нарядов Народного Комиссариата Продовольствия по заготовкам продовольствия и предметов первой необходимости.

в) распределение продовольствия и предметов первой необходимости среди населения согласно планам и инструкциям Народного Комиссариата Продовольствия.

§ 5. Во все местные продовольственные комитеты Народный Комиссар Продовольствия может, в целях правильного снабжения всего населения Республики предметами первой необходимости по своему усмотрению назначать представителей Народного Комиссариата Продовольствия с правом приостанавливать исполнение решений комитетов, о каковом приостановлении немедленно должно сообщаться Народному Комиссару Продовольствия, от которого зависит утвердить приостановленное решение или заменить его собственным решением.

> *Примечание.* Общее число представителей Народного Комиссариата Продовольствия и потребляющих губерний должно составлять не менее $^{1}/_{3}$ и не более половины всего числа членов губернских продовольственных комитетов.

§ 6. Народный Комиссар Продовольствия имеет право, в случае нарушения общегосударственного плана снабжения и интересов населения всей Республики, отстранять местных комиссаров продовольствия и требовать выбора новых, отменять постановления местных советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, а в особо важных случаях входить в Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов с предложением о предании их суду.

§ 7. Губернские и, по их поручению, уездные продовольственные комитеты организовывают в пределах своих территорий заготовительные конторы, используя для этой цели кооперативы, согласно декрета о потребительских кооперативных организациях (Собр. Узак. и Расп. Раб. и Крест. Правит., № 32, ст. 418), и прочие технические аппараты, как то: конторы областных продовольственных комитетов и других общественных организаций, а также частно-торговые аппараты. Все названные аппараты в деле заготовки находятся в распоряжении местных продовольственных органов.

§ 8. Наблюдение над тем, чтобы деятельность заготовительных контор не встречала противодействия со стороны кулаков и спекулянтов и чтобы на территории волости, селения или заводской местности не оставалось излишков хлеба или другого монополизированного продукта, необходимого для населения всей республики, возлагается на волостные, сельские и заводские Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов под личной ответственностью их председателей и членов исполнительных комитетов. В этом отношении сельские и заводские Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов подчиняются уездным продовольственным комитетам.

§ 9. В тех волостях, селениях и заводских местностях, где еще не достигнуто объединение населения кооперативами и где местные Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов не берут на себя непосредственно

дела распределения, учреждаются волостные, сельские и заводские комитеты распределения продовольствия и предметов первой необходимости, руководствующиеся в своих действиях общими планами распределения и подчиняющиеся подлежащим местным продовольственным комитетам.

Примечание. В тех случаях, когда распределение продовольствия и предметов первой необходимости связано с расходами, они покрываются надбавкою на цену распределяемых продуктов.

§ 10. Инструкция этим распределительным органам вырабатывается и утверждается местными уездными и губернскими Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов, согласно с общей инструкцией Народного Комиссара Продовольствия. Распределительные органы находятся в подчинении уездных и губернских комитетов продовольствия.

§ 11. Областные, губернские и уездные комиссары продовольствия и коллегии при них, а также волостные, сельские и заводские комитеты распределения продовольствия и предметов первой необходимости сохраняют свои полномочия в течение срока полномочий подлежащих Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов и в целях непрерывности работы окончательно слагают свои полномочия лишь по сдаче дел вновь избранным членам названных организаций.

§ 12. Реорганизация местных продовольственных органов на изложенных основах производится в отдельных губерниях и областях в сроки, определяемые Народным Комиссаром Продовольствия.

Подписали: Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов *Я. Свердлов.* Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин).* Секретарь Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов *В. Аванесов.*

27/14 мая 1918 г. *«Собр. Узак. и Распоряж.» 1917—1918 г., отд. I.*

№ 4 (к стр. 126).

ДЕКРЕТ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕРЕВЕНСКОЙ БЕДНОТЫ И СНАБЖЕНИИ ЕЕ ХЛЕБОМ, ПРЕДМЕТАМИ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ И СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ОРУДИЯМИ.

§ 1.

Повсеместно учреждаются волостные и сельские Комитеты деревенской бедноты, организуемые местными Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов при непременном участии продовольственных органов и под общим руководством Народного Комиссариата Продовольствия и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. Всем Советам Рабочих и Крестьянских Депутатов предлагается немедленно приступить к проведению в жизнь настоящего декрета. Губернские и уездные Советы должны принять самое активное участие в организации Комитетов деревенской бедноты. На губернские и уездные Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов возлагается ответственность в равной мере с волостными и сельскими Советами за неукоснительное осуществление настоящего декрета.

§ 2.

Избирать и быть избранными в волостные и сельские Комитеты бедноты могут все без каких бы то ни было ограничений, как местные, так и пришлые жители сел и деревень, за исключением заведомых кула-

ков и богатеев, хозяев, имеющих излишки хлеба или других продовольственных продуктов, имеющих торговопромышленные заведения, пользующихся батрацким или наемным трудом и т. п.

Примечание. Пользующиеся наемным трудом для ведения хозяйства, не превышающего потребительской нормы, могут избирать и быть избираемы в Комитеты деревенской бедноты.

§ 3.

В круг деятельности волостных и сельских Комитетов бедноты входит следующее:

1) Распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий.

2) Оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев.

§ 4.

Круг лиц, снабжение которых хлебом, предметами первой необходимости и сельско-хозяйственными орудиями составляет обязанность волостных и сельских Комитетов бедноты, определяется самими Комитетами.

Примечание. Постановления, принимаемые в связи с этим волостными и сельскими Комитетами бедноты с согласия уездных продовольственных органов, могут отменяться высшими продовольственными органами, если они противоречат основным целям организации деревенской бедноты.

§ 5.

Образуемые местными продовольственными органами в зависимости от наличных запасов и от степени нужды населения особые запасы хлеба, предметов первой необходимости и сельско-хозяйственных орудий поступают в ведение волостных Комитетов бедноты.

§ 6.

Распределение на указанных ниже льготных условиях хлеба, предметов первой необходимости и сельско-хозяйственных орудий между деревенской беднотой производится сельскими Комитетами бедноты по спискам, составляемым ими же и утверждаемым волостными Комитетами бедноты.

Примечание. Распределительные списки, составляемые сельскими Комитетами бедноты и утверждаемые волостными, могут быть опротестованы уездными и губернскими Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов и соответственными продовольственными органами.

§ 7.

Распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельско-хозяйственных орудий производится по нормам, вырабатываемым губернскими продовольственными органами в строгом соответствии с общими планами снабжения Народного Комиссариата Продовольствия и нормами, устанавливаемыми губернскими продовольственными органами.

Примечание. В зависимости от степени нужды в хлебе в потребляющих районах и успешности изъятия хлеба из рук кулаков и богатеев, размеры хлебного пайка, выдаваемого бедноте, могут изменяться в разные периоды распределения губернскими продовольственными органами.

§ 8.

Временно, впредь до особого распоряжения Народного Комиссара Продовольствия, устанавливаются следующие правила распределения хлеба:

а) из хлебных излишков, изъятых по определению губернских и уездных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов и соответственных продовольственных органов полностью из рук кулаков и богатеев и ссыпанных в государственные хлебные склады до 15-го июля с. г., выдача хлеба деревенской бедноте производится по установленным нормам бесплатно, за счет государства;

б) из хлебных излишков, изъятых из рук кулаков и богатеев, после 15-го июля, но не позднее 15-го августа с. г., выдача хлеба деревенской бедноте производится по установленным нормам за плату, со скидкою 50 процентов с твердой цены;

в) из хлебных излишков, изъятых из рук кулаков и богатеев в течение второй половины августа с. г., выдача хлеба деревенской бедноте производится по установленным нормам за плату, со скидкой 20 процентов с твердой цены.

§ 9.

Временно, впредь до особого распоряжения Народного Комиссара Продовольствия, устанавливаются следующие основания, на которых волостными Комитетами бедноты распределяются предметы первой необходимости и простейшие сельско-хозяйственные орудия:

а) в волостях, где к 15-му июля с. г. хлебные излишки по определению губернских и уездных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов и соответственных продовольственных органов окажутся полностью изъятыми из рук кулаков и богатеев, предметы первой необходимости и простейшие сельско-хозяйственные орудия отпускаются деревенской бедноте со скидкой 50 процентов с установленных цен;

б) в волостях, где хлебные излишки будут изъяты из рук кулаков и богатеев к 15-му августа с. г., предметы первой необходимости и простейшие сельско-хозяйственные орудия будут отпускаться деревенской бедноте со скидкой 25 процентов с установленных цен;

в) в волостях, где хлебные излишки окажутся изъятыми из рук кулаков и богатеев в течение второй половины августа с. г., предметы первой необходимости и простейшие сельско-хозяйственные орудия отпускаются деревенской бедноте со скидкой 15 процентов с установленных цен.

§ 10.

В распоряжение волостных Комитетов бедноты передаются сложные сельско-хозяйственные орудия для организации общественной обработки полей и уборки урожая деревенской бедноты, причем за пользование такого рода орудиями плата не должна взиматься в местностях, где волостными и сельскими Комитетами бедноты будет оказываться энергичное содействие продовольственным органам в изъятии излишков из рук кулаков и богатеев.

§ 11.

Для осуществления настоящего декрета в распоряжение Народного Комиссариата Продовольствия отпускаются денежные средства в необходимых размерах, по мере надобности, по постановлениям Совета Народных Комиссаров.

Подписали: Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов *Я. Свердлов.* Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин).* Секретарь *В. Аванесов.*

11 июня (29 мая) 1918 г. *«Собр. Узак. и Распоряж.» 1917 — 1918. Отд. I.*

№ 5 (к стр. 244).

РЕЗОЛЮЦИЯ VI СЪЕЗДА СОВЕТОВ О ЗАКОННОСТИ.

За год революционной борьбы рабочий класс России выработал основу законов Российской С.Ф.С.Р., точное соблюдение которых необходимо для дальнейшего развития и укрепления власти рабочих России. С другой стороны, непрекращающиеся попытки контр-революционных заговоров и война, навязанная империалистами рабочим и крестьянам России, делают в некоторых случаях неизбежным принятие экстренных мер, не предусмотренных в действующем законодательстве или отступающих от него. Исходя из этого, Всероссийский Чрезвычайный Съезд постановляет: Во-первых, призвать всех граждан Республики, все органы, всех должностных лиц Советской власти к строжайшему соблюдению законов Р.С.Ф.С.Р., изданных или издаваемых центральной властью постановлений, положений, распоряжений. Во-вторых, впредь постановить, что меры, отступающие от законов Р.С.Ф.С.Р или выходящие за их пределы, допустимы лишь в том случае, если вызваны экстренными мерами гражданской войны и борьбы с контр-революцией. В каждом данном случае применение подобной меры должно сопровождаться: а) точным формальным установлением соответствующего советского учреждения или должностного лица наличности условий, требующих выхода из пределов закона, б) немедленным сообщением заявления в письменной форме в Совнарком с копией для местных заинтересованных властей. В-третьих, вменить в обязанность всем должностным лицам и советским учреждениям, по требованию любого гражданина Республики, желающего обжаловать действия, волокиту или чинимые ему в его законных притязаниях затруднения, составление соответствующего краткого протокола, в котором должны быть указаны время, место, имена должностных лиц или названо учреждение и сущность дела. Копия протокола тут же выдается жалобщику, другая же немедленно сообщается соответствующим высшим учреждениям. В-четвертых, при конфликтах и спорах между должностными лицами или учреждениями о пределах их ведения составляются обеими сторонами или одной из них подобные же краткие протоколы для сообщения высшим учреждениям. В-пятых, за явно неосновательное, грубым злоупотреблением являющееся требование протокола, равно, как за отказ от составления его, привлекать к народному суду.

Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов.
Стенографический отчет.

№ 6 (к стр. 244).

РЕЗОЛЮЦИЯ VI СЪЕЗДА СОВЕТОВ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЦЕНТРЕ, КОМИТЕТЫ БЕДНОТЫ И СОВЕТЫ НА МЕСТАХ.

«Октябрьская революция привела к победе над буржуазией пролетариата в городе. Отсталые отношения в деревне задержали там революционно-социалистическую борьбу. Победив, пролетариат, в целях закрепления и расширения социалистической революции, постановил создать в деревне особые организации, которые непосредственно связали бы деревенскую бедноту с городским пролетариатом. Существовавшие в деревнях и волостях Советы не являлись органами революционной борьбы

с деревенской буржуазией; более того: в ряде мест даже включали ее в свой состав. Городской пролетариат, переживающий в это время тяжелый продовольственный кризис, для его преодоления должен был объединить и организовать пролетарские элементы в деревне, чтобы вместе с ними сломить сопротивление деревенских кулаков, спекулировавших на голоде.

На Комитеты Бедноты, созданные декретом 11 июля, и была возложена задача обуздать спекуляцию кулаков и вызвать к активной политической жизни те слои деревни, которые способны проводить задачи пролетарской социалистической революции. Комитеты должны были вырвать из-под влияния кулаков-мироедов среднее трудовое крестьянство и повести его за собой. Комитеты в этой своей работе неизбежно должны были выйти за пределы декрета 11 июля. Комитеты объединили наиболее революционные элементы в деревне, вовлекли в общую борьбу с кулачеством среднее трудовое крестьянство и стали превращаться в вершителей всей политической административной и хозяйственно-экономической жизни села или волости. В деревне, таким образом, создалось двоевластие, приводившее к бесплодной растрате сил и путанице в отношениях. Между тем, укрепление власти рабочих и крестьян в России невозможно без единообразной организации Советов на всей территории Р. С. Ф. С. Р. Диктатура пролетариата рабочих и беднейших крестьян должна быть проведена последовательно от высших органов Советской власти до низу. Социалистическое строительство будет закончено лишь при том условии, когда Советская организация установится повсюду в деревнях в точном соответствии с конституцией Советской Республики. Только при этом условии беднейшее и примыкающее к нему среднее трудовое крестьянство получит полную возможность окончательно закрепить за собою завоевания социалистической революции. Только создание единой Советской организации в городе и деревне закрепит слияние пролетариата города с пролетариатом и полупролетарскими элементами деревни в общей борьбе против всех видов угнетателей. Комитеты бедноты, объединившие на деле беднейшее крестьянство, должны принять самое активное участие в преобразовании волостных и сельских Советов в истинные органы Советской власти и коммунистического строительства. Всероссийский Съезд Советов, исходя из необходимости завершить Советское строительство созданием единообразной организации Советов на всей территории Советской Республики, предлагает всем Губернским и Уездным Советам незамедлительно приступить к перевыборам всех волостных и сельских Советов, возлагая непосредственное проведение в жизнь перевыборов на Комитеты деревенской бедноты, являющиеся органами коммунистического строительства в деревне. Общее руководство преобразования Советов в деревнях поручается В. Ц. И. К., которому вменяется в обязанность выработать подробную инструкцию».

Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов. Стенографический отчет.

№ 7 (k стр. 478).

РЕЗОЛЮЦИЯ II СЪЕЗДА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ О ЗАДАЧАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

«Год политической и экономической диктатуры пролетариата, рост мировой рабочей революции вполне подтвердили правильность позиции 1-го Всероссийского Съезда Профессиональных Союзов, безоговорочно связавшего судьбу экономически организованного пролетариата с судьбой Рабоче-Крестьянской Власти.

Попытка, под флагом «единства» и «независимости» профессионального движения, противопоставить экономически организованный пролетариат органам его классовой, политической диктатуры, привела группы, поддерживавшие этот лозунг, к открытой борьбе против Советской Власти и поставила их вне рядов рабочего класса.

В процессе совместной практической работы с Советской Властью над укреплением и организацией народного хозяйства Профессиональные Союзы перешли от контроля над производством к его организации, принимая активное участие как в управлении отдельными предприятиями, так и во всей экономической жизни страны.

Но дело обобществления всех орудий производства и организации общества на новых социалистических началах требует упорной, длительной работы над перестройкой всего государственного аппарата, создания новых органов учета, контроля и регулирования всего производства и потребления, покоющихся на организационной самодеятельности самих заинтересованных широких трудящихся масс.

Это диктует Профессиональным Союзам более деятельное и энергичное участие в работе Советской Власти (путем непосредственной работы во всех государственных органах, организации пролетарского массового контроля над их действиями и выполнения через свои организации отдельных задач, стоящих перед Советской Властью), содействие в перестройке различных государственных учреждений и постепенной замене их своими организациями путем слияния органов союзов с органами государственной власти.

Однако, было бы ошибкой на данной стадии развития профессионального движения, при недостаточно оформившихся организациях, как немедленное превращение союзов в органы государственной власти и слияние их с таковыми, так равно и самовольное присвоение союзами функций государственных органов.

Весь процесс полного слияния профессиональных союзов с органами государственной власти (процесс так наз. огосударствления) должен явиться как совершенно неизбежный результат их совместной теснейшей и согласованной работы и подготовки профессиональными союзами широких рабочих масс к делу управления государственным аппаратом и всеми хозяйственными регулирующими органами.

Это, в свою очередь, ставит перед союзами задачу сплочения еще неорганизованных широких пролетарских и полупролетарских масс в крепкие производственные союзы, вовлечение их под контролем пролетарских союзов в дело социалистического строительства и в общую работу над укреплением своих организаций в смысле централизации и стройности союзного строительства и укрепление профессиональной дисциплины.

Принимая непосредственное участие во всех областях советской работы, выделяя из себя и формируя государственные органы, профессиональные союзы должны путем этой работы через привлечение к ней как своих организаций, так и широких масс рабочих, воспитывать и подготовлять их к делу управления не только производством, но и всем государственным аппаратом.

Второй Всероссийский Съезд Проф. Союзов
16 — 25 января 1919 г.

V. ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Доклад Ленина о внешней политике вызвали на заседании страстные прения. С содокладом выступал Б. Камков, призывавший к разрыву Брестского мира и вооруженной борьбе с немцами, которые захватили Украину и совершили переворот, поставив у власти Скоропадского. Представитель партии правых эсеров Э. Коган-Бернштейн требовал устранения «бессознательного революционера Ленина», призывал к борьбе за Учредительное собрание. Ю. Мартов, выступавший вслед за Коган-Бернштейном, заявив, что меньшевики авансом не доверяют правительству Ленина, закончил свою речь возгласом: «долой диктатуру, да здравствует Республика».

С заключительным словом вместо Ленина выступил Я. М. Свердлов, отвечавший на нападки меньшевиков, правых и левых эсеров. В резолюции, предложенной правыми эсерами, выдвигались требования порвать с Брестским миром и восстановить «легкомысленно порванные большевистской властью союзные связи с антигерманской коалицией для совместной борьбы за всеобщий демократический мир» и для «восстановления общенациональной демократической власти в лице всенародного Учредительного Собрания, которое одно, положив конец преступной политике распада, разложения и дезорганизации, будет способно объединить задачи национального возрождения России с задачей спасения завоеваний русской Революции». Меньшевистская резолюция также требовала созыва Учредительного собрания и «полного восстановления политических и гражданских свобод». Подавляющим большинством была принята резолюция большевиков, которая одобряла политику Советской власти и указывала на необходимость усиления работы по организации Красной армии и усиления диктатуры над буржуазией. — 1.

[2]) *Московская областная конференция Р.К.П.(б.)* в мае 1918 г. происходила в период окончания борьбы с «левыми коммунистами», резко критиковавшими позицию Ц.К. партии во внешней политике. От левых коммунистов выступал Г. И. Ломов и ряд других товарищей. В результате голосования была принята большинством 42 против 9 резолюция, в основу которой были положены тезисы Ленина по текущему моменту. — 17.

[3]) *Всероссийский съезд представителей финансовых отделов Советов* 17 — 22 мая 1918 года в своих работах принял большинство предложений Ленина. Так, было принято его предложение о необходимости введения подоходно-поимущественного налога. Предложение это было вызвано необходимостью улучшить финансовое положение страны и перейти к более стройной системе взимания налогов. Уже в ноябре 1917 г. отсутствие средств в государственной кассе (в первое полугодие 1918 г. доходы составляли 3 миллиарда 294 миллиона рублей, а расходы — 20 миллиардов

480 миллионов рублей, — сюда не входило содержание комиссариатов, В.С.Н.Х. и железных дорог) побудило С.Н.К издать декрет, в котором указывалось, что местные советы, в качестве власти на местах, «обладают также налоговыми правами, вследствие чего все обращения к центральной власти за субсидиями будут оставаться без удовлетворения». Контрибуции, имевшие целью экономическое обезоружение буржуазии, не могли продолжительное время быть главным источником дохода, тем более, что и размер получаемых средств был неопределенным. Согласившись с предложением Ленина заменить контрибуции подоходно-поимущественным налогом с короткими сроками, съезд поручил специальной комиссии из 6 человек разработать систему взимания подоходного налога, что и нашло свое выражение в декрете 17 июня 1918 г. «Об изменении и дополнении декрета от 24 ноября 1917 г. о взимании прямых налогов». — 18.

[4]) *Конференция национализированных предприятий* (12 — 18 мая 1918 г.) была созвана для обсуждения вопросов, связанных с национализацией крупнейших предприятий (Сормово, Коломна, Брянский, Златоустовский, Белорецкий заводы, Балтийский, вагоностроительный завод в Твери и др.). Конференции предшествовало длительное обсуждение в хозяйственных, профессиональных органах и Совнаркоме так называемого «проекта Мещерского», одного из крупнейших деятелей промышленного мира. Суть проекта сводилась к созданию крупнейшего комбинированного объединения, включающего все основные металлургические предприятия России с 300.000 рабочих, причем акции этого объединенного предприятия автор проекта предлагал распределить между промышленниками и государством. 18 апреля 1918 г. в Совнаркоме «проект Мещерского» подвергся окончательному обсуждению и был отвергнут. На этом же заседании было принято решение о полной национализации металлургических заводов. Однако на конференции часть делегатов, главным образом, инженеров (конференция состояла из представителей национализированных предприятий по 6 от каждого предприятия: 3 рабочих, 2 инженеров и 1 служащего) воздержалась при голосовании резолюции, одобрявшей курс на национализацию промышленности, а профессор Гриневецкий прямо высказывался за принятие «проекта Мещерского». Конференцией была принята резолюция о необходимости национализации металлургических заводов. По рекомендации Ленина конференцией был избран временный комитет по организации объединенных государственных металлургических заводов (Гомза), состоящий при В.С.Н.Х. В состав комитета вошли по 1 представителю от каждого предприятия. Конференцией была выработана также инструкция по управлению национализированными предпри- [redacted]

Временные правила внутреннего распорядка на Брянском металлическом заводе, о которых упоминает Ленин в письме, были изданы 9 мая 1918 г. за подписью фабрично-заводского комитета и директора завода А. Рожкова. Правила отражают самый первый этап установления новой трудовой дисциплины. Они действовали до сентября 1918 г., когда были заменены новыми, более подробно разработанными правилами. Вот существенные положения этих упоминаемых Лениным правил.

«На заводе всякое распоряжение, относящееся к порядку и ходу работ, имеет силу в том случае, если оно исходит от директора завода и в цехах от начальника цеха», которые являются ответственными за производство. По вопросам труддисциплины начальники цехов обращаются по обеим линиям: к директору и к завкому.

Лица, зарегистрированные в противодействии правильному и продуктивному течению работы, подвергаются наказанию, степень которого определяется совместно с Заводоуправлением и Заводским Комитетом, при повторных случаях наказание может быть усилено вплоть до расчета.

Никакие митинги или собрания на заводе не допускаются и возможны лишь в самых крайних случаях по особому на каждый раз объявлению за подписью Заводского Комитета и директора завода.

Рабочим и служащим, находящимся на заводе, оплата производится только за работу. Лица, не выполняющие работы, платы не получают.

Всякие вопросы о размере оплаты труда проводятся только через Профессиональные Союзы по соглашению с Заводоуправлением. Непосредственное обращение к Заводоуправлению (к директору завода, начальникам цехов или отделов) помимо профессиональных организаций не допускается. — 22.

[5]) Настоящий набросок, написанный рукой Ленина, вошел в текст телеграммы, посланной от имени председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара по продовольствию на имя Г. Е. Зиновьева и Петроградского комитета партии со следующим предложением: «Опубликуйте следующее воззвание на всех заводах и фабриках и примите меры к немедленной записи в продовольственные отряды». В «Известиях В.Ц.И.К. Советов» 29 мая 1918 г. № 107 (371) телеграмма была помещена без вставки Ленина. В таком виде телеграмма была ошибочно перепечатана в Собрании сочинений Н. Ленина (т. XX, ч. II, стр. 235 — 236). Полный текст телеграммы дается в приложениях (стр. 51). 24 — 25.

[6]) Письмо к питерским рабочим «О голоде» написано В. И. после беседы с председателем закупочной комиссии Путиловского завода, А. В. Ивановым. — 26.

[7]) *II съезд комиссаров труда* (май 1918 г.), на котором был представлен целый ряд рабочих организаций: областные комитеты труда, биржи труда, больничные кассы и пр., разработал ряд мероприятий, нашедших потом выражение в декретах, сохранивших свое значение и по настоящее время.

В ответ на предложение Ленина о повышении производительности труда, съезд принял решение создать на местах бюро нормирования зарплаты и труда и принял законоположение об охране труда. — 32.

[8]) *I Всероссийский съезд Советов народного хозяйства* (25 мая — 4 июня 1918 г.) имел серьезное значение в определении экономической политики Советского государства. Брестский договор, вносивший значительные изменения в общеэкономическое положение страны, нарушение всей хозяйственной системы, вызванное гражданской войной (Украина и Донецкий бассейн были отрезаны), отход Польши и Прибалтийских стран, неналаженность системы управления хозяйством страны, необходимость перехода к национализации промышленности—поставили перед съездом важную задачу: наметить методы и пути организации народного хозяйства при диктатуре пролетариата в тяжелых условиях гражданской войны.

Съезд заслушал, кроме вступительного слова Ленина, следующие доклады: К. Радека «Экономические последствия Брестского договора», В. П. Милютина «Экономическое положение и экономическая политика», А. И. Рыкова «О деятельности В. С. Н. Х.», Г. М. Сокольникова и И. Э. Гуковского «О финансовом положении и бюджете».

Съезд признал необходимым переход к дальнейшей всеобщей национализации, распространив ее не только на основные отрасли промышленности, но и на частно-торговый аппарат. Съезд принял положение об управлении национализированными предприятиями, постановление о товарообмене между городом и деревней, проект реорганизации В. С. Н. Х. и разработал ряд мер в области борьбы за трудовую дисциплину и повышение производительности труда.

Насколько широко мыслилась деятельность Высшего совета народного хозяйства, видно из положения о В. С. Н. Х, принятого съездом. В нем говорилось: «Все комиссариаты в вопросах, касающихся народно-хозяйственной жизни, подчинены В. С. Н. Х. и их хозяйственные аппараты вли-

ваются в соответствующие производственные отделы В. С. Н. Х.». Позднее, в принятом 13 августа 1918 г. Совнаркомом положении о В. С. Н. Х., руководящая роль В. С. Н. Х. в регулировании и организации народного хозяйства страны была значительно урезана: за В. С. Н. Х. осталось лишь право рассмотрения смет и финансирования совместно с народными комиссариатами финансов и контроля «всех отраслей народного хозяйства».

Серьезные разногласия по важнейшим вопросам повестки дня съезда оказались между большинством съезда и «левыми коммунистами».

В. В. Оболенский (Н. Осинский), содокладчик по вопросу «об экономическом положении и экономической политике», считал, что картина хозяйственного положения страны, нарисованная докладчиком В. П. Милютиным, слишком оптимистична. По мнению содокладчика, «способность к выживанию почти исчерпана», а «упадок материальных производительных сил дошел до того предела, когда начинается умирание». «Левые коммунисты» настаивали на немедленной и всеобщей национализации, находя темп индустриализации, проводимый Совнаркомом, недостаточным и не гарантирующим укрепления пролетарской диктатуры в области экономики. Выдвинутое в тезисах В. П. Милютина требование в отношении производительности труда: соразмерить заработную плату с размерами выработки, «левые коммунисты» считали также несоответствующим принципам диктатуры пролетариата. На ряду с этим «левые коммунисты» возражали и против централизации управления, настаивая на большей самостоятельности мест.

Присутствовавшие на съезде меньшевики и правые эсеры высказывались против всей программы, выдвинутой съездом, не выставляя своей собственной. — 36.

[9]) Доклад Ленина о борьбе с голодом вызвал оживленные прения. Меньшевик Череванин выступил с резкой критикой продовольственной политики Советской власти. Левый эсер В. Карелин, отвергая предложенный план централизации продовольственного дела, защищал его децентрализацию и необходимость предоставления свободы местным советам в проведении продовольственного плана без вмешательства продовольственных отрядов, деятельность которых считал бесплодной. Правый эсер Дислер, лишенный слова председателем за резкие выпады против Советской власти, заявил, что вооруженные отряды, «перед которыми бледнеют отряды Мина и Римана, сумеют утолить вашу жажду крови, но не утолят голода населения». Выступавшие затем от фракции максималистов — Светлов, левый с.-д.-интернационалист Линдов и анархист-коммунист А. Карелин защищали в общем точку зрения, выдвинутую в докладе Ленина. Их выступления и имеет в виду Ленин в заключительном слове.

С большой речью на заседании выступил Л. Д. Троцкий. На следующее место его речи указывает Ленин: «Нам говорили: не берите, рабочие, власти, ибо двух недель не продержитесь, у вас не хватит продовольственных запасов, их отнимут крестьяне и буржуазия. Тем не менее, мы в октябре власть взяли и не две недели прожили в нуждах и муках, не две недели прошли, как нам говорили, а прожили 8 месяцев на зло всем нашим врагам, и мы говорим: осталось три самых тяжких месяца, и вот здесь мы обещаем друг другу не опускать рук, не теряя присутствия духа, бороться против всех трудностей. Эти три месяца мы проживем, а прожив три месяца, утвердим советскую республику навсегда».

Текста телеграмм, которые зачитывал Ленин, разыскать не удалось.—47.

[10]) Вл. И. имеет в виду предисловие Ф. Энгельса, написанное им 15 декабря 1887 г. к брошюре Сигизмунда Боркгейма: «На память немецким убийцам-патриотам 1806 — 1807 годов» (Sigismund Borkheim «Zur Erinnerung für die deutschen Mordspatrioten — 1806 — 1807». Gottingen-Zürich. 1888. S. 7 — 8. См. статью Ленина «Пророческие слова» (настоящий том, стр. 105—109). — 48.

[11]) *Всероссийское совещание меньшевиков* (21—27 мая 1918 г.), созванное незадолго до исключения меньшевиков из Советов (14 июня 1918 г.), наиболее ярко характеризует противосоветскую деятельность меньшевиков. Выступавший с докладом об экономической политике Ф. А. Череванин предсказывал скорую гибель Советской власти. «Чувствуя близкий крах, Советская власть, — говорил он, — делает последние судорожные попытки спасти себя. Чем иным можно назвать отправку в деревню продовольственных отрядов и, наконец, пресловутый крестовый поход за хлебом, на который Ленин зовет рабочих.»

Ту же точку зрения развивал и В. Громан, предлагавший в своей речи на совещании повысить твердые цены на хлеб.

Наиболее яркое антивосоветское выступление П. Н. Колокольникова, о котором говорит Ленин, было выражением точки зрения группы меньшевиков «активистов», стоявших на точке зрения ликвидации Советской власти хотя бы «ценою голода» и провозгласивших лозунг «вперед к капитализму» (выражения Колокольникова). На этом же совещании были оглашены тезисы Ю. Мартова с призывом к борьбе за истинно-демократическую республику. Признавая возможность участия в советах на правах непримиримой оппозиции, Мартов считал, однако, недопустимым для меньшевиков занятие ответственных постов в советской администрации.

В противоположность «мягким» методам борьбы с Советской властью, предлагаемых Ю. Мартовым, М. И. Либер предложил резолюцию, требовавшую «смертного приговора над Советами», немедленного отзыва своих депутатов из Советов. Резолюция Либера большинства не получила.

Основные принципиальные споры на конференции возникли вокруг вопроса об использовании союзнических военных сил. Ф. Дан признавал (в принятой резолюции) лишь косвенную возможность соглашения с союзниками. Группа меньшевиков, возглавляемая Либером, выставившая последнего содокладчиком по этому вопросу, предлагала признать неизбежность такого соглашения, и в этом смысле была внесена в резолюцию поправка: «Совещание признает, что необходим и неизбежен союз России с анти-германской коалицией». — 53.

[12]) «*Жизнь*» — газета политическая, литературная и общественная. Выходила в Москве в апреле-июне 1918 г. под редакцией анархиствующих литераторов — А. Борового и Я. Новомирского. Определенного политического направления не имела, а была одним из тех органов, в которых, после закрытия руководящих буржуазных газет, анархистский флаг пытались использовать самые разнообразные, в том числе и антисоветские элементы. Главные сотрудники: А. Боровой, Я. Новомирский, Сандомирский, Б. Лопатинский, В. Короновский, Вл. Рындзюн, С. Кара-Мурза, А. Брянцев, Вл. Гронский, С. Чужеядов, Илья Вэр, И. Туркельтауб, Р. Донской, Л. Сабанеев, И. Лебедев, В. Евгеньев и др. Принимали участие также многие поэты и беллетристы. — 53.

[13]) *Продовольственные декреты*, о которых говорит Ленин в речи 4 июня, имели решающее значение во всей продовольственной политике Советской власти 1918—21 г.г. Первый декрет: «О предоставлении Народному Комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими», был принят в заседании В.Ц.И.К. 9 мая 1918 г. Он также известен как «декрет о продовольственной диктатуре» и как «декрет 13 мая» — (день его подписания). Другой декрет, тесно связанный с декретом 13 мая «О реорганизации Народного Комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов», был принят в заседании В.Ц.И.К. 27 мая 1918 г. и известен как «декрет 27 мая» или «декрет 30 мая» — (день подписания декрета). Оба эти декрета изменяли коренным образом как прежнюю систему руководства всем делом продовольствия, так и организацию и взаимоотношения продовольственных органов. Продовольственный аппарат,

доставшийся Советам от Временного правительства, классово чуждый, совершенно не был приспособлен к планомерной заготовке хлеба, однако он еще в течение месяца существовал неприкосновенно и только после приказа за подписью Шлихтера от 27 (14) декабря 1917 г. о переходе всего продовольственного дела в руки Советов часть продовольственных комитетов (губернские, уездные, городские и волостные), созданных в силу закона 4 апреля (25 марта) 1917 г., была передана в продовольственные отделы местных советов, а часть, в виде продовольственных управ, существовала вплоть до издания декретов 13 и 27 мая 1918 г. Заготовка продовольствия в это время велась без определенной системы и неорганизованно. В то время как в центре шла реорганизация старого продовольственного аппарата, местные продовольственные комитеты вели заготовки самостоятельно в пределах удовлетворения своих местных нужд. Борьба с мешечничеством, с заготовителями потребляющих губерний велась местными средствами. Твердые цены на хлеб игнорировались, плановые наряды центра не выполнялись.

В целях более плановой заготовки продовольствия и извлечения продовольственных излишков Совет народных комиссаров принял 25 марта 1918 г. декрет об ассигновании одного миллиарда ста шестидесяти миллионов рублей (в товарах) для установления товарообмена с деревней. Следующий декрет, 2 апреля 1918 г., конкретно указывал, какие товары предполагаются к обмену, и вместе с тем устанавливал принцип товарообмена, по которому к организации товарообмена привлекалась деревенская беднота, а предполагаемые к обмену товары передавались в распоряжение волостных и районных объединений для дальнейшего распределения среди нуждающегося населения. Предполагаемое получение в обмен на товары 120 миллионов пудов хлеба не было выполнено, потому что сам центральный аппарат Комиссариата продовольствия не смог взять на учет все товары, предназначенные к обмену, и не было хорошо налаженного распределительного аппарата у местных органов. Одним из узких мест, нарушающих планомерное снабжение хлебом, являлся недостаток транспорта. Впоследствии, декретами 3 августа 1918 г., 21 ноября 1918 г. (см. примечание 80), 5 августа 1919 г. политика товарообмена и распределения, как она мыслилась ранее, была укреплена. Неуспех организации товарообмена в его первоначальной форме, иногда чуждый классовый состав местных продовольственных организаций, игнорирование ими распоряжений центра заставили Совет народных комиссаров принять более решительные меры к упорядочению продовольственного дела. Результатом принятых мер и явились декреты 13 и 27 мая, о которых говорил Ленин в своей речи 4 июня 1918 г. (Декреты 13 и 27 мая даны в приложении к тому).

Эти декреты намечали стройную систему централизации всего продовольственного дела как в области заготовок, так и в области распределения и контроля над действиями местных продовольственных комитетов. Воззвание Совета народных комиссаров, относящееся к тому же времени, еще более резко подчеркивало необходимость продовольственной диктатуры и вооруженной борьбы за хлеб. Воззвание, отмечая трудность продовольственного положения, призывало рабочих города и деревенскую бедноту к борьбе за хлеб.

20 мая 1918 г. по докладу Я. М. Свердлова о задачах Советов в деревне на заседании В.Ц.И.К. была принята следующая резолюция, требующая сплочения деревенской бедноты: «Всероссийский Центр. Исполнит. Комитет, по обсуждении вопроса о задачах Совета в деревне, считает необходимым указать на крайнюю неотложность сплочения трудового крестьянства против деревенской буржуазии. Работу по выяснению противоположности интересов бедноты с интересами кулацких элементов и по вооружению всей бедноты и осуществлению ее диктатуры — все мест-

ные советы должны начать немедленно и вести ее самым энергичным образом». А 11 июня 1918 г. был принят декрет об организации комитетов деревенской бедноты (см. примечание 34), которым деревенская беднота призывалась помочь пролетариату в борьбе против кулаков и спекулянтов, скрывающих продовольственные запасы.

В целях организованной борьбы с кулачеством за хлеб в начале 1918 г. начинают создаваться и продовольственные рабочие отряды, прежде всего из рабочих столиц, а затем и рабочие центры провинции также приступили к организации продовольственных отрядов.

Для руководства работой продовольственных отрядов 20 мая 1918 г. создается при Наркомпроде «Управление Главного Комиссара и военного руководителя всех продовольственных отрядов», реорганизованное затем в «Управление Продовольственной Армии». 6 августа 1918 г. издаются по инициативе Ленина и на основании его тезисов декреты «о привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций», «о заградительных реквизиционных продовольственных отрядах, действующих на железнодорожных и водных путях», «об уборочных и уборочно-реквизиционных отрядах».

Первый декрет дает право: «Крупным профессиональным рабочим объединениям (в том числе и железнодорожным), объединениям фабрично-заводских комитетов, уездным и городским Советам Рабочих и Крестьянских Депутатов организовывать продовольственные отряды из рабочих и беднейших крестьян для поездок в хлебные губернии в целях приобретения по твердым ценам или реквизиции хлеба у кулаков».

В течение трех месяцев из голодающих губерний ушло на заготовку хлеба около 30.000 человек.

Декрет о заградительных отрядах строго определял характер работы этих отрядов, он же устанавливал норму свободно провозимых отдельными лицами продовольственных продуктов: не более 20 фунтов, причем масла не более 2 фунтов и мяса не более 5 фунтов.

Декрет об уборочных и уборочно-реквизиционных отрядах касался организации отрядов, в задачу которых входило: уборка озимых хлебов с полей бывших помещичьих экономий; уборка хлебов в прифронтовых местностях; с полей заведомых кулаков и богатеев; содействие своевременной уборке всех хлебов вообще и ссыпке всех излишков в государственные склады.

Наконец 5 декабря 1918 г. был принят, также по инициативе Ленина, декрет «об организации рабочей продовольственной инспекции». Декрет этот ставил своей задачей привлечение рабочих к контролю за продовольственными органами, приближение их деятельности к фактической проверке заготовок, транспорта и распределения продуктов.

Строго классовый подход в деле заготовки продовольствия сопровождался в свою очередь классовым распределением его. Начало введения классового пайка относится к августу-сентябрю 1918 г., когда он впервые был применен в Петрограде и Москве. Классовый паек вначале предусматривал 4 категории потребителей: 1 категория — тяжелый физический труд, 2 — легкий физический труд, 3 — умственный труд и 4 — нетрудовые элементы. Позднее 1 и 2 категории были объединены. — 55.

[14]) О продовольственной политике были следующие доклады на заседаниях В.Ц.И.К. и Московского Совета: А. Д. Цюрупы — «Доклад Народного Комиссариата по продовольствию», 9 мая, и Свидерского — «О реорганизации продовольственного дела», 27 мая. В результате обсуждения докладов были изданы декреты 13 и 27 мая (см. прим. 13). — 63.

[15]) Настоящий проект резолюции был положен в основу резолюции, принятой заседанием. Резолюция в основном повторяет те же мысли, что и проект Ленина. — 65.

[16]) *I Всероссийский съезд учителей-интернационалистов* (2 — 6 июня 1918 г.) объединил революционные группы учителей, стоящих на точке

зрения признания Советской власти. Съездом была принята резолюция о выборности учителей губернскими советами, профессиональными союзами, учителями, приемлющими Советскую власть, и учениками старших классов. Съезд впервые определил задачи советской школы как школы трудовой, противопоставив тем самым революционное учительство учительскому союзу, ставшему в 1918 г. союзом учителей саботажников. — 66.

[17]) *IV конференция фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов г. Москвы* (27 июня — 2 июля 1918 г.) была созвана для решения следующих вопросов: 1. Продовольственного, в связи с текущим моментом (доклады Ленина, содоклад Шефлера — от продовольственного отдела Московского совета и представителя рабочей группы продовольственного отдела Витникова). 2. О всеобщем военном обучении и мобилизации (доклад Троцкого). 3. О союзной трудовой дисциплине (доклад Томского). 4. О бирже труда (доклад Бахутова) и ряд других вопросов, в том числе устав фабрично-заводских комитетов (докладчик В. Шмидт) и о событиях на Александровской железной дороге.

Заседания конференции прошли под знаком резкой борьбы меньшевиков и правых эсеров против всех предложений большевиков. После доклада Ленина с содокладом от меньшевиков и эсеров выступал меньшевик Падерин, жестоко нападавший на всю политику Советской власти. Заявив, что Ленин, «как и все утопические социалисты», стремился «ввести социализм по регламенту», Падерин закончил свою речь обещанием поддержки тех, «кто придет на смену большевикам». По докладу Ленина и содокладу Шефлера были предложены пять резолюций: напечатанная в томе резолюция Ленина; резолюция Шефлера, конкретизирующая предложение Ленина; Витникова, говорящая о необходимости пополнения армии агентов, ведущих продовольственные заготовки, через фабрично-заводские комитеты, которые также должны начать «обыски у буржуазных классов и в кладовых и амбарах коммерсантов» и организовать реквизиционные отряды. Резолюция, предложенная от имени меньшевиков и правых эсеров Г. А. Кипеном, и резолюция Кондратьева были отвергнуты большинством. Резолюции Ленина, Шефлера и Витникова были объединены в одну.

Последующие доклады также вызвали ожесточенные выступления меньшевиков, правых эсеров и примыкавших к ним беспартийных. Конференция по всем вопросам выносила резолюции, предлагаемые коммунистической фракцией, которая имела на съезде большинство (из 482 представителей с решающим голосом на коммунистов приходилось 341, левых эсеров 34, меньшевиков — 24, правых эсеров — 9 и беспартийных — 74). — 73.

[18]) *Чехо-словацкое восстание* — контр-революционное выступление чехо-словацких войск внутри России с целью свержения Советской власти, подготовленное союзниками, было проведено при активной поддержке меньшевиков и правых эсеров.

Выступлению предшествовала организация чехо-словацких войск из частей, сдавшихся в плен во время войны 1914 — 1918 г.г., которая удалась, однако, только после Февральской революции: 17 марта 1917 г. Совет министров Временного правительства утвердил положение о формировании чехо-словацких частей. В апреле месяце 1917 г. была создана первая чехо-словацкая дивизия, участвовавшая в июньском наступлении 1917 г. В июне же месяце была создана вторая дивизия. Таким образом к Октябрьской революции чехо-словацкие войска представляли из себя хорошо организованную военную силу. Октябрьская революция задержала предполагаемую отправку чехо-словацких войск во Францию, и союзники в целях борьбы с Советской властью решили использовать вооруженные силы чехо-словаков, состоявшие к тому времени из корпуса. Уже в ноябре 1917 г. в Яссах (Румыния) на секретном совещании представителей Антанты совместно с румынским и русским верховным командованием обсуждался

вопрос о вооруженной интервенции против Советской власти, причем для этой цели должны были быть употреблены и чехо-словацкие войска, как надежная сила. В феврале 1918 г. Франция и Англия поставили перед Советским правительством вопрос о переброске чехо-словацких войск уже не через Мурманск (первоначальное направление), а через Владивосток, имея ввиду открытие фронта на Волге, Урале и Сибири, где Советская власть была еще недостаточно сильна. В начале апреля 1918 г. чехо-словацкие войска были разбросаны по всей железнодорожной магистрали от Волги до Владивостока. Непосредственным поводом к выступлению послужил арест в Челябинске нескольких чешских офицеров, имевших связь с контр-революционными элементами. В ответ на это чехи 17 мая захватили вокзал Челябинска и потребовали освобождения арестованных.

20 мая на предварительном заседании съезда делегатов отдельных частей чехо-словацких войск в Челябинске было постановлено не подчиняться приказу о передвижении через Архангельск и организовать на свой счет переезд на Владивосток.

25 мая за подписью Л. Д. Троцкого был издан приказ о разоружении чехо-словацких войск, которые согласно договора между Советским правительством и чешским Национальным советом должны были сдать оружие, но в этот же день чешский Временный комитет, выбранный на съезде в Челябинске, принял решение о выступлении против Советской власти, и в тот же день был захвачен г. Мариинск. 27 мая в Челябинске состоялось совещание представителей чехо-словаков, англо-французского командования, представителей сибирских боевых дружин (в основном право-эсеровских), Комитета членов Учредительного собрания («Комуч»). На совещании был выработан план выступлений чехо-словаков и были указаны главные города и пункты, которые должны быть заняты в первую очередь. 26 мая были захвачены города Челябинск и Новониколаевск, 28 мая — Нижнеудинск, 29 мая — Канск, Пенза, Сызрань, 31 мая — Петропавловск, ст. Тайга, Томск, 2-го июня — Курган, 7 июня — Омск, 8 июня — Самара, 5 июля — Уфа, 21 июля — Симбирск и 6 августа — Казань. Быстрый успех чехо-словацких войск объяснялся слабостью Красной армии и помощью, которую оказывали чехо-словакам правые эсеры, контр-революционные и офицерские организации, городская буржуазия и деревенское кулачество.

После захвата Пензы и Самары, Совет народных комиссаров 10 июня получил обращение Сибирского правительства, подписанное уполномоченным Омского правительства И. Лихачевым и командиром степного корпуса Ивановым о том, что они: «готовы обеспечить скорейшую и непрерывную отправку продовольствия в голодающие губернии России» при условии невторжения «советских войск в пределы Зауралья с целью восстановления Советов». Совет народных комиссаров, не вступая в переговоры, опубликовал свое воззвание к населению с указанием властям на местах принять следующие меры:

1. В поволжских, уральских, сибирских уездах, примыкающих к району контр-революционного восстания, провести мобилизацию последних призывных годов. 2. В Москве произвести срочную мобилизацию солдат артиллерийских и инженерных войск. 3. Советам вменить в обязанность бдительный надзор над местной буржуазией и суровую расправу с заговорщиками. 4. Бывшие офицеры, честно работающие, должны быть неприкосновенны, но заговорщики должны беспощадно истребляться.

Чешская коммунистическая партия также опубликовала свое воззвание 11 июня за подписью А. Муна и Я. Гандлирж с протестом на действия чехо-словацкого корпуса и Национального совета.

12 июня Совет народных комиссаров опубликовал два декрета: один — о призыве на военную службу рабочих и крестьян во всех прилегающих к захваченным чехами районах и второй — о ликвидации чехо-словацкого Национального совета. Чехо-словацкое выступление нашло

благодарный отклик и деньги у союзников: представитель французской военной миссии А. Гирс писал: «К величайшему своему удовольствию я уполномочен передать чехо-словацким частям в России за выступление благодарность союзников», а уполномоченный «Национального совета», Стефаник, как военный министр «вновь образовавшегося чехо-словацкого государства», заявил в своем обращении: «Переворот не был подготовлен только в Омске — главное решение было в Версале». Чехо-словацкое движение явилось главнейшей опорой контр-революции в России. Занимая территорию Советской республики, чехи передавали власть «Комитету членов Учредительного собрания». Эсеровская контр-революция вообще не имела никаких серьезных сил, кроме чехо-словаков, и вместе с поражением чехо-словацких войск теряла и власть. Самарский комитет Учредительного собрания, державшийся исключительно на штыках чехо-словацких войск, уступил место директории (Н. Д. Авксентьев, Вологодский, В. М. Зензинов, ген. Болдырев и др.); последняя была впоследствии разогнана Колчаком, при котором чехо-словаки несли охрану Сибирской железной дороги, единственного пути для них к Владивостоку, куда они отступали, теснимые Красной армией. — 82.

[19]) *«Vorwärts» («Вперед»)* — центральный орган германской социал-демократической партии. Основан в 1883 г. В 1918 г. редактором был Ф. Штампфер. В настоящее время редактор — Курт Гейер. — 93.

[20]) Вл. И. имеет в виду статью «Разоблаченные тайные договоры» в газете «Vorwärts» («Вперед») № 326 от 28 ноября 1917 г., в которой сказано, что «опубликованием тайных депеш, которыми обменивались Петербург и Париж, большевистское правительство совершает поистине революционный акт». — 93.

[21]) Вл. И. имеет в виду статью «Французские миллионы», помещенную 27 июня 1918 г. в центральном органе чехо-словацкой компартии «Прукопник Свободы» и перепечатанную в № 130 «Правды» от 28 июня 1918 г. — 95.

[22]) Вл. И. имеет в виду те незначительные группы рабочих, которые, идя на поводу у меньшевиков и правых эсеров, вели борьбу против Советской власти. Особую роль играл «союз работников печатного дела», руководимый меньшевиками. Меньшевики с самого начала революции захватили руководство этим союзом, в котором еще в период реакции ярко выявилось довольно значительное течение явно ликвидаторского характера. В июльские дни 1917 года союз печатников резко выступил против большевиков, а после Октябрьской революции встал на путь борьбы с Советской властью, организуя забастовки в Москве и Петрограде и рассылая своих уполномоченных в другие города. Начиная с июля месяца 1917 г., внутри союза шла борьба между меньшевистской частью и меньшинством — большевиками и левыми интернационалистами. Меньшинство организовало во всех крупных типографиях свои группы и издавало в Петрограде независимо от союза свой орган «Революционный печатник». Органом союза был журнал «Печатник». С организацией «Красного союза печатников» роль желтого союза печатников уменьшается, однако последний просуществовал до конца 1919 г., а борьба с меньшевиками, свившими прочное гнездо в отдельных типографиях, закончилась только с полной победой на фронтах. — 97.

[23]) *Потопление Черноморского флота* в Новороссийске 18—19 июня 1918 г. было вызвано необходимостью помешать германскому империализму овладеть Черноморским флотом.

Германские войска, весной 1918 г. продвигавшиеся вглубь Украины и по Черноморскому побережью, приближались к Севастополю, где был сосредоточен весь черноморский флот. В виду этого, комиссия Морского комиссариата совместно с Высшим военным советом в апреле 1918 г. предложила перевести флот из Севастополя в Новороссийск. Соответствую-

щая телеграмма была послана Черноморскому флоту за подписью В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого. 25 апреля делегатское собрание моряков обсуждало эту телеграмму и, несмотря на возражения части командного состава, предлагавшего остаться в Севастополе и для сохранения флота передать его Украинской раде, высказалось за эвакуацию, поручив командующему флотом Саблину выполнить это решение. Саблин согласился на это предложение при условии полной свободы в выборе средств. Однако, Саблин не выполнил сразу постановления делегатского собрания, и 27 апреля, когда немецкие войска заняли станцию Инкерман, на всех судах, кроме миноносца «Керчь», были подняты украинские флаги, и Саблин сообщил Центральной раде, что он вступает в командование украинским флотом. Уже после того, как германское командование, действовавшее от имени Украинской рады, предложило также поднять украинские флаги и в крепости Керчь, собрание командиров всех кораблей и матросское делегатское собрание вновь постановило идти в Новороссийск, избрав вместо Саблина командующего флотом помощника Саблина — Гернет.

27 апреля ночью из Севастополя вышли в море 11 миноносцев, 4 транспорта, 5 крейсеров, а 28 апреля линейные корабли «Воля» и «Свободная Россия» и миноносец «Дерзкий». Неподчинившиеся постановлению 2-я бригада линейных кораблей, подводный флот, 1-я и 2-я бригады воздушного флота остались у немцев. Через 10 дней после прихода флота в Новороссийск, командование флотом получило приказ Эйхгорна, командующего немецкими вооруженными силами на востоке, о переводе флота, якобы нарушившего постановление Брестского договора, в Севастополь. В противном случае Эйхгорн угрожал продолжать дальнейшее наступление по Черноморскому побережью. Вместе с этим немецкое командование вело обмен нотами с Советским правительством, заявляя, что уход Черноморского флота из Севастополя нарушает 5-й параграф Брестского договора. Не имея возможности спасти Черноморский флот и не желая сдавать его немецкому командованию, ультимативно потребовавшему перевода флота в Севастополь, Советское правительство приняло решение о потоплении Черноморского флота, находящегося в Новороссийске. 10 июня делегатское собрание, обсудив предложение правительства, решило «флот не топить, пока не будет реальной опасности». 16 июня, за день до истечения срока, указанного немецким ультиматумом, среди моряков флота был произведен референдум, давший следующие результаты: 500 человек за поход на Севастополь, 450 за уничтожение судов, а более 1000 воздержалось.

Воспользовавшись этим голосованием, командование флотом, ведшее изменническую агитацию за уход в Севастополь, отдало приказ идти на Севастополь. Однако, приказ не был выполнен, и благодаря части командиров, верных Советской власти, моряков, оставшихся на судах, и приехавшего для исполнени распоряжения Советского правительства Ф. Раскольникова — флот был потоплен.

28 июня для расследования событий в Черноморском флоте Совнаркомом была создана специальная комиссия. — **98.**

[24]) *Выборы в Петроградский совет*, происходившие в июне 1918 г., дали большинство коммунистам, вопреки усиленной агатации меньшевиков и правых эсеров, использовавших тяжелое материальное положение петроградского пролетариата. Правые эсеры не ограничивали своих враждебных действий только антисоветской агитацией: во время выборов был убит правым эсером В. Володарский. Белогвардейские элементы также оживили свою деятельность. В течение нескольких дней шла оживленная предвыборная борьба, в результате которой антисоветские партии потерпели поражение. На первом заседании Совета (27 июня 1918 г.) присутствовало 405 большевиков, 75 левых эсеров, 59 меньшевиков и правых эсеров и 43 беспартийных. — **101.**

[25]) *«Новая Жизнь»* — орган с.-д.-интернационалистов, издававшийся

в Петрограде с 1 мая 1917 г. под редакцией Н. Суханова (Гиммера), В. Строева (Десницкого), М. Горького, А. Тихонова (А. Сереброва). Сотрудниками были объявлены: Б. Авилов, В. Базаров, А. Богданов, В. Брюсов, А. Гойхбарг, Б. Горев, С. Далин, В. Керженцев, Л. Красин, Н. Крестинский, М. Кричевский, А. Лозовский, А. Луначарский, М. Лурье, Р. Макдональд, Л. Мартов, В. Маяковский, М. Павлович, А. Пинкевич, Б. Позерн, Вяч. Полонский, М. Покровский, Лариса Рейснер, Ромэн Роллан, А. Свидерский, Филипп Сноуден, Ю. Стеклов, К. Тимирязев, А. Н. Толстой, М. Урицкий, Дж. Уэллс, Г. Цыперович, И. Чернышев, Вик. Шкловский и др. До октября «Новая Жизнь» занимала колеблющуюся позицию, выступая то против Временного правительства, то против большевиков. Октябрьская революция испугала интеллигентский орган, не имевший влияния в массах, и «новожизненцы» круто повернули против Советов. Одни из них скатились до открытого меньшевизма, другие вовсе отошли от политической деятельности, третьи вошли в В.К.П. (б.) вместе с партией с.-д.-интернационалистов (1920 г.). — 107.

[26]) «*Вперед*» — орган Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П. (меньшевиков) в 1917 и 1918 г.г. В состав первоначальной редакции входили: С. Кац, А. Малкин, А. Югов; в 1918 г., после перенесения столицы в Москву, «Вперед» стал органом Ц.К., и в редакцию вошли Ю. Мартов, Ф. Дан и А. Мартынов. — 107.

[27]) «*Дело Народа*» — руководящая газета партии с.-р. в 1917—18 г.г. Издавалась в Петрограде. Первоначально была органом Петроградского комитета под редакцией Авксентьева, Гоца, Зензинова, Иванова-Разумника, Мстиславского, Н. Русанова, И. Бунакова и В. Чернова. В июле становится центральным органом партии с.-р., и в редакционную коллегию входят: А. Зензинов, Иванов-Разумник, В. Лункевич, Н. Ракитников, Н. Русанов и В. Чернов. Сотрудниками газеты, кроме перечисленных, были: С. Постников, М. Вишняк, Е. Трупп, Арс. Вознесенский, М. Слоним, Н. Святицкий, А. Гизетти, Мих. Капица, И. Прилежаев, Д. Розенблюм, Н. Быховский, М. Гендельман, Ив. Вольнов, И. Ильинский, Гр. Шрейдер, А. Лежнев. В. Горбачевский, Л. Либерман, В. Сухомлин, Н. Бурный, Г. Боссэ, С. Каллистов, Н. Рахманов, М. Крушинский, А. Панкратов, Н. Брюллова-Шаскольская, Л. Зак.

В конце января «Дело Народа» было закрыто советским правительством. В 1918 г. правые с.-р. неоднократно пытались возобновить свою газету: в феврале — «Дела Народные» № 1 под редакцией В. Сухомлина, с марта — «Дело Народа» выходит под редакцией сперва Ф. Малкина, потом Н. П. Смирнова до конца июня. Последняя попытка возобновить издание газеты под этим названием была сделана московским бюро Ц.К. П.С.Р. в марте 1919 г., вышло несколько номеров. — 107.

[28]) *Заседание фракции коммунистов V съезда Советов*, на котором Ленин выступил с обширным докладом о международном положении, положило конец слухам, распространяемым буржуазной и меньшевистской печатью о возможности откола левых коммунистов от партии и объединения их на съезде с фракцией левых эсеров. Выступивший на заседании от имени левых коммунистов В. В. Оболенский (Н. Осинский) в своей речи заявил, что доклад Ленина не вызывает серьезных разногласий, и резолюция по докладу была принята единогласно. — 111.

[29]) *Пятый съезд Советов* открылся 4 июля 1918 г. в составе 1132 делегатов с решающим голосом, из них большевиков 745, левых эсеров 352, максималистов — 14, анархистов — 4, с.-д.-интернационалистов — 4, поалей-цион — 1, левых дашнакцутюн — 1, правых эсеров — 1, беспартийных — 10.

Левые эсеры в самом начале съезда стали оспаривать правильность выборов на съезд и законность выданных мандатов, обвиняя большевиков в искусственном увеличении числа своих представителей. При обсуждении повестки дня съезда возникли серьезные разногласия. М. Спи-

ридонова настаивала на включении в повестку дня докладов с мест, мотивируя это предложение необходимостью выслушать мнение местных делегатов о последних декретах Советской власти. (Декреты 13 и 27 мая. См. примечание 13.) «Наша фракция, — говорила Спиридонова, — предлагает всем, кому декреты кололи спину и резали шею, всем голосовать за то, чтобы правильно была поставлена информация с мест». Другой левый эсер — В. Карелин предлагал обсудить вопрос о смертной казни, по его выражению «позорном явлении, наследии царизма и коалиции». Причиной этого заявления послужил в частности расстрел по постановлению Революционного трибунала адмирала Щастного. Съезд отверг оба предложения и утвердил следующую повестку дня: «1. Отчеты Ц.И.К. и Сов. Нар. Комиссаров. 2. Продовольственный вопрос. 3. Организация социалистической Красной армии. 4. Конституция Российской республики. 5. Выборы нового В.Ц.И.К.».

Левые эсеры, явно шедшие на срыв работы съезда, заняли резко враждебную позицию по отношению ко всем предложениям большевистской фракции. Приветствовавший съезд от имени повстанцев Украины, оккупированной немцами, левый эсер А. Александров призывал съезд изгнать графа Мирбаха из Москвы и начать вооруженную борьбу с немцами, но встретил отпор со стороны Н. Скрыпника, заявившего, что украинские рабочие прекрасно сознают тяжесть современного положения Советской России, необходимость ее существования, призывают использовать данную Брестским миром передышку, а не начинать войны с немцами. Выступивший с внеочередным заявлением народный комиссар по военным делам Л. Д. Троцкий требовал принятия решительных мер против элементов, ведущих на пограничной линии провокационную агитацию, направленную к срыву Брестского мира, за немедленное, независимо от командования, наступление на немцев.

Левые эсеры встретили сообщение Троцкого крайне враждебно, криками и свистом. Б. Камков в демагогической речи призывал воинские части не подчиняться революционной дисциплине, предлагая съезду послать приветствие частям, нарушившим дисциплину. Левые эсеры отказались принимать участие в голосовании предложенной по сообщению Л. Д. Троцкого резолюции, которая поручала военному комиссариату произвести чистку армии от «провокаторов и наемников империализма», подавить провокацию в войсках и установить революционный порядок. По оглашении этой резолюции эсеры покинули заседание съезда, и резолюция принята оставшимися делегатами единогласно.

На следующий день (5 июля) с содокладом о деятельности крестьянской секции Ц.И.К. (общий доклад Ц.И.К. делал Я. М. Свердлов) выступала М. Спиридонова. В своей полной нападок на большевиков двухчасовой речи Спиридонова развернула целую программу требований левых эсеров.

Начав свою речь с указания на дружную работу большевиков и левых эсеров после Октября на почве совместного проведения закона о социализации земли, М. Спиридонова обвиняла большевиков в нарушении принятого соглашения и забвении интересов крестьян. Резко отрицательную оценку Спиридонова давала декретам о продовольственной диктатуре (декреты 13 и 27 мая) и комитетам бедноты, упрекая народного комиссара земледелия С. П. Середу в отсутствии внимательного отношения к нуждам сельско-хозяйственных коммун. Ленин в своем докладе подробно отвечал на критику М. Спиридоновой. Замечания его на «речь предыдущего оратора» как раз и касаются содоклада Спиридоновой.

Доклады Я. М. Свердлова и Ленина вызвали горячие прения. Б. Камков, выступивший в прениях первым, в еще более резкой форме, чем М. Спиридонова, повторил основные нападки на большевиков, назвав съезды крестьянской бедноты — съездом деревенских лодырей: «ибо кроме лодырей

никто туда не пошел». «Мы открыто заявляем вам», продолжал дальше Б. Камков, «что не только ваши отряды (продовольственные), но и ваши комитеты бедноты мы выбросим вон за шиворот. Насаждение комитетов деревенской бедноты есть контр-революция, есть лучшее средство подорвать в корне Советскую власть»... Такую же оценку нашли у Б. Камкова и продовольственные отряды: «в отряды из центра идет не передовая часть рабочих, наиболее сознательных, а те, кто хочет ограбить деревню». Максималист М. Светлов, речь которого имеет в виду Ленин, говоря о переходе от контроля к управлению промышленности, заявил: «я хочу только указать, что в речи т. Ленина было два очень существенных указания, которые, мы, максималисты, приветствуем, ибо с первых же дней Октябрьской революции мы говорили, что рабочий контроль, как мера, которая ставит задачу рабочему классу своими силами, своей энергией укрепить промышленность, индустриальное хозяйство и затем передать в руки буржуазии,— что это нелепая мера. В речи т. Ленина было признано, что ходом жизни этот контроль не соответствует задачам, которые стоят перед рабочим классом. Рабочий класс должен брать в свои руки управление заводами. Это мы приветствуем».

Съезд принял по докладу о деятельности В.Ц.И.К. и Совнаркома резолюцию, в которой одобрил внутреннюю и внешнюю политику Советской власти и особо мероприятия в области продовольствия и организации деревенской бедноты.

Резолюция левых эсеров, предлагавшая разорвать Брестский договор, не была принята. Дальнейшая работа съезда была сорвана восстанием левых эсеров. Съезд возобновил свою работу 9 июля, заслушав сообщение Л. Д. Троцкого о событиях 6—7 июля и доклад А. Д. Цюрупы о продовольственном вопросе.

Далее съезд обсудил доклад о создании Красной армии и утвердил предложенный проект Советской конституции, передав его президиуму для окончательной разработки.— 113.

[80]) Л. Д. Троцкий в речи о событиях, имевших место на пограничной полосе (см. примечание 29), говорил о колебаниях левых эсеров в следующих выражениях: «...в тот период, когда мы с уголовными «братались» в тюрьмах при правительстве Керенского, та партия, от которой выступила Спиридонова, принимала участие в фирме Керенского. Это было в июне прошлого года, и мы тогда при каждом свидании спрашивали,— а дело шло не о международной политике, где все зависит от обстоятельств, навязанных извне,— мы спрашивали, когда же у вас проявится революционная честь и совесть, что вы порвете с правительством Керенского? И в октябре, когда мы восстали против Керенского,— я должен напомнить, чтобы не было потом ретроспективных братаний,— все левые эсеры заявили, что они этого восстания поддерживать не будут».— 117.

[81]) *«Голос Трудового Крестьянства»* — первоначально орган Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов 2-го созыва, издававшийся с конца ноября 1917 г. в Петрограде (до 9 декабря назывался «Известия Съезда Крестьянских Депутатов»). С № 48 (20 января 1918 г.) становится органом крестьянской секции В.Ц.И.К. Руководство газетой находилось в руках левых эсеров. Главные сотрудники: Ал. Устинов, П. Орешин, С. Борисов, Н. Арефьев, М. Селиванов, М. Викторов, Фр. Домбровский, С. Рыбин, Р. Берзина, Н. Степной, Н. Алексеев, Л. Гумилевский, М. Спиридонова, В. Трутовский, Л. Шмидт и др. После лево-эсеровского мятежа с № 167 (10 июля) газета выходит уже при коммунистическом составе редакции и при участии: Я. Бурова, Вл. Мещерякова, Я. Жигура, А. Митрофанова и др. С № 265 (6 ноября 1918 г.) превращена в орган НКЗема.— 119.

[82]) Вл. И. имеет в виду речь М. Спиридоновой на открытом заседании крестьянской секции В.Ц.И.К. 30 июня, в которой она говорила:

«Не так давно немцы предъявили ультимативное требование — отправить в Германию на миллиард рублей мануфактуры. И вот по интендантским складам, по магазинам Москвы и других городов идет спешная реквизиция товаров для обмена их на хлеб, не для удовлетворения насущных потребностей деревни, а для удовлетворения зазнавшихся германских империалистов, свивших себе прочное гнездо под стенами Кремля. Через несколько недель мы должны отправить в Германию на второй миллиард мануфактуры». — Эта речь была помещена в № 162 от 4 июля 1918 г. газеты «Голос Трудового Крестьянства». — 119.

[33]) *Советская Конституция* (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принята V Всероссийским съездом советов в заседании от 10 июля 1918 г. Решению съезда предшествовала длительная работа специальной комиссии, созданной решением В.Ц.И.К. от 1 апреля 1918 г. в составе пяти представителей от В.Ц.И.К. и по одному от комиссариатов: внутренних дел, юстиции, по национальным делам, народного хозяйства и военных дел. 4 апреля в Комиссию были дополнительно включены от фракции большевиков 4 человека, от фракции левых эсеров — 2 и от максималистов — 1. Полный список членов Комиссии, опубликованный 16 апреля 1918 г., состоял из 15 человек: Я. М. Свердлов, председатель Комиссии, М. Н. Покровский, заместитель председателя, В. А. Аванесов, секретарь, и члены: А. М. Бердников, Д. П. Боголепов, Н. И. Бухарин, Г. С. Гурвич, М. И. Лацис, Д. А. Магеровский, М. А. Рейснер, Э. М. Склянский, А. П. Смирнов, И. В. Сталин, Ю. М. Стеклов, А. А. Шрейдер. Комиссия впоследствии разбилась на три подкомиссии, проработавшие отдельные части Конституции. Комиссия рассмотрела несколько проектов, в том числе и предложенные максималистами и левыми эсерами, в которых отражалась обычная лево-народническая идеология. 3 июля Комиссия Ц. К. партии, под председательством В. И. Ленина, рассмотрев проект, представленный Комиссией В.Ц.И.К., и проект Н.К.Ю. (редакторы проекта М. А. Рейснер и А. Г. Гойхбарг), приняла в основу проект Комиссии, с введением некоторых параграфов из проекта Н.К.Ю. Принятый Комиссией Ц.К. проект был принят и пятым съездом. Комиссия Ц.К. также решила присоединить к конституции «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятую III съездом Советов. Выработанная же Комиссией В.Ц.И.К. по составлению Конституции декларация (автор Ю. М. Стеклов) не была принята. Докладчиком на съезде выступал Ю. М. Стеклов, изложивший принципы построения конституции. Съезд единогласно утвердил предложенный проект конституции, приняв следующее решение: «Утвержденная 3-м Всероссийским Съездом Советов в январе 1918 года декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, вместе с утвержденной 5-м Съездом Конституцией Советской республики, составляет единый основной Закон Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Этот основной закон вступает в действие с момента его опубликования в окончательной форме в «Известиях В.Ц.И.К.». Он должен быть распубликован всеми местными органами Советской власти и выставлен во всех Советских учреждениях на видном месте. 5-й Съезд поручает Народному Комиссариату Просвещения ввести во всех без исключения школах и учебных заведениях Российской Республики ознакомление с основными началами настоящей Конституции, а равно и их разъяснение и истолкование и утвердить предложенный проект с тем, чтобы передать его в Президиум для окончательной разработки и выпустить уже в окончательной форме». Ленин принимал непосредственное участие в выработке Конституции; в архиве Института Ленина хранятся его заметки и поправки на проект Н.К.Ю., уточняющие некоторые положения проекта. — 121.

[34]) *Комитеты бедноты*, или комбеды, сыграли крупную роль в развитии пролетарской революции. Официально они учреждены декретом

В.Ц.И.К. от 11 июня 1918 г., но возникновение комитетов бедноты и фактическое создание их на местах относится к более раннему времени. Декрет В.Ц.И.К. фактически лишь подтвердил существующее на местах положение, превратив комитеты бедноты в легальные организации.

Весною 1918 года, в связи с контр-революционными восстаниями, которые охватили главные хлебные районы Советской республики (Поволжье, Дон-Кубань, Украина), продовольственное положение Республики сделалось чрезвычайно угрожающим. От разрешения вопроса снабжения продовольствием городов фактически зависело существование Республики. Хлеб в деревнях был, но кулаки, воодушевленные успехами контр-революции, отказывались сдавать хлеб продорганам по твердым ценам, развив в то же время бешеную спекуляцию. Декреты 13 и 27 мая 1918 г., а также резолюция по докладу Я. М. Свердлова 20 мая придавали огромное значение организации бедноты и привлечению ее к делу хлебозаготовок. Ленин в своих речах и статьях также неоднократно говорил о роли деревенской бедноты в отношении борьбы с кулачеством за хлеб.

Сущность декрета 11 июня — «Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельско-хозяйственными орудиями» — в основных чертах сводится к следующему: Избрать и быть избранными в комитеты бедноты могли быть все, за исключением заведомых кулаков и богатых хозяев, имеющих излишки хлеба или других продовольственных продуктов, имеющих торгово-промышленные заведения, пользующихся батрацким или наемным трудом. Круг деятельности комитетов декретом был определен следующим образом: 1) распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий, 2) оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев. Декретом, кроме того, устанавливались различные льготы для бедноты при распределении хлеба и с.-х. орудий. Так, например, выдача хлеба бедноте по установленным нормам из излишков, отобранных у кулаков до 15 июля, производилась бесплатно, из излишков после 15 июля, но не позднее 15 августа — со скидкой в 50% с твердой цены и из излишков, отобранных после 15 августа, со скидкой в 20%. Точно также со скидкой от 15 до 50% распределялись и сельскохозяйственные орудия между беднотой. Сложные же сельскохозяйственные орудия передавались комитетам бедноты для организации общественной обработки полей и уборки урожая деревенской бедноты, при чем плата за пользование ими не должна была взиматься в тех местностях, где комитеты оказывали энергичное содействие продорганам в изъятии излишков из рук кулаков.

На заседании В.Ц.И.К., на котором принимали декрет, из присутствующих 310 человек 5 человек голосовали против декрета (меньшевики и с.-д. интернационалисты), не приняли участия в голосовании 28 человек (левые эсеры и максималисты). С критикой декрета от фракции левых эсеров и максималистов выступил В. Карелин. Речь его сводилась к защите прав кулака, имеющего излишки хлеба.

Меньшевики также выступали против декрета, предлагая передать дело продовольствия в руки местных самоуправлений.

Историческая роль комитетов бедноты велика. Из содержания декрета вытекало, что собственно самим декретом круг деятельности комитетов был заключен в довольно узкие рамки, ограничиваясь преимущественно снабжением бедноты хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями. Но фактически работа комитетов не укладывалась в эти узкие рамки. Комитеты бедноты фактически превратились в органы пролетарской диктатуры в деревне. Это было, правда, не везде, но там, где классовые отношения были обострены, деятельность комитетов имела широкое развитие, сопутствуя революционному размежеванию классовых сил в деревне. Комитеты бедноты оказали огромное влияние

на проведение земельной реформы. Благодаря именно объединению вокруг них, беднота не только сумела отнять у кулаков излишки земель, но — что не менее существенно — перераспределить и сельскохозяйственный инвентарь и рабочий скот. По существу это была основная работа комитетов. Однако, значение комитетов бедноты в истории революции не исчерпывается только этим. Их роль и значение шире: во-1-х, фактическое осуществление хлебной монополии не могло бы быть проведено, если бы продовольственные органы не имели такой могучей опоры в деревне, как организацию бедноты. Да и само количество собранного хлеба после организации комитетов бедноты значительно увеличилось. Во-2-х, комитеты бедноты были организаторами многочисленных добровольческих отрядов, брошенных в ряды Красной армии на разные фронты, и, в-3-х, они положили начало коллективным формам землепользования и сельского хозяйства вообще.

В особенности велико было влияние комитетов бедноты в смысле подрыва экономической и политической мощи кулаков. Раскулачивание деревни, ее осереднячивание было в значительной степени результатом деятельности комитетов бедноты. Кроме того комитеты были во многих местах настолько мощными, что заменяли собой советы, которые зачастую, в связи с тем, что на первой стадии их организации выборы происходили не по классовому принципу и в советы попадали кулаки, не в состоянии были решить задач, поставленных перед ними Советской властью. В деле улучшения социального состава низовых советских органов комитетам бедноты принадлежит колоссальная роль. Однако, несмотря на громадную политическую роль комитетов бедноты в развитии нашей революции, эти организации не могли оставаться долго в таком виде, в каком они оказались в конце 1918 года. С одной стороны, существование официальных Советов, которые часто заменялись комбедами, приводило к двоевластию, с другой стороны, благодаря деятельности комитетов сами Советы, улучшив социальный состав, создавали возможность Советской власти опираться на избранные всем правомочным населением деревни органы. Дальнейшее их существование становилось бесцельным. Поэтому VI съезд Советов, состоявшийся 6—9 ноября 1918 г., вынес постановление: упразднить комитеты бедноты и приступить к перевыборам всех сельских и волостных Советов. Съезд указал, что комитеты бедноты выполнили поставленную перед ними задачу — сломить и обуздать деревенских кулаков и спекулянтов и вырвать из-под их влияния трудящиеся массы крестьянства. 21 декабря 1918 г. В.Ц.И.К. во исполнение постановления съезда издал инструкцию о повсеместном переизбрании волостных и сельских Советов и упразднении комитетов бедноты. — 126.

[35]) *«Комитет для восстановления интернациональных связей» («Comité pour la reprise de relations internationales»)*, объединивший французских циммервальдцев, был организован в сентябре 1915 г. Он состоял на 70% из синдикалистов, на 20% из социалистов и на 10% из анархистов. В первое время к нему примыкали федерация металлистов, шляпочников, синдикат землекопов, анархистская группа «Les Temps Nouveaux» («Новые времена»), журналы «La vie ouvrière» («Рабочая Жизнь») и «Ce qu'il faut dire» («О чем надо говорить») и т. д. В состав комитета входили Мергейм, Бурдерон, Монат, Лорио, Росмер, Себастьян Фор, Перика, Картье, В. Мерик, Луиза Сомоно, Троцкий (от русской с.-д. газеты «Наше Слово»), Инесса Арманд. Вследствие пестрого состава комитета он не отграничивался резко от лонгэтистов и, в частности, Бурдерон и Мергейм скоро сблизились с последними. В мае 1918 г. руководители комитета (Лорио, Монат и др.) преобразовали его в «Комитет III Интернационала», в который вошли Лорио, Л. Сомоно, Картье, Монат, Л. Кауфман, Монмуссо, М. Мартине, Шовенон, Перика, Хастельд, Сиронь и Дондон.

Воззвание, о котором упоминает Ленин, появилось в «Правде» 29 июня

(№ 131). Воззвание протестует против японской интервенции на Дальнем Востоке, организуемой странами Антанты, и призывает рабочий класс всего мира выразить свои симпатии русскому социалистическому правительству и воспротивиться новой контр-революционной войне. — 131.

[36]) *Декрет о национализации*, принятый 28 июня 1918 г., был крупнейшим политическим и экономическим актом Советского правительства, передавшим в руки пролетарского государства все крупные промышленные предприятия.

Полный заголовок декрета гласил следующее: «Декрет Совета Народных Комиссаров о национализации крупнейших предприятий по горной, металлургической и металлообрабатывающей, текстильной, электротехнической, лесопильной и деревообделочной, табачной, стекольной и керамической, кожевенной, цементной и прочим отраслям промышленности, паровых мельниц, предприятий по местному благоустройству и предприятий в области железнодорожного транспорта».

Декрет передавал в собственность республики все крупнейшие предприятия страны и был принят в результате обсуждения вопроса о национализации на ряде совещаний и I съезде В.С.Н.Х. Декретом так мотивировалась необходимость национализации: «В целях решительной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой и для упрочения диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты Совет Народных Комиссаров постановляет: объявить собственностью Российской Социалистической Федеративной Республики нижеуказанные, расположенные в пределах Советской Республики промышленные и торгово-промышленные предприятия со всеми их капиталами и имуществами, в чем бы таковые ни заключались».

Далее определялся по каждой отрасли промышленности объем и тип подлежащих национализации предприятий (с капиталом от 200.000 до 1 миллиона рублей), причем декрет оставлял впредь до особого распоряжения предприятия в безвозмездном арендном управлении у прежних владельцев. Такое положение продолжалось, однако, недолго, и ко времени II съезда В.С.Н.Х. главнейшие отрасли промышленности полностью перешли в распоряжение государства.

Всеобщей национализации промышленности предшествовал ряд частичных национализаций. Вслед за декретом о рабочем контроле, 14 декабря 1917 г. были национализированы все банки, 26 января 1918 г. последовала национализация водного транспорта. 12 апреля 1918 г. декретом о потребительских коммунах был сделан шаг вперед в деле организации потребления. До 1 июня 1918 г. было национализировано более 500 предприятий, из которых значительная часть — 42% — приходится на долю металлообрабатывающей и горнометаллургической промышленности. В дополнение к декрету была издана инструкция о проведении национализации, обращенная к фабрично-заводским комитетам, но только к началу 1919 г. старая администрация заводов была полностью заменена рабочим управлением.

Декрету 28 июня предшествовала острая борьба на страницах журнала «Коммунист», возникшая по поводу проекта Мещерского (см. примечание 4). — 134.

[37]) *Восстание левых эсеров* (6 — 7 июля 1918 г.) и убийство ими германского посла графа Мирбаха (6 июля) логически завершали ту политическую и тактическую линию, которую проводила партия левых эсеров в лице своего Центрального комитета в период между IV и V съездами Советов, проходившими почти одновременно с II и III съездами партии левых эсеров. Начав, после известных колебаний, совместную работу с большевиками в послеоктябрьские дни, левые эсеры вскоре стали в оппозицию к важнейшим политическим мероприятиям Советской власти и во время Брестских переговоров вышли из состава народных

комиссаров. Недовольные международной политикой Совета народных комиссаров (мир с Германией), считая ее капитулянтством перед германским империализмом, резко возражая против продовольственной политики Советской власти (декреты 13 и 27 мая) и особенно против организации и работы комитетов бедноты и продовольственных отрядов, левые эсеры повсюду выступали с резкой критикой действий Советской власти. Явно враждебное отношение к внешней и внутренней политике пролетарской диктатуры, характеризуя мелкобуржуазную антисоветскую сущность левых эсеров, привело их к вооруженному выступлению против Советской власти. Убийство В. Мирбаха должно было, по мнению Ц.К. партии левых эсеров, поставить страну перед фактом возобновления военных действий против Германии, V же съезд Советов, по мнению Ц.К. левых эсеров, должен был санкционировать все мероприятия левых эсеров, вытекающие из переворота.

Решение об убийстве Мирбаха и о выступлении было принято Ц. К. партии 24 июня 1918 г. Ц. К., в целях ликвидации «так называемой передышки», считал «возможным и целесообразным организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма» (графа Мирбаха, фельдмаршала Эйхгорна и немецкого консула в Петрограде). На этом же заседании было решено провести мобилизацию военных сил и принять все меры к тому, чтобы «трудовое крестьянство и пролетариат примкнули к восстанию». Для учета и распределения всех сил в составе Ц. К. партии было организовано бюро, куда вошли М. А. Спиридонова, Голубовской и Майоров. Подготовка к восстанию началась сразу же после решения Ц. К. В Ярославль от имени Крестьянской секции Ц. И. К. за получением оружия был послан левый эсер Петров. В Москве организуется левым эсером Орешкиным отряд, другой отряд при Всероссийской чрезвычайной комиссии под командой Попова еще 30 июня был приведен в боевую готовность. Из Петрограда и Витебска стягивались отряды дружинников.

Сам факт убийства графа Мирбаха и последовавшего за ним выступления произошел следующим образом. Пользуясь своим положением в Чрезвычайной комиссии, где заместителем Ф. Дзержинского был левый эсер Александрович, — Я. Блюмкин и Н. Андреев, которым было поручено выполнение акта убийства Мирбаха, сфабриковали документы, по которым им якобы поручалось В. Ч. К. «переговорить с германским послом по поводу дела, имеющего непосредственное отношение к господину послу» (речь шла о немецком шпионе Р. Мирбахе, задержанном В. Ч. К.). Подпись Ф. Дзержинского была подделана, печать же приложил Александрович. Явившись в посольство и вызвав посла, Блюмкин, промахнувшись из револьвера, бросил бомбу, которой Мирбах и был убит. Блюмкин и Андреев успели скрыться.

Как только стало известно об убийстве посла Мирбаха, началось вооруженное восстание лево-эсеровских отрядов. Выступление начал отряд Попова арестом Ф. Дзержинского, приехавшего в штаб отряда, так как до него дошли слухи, что убийство совершено сотрудниками Ч. К. Я. Блюмкиным и Н. Андреевым, скрывающимися в штабе Попова. Назначенный вместо Дзержинского М. Я. Лацис также был арестован у себя в В. Ч. К. стоявшим на карауле отрядом поповцев. Был арестован и председатель Московского совета П. Г. Смидович. Заняв телеграф, Ц. К. левых эсеров ночью с 6 на 7 июля разослал по всей России две телеграммы, в одной из которых сообщалось об убийстве Мирбаха, в другой говорилось: «Все депеши за подписью Ленина, Троцкого и Свердлова и депеши, направленные контр-революционерами, правыми эсерами, меньшевиками, анархистами и всеми, провоцирующими левых эсеров — задерживать», т. к. они признавались вредными «для правящей в настоящее время партии левых эсеров». Левыми эсерами также был выпущен ряд воззваний ко всем рабочим и красноармейцам, к железнодорожникам, крестьянской секции

В.Ц.И.К. и ко всему трудовому крестьянству с извещением об убийстве Мирбаха и с призывом защищать власть левых эсеров.

В то же время С.Н.К. разослал написанную Лениным телефонограмму во все районы о мобилизации партийных работников, установлении патрулей на улицах с призывом к массе подавить восстание, которым могут воспользоваться белогвардейские группы. Фракция левых эсеров, заседавшая на V съезде Советов, была арестована вместе с М. Спиридоновой.

Не найдя поддержки ни в войсках, ни у населения, отряды левых эсеров вынуждены были отступить, и к 2 часам 7 июля восстание было ликвидировано. 7 июля в 4 часа дня Совнарком опубликовал правительственное сообщение о ликвидации восстания. Было отдано также распоряжение об аресте мятежников и в первую очередь членов Центрального комитета партии левых эсеров. Для расследования дела об убийстве Мирбаха и организации восстания была создана правительственная комиссия в составе П. Стучки, Я. Шейнкмана, В. Кингиссепа. По постановлению В.Ч.К. было расстреляно 13 человек активных участников восстания.

Восстание, задуманное Ц.К. левых эсеров, опиралось главным образом на немногочисленные отряды и организации. Большинство местных организаций не поддержали восстания. Восстание повело за собой раскол партии. Уже на V съезде Советов Н. Рославец от группы левых эсеров резко отмежевалась от политики Ц.К. Всероссийская же конференция левых эсеров, созванная 20 июля 1918 г. в Саратове, приняла резолюцию, которая так оценивала события 6—7 июля: «Совершенный в Москве ответственными органами партии акт означает, в объективных условиях момента, жестокий удар по Советской России», которым «убивается наша партия, подбадривающая (своим выступлением) партии соглашателей правых эсеров и меньшевиков, увидевших в нас своих сообщников, открывается широкий простор для всяких контр-революционных авантюр». И только небольшие группы левых эсеров, оставшиеся верными Ц.К., перейдя в лагерь открытых контр-революционеров, продолжали борьбу против Советской власти. Так, конференция левых эсеров Юго-Западной области вынесла резолюцию, в которой призывала партию к организации массового террора. Московское областное бюро, находившееся в подполье, 2 ноября 1918 г. выдвинуло лозунги: «борьба с комиссародержавием», «долой чрезвычайки» и т. д. Декабрьское (1918 г.) совещание Совета партии приняло решение об организации крестьянских восстаний. 26 декабря 1918 г. левые эсеры совершили неудавшуюся попытку восстания в Купянске. В марте месяце 1919 г. левые эсеры организовывали против Советской власти забастовки и волнения в Петрограде.—136.

[38]) Заседание 15 июля, заслушав заявление Ленина, приняло следующую резолюцию: «В.Ц.И.К. целиком одобряет заявление председателя Совета народных комиссаров и постановляет довести его до сведения широких трудовых масс».—141.

[39]) *Московская губернская конференция заводских комитетов и профессиональных союзов* (23—24 июля 1918 г.) представляла более 320 тысяч организованных рабочих. Конференция в результате речи Ленина, посвященной текущему моменту, приняла резолюцию, принятую ранее по его же докладу IV общегородской конференцией фабзавкомов и профсоюзов г. Москвы 27 июня—2 июля 1918 г. (см. прим. 17). По докладу М. Н. Томского о трудовой дисциплине была вынесена резолюция, выработанная В.Ц.С.П.С. 3 апреля 1918 г. и принятая ранее той же IV общегородской конференцией. Закончилась конференция принятием резолюции об организации Всероссийского страхового съезда и бирж труда.—146.

[40]) *«Workers Dreadnought» («Дредноут Рабочего»)*—орган, основанный в марте 1914 г. в Лондоне Рабочей социалистической федерацией (W. S. F.).

Редактор — Сильвия Панкхерст. Журнал вел антипарламентскую агитацию и высказывался против вхождения революционных организаций английского пролетариата в Британскую рабочую партию. — В нем принимали участие Б. Шоу, Р. Вилльямс, Ф. Прайс, Б. Суварин, Г. Роланд-Гольст, Коль, Галлахер, Мерфи, Лукач, Раппопорт, Гарри Поллит, Фрайна, Гортер, графиня Маркевич и др. — 146.

[41]) *Объединенное заседание Ц. И. К., Моссовета, фабрично-заводских комитетов и профсоюзов Москвы* (29 июля 1918 г.) было созвано в связи с осложнениями на фронте (разгар чехо-словацкого мятежа) и тяжелым продовольственным положением страны. Ленин обрисовал задачи, стоящие перед Советской властью в текущий момент. По его докладу В.Ц.И.К. единогласно принял резолюцию, предложенную фракцией коммунистов. Резолюция, признав социалистическое отечество в опасности, требовала подчинения работы всех организаций условиям момента, проведения широкой агитации в рабочих массах, усиления бдительности по отношению к буржуазии, перевода ряда ответственных работников на военную и продовольственную работу и жестокой борьбы за хлеб. — 151.

[42]) *«Prukopnik Svobody» («Знамя Свободы»)* — газета, орган чехо-словацкой коммунистической партии, издававшийся в Москве. Начал выходить после учредительного съезда чехо-словацкой компартии, состоявшегося 25—28 мая 1918 г. в Москве и объединившего в одну организацию группы чехо-словаков коммунистов, которые имели ранее два центра: в Киеве и Петрограде. «Прукопник Свободы» издавался в количестве от 8 до 55 тысяч экземпляров в неделю. — 152.

[43]) *События в Бакинском совете,* о которых говорил Ленин в речи 29 июля 1918 г., произошли 25 июля, когда большинством 259 голосов правых дашнаков, меньшевиков и правых эсеров против 236 голосов большевиков, левых эсеров и левых дашнаков было принято решение о приглашении английских войск в Баку. Принявшие это решение представители правых партий мотивировали свое предложение необходимостью защиты от наступающих турецких войск, пропущенных Грузией, где у власти находились меньшевики. Турки, оккупировав Армению и Азербейджан, подходили к Баку. Англичане, ушедшие вместе с русской армией из Северной Персии на южный берег Каспийского моря, предложили через Л. Бичерахова, имевшего свой отряд из казаков, помощь против турок. Предложение англичан и было принято в заседании Совета 25 июля. Представители большевиков, левых эсеров и левых дашнаков выступили на заседании Совета с решительными возражениями против приглашения англичан, считая, что англичане приходят в Баку не для защиты города от турок, а с целью удушения Советской власти и захвата нефти, тем более, что военные силы англичан слишком незначительны и не сумеют дать отпор туркам, своими же силами Баку может продержаться в течение двух недель до прихода советских войск. Принятое постановление левые партии расценивали как измену Советской власти, и представитель Совнаркома С. Шаумян, поддержанный представителями всех левых партий, заявил, что он снимает с себя ответственность за принятое решение. На этом же заседании было решено созвать 31 июля новое заседание Совета, на котором предполагалось обсудить вопрос о власти. Бакинский комитет партии большевиков в промежуток между 25 — 31 июля, организовал ряд митингов. Спровоцированные соглашателями, уставшие и голодные массы, среди которых муссаватисты и дашнаки сеяли национальную рознь, не поддержали большевиков. Одновременно соглашательские партии проводили кампанию за приглашение англичан. Все воинские части, кроме команды бронепоезда № 3, оставшегося верным Советской власти, высказались за приглашение англичан. 31 июля власть фактически перешла к вновь образованному правительству, принявшему название: «Диктатура Центрокаспия и президиума Исполнительного комитета Со-

вета Рабочих и Солдатских Депутатов». В состав нового правительства вошли представители правых эсеров, правых дашнаков, меньшевиков и им сочувствующих. Первыми шагами правительства была ликвидация Советской власти и закрытие органа Бакинского комитета большевиков «Бакинский Рабочий». Партия была загнана в подполье. Войсками отряда Л. Бичерахова 12 августа был взят Дербент и 3 сентября Петровск.

Руководители старого Совета решили эвакуироваться в Астрахань, но по дороге были задержаны и посажены в тюрьму. После ухода английских войск из Баку (12 сентября 1918 г.), заключенных в тюрьме бакинских комиссаров удалось освободить. Группа руководителей бакинского пролетариата во главе с Шаумяном решила вновь эвакуироваться в Астрахань, но командой парохода была привезена в Красноводск, где у власти стояло контр-революционное правительство Закаспия. В ночь на 20 сентября 1918 г. все 26 комиссаров были расстреляны без суда и следствия. Занявшие Баку турецко-муссаватистские войска продержались до ноября — момента революции в Германии и крушения средне-европейской коалиции. Затем англичане вновь вернулись в Баку и продержались до 20 мая 1920 г., когда восстанием бакинских рабочих были изгнаны окончательно. — 153.

[44]) *Дашнаки* — партия «Дашнакцутюн» — армянская националистическая партия, проделавшая эволюцию от позиции армянской мелкобуржуазной интеллигенции 80-х годов к идеологии воинствующей буржуазии эпохи империализма и пролетарской революции.

Партия образовалась в 1890 г. в Закавказьи путем федеративного объединения (отсюда название партии—«союз армянских революционеров») с либеральными идеологами армянской торговой буржуазии, на платформе консолидации национальных стремлений армян в борьбе за освобождение турецкой Армении. (Первый съезд, выработавший основы программы, устава и тактики партии, происходил в 1892 г.) Сосредоточив свое внимание на разрешении этой задачи, партия «Дашнакцутюн», считая единственным средством для разрешения «армянского вопроса» создание в пределах Турции при помощи России и Англии армянской автономной государственности, с самого же начала своей работы отвернулась от обще-русского революционного движения, не принимая в то же время участия и в турецком буржуазно-демократическом движении.

Потерпев на этом пути неудачу в Турции и борясь за сохранение влияния на широкие массы закавказских армян, дашнаки, в связи с вспыхнувшим в 1903 г. по поводу конфискации церковных имуществ движением армянской мелкой буржуазии Закавказья, провозгласили борьбу и с царизмом в России. Выступая в революции 1905 г., как партия, по своей программе близкая к русским социалистам-революционерам, дашнаки в 1907 году вошли во II Интернационал. Но новый, «социалистический» курс дашнаков явился по существу продолжением старого, буржуазно-националистического. Перекрасившись в защитный цвет социализма, дашнаки на деле проводили старую линию единого национального фронта. Дашнакские профсоюзы зачастую срывали путем штрейкбрехерства забастовочное движение рабочих, когда оно задевало интересы капиталистов-армян. Для борьбы с анархическими экспроприациями и с социалистическим рабочим движением, дашнаки на средства буржуазии создавали вооруженные отряды. В годы реакции и особенно империалистической войны партия «Дашнакцутюн» играла роль боевого авангарда армянской буржуазии и защитника интересов царизма. Во время империалистической войны дашнаки организовали добровольческие отряды, выполнявшие, в борьбе с Турцией, роль разведчиков царской армии. В период Октября дашнаки заняли позицию активных врагов пролетарской революции. Созданная волею действовавшего против Советской России турецкого коман-

дования, буржуазная республика Армения (1918 — 1920 г.г.) превратилась, под руководством дашнаков, в опорный пункт антантовских интервентов и белогвардейских сил в Закавказьи. В дни бакинской коммуны дашнаки вошли в переговоры с представителями британского командования для приглашения англичан в Баку. Связав свою судьбу с судьбой врагов революции, дашнаки превратили лозунг «единой и независимой» Армении в лозунг защиты «независимости» и «свободы» армянской буржуазии и кулачества, в лозунг физического истребления нацменьшинств в Армении и бешеной борьбы против коммунистической партии.

После провозглашения Армении советской республикой (ноябрь 1920 г.), дашнаки, восставшие против Советской власти, вытесненные за пределы страны, направили все свои усилия на борьбу против Советской Армении. Освобождение трудящихся масс армян Закавказья из-под влияния партии «Дашнакцутюн», уничтожение экономической и политической мощи армянской буржуазии в Закавказьи усилило прямую зависимость дашнаков от англо-французского капитала и зарубежной антисоветской эмиграции. Позднее среди дашнаков появилось сменовеховское течение (Р. Качазнуни, Казарян и др.), стоящее на позиции прекращения борьбы с Советской властью. Основная же группа дашнаков, ныне находящаяся в эмиграции, совместно с грузинскими меньшевиками, азербейджанскими муссавитистами и горскими белогвардейцами, ведет политику непримиримой борьбы с Советской властью.—153.

[45]) *Ярославское восстание* (6 — 21 июля 1918 г.) было организовано «Союзом защиты родины и свободы», во главе которого стоял Б. Савинков, по инициативе и на средства союзных миссий, тогда находившихся в Вологде. Главную роль в подготовке восстания играл французский посланник Нуланс, от которого через Б. Савинкова были получены для организации восстания значительные суммы денег. Целью Ярославского восстания, происходившего одновременно с восстаниями в Рыбинске, Муроме и др. городах (предполагалась организация восстаний в 23 городах), было создание единого фронта против большевиков путем соединения северного фронта и чехо-словацкого. Из многочисленных контр-революционных восстаний того времени Ярославское наиболее ярко характеризует работу союзников против Советской власти и предательскую политику соглашательских партий. Подготовка к восстанию велась продолжительное время. Белогвардейские элементы проникали в правительственные учреждения: начальник милиции, командир конного отряда, начальник отдела мотоциклистов, командир автомобильной роты, помощник начальника артиллерийского склада и даже один из членов комиссии по борьбе с контрреволюцией были членами союза. Белогвардейцы проникли также и в партию большевиков. Уже в январе 1918 г. гарнизон города, руководимый белогвардейцами, выступал против Красной гвардии. Однако на этот раз восстание было быстро ликвидировано. В июле восстанию сильно способствовали меньшевики и правые эсеры. Председатель местного комитета меньшевиков И. Т. Савинов неоднократно участвовал в заседаниях «Союза защиты родины и свободы», а во время переворота был заместителем по гражданской части полковника А. Перхурова, руководителя восстания. Многие видные меньшевики во время переворота занимали также ответственные посты. Восстание происходило под лозунгом Учредительного собрания, но действительная программа сводилась к восстановлению органов старой царской власти. Так, приказом А. Перхурова были упразднены не только декреты Советской власти, но и распоряжения Временного правительства о губернских и уездных комиссарах, о милиции, о губернских, уездных и волостных земельных комитетах, выборах гласных губернских и уездных, о волостных земских самоуправлениях и т. д. Верховная власть была сосредоточена у Перхурова, который являлся командующим вооруженными силами и управляющим гражданской частью, им же был восста-

новлен институт волостных старшин, в уездах назначались начальники уездов. Городская управа, куда входили меньшевики и эсеры и председателем которой был назначенный А. Перхуровым меньшевик Абрамов, в воззвании, обращенном к населению, заявляла: «Бог поможет нам спасти Ярославль и его святыни... Да здравствует всенародно, законно избранное Учредительное собрание».

После захвата власти белогвардейцами начались аресты и избиение коммунистов и сочувствующих им. 109 человек было потоплено в Волге. Еще в начале восстания был расстрелян С. М. Нахимсон, присланный Ц. К. партии для руководства партийной работой в Ярославле. Восстание было ликвидировано окончательно 21 июля красными войсками, стянутыми к Ярославлю из Москвы, Костромы, Рыбинска и др. городов. Часть офицерства добровольно «сдалась» в плен германским военнопленным, находившимся в Ярославле со времени германской войны. Перхуров с организаторами восстания бежал на пароходе и впоследствии (1923 г.) был расстрелян.

В результате боев большая часть зданий города была разрушена и сожжена артиллерийским огнем. — 158.

[46]) *Письмо к елецким рабочим* явилось ответом на опубликованный в елецкой «Советской Газете» от 31 июля 1918 г., № 63, отчет о заседании Елецкой организации партии левых эсеров. В этом заседании левый эсер Ф. Крюков, посланный в Москву для выя нения недоразумений, возникших в лево-эсеровской организации г. Ельца с елецкой большевистской организацией, сделал сообщение о своей беседе, которую он якобы имел с руководителями Советского правительства: Аванесовым, Свердловым и Бонч-Бруевичем и, наконец, с Лениным. На самом деле никакой беседы с Лениным не было, и содержание ее было выдумкой самого Крюкова. Газета передавала сообщение Ф. Крюкова следующим образом: «В Москве товарищи Аванесов, Свердлов и Бонч-Бруевич заявили категорически, что они не считают народничество обреченным на гибель, так как партия может умереть разве лишь как тактическая единица, но идея никогда умереть не может. И партия народническая, партия крестьянская всегда существовать будет, и существование ее даже чрезвычайно желательно для Советской власти, которая согласна сделать все возможное для поддержки ее в момент реорганизации. Тов. Ленин в беседе с тов. Крюковым говорил о том же самом, указывая на то, что и коммунисты настолько далеко ушли от своей прежней теории, что у них вовсе нет программы в настоящее время, а в платформе чрезвычайно много косвенных позаимствований у теории народнической: так что основные грани между партиями стерты и в настоящее время никакие теоретические расхождения не могут иметь места. Вывод из этого для Ельца тот, что народники имеют полное право на существование, и коммунисты должны работать с ними в полном согласии».

Ленин узнал о заседании елецкой организации левых эсеров от одного из руководителей елецкой организации большевиков К. Гроднера, который также приехал в Москву для выяснения этого недоразумения. К. Гроднер так описывает свою беседу с Лениным, которому он передал номер елецкой «Советской Газеты» с отчетом о собрании организации левых эсеров (воспоминания К. Гроднера хранятся в Институте Ленина). На вопрос К. Гроднера, как им поступать с левыми эсерами, в передаче К. Гроднера, Ленин ответил следующее:

«Напрасно Вы их не арестовали, как это делают повсюду. Всех эсеров необходимо вышибить со всех ответственных постов. Власть на местах целиком теперь уже нужно взять в свои руки, а освобожденные от эсеров должности заполнить честными рабочими и крестьянами.

Дать Вам удостоверение на право ареста эсеров, конечно, мы не можем, но если Вы их вышибете из советских учреждений, если Вы их

арестуете, если вы сумеете разоблачить их перед рабочими и крестьянами, сумеете уничтожить их авторитет в крестьянстве (если они его имеют)— то вы этим самым сделаете хорошее революционное дело, и мы здесь в центре, в том числе и Яков Михайлович (Свердлов) вас за это только похвалим.

Кроме того, заходи завтра сюда ко мне, я напишу письмо к елецким рабочим, а теперь расскажи, как у вас урожай, сколько полагаете собрать и сумеете ли его реализовать правильно».

На следующий день Ленин передал письмо К. Гроднеру к елецким рабочим. Рукописи письма не сохранилось, по воспоминаниям же К. Гроднера, рукопись сгорела вместе с елецким музеем революции, где она хранилась, во время набега Мамонтова на Елец. — 172.

47) «*Советская Газета*» — орган Елецкого уездного совета, Орловской губернии, № 1 вышел 16 мая 1918 г. Первое время находилась в руках левых эсеров, редактором была Наталия Рославец. С 15 июня 1918 г. во главе редакции становится коммунист К. Петров. — 172.

48) *Саратовская Всероссийская конференция партии левых эсеров* была созвана после лево-эсеровского выступления 6 — 7 июля по инициативе Саратовской общегородской конференции для обсуждения вопросов, связанных с отношением к позиции Ц.К. левых эсеров и выработки дальнейшей тактики партии. Саратовская городская организация левых эсеров и ранее стоявшая в оппозиции к линии поведения Ц. К. партии, непосредственно за выступлением 6 — 7 июля, на заседании общегородской конференции 9 июля, приняла резолюцию, в которой говорилось: «Московское восстание против правительственной партии коммунистов (большевиков), совершенное под лозунгом защиты принципов власти Советов, независимо от замыслов восставших, превратилось в восстание, направленное против самой Советской власти». Эта конференция приняла также постановление о созыве Всероссийской конференции левых эсеров на 20 июля 1918 г. На Всероссийской конференции было представлено 22 делегата от 8 губерний и 21 организации. С докладом о московских событиях выступил А. Колегаев, старавшийся доказать, что 6 — 7 июля по существу выступления против Советской власти не было. Ораторы, возражавшие А. Колегаеву, доказывали, наоборот, что заговор был произведен с целью захвата власти. В заключение были внесены предложения о реорганизации партии и изменении ее названия, что и было принято конференцией.—172.

49) *Письмо к американским рабочим* было написано Вл. И. после беседы с только что приехавшим из Америки М. М. Бородиным, который взялся организовать отправку письма по назначению. Во время блокады и интервенции для этого нужно было преодолеть значительные трудности. Главная заслуга в доставке письма в Америку принадлежит т. Слетову, который блестяще выполнил свою задачу, несмотря на то, что это было сопряжено с большим риском. Вместе с письмом были доставлены и другие материалы, характеризовавшие пролетарскую революцию (в том числе советская конституция, только что принятая пятым съездом Советов, и важнейшие декреты Советской власти). Письмо Вл. И. было широко использовано американскими товарищами во главе с Джоном Ридом. — 176.

50) Вл. Ильич имеет в виду следующее выражение Н. Г. Чернышевского из его рецензии на «Политико-экономические письма к президенту Американских соединенных штатов Г. К. Кэри: «Исторический путь — не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болота, то через дебри. Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность. Она — занятие благотворное для людей, когда вы думаете действительно о пользе людей, но занятие не совсем опрятное». («Полное собрание сочинений» т. VIII. СПБ 1906 г.) — 183.

[51]) *«Appeal to Reason» («Призыв к разуму»)* — еженедельная американская газета, издавалась с конца 90-х годов в городе Жирарде штата Канзас частным издательским товариществом. Официально связана с социалистической партией не была, но занималась пропагандой социализма в крайне упрощенном и вульгаризированном виде. Из-за популярности, которой пользовался «Призыв к разуму» в известной части мелкобуржуазных и полупролетарских слоев Америки (тираж достигал 500 000), в ней сотрудничал и Евгений Дебс. В этой газете печатались фельетонами романы Эптона Синклера («Джунгли» — в 1905 г., «Джимми Хиггинс» — в 1918 г.). — **185.**

[52]) Вл. И. имеет в виду следующее место из статьи Е. Дебса «In whose war I will fight» («В какой войне я буду сражаться»), помещенной в газете «Appeal to Reason» («Призыв к разуму») 11 сентября 1915 г.: «...Будь я в конгрессе, меня бы скорее расстреляли, чем я вотировал бы хоть за один доллар на эту войну... ...Я противник всякой войны, кроме одной: я всем сердцем и душой за эту войну, и эта война — всемирная война социальной революции. В этой войне я готов сражаться всеми средствами, к которым вынудит правящий класс, вплоть до баррикад». — **185.**

[53]) Вл. И. имеет в виду священника Гапона, который 9 января 1905 г. организовал шествие рабочих к Зимнему Дворцу для подачи петиции царю. — **195.**

[54]) 30 августа 1918 г. после митинга на заводе б. Михельсона, где Ленин делал доклад, член партии правых эсеров Фанни Каплан, выстрелами из револьвера, нанесла Ленину две тяжелых раны.

Покушение на жизнь Ленина было продолжением террористической деятельности партии правых эсеров. После Октябрьского переворота, правые эсеры, заняв позицию непримиримой вооруженной борьбы с Советской властью, перешли на нелегальное положение и стали на путь индивидуального террора против представителей Советской власти. В начале февраля 1918 г. Ц.К. партии эсеров специально обсуждал вопрос о терроре. За применение террора высказывался В. Чернов и ряд других членов Ц.К. Резолюция совещания Ц.К. по этому вопросу неизвестна. (См. показание Семенова на процессе правых эсеров в Москве в 1922 г.)

Такое отношение руководителей партии к террору не могло не иметь своим результатом организацию в Москве и Петрограде террористических групп. Террористическая деятельность по инициативе Петроградского Губернского Комитета партии правых эсеров была начата приготовлением к крушению поезда, в котором Совнарком должен был переезжать из Петрограда в Москву. Покушение не удалось. Следующей попыткой террористической работы было покушение на Ленина в феврале 1918 года. Инициатором покушения была Е. Коноплева (стрельба по автомобилю, в котором ехал Ленин с Платтеном); по ее показаниям на процессе правых эсеров (1922 г.) она получила санкцию представителей Ц.К. партии эсеров, после специального обсуждения этого вопроса. После переезда Советского правительства в Москву за Лениным была установлена слежка, однако и на этот раз покушение не удалось, так как московская террористическая группа оказалась еще недостаточно сколоченной.

После этих неудачных попыток, 20 июня 1918 года правому эсеру Сергееву удалось убить В. Володарского. Сергеев был членом террористической группы, возглавляемой Г. И. Семеновым, избранным на 4 съезде партии членом военной комиссии при Центральном комитете. После убийства В. Володарского, вызвавшего негодование рабочей массы всей России, Центральный комитет партии эсеров выступил в печати с заявлением, что партия не причастна к этому акту. Однако, несмотря на это заявление, Центральный комитет перебросил Семенова и его группу в Москву. Боевики группы Семенова и сам Семенов, крайне возмущенные трусостью своего Ц.К., согласились приступить к организации вто-

рого покушения на Ленина лишь в том случае, если Ц.К. даст гарантию в том, что после совершения акта, партия не откажется от санкции его. Получив заверения члена Ц. К. А. Гоца (показания Г. Семенова), группа приступила к организации покушения. В Москве в это время независимо от группы Семенова велась подготовка к покушению группой Фанни Каплан. По соглашению между Семеновым и Каплан группа последней была распущена, а сама Каплан вошла в группу Семенова (июль 1918 г.).

Организация покушения была такова: Москва территориально разбивалась на четыре части. В каждой из них был назначен уполномоченный района и исполнитель. Семенов в своих показаниях писал: «Мы решили убить его при отъезде с митинга из револьвера». С этой целью районный уполномоченный должен был дежурить на всех более или менее крупных митингах, и при появлении Ленина должен был дать знать районному исполнителю, дежурившему в свою очередь в условленном месте. По предупреждению уполномоченного, исполнитель является на митинг и выполняет акт. Исполнителями были назначены: Фанни Каплан, Е. Коноплева, Усов и Козлов. Впоследствии наиболее твердыми исполнителями оказались Каплан и Коноплева; Усов и Козлов, имея возможность стрелять в Ленина, не стреляли, так как не были уверены в правоте порученного им дела.

30 августа, вечером, Ленин выступал на митинге рабочих завода б. Михельсон. Об этом уполномоченный, член боевой группы эсеров Новиков дал знать исполнителю Каплан. По окончании митинга, когда Ленин, вместе с рабочими, направился к выходу, вместе с ним вышли Ф. Каплан и Новиков. При выходе из помещения Новиков, задерживая рабочих, пропустил вперед Каплан и Ленина. В это время Каплан дала три выстрела из револьвера, и Ленин упал раненый.

Семенов, перед судом, признался, что он вручил Ф. Каплан револьвер системы браунинг и он же, Семенов, отравил пули ядом кураре.

Пленум Ц.К. партии эсеров, заседавший в дни покушения в Самаре, выслушав сообщение о покушении, принял сообщение к сведению, а центральный орган эсеров «Земля и Воля» откликнулся на ранение Ленина грязной статьей.

2 сентября, на заседании Ц.И.К. по докладу Свердлова о покушении на Ленина было принято решение о массовом красном терроре против буржуазии и ее агентов. — 201.

[55]) *Первая конференция пролетарских культурно-просветительных организаций* (Пролеткультов) (15—19 сентября 1918 г.) проходила под сильным влиянием А. А. Богданова. Доклад А. А. Богданова «Наука и рабочий класс» был полностью одобрен конференцией; из 330 присутствующих, несмотря на преобладание коммунистов (170 коммунистов и 44 сочувствующих), воздержалось от голосования резолюции по докладу только 7 человек).

А. А. Богданов использовал конференцию для пропаганды и утверждения своих идеалистических взглядов на роль науки. В резолюции, принятой по его докладу, говорилось, что наука является орудием организации общественного труда. Последовательно, конференция признавала необходимым в научной области проведение социализации науки. Конференцией была принята, опять-таки под влиянием А. А. Богданова, резолюция о пролетарском искусстве. Местные пролеткульты просуществовали недолго. Лишь в Москве и Ленинграде до сих пор существуют организации пролеткульта, не оказывающие заметного влияния на развитие культурной жизни страны. — 211.

[56]) *Брошюра Каутского «Диктатура пролетариата»* имеет свою историю. Первым откликом Каутского на Октябрьскую революцию была статья «Восстание большевиков», помещенная в № 267 «Leipziger Volkszeitung» от 15 ноября 1917 г. Статья начиналась словами: «Ныне впервые в миро-

вой истории пролетариат целиком овладел правительственной властью огромного государства». В этой статье Каутский говорит о «чудовищном противоречии русской революции», состоящем в том, что «революция, являющаяся соответственно общему характеру страны, буржуазной революцией и ни в малой мере не могущая быть революцией социалистической, опирается на пролетариат, обладающий ясным пониманием своих классовых задач». Дальше имеется следующее любопытное место: «Теперь должно обнаружиться, основательны ли те опасения, которые связывались с появлением большевиков у власти. Энергии, повидимому, у большевиков достаточно. В их рядах есть не мало интеллигентных, богатых опытом товарищей. Но трудности, встающие на их пути, колоссальны и если удастся их преодолеть, то перед нами совершится нечто неслыханное: наступит новая эпоха в истории человечества».

В декабре та же газета, начиная с № 293, от 17/XII, стала печатать ряд статей меньшевика А. Штейна, открывших анти-большевистскую кампанию в немецкой социалистической прессе («Демократия или диктатура?»). Вслед за этим Каутский, 3 января, поместил там же статью «Демократия и диктатура», в которой, становясь всецело на позицию меньшевиков, «обосновывал» их тактику и приглашал большевиков «очистить место другим демократическим элементам». Статья Каутского, как раньше статьи Штейна, встретила отпор уже в тех самых номерах газет, где она была помещена. («Leipziger Volkszeitung» № 9, 11 января, «Mitteilungsblatt» № 43, 20 января). Последняя газета, орган берлинской организации «независимых», писала 24 февраля в момент германского наступления на Советскую Россию: «Большевистская революция ничто иное, как новое гигантское издание Коммуны... Кто осуждает большевиков, тот должен осуждать и Парижскую Коммуну 1871 года: у них одна природа, одинаковые цели, одинаковые методы».

В мартовской книжке венского журнала «Kampf» («Борьба») появилась статья Гейнриха Вебера (Отто Бауэра) «Большевики и мы» и одновременно третья статья Каутского «Различная критика большевизма» («Mitteilungsblatt» № 52), в которой он заострил свои нападки на «антидемократические методы» большевиков. Наиболее резкий отпор Штейну, Каутскому и Бауэру дал представитель группы «Интернационал» Фр. Меринг в штутгартском «Социал-Демократе» (серия статей под псевдонимом Курта Сладека) и «Лейпцигской Народной Газете». 3 июня 1918 г. Меринг послал «Открытое письмо» в «Правду» (оно было напечатано 13 июня), в котором писал: «для партии вообще характерно то обстоятельство, что она все еще продолжает восторгаться Каутским, как святым пророком, хотя пора ей, по крайней мере, с 4 августа 1914 г. узнать, что у этого ученого школьного учителя нет ни малейшего следа революционного духа Маркса». В Германии это письмо было опубликовано в «Leipziger Volkszeitung» только 4 июля вместе с ответом Ц.К. «независимых». Пытаясь отвести критику тактики независимцов, данную Мерингом, они писали в то же время:

«Партия со всей категоричностью заявила через своих лидеров в парламенте, что она отклоняет в настоящее время всякую критику большевиков. То, что писали Каутский и Штейн, выражает их личные воззрения, что ими и было указано, и ответственность они взяли на себя».

В духе этого заявления редактор еженедельника «Sozialistische Auslandspolitik Korrespondenz» Руд. Брейтшейд писал, что советская республика «со времени своего основания никогда еще не находилась в таком критическом положении, не подвергать ее нападкам сейчас — самое меньшее, что может сделать в данный момент немецкий социалист». Бывший член группы «Интернационал», Г. Штребель нашел этот момент как раз подходящим для того, чтобы в следующем номере журнала разгромить «утопизм» и «авантюризм» большевиков. Дискуссия развернулась. Против

Штребеля выступила редакция «Информационного листка». Так, в № 33 вышеназванного журнала появилась статья Вильгельма Дювелля: «Средство и цель», который снова ставит вопрос о демократии и диктатуре, близко подходя к большевистской его постановке.

В № 34 от 22 августа против Дювелля, Брейтшейда и Клары Цеткин (статья «Право женщин в новой советской конституции» в «Leipziger Volkszeitung») вновь выступил Каутский на ту же тему со статьей «Демократия или диктатура». Он, признавая за Дювеллем заслугу отчетливой постановки спорного вопроса, обещал, поскольку журнал не может предоставить ему достаточно места для возражений, опубликовать их отдельной брошюрой. В данном же случае он пытался опровергнуть положение о несвоевременности критики по адресу большевиков, причем главный его аргумент состоял в том, что вопрос о демократии и диктатуре является уже не только русским, но и немецким вопросом.

Выдержки из этой статьи были напечатаны в «Правде» в № 202, 20 сентября и обратили на себя внимание В. И. Ленина, только что оправившегося после ранения. В тот же день он писал в Берлин:

«Позорный вздор, детский лепет и пошлейший оппортунизм Каутского возбуждает вопрос: почему мы ничего не делаем для борьбы с *теоретическим* опошлением марксизма Каутским? Можно ли терпеть, что даже такие люди, как Меринг и Цеткина, отгораживаются от Каутского более «морально» (если позволительно так выразиться), чем *теоретически*. Каутский де не нашел ничего лучшего, как писать теперь против большевиков. Разве это довод? Разве можно так ослаблять свою позицию? Ведь это значит только давать оружие в руки Каутскому!! И это вместо того, чтобы писать:

Каутский *абсолютно* не понял и извратил чисто оппортунистически

и учение Маркса о государстве
» » » » диктатуре пролетариата
» » » » буржуазной демократии
» » » » парламентаризме
» » » » роли и значении Коммуны и т. д.»

В. И. считал необходимым выступление спартаковцев «с *принципиальным теоретическим* заявлением» по вопросу о диктатуре и скорейшее издание немецкого перевода «Государство и революция». В заключение он писал: «Очень просил бы прислать (для меня особо) брошюру Каутского (о большевиках, диктатуре и пр.), как только она выйдет, — затем собрать для меня *все* статьи Каутского о большевиках». (Письмо хранится в архиве Института Ленина.)

Единственная в то время в Германии попытка разоблачить Каутского как ревизиониста была сделана Ф. Мерингом в его статье «Маркс и большевики». Повторяя характеристику каутскианства, данную Лениным в брошюре «Социализм и война», Меринг пишет: «можно перелистать все 300 номеров «Новой Рейнской Газеты», но будет напрасным искать там и малейшего следа нелепой идеи, что «диктатура пролетариата» означает всеобщее избирательное право. Как раз наоборот! Именно на тогдашние плоды всеобщего избирательного права, — франкфуртское и берлинское Собрания, Маркс обрушивался с жесточайшей критикой и провозглашал правом революционных народных масс терроризировать этих простоватых народных представителей. Если бы Маркс достиг тогда победы и ему сделали бы предложение призвать к жизни «диктатуру пролетариата» через новые выборы на основе всеобщего избирательного права, Маркс передал бы этих глубоких мыслителей, если не в тюрьму, то наверное на попечение сумасшедшего дома».

Однако, эта статья, предназначавшаяся для штутгартского «Социал-Демократа», была зарезана цензурой и увидела свет впервые лишь в 1927 г. в журнале германской компартии «Die Internationale» № 21. — 218.

[57]) *«The Socialist Review» («Социалистическое Обозрение»)*—ежемесячный журнал Английской независимой рабочей партии. Начал выходить в Лондоне с марта 1908 г. под редакцией Р. Макдональда. Сотрудники: Кейр-Гарди, Брейльсфорд, Сноуден, Лэнсбери, Каутский, Бернштейн, Жорес, Лонге, Тома и др. Издание продолжается и в настоящее время при ближайшем участии Брейльсфорда, Мэкстона, Уитли, Бриджмэна, Эллен Вилькинсон, Ньюболда, Ф. Прайса и др. — 218.

[58]) Цитата взята из письма Энгельса к Бебелю (см. примечание 131). — 220.

[59]) Вл. И. имеет в виду следующее место из письма Маркса к Кугельману от 13 декабря 1870: «... Как бы ни окончилась война, она обучила французский пролетариат владеть оружием, а это является лучшей гарантией будущего». (К. Маркс. Письма к Л. Кугельману. Перевод с немецкого М. Ильиной, под редакцией и с предисловием Н. Ленина. Изд. «Новая Дума», Петербург 1907, стр. 80.) — 221.

[60]) Вл. И. имеет в виду следующее место из «Анти-Дюринга» Энгельса:... «что сила играет в истории еще другую роль — роль революционную, что она является, говоря словами Маркса, «повивальной бабкой» каждый раз, когда старое общество носит в своих недрах новый порядок, что она служит орудием, которым общественное движение разбивает мертвые и окоченелые политические формы — обо всем этом мы не находим у г. Дюринга ни слова. Лишь со вздохами и стенаньями допускает он, что для свержения эксплуататорского хозяйства может понадобиться сила, он считает это несчастьем — потому что каждое насилие развращает тех, кто им пользуется. И это в виду высокого нравственного и умственного подъема, следовавшего за каждой победоносной революцией! И это в Германии, где насильственное потрясение, к которому может быть вынужден народ, имело бы по меньшей мере ту выгоду, что искоренило бы из сознания нации лакейство, вынесенное ею из унижений Тридцатилетней войны! И это-то вялое, бессильное поповское мышление смеет предлагать себя самой революционной партии, какую только знает история?» (Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг». Гиз 1928, стр. 170.) — 222.

[61]) Брошюра «Политические партии в России и задачи пролетариата» вышла первым изданием в июне — июле 1917 г. в Петрограде (изд. «Жизнь и Знание». Дешевая библиотека, кн. III). Второе издание вышло в Москве в издательстве «Коммунист». — 227.

[62]) *Объединенное заседание В.Ц.И.К., Моссовета, представителей фабрично-заводских комитетов и профсоюзов* (22 октября 1918 г.), созванное для разрешения вопросов о международном положении, о созыве чрезвычайного VI съезда Советов, приняло по первому вопросу резолюцию, написанную Лениным и принятую впоследствии VI съездом Советов без изменений. Все предложения фракции коммунистов были поддержаны представителями фракций народников-коммунистов и революционных коммунистов. От первых на заседании выступал Полянский, от вторых В. Черный. — 228.

[63]) Вл. Ильич имеет в виду конгресс Французской социалистической партии в Париже 6—11 октября 1918 г. Конгресс закрепил победу прежнего меньшинства, руководимого Лонгэ, одержанную уже на заседании национального совета партии 29 — 30 июля. Конгресс принял большинством 1528 голосов против 1393 пацифистскую резолюцию, содержавшую также и осуждение союзной интервенции в России. Лонгэ огласил на конгрессе письмо капитана Садуля к Ромэн Роллану, в котором первый называет действия Антанты в России «несмываемым преступлением». По словам женевского корреспондента «Правды» (№ 221 от 13 октября 1918 г., «это

письмо произвело колоссальное впечатление. Слева кричали: «Да здравствует Советская Республика». — 230.

[64]) *«Victoire» («Победа»)* — парижская ежедневная газета, основана Густавом Эрве (бывшим социалистом, превратившимся в яростного социал-патриота) в 1914 г. вместо издававшегося им еженедельника «La Guerre Sociale» («Социальная война»). Сотрудники: Лихтенберже, Бьенеме, Пирадам, Бурцев и др. — 233.

[65]) *Шестой чрезвычайный съезд Советов* был приурочен к празднованию первой годовщины Октябрьской революции. На Съезде присутствовало 1296 делегатов (963 с решающим голосом и 333 с совещательным), из числа делегатов с решающим голосом было: большевиков 946 человек, революционных коммунистов — 8, левых эсеров — 4, народных коммунистов — 2, максималистов — 1, анархистов — 1, беспартийных — 1. Почетными председателями съезда были избраны Ленин, Либкнехт, Фр. Адлер, Маклин и Дебс. Съезд утвердил следующую повестку дня: 1) Годовщина революции; 2) Международное положение; 3) Военное положение; 4) Строительство Советской власти в центре, Комитеты бедноты и Советы на местах. После доклада Ленина о годовщине революции, съезд обратился с приветствием ко «всем рабочим, крестьянам, солдатам всех наций, борющихся за мир, и их вождям» и принял предложение Свердлова послать приветствие Красной армии, части которой к моменту съезда одерживали победы на Восточном фронте.

Съезд принял также по предложению Я. М. Свердлова обращение к «ведущим войну против России правительствам Соединенных штатов Северной Америки, Англии, Франции, Италии и Японии», что в целях прекращения кровопролития съезд предлагает открыть переговоры о заключении мира. Съездом был утвержден предложенный Л. Б. Каменевым проект амнистии.

Съезд открылся докладом Ленина о международном положении. По докладу с обширными сообщениями выступали также К. Радек, Ю. М. Стеклов, Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев.

По докладу Ленина съезд утвердил текст резолюции, который был принят ранее на заседании В. Ц. И. К., Московского совета и профессиональных организаций Москвы 22 октября 1918 г. по докладу Ленина (см. настоящий том, стр. 239 — 240). 8 же ноября 1918 г. съезд принял резолюцию о революционной законности и контроле над должностными лицами. Резолюция дана в приложениях к тому (стр. 534).

Во время работ съезда стали поступать сообщения о революции в Германии; съезд послал приветственную телеграмму поднявшим восстание германским рабочим, солдатам и матросам. После доклада Троцкого о Красной армии и о положении на фронтах, съезд принял предложение об образовании полков деревенской бедноты. Съезд закончился принятием резолюции (дана в приложении к тому, стр. 534 — 535): по докладу Г. Е. Зиновьева о реорганизации комитетов бедноты и замене их волостными и сельскими советами. — 245.

[66]) *Областной съезд деревенской бедноты Северной области* состоялся в Петрограде 3 — 5 ноября. В порядке дня стояли следующие вопросы: 1. Текущий момент. 2. Комитеты бедноты и местные совдепы. 3. Снабжение и распределение (предметы первой необходимости, продовольствие, с.-хоз. машины, инвентарь и семена). 4. Красная армия. 5. Просвещение в деревне. 6. Почта и телеграф в деревне. Вместо ожидавшихся 5-6 тысяч съехалось по одним сведениям свыше 10 тысяч, по другим до 18 т. делегатов. Открытие съезда состоялось на площади Урицкого, деловые заседания происходили одновременно в двух залах Народного дома. Съезд принял резолюцию по текущему моменту и постановил послать в Германию 10 делегатов во главе с Максимом Горьким. Были приняты решения о слиянии комитетов бедноты с советами и о создании образцо-

вых полков деревенской бедноты — по два человека от каждого комбеда. — 254.

[67]) 3 ноября за подписью Наркоминдела Чичерина, председателя Совнаркома В. Ульянова (Ленина) и председателя В.Ц.И.К. Свердлова была послана следующая радиотелеграмма: «Всем Военкомам, Военрукам, Командармам, всем Совдепам. Обвиняя русское представительство в Германии в участии в революционном движении и обвиняя Русское правительство в нежелании наказать убийц графа Мирбаха, германское правительство потребовало отъезда из Германии в 24 часа всех, находящихся в Берлине, русских официальных лиц и в недельный срок русских официальных лиц, находящихся в других местах Германии, впредь до получения от русского правительства гарантий в том, что оно прекратит революционную агитацию в Германии и впредь до наказания убийц и инициаторов убийства графа Мирбаха. Одновременно, в такие же сроки, должны выехать германские официальные лица из России. Хотя нет признаков, заставляющих ожидать военного наступления на нас Германии, следует быть наготове на случай всех неожиданностей с ее стороны. Вполне вероятно наступление на нас белогвардейцев, и против нападения последних все меры должны быть немедленно приняты». — 260.

[68]) Вл. И. имеет в виду «Призыв германского правительства к германскому народу», который был написан государственным канцлером принцем Максом Баденским 5 ноября 1918 г.: «Необходимы самообладание и порядок. Всякая недисциплинированность может сильнейшим образом повредить делу заключения скорейшего мира». («Vorwärts» («Вперед») № 305, 5 ноября 1918 г.) — 263.

[69]) Вл. И. имеет в виду следующую цитату из «Echo de Paris» («Эхо Парижа») от 9 сентября 1918 г., приведенную в № 1 от 20 октября 1918 г. французской коммунистической газеты «III-me Internationale» («III Интернационал»), издававшейся в Москве: «Союзники заявили о своем твердом намерении не вмешиваться во внутренние дела России. Абсурдное заявление! Мы идем в Россию, чтобы сломить власть большевиков. Хотят этого или нет, но это означает вмешательство во внутренние дела России. Утверждать обратное, значит хотеть перейти море по суху».—270.

[70]) *«III-me Internationale» («III Интернационал»)* еженедельный орган французской секции Р.К.П.(б.), издавался в Москве. Первый номер вышел 20 октября 1918 г. В газете принимали участие Ж. Садуль, Н. Нюрина, П. Вейрнер (П. Паскаль), Жан Лоренс, Е. Блонина (Инесса Арманд). Издание прекратилось вскоре после первого конгресса Коминтерна. — 270.

[71]) *«The Manchester Guardian» («Страж Манчестера»)* — одна из наиболее влиятельных провинциальных газет в Англии, издается с 1921 г. в Манчестере, отражает интересы левого крыла либеральной партии. — 270.

[72]) Вл. И. имеет в виду следующее место из передовой статьи «Союзники и Россия» в «The Manchester Guardian». № 22 (530) от 23 октября:

«Если, окончив войну с центральными державами, мы будем продолжать борьбу с большевистским правительством, так это может произойти лишь потому, что нашей целью является свергнуть это правительство. Свержение большевистского правительства оказалось бы тогда самоцелью. Наши аргументы против большевистского правительства должны относиться к одной из трех категорий: мы можем возражать против личного состава и методов этого правительства; мы можем возражать против большевистской конституции; мы можем возражать против социальной философии и экономики большевизма. Каковы же наши намерения и цель: бороться против Ленина и Троцкого, или против советской системы, или же против большевистского социализма? Мы часто говорили, что не имеем никакого намерения вмешиваться во внутренние дела России. Однако это было одно притворство, ибо повсюду, куда проникали союзные войска,

советы уничтожались и вместо них устанавливалась более или менее реакционная власть. Но теперь, когда перемирие с центральными державами заключено, такого притворства больше быть не может. Если союзные войска все еще остаются и продолжают военные действия в России, их назначение — влиять на ход внутренних дел России. Союзные правительства поэтому должны или одновременно с заключением перемирия с центральными державами положить конец военным действиям в России или заявить, что они воюют с большевизмом. После того, как они заявят, что они воюют с большевизмом, они должны будут еще больше уточнить положение. Они должны сказать нам, кто же враг: Ленин и Троцкий, или Советская республика, или же советский социализм. Когда кровь всюду лилась реками, английский народ не интересовался отдельным ручьем ее, но теперь, когда английская кровь перестала уже литься всюду, за исключением России, он захочет узнать причину этого исключения. Правительство поступит правильно, если будет готово к тому, чтобы дать народу разъяснения по этому вопросу». — 270.

[73]) *1-й Съезд работниц* — открывшийся 16 ноября 1918 г. был созван по инициативе «Комиссии по агитации и пропаганде среди работниц» при Ц. К. Р. К. П. (большевиков.) Съезд положил начало организации работниц и крестьянок вокруг отделов по работе среди женщин, которые были созданы несколько позднее. На съезде присутствовало 1147 делегатов. Съезд одобрил международную политику Советской власти и призвал работниц и крестьянок к ее защите. Съезд одобрил также и наметившуюся уже форму втягивания беспартийных работниц в общественную работу и приближения их к партии через делегатские собрания. — 285.

[74]) Настоящая речь была произнесена Лениным на вечере, организованном в честь годовщины Октябрьской революции и посвященном деятельности Ленина. Вечер, намеченный первоначально на 18 ноября 1918 г., был перенесен на 20 ноября, где Л. Б. Каменев и Я. М. Свердлов произнесли речи, характеризующие революционную деятельность Ленина. — 287.

[75]) *Письмо Питирима Сорокина* было помещено в «Известиях Северо-Двинского Исполнительного Комитета» и перепечатано в «Правде» № 251, 20 ноября 1918 г. Вот его полный текст:

«Сим довожу до сведения граждан избирателей Вологодской и Северо-Двинской губерний и членов партии эсеров, что я 1) отказываюсь от звания члена Учредительного собрания и всех прав и обязанностей, связанных с этим званием, и 2) выхожу из состава партии эсеров.

Основные мотивы, принуждающие меня к этому, таковы: в виду чрезвычайной сложности современного внутреннего государственного положения, я затрудняюсь не только другим, но и самому себе указывать спасительные политические рецепты и брать на себя ответственность руководства и представительства народных масс. При таких условиях каждый честный общественный деятель обязан сделать для себя аналогичный вывод, а именно: обязан отказаться от прав и обязанностей политического работника. Этот вывод настоящим письмом я и делаю. Из сказанного явствует прямой выход из партии эсеров. Раз я отказываюсь от всякой попытки, то естественно, я не могу состоять ни в какой политической партии. Я не желаю, с одной стороны, числиться в партии мертвой единицей, а, с другой стороны, нести ответственность за ее политику. К этим общественным политическим мотивам должны присоединиться еще и мотивы личного характера, каковым и является мое горячее желание вернуться к работе по культурному просвещению народа. Истекший год революции научил меня одной истине — политики могут ошибаться, политика может быть общественно полезна, но может быть и общественно вредна, работа же в области науки и народного просвещения всегда полезна, всегда нужна народу, в особенности же в эпоху коренного переустройства государственной и общественной жизни. Этой работе, от которой я

на год был оторван и которую я считал делом моей жизни, я отдаю ныне все свои слабые силы».

О дальнейшей «культурно-просветительной» деятельности Сорокина см. статью В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма» в XXVII томе. — 287.

76) *«Воля Народа»* — ежедневная газета, издававшаяся в Петрограде в 1917 г., орган правого крыла партии социалистов-революционеров. Состав редакции: Е. К. Брешковская, А. А. Аргунов, В. С. Миролюбов. В числе ближайших сотрудников были объявлены: де-Брукер, Эмиль Вандервельде, Альбер Тома, В. М. Чернов, Б. В. Савинков, П. А. Вихляев и др. Газета ярко социал-патриотического направления, близкая по взглядам к плехановскому «Единству», отражала взгляды либеральных народников, эсеровских кооператоров и т. п. — 287.

77) В. И. имеет в виду беседу с представителями съезда уполномоченных кредитной кооперации по вопросу о национализации Московского народного банка. Декрет о национализации всех банков, принятый в заседании Ц.И.К. 14 декабря 1917 г., не касался Московского народного банка. Президиум Московского совета, в решении, опубликованном 3 января 1918 г., считая национализацию банка нежелательной, признавал необходимым установление контроля за его деятельностью. Однако, благодаря национализации всех частных банков, Московский народный банк утратил свой первоначальный характер, принимая вклады не только от кооперативных организаций, но и от частных лиц, и представлял из себя организацию, по существу враждебно относящуюся к Советской власти. Предложение о национализации банка было выдвинуто Народным комиссариатом финансов в сентябре месяце 1918 г. Московский народный банк выступил решительно против национализации. В виду того, что переговоры правления банка с представителями Народного комиссариата финансов не привели к положительному результату, правление банка решило созвать съезд представителей кредитной кооперации — своих акционеров. Съезд также высказался против национализации банка, приняв соответствующую резолюцию. Делегация, которую избрал съезд для переговоров с Лениным, представила последнему докладную записку, в которой настаивала на сохранении самостоятельности Московского народного банка, как кооперативной организации. В ответ на эту докладную записку Ленин заявил следующее: «Советская власть уже восемь месяцев, как стала на путь соглашения с кооперацией. В то время, как власть ни с кем не входила в соглашение, для кооперации она сделала исключение, ибо признает ее ценность. Соглашение с кооперацией необходимо для власти не только потому, что она обладает прекрасно налаженным аппаратом, но и потому, что кооперация представляет массовое среднее крестьянство, на которое должна опираться и власть. Но отказаться от национализации Советская власть не может. Если кооперация не видит возможности совместной работы, то для власти такое положение неприемлемо». (Журнал «Народное Хозяйство» № 12, декабрь 1918 г.) Несмотря на такое заявление Ленина съезд принял резолюцию, в которой говорилось: Ознакомившись из переговоров делегации съезда с председателем Совета народных комиссаров о решении Советского правительства довести национализацию банков до конца и о готовности правительства в то же время сохранить ее кредитный аппарат и ее организационную самостоятельность, съезд постановил разрешить правлению, Совету и ревизионной комиссии, совместно с представителями кооперативных центров: 1) выработать устав, обслуживающий все виды кооперации Всероссийского кредитного союза кооперативов, применительно к уставам действующих кредитных союзов». Дальше в резолюции указывалось на необходимость передачи всех средств Банка этому Союзу, который должен являться «не только финансовым и представительным центром но и учреждением, объединяющим и органи-

зующим российскую кооперацию». Таким образом, съезд по существу не изменил своей позиции и отказался от предложения Советской власти о национализации банка и перехода его в банк Республики, как кооперативного отдела этого банка. 2 декабря 1918 г. был принят декрет о национализации Московского народного банка и переходе всего актива и пассива его в банк Республики. Правление же Московского народного банка было преобразовано в кооперативный отдел Центрального управления Народного банка Р.С.Ф.С.Р. — 295.

[78]) *Общее собрание уполномоченных Московского центрального рабочего кооператива* (26—27 ноября 1918 г.) было первым после перевыборов уполномоченных и созывалось для обсуждения отчета правления и ревизионной комиссии, выборов руководящих органов кооператива и обсуждения доклада Шефлера о распределении продуктов в Москве. Собрание избрало новый состав правления, предложенный коммунистической фракцией. Первое сообщение о речи Ленина появилось в «Правде» № 261, 1 декабря 1918 г. в следующих выражениях: «Тов. Ленин приветствовал собравшихся, как представителей всего московского пролетариата. В своей речи т. Ленин изложил собранию взгляды Совета народных комиссаров на ту крупную роль, какую должна сыграть рабочая кооперация в строительстве Советской России».

Позднее речь Ленина была напечатана в журнале Московского центрального рабочего кооператива «Рабочий Мир» № 19, 1918 г. и отдельной листовкой. — 298.

[79]) *Воззвание меньшевиков,* которое имеет в виду Ленин, было опубликовано в «Правде» № 251 от 26 ноября 1918 г.

Меньшевики начали антисоветскую работу сейчас же после Октябрьского переворота (см. прим. 109). Но часть их под влиянием успехов революции стала на путь соглашения с Советской властью. В самом Ц.К. партии меньшевиков руководство, ко времени германской революции, принадлежало течению, возглавляемому Ю. О. Мартовым, которое и настояло на принятии воззвания 26 сентября 1918 г. В воззвании, несмотря на большой сдвиг, меньшевики попрежнему оставались на старых позициях во взглядах на русскую революцию, считая ее арьергардом мировой революции. Лишь эта последняя смогла бы, по мнению меньшевиков, освободить русскую революцию от тормозящих ее «элементов анархизма и терроризма». Однако, воззвание решительно восставало против «программы действительной анти-большевистской коалиции», говоря, что «весь опыт господства этих групп на Украине, на Дону и в Белоруссии не оставляет сомнений в их контр-революционности, равно как и деятельность их в Сибири и на Волге, где у власти стояли более демократические группы, и что эти контр-революционеры не останавливались перед попытками государственного переворота... для обеспечения диктатуры помещичьих и милитаристических элементов». Воззвание считало невозможным существование «демократической» власти в условиях иностранного вмешательства. Оно признавало далее, что настоящий момент характеризуется наличием большевистской диктатуры, и что весь русский и международный пролетариат обязан ее защищать, так как России угрожает диктатура капиталистов и помещиков. В ответ на этот поворот меньшевиков советская власть постановлением Ц.И.К. от 30 ноября 1918 г. отменила декрет об удалении меньшевиков и эсеров из Советов, причем им также было разрешено выставление списков на выборах в Советы, легальное существование партийных организаций и выпуск Центрального органа меньшевиков «Всегда Вперед».

Воззванию предшествовало опубликование тезисов Ц.К. меньшевиков от 17—21 октября 1918 г., в которых говорилось «о взаимном соглашении» с большевиками: «Совершенный в октябре 17 г. большевистский переворот является исторически необходимым, поскольку, разрывая связи

между трудящимися массами и капиталистическими странами, он выражал стремление трудящихся масс подчинить направление революции всецело их интересам, без чего немыслимо было высвобождение России из тисков союзного империализма, ведение последовательной политики мира, радикальное проведение аграрной реформы и регулирование государством, в интересах народных масс, всей хозяйственной жизни. Поскольку этот этап революции имел тенденцию увеличивать и размах того воздействия, которое имела российская революция на ход мировых событий».

Далее меньшевики признавали, что «Русская революция — гигантское бродило, приводящее в движение весь мир». Изменяя своему недавнему прошлому, меньшевики заявляли, что «отвергают всякое политическое сотрудничество с враждебными демократии классами и отказываются от участия во всех, хотя бы и демократическим флагом прикрываемых, правительственных комбинациях, которые основаны на «общенациональных» коалициях демократии с капиталистической буржуазией или на зависимости от иностранного империализма и милитаризма». Отвергая коалицию с буржуазией, меньшевики все же считали единственным правомочным органом — Учредительное собрание.

Признавая историческую необходимость диктатуры (Октябрьского переворота), меньшевики требовали отмены чрезвычайных комиссий и прекращения террора, как политического, так и экономического, обещая в то же время «прямую поддержку военных действий советского правительства» против империалистического вмешательства.

27 декабря 1918 г. — 1 января 1919 года происходило всероссийское совещание меньшевиков, занявшееся пересмотром «политической идеологии» и тактики меньшевизма. На нем обнаружилось новое перевоплощение меньшевизма: — по вопросу об Учредительном собрании вынесена была резолюция, говорящая о том, что «в настоящее время лозунг Учредительного собрания мог быть использован, как знамя и прикрытие прямой контр-революции», и потому партия принимает «советский строй, как факт действительности, а не как принцип», лишь на время, оставаясь попрежнему сторонницей «демократии».

Однако, поворот меньшевиков не был продолжительным и прочным. Вместе с замедлением мировой революции меньшевики возвратились на старые позиции — непримиримых врагов Советской власти. — 301.

[80]) *Декрет об организации снабжения,* принятый Совнаркомом 21 ноября 1918 г., сыграл значительную роль в развитии продовольственной политики эпохи военного коммунизма. Декрет возлагал на Наркомпрод задачу «планомерного снабжения населения всеми продуктами из советских и кооперативных распределительных пунктов», а также «заготовку всех продуктов, служащих для личного потребления и домашнего хозяйства». Этот декрет связывал дело хлебозаготовок с кооперативным аппаратом, в задачу которого входило проведение товарообмена, путем снабжения населения предметами первой необходимости. Все частно-торговые предприятия подлежали муниципализации. Эта мера по существу сводилась к уничтожению частного торгового аппарата и запрещению свободной торговли. Муниципализации не подлежали лишь кооперативные склады и лавки, на которые на ряду с государственными распределительными пунктами декретом возлагалась задача распределения продовольствия населению. Декрет специальным пунктом предусматривал также восстановление всех ранее национализированных или муниципализированных местным органом кооперативов и возвращение им конфискованных товаров. Согласно декрета для получения продуктов, распределяемых через советские и кооперативные лавки, каждый гражданин должен приписаться к какой-либо определенной и входящей в сеть розничной лавке. Этим самым по существу вводилось принудительное кооперирование населения. — 302.

[81]) *Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г.* было посвящено обсуждению вопроса об отношении к мелкобуржуазным партиям, которые под влиянием революции в Германии значительно изменили свое отношение к Советской власти (см. прим. 79). Доклад Ленина вызвал горячие прения. Собранием не было вынесено никакой резолюции, а вопрос был перенесен в Московский комитет партии, где на заседании 30 ноября подвергся вновь обсуждению. Докладчиком от Ц. К. выступил Н. И. Бухарин. Заседанием была принята в основу резолюция Ц. К.; резолюция же, предложенная Хмельницким, отрицавшая возможность допущения меньшевиков и эсеров в советы, собрала лишь 5 голосов. Резолюция Ц. К. не была опубликована, но на заседании Ц. И. К. 30 же ноября было принято решение о допущении представителей мелкобуржуазных партий в Советы (см. прим. 109). Стенограммы прений не сохранилось. Стенограмма заключительного слова Ленина, печатаемая в томе, ранее нигде не была опубликована. Нами она публикуется, как и доклад, по экземпляру стенограммы, хранящейся в архиве Института Ленина.—305.

[82]) Вл. И. имеет в виду следующее место из брошюры Ф. Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии»: «Мы имеем твердое убеждение, что и крупный и средний крестьянин должны неминуемо погибнуть от конкуренции капиталистического хозяйства и дешевого производства зерна, как на это указывает все возрастающая задолженность и повсеместно очевидный упадок также и этих крестьян... Если эти крестьяне поймут неизбежность гибели их теперешнего способа производства и сделают из этого необходимые выводы, то пусть они идут к нам, и нашей обязанностью будет посильно облегчить также и им переход к новой форме производства. В противном случае мы должны их предоставить собственной судьбе и обратиться к их наемным рабочим, у которых мы уже найдем сочувствие. От насильственной экспроприации мы, по всей вероятности, воздержимся и здесь, но, впрочем, будем надеяться на то, что экономическое развитие сделает более доступными благоразумию и эти крепкие головы». (Ф. Энгельс. «Крестьянский вопрос во Франции и Германии». Перевод с немецкого II издания, книгоиздат. «Новый мир» 1906 г., стр. 29.) — 320.

[83]) Вл. И. имеет в виду следующее место из «Гражданской войны во Франции» Маркса: «Ведь общества, точно также, как и отдельные лица, всегда умеют найти для своих практических предприятий подходящих людей, а если иногда ошибаются, то умеют очень скоро поправить свою ошибку». (К. Маркс. «Гражданская война во Франции». Перевод с немецкого под редакцией Н. Ленина. Изд. «Прибой», Петербург, 1917, стр. 41.) — 322.

[84]) Вл. И. имеет в виду следующее место из работы Энгельса: «Крестьянский вопрос во Франции и Германии»: «Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели». (Ф. Энгельс. «Крестьянский вопрос во Франции и Германии». Перевод с нем. II изд., книгоизд. «Новый мир» 1906 г., стр. 23.) — 322.

[85]) Вл. И. имеет в виду выражение Энгельса в письме к Зорге от 29 ноября 1886 г. Энгельс пишет, что для немецких социалистов в Америке «теория — символ веры, а не руководство к действию» («Es ist ihnen ein Credo, keine Anleitung zum Handeln») — «Briefe und Auszüge aus Briefen von J. Ph. Becker, J. Dietzgen, Fr. Engels, K. Marx u. A. an F. A. Sorge und Andere». Stuttgart, Dietz, 1921 p. 238 («Письма и выдержки из писем И. Ф. Бекера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.».). Вл. И. приводит это выражение в своем предисловии к русскому изданию «Писем» (см. XI том Сочинений, стр. 166). — 324.

[86]) Вл. И. имеет в виду цитату из речи Вильсона, приведенную в

№ 258 «Правды» от 28 ноября 1918 г. в заметке «Мировая опасность большевизма» и заимствованную из немецкой газеты «Der Tag» («День») от 20 ноября: «Союзные державы не имеют более намерения придерживаться пассивной тактики по отношению к большевизму. В нем они видят единственного врага, против которого следует ополчиться. Русское государство с нескольких сторон открыто для союзных войск, если они пожелают вторгнуться. — Большевистская и терроризированная Россия не может быть принята в союз демократических и свободных народов». — 324.

[87]) Вл. И. имеет в виду следующие слова К. Каутского: «...не есть ли рисующийся перед нами образ социалистического общества не что иное, как образ огромного *потребительного товарищества* (конечно, отнюдь не торгового), являющегося в то же самое время и производительным товариществом, которое производит предметы потребления для своих членов». (K. Kautsky. «Consumvereine und Arbeiterbewegung»). Wien, Ignaz Brandt 1897 («Потребительские общества и рабочее движение»). — 328.

[88]) Вл. И. имеет в виду докладную записку Всероссийского совета профессиональных союзов служащих, опубликованную в «Вестнике Служащего» № 11 - 12 за 1918 г. В этой записке, направленной в Совет народных комиссаров, Совет союза служащих указывал на необходимость привлечения членов профессионального союза служащих к работе, проводимой органами Компрода, согласно декрета от 21 ноября 1918 г. (см. примечание 80). — 329.

[89]) Газета «*Социал-Демократ*» — начала издаваться в Париже в 1908—1917 г.г., с 15 января 1910 г. стала Ц. О. Р.С.-Д.Р.П. К концу 1911 г. «С.-Д.» окончательно перешел в руки большевиков. После Пражской конференции в редакцию «С.-Д.» вошли: Ленин, Зиновьев и Каменев. Ленин и Зиновьев были в редакции «С.-Д.» до конца издания. Последний номер «С.-Д.» вышел 31 января 1917 г. Всего было 58 номеров. — 335.

[90]) Журнал «*Коммунист*». Издание Л. и П. Киевских (Г. Пятакова и Е. Бош). Вышел только № 1 - 2. Содержание: От редакции. *Н. Бухарин* — «Мировое хозяйство и империализм», *К. Радек* — «Четверть века развития империализма», *А. Паннекук* — «Империализм и задачи пролетариата», *Н. Ленин* — «Крах II Интернационала». *Г. Зиновьев* — «Российская социал-демократия и русский социал-шовинизм», *Ф. Р—н (Ротштейн)* — «Разброд в Англии», *А. К—й* — «Почему молчал пролетариат Германии в июльские дни?» *А. Беленин (Шляпников)* — «Рабочий Петербург и война», *М. Бронский* — «Война и финансы России», *П. Киевский (Г. Пятаков)* — «Собрат по оружию», *Н. Ленин* — «Честный голос французского социалиста», *Н. Ленин* — «Империализм и социализм в Италии». Забытые слова: 1) Базельский манифест. 2) Хемницкая резолюция. — 335.

[91]) *Г. Зиновьев и Н. Ленин. «Против течения»* — Сборник статей из «Социал-Демократа», «Коммуниста» и «Сборника Социал-Демократа». Изд. Петр. Совета Р. и С. Д. Петроград 1918 г. Это первое в России переиздание заграничных статей Ленина периода войны. — 335.

[92]) Брошюра «*Социализм и война*» — написана Лениным совместно с Зиновьевым в августе 1915 года. Брошюра подготовлялась к Циммервальдской конференции, но по техническим обстоятельствам выход ее в свет задержался, и она была издана только после Циммервальда. После Октябрьской революции брошюра переиздана в России в 1918 г. в Петрограде и в 1924 г. издательством «Красная Новь» к 10-летию империалистической войны, с предисловием Г. Зиновьева. В этом предисловии Г. Зиновьев отмечает, что 1 глава и некоторые части 3 и 4 глав написаны Лениным. Ленину также принадлежала общая редакция брошюры. — Немецкий перевод брошюры вышел в Женеве в 1915 г. Французский перевод там же в 1916 г. (позже был издан в Париже по инициативе Инессы Арманд). В последнем издании имеется ряд дополнений сравнительно с первым русским изданием. В немецком издании, печатавшемся, очевидно, одно-

временно с русским, наоборот, не хватает двух добавлений, а именно: главы «Война есть продолжение политики иными (именно: насильственными) средствами» и «Резолюции по национальному вопросу». — 335.

[93]) Цитата взята из так называемой «Критики Готской программы» — письма К. Маркса к Браке 5 мая 1875 г., которое предназначалось также для Бебеля, Либкнехта, Гейба и Ауэра и было написано в связи с предстоящим объединительным съездом «лассальянцев» и «эйзенахцев». Маркс и Энгельс были горячими противниками объединения и выработанного к съезду проекта программы. Из руководящей группы эйзенахской партии их точку зрения поддерживал только один Браке. Преобладающее среди германских рабочих настроение в пользу объединения было известно Марксу, но он, как писал в письме, все же считает «своим долгом не показывать дипломатическим молчанием», будто он признает программу, по его убеждению, «крайне уродливую и деморализующую партию». Это письмо важно также тем, что в нем было впервые изложено отношение Маркса к Лассалю. Вместе с письмом Энгельса к Бебелю (28 марта 1875 г.) письмо Маркса является одним из важнейших произведений научного коммунизма. Энгельс впервые, преодолев сильное сопротивление со стороны вождей германской с.-д., опубликовал его под названием «Замечания к программе немецкой рабочей партии» перед Эрфуртским съездом, который должен был принять новую программу («Neue Zeit», 9 Jahrgang 1891 I Band). Основные мысли Маркса, однако, не были приняты германской социал-демократией полностью не только в 1875, но даже и в 1891 году и нашли себе полное признание только в программе В.К.П. и Коминтерна. — 338.

[94]) Цитата взята из письма Энгельса к Бебелю (см. примечание 131). — 342.

[95]) Приведенная Лениным мысль была высказана не Марксом, а Ф. Энгельсом в предисловии к 3-му немецкому изданию «Гражданской войны во Франции» К. Маркса. «Коммуна упустила в области экономических отношений много такого, что, по нашим теперешним понятиям, необходимо было сделать. Труднее всего понять теперь ее благоговение перед банком Франции. Это было и политически крупной ошибкой. Банк в руках Коммуны имел больше значения, чем 10.000 заложников. Завладей она им, вся французская буржуазия начала бы оказывать давление на версальское правительство в интересах мира с Коммуной.» (К. Маркс. «Гражданская война во Франции (1876 — 71)». С пред. Ф. Энгельса. Перевод с немецкого под ред. Н. Ленина. Изд. «Прибой». Петербург 1917 г., стр. 9.) — 343.

[96]) Цитата взята из ст. Ф. Энгельса: «Über das Autoritätsprinzip, (Dell'Autorità)» («О принципе авторитета».) («Neue Zeit» 1913 — 1914. Band I. S. 39). — 344.

[97]) Вл. И. имеет в виду следующие места из брошюры Маркса «Гражданская война во Франции». «Рабочий класс не может просто завладеть готовой государственной машиной и заставить ее служить своим целям». (Маркс и Энгельс цитируют эту фразу в предисловии к немецкому изданию «Коммунистического манифеста», вышедшему в 1872 г.)

«Коммунальное устройство не разрушало, а, напротив, организовывало единство нации; это единство должно было превратиться в нечто действительное с уничтожением государственной власти, считавшейся воплощением единства, предполагавшей стоять выше нации и независимо от нее, а на деле бывшей только паразитом на организме нации» (К. Маркс. «Гражданская война во Франции». Перевод с немецкого, под редакцией Н. Ленина. Изд. «Прибой». Петербург 1917 г.: стр. 37, 41). — 344.

[98]) Вл. И. имеет в виду следующее место из брошюры Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». «Древнее государство было по преимуществу государством рабовладельцев, основан-

пым для учреждения и повиновения рабов; феодальное государство было органом дворян ради господства над крепостными крестьянами; новейшее представительное государство есть орудие эксплуатации труда капиталом». (Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Изд. «Пролетарий» 1927 г., стр. 112—113.) — 346.

[99]) Цитата взята из предисловия Энгельса к «Гражданской войне» Маркса (К. Маркс. «Гражданская война во Франции (1870—1871 г.)». С предисловием Энгельса. Перевод с немецкого, под редакцией Ленина. Изд. «Прибой». Петербург 1917, стр. 12). — 346.

[100]) Вл. И. имеет в виду следующее место из брошюры Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Всеобщая подача голосов есть измеритель зрелости рабочего класса. Дальше этого пойти при настоящем государственном строе пролетариат не может, но и этого довольно». (Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Изд. 1907 г. СПБ, стр. 148.) — 346.

[101]) *Виги и тори* — политические партии Англии, возникшие в эпоху английской революции XVII века, в силу различных политических интересов и социального состава ведшие взаимную борьбу на всем протяжении своего существования. Партия вигов (1619—1854 г.г.) была представительницей интересов финансовых кругов и части торгово-промышленной буржуазии. Виги дали начало ныне существующей либеральной партии (Асквит, Ллойд-Джордж). В отличие от вигов — партия ториев (1680—1832 г.г.) является партией крупного землевладения, представительницей консервативных кругов английского общества; партия, стоящая на точке зрения защиты традиций феодального прошлого и борьбы с либеральными и прогрессивными требованиями. Положила впоследствии начало консервативной партии. — 347.

[102]) Цитата взята из ст. Маркса: «Der politische Indifferentismus» (L'indifferenza in materia politica) («Политический индифферентизм») («Neue Zeit» 1913—1914. I Band. S. 40.) — 353.

[103]) Вл. И. имеет в виду речь Мартова на I Всероссийском съезде профсоюзов 9 января 1918 г., в которой он говорил: «Советы — одна из форм боевой организации рабочего класса, вызываемая революционным временем, и Советы должны расцениваться с точки зрения возможности удовлетворения тех или иных политических и общих задач рабочего класса. Но говорить, что самый факт существования советов есть свидетельство того, что наступила новая эпоха в жизни человечества, новая эра социализма — чистейший вздор». (Первый всероссийский съезд профессиональных союзов 7—14 января 1918 г. Полный стенографический отчет с предисловием М. Томского. Издание В.Ц.С.П.С., Москва, 1918 г., стр. 77.) — 359.

[104]) Вл. И. имеет в виду следующее место из предисловия Энгельса к 3 немецкому изданию «Гражданской войны во Франции»: «В третьем отделе «Гражданской войны» подробно описывается это уничтожение старой государственной власти и замена ее новою, истинно-демократическою. Но мы считали необходимым еще раз подчеркнуть здесь некоторые черты этого процесса, потому что именно в Германии суеверная вера в государство перешла из философии в число привычных идей буржуазии и даже многих рабочих». (К. Маркс. «Гражданская война во Франции» (1870—71 г.г.) С пред. Ф. Энгельса. Перевод с немецкого, под ред. Н. Ленина. Изд. «Прибой». Петербург, 1917, стр. 12.) — 360.

[105]) Вл. И. имеет в виду следующее место из брошюры Каутского «Путь к власти»: «Пролетариат в настоящее время настолько окреп, что он с большим спокойствием может ожидать надвигающейся войны. О *преждевременной* революции не может быть больше речи в то время, когда пролетариат извлек из данной государственной основы столько сил, сколько можно было из нее почерпнуть, когда ее перестройка стала усло-

вием его дальнейшего подъема». («Путь к власти». Гиз, 1923, стр. 92.) — 361.

[106]) Английский перевод брошюры Ленина «Политические партии в России» появился в журнале «The Class Struggle» («Классовая Борьба») New-York 1917, vol. 1, № 4 XI — XII, стр. 49 — 59, а также и отдельной брошюрой в издании Socialist Publication Society. — 364.

[107]) *«New-York Evening Post» («Нью-Иоркская Вечерняя Почта»)* — одна из старейших американских газет. Основана в 1801 г. В 1826 — 78 г.г. издавалась одним из основателей республиканской партии поэтом Вилльямом К. Брайентом (Bryant). С 1881 г. принадлежала фирме Виллярд и редактировалась Годкиным в духе английского либерализма. В 1919 г. была единственной буржуазной газетой в Америке, перепечатавшей полностью тайные договоры союзников с царским правительством и брошюру Ленина о политических партиях в России. (Русским корреспондентом газеты в это время был Альберт Рис Вильямс.) Вскоре после этого она вследствие финансовых затруднений была куплена фирмой Дж. Пирпонта Моргана и стала восхвалять Версальский договор как «голос, посланный с неба». В настоящее время входит в состав газетного треста Кертиса (Cyrus K. Curtis) и отстаивает интересы Моргана против Рокфеллера. Несмотря на свой сравнительно небольшой тираж (40.000) пользуется влиянием как боевой империалистический орган, занимающий враждебную позицию по отношению к Японии и отстаивающий экспансию Соединенных Штатов в Южной Америке. Тесно связана с американскими военными кругами. — 364.

[108]) *Всероссийские съезды Советов.* — Цифровые данные о составе делегатов съездов Советов, приведенные здесь Лениным, расходятся с другими данными, так как не на всех съездах велся точный учет делегатов. В виду этого нелишне привести некоторые дополнительные цифры для сравнения. Так, по данным материалов, собранных Архивом Октябрьской революции, на II Всероссийском съезде Советов не было точного списка делегатов, в анкетах отсутствовали сведения о полномочиях каждого делегата, в списки попал ряд товарищей с совещательными голосами и гостей; в отношении некоторых не установлена партийность. В результате изучения имеющихся данных, Архивом Октябрьской революции опубликованы следующие цифры: всего делегатов, оставшихся на II съезде Советов после ухода меньшевиков и правых эсеров, было 625, из них большевиков 390. На III съезде Советов, по данным, опубликованным в сборнике «5 лет власти Советов», присутствовало 942 делегата. На IV съезде по протоколам присутствовало 1172 делегата, из коих было 814 большевиков, и на V съезде Советов также по протоколам съезда присутствовало 1132 делегата, из них 745 большевиков. — 369.

[109]) *Исключение меньшевиков, правых эсеров и эсеров центра из Советов* было принято В.Ц.И.К. 14 июня 1918 г. в результате антисоветской деятельности этих партий. С первых дней Октябрьской революции мелкобуржуазные и соглашательские партии заняли позицию решительной борьбы против Советской власти, активно участвуя во всех организациях и выступлениях буржуазии (юнкерское восстание в Москве, поход генерала Краснова на Петроград, участие в «Союзе Возрождения», в «Народном Союзе Защиты Родины и Свободы», создание меньшевистско-правоэсеровского «Собрания уполномоченных фабрик и заводов», организация подобных же беспартийных рабочих конференций и организация забастовок против Советской власти, связь с контр-революционерами: на Дону с Калединым и Корниловым, на Урале с Дутовым, в Сибири с Семеновым, Хорватом и Колчаком, поддержка чехо-словацкого движения и империалистической интервенции и т. д.). Заседание по докладу Л. Сосновского приняло резолюцию, в которой указывалось, что меньшевики и правые эсеры несмотря на тяжелое положение Советской республики ведут борьбу

против нее, не стесняясь нисколько средствами вплоть до вооруженного восстания, поэтому, говорилось дальше в резолюции, присутствие в Совете партий, «стремящихся дискредитировать и низвергнуть власть Советов, является совершенно недопустимым». Резолюция заканчивалась предложением: «исключить из своего состава представителей партий эсеров (правых и центра), а также предложить всем Советам Р.С.К. и Кр. Депутатов удалить представителей этих фракций из своей среды».

Присутствовавшие на заседании меньшевики и правые эсеры резко выступали против предложения об их исключении. От имени правых эсеров выступал Коган-Бернштейн, заявивший, что в открытых выступлениях против Советской власти их партия будет идти с массами. От меньшевиков выступали Ю. Мартов и Ф. Дан, которые, считая ложью все выдвинутые против их партий обвинения, обвиняли Советскую власть, политика которой якобы ведет к гибели рабочий класс. Левые эсеры, находившиеся уже тогда на грани разрыва с Советской властью, также не поддержали предложения об исключении, найдя эту меру неправильной. Их представитель, В. Карелин, основываясь на том, что контр-революционная деятельность меньшевиков и правых эсеров не вполне доказана, заявил: «Мы протестуем против их исключения, которое является для нас неприемлемым и формально и по существу. Мы будем голосовать против исключения. Мы думаем, что залогом успеха борьбы с правыми соглашателями должна являться твердая, прямая, ясная линия Советской политики». Резко против предложения об исключении выступил также и А. С. Лозовский — представитель фракции с.-д. интернационалистов. Резолюция была, однако, принята подавляющим большинством голосов коммунистов. В результате этого решения из всех местных советов были исключены меньшевики и правые эсеры и закрыты их печатные органы. Включение в состав советов меньшевиков и эсеров и легальное существование их организаций последовало только после известного поворота, связанного с победами Красной армии и началом германской революции в ноябре 1918 г. (см. прим. 79). — 372.

[110]) *Меньшевики-активисты* — наиболее правое течение, существовавшее внутри партии меньшевиков, которое признавало и фактически применяло методы вооруженной борьбы с Советской властью. Впервые это течение выявилось на совещании всех руководящих органов меньшевистской партии 3 (16) ноября 1917 г., где обсуждался вопрос о расколе в Ц.К. в связи с «текущим политическим моментом». Большинство Ц.К. (Абрамович, Ф. Н. Дан) стояло на точке зрения политической изоляции большевиков, меньшинство (Зарецкая, Вайнштейн) считали необходимой активную борьбу с большевиками «с оружием в руках». В декабре 1917 г. на чрезвычайном съезде партии правые, в лице Либера, развернули свою программу о необходимости вооруженной борьбы с большевиками в союзе с кадетами, с Корниловым, Калединым, Украинской радой.

Большинство съезда заняло «левую» позицию ликвидации большевизма «демократическим» путем. В результате правые отказались войти в центральные органы партии и создали обособленную внутрипартийную группу «активистов». Политическая платформа активистов изложена меньшевиком Розановым в его показаниях во время процесса киевских меньшевиков в 1919 г. Ее суть: социалистическая революция в России невозможна. Рабочий класс должен стремиться не к социалистической революции, а добиваться улучшения своего положения путем социальных реформ. Задача же правых меньшевиков заключается в том, чтобы «повести соответствующую агитацию в массах и создать силу, на которую новая платформа могла бы опираться».

В Уфе меньшевики принимали участие в создании эсеро-кадетской директории, которая расчистила путь к власти Колчаку. Волжские и уральские меньшевики были активными пособниками чехо-словацкого вос-

стания. В Грузии, в Армении, в Азербейджане и в Закаспии меньшевики опирались в своей работе на военную и финансовую поддержку интервентов. «Активисты» оказывали значительные услуги белой гвардии, принимая участие и в белом терроре. Внутри Советской республики активисты вели борьбу через собрания фабрично-заводских уполномоченных, имея влияние на профессиональные союзы печатников и химиков. В 1918 г. «активисты» при поддержке всей партии меньшевиков пытались организовать всероссийский Рабочий съезд, для чего провели ряд рабочих конференций, где под видом разрешения продовольственных вопросов обсуждались вопросы о власти. С этой же целью ими был выпущен ряд листовок и воззваний: «Наказ делегатам к московским рабочим», «Ко всем рабочим России», «К рабочему съезду», подписанные организационным комитетом по созыву рабочего съезда. Поворот меньшевиков влево, в связи с германской революцией осенью 1918 г., не коснулся «активистов».

Идеологами этого правого течения в меньшевизме были М. Либер, А. Потресов, П. Колокольников, Л. Пумпянский, Г. Кучин-Оранский, Зарецкая, Вайнштейн, сотрудничавшие в журналах «Дело» и «Новая Заря» и издававшие свой журнал «Рабочая Мысль».

С 1922 г. меньшевики группы Потресова издавали (в эмиграции) журнал «Заря», по имени которого называлась наиболее правая внепартийная группа «заристов» (Ст. Иванович, С. Загорский, А. Байкалов, Л. Исаев). — 372.

[111]) Вл. И. имеет в виду следующее место из речи Бебеля на Эрфуртском партейтаге германской социал-демократии в 1891 г.: «Противники называли Фольмара новым Лассалем. Товарищи! С речами, подобными речам Фольмара, Лассаль никогда ничего бы не достиг, социал-демократия *никогда* бы не укрепилась. Это путь к национал-либеральному социализму, это означало бы вводить национал-либеральную тактику в социал-демократическую партию». (Protokoll über Verhandlungen des Parteitages der s.-d. Partei Deutschlands, abgehalten in Erfurt von 14 bis 20. X. 1891. Berlin 1891. Verlag «Vorwärts», Schlusswort über die parlamentarische Tatigkeit und Taktik der Partei. S. 275.) (Протоколы Съезда с.-д. партии Германии в Эрфурте 14—20 октября 1891 г. Заключительное слово по вопросу о парламентской деятельности и тактике партии.) — 373.

[112]) Начало передовой статьи в № 293 вечернего издания газеты «Frankfurter Zeitung» («Франкфуртская Газета») от 22 октября 1918 г., на которую указывает Вл. И., гласит следующее: «Большевизм, который в особенности проявляется в «диктатуре пролетариата», основан на ошибке, поскольку у него вообще есть теоретическое обоснование. Это обоснование состоит в утверждении, что в переходный период, когда пролетариат уже завоевал политическую власть, но еще не осуществил социализм экономически, — в этот период демократия не только не является необходимой, но даже вредна. При этом ссылаются на одно заявление Маркса. Последний написал в 1875 г. в одном письме: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного пребразования одного в другое. Ему соответствует и политический переходный период, в котором государство не может быть иным, как революционной диктатурой пролетариата». Вот та фраза, на основании которой опираются на Маркса, утверждая, что добившийся власти пролетариат должен отказаться от демократических принципов, которые он до сих пор защищал, и установить диктатуру до тех пор, пока социализм не будет осуществлен полностью. Известно, что германская социал-демократия отбросила этот взгляд. Но знаменательно, что К. Каутский, которого все еще следует считать главой марксистской школы и который принадлежит к «независимым», делает то же самое. Он рассматривает в целом этот вопрос в только что появившемся произведении «Диктатура проле-

тариата» (Венская Народная Книготорговля, Игнац Брандт) и приходит к решительному осуждению этой мысли о диктатуре». — 374.

[113]) «*Frankfurter Zeitung*» («*Франкфуртская Газета*») — влиятельная немецкая буржуазная газета, выходящая во Франкфурте на Майне. Основана в 1856 г. лидером южно-германских демократов Леопольдом Зонneманом. — 374.

[114]) Вл. И. имеет в виду передовую статью «Диктатура или демократия?» в газете «Vorwärts» («Вперед») № 290 от 21 октября 1918 г., написанную Ф. Штампфером. — 374.

[115]) Вл. И. имеет в виду следующее место из речи Плеханова на II съезде Российской социал-демократической рабочей партии в 1903 г.: «Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов, подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права. О пригодности такой меры можно было бы судить лишь с точки зрения правила salus revolutiae suprema lex (спасение революции — высший закон). И на эту точку зрения мы должны были бы стать и в вопросе о продолжительности парламентов. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент — своего рода chambre introuvable, то нам следовало бы стараться сделать его долгим парламентом; а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели». («Второй Очередной съезд Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии». Полный текст протоколов. Издание Центрального комитета. Genève, Типография партии, стр. 169.) — 375.

[116]) Вл. И. имеет в виду следующее место из предисловия Энгельса к 3-му немецкому изданию «Гражданской войны во Франции»: «Экономическое и политическое развитие Франции с 1789 г. привело к тому, что каждая разражавшаяся в последние 50 лет в Париже революция принимала с необходимостью характер восстания пролетариата; оплатив своей кровью победу, пролетариат неизбежно выступает после нее с собственными требованиями. Эти требования обыкновенно были неясны и сбивчивы, в зависимости от степени развития парижских рабочих, но все они в конце концов сводились к уничтожению классовой противоположности между рабочими и капиталистами. Как оно должно произойти, этого они не знали, но уже это требование, несмотря на его неопределенность, заключало в себе опасность для существующего общественного строя; рабочие, предъявившие это требование, были вооружены, и обезоруживание их являлось главнейшей задачей для правящей буржуазии». (К. Маркс. «Гражданская война во Франции (1870—1871)». С пред. Ф. Энгельса, перевод с немецкого, под ред. Н. Ленина. Изд. «Прибой». Петербург, 1917, стр. 4.) — 378.

[117]) Оценивая опыт Парижской Коммуны, Маркс писал: «Париж мог сопротивляться Версалю только потому, что осада освободила его от армии, место которой заняла национальная гвардия, комплектовавшаяся большей частью из рабочих. Этот факт надо было первратить в прочное учреждение, и потому первым декретом Коммуны был декрет об упразднении регулярного войска и замене его вооруженным народом». (Маркс. «Гражданская война во Франции». Гиз, 1926 г., стр. 62.) — 379.

[118]) Вл. И. имеет в виду следующие места из брошюр Каутского: 1) «Нам необходимо считаться с возможностью войны в более или менее близком будущем, а следовательно, с возможностью таких политических потрясений, которые или прямо закончатся пролетарскими восстаниями, или, по крайней мере, расчистят дорогу для таковых». (Карл Каутский. «Социальный переворот» с двумя приложениями. Перев. с нем. Карпова, под ред. Н. Ленина. Библиотека Марии Малых. Петербург, 1905.) 2) «Пролетариат всеми силами ненавидит войну, он приложит все усилия, чтобы не дать подняться военному настроению. Если, однако, война, несмотря на это, вспых-

нет, то пролетариат в настоящее время является тем классом, который с наибольшими надеждами может ожидать ее исхода». («Путь к власти». Гиз, 1923. Стр. 92—93.) — 382.

[119]) Вл. Ил. имеет в виду статью Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции». Каутский писал там: «Буржуазия не принадлежит к движущим силам современного революционного движения в России, и постольку это движение не может быть названо буржуазным... На какой же класс может опереться русский пролетариат в своей революционной борьбе?... Прочная общность интересов во весь период революционной борьбы существует только между пролетариатом и крестьянством. Она-то и должна лечь в основу всей революционной тактики социал-демократии». (К. Каутский. «Движущие силы и перспективы русской революции». Под ред. и с предисловием В. И. Ленина. Гиз, М.—Л., 1926. Стр. 27—28.) — 387.

[120]) Каутский цитирует в своей брошюре книгу П. Маслова «Аграрный вопрос в России», первый том которой вышел в России в 1903 г. (Massloff. «Die Agrarfrage in Russland». Stuttgart 1907. S. 19, 20, 240). — 387.

[121]) Вл. И. имеет в виду передовую статью Маркса «Баланс прусской революции» в «Новой Рейнской Газете» («Neue Rheinische Zeitung») от 11 декабря 1848 г. Маркс писал: «Прусскую мартовскую революцию не следует смешивать ни с английской революцией 1648 г., ни с французской 1789 г. В обеих этих революциях буржуазия была действительно классом, стоявшим во главе движения. Пролетариат и фракции горожан, не принадлежавшие к буржуазии, или не имели еще интересов, не совпадавших с интересами буржуазии, или не успели еще развиться до степени самостоятельных классов или подклассов... Немецкая буржуазия развивалась так лениво, вяло и медленно, что в ту минуту, когда она грозно выступила против феодализма и абсолютизма, она сама столкнулась с грозно выступившим против нее пролетариатом и всеми фракциями горожан, интересы и идеи которых были родственны пролетариату... Прусская буржуазия не была, как французская в 1789 г., классом, который являлся представителем всего современного ему общества, противостоявшим представителям старого общества, королевской власти и дворянству. («К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции (1848—1850)». Очерк и статьи, собранные Ф. Мерингом. М. Гиз, 1926 г. Стр. 221—222.) — 387.

[122]) *Народники-коммунисты* — группа бывших членов партии левых эсеров, резко разошедшаяся с последними после убийства Мирбаха и восстания 6—7 июля 1918 г. В отличие от группы революционных коммунистов, также отошедших от партии левых эсеров, но признававших вначале полностью программу их, народники-коммунисты отрицали не только тактику левых эсеров, приведшую к восстанию, но и программу, оставаясь в то же время группой с явно выраженной народнической идеологией, верной заветам Михайловского и Лаврова. Их программа изложена в манифесте группы, опубликованном в газете «Знамя Трудовой Коммуны» № 1, 21 августа 1918 г. Они считали, что «первейшей задачей человечества является высокое развитие критической личности». Путь к достижению этой задачи — в развитии коммунистических форм хозяйства, обобществленного и приспособленного с наименьшей затратой сил для удовлетворения человеческих потребностей и гармонического развития личности.

В своей практической деятельности партия целиком признавала Советскую систему, считая комитеты бедноты органами, проводящими революционную классовую политику в деревне. Представители партии участвовали в советских органах и входили во В.Ц.И.К.

Главной опорой группы вначале была московская организация, особенно районная организация Пресни. Группа издавала газету «Знамя Борьбы», орган группы районной организации партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов) со старым эсеровским лозун-

гом: «В борьбе обретешь ты право свое» (вышло всего 21 номер газеты с 26 июля по 18 августа 1918 г.). С 19 августа взамен газеты «Знамя Борьбы» стала издаваться газета: «Знамя Трудовой Коммуны» — орган партии народников-коммунистов», выходившая под редакцией Г. Закса, А. Оборина, Н. Полянского, Е. Кац (всего вышло 67 номеров, последний 11 ноября 1918 г.).

На первой Всероссийской конференции, также называемой съездом, происходившей 21 — 23 сентября 1918 г., разрозненные группы народников-коммунистов и им сочувствующих были объединены в партию народников-коммунистов. Лозунгом новой партии было: «Через труд и борьбу к коммунизму». Конференция приняла ряд резолюций: по текущему моменту, в общем одобряющую политику Советской власти, об отношении к партиям, в которой конференция находила нужным объединение всех советских партий в единую коммунистическую партию, об отношении к армии, красному террору и т. д. Конференция также приняла основные положения экономической программы и экономической текущей политики (платформа партии), в которой, оставаясь на народнических позициях, считала, что «публично-правовой формой власти является Советская Коммунистическая Федеративная Республика». Конференция приняла устав партии и выбрала центральное бюро в составе: Г. Закс, А. Оборина, Е. Кац, Леонидова, Постникова, Николаева и Горбунова.

Партия народников-коммунистов просуществовала недолго. Уже 30 октября 1918 г. Центральное бюро партии в обращении ко всем местным организациям партии писало: «Ц.Б. полагает, что ныне все Советские партии имеют одну программу — программу коммунизма и более того — одну тактику — тактику классовой борьбы». Обращение призывало местные организации обсудить вопрос о слиянии с коммунистической партией большевиков, так как необходимо, в целях общей борьбы, «преодолеть энергию сепаратного существования партий, кружков», «отказаться от изжитых традиций» и «понять» неизбежность объединения коммунистических партий».

Собравшийся 6 ноября 1918 г. чрезвычайный съезд партии принял решение об объединении, причем в декларации съезда и фракции народников-коммунистов на VI съезде Советов говорилось: «Народничество, ведущее крестьянство и опирающееся на него, остановилось на полдороге и не сумело выполнить свою историческую роль объединения беднейшего крестьянства и городского пролетариата на пути к единой цели — «освобождения труда». В № 67 от 12 ноября «Знамя Трудовой Коммуны» поместило обращение Ц.Б. партии и Ликвидационной комиссии, где говорилось, что с опубликованием этого обращения партия народников-коммунистов считает прекратившей свое существование». — 388.

[123]) *Революционные коммунисты* — группа бывших членов партии левых социалистов-революционеров, порвавшая с партией после убийства Мирбаха и лево-эсеровского мятежа (6 — 7 июля 1918 г.). В конце июля 1918 г. на конференции левых эсеров, отошедших от Ц.К. партии, в Саратове решено было образовать новую народническую партию и созвать съезд. По поручению конференции в Москве стала издаваться газета «Воля Труда», выходившая вначале, до 13 номера, под редакцией А. Александрова, В. Безеля, А. Биценко, М. Доброхотова, А. Колегаева и А. Устинова, а с 15 до 47 под редакцией А. Биценко, М. Доброхотова, В. Черного. Всего вышло 67 номеров (№ 1 — 14 сентября, последний 4 декабря 1918 г.), впоследствии газета была заменена журналом, выходившим ежемесячно (всего вышло 20 номеров, последний в октябре 1920 г.). С 8 октября 1918 г. выходила крестьянская газета «Голос Земли и Труда», орган Ц.К. П.Р.К. под редакцией Н. Ковальской, А. Колегаева и А. Устинова.

25 сентября в Москве состоялся съезд сторонников газеты «Воля Труда», разделявших следующие положения: «1. Недопустимость насиль-

ственного срыва Брестского мира. 2. Недопустимость террористических актов на Советской территории от имени Советской партии. 3. Недопустимость активной борьбы с правящей партией коммунистов в целях насильственного захвата власти. 4. Недопустимость всей той политики, которая затемняет в массах классовый характер революции, идущей через гражданскую войну к социализму». На съезде было положено начало новой левонароднической партии, признавшей все эти принципы и назвавшейся «Партией революционного коммунизма», с лозунгом: «Властью трудящихся к социализму». Партия революционных коммунистов называлась также партией интегрального социализма. В постановлениях съезда подчеркивались тактические позиции партии: «Оставаясь народнической по своей идеологии и программе, новая партия принимает тактику реального и нелицемерного сотрудничества с большевиками, принимает позицию истинно-советской партии. ....Она отказывается от подпольной деятельности, равно как и от срыва внешней и внутренней политики коммунистов, считая их главной руководящей силой революции. ...Партия признает, что власть Советов является необходимым условием классовой победы трудящихся, что она создает объективные предпосылки для установления социалистического строя. ...Считая, что только Советская власть является единой и истинной носительницей идей Третьего Интернационала и социализма, партия в вопросах международной политики будет считать целесообразным только те методы, которые не ослабляют и не разрушают Советскую власть, а укрепляют ее». Часть съезда, поддерживающая старый Ц.К. левых эсеров, несогласная с принятыми решениями, ушла со съезда.

Тогда же в письме, адресованном в редакцию газеты «Воля Труда», с решениями съезда целиком солидаризировался и М. А. Натансон. («Воля Труда» № 14, 1 октября 1918 г.) Третий съезд партии (апрель 1919 г.) одобрил основные принципы программы, популярно изложенные в брошюре Н. Ковальской («Программа партии революционного коммунизма (популярное изложение)», изд. «Труд и Борьба» М. 1919 г.). На IV съезде партии, 26 октября 1919 г., была принята программа партии. Несмотря на отразившиеся в программе робкие попытки порвать с традиционными эсеровскими взглядами, программа эта все же изобиловала обычными мелкобуржуазными требованиями и представляла собой образчик народнического эклектизма (в частности, — утверждение незыблемости учения Лаврова, Михайловского о человеческой личности, ее роли в истории и роли инициативного меньшинства, возможности и необходимости быстрого осуществления аграрного коммунизма и т. д.). Но, вместе с тем, в программе резко были подчеркнуты тактические основы этой партии, как советской партии, поддерживающей большевиков.

Поэтому представители «революционных коммунистов» были допущены на Съезд Советов и во В.Ц.И.К. Партия революционных коммунистов существовала, как небольшая группа, пытавшаяся опереться главным образом на крестьянство, но без сколько-нибудь значительного успеха. Стремление руководящей верхушки этой партии работать с большевиками, а, с другой стороны, наблюдавшиеся на местах попытки кулацких элементов использовать партию в борьбе против большевиков — создавали в партии перманентный кризис. Уже с весны 1919 г. начались отколы от партии отдельных групп, из которых одни переходили в Р.К.П. (б.), другие — на сторону левых эсеров. Еще ранее наиболее влиятельная часть членов Ц.К. партии: А. Александров, А. Биценко, М. Доброхотов. А. Колегаев и В. Черный вышли из партии революционных коммунистов и перешли в партию большевиков.

На V съезде партии, в апреле 1920 г., созванном в связи с вопросом об отношении к тогдашним мероприятиям Советской власти — к трудармиям и милитаризации труда, — правые элементы партии, имевшие на

съезде большинство, попытались повернуть партию на путь активной борьбы против большевиков. Однако, под давлением Ц. К., который пошел даже на роспуск съезда, партия удержалась на прежних тактических позициях. С этого времени начинается подготовка к переходу революционных коммунистов в Р.К.П. (б.). После решения II конгресса Коминтерна (на который от революционных коммунистов были допущены два представителя с совещательным голосом) о том, что в каждой стране должна быть только одна коммунистическая партия, партия революционных коммунистов на VI съезде в сентябре 1920 г. приняла постановление о вхождении в Р.К.П. (б.). Слияние произошло в сентябре-октябре того же года.—388.

[124]) Вл. И. имеет в виду следующее место из письма Маркса Кугельману от 12 апреля 1871 года: «Если ты посмотришь последнюю главу «18 Брюмера» то увидишь, что, по моему мнению, ближайший подъем Французской революции будет попыткой не передать бюрократическо-военную машину из одних рук в другие, как это было до сих пор, а разрушить эту машину. Именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте. Такова как раз попытка наших геройских парижских рабочих». (К. Маркс. Письма к Л. Кугельману. Перевод с немецкого М. Ильиной, под редакцией и с предисловием Н. Ленина. Изд. «Новая Дума». Петербург 1907 г., стр. 88.) — 391.

[125]) *Измена М. А. Муравьева*, главнокомандующего внутренним фронтом, находилась в теснейшей связи с выступлением левых эсеров в Москве 6 — 7 июля. Получив известие о восстании, М. Муравьев из Симбирска, куда он приехал из Казани, дал телеграфное распоряжение по всему внутреннему фронту, в котором писал: «Повернуть эшелоны, движущиеся на восток и перейти в наступление по Волге». По плану Муравьева должны быть заняты следующие города: Вятка, Саратов, Балашов и наконец Москва через Пензу. Этот план не был осуществлен, так как те части, на которые он рассчитывал, не пошли за ним. Муравьеву удалось захватить на некоторое время почту, телеграф и некоторые административные здания в Симбирске. Не имея никакой поддержки в массах, Муравьев решил опереться на местный Совет, предложив ему санкционировать его действия. Во время заседания Совета 11 июля Муравьева арестовали, он оказал сопротивление и был убит. — 392.

[126]) Вл. И. имеет в виду эсеровский законопроект о передаче земель сельскохозяйственного пользования в ведение земельных комитетов, внесенный министром земледелия С. Л. Масловым за несколько дней до Октябрьской революции на рассмотрение временного правительства. Законом он так и не стал. Он был частично опубликован в «Деле Народа» № 183 от 18 октября 1917 г. и отдельной брошюрой: С. Л. Маслов. «Правовые основы земельной реформы». Кооперативное издательское и просветительное товарищество «Сеятель» (1917 г.). Ленин подробнее охарактеризовал законопроект Маслова в статье «Новый обман крестьян партией эсеров», помещенной в газете «Рабочий Путь» № 44 от 24 октября 1917 г. (См. XXI том Сочинений, стр. 357 — 361.) —395.

[127]) *Книга К. Каутского «Аграрный вопрос»* вышла в 1899 году. На русском языке появилась впервые в 1906 г., в переводе Н. А. Рожкова, в издании Петровской библиотеки в Москве. — 401.

[128]) Вл. И., повидимому, имеет в виду главу «Земельная рента и Родбертус» из «Теорий прибавочной стоимости», в которой Маркс писал: «При предположении капиталистического способа производства капиталист является не только необходимым, но и господствующим агентом производства. Напротив, землевладелец при этом способе производства является совершенно излишним. Для капиталистического способа производства нужно только, чтобы земля не была общей собственностью, чтобы она противостояла рабочему классу, как не принадлежащее ему средство производства, а эта цель достигается вполне, если земля стано-

вится государственной собственностью и государство следовательно получает земельную ренту. Землевладелец, столь важный агент производства в древнем и средневековом мире, в промышленном мире представляет из себя бесполезный нарост. Поэтому радикальный буржуа, подбираясь бочком к уничтожению всех других налогов, теоретически приходит к отрицанию частной земельной собственности, которую он желал бы в форме государственности сделать собственностью класса буржуазии капитала. На практике однако ему не хватает смелости, так как нападение на одну форму собственности — форму частной собственности на условия труда — было бы опасно и для другой». (К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости» ч. II, стр. 138. Изд. Коммун. Унив. Зиновьева, Петроград, 1923 г.). — 401.

[179]) Здесь имеются в виду «Тезисы о социалистической революции и задачах пролетариата во время его диктатуры в России», написанные Н. И. Бухариным летом 1918 г. во время его поездки заграницу для установления контакта со спартаковцами. Тезисы были опубликованы в Копенгагене 12 июня 1918 г. в информационном бюллетене («Nachrichtendienst») № 41 Циммервальдской Интернациональной социалистической комиссией и нелегально распространялись «Союзом Спартака» в Германии. Тезисы состоят из шести разделов: 1) Теоретическое введение, 2) Завоевание политической власти пролетариатом, 3) Форма пролетарской диктатуры — Советская власть, 4) Демократические «свободы» и диктатура, 5) Народное хозяйство в Советской республике, 6) Трудность положения и заграничная социал-демократия. Тезисы, повидимому, сыграли роль одного из важнейших документов для ознакомления немецких социал-демократов с позицией русских большевиков. В брошюре «Диктатура пролетариата» Каутский цитирует 9, 10, 17, 18, 19, 20, 24 и 28 тезисы. Замечания Ленина в тексте относятся к 24 тезису из раздела «Народное хозяйство в Советской республике»: «Далее должно быть упомянуто полное отчуждение крупных имений. Земля и недра были объявлены «общим достоянием». Дальнейшие задачи: организация государственного земледелия, коллективная обработка бывших латифундий, объединение мелких хозяйств в большие единицы и коллективное управление (так называемые «сельско-хозяйственные коммуны» и т. д.)». — 402.

[180]) *Ноябрьская революция в Германии.*—Влияние русской революции, усталость немецких солдат и общее расстройство хозяйства в результате войны, разгром немецких армий войсками союзников — приблизили наступление ноябрьской революции. Нарастание недовольства и революционного настроения стало проявляться, начиная уже с 1915 г.: демонстрации берлинских работниц 18 и 28 мая 1915 г., масляные и картофельные бунты — в октябре и декабре того же года, массовая забастовка на берлинских заводах военного снаряжения в день суда над Либкнехтом 27 июля 1916 г. (бастовало 55.000 рабочих); вот отдельные примеры, свидетельствовавшие о росте революционного движения: в апреле 1917 г. в Берлине бастовало 200 тысяч, в январе 1918 г. — 500 тысяч (а во всей Германии около миллиона). После Февральской революции в России революционное брожение начинает широко распространяться и среди солдат (особенно во флоте). На ряду с военной стачкой в Вильгельмсгафене на кораблях «Принц регент Луитпольд» и «Пиллау» в августе 1917 г. вспыхнули восстания. Были и другие выступления, например отказ линейного корабля «Маркграф» выйти в море (28 октября 1917 г.) и др.

Заслуга идейной подготовки революции принадлежит главным образом союзу «Спартака», осуществлявшего ее своей смелой и неутомимой нелегальной агитацией. К октябрю 1918 г. дальнейшее существование старого правительства стало невозможным. Вильсон заявил, что «правительство Соединенных Штатов не может вести переговоры с кем-либо, кроме истинных представителей немецкого народа, которым обеспечено почетное конституционное положение как действительным властителям

Германии». 3 октября 1918 г. было создано новое правительство принца Макса Баденского с участием лидеров социалистов большинства Шейдемана и Ландсберга. 3 ноября 1918 г. разразилось восстание в Киле, перекинувшееся на следующий день в Вильгельмсгафен, Бохум и другие приморские города. В тот же день в Штутгарте и других городах организовались первые Советы Рабочих Депутатов.

9 ноября 1918 г. произошла всеобщая стачка в Берлине, отречение императора и образование правительства народных уполномоченных в составе Эберта, Шейдемана и Ландсберга от социалистов большинства, Гаазе, Диттмана и Барта от независимых социалистов. Шейдемановцы сделали все возможное для того, чтобы сохранить в неприкосновенности весь государственный аппарат до бывших министров включительно, которым отведена была «деловая роль», и обеспечить юридическую преемственность власти. Председатель правительства «социалистической республики» Эберт при передаче ему полномочий вице-канцлером заявил, что он принимает власть «в рамках» (im Rahmen) имперской конституции, и свои первые документы подписывал в качестве «имперского канцлера». К этому дню в большинстве городов Германии уже организовались Советы рабочих и солдатских депутатов. Однако, спартаковцы лишь в немногих Советах были в большинстве или хотя бы в значительном меньшинстве. Независимые с.-д. в лице своих верхов шли на сделки с шейдемановцами по всей линии. Исполком Берлинского совета, санкционировавший 10 ноября 1918 г. правительство народных уполномоченных, составился по двоякому паритету: 12 солдат и 12 рабочих, а из них 6 шейдемановцев и 6 независимых. Судьба первых германских советов, а с нею и дальнейший ход революции была в основном определена двумя обстоятельствами: организационным превосходством шейдемановской социал-демократии над ее противниками и политическим состоянием солдатской массы. Перемирие с державами Антанты было заключено уже 11 ноября 1918 г. В противоположность русской армии после Февральской революции перед немецкими солдатами уже не стояла больше задача революционной борьбы против войны. В то же время правительство в первую очередь озаботилось о том, чтобы сохранить военное командование, начальнические права офицеров и тем самым их политическое влияние в армии.

На общегерманском съезде рабочих и солдатских советов, который состоялся в Берлине 17 — 25 декабря 1918 г., шейдемановцы, оказавшиеся в большинстве, сделав формальную уступку берлинским революционным войскам и солдатской фракции принятием декларации о выборности начальников, без труда провели важнейшее для них решение о назначении выборов в Учредительное собрание на 19 января 1919 г. Независимые отказались войти в избранный на съезде Центральный совет, попавший таким образом целиком в руки шейдемановцев.

На ряду с этим социалисты большинства не забывали о том, что и Учредительное собрание надо должным образом подготовить. Уже 6 декабря организованные социал-демократией контр-революционные элементы обстреляли из пулеметов мирную демонстрацию солдат отпускников, сделали попытку арестовать берлинский исполком и провозгласить Эберта президентом. 24 декабря против революционно настроенной матросской дивизии, задержавшей социал-демократического коменданта Вельса из-за неуплаты жалованья, по приказу шейдемановцев были двинуты пушки и минометы. Трое независимых, протестовавших против этого, не встретили поддержки Центрального совета. 28 декабря они вышли из состава правительства и были заменены шейдемановцами Носке, Лебе и Висселем.

Освободившись от присутствия «независимых», шейдемановцы сместили начальника полиции независимца Эйхгорна и спровоцировали берлинских рабочих на вооруженное выступление. Разгромив январское выступление и уничтожив лучших вождей пролетариата, шейдемановцы за-

пугали мелкую буржуазию призраком «гражданской войны» и обеспечили победу буржуазных партий на выборах в Учредительное собрание. — 406.

[131]) Приводимые Лениным цитаты взяты из письма Энгельса к Бебелю от 28 марта 1875 г., написанного по поводу проекта программы, выработанного к Готскому объединительному съезду двух ранее враждовавших между собой германских рабочих партий. Энгельс, как и Маркс, считал, что эта программа означает «коленопреклонение германского пролетариата» перед реформистской теорией Лассаля. Впрочем мелкобуржуазная политическая идеология не в меньшей мере, чем лассальянцам, была свойственна и партии «эйзенахцев», что и сделало возможным их объединение. Именно их программа, принятая в 1869 г., начиналась положением: «Социал-демократическая рабочая партия стремится к основанию свободного народного государства».

Письмо Энгельса впервые было опубликовано Бебелем только в 1911 г. — 411.

[132]) Вл. Ильич имеет в виду книгу М. Острогорского «La Démocratie et les partis politiques» («Демократия и политические партии»), посвященную критическому анализу буржуазных политических партий Англии и С. А. С. Ш. (первое издание — 1903, второе, дополненное — 1912 г.). В 1927—29 г.г. в издательстве Комакадемии вышел русский перевод этой книги. — 411.

[133]) *III Всероссийский съезд рабочей кооперации* (7—11 декабря 1918 г.) происходил в обстановке борьбы со сторонниками «независимости» рабочей кооперации, главным образом меньшевиками, присутствовавшими на съезде. Съездом были заслушаны доклады с мест, в которых большинство докладчиков требовали перевыборов Совета кооперации и порицали деятельность сторонников «независимости» кооперации. От имени последних на съезде выступал Волков, нападавший на политику Советской власти. Выступавший от коммунистов В. П. Ногин привел данные о подлинном состоянии кооперации и обрисовал действия меньшевиков, срывающих работу кооперации. Съезду были предложены две резолюции: фракции коммунистов и сторонников независимой рабочей кооперации. Съездом принята первая 99 голосами против 81.

По докладу Л. М. Хинчука о работе Всероссийского Совета рабочей кооперации была принята резолюция, констатирующая изолированность совета от политических и профессиональных форм рабочего движения, отсутствие классовой политики «и несогласованность действий с Советской властью в деле организации новых хозяйственно-социальных форм». Резолюция также отмечала невыполнение Советом рабочей кооперации соглашения с Советской властью по проведению декрета от 12 апреля 1918 г. о потребительных кооперативах. По вопросу о собственном кооперативном хозяйственном центре (докладчик Фрумкин) была принята резолюция, предложенная фракцией коммунистов. Резолюция говорит о необходимости строгой экономии, призывает все рабочие кооперативы к созданию единых органов снабжения и немедленному проведению представителей рабочей кооперации, стоящих на советской платформе, в коллегию распорядителей и другие управляющие органы Центросоюза. В случае отказа Центросоюза удовлетворить это требование, Совету вменялось в обязанность создать Всероссийский хозяйственный центр рабочей кооперации. — 413.

[134]) Вл. Ильич имеет в виду поворот мелкобуржуазных партий под влиянием успехов Советской власти и революции на Западе от борьбы с Советской властью к нейтральности (см. прим. 79). К этому же времени относится вхождение в Р.К.П.(б.) партии народников-коммунистов (см. прим. 122). —419.

[135]) *I-й съезд Земотделов, комитетов бедноты и коммун* (11—20 де-

кабря) подвел итоги работе партии в области коллективизации сельского хозяйства, деятельности комитетов бедноты и наметил пути дальнейшего развития сельского хозяйства в направлении коллективизации.

Съездом была подтверждена и оформлена новая земельная программа о коллективизации сельского хозяйства. Резолюция, принятая съездом по этому вопросу, говорит: «Главнейшей задачей земельной политики является последовательное и неуклонное проведение широкой организации земледельческих коммун, советских коммунистических хозяйств и общественной обработки земли».—420.

[136]) Вл. Ильич имеет в виду декрет «о социализации земли», принятый В. Ц. И. К. 19 (6) февраля 1918 г. — 423.

[137]) «*Набросок правил об управлении советскими учреждениями*», напечатанный впервые в Ленинском сборнике VIII, предназначался для Совета обороны, образованного постановлением В.Ц.И.К. от 30 ноября 1918 г. Написанный рукой Ленина препроводительный текст гласил: «Прошу прочесть этот набросок, предположенный мной для Совета Обороны, показать товарищам и обсудить *к субботе* 14/XII; желательно поправки к субботе письменно». Им же составлен список лиц, которым должен быть направлен «набросок». Сюда входили: Л. Б. Красин, Н. Крестинский, Г. И. Петровский, Д. И. Курский, Я. М. Свердлов, В. А. Аванесов, И. В. Сталин, Я. Ландер, Л. Б. Каменев. — 430.

[138]) «*Rote Fahne*» («*Красное Знамя*») — центральный орган коммунистической партии Германии. Ежедневная газета. Основана К. Либкнехтом и Р. Люксембург после ноябрьской революции. № 1 вышел 9 ноября 1918 г. в захваченной рабочими типографии официальной правительственной газеты «Lokal Anzeiger» («Местный Справочник»). — 440.

[139]) «*Der Weckruf*» («*Клич*») — с ноября 1918 г. центральный орган коммунистической партии немецкой Австрии. Издавался в Вене под редакцией Эльфриды Эйслер-Фридлендер, Пауля Фридлендера, З. Керхауса, З. Мельхера. Издатели: К. Томан, Ф. Коричонер. С № 19 — 15 января 1919 г. газета стала называться «Die sociale Revolution» («Социальная Революция»). Вышло 74 №№ до 23 июля 1919 г., затем газета продолжала выходить под названием «Die Rote Fahne» («Красное Знамя»). В газете печатались статьи В. И. Ленина, Н. И. Бухарина, Кемпфера, Отто Машль, Ф. Кратена, К. Штейнхарда, Л. Кулькcара, Ф. Коричонера, А. Паннекука, Л. Троцкого, К. Радека, В. Милютина, Сосновского. —440.

[140]) Эту характеристику революции Маркс дает в своей работе «Борьба классов во Франции в 1848—50 г.г.». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений, т. III. «Исторические работы». Перевод под редакцией И. Степанова. Гиз, 1921 г., стр. 104.) — 443.

[141]) *II Всероссийский съезд Советов народного хозяйства* (19—27 декабря 1918 г.) — был созван для решения важнейших вопросов управления и организации народного хозяйства. На съезде присутствовало 216 делегатов, из которых 112 с решающим голосом. Подавляющее большинство составляли коммунисты, в незначительном меньшинстве были меньшевики и с.-д. интернационалисты, выступавшие против предложений большевиков, внося свои резолюции, отвергаемые съездом. Съезд значительно уточнил функции Высшего совета народного хозяйства, приблизив его к наркомату промышленности. Отдельные предложения (Ю. Ларина, А. Лозовского) о расширении руководства В.С.Н.Х. всей хозяйственной жизнью государства, съездом не были приняты. Национализация промышленности, проводимая в промежуток между I и II съездом С.Н.Х., потребовала от В.С.Н.Х. создания главков и центров по управлению отдельными отраслями промышленности. Съезд узаконил эту форму управления, наделив главки и центры, которые ранее были регулирующими органами, производственными функциями, и тем самым превратил их в центры, управляющие всеми предприятиями данной отрасли промышленности.

Предложение Ленина о переходе от коллегиальности к личной ответственности нашло выражение в резолюции, принятой по его докладу; число членов коллегии было значительно сокращено, из коллегии выведены представители промышленников. Согласно решению съезда профессиональные союзы непосредственно привлекались к управлению промышленностью, вводя своих представителей в число членов коллегий главков и центров. Профессиональные союзы также получали право осуществлять контроль над деятельностью производственных объединений через контрольные рабочие комиссии.

Съезд принял положение о В.С.Н.Х. и местных советах народного хозяйства, признав необходимым упразднение областных С.Н.Х.

В области организации распределения, согласно предложений Ленина на съезде и принятому 21 ноября 1918 г. декрету об организации снабжения, съезд вынес решение о привлечении кооперативных организаций к делу государственного заготовления и распределения продуктов, об обязательном кооперировании населения.

На ряду с этим, съезд поручил В.С.Н.Х. выработать и издать закон относительно обобществления всех средств производства и предметов массового потребления. — 445.

[142]) Статья *«Маленькая картинка для выяснения больших вопросов»* написана в конце 1918 г. или в начале 1919 г. Статья не была закончена. Отдельные выдержки из статьи были опубликованы Л. Сосновским в его фельетоне «Три книги» («Правда» № 258, 12 ноября 1925 г.). — 454.

[143]) *«Беднота»* — ежедневная газета, издается с 27 марта 1918 г. вместо газет «Деревенская Беднота» и «Деревенская Правда». Орган Ц.К. В.К.П. (б.). В 1918 г. газета редактировалась редакционной комиссией, в 1921 г. — ответственный редактор Л. Сосновский, с 1924 г. — ответственный редактор Я. Яковлев, с 21 августа 1928 г. по август 1929 г. ответственный редактор М. Грандов.

Сначала давала популярный материал по политическим и хозяйственным вопросам. Теперь это — большая политическая газета, уделяющая особое внимание сельско-хозяйственным вопросам. — 454.

[144]) *Книга А. И. Тодорского «Год с винтовкой и плугом»* была издана 7 ноября 1918 г. Весьегонским уездным исполкомом (Тверской губернии). 1 мая 1919 г. Тодорский (в сотрудничестве с А. В. Киселевым) выпустил вторую книгу, посвященную истории до-октябрьского Весьегонска, «Черные страницы Весьегонской истории». Обе книги вместе были переизданы в 1927 г. Госиздатом (Александр Тодорский. «Год с винтовкой и плугом» со вступительными статьями В. И. Ленина и Л. С. Сосновского и стихотворением Демьяна Бедного). — 454.

[145]) *Еженедельник «Красный Террор»*—издавался в Казани Чрезвычайной комиссией по борьбе с контр-революцией на чехо-словацком фронте, председателем которой был М. Я. Лацис. Первый номер вышел 1 ноября 1918 г. Журнал содержал главным образом официальные материалы: тезисы, отчеты, сводки и т. д. На втором номере издание прекратилось. — 458.

[146]) Речь Ленина на объединенном заседании В.Ц.И.К., Моссовета, фабрично-заводских комитетов и делегатов съезда профессиональных союзов 17 января 1919 года была произнесена в разъяснение резолюции, принятой на этом заседании по продовольственному вопросу. В основу этой резолюции были положены выводы комиссии при Ц.И.К., созданной для изучения продовольственного положения под председательством Л. Б. Каменева. Комиссия вынесла следующие решения: «Центральные и местные органы комитета должны быть теснее связаны с рабочими профессиональными и потребительскими объединениями. Монополизация продуктов питания должна быть постепенной. Все немонополизированные продукты могут приобретаться и перевозиться беспрепятственно».

Ленин в своей речи разъяснял основы продовольственной политики Советской власти и, говоря о привлечении кооперации как аппарата, на который может опереться Компрод, имел в виду декрет от 8 августа об обязательном товарообмене через кооперативные организации и декрет 21 ноября 1918 г. об организации снабжения. Резолюция, зачитанная Лениным на заседании, была принята единогласно, несмотря на отдельные критические выступления. Во исполнение резолюции 17 января Совет народных комиссаров издал 21 января 1919 г. декрет «О заготовке продовольственных продуктов». — 460.

[147]) Вл. И. имеет в виду решения Московского совета от 24 августа и Петроградского совета от 5 сентября 1918 г. о свободном провозе трудящимися населением Москвы и Ленинграда продовольственных продуктов в размере полутора пудов. Мера эта была вызвана тяжелым продовольственным положением столиц и принята в изъятие постановлений С.Н.К. о хлебной монополии. Совет народных комиссаров постановлениями от 6 и 28 сентября ограничил действие этой меры сроком до 1 октября 1918 г., позднее этот срок был продлен до 10 октября 1918 г. — 464.

[148]) *Московская общегородская конференция Р.К.П.(б.)* (18 января 1919 г.) была открыта речью Е. Ярославского, посвященной памяти убитых вождей германской революции Р. Люксембург и К. Либкнехта и докладом Я. М. Свердлова о положении на фронтах. Основным же предметом занятий конференции был вопрос о пересмотре конституции и о взаимоотношениях между центром и районами, с одной стороны, между фракциями советов и партийными комитетами — с другой. Предложения такого пересмотра были выдвинуты группой товарищей, работавших в Московском совете (Игнатов, Мизикин, Лисицын). Докладчик от Московского комитета Цивцивадзе и выступавшие в прениях Л. Б. Каменев, П. Г. Смидович, Беленький высказались за улучшение практической работы советов (в частности предлагали разделить пленум Московского совета на секции с тем, чтобы привлечь к работе середняков-рабочих), но против пересмотра конституции.

В результате прений была принята резолюция, предложенная Московским комитетом. В резолюции признавалось несвоевременным, предлагаемое оппозицией коренное изменение советской конституции и отмечалось, что реорганизация Московского совета должна идти в направлении демократического централизма с привлечением к советской работе широких слоев рабочих. Вместе с этим, резолюция предусматривала более непосредственное участие районных советов в работе Московского совета. Далее в резолюции говорилось, что конференция, стоя «на точке зрения устава и регламента Московской организации», признает за партийной организацией руководство и контроль во всех областях партийной работы, строго осуждая всякие попытки сужения «прав компетенции партии по отношению к Советской фракция, являющейся одной из партийных ячеек».— 472.

[149]) *Январское восстание 1919 г. берлинских рабочих и солдат.*— Непосредственным толчком к движению послужил приказ об отставке начальника берлинской полиции, независимого с.-д. Эйхгорна. Берлинские рабочие ответили массовыми демонстрациями. Через день движение вылилось в всеобщую забастовку с лозунгом: «долой правительство Эберта-Шейдемана», были захвачены редакции буржуазных газет и социал-демократического шейдемановского «Vorwärts» («Вперед»). Во главе движения стал революционный комитет (К. Либкнехт, Ледебур и др.), руководивший массами при поддержке «спартаковцев» и берлинской организации независимых. С целью выиграть время, с.-д. правительство пошло на переговоры о соглашении, которые тянуло в течение четырех дней и, подготовив военную силу, внезапно их оборвало. Из Киля был вызван Носке, который из монархического офицерства и из унтер-офицерских кадров

старой армии сорганизовал вне Берлина ударный кулак, подкрепив его белогвардейскими студенческими отрядами. Одновременно организовался добровольческий «полк рейхстага» из буржуазной молодежи. Правительственные войска вступили в Берлин 11 января и применили против рабочих все виды современного оружия вплоть до танков и минометов, закончив усмирение массовыми расстрелами и арестами. Карл Либкнехт и Роза Люксембург, также подвергшиеся аресту, 15 января были убиты офицерами, конвоировавшими их по дороге в тюрьму. Похороны их, состоявшиеся через несколько дней, привлекли сотни тысяч рабочих. Военный суд, судивший убийц, оправдал их «за недоказанностью». — 477.

[150]) *II съезд профессиональных союзов* (16 — 25 января 1919 г.) представлял 3.422.000 организованных рабочих. На съезде присутствовало 648 делегатов, из коих было 449 большевиков. В порядке дня съезда стояли следующие вопросы: 1. Отчет о деятельности В.Ц.С.П.С.; 2. Задачи профессиональных союзов; 3. Профессиональные союзы и народные комиссариаты труда; 4. Участие профсоюзов в организации производства; 5. Нормирование труда и заработная плата; 6. О рабочем и государственном контроле; 7. О культурно-просветительной деятельности профсоюзов; 8. Организационный вопрос; 9. Охрана труда и социальное обеспечение трудящихся; 10. Союзы и кооперация. Съезд происходил в обстановке борьбы коммунистов с меньшевиками, с.-д. интернационалистами, левыми с.-р. и другими сторонниками независимости профдвижения.

Доклад Ленина на съезде вызвал оживленнейшие прения. Сторонники независимости профдвижения выступали с возражениями принципиального характера против установки, данной Лениным в докладе. Точка зрения сторонников независимости детально выяснена в резолюциях, предложенных на съезде. Всего было внесено 4 резолюции.

Объединенная резолюция левых с.-р., максималистов и анархо-синдикалистов, собравшая 9 голосов, считала существенной задачей профсоюзов «организацию крестьянства в профессионально-производственные союзы и федерацию их с индустриально-транспортными союзами и, с другой стороны, объединение всех потребителей с пролетариатом в кооперативные объединения. Что же касается «огосударствления профессиональных союзов», то оно равносильно полному разъединению профессионального строительства». Резолюция меньшевиков, предложенная Мартовым, собравшая 30 голосов, гласила: что «профессиональные союзы не могут Советскую власть рассматривать, как представительницу интересов рабочего класса, как осуществление его диктатуры, так как Советская власть строится на подавлении самодеятельности рабочих, на насилии над выражением их воли». Это, в свою очередь, «диктует защиту интересов рабочих как против частного капитала, так и против современного государства». Резолюция с.-д. интернациалистов, внесенная Лозовским, получившая 37 голосов, подчеркивала, что опыт огосударствления профсоюзов привел к краху, и съезд должен отстоять профсоюзы, как самостоятельные классовые организации, и для этого «разграничить функции профсоюзов от органов государственной власти, чтобы рабочие знали, где кончается добровольный союз и начинается государственно-принудительный орган власти». Резолюция коммунистов (резолюция дана в приложениях к тому, стр. 435—436), о которой говорит в речи Ленин, принятая большинством 430 голосов, отмечая контр-революционное содержание требований меньшевиков и их сторонников, определяла сущность профессионального движения в эпоху пролетарской революции. Признавая, что «процесс полного слияния профессиональных союзов с органами государственной власти» должен явиться «совершенно неизбежным результатом их совместной теснейшей и согласованной работы», в резолюции дальше говорилось: «немедленное же превращение союзов в органы государственной власти», «слияние» их с

этими органами или «самовольное присвоение союзами функций государственных органов» является ошибкой.

Кроме определения взаимоотношений между профсоюзами и советским государством, съезд впервые в профдвижении установил принцип объединения рабочих и служащих по производственному признаку. В области тарифной политики съезд указал на необходимость «восстановления хозяйственных сил страны», что неизбежно налагает «ответственность рабочих и служащих за производительность труда», и поэтому необходима сдельная и премиальная оплата труда. В области организации народного хозяйства съезд установил, что коллегии руководящих хозяйственных органов «должны составляться из представителей профессиональных союзов по соглашению между соответственными всероссийскими производственными объединениями В.Ц.С.П.С. и президиумом В.С.Н.Х.». По вопросам культработы съезд наметил «обязательность бесплатного обучения, внешкольного образования и технического обучения».

Все основные положения в области практической работы были оспариваемы меньшевиками, выставлявшими свои контр-резолюции, но II съезд профсоюзов принял ленинскую программу, обоснованную в его речи, и окончательно утвердил в профдвижении в противовес соглашательскому «единству» программу революционного профдвижения на основе социалистического переустройства всего общества. — 478.

[151]) В. И. имеет в виду, повидимому, слова «Credo», написанного Е. Д. Кусковой: «Для русского марксиста исход один: участие, т.-е. помощь экономической борьбе пролетариата, и участие в либеральной оппозиционной деятельности» (см. II том Сочинений, стр. 480). В. И. писал по этому поводу в «Что делать?»: «Пресловутое «Credo» потому и приобрело такую заслуженную известность, что оно... проболтало основную политическую тенденцию «экономизма»: рабочие пусть ведут экономическую борьбу (точнее было бы сказать: тред-юнионистскую борьбу, ибо последняя объемлет и специфически рабочую политику), а марксистская интеллигенция пусть сливается с либералами для «борьбы» политической. (Сочинения, т. IV, стр. 375.) — 486.

[152]) Энгельс писал в 1891 г. в введении к «Классовой борьбе во Франции» Маркса: «Там, где идет дело о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны участвовать в этом преобразовании, сами должны понимать в чем дело и за что они должны вступиться». (Маркс и Энгельс. Собрание сочинений, т. III, «Исторические работы». Гиз, 1921 г.) — 486.

[153]) *«Союз Спартака»*, или группа «Интернационал», начал складываться как особое течение в первые месяцы войны, когда его будущие руководители Ф. Меринг, К. Цеткин, К. Либкнехт, Р. Люксембург выступили на страницах «Labour Leader», «Berner Tagwacht» «Volksrecht» с протестом против измены немецкой социал-демократии Интернационалу. Первыми политическими выступлениями этой группы было голосование К. Либкнехта против военных кредитов 2 декабря 1914 г. и выпуск (в апреле 1915 г.) одного номера журнала «Интернационал» (запрещенного тотчас по выходе).

Оформление группы «Интернационал», как общегерманской организации, произошло на конференции, состоявшейся 1 января 1916 г. в Берлине на квартире Карла Либкнехта. Конференция приняла в качестве платформы «Тезисы о задачах международной социал-демократии», написанные Розой Люксембург. Исторической заслугой группы «Интернационал» являлась ее энергичная нелегальная пропаганда при помощи «Писем Спартака», начавших выходить уже в январе 1916 г., а также многочисленных прокламаций, и руководство массовыми революционными выступлениями германских рабочих. Первый удар гражданскому миру был нанесен десятитысячной демонстрацией 1 мая 1916 г. в Берлине,

организованной спартаковцами, во время которой был арестован Карл Либкнехт. Этот арест вызвал первую всеобщую политическую стачку, за которой последовали и другие. Октябрьская революция в России, с которой спартаковцы объявили себя солидарными, значительно углубила их расхождения с центристами. В то время как Каутский и К° целиком поставили себя на службу контр-революционному меньшевизму, спартаковцы приняли большевистские лозунги мировой социалистической революции и создания советов рабочих и солдат. Эта новая политическая ориентировка получила свое выражение в резолюциях объединенной конференции группы «Спартака» и «левых радикалов», состоявшейся 7 октября 1918 г. в Эрфурте.

В первые месяцы после ноябрьского переворота чрезвычайно ярко обнаружились все слабые стороны союза Спартака: преувеличение пацифистских и демократических лозунгов по сравнению с коммунистическими, чем он особенно страдал во время войны. Это значительно ослабило силу его агитации.

30 декабря, после безуспешных попыток добиться созыва съезда Независимой социалистической партии, состоялся съезд Союза Спартака с участием представителей «интернациональных социалистов Германии» (I. S. D.), который постановил отделиться от независимых и дал новой партии название «Коммунистическая партия Германии» (K. P. D.), что было еще в сентябре 1918 года предложено группой I. S. D. Съезд избрал Центральный комитет в том же составе, который функционировал до съезда: Герман Дункер, Кетэ Дункер, Эберлейн, П. Ланге, Иогихес, Леви, Либкнехт, Люксембург, Э. Мейер, Пик, Тальгеймер, доизбрав к ним Пауля Фрейлиха, как представителя группы I. S. D.

Важнейшим политическим решением съезда был отказ от участия в выборах Учредительного собрания, принятый большинством 62 против 23 голосов (в том числе голосов Либкнехта и Люксембург). Это было первым проявлением тех ультра-левых настроений, которые на Гейдельбергском съезде в октябре 1919 г. привели к отколу «Коммунистической рабочей партии» (K. A. P. D.). В то же время программа, предложенная Розой Люксембург и принятая съездом, содержала в себе не мало скрытой полемики против большевиков, страдала отсутствием ясных злободневных лозунгов и имела много общего с той теорией «тактики-процесса», которую Р. Люксембург еще в 1904 г. противопоставляла большевистской тактике. (См. также XIX том Сочинений, примечание 100.) — 495.

[154]) О трех направлениях в социализме см. статью Ленина в XX томе Сочинений «Задачи пролетариата в нашей революции», параграф 16, где даны характеристики этих направлений. (Сочинения, т. XX, стр. 124.) — 497.

[155]) «*Die Freiheit*» («*Свобода*») — ежедневная газета, центральный орган Независимой социалистической партии Германии. Первый номер вышел 15 ноября 1918 г. Редактор — С. Нестрипке, потом А. Вилепп. В числе сотрудников К. Каутский, Р. Гильфердинг, А. Штейн, Луиза Цитц, проф. Баллод (Атлантикус), Г. Штребель, Р. Брейтшейд, Э. Бернштейн, Э. Вурм, Г. Гаазе, Г. Ледебур и др. В октябре 1922 г.. после слияния остатков Независимой соц.-дем. партии Германии с Объединенной соц.-дем. партией, «Die Freiheit» прекратила свое существование. — 498.

[156]) Вл. Ильич имеет в виду следующую заметку в берлинской газете «Die Freiheit» («Свобода») № 30, 17 января 1919 г.: «Следствие об убийстве, судебное расследование подлого преступления не может оставаться в руках военной диктатуры. Оставляя в стороне самый характер военной юстиции, военные власти не могут быть судьями военных лиц. *Мы должны требовать*, чтобы следствие по этому убийству, имеющему огромное политическое значение, было передано *чрезвычайному суду*, составленному из членов всех социалистических партий. Даже буржуазный

суд следовало бы предпочесть следствию военных властей, принимая же во внимание безграничную травлю буржуазной прессы, необходимо категорически потребовать, чтобы следствие по этому делу велось представителями пролетариата, и чтобы таким образом, невозможно было бы затушевать или скрыть ни самого хода событий ни его более глубоких причин». — 498.

[157]) *Письмо Г. Гулова,* красноармейца из крестьян, появилось в № 24 «Известий В.Ц.И.К.» от 2 февраля 1919 г. Гулов, основываясь на разговорах с крестьянами-середняками, указывает, что «середняку еще и по сие время неясно положение середняка и отношение к нему партии коммунистов». Ссылаясь на слухи о том, что «Ленин и Троцкий не ладят», Гулов обратился к Ленину с просьбой: «разъяснить товарищам коммунистам, что значит крестьянин-середняк и какую помощь он окажет нашему социалистическому правительству, если о крестьянах-середняках будут понимать правильно».— 504.

[158]) «*Письмо крестьянам-середнякам* народного комиссара по военным и морским делам» появилось в № 28 «Известий В.Ц.И.К.» от 7 февраля 1919. Л. Троцкий пишет, что «Советская власть не принуждает и не собирается принудить при помощи насилия крестьян-середняков переходить к коммунистическому способу хозяйства. Задача Советской власти в этой области состоит в том, чтобы, во-первых, на деле показать крестьянам огромное преимущество общественного коммунистического хозяйства над мелкокрестьянским и, во-вторых, помочь крестьянскому хозяйству распространением технических знаний и доставлением крестьянам необходимых технических сил и средств. В области налоговой политики задача Советской власти состоит в том, чтобы главную часть налогового бремени возложить на кулаков и до последней возможности облегчить это бремя для середняков. В области государственной политики снабжения задача Советской власти состоит в том, чтобы доставить крестьянам-середнякам ткани, металлические изделия и прочее на льготных, по возможности, условиях». — 504.

[159]) *Миссия Буллита в России.* Атташе американской комиссии по заключению мира Вилльям Буллит был отправлен в феврале 1919 г. американской миссией на Парижской мирной конференции в Советскую Россию с целью выяснить условия, на которых Советское правительство согласится заключить мир с союзниками, а также с белогвардейскими правительствами, образовавшимися на территории России.

Миссия Буллита чрезвычайно заинтересовала Советское правительство и Ленина. Буллиту был вручен текст советских предложений.

Поездка Буллита оказалась безрезультатной, так как ко времени возвращения Буллита в Париж начались временные успехи колчаковской армии. Эти успехи и ожидания падения Советской власти, сильно раздутые белогвардейской и эмигрантской прессой, заставили Антанту воздержаться от перемирия и предполагаемой конференции.

Посылке Буллита предшествовало обсуждение русского вопроса союзниками. Так, 16 января 1919 года в кабинете Пишона, бывшего в то время министром иностранных дел во Франции, состоялось обсуждение русского вопроса Советом Десяти, в который входили от Соединенных штатов—Вильсон, от Англии — Ллойд-Джордж, от Франции — Клемансо, Пишон. 21 января после продолжения обсуждения русского вопроса Совет Десяти постановил: «президенту Вильсону составить и представить на рассмотрение к следующему заседанию воззвание с приглашением всех организованных партий в России на совещание, которое должно состояться в избранном для этого месте, например, в Салониках или на Лемносе, для обсуждения вместе с представителями союзных держав способов восстановления мира и порядка в России. Участие на конференции должно быть обусловлено прекращением военных действий». 14 марта

1919 г. Буллит после свидания с Лениным получил официальный текст предложений Советского правительства, написанный Лениным. Через неделю после того, как Буллит собственноручно передал Ллойд-Джорджу это официальное предложение, в присутствии трех других лиц, Ллойд-Джордж в своей речи в английском парламенте заявил, что он решительно ничего не знает об этом предложении. Буллит по этому поводу говорит: «Это был наиболее замечательный случай обмана общественного мнения, может быть, самый дерзкий, какой я знаю за всю свою жизнь». По поводу этого заявления Буллит писал Вильсону, прося сообщить, правильно ли было заявление Ллойд-Джорджа, но по словам Буллита «президент не мог ответить, тем более, что ему пришлось бы письменно ответить, что мистер Ллойд-Джордж сделал ложное заявление». — 509.

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ПРИМЕЧАНИЙ В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ.

---

*

VI. СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А.

АВАНЕСОВ, В. А. (р. 1884) — в революционном движении с конца 90-х г.г., первоначально в армянских партиях Дашнакцутюн и Гнчак. В 1903 г. вступил в Р.С.-Д.Р.П. В 1905 г. вел работу среди войск на Северном Кавказе; в 1907 — 1913 г.г. жил в Швейцарии, был там долгое время секретарем объединенной группы Р.С.-Д.Р.П. В 1914 г. по возвращении в Россию примкнул к большевикам. В 1917 г. — член большевистской фракции Моссовета и его президиума. На 2-м Всероссийском съезде Советов избран в В.Ц.И.К., был членом его президиума и секретарем (2 — 6 созыва). В настоящее время член президиума В.С.Н.Х. С.С.С.Р. — 172.

АВКСЕНТЬЕВ, Н. Д. (р. 1878) — один из лидеров партии социалистов-революционеров. Член И.К. Петербургского совета рабочих депутатов в 1905 г., член Ц.К. П.С.-Р. с 1907 г. В годы реакции стоял на правом крыле партии, защищавшем легальность и отказ от террора в своем органе «Почин». Крайний социал-шовинист в годы войны, участник оборонческих эсеровских органов «За рубежом» и «Новости», один из редакторов социал-шовинистического журнала «Призыв», выходившего в Париже (Плеханов, Бунаков и др.) В 1917 г. член И.К. Петроградского совета, председатель Совета крестьянских депутатов, потом министр внутренних дел (июль — август), председатель предпарламента. После Октябрьской революции один из организаторов гражданской войны на чехо-словацком фронте, на Уфимском государственном совещании вошел в состав Директории, вскоре разогнанной Колчаком. В настоящее время — в эмиграции. — 283, 393.

АВСТЕРЛИЦ — см. АУСТЕРЛИЦ, Ф.

АДЛЕР, ФРИДРИХ (р. 1879) — один из вождей австрийской социал-демократии, сын Виктора Адлера. В 1907 — 1911 г.г. состоял приват-доцентом по кафедре теоретической физики в Цюрихском университете, будучи в то же время редактором «Volksrecht» («Народное Право»), органа швейцарской социал-демократии; позднее был избран секретарем австрийской с.-д. партии и редактором журнала «Der Kampf» («Борьба») и газеты «Das Volk» («Народ»). Во время войны стоял на позиции правых циммервальдцев. 3 декабря 1915 г. опубликовал от имени меньшинства партии, объединенного в венском «Клубе Карла Маркса», манифест, под заглавием «Интернационалисты Австрии к интернационалистам всех стран». Движимый отчаянием при виде распада массового рабочего движения А. 22 октября 1916 г. застрелил австрийского министра-президента графа Штюргка. За это был приговорен к смертной казни, замененной 18 годами каторжных работ. Выстрел А. был одним из симптомов кризиса в

европейских социалистических партиях и начавшегося перелома революционного движения. Ленин в 1916 и 1917 г.г. считал сидевшего в тюрьме А. одним из будущих строителей III Интернационала. Однако, по выходе из тюрьмы после австрийской революции 1918 г. А. отрицательно отнесся к Октябрьской революции в России. Одновременно он делал все, чтобы погасить развивавшуюся пролетарскую революцию в Австрии. В 1920 г. А. участвовал в создании «Венского» ($2^1/_2$) Интернационала, который в 1922 г., по инициативе самого же А., объединился со II Интернационалом. В настоящее время А. состоит генеральным секретарем II Интернационала. В области философии примыкает к махистам. — 241, 250, 309, 441, 442.

АКСЕЛЬРОД, П. Б. (1850 — 1928) — вначале бакунист, с расколом «Земли и Воли» (1879 г.) примкнул к чернопередельцам. В 1883 г. вместе с Плехановым, Дейчем, В. Засулич и Игнатовым основывает группу «Освобождение Труда». С 1900 г. один из редакторов «Искры» и «Зари». На II съезде партии в 1903 г. примкнул к меньшевизму, дал ему принципиальное обоснование в своих статьях в «Искре» (№№ 55 и 57) и выступал с тех пор неизменно в качестве одного из самых яростных противников большевизма. Аксельроду принадлежит руководящая роль в выработке меньшевистской тактики за все время существования меньшевистской партии. В ноябре 1904 г. написал листовку: «Письмо к партийным организациям», с планом земской кампании. В 1905 г. выступал с агитацией за «народную думу» и выдвинул идею «рабочего съезда». На IV (объединительном) съезде Р.С.-Д.Р.П. (Стокгольм, 1906 г.) выступил с программным докладом о тактике по отношению к Государственной Думе, защищал идею «политического сотрудничества пролетариата и буржуазии в абсолютистской России». Общая идея политики А., особенно настойчиво проповедывавшаяся им с момента поражения революции 1905 г., заключалась во фракционном сплочении меньшевиков с целью произвести «партийную революцию», т.-е. «коренным образом изменить характер русской с.-д-тии, как он сложился в дореволюционную и революционную эпоху, и организовать ее на тех же началах, на каких зиждется партийный строй европейской с.-д-тии, т.-е. на началах реформизма и легализма. В годы реакции возглавлял «ликвидаторство» и входил в редакцию меньшевистского органа «Голос Социал-Демократа». Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций, где занимал крайне правую позицию; под флагом интернационализма отстаивал позицию, близкую к социал-шовинизму. Был одним из лидеров II Интернационала, членом Международного Социалистического Бюро и яростным противником советской власти вплоть до проповеди вооруженной интервенции. — 358, 363, 364, 404.

АЛЕКСЕЕВ, М. В. (1857 — 1918) — генерал. Являясь по должности начальником штаба верховного главнокомандующего Николая II, с осени 1915 г. по март 1917 г., фактически был главковерхом. В момент Февральской революции, уже после отречения Николая II, издал по фронтам приказы об аресте «злоумышленных» агитаторов, сеющих в армии смуту. Несмотря на то, что А. участвовал в августе 1917 г. в Московском «Совещании общественных деятелей», подготовлявшем корниловское выступление; после подавления корниловщины Керенский назначил его верховным главнокомандующим. После Октябрьской революции при первых известиях о контр-революционном движении на Дону, перебрался в Новочеркасск, где приступил к формированию «Добровольческой армии», «верховным руководителем» которой он стал после смерти Корнилова. — 153, 169.

АНДРИЕ (ANDRIEU) — французский рабочий-металлист. Принимал участие в движении революционного синдикалистского меньшинства и принадлежал к группе Перика, бывшего секретаря федерации строителей и одного из членов «Комитета для возобновления интернациональных связей». В 1917 — 18 г.г. работал как мобилизованный в Сент-Этьене (департамент Лауры) вместе с Дюмуленом, будущим секретарем Генераль-

ной федерации труда, который в то время принадлежал к революционному меньшинству. В начале 1918 г. А. и его товарищи организовали в этом районе две стачки и подготовляли районный съезд, который должен был объявить всеобщую стачку. В этом движении борьба за экономические требования тесно переплеталась с агитацией за прекращение войны. Власти пустили в ход конный полк и 3000 жандармов; много стачечников было убито и ранено. Арестовав А. и несколько других синдикалистов, правительство хотело отправить на фронт мобилизованных шахтеров. Последние устроили в казармах несколько митингов протеста вместе с другими солдатами и отказались отправиться на фронт, пока не будут освобождены арестованные. Правительству пришлось уступить. Через несколько месяцев А. вместе с Перика и другими был арестован снова. В настоящее время, оставаясь формально в рядах анархо-синдикалистов, фактически совершенно отошел от движения. — 195.

АУСТЕРЛИЦ, Ф. (р. 1862) — один из вождей австрийской социал-демократической партии, принадлежащий к ее правому крылу, депутат парламента от Вены, редактор центрального органа партии «Arbeiter Zeitung» («Рабочая Газета»). В годы войны занимал ярко-шовинистическую позицию. — **440, 441.**

Б.

БАУЭР, ОТТО (р. 1882) — один из вождей австрийской социал-демократии, глава австромарксистской школы. Редактор журнала «Der Kampf» («Борьба»). Автор ряда работ по рабочему движению, философии и национальному вопросу. В годы войны — каутскианец. Призванный в армию, попал в русский плен и был отправлен в Сибирь, откуда освобожден правительством Керенского по требованию Петроградского совета. Во время своего кратковременного пребывания в Петрограде политически поддерживал позицию русских меньшевиков-интернационалистов. По возвращении из плена выпустил под псевдонимом Гейнриха Вебера брошюру «Русская революция и европейский пролетариат» (1917 г.), а в начале 1918 г. поместил в журнале «Der Kampf» статью «Большевики и мы». После ноябрьской революции 1918 г. в Австрии — министр иностранных дел в правительстве с.-д. К. Реннера. В 1920 г. и в 1921 г. активно участвовал в создании Венского ($2^1/_2$) Интернационала. Будучи противником III Интернационала, выпустил несколько книг против коммунизма и советской системы. В 1925 г. Б. вынужден был открыто признать, что «на основе новой экономической политики в С.С.С.Р. происходит борьба социалистических элементов с капиталистическими, которая позволяет надеяться на победу социализма», что не мешало ему утверждать, что В.К.П. ведет к реставрации капитализма. В июле 1927 г. Б., стоя в главе австрийской с.-д., употребил все свое партийное влияние на подавление восстания венских рабочих. Член Исполкома II Интернационала.—**216, 390.**

БЕБЕЛЬ, АВГУСТ (1840 — 1913) — один из основателей и вождей германской с.-д. Ремесленник-токарь по дереву. Начал свою политическую деятельность в рабочих самообразовательных обществах, руководимых либералами. Под влиянием В. Либкнехта в 1865 г. стал членом I Интернационала. С 1867 г. депутат германского рейхстага. В 1869 г. вместе с Либкнехтом основал «Соц.-дем. рабочую партию» (эйзенахцев), в 1875 г. слившуюся с лассальянцами в единую «Социалистическую рабочую партию Германии», впоследствии переименованную в «Социал-Демократическую партию Германии». Во время франко-прусской войны воздержался от голосования военных кредитов. За протест против аннексии Эльзас-Лотарингии был приговорен к двухлетнему заключению в крепости.

Вместе с В. Либкнехтом боролся против оппортунистов лассальянцев, но в 1875 г. вопреки желанию Маркса и Энгельса провел объединение

обеих партий в одну с.-д. партию. Во время исключительного закона против социалистов выдвинулся как бесспорный вождь партии и особенно сблизился с Марксом и Энгельсом, осуществлявшими через него политическое руководство партией. Принимая активное участие в борьбе с ревизионистами, но ставя выше всего формальное единство партии, часто шел на компромиссы с правым крылом. Был одним из основателей и руководителей II Интернационала. На Штутгартском конгрессе (1907 г.), в противовес Ленину и Розе Люксембург, допускал возможность защиты отечества. В 1910—1913 г.г. боролся против зарождавшегося левого течения во главе с Розой Люксембург. Широкое распространение получила книга Бебеля «Женщина и социализм», положившая начало социалистической пропаганде среди работниц. — 346, 365, 370, 373, 381.

БЕРГЕР, ВИКТОР (р. 1860) — американский социалист, учитель и журналист, австрийский эмигрант. В 1897 г. вместе с Евгением Дебсом в противовес «Социалистической Рабочей партии» Де-Леона, организовал «Социал-демократию Америки», которая в 1901 году реорганизовалась по европейскому образцу и приняла название «Социалистической партии Америки». С тех пор является ее лидером и наиболее ярким представителем оппортунизма. В 1900—1911 г.г. издавал в г. Мильвоки «Social-Demokratic Herald» («Социал-Демократический Вестник»), позже переименованную в «Milwaukee Leader» («Вождь Мильвоки»). В 1911 г. явился первым социалистом, избранным в американский парламент. Во время войны с Германией занимал пацифистскую позицию и был в 1918 г. присужден к 20-летнему тюремному заключению на основании закона о шпионаже. В 1921 г. приговор был отменен. В настоящее время опять член конгресса (парламента). Участник Марсельского конгресса II Интернационала. Противник признания Советской России. — 497.

БЕРНШТЕЙН, ЭДУАРД (р. 1850) — германский с.-д. Банковский служащий, потом литератор. В начале своей работы в с.-д. партии (70-е годы) был горячим сторонником Дюринга. В 1879 г. вместе с Хехбергом выступал против революционной деятельности партии и за сближение с буржуазной демократией. В 1880 г. был поставлен на пост редактора нелегального центрального органа партии «Социал-Демократ» и оставался им до конца исключительного закона. После смерти Энгельса выступил с серией статей в журнале «Die Neue Zeit» («Новое Время»), в которых подверг пересмотру ряд основных положений марксизма, отвергая диалектический материализм, и проповедывал соединение марксизма с кантианством, отрицал идею социалистической революции и диктатуры пролетариата, противопоставляя им, ссылаясь на опыт английского трэд-юнионизма, теорию примирения классовых противоречий и постепенного мирного «врастания» социализма в капиталистический строй. Связное изложение своих воззрений дал в книге: «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899). Выступления Б. вызвали резкую критику Розы Люксембург и Парвуса, затем Плеханова и Каутского. Партийные съезды германской с.-д. (1899—1903) осудили воззрения Б., оставив его однако членом партии. Он стал литературным вождем все более и более усиливавшегося правого крыла партии. Во время войны 1914—18 г.г. — центрист, социал-пацифист, независимой социалистической партии. Вместе с Гаазе и Брейтшейдом издавал журнал «Sozialistische Auslandspolitik Korrespondenz» («Социалистическая Внешняя Политика»). После войны его воззрения стали воззрениями всей германской с.-д. и закреплены в ее новой программе, принятой в Гейдельберге в 1925 г. — 218, 223, 337, 345.

БИСМАРК, О., князь (1815—1898) — канцлер в эпоху создания Германской империи, проведший объединение Германии под руководством юнкерской Пруссии и династии Гогенцоллернов путем ряда войн (с Данией, Австрией и Францией). Провел в Германии всеобщее избирательное право, желая опереться на отсталые народные массы против либералов,

Пытался, и в первое время не безуспешно, «приручить» развивающееся рабочее движение, вступая в сделки с вождями «Всеобщего Германского Рабочего Союза» Лассалем и Швейцером. После объединения рабочих партий провел исключительный закон против социалистов (1879—1891 г.г.), заставивший социал-демократию перейти на нелегальное положение.—370.

БЛАН, ЛУИ (1811—1882)—французский политический деятель, историк, представитель мелкобуржуазного социализма. В своей работе «Организация труда» он развил теорию постепенного осуществления социализма посредством организации промышленных и земледельческих ассоциаций, при поддержке государства путем конкуренции вытесняющих частные предприятия. Исходя из положения о солидарности интересов всего общества, Б. решительно отрицал классовую борьбу и метод революционного насилия. В революцию 1848 г. Б. вошел от рабочих во Временное правительство, где требовал создания министерства труда. Временное правительство в виде уступки ограничилось организацией комиссии по изучению положения рабочих (Люксембургская комиссия), которая никакой власти не имела. Пытаясь примирить борющиеся классы, Б. оказался игрушкой в руках буржуазии и после разгрома июньского восстания парижских рабочих принужден был эмигрировать. Вернувшись во Францию после падения второй монархии и выбранный в Национальное собрание, Б. в 1871 г. остался с версальцами, разгромившими Коммуну. Его теорию производительных ассоциаций воспринял Лассаль. Лассальянцы прямо называли своего учителя продолжателем дела Луи Б. — 343.

БОГАЕВСКИЙ, М. П. — помощник наказного атамана Области Войска Донского и председатель объединенного войскового правительства, образовавшегося 5 января 1918 г. 4 марта сдался в станице Денисовской начальнику советского отряда войсковому старшине Голубову. Выпустил воззвание к казачеству о прекращении гражданской войны, в котором писал, что борьба с большевиками была политической ошибкой, так как «симпатии широких народных масс бесповоротно клонились к этому учению, отвечающему их чаяниям». Голубов (случайный элемент в советском движении) привез Б. в Новочеркасск и там подготовлял совместное с ним выступление против Советов, предоставив ему возможность говорить на казачьих митингах и отказываясь выдать его Областному ревкому. Авантюра потерпела неудачу. Голубов бежал, а Б. был захвачен ростовским отрядом Красной гвардии. 14 апреля белые, захватившие на несколько дней Новочеркасск, предъявили требование о выдаче Б. В этот же день Б. был расстрелян.— 63, 95.

БОНЧ-БРУЕВИЧ, В. Д. (р. 1873) — с 1892 г. работал в с.-д. кружках в Москве. 1896 — 1905 г.г. жил за границей. После II съезда примкнул к большевикам. Участвовал в организации газеты «Вперед», заведывал партийной техникой и экспедицией, организовал женевский партийный архив. В 1905 г. вернулся в Петербург. Организовал партийное издательство «Наша Мысль», участвовал в организации легальных большевистских газет «Эхо», «Волна», «Вперед», журнала «Вопросы Жизни». В 1907 г. создал легальное издательство «Жизнь и Знание». В 1910 г. участвовал в организации и редактировании газеты «Звезда», сотрудничал в «Правде» и «Просвещении». После Октябрьской революции до октября 1920 г. работал в качестве управляющего делами Совнаркома. В настоящее время главный редактор кооперативного издательства «Жизнь и Знание». Много занимался историей сектантского движения в России. Главные работы: «Материалы к истории и изучению религиозно-общественных движений в России» (13 вып.), «В. И. Ленин в России после Февральской революции» и др. — 172.

БОРОДИН, М. М. (ГРУЗЕНБЕРГ) (р. 1884) (у Ленина — «один русский большевик») — примкнул к революционному движению в начале 900-х г.г. и первое время работал в Бунде. С 1903 г. — большевик,

С конца января 1905 г. работал под кличкой «Кирилл» в Риге среди латышских с.-д. В конце 1905 г. был членом президиума Таммерфорсской конференции большевиков. Участвовал на IV съезде партии (Стокгольм 1906 г.). После возвращения со съезда был арестован и затем эмигрировал в Америку. Там состоял членом Американской социалистической партии и занимался научной и педагогической работой. В 1908 г. организовал в Чикаго школу для эмигрантов. В июле 1918 г. приехал в Москву. На короткое время ездил в Мексику и Англию. В Англии в Глазго был арестован (август 1922 г.) и после 6 месяцев тюремного заключения выслан из Англии. В 1923 г. по вызову Сун-Ят-Сена поехал в Китай и выполнял обязанности «высокого советника» (High Adviser) Центрального исполнительного комитета Гоминдана. В настоящее время находится в Москве. — 176.

БРЕНТАНО, ЛУЙО (р. 1844) — буржуазный экономист, профессор, сторонник «катедер-социализма» и противник марксизма, проповедывавший «гармонию классов» и возможность разрешения социального вопроса путем примирения интересов капиталистов и рабочих. Основные работы Б.: «Die Arbeitergilden der Gegenwart» («Современные рабочие союзы»), (1871—1872), «Über die Ursachen der heutigen sozialen Noth» («О причинах современной социальной нужды») (1889) и др. Оказал большое влияние на ревизионистов во главе с Бернштейном и на русских «легальных марксистов». — 335.

БУЛЛИТ, ВИЛЛЬЯМ Ч. (р. 1873) — американский журналист. В начале 1919 г. был назначен атташе американской миссии на Парижской мирной конференции и в феврале командирован статс-секретарем Лансингом в Советскую Россию «для изучения политических и экономических условий страны». Пробыл в Москве неделю и получил от Советского правительства проект мирных условий, который вследствие разногласий между союзниками дальнейшего хода не получил. В мае 1919 г. Б. вышел в отставку. — 509.

БУХАРИН, Н. И. (р. 1888) — (у Ленина — «один большевик») один из виднейших большевиков, крупный теоретик марксизма, экономист. Революционную деятельность начал, будучи гимназистом. В 1906 г. вступил в партию и работал в Московской организации в качестве пропагандиста и организатора. В 1908 г. был кооптирован в Московский комитет партии и назначен ответственным организатором Замоскворецкого района. В 1911 г. после длительного тюремного заключения был выслан в Онегу, откуда бежал заграницу. В Кракове встретился с В. И. Лениным и принимал участие в работах думской большевистской фракции. Позже жил в Вене, где слушал Бем-Баверка и Визера. Заграницей же началась его литературная деятельность (корреспонденции и статьи в «Правде», «Просвещении», «Neue Zeit» — против Струве, Туган-Барановского, Бем-Баверка, Оппенгеймера). Незадолго до войны был арестован и выслан в Швейцарию. Принимал участие в Бернской конференции заграничных секций большевиков. Переселившись в Швецию, принимал участие в работе шведских левых с.-д. Расходился в этот период с Лениным по национальному вопросу. Привлеченный вместе с Хеглундом за антимилитаристскую пропаганду, был выслан в Норвегию, где продолжал работу. В октябре 1916 г. был принужден эмигрировать в С.А.С.Ш. Работал вместе с Троцким в редакции газеты «Новый Мир» и принимал активное участие в формировании левого крыла социалистического движения. После Февральской революции через Японию вернулся в Россию, вошел в состав Исполкома Московского совета, М. К. и Областного бюро партии, редактировал газету «Социал-Демократ» и журнал «Спартак». Во время борьбы Ленина за Брестский мир Б. стоял во главе «левых коммунистов». В 1918 г. дважды был в Германии для установления контакта со спартаковцами. В начале ноября 1918 г. был выслан из Берлина

вместе с советским посольством. После революции в Германии признал ошибочность позиции левых. В дискуссии 1921 г. занимал буферную позицию; в 1923 — 27 г.г. вел борьбу с троцкизмом и объединенной оппозицией. Бессменный член Ц.К., начиная с VI съезда, член Политбюро. В июле 1929 г. постановлением X расширенного пленума Исполкома Коминтерна выведен из состава президиума Коминтерна. В 1928 г. избран в Академию наук. В настоящее время председатель Научно-Технического управления В.С.Н.Х. Из теоретических работ Б. важнейшими являются: 1) «Мировое хозяйство и империализм», 2) «Политическая экономия рантье», 3) «Экономика переходного периода», 4) «Теория исторического материализма», 5) «Империализм и накопление капитала». Перу Б. принадлежит также ряд популярных работ («Азбука коммунизма», написанная вместе с Е. Преображенским, и др.). — **402.**

В.

ВАНДЕРВЕЛЬДЕ, ЭМИЛЬ (р. 1866) — социал-шовинист, председатель Международного социалистического бюро II Интернационала в довоенную эпоху, адвокат и член парламента, профессор и академик, лидер бельгийской социалистической партии. В продолжение всей своей политической деятельности проводил идею блока с либералами. С начала войны первый из лидеров II Интернационала вступил в буржуазное министерство. В сентябре 1914 г. обратился с письмом к русским рабочим о поддержке войны и о прекращении борьбы с царизмом на время войны. В 1917 г. приезжал в Росию для агитации за продолжение войны, в 1921 г. ездил в меньшевистскую Грузию, в 1922 г. защищал в Москве членов Ц.К. партии эсеров в Верховном трибунале. Принимал участие в Гамбургском и Марсельском конгрессах II Интернационала. В 1925 г. вновь вступил в коалиционное правительство социалистов и католиков как министр иностранных дел и оставался им до октября 1927 г. Теперь опять член Исполкома II Интернационала. Подписал как представитель Бельгии Версальский мир и Локарнский договор. Его работы: «Le collectivisme et l'évolution industrielle» («Коллективизм и промышленное развитие») (1900), «Le socialisme et l'agriculture» («Социализм и земледелие») (1906), «La Belgique et le Congo» («Бельгия и Конго») (1911), «Trois aspects de la révolution russe» («Три стороны русской революции») (1918), «Réalisations socialistes» («Осуществления социализма» (1923), «Le parti ouvrier belge» («Бельгийская рабочая партия») (1885 — 1925). и др. — **407, 410, 442, 495, 497.**

ВЕББ, СИДНЕЙ (р. 1859) — английский политический деятель, историк и экономист, теоретик реформизма. В молодости сторонник взглядов Г. Спенсера, с 1886 г. до настоящего времени — руководитель Фабианского общества, главной ячейки английского либерального социализма. С 1892 г. работал в Лондонском муниципалитете, пытаясь проводить крохоборческий «муниципальный социализм». С 1910 г. начинает работу в рабочей партии и в 1915 г. избирается членом ее Исполкома. Во время войны занимал социал-патриотическую позицию, отстаивал интервенцию против Советской России. В 1922 г. был избран в парламент, в «рабочем» правительстве Макдональда (1924) получил пост министра торговли. Большинство его работ написано совместно с Беатрисой Вебб, главные из них: «History of Trade-Unionism» («История трэд-юнионизма») (1894), «Industrial Democracy» («Индустриальная демократия») (1897 г. русский перевод В. Ильина (Ленина) под названием «Теория и практика английского трэд-юнионизма»), «English Local Governement» («Английское местное управление») (1906) «A Constitution for the Socialist Commonwealth of Great Britain («Конституция социалистического государства Великобритании») (1920), «Decay of Capitalist Civilisation» («Упадок капиталистической циви-

лизации») (1923 г.; русский перевод «Закат капитализма»). В настоящее время министр колоний во втором кабинете Макдональда. — **215, 224, 347, 495, 497.**

ВЕБЕР, ГЕЙНРИХ — см. БАУЭР, ОТТО.

ВЕЙТЛИНГ, ВИЛЬГЕЛЬМ (1810 — 1871) — представитель немецкого утопического коммунизма. Ремесленник-портной. В 1828 — 1835 г.г. был странствующим подмастерьем в Германии. Затем отправился за границу. Примкнул в 1837 г. в Париже к бабувистскому «Союзу справедливых». По поручению Союза написал брошюру «Человечество как оно есть и каким оно должно быть» (1838). В 1841 г. вел коммунистическую пропаганду среди ремесленников в Женеве, а в следующем году выпустил свое главное произведение «Гарантии гармонии и свободы». В 1843 г., когда В. издал свое «Евангелие бедного грешника», он был арестован в Цюрихе и после выдачи баденскому правительству выслан за границу. В 1844 г. вступил в немецкое коммунистическое общество в Лондоне, в 1846 г. вошел в Брюсселе в непосредственное общение с Марксом, которое скоро кончилось разрывом из-за неспособности В. отказаться от фантастических проектов создания коммунистических колоний и перейти на позиции научного коммунизма. Во время германской революции вел агитацию в Берлине и Гамбурге. В 1849 г. окончательно эмигрировал в Америку, где основал «Рабочий Союз» в Филадельфии и издавал газету «Республика Рабочих». К 1855 г. оба эти начинания прекратили свое существование и после этого В. отошел от политической деятельности. По своим теоретическим воззрениям В. — представитель «коммунизма подмастерьев». У него есть сознание необходимости революционной борьбы рабочих, но он все еще стоит на мелкобуржуазной точке зрения. В своей критике буржуазных отношений он руководится соображениями нравственности, основной его идеей является требование равенства, в понимании истории — стоит на точке зрения просветителей, т.-е. идеалистической. — **346.**

ВЕРЕСАЕВ (В. В. СМИДОВИЧ) (р. 1867) — беллетрист, публицист и литературный критик, врач по профессии. Во второй половине 90-х г.г. сблизился с марксистами. В своих художественных произведениях рисовал настроения партийной и околопартийной интеллигенции. Из публицистических работ наиболее известны его записки о русско-японской войне и особенно «Записки врача», направленные против профессионально-кастовой ограниченности врачей. — **108.**

ВИЛЬГЕЛЬМ II ГОГЕНЦОЛЛЕРН (р. 1859) — прусский король и германский император (1888—1918); 9 января 1918 г. принужден был отречься от престола, находится в настоящее время в Голландии. — **224, 257, 266, 380, 419.**

ВИЛЬСОН, ВУДРО (1856 — 1924) — лидер демократической партии С.-А.С.Ш., профессор, президент С.-А.С.Ш. (1912 — 1920). В годы войны выступил с «14-ю пунктами» программы мира: автор проекта организации Лиги наций. — **185, 224, 234, 259, 292, 315, 324, 415, 418.**

ВОИНОВ, И. А. (1884 — 1917) — рабочий «правдист». Вступил в большевистскую организацию в Петербурге. В 1910 г. был арестован и выслан на родину в Ярославскую губернию за корреспонденцию о тяжелом материальном положении рабочих Николаевской ж. д. В 1914 г. — снова в Петербурге, принимал участие в нелегальной газете большевиков-приказчиков «Борьба», распространял прокламации против войны. В декабре был выслан на три года в Енисейскую губернию. После Февральской революции работал в ночной экспедиции «Правды» и сотрудничал в ней. В июльские дни, когда была разгромлена редакция «Правды», В. участвовал в выпуске «Листка Правды». 6 (19) июля 1917 г. за попытку продажи этого «Листка» был убит на Шпалерной улице (теперь улица его имени). — **499.**

ВОЛОДАРСКИЙ, В. (1891 — 1918) — в ранние годы бундовец, потом — меньшевик. В 1911 г. был сослан в Архангельскую губ., откуда в 1913 г. эмигрировал в Северную Америку, где вступил в Американскую социали-

стическую партию. Во время войны — интернационалист. После Февральской революции вернулся в Россию и после короткого пребывания у межрайонцев примкнул к большевикам. Очень быстро получил широкую известность среди рабочих, как выдающийся агитатор. Член П.К., член В.Ц.И.К. После отъезда правительства из Петрограда, был назначен петроградским комиссаром печати, пропаганды и агитации. Снискал на этом посту озлобленную ненависть всех врагов Советской власти. В июне 1918 г. убит правым эсером Сергеевым. — 68.

Г.

ГААЗЕ, ГУГО (1863—1919) — один из вождей германской социал-демократии, примыкавший к центру партии, с 1913 г. председатель с.-д. фракции рейхстага, член Международного социалистического бюро Интернационала. Во время войны занял позицию оправдания войны, заявляя на словах о верности принципам интернационализма. 4 августа 1914 г. выступил в рейхстаге по поручению с.-д. фракции с декларацией о поддержке германского правительства. Вместе с Бернштейном и Каутским подписал в июне 1915 г. манифест против аннексий («Задачи момента»). При расколе с.-д. фракции 24 марта 1916 г. стал во главе оппозиционного меньшинства («Arbeitsgemeinschaft»). С марта 1917 г. — председатель П.К. Независимой социалистической партии Германии. После ноябрьской революции — член правительства народных уполномоченных (до 28 декабря 1918 г.). В октябре 1919 г. при входе в рейхстаг смертельно ранен рабочим Босом и вскоре умер. — 302, 381, 419.

ГЕГЕЧКОРИ, Е. П. (р. 1879) — грузинский меньшевик, адвокат. Был членом III Государственной Думы от Кутаисской губернии и одним из лидеров меньшевистской думской фракции. В 1917 г. был членом особого закавказского комитета временного правительства и членом президиума Тифлисского совета, председательствовал на Первом всероссийском съезде советов. В ноябре был избран председателем соглашательского правительства Закавказья (так называемого «Закавказского комиссариата»). В 1918 г. выступал как представитель воинствующего грузинского национализма против поддержки Самарской учредилки, за отделение грузинских с.-д. от русских меньшевиков и создание самостоятельной грузинской республики. Все время существования меньшевистского правительства в Грузии был министром иностранных дел. В 1920 г. вел переговоры с Ллойд-Джорджем в Лондоне по вопросу о признании Грузии. В настоящее время в эмиграции. Сторонник интервенции в С.С.С.Р. — 11, 12.

ГЕНДЕРСОН, АРТУР (р. 1863) — английский тред-юнионист, по профессии металлист, один из вождей Английской рабочей партии, член парламента с 1903 г. В начале войны вместе с Кейр-Гарди подписал обращение к английским рабочим от имени британской секции Интернационала с призывом бороться против войны. После объявления Англией войны Германии становится социал-шовинистом. Министр народного просвещения в коалиционном кабинете Асквита 1915 г.; министр общественных работ в кабинете Ллойд-Джорджа — декабрь 1916 — август 1917 г. Приезжал в Россию для содействия продолжению войны и вскоре был принужден выйти в отставку, так как высказался за созыв социалистической конференции в Стокгольме, имевшей целью подготовить открытие мирных переговоров воюющих держав путем соглашения, и восстановил этим против себя английскую буржуазию, жаждавшую «полной победы». Вместе с Гюисмансом был инициатором созыва первой послевоенной конференции II Интернационала, а на Лондонском съезде последнего в августе 1919 г. был избран председателем Исполкома. Министр внутренних дел в кабинете Макдональда в 1924 г. На Ливерпульском конгрессе Рабочей партии в 1925 г. активно поддерживал исключение

коммунистов. До мая 1929 г. — секретарь Рабочей партии и член Исполкома II Интернационала. В настоящее время министр иностранных дел во втором кабинете Макдональда. — 189, 215, 224, 347, 374, 380, 442, 495, 497.

ГОМПЕРС, С. (1850 — 1924) — американский рабочий-сигарщик; в течение 40 лет состоял президентом «Американской Федерации Труда», защищающей узко-профессиональные интересы привилегированной рабочей аристократии, проповедующей «гармонию классовых интересов» и ожесточенно борющейся с революционными тенденциями в среде пролетариата. Во время войны Г., опираясь на правые элементы рабочего класса Соединенных штатов, поддерживал политику президента Вильсона; осенью 1918 г. совершил агитационную поездку в Италию, в 1919 г. принял участие в работах Парижской мирной конференции и был председателем Международной комиссии по рабочему законодательству, в 1922 г. входил в состав американской делегации на Вашингтонской конференции. Был сторонником политики Советской России. Г. состоял вице-президентом «Национальной Гражданской Федерации» («National Civil Federation») — организации, созданной под председательством известного миллиардера Моргана из представителей «капитала, труда и других граждан». Г. считал даже амстердамское профдвижение чрезмерно левым. — 189, 229, 230, 380, 442, 494, 495, 497.

ГРАБЕР, ЭРНСТ ПАУЛЬ (р. 1875) — швейцарский социал-демократ центристского направления. По профессии учитель. В годы войны — интернационалист. В настоящее время заместитель Гримма в Исполкоме II Интернационала. — 376.

ГРИММ, РОБЕРТ (р. 1881) — видный деятель швейцарского с.-д. движения. В годы войны умеренный интернационалист-центрист, секретарь Швейцарской социалистической партии, редактор официального органа «Berner Tagwacht», занявшего с начала войны интернационалистскую позицию. Один из организаторов Циммервальдского объединения, председатель Циммервальдской и Кинтальской конференций и Интернациональной социалистической комиссии. В январе 1917 года в заседании Национального совета партии перешел на сторону социал-шовинистов. В мае 1917 г. приезжал в Россию и принимал участие в совещании русских социалистических партий, примыкающих к Циммервальду. Вскоре был выслан правительством Керенского вследствие перехваченной телеграфной переписки с швейцарским министром Гофманом, в которой пытался выяснить германские условия мира. Следственная комиссия Циммервальдского объединения, отвергнув утверждения о связи Г. с германским империализмом, признала в то же время поступок Г. принципиально недопустимым и противоречащим сущности циммервальдского движения. Один из организаторов $2^1/_2$ Интернационала. Теперь — член Исполкома II Интернационала. — 376.

ГРОМАН (ГОРН), В. Г. (р. 1874) — с.-д. меньшевик, журналист, один из редакторов «Нашего Дела», сторонник идеи созыва «рабочего съезда». Вступил в революционное движение в 90-х г.г. В 1896 г. привлекался по делу студенческой организации «Совета объединенных землячеств» и был выслан на 3 года в Вятскую губ. В 900-х г.г. работал в Симферопольской организации, а после провала ее с 1902 по 1905 г.г. находился в ссылке в Восточной Сибири. С 1905 по 1909 год работал в ряде с.-д. организаций. Ликвидатор. В 1909 — 1910 г.г. работал в Пензенском губернском земстве. После Февральской революции стоял во главе продовольственного дела в Петербурге. В 1918 г. — председатель Северной продовольственной управы. В настоящее время работает в Госплане. — 53, 55, 57, 60.

ГУЛОВ, Г. — крестьянин, участник Октябрьской революции в Москве. В 1919 г., будучи красноармейцем, написал письмо, напечатанное в «Известиях В.Ц.И.К», послужившее поводом для статей Ленина и Троцкого об отношении партии к среднякам-крестьянам. — 504.

ГУЧКОВ, А. И. (р. 1862) — крупный московский домовладелец и промышленник; основатель «Союза 17 октября» (в 1905 году); представитель наиболее реакционных кругов крупной буржуазии, вдохновитель третье-июньского блока; председатель III Государственной думы; во время империалистской войны председатель Центрального военно-промышленного комитета; в первом временном правительстве в 1917 г.— военный и морской министр, аннексионист и сторонник «войны до победного конца», отстаивал восстановление в армии железной дисциплины. Ушел в отставку в мае 1917 г., поддерживал все контр-революционные движения в 1917 — 1921 г.г. Эмигрант. — **200, 201.**

ГЭД, ЖЮЛЬ (1845 — 1922) — основатель и многолетний руководитель марксистского рабочего движения и марксистской рабочей партии во Франции. Основатель «Egalité» — первой марксистской газеты во Франции. В 1881 г. вместе с Марксом и Энгельсом выработал программу Французской социалистической партии. Как внутри партии, так и на международной арене вел борьбу как с анархо-синдикалистскими, прудонистскими, так и с поссибилистскими, бернштейнианскими течениями и группами, отстаивая в теории и тактике принципы ортодоксального марксизма. Особо жестокую борьбу пришлось вести Г. против жоресовской политики блоков и соглашений с буржуазией. В частности ему принадлежит заслуга широкой революционной кампании в связи с вхождением социалистов в буржуазное министерство («мильеранизм»). В объединенной социалистической партии Франции (гэдисты объединились с жоресистами после Амстердамского международного конгресса 1904 г.) гэдисты оставались левым, марксистским крылом, продолжая идейную борьбу с оппортунизмом. С начала империалистской войны Г. резко изменил своему революционному прошлому, не устояв перед «патриотическими» настроениями, пошел на «священный союз» с буржуазией и вошел в буржуазное правительство национальной обороны. —**410.**

Д.

ДАВИД, ЭДУАРД (р. 1863)—германский социал-демократ, экономист. После Франкфуртского съезда (1894) вошел в образованную съездом комиссию по выработке аграрной программы с проектом, обещавшим крестьянству обеспечение и упрочение мелкой частной собственности при капитализме. В 1903 г. выпустил исследование «Социализм и сельское хозяйство» (2-е переработанное издание 1922 г.), где пытался доказать несостоятельность экономического учения Маркса в области сельского хозяйства. С 1903 г. член рейхстага. В годы империалистической войны крайний социал-шовинист. В феврале 1919 г. был председателем Национального собрания, затем вошел в первое коалиционное правительство Германской республики. В 1919—20 г.г. министр внутренних дел, сложил свои полномочия после Капповского путча. С 1921 г. представитель центрального правительства в Гессене. Один из виднейших теоретиков ревизионизма, перешедший от «научных» поправок к теории Маркса к борьбе против революционного пролетариата в союзе с буржуазией. — **219.**

ДАН, Ф. И. (псевдоним **Ф. И. ГУРВИЧА.**) (р. 1871) — один из лидеров меньшевизма. В половине девяностых годов работал в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Был сослан на три года в Вятскую губернию. В 1902 г. в качестве агента «Искры» участвовал на конференции в Белостоке, имевшей целью подготовку II съезда Р.С.-Д.Р.П., после которой был арестован и сослан в Восточную Сибирь. Оттуда эмигрировал за границу. Революция 1905 г. дала ему возможность вернуться в Россию. Участник партийных съездов 1906 и 1907 г.г. и ряда конференций. Литератор и редактор ряда меньшевистских изданий. Бес-

сменчый член меньшевистских О.К. и Ц.К. В годы реакции поддерживал ликвидаторов, во время войны при царизме — «пацифист» и умеренный интернационалист, после Февральской революции — один из вождей меньшевистско-эсеровского оборонческого блока. Активный противник коммунистической партии и советской власти, сторонник буржуазной демократии. В настоящее время эмигрант и один из руководителей меньшевистского «Социалистического Вестника». — 221.

ДЕБС, ЕВГЕНИЙ (1854 — 1926) — американский социалист, пользовавшийся наибольшей популярностью среди американских рабочих, по профессии механик-железнодорожник. В 1893 г. организовал союз железнодорожников. В 1897 г. вместе с В. Бергером организовал «Социал-демократию Америки» (в противовес «Социалистической рабочей партии» Де-Леона). Вновь организованная партия вскоре оставила первоначальную утопическую программу строительства социалистических колоний и в 1901 г. реорганизовалась по образцу европейской социал-демократии под названием «Социалистической партии Америки». Начиная с этого года до 1912 г., Д. неизменный кандидат партии на президентских выборах. Д. выступал против Американской федерации труда и в 1905 г. принимал участие в организации «Союза Индустриальных Рабочих Мира». Однако Д. не проявлял достаточной активности во внутренней политике партии, мирясь с такими действиями правого крыла, как исключение из партии Хэйвуда и других революционеров в 1912 г. С началом мировой войны Д. повел энергичную антимилитаристскую агитацию. Заявлял о своем полном сочувствии Октябрьской революции и большевизму. В 1918 г. был арестован на основании закона о шпионаже и присужден к 10 годам тюремного заключения. В 1920 г. был вновь выставлен кандидатом на пост президента и собрал 919 тысяч голосов. Амнистирован в 1921 г. Последние годы своей жизни Д. принимал мало участия в активной политической работе. Оставаясь членом социалистической партии, поддерживал лозунг единого фронта, выдвинутый коммунистами. Автор книг: «Unionisme and Socialisme, a plea for both».(«Юнионизм и социализм, в защиту того и другого) (1904), «Liberty and Industrial Unionism» («Свобода и промышленный юнионизм») (1911) и др. — **184, 185, 222, 348, 495.**

ДЗЕРЖИНСКИЙ, Ф. Э. (1877 — 1926) — один из старейших деятелей польской социал-демократии, член Главного правления с.-д. Польши и Литвы. После Стокгольмского съезда Р.С.-Д.Р.П. (1906 г.) вошел членом в общерусский Ц.К. В с.-д. движении принимает участие с начала 90-х годов, В первый раз был арестован в 1897 г. в Ковно и выслан на три года в Вятскую губ., откуда бежал. В 1900 г. вновь был арестован в Варшаве и выслан на пять лет в Вилюйск. Вновь бежал и вновь арестован в 1905 г., но вскоре революция вернула ему свободу. Подвергался новым арестам в 1907 и 1908 г.г. и был приговорен судом к поселению, но, водворенный в Енисейскую губ., бежал оттуда в 1909 г. Последний раз был арестован в 1912 г. и по двум судебным процессам приговорен к 9 годам каторги, которую отбывал в Орловском централе и в Бутырках в Москве, откуда его освободила Февральская революция. На апрельской конференции 1917 г. вошел в состав большевистского Ц.К, членом которого состоял беспрерывно. Председатель В.Ч.К. и О.Г.П.У. с первых дней Октябрьской революции, позднее народный комиссар внутренних дел, путей сообщения и председатель В.С.Н.Х. С.С.С.Р.—**124.**

ДРЕЙФУС, АЛЬФРЕД (1860—1927)—капитан французского генерального штаба, еврей. В 1895 г. был приговорен военным судом, по ложному обвинению в государственной измене, к разжалованию и пожизненной ссылке в Кайенну. Приговор был вынесен под давлением генерального штаба, руководимого монархистами и антисемитами, заинтересованными в том, чтобы скрыть действительных виновников продажи военных тайн Германии, реакционных офицеров, и нанести заодно моральный удар рес-

публиканскому режиму, дающему евреям право занимать офицерские посты. Вокруг дела Д. разгорелась политическая борьба. В 1897 г. радикальная партия во главе с Клемансо при поддержке Золя, А. Франса, Жореса подняла кампанию за пересмотр дела Д. Этот вопрос сразу приобрел ярко политический характер, поскольку под лозунгом «за и против пересмотра» шла на самом деле борьба сторонников республики с монархистами, предпринявшими несколько попыток военного переворота, и вызвал громадное возбуждение в стране, сопровождавшееся массовыми демонстрациями и т. д. В 1899 г. по делу Д. был вынесен новый обвинительный приговор. Однако под давлением общественного мнения Д. был помилован президентом в 1906 г. Высший кассационный суд окончательно реабилитировал Д. — 222, 348, 484.

ДУТОВ, А. И. (1864 — 1921) — полковник генерального штаба, атаман Оренбургского казачьего войска. В 1917 г. был председателем Всероссийского съезда казаков (7 — 17 июня) и председателем совета союза казачьих войск. Подготовлял по соглашению с Корниловым выступление в Петрограде. Член предпарламента. После 25 октября вместе с меньшевиками и эсерами организовал в Оренбурге «Комитет спасения родины и революции», который в середине ноября произвел казачью мобилизацию и арест членов военно-рев. комитета. 25 октября отряды Д. захватили власть в Оренбурге. Советские отряды, взявшие 18 января 1918 г. Оренбург, заставили Д. отойти к Верхнеудинску. В середине мая 1918 г. Д., разбитый и в этом районе, скрылся в Тургайскую степь и перешел к партизанской войне. В конце июня, в период чехо-словацкого выступления, снова начал наступать на Оренбург и 3 июня занял его вновь. Вступил в члены комитета Учредительного собрания, но уже в июле 1918 г. вошел в контакт с Сибирским правительством Вологодского и был исключен из «Комуча». Колчаковский переворот признал одним из первых, получив за это звание генерал-губернатора Оренбургского края и походного атамана казачьих войск. Оренбургская белая армия, окончательно разбитая в сентябре 1919 г., через Тургайские степи отступила в Семиречье. Здесь остатки ее были переформированы в «отряд имени атамана Д.» и под командой Бакича в марте 1920 г. интернированы в Китае. Сам Д. интернировался в Илийском уезде Цин-Цзянской провинции, Принимал участие в подавлении китайского революционного движения под Кульджей. В середине марта 1921 г. был убит. — 31, 95, 169, 221, 316.

Ж.

ЖОРДАНИА, НОЙ (КОСТРОВ) (р. 1870) — один из старейших грузинских с.-д., занимал влиятельное положение среди русских меньшевиков, участник всероссийских партийных съездов. Член I Государственной Думы от Тифлисской губ. и лидер с.-д. думской фракции, привлекался к суду за подписание «Выборгского воззвания». После Октябрьской революции глава меньшевистского правительства Грузии. Ныне заграницей продолжает интриги против С.С.С.Р. опираясь на поддержку различных буржуазных правительств. — 11.

З.

ЗАКС, Г. Д. (р. 1882) — вступил в партию с.-р. в 1905 г. Организатор Невского района и член П.К. Был неоднократно в тюрьмах и ссылке. Один из организаторов партии левых с.-р. В октябре 1917 г. член президиума Военно-Революционного комитета и член Чрезвычайной следственной комиссии вместе с Ф. Э. Дзержинским и П. И. Стучкой. Заме-

ститель председателя Городской думы (переизбранной после Октября). В 1918 г. — замнаркомпроса, заместитель председателя В. Ч. К., председатель союза советских журналистов. После восстания левых с.-р. в июле 1918 г. вышел из партии и организовал партию народников-коммунистов, вместе с которой в ноябре 1918 г. вошел в ряды Р. К. П. (б.). В 1918—22 г.г. учился в военной академии, неоднократно прерывая учебу для боевой работы на фронтах гражданской войны. Член В. Ц. И. К. нескольких созывов. С 1924 г. на хозяйственной работе. — 388.

ЗИНОВЬЕВ, Г. Е. (р. 1883) — вступил в с.-д. организацию в Елисаветграде в 1901 г., после второго съезда и раскола партии присоединился к большевикам. До 1905 г. учился в Бернском университете, продолжая партийную работу. В период первой русской революции возвратился в Петербург, где работал в Василеостровском районе и вскоре был выбран в Петербургский комитет. После ареста эмигрировал заграницу и участвовал в Лондонском съезде, где был избран членом Ц. К. В 1908 г. пытался вести работу в России, но после нового ареста принужден был эмигрировать за границу, где вошел в состав редакции «Пролетария», центрального органа большевиков, и участвовал в «Социал-Демократе». Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций. После Февральской революции вместе с Лениным возвратился в Петербург. После Октября был выбран председателем Петроградского совета. С 1919 по 1926 г. — председатель Исполкома Коммунистического Интернационала. В период подготовки октябрьского восстания и позднее З. неоднократно обнаруживал колебания; осенью 1917 г. был против восстания и отстаивал, расходясь с Лениным, «демократические» пути развития русской революции; после Октябрьской революции — сторонник коалиционного правительства социалистических партий; в 1923 — 1924 г.г. решительно выступал против «троцкизма»; в 1925 г. стал во главе «новой» оппозиции; в 1926 г. вступил в блок с Троцким. В своей книге «Ленинизм» З. подверг пересмотру основные положения ленинизма. В ноябре 1927 г. был исключен из партии. В 1928 г. признал свои ошибки и восстановлен в качестве члена В. К. П. (б.). В настоящее время работает в Центросоюзе. — 254, 335, 336, 417.

ЗОЛЯ, ЭМИЛЬ (1840 — 1902) — французский писатель, глава натуралистической школы, широко отразил в своих романах французское общество эпохи второй империи, был одним их первых художников слова, изображавших в своих произведениях жизнь промышленного пролетариата; защитник Дрейфуса. — 108.

ЗЮДЕКУМ, АЛЬБЕРТ (р. 1871) — видный немецкий с.-д.-ревизионист, сотрудник органа ревизионистов «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник»). Выдвинулся до войны как парламентский деятель и уже тогда открыто защищал социал-империалистическую точку зрения по колониальному вопросу. Сторонник тесного сотрудничества с буржуазными партиями. В годы войны — социал-империалист. Совершал поездки в Италию и в Скандинавские страны, где в публичных выступлениях и в печати пытался оправдать поведение социал-шовинистского большинства немецкой с.-д. В начале германской революции 1918 г. был прусским министром финансов; в 1920 г. вышел в отставку и отошел от политической жизни. — 494 — 497.

И.

ИВАНОВ, А. В. (у Ленина — «рабочий с Путиловского завода») ленинградский рабочий; с 1911 г. работал на Путиловском заводе и принимал участие в работе большевистской организации. В 1918 г. был председателем заводской закупочной комиссии и в конце мая приезжал к

В. И. Ленину для переговоров о снабжении продовольствием рабочих Путиловского завода. В 1919 г. перешел работать в водный транспорт. — 26.

ИГНАТОВ, Е. Н. (р. 1890) — рабочий, большевик с 1912 г. До революции работал в профдвижении. В 1913 г. принимал участие в организации московской большевистской газеты «Наш Путь». В 1914 г. был арестован за подготовку первомайской забастовки. С первых дней Февральской революции до середины 1921 г. — член Исполкома Московского совета, неоднократно выбирался в состав его президиума. В октябрьские дни — член Военно-Революционного комитета в Москве. Член В.Ц.И.К. нескольких созывов. В декабре 1918 г. был послан в числе шести делегатов В.Ц.И.К. (Раковский, Иоффе, Бухарин, Радек, Мархлевский) на первый Всегерманский съезд советов. Участвовал в профессиональной работе и был членом президиума союза Нарпит и президиума В.Ц.С.П.С. Принимал участие и в хозяйственной работе. Внутри московской партийной организации И., начиная с 1918 г., расходится с большинством в ряде организационных вопросов, отстаивая децентрализацию во взаимоотношениях центра и мест, фракций в советских органах и партийных комитетов. В 1918 г. И. вместе с другими работниками Московского совета требовал пересмотра советской конституции. Во время профсоюзной дискуссии 1920 — 1921 г.г. И. возглавлял группу московских работников, выступившую с особой платформой к X съезду партии («игнатовцы»), стоявшую посредине между «рабочей оппозицией» Шляпникова, Медведева и группой «демократического централизма» Сапронова-Осинского. Выпустил несколько печатных работ по истории Советов. — 473.

ИОФФЕ, А. А. (В. КРЫМСКИЙ) (1883 — 1927) — начал активную с.-д. работу в 1903 г. в берлинской группе содействия Р.С.-Д.Р.П. После Стокгольмского съезда 1906 г. был членом Заграничного бюро Ц.К. (меньшевистского). В 1908 г. вошел в литературную группу Троцкого и был соредактором венской «Правды». Выезжал нелегально в Россию в качестве представителя этой группы, а затем организационной комиссии по созыву съезда. В 1912 г. арестован в Одессе. До Февральской революции отбывал срок наказания на каторге и в ссылке. В 1917 г. вошел в петербургскую «межрайонку». На VI съезде партии избран членом Ц.К. Во время Октябрьской революции был членом Военно-Революционного комитета, а потом председателем Российской мирной делегации (при подписании Брестского мира). В 1918 г. назначен советским послом в Берлин, откуда германское правительство выслало его за три дня до падения монархии. В последующие годы вел главным образом дипломатическую работу: руководил мирными переговорами с Эстонией, Литвой, Латвией и Польшей, был членом президиума советской делегации на Генуэзской конференции, чрезвычайным послом в Китае и Японии. Участвовал в переговорах с Англией. Короткое время работал в качестве полпреда в Вене. Троцкист, один из руководителей троцкистской оппозиции. Последние годы своей жизни И. был тяжело и неизлечимо болен и покончил самоубийством. — 15, 243, 268.

К.

КАЛЕДИН, А. М. (1861 — 1918) — генерал, участник мировой войны В июне 1917 г. был избран атаманом Донского казачьего войска и занял враждебную позицию по отношению к Временному правительству. К июлю им было сосредоточено на Дону более 10 казачьих полков. После выступления К. на Московском государственном совещании (август 1917 г.) его имя, на ряду с именем Корнилова, стало знаменем монархической контрреволюции. В конце ноября 1917 г. при помощи «добровольцев» генерала

Алексеева начал борьбу против Советов. Рабочие восстания и поддержка, оказанная красногвардейским отрядам со стороны фронтовиков-казаков, привели в течение декабря и января к разгрому калединцев. 29 января 1918 г. войсковое правительство в Новочеркасске постановило сложить свои полномочия. К. в тот же день застрелился. — 31.

КАМЕНЕВ, *Л. Б.* (р. 1883) — в с.-д. организацию вошел в 1901 г., в первый раз был арестован в 1902 г. на студенческой демонстрации в Москве. После раскола партии в 1903 г. примкнул к большевикам, последовательно работал в Москве, Тифлисе и Петербурге. Участник третьего и пятого съездов партии. Некоторое время примыкал к бойкотистам. После ареста 1908 г. в Петербурге выехал за границу, где входил в редакцию «Пролетария» и участвовал в «Социал-Демократе». В 1910 г. был одним из инициаторов попытки примирения с Троцким и по поручению Ц.К. входил в редакцию венской «Правды» Троцкого. В начале 1914 г. был командирован Ц.К. в Россию для руководства работой с.-д. фракции Гос. думы и редакцией «Правды», был арестован на совещании большевистской с.-д. фракции с представителями партийных организаций и вместе с 5 депутатами сослан на поселение в Сибирь, откуда возвратился в Петроград после Февральской революции и вошел в редакцию «Правды». На Всероссийской апрельской конференции, на которой он выступал против «тезисов» Ленина, был избран членом Ц.К. Во время июльских дней подвергся аресту со стороны правительства Керенского, осенью 1917 г. был против восстания, отстаивая против Ленина «демократические» пути развития русской революции. После победы Октябрьской революции отстаивал коалиционное министерство из всех социалистических партий, в том числе и большевиков, и вышел из Ц.К. Принимал участие в брестских мирных переговорах. В начале 1918 г. послан в Англию для осведомления рабочих об Октябрьской революции, но после недельного пребывания в Лондоне английское правительство выслало его. На обратном пути был арестован финскими белогвардейцами и пробыл несколько месяцев в крепости. В августе Каменева удалось обменять. Председатель Московского совета в 1918 — 1926 г.г., позднее заместитель председателя Совета народных комиссаров и председатель СТО. В 1927 г. — полномочный представитель С.С.С.Р. в Италии. Борясь энергично в 1923 — 24 г.г. с «троцкизмом», в 1925 г. перешел в оппозицию («новая оппозиция»), в 1926 г. вступил в блок с Троцким и до 1928 г. являлся одним из лидеров троцкистской оппозиции. По постановлению XV съезда В.К.П.(б.) исключен из партии, вместе с другими оппозиционерами. В 1928 г. признал свои ошибки и восстановлен в качестве члена партии. В настоящее время председатель Главконцескома. — 463, 465, 468.

КАМКОВ, *Б. Д.* — политическую деятельность начал как максималист. В эмиграции был близок к В. Чернову. Во время войны занимал интернационалистскую позицию. После Февральской революции один из руководителей петроградской организации партии социалистов-революционеров, оппозиционной Ц.К. партии. После Октября — лидер партии левых эсеров. Выступал на IV съезде Советов как содокладчик по вопросу о Брестском мире. Был одним из инициаторов убийства Мирбаха и лево-эсеровского мятежа в Москве. Во второй половине 1918 г. вел повстанческую работу против немцев в Витебске, позже в Киеве. После взятия Киева Красной армией начал активную работу против Советской власти и был арестован. — 164.

КАУТСКИЙ, *КАРЛ* (р. 1854) — теоретик германской с.-д. и II Интернационала. Вступил в австрийскую с.-д. в 1874 г., примкнув к ее полуанархическому крылу, руководимому Шеем и Мостом. В начале своей литературной деятельности был противником марксизма. С 1880 г. в Цюрихе начал работу в прессе германской с.-д. Марксистом стал под непосредственным влиянием Маркса и Энгельса. В 1883 г. основал научно-

литературный журнал «Neue Zeit», редактором которого оставался до 1917 г. Под руководством Энгельса написал свои лучшие исторические работы («Томас Мор и его утопия», «Классовые противоречия во Франции в 1789 г.», «Предшественники современного социализма» (первый том) и т. д.). После смерти Энгельса издал оставшиеся рукописи Маркса, относившиеся к IV тому «Капитала» («Теории прибавочной стоимости»). Широкую известность получили его пропагандистские работы — «Экономическое учение К. Маркса», «Эрфуртская программа». Наиболее крупная экономическая работа К. «Аграрный вопрос» (1898). В 1899 г. выступил против ревизии марксизма, предпринятой его старым другом Бернштейном («Анти-Бернштейн»). До 1910 г. возглавлял вместе с Бебелем и Розой Люксембург ортодоксальную часть германской с.-д. В оценке революции 1905 г. стоял ближе к большевикам, чем к меньшевикам (статья «Движущие силы и перспективы русской революции»). Однако уже в произведениях этого периода встречается много недомолвок и прикрытых отступлений от марксизма (вопросы о диалектике, о пролетарской диктатуре и переходе к социализму, примиренческое отношение к философии Маха и т. п.). Книга «Путь к власти» (1909) была последней, в основном выражавшей точку зрения революционного марксизма. С 1910 г. К. постепенно сближается с реформистами. В годы войны старается «согласовать» лозунг защиты отечества с интернационализмом, сводя последний к бездеятельному пацифизму, и пытается затушевать вскрытые войной противоречия капиталистического общества при помощи теории ультра-империализма. Эта позиция К. получила название центризма. В 1917 г. К. был снят шейдемановцами с редактирования «Neue Zeit» и вошел в независимую социалистическую партию, стоя на ее правом фланге. После войны был одним из основателей Венского ($2^1/_2$) интернационала. В 1922 г. содействовал его возвращению в ряды II Интернационала. Последние годы является одним из самых злобных противников С. С. С. Р., печатно проповедуя необходимость новой интервенции. Новые теоретические работы К. обнаруживают полный переход его к ревизионизму. «Пролетарская революция и ее программа» (1922 г.) обосновывает новую, откровенно реформистскую программу с.-д. В «Материалистическом понимании истории» (1927 г. 2 т.т.) К. теоретически формулирует полное отречение от революционного марксизма при сохранении марксистской фразеологии. — 216, 218—224, 273, 328, 331, 412, 419, 440—444, 497, 498.

КАЮРОВ, В. Н. (р. 1876) — рабочий-металлист. Вступил в Р. С.-Д. Р. П. в Сормове в 1899 г. Со времени раскола — большевик. В 1904 — 1905 г.г. ведал нелегальной типографией и снабжением оружием, принимал участие в Сормовском вооруженном восстании. 1908 — 1910 г.г. в ссылке. В декабре 1913 г. вновь был арестован на нелегальном собрании представителей больничных касс. В 1914 г. во время объявления войны — инициатор устройства баррикад в Выборгском районе. Во время войны держал связь Выборгского района с П. К. и Ц. К. В дни февральской революции состоял в боевом штабе и позже принимал участие в организации Красной гвардии. В 1917 — 18 г.г. был членом Выборгского районного исполкома. С сентября 1918 г. — на восточном фронте. 1921—26 гг. — на хозяйственной работе. В настоящее время работает в Институте Ленина. — 138.

КЕРЕНСКИЙ, А. Ф. (р. 1881) — эсер., адвокат. Приобрел известность в качестве защитника в политических процессах; был избран от Саратовской губ. в IV Государственную Думу, где вошел во фракцию трудовиков. Социал-патриот с начала войны. После революции, состоя товарищем председателя Петроградского Совета, вопреки решению его Исполкома не давать министров в буржуазное правительство, вошел в состав последнего в качестве министра юстиции, а затем военного министра. По требованию союзных империалистских правительств организовал неудачное июньское наступление русской армии. После подавленного военной

силой июльского движения петроградского пролетариата был премьером в ряде коалиционных министерств, быстро сменявших друг друга. Безуспешно пытался войти в сделку с главкомом Корниловым. После ликвидации корниловской авантюры рабочими и солдатами, К. окончательно теряет авторитет как в глазах масс, так и среди буржуазии. В октябре сделал попытку опереться на фронт и организовать поход на Петроград. Разбитый под Гатчиной, К. бежал за границу. С тех пор в эмиграции.— 10, 27, 30, 32, 33, 51, 52, 60, 116, 117, 119, 125, 146, 147, 161, 183, 201, 206, 223, 237, 262, 283, 316, 378, 379, 391, 393, 405.

КЛЕМАНСО, Ж. (р. 1841) — французский буржуазный политик, по образованию — врач; сначала радикал, затем вождь консервативной французской буржуазии. В 1917 — 20 г.г. — премьер и военный министр, крайний шовинист, организатор оккупации Черноморского побережья (1919), вдохновитель Версальского договора, председатель Верховного экономического совета Антанты, в 1920 г. был кандидатом на президентских выборах. В 1922 г. основал реакционную газету «L'Écho Nationale», один из непримиримых врагов Советской власти. — 348, 380, 418, 499.

КОЛЕГАЕВ, А. Л. (р. 1888) — в партии эсеров с 1906 г., вел боевую и агитационно-пропагандистскую работу. После Февральской революции примкнул к левому крылу партии. Один из организаторов партии левых эсеров-интернационалистов, член Ц.К. 24 ноября 1917 г. вошел в состав Совета народных комиссаров в качестве наркомзема. В марте 1918 г. в связи с подписанием Брестского мира вышел из правительства. После лево-эсеровского мятежа 30 августа вышел из партии. В сентябре вместе с А. Биценко и А. Устиновым организовал газету «Воля Труда», сторонники которой объединились в новую «Партию революционного коммунизма». Но уже в ноябре 1918 г. К. порвал с этой партией и вступил в Р.К.П. (б). Работал в качестве начальника снабжения южного фронта и член Р.В.С. фронта. В 1920 г. был членом коллегии Н.К.П.С., с 1921 г. на хозяйственной работе. В настоящее время работает в Нефтесиндикате. — 172, 388.

КОЛОКОЛЬНИКОВ, П. Н. (ДМИТРИЕВ) (р. 1871) — правый меньшевик. В 90-х г.г. был одним из основателей Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Активный деятель профдвижения. После Стокгольмского съезда 1906 г. был членом Ц.К.Р.С.-Д.Р.П. Примыкал к ликвидаторам, был сотрудником «Нашей Зари» и оборонческого журнала «Дело» во время империалистической войны. В 1917 г. был товарищем министра труда в последнем коалиционном министерстве Керенского. В 1918 г. принимал участие в Петроградском «собрании уполномоченных фабрик и заводов», позже работал в Москве как член Совета Рабочей Кооперации и редактор «Вестника Рабочей Кооперации», в котором много писал на продовольственные темы. Выступал в качестве содокладчика по продовольственному вопросу на съезде рабочей кооперации и на II съезде профсоюзов. С 1918 г. сторонник активной борьбы против Советской власти. В настоящее время преподаватель статистики в московских вузах и Ранионе. — 53, 54.

КОЛЬБ, ВИЛЬГЕЛЬМ (1870 — 1918) — немецкий социал-демократ, ревизионист, лидер с.-д. фракции в Баденском ландтаге, редактор Баденского партийного органа в Карлсруэ «Volksfreund» («Друг Народа»). В годы войны крайний социал-империалист, выпустил в 1915 г. книжку «Социал-демократия на распутьи», смутившую своим откровенным цинизмом даже самых беззастенчивых социал-шовинистов. — 219, 375.

КОРНИЛОВ, Л. Г. (1870 — 1918) — генерал, в 1915 г. командовал дивизией в Галиции; окруженный неприятелем, сдался в австрийский плен, откуда бежал. В апреле 1917 г., будучи командующим войсками Петроградского военного округа, отдал приказ двинуть артиллерию против рабочих демонстраций; принужден был выйти в отставку по требованию Петро-

градского Совета. После июльских дней назначен верховным главнокомандующим русской армии. По требованию К. и поддерживавшего его генералитета Временное правительство восстановило смертную казнь на фронте, свело на-нет права выборных комитетов и предприняло энергичную борьбу с большевистскими настроениями в армии. Тысячи солдат были брошены в тюрьмы. В период Московского государственного совещания К. для буржуазии был самой популярной фигурой, как единственный человек, могущий водворить «порядок». В августе 1917 г. с целью установления военной диктатуры начал поход на Петроград, окончившийся для него полной неудачей. Позднее бежал на Дон, где вместе с ген. Алексеевым стал во главе Добровольческой армии, но был разбит Красной гвардией, отступил в степи и в начале 1918 г. был убит в бою под Екатеринодаром. — **28, 29, 33.**

КРАСНОВ, П. Н. (р. 1869) — генерал и монархист немецкой ориентации. Во время японской войны был военным корреспондентом, позже писал патриотические романы. В 1914 г. командовал 10-м Донским казачьим полком. В августе 1917 г. был назначен на должность командира III конного корпуса, который был двинут Корниловым на Петроград. После ликвидации корниловщины Керенский оставил К. во главе корпуса. В ноябре 1917 г. К. повторил поход на Петроград, на этот раз уже вместе с Керенским. Был взят в плен под Гатчиной, бежал из-под домашнего ареста и перебрался на Дон. Организовал «Совет Обороны» в станице Константиновской. 5 мая 1918 г. К. был избран донским атаманом, вошел в сношения с Вильгельмом и Скоропадским. К осени ему удалось под покровительством немцев сформировать почти стотысячную армию и повести широкое наступление в направлении на Воронеж и Царицын. Пытался создать Доно-Кавказский союз как самостоятельное государство под протекторатом немцев. После германской революции пытался связаться с союзниками. Однако его прежняя «немецкая ориентация» и поражения, нанесенные Донской армии красными войсками, сделали К. непригодной фигурой. 6 февраля 1919 г. он был принужден выйти в отставку, уступив место ставленникам Деникина. К активной военной деятельности больше не возвращался, но возобновил занятия беллетристикой. — **117, 118, 124, 221, 236, 316, 373.**

КРУПП, А. (1818—1887) — владелец сталелитейных заводов в Эссене. Благодаря применению стали для выделки пушек и другим усовершенствованиям, введенным К., эти заводы являлись крупнейшим в мире предприятием этого рода. На предприятиях К. в начале XX в. было занято около 80 тыс. рабочих. До войны 1914—1918 г.г. они снабжали орудиями многие государства. — **348.**

КРЮКОВ, Ф. — учитель; в 1918 г. член елецкой организации партии левых эсеров. — **172.**

Л.

ЛАДЗАРИ, КОНСТАНТИН (LAZZARI) (1857—1927) — итальянский социалист, в молодости был торговым служащим, в 1882 г. редактор газеты «Рабочий Союз»; один из организаторов рабочей партии в Милане, позже вместе с Турати руководил Социалистической лигой в Милане. На объединительном Генуэзском конгрессе 1892 г. был избран в Центральный комитет социалистической партии и в последующие годы примыкал к ее левому пролетарскому крылу, выступая против реформистов Биссолати, Турати и Тревеса. Во время войны занял центристскую позицию, выступив с формулой: «Ни саботажа ни сотрудничества по отношению к войне», и отстаивал ее в Кинтале против Ленина. В 1918 г. был однако приговорен к трем годам тюрьмы «за ослабление силы нации к сопротивлению». После войны был сторонником присоединения к Коминтерну, но при обоих расколах социалистической партии остался в рядах «максималистов». Принимал

участие в работе III конгресса Коминтерна. В 1926 г. в последний раз выступал на съезде «максималистов» с дружественными заявлениями по отношению к Коминтерну и С.С.С.Р. В 1927 г. пытался нелегально покинуть Италию, был арестован фашистами на границе и посажен в тюрьму, из которой он вышел уже больным и вскоре умер. — **131, 495.**

ЛАЦИС, М. Я. (СУДРАБС, Я. Ф.) (р. 1888) — батрак, позже народный учитель. Вступил в партию в 1905 г. в Латвии, был активным участником рабочих боевых дружин. В 1910 — 1911 г.г. вел партийную работу в Риге. В 1913 г. поступил в университет имени Шанявского в Москве. В 1915 г. пытался восстановить разрушенную провалами большевистскую организацию, вошел в состав так называемой «Тверской группы» и работал в ее типографии. Скоро был арестован и выслан в Иркутскую губернию. Бежав из ссылки в 1916 г., организовал подпольную типографию в Петербурге. В 1917 г. был членом Ц.К. и организатором боевого Выборгского района, в дни Октября — членом Военно-Революционного комитета. В годы гражданской войны был бессменным членом коллегии В.Ч.К. и непосредственным руководителем Ч.К. на чехо-словацком фронте и на Украине. В 1921 — 22 г.г. вел руководящую работу в соляной промышленности. В 1923 г. был назначен членом коллегии Наркомзема. В настоящее время работает в отделе Ц.К. по работе в деревне.— **458.**

ЛЕНИН, В. И.— 230, 270, 335, 336, 403.

ЛИБКНЕХТ, КАРЛ (1871 — 1919) — сын ветерана германской социал-демократии Вильгельма Либкнехта. Вождь германского революционного рабочего движения, трибун германской революции, один из основателей германской компартии, основоположник коммунистического движения молодежи. С самого начала своей политической деятельности примыкал к левому крылу германской с.-д., много отдавал времени работе среди молодежи. В 1907 г. выпустил книгу «Militarismus und Antimilitarismus» («Милитаризм и антимилитаризм»), за которую отбыл $1^1/_2$ года тюремного заключения. На заседании фракции рейхстага 4 августа 1914 г. остался верен революционным заветам Интернационала и выступил против голосования военных кредитов, но тем не менее 4 августа под давлением партийной дисциплины голосовал вместе со всеми за кредиты. Во время следующего голосования военных кредитов 2 декабря 1914 г. Л. — единственный депутат, подавший свой голос против. Вместе с Ф. Мерингом, Р. Люксембург и К. Цеткин поместил в швейцарской с.-д. печати в конце октября 1914 г. заявление о несогласии с официальной позицией германской социал-демократии и был одним из основателей группы «Интернационал» и одним из авторов «Писем Спартака». В течение 1915 г. Л. в рейхстаге своими речами и «маленькими запросами» неутомимо разоблачал германский империализм. 4/I — 1916 г. он произнес речь об осадном положении и о положении населения в оккупированных немцами областях. Будучи мобилизованным, он не имел возможности приехать на Циммервальдскую конференцию, но прислал письмо, в котором он требовал «беспощадного суда над перебежчиками», заявлял, что III Интернационал может быть построен только на обломках II Интернационала и закончил его словами: «не гражданский мир, а гражданская война, — вот наш лозунг». В 1916 г. организовал первомайскую демонстрацию в Берлине, на которой раздавал прокламации против войны; был арестован и приговорен к двум с половиной годам каторжной тюрьмы, откуда его освободила ноябрьская революция 1918 г. После победы большевиков в России, Л., находясь в тюрьме, одним из первых в Германии стал на сторону русской революции, призывая рабочих организовать Советы по русскому образцу. Во время восстания берлинских рабочих в январе 1919 г. стоял во главе движения; будучи членом революционного комитета, после его ликвидации был арестован правительством Шейдемана и убит германскими офицерами. — **222, 250, 259, 302, 384, 418, 419, 477, 481, 484, 494, 497, 498.**

ЛИТВИНОВ, М. М. (ПАПАША, ФЕЛИКС) (р. 1876) — видный большевик. Впервые занялся революционной пропагандой в рабочих кружках в 1898 г. В 1901 г. был арестован. В тюрьме примкнул к искровцам, бежал из тюрьмы, эмигрировал в Швейцарию, и был членом «Заграничной лиги революционной с.-д.». После II съезда Р.С.-Д.Р.П. примкнул к большевикам, в рядах которых работает непрерывно до сего дня. В начале 1903 г. вернулся нелегально в Россию. Работал в качестве агента Ц.К. — уполномоченного для Северо-Западного края, имея «штаб-квартиру» в Риге и заведуя «границей». Одновременно состоял членом Рижского комитета партии. В качестве члена Б.К.Б. участвовал на конференции северных комитетов. От Рижской организации участвовал в качестве делегата на III съезде партии в Лондоне. Летом 1905 г. подготовлял приемку оружия, заказанного в Англии. Осенью 1905 г. был вызван Ц.К. в Петербург для постановки вместе с Красиным газеты «Новая Жизнь». В 1906 г. бежал за границу. В 1907 г. вернулся в Россию, но вскоре вновь эмигрировал. В 1907 г. был делегатом и секретарем российской делегации на Международный конгресс в Штутгарте. Состоял секретарем Лондонской группы большевиков, участвовал в Бернской конференции заграничных групп в 1912 г. Состоял делегатом от большевистской секции при Международном социалистическом бюро. На конференции социалистов Антанты (1915 г.) от имени Ц.К. протестовал против поддержки социалистами войны и ушел с конференции. После Октябрьской революции — первый полпред в Англии, в 1918 г. был арестован в качестве заложника и обменен на Локкарта. Участвовал в делегации и состоял председателем делегации в Гааге (1922 г.). В 1927 — 1928 г.г. — председатель советской делегации в подготовительной комиссии к конференции по разоружению. Заместитель народного комиссара иностранных дел. — 96.

ЛОНГЭ, ЖАН (р. 1876)— член Французской социалистической партии, адвокат, в годы войны занимал пацифистскую позицию, однако неизменно голосовал за военные кредиты. Основатель и редактор газеты «Le Populaire» («Народник»). Вождь центристской оппозиции внутри партии (миноритеры). На Страсбургском конгрессе в 1918 г. большинство французской партии перешло на позицию Л., который стал ее идеологом и редактором «L'Humanité». После Турского конгресса в 1920 г., где победили коммунисты, Л. вышел вместе со своими сторонниками из партии и затем примкнул к Венскому $2^1/_2$ Интернационалу; ныне возвратился во II Интернационал. —194, 347, 374, 376, 385, 390.

ЛОРИО, Ф. — учитель, до войны долгое время был главным казначеем Французской социалистической партии. Один из инициаторов и руководителей «Комитета для возобновления интернациональных связей» (в 1919 г.). Сыграл большую роль в организации французской компартии и «Комитета III Интернационала». Почти весь 1920 г. просидел в тюрьме по обвинению в государственной измене, но судом присяжных был оправдан. Делегат II, III и IV конгрессов Коминтерна. С 1923 г. стал отходить от компартии, расходясь с ней по вопросам о производственных ячейках, об антимилитаристской пропаганде во время войны в Марокко и о троцкистской оппозиции. В 1927 г. окончательно порвал с партией и примкнул к троцкистской группе Моната, в своих выступлениях скатился к чистому синдикализму. — 495.

ЛЮБЕРСАК-ДЕ, ЖАН, — французский лейтенант, аристократ и монархист, входил в состав французской военной миссии, находившейся в России в 1917 — 18 г.г. Беседа Вл. И. с ним происходила 27 (14) февраля 1918 г. — 182.

ЛЮКСЕМБУРГ, РОЗА (1870 — 1919) — вождь и идеолог польского и германского революционного рабочего движения, крупный теоретик левого крыла II Интернационала, практический работник германского, польского и русского рабочего движения, автор ряда теоретических работ («На-

копление капитала» и др.) В 1893 г. принимала участие в основании «Социал-Демократии Царства Польского» (позже «С.-д-ии Польши и Литвы»). Участвовала на конгрессе II Интернационала в Цюрихе в 1893 г., вела неутомимую борьбу на страницах польской и германской печати с польскими национал-социалистами из П.П.С. С 1897 г. принимала активнейшее участие в германском с.-д. движении. Находилась всегда на левом крыле партии и вела борьбу с бернштейнианством и мильеранизмом. В 1905 г. работала в Варшаве. На основании опыта русской революции написала в 1906 г. брошюру «Всеобщая стачка». Принимала участие в Лондонском съезде Р.С.-Д.Р.П. в 1907 г., где шла вместе с большевистской фракцией. С самого начала империалистской войны заняла интернационалистскую позицию и выпустила вместе с Ф. Мерингом и К. Цеткин один номер журнала «Интернационал»; автор «Руководящих положений», платформы интернационалистов, принятой на Всегерманском совещании группы «Интернационал» (К. Либкнехт, Меринг, Тальгеймер и др.) в январе 1916 г. В апреле 1916 г. написала (в тюрьме) под псевдонимом Юниус брошюру «Кризис социал-демократии», где указала на распад II Интернационала и на необходимость образования III Интернационала. После ноябрьской 1918 г. революции в Германии развила широкую коммунистическую агитацию, вместе с К. Либкнехтом основала и редактировала «Rote Fahne», в декабре 1918 г. руководила учредительным съездом коммунистической партии Германии. После восстания берлинских рабочих 15 января 1918 г. убита германскими офицерами. Ленин, всегда высоко ценивший Л., посвятил ей, в то же время, ряд полемических статей, выступая против некоторых ее ошибок, в частности против ее позиции в национальном вопросе. — 146, 344, 477, 481, 484, 494, 498.

М.

МАКДОНАЛЬД, РАМСЕЙ (р. 1866) — один из вождей II Интернационала, вождь Английской рабочей партии, теоретик конструктивного социализма. В начале 90-х гг. примкнул к фабианцам. В 1893 г. был одним из основателей независимой рабочей партии (I.L.P.). В 1900 г. секретарь Комитета по рабочему представительству (будущей рабочей партии). С 1906 г. депутат парламента. В годы войны пацифист, один из инициаторов Лондонской конференции социалистов стран согласия. Участвовал в 1921 г. в Венской конференции $2^1/_2$ Интернационала. В 1924 г. (январь — ноябрь) и с мая 1929 г. премьер «рабочего» министерства, проводящего умеренно-либеральную политику. — 218, 374, 376, 385, 390.

МАКЛИН, ДЖОН (MACLEAN) (1874 — 1923) — английский социалист, один из вождей шотландской «Социалистической рабочей партии», отделившейся в 1903 г. от «Социал-Демократической Федерации», руководимой Гайндманом. «Социалистическая рабочая партия» стояла на точке зрения американского социалиста Де-Леона. С первых дней войны М. занял последовательно интернационалистскую позицию, вскоре был арестован и отстранен от должности учителя. Издававшийся им орган «Авангард» подвергся запрещению. Руководил стачками в г. Клайде (февраль 1915 г.), в которых участвовали десятки тысяч рабочих предприятий военного снабжения. Принимал участие в движении фабричных старост (Chop stewards) и в руководстве «Шотландской жилищной ассоциации», которая провела «забастовку квартиронанимателей» и заставила правительство принять закон, запрещавший повышение квартирной платы. Был дважды осужден на каторгу (в апреле 1916 г. на 3 года и в 1918 г. на пять лет). В обоих случаях под давлением рабочих масс был освобожден раньше срока (в первый раз через 15 месяцев, во второй через 7 месяцев). В 1917 г. был избран почетным товарищем председателя Петроградского совета

В 1918 г. Наркоминдел назначил его советским консулом в Глазго, но британское правительство не дало ему возможности вести эту работу. В 1920 г. вместе с шотландской С. Р. П. вошел в ряды английской коммунистической партии. Работал над организацией шотландского рабочего университета. В 1921 г. был вновь присужден к годичному тюремному заключению, которое окончательно подорвало его силы.— 96, 222, 419, 495.

МАКСИМОВ, К. Г. (1894) — рабочий-столяр, вступил в Р.С.-Д.Р.П. (большевиков) в 1914 г. в Самаре, был секретарем союза строителей, участвовал в организации протеста против ареста 5 депутатов Гос. Думы. Был арестован и провел два года в тюрьме. С начала Февральской революции работал в Москве как член правления союза деревообделочников, один из руководителей большевистской фракции и член Исполкома, член президиума (с сентября) Московского совета. Участвовал на I съезде Советов, на Московском и Петроградском («демократическом») государственных совещаниях, в предпарламенте. В октябре был начальником военной разведки, останавливал двинутые Керенским с фронта войска в Гжатске и Вязьме. В 1918 — руководитель продовольственного дела в Москве, в 1919 г. — Чусоснабарм Восточного фронта, 1920 — 1922 г.г. работал на руководящей хозяйственной работе на Урале и в Донбассе. 1923 — 1925 — член президиума В.С.Н.Х. С.С.С.Р. и председатель В.С.Н.Х. Украины. С октября 1926 г. — зам. Наркомторга С.С.С.Р. Постоянный участник советских съездов и член В.Ц.И.К., В.У.Ц.И.К. и Ц.И.К. С.С.С.Р.— 325, 327, 329, 330.

МАЛЬВИ, ЖАН - ЛУИ (р. 1875) — радикал-социалист, адвокат. В 1913 — 14 г.г. был министром торговли в кабинете Думерга, в 1914—17 г.г.— министром внутренних дел в кабинете Вивиани, Бриана и Рибо. В связи с волнениями на фронте (май — июнь) осенью 1917 г. был обвинен реакционерами в государственной измене (выдача противнику военных планов) и в попустительстве антимилитаристской пропаганде. Был арестован правительством Клемансо и приговорен верховным судом (август 1918 г.) к пятилетнему изгнанию без поражения в правах (первое обвинение было опровергнуто). Оставался в Испании до 1924 г., когда был реабилитирован правительством Эррио. После возвращения во Францию — председатель фракции радикал-социалистов и финансовой комиссии парламента. В 1925 г. вел переговоры с Примо-де-Ривера о совместных действиях Франции и Испании в Марокко. В 1926 г. — опять министр внутренних дел в кабинете Бриана. — 194.

МАРКС, К. — см. его биографию, написанную В. И. Лениным в 1914 г. (XVIII том Сочинений). — 82, 90, 97, 108, 219, 222, 276, 302, 310, 322, 324, 337, 347, 352, 353, 357, 360, 371, 375, 379, 383, 387, 391, 401, 402, 407, 410, 441, 443, 444, 481, 496.

МАРТОВ, Л. (ЦЕДЕРБАУМ, Ю. О.) (1873—1923)— один из лидеров меньшевизма. В 1893—95 г.г. работал в Виленской с.-д. организации; в 1894 г. редактировал брошюру А. Кремера: «Об агитации». В 1895 г. произнес речь в день 1 мая, вышедшую отдельной брошюрой под заглавием «Поворотный пункт в еврейском рабочем движении», в которой высказался за создание «специально еврейской рабочей организации», предвосхитив организационную линию Бунда. В октябре-ноябре 1895 г. вместе с Лениным, Кржижановским и др. принимал участие в организации Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В начале января 1896 г. был арестован и после тюремного заключения сослан в Туруханск на 3 года. В 1900 г. вернулся из ссылки и вместе с Лениным и Потресовым участвовал в «Псковском совещании», на котором было принято решение об издании «Искры». Весной 1901 г. приехал в Мюнхен и вошел в состав редакции «Искры» и «Зари». На II съезде Р.С.-Д.Р.П. в 1903 г. М. стал во главе меньшинства. В 1905 г., после манифеста 17 октября, вернулся в Россию, работал в ноябре-декабре в Совете рабочих депутатов и в редак-

ции меньшевистской газеты «Начало». В 1906 г. был арестован и выслан заграницу. Оттуда продолжал руководить меньшевистской фракцией во время выборов во II Государственную Думу. Вначале колебался в вопросе о предвыборных соглашениях, под влиянием Плеханова стал поддерживать блок с кадетами. В годы реакции редактировал «Голос Социал-Демократа» и поддерживал ликвидаторов. В конце 1913 г. М. вернулся в Россию и в качестве редактора «Рабочей Газеты» боролся против большевиков. Во время войны занял вначале интернационалистскую позицию, но затем скатился к центризму. Он участвовал в Циммервальдской и Кинтальской конференциях (центр) и до апреля 1916 г. входил в редакцию «Нашего Слова», издававшегося в Париже. После Февральской революции М. проехал с группой меньшевиков интернационалистов через Германию в Россию. В первый период революции М. стоял на интернационалистской позиции и часто расходился по ряду вопросов с большинством своей партии. На втором съезде советов отстаивал необходимость образования правительства из представителей всех социалистических партий; остался на съезде после ухода меньшевиков и правых эсеров. Вскоре, однако, целиком перешел в стан врагов Советской власти. В 1920 г. М. эмигрировал в Берлин, где редактировал «Социалистический Вестник», центральный орган меньшевиков. Принимал близкое участие в организации $2^1/_2$ Интернационала. — **53, 156, 358, 359, 361, 362, 453.**

МАСЛОВ, П. П. (р. 1867) — участник ранних марксистских кружков, экономист, автор ряда работ по аграрному вопросу, ревизионист. Участник первой легальной с.-д. газеты «Самарский Вестник». В 1903 г. вышел его «Аграрный вопрос» (т. I); тогда же, под псевдонимом Икса, М., в брошюре «Об аграрной программе» выступил против аграрной части проекта программы Р.С.-Д.Р.П., принятой затем II съездом. После раскола примкнул к меньшевикам и оставался постоянным сотрудником меньшевистских легальных и нелегальных изданий. В период первой революции выдвинул проект «муниципализации» земли, как программное требование социал-демократии, и на Стокгольмском IV съезде в 1906 г. защищал его против отстаиваемой Лениным «национализации». В 1907 г. работал в с.-д. фракции II Гос. Думы в качестве «сведущего лица». В годы реакции, принадлежал к группе литераторов-легалистов, принимал активное участие в органе ликвидаторов «Наша Заря». В 1908 г. выпустил 2-й том «Аграрного вопроса». Во время мировой войны занял социал-империалистическую позицию. Защищал свою точку зрения в либеральных газетах доводами экономического характера, доказывая необходимость для русского пролетариата полной победы над Германией. После революции 1917 г. активной политической роли не играл; с 1923 г. работает в Москве. С 1929 г. член Академии наук. — **218, 219, 387, 388, 392, 399, 400, 401.**

МАСЛОВ, С. Л. (р. 1873) — социалист-революционер правого крыла, экономист, кооператор. В 1906 г. редактировал «Крестьянскую Газету» в Казани; в 1907 — 1910 член редакции нелегального органа с.-р. «Земля и Воля»; в 1913, после отбытия трехлетнего заключения в крепости, работал в кооперативных организациях в Москве. В 1917 г. член Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов и товарищ председателя Главного земельного комитета. 5 сентября был назначен министром земледелия (на смену Чернову). Подготовлял для Временного правительства и позже для Учредительного собрания проекты законов по земельному вопросу. После Октябрьской революции и до настоящего времени работает в различных организациях сельско-хозяйственной кооперации. Главные работы — «Крестьянское хозяйство. Очерки экономики мелкого земледелия» (1917 г.), «Экономические основы с.-х. кооперации» (1928 г.). — **393, 395, 400.**

МЕРИНГ, Ф. (1846 — 1919) германский левый социал-демократ, потом коммунист, историк, теоретик и журналист. В начале своей публицистической деятельности вел борьбу с немецкими социал-демократами, однако

будучи еще буржуазным демократом, в 1871 г. протестовал против аннексии Эльзаса и Лотарингии; в эпоху «исключительного закона» боролся против последнего. В конце 80-х годов, М. примкнул к с.-д. партии, сразу заняв в ней выдающееся положение, как крупнейший публицист. В 90-х годах выступал с рядом политических памфлетов по адресу вождей буржуазных партий и принимал участие в кампании против ревизионистов. Состоял членом редакции теоретического органа партии «Neue Zeit» («Новое Время»). С 1901 г. редактировал «Leipziger Volkszeitung» («Лейпцигскую Народную Газету»), которая была под его руководством одним из лучших органов революционного марксизма. Перед войной М. вел борьбу против политики большинства и каутскианского центра вместе с Р. Люксембург, К. Либкнехтом и К. Цеткин. С самого начала империалистской войны М. без колебаний солидаризировался с Либкнехтом. В декабре 1914 г. одновременно с ним поместил в «Labour Leader» открытое письмо к английским рабочим, в котором говорил о нарастающем движении масс против предательства с.-д. вождей. После выпуска первого номера журнала «Интернационал» семидесятилетний М. был арестован (18 августа 1915 г.). По выходе из тюрьмы вел работу в группе «Интернационал» как один из ее идейных руководителей, сотрудничал в ее нелегальном органе «Письма Спартака». После победы пролетариата в России выступил как горячий защитник Октябрьской революции и тактики большевиков от нападок со стороны Каутского и русских меньшевиков. С образованием германской коммунистической партии М. вошел в ее ряды. Главнейшие научные и публицистические труды Ф. Меринга: «История немецкой с.-д.», биография К. Маркса», и богатейшие комментарии к изданным им трем томам «Литературного наследства Маркса и Энгельса» (четвертый том содержит письма Лассаля к Марксу), ряд историко-критических работ по немецкой литературе («Легенда о Лессинге», «О Шиллере» и др., ряд статей по философии марксизма — против кантианства. — 94, 131.

МИЛЮКОВ, П. Н. (р. 1859) — лидер, к.-д. партии, вождь русского либерализма, русский историк, профессор. В эпоху I Думы кадетами намечался премьером «ответственного министерства». Во время войны — идеолог русских империалистов, сторонник аннексии Дарданелл, Галиции, Восточной Пруссии и Армении, ярый враг интернационализма. Во время Февральской революции отстаивал романовскую монархию во главе с Михаилом. Во Временном правительстве первого состава М. занял пост министра иностранных дел. Его нота 18 апреля 1917 г. о верности Временного правительства договорам Николая II с союзниками вызвала дружный протест рабочих (апрельский кризис), и М. вынужден был подать в отставку. Идеолог корниловщины в августе 1917 г. После Октябрьской революции вдохновитель контр-революционных выступлений против Советской России. Сторонник свержения Советской власти при помощи иноземных штыков. В дни Скоропадского резко изменил антантовскую ориентацию на германскую и искал помощи у кайзера, но германская революция расстроила его планы. После победы советских войск на фронтах гражданской войны М. поселился в Париже. Редактирует лево-кадетскую газету «Последние Новости». Стал во главе «демократической группы» кадетской партии. — 119, 156, 164, 200, 201, 219, 288, 369.

МИРБАХ, ВИЛЬГЕЛЬМ (1871 — 1918) — граф, германский дипломат. В декабре 1917 г. во время брест-литовских мирных переговоров возглавлял германскую миссию в Петрограде. В апреле 1918 г. был назначен германским посланником в Москву. 6 июля был убит левым эсером Блюмкиным с целью обострить отношения Р.С.Ф.С.Р. с Германией и спровоцировать Советы на «революционную войну». — 116, 136, 142, 144, 148.

МОЧЕНОВ, И. — левый эсер, в 1918 г. был товарищем комиссара финансов в Ельце. Участник саратовской конференции левых эсеров, высказавшейся против мятежа 1918 г. — 172.

МУРАВЬЕВ, М. А. (ум. 1918) — подполковник царской армии. В первый период Февральской революции был организатором ударных батальонов и представителем Всероссийского добровольческого комитета, во время корниловщины сблизился с левыми эсерами, после Октября перешел на сторону Советской власти и участвовал в защите Петрограда от наступления Керенского и Краснова, как главнокомандующий Петроградским военным округом. Командовал войсками, действовавшими против украинской Центральной рады. После взятия Киева был главнокомандующим южных армий, остатка прежнего румынского фронта, отбил румынское наступление на Одессу. В июне 1918 г. был назначен командующим на чехо-словацком фронте. Для поддержки лево-эсеровского мятежа в Москве пытался поднять мятеж и заключить соглашение с чехами. Послал телеграмму с объявлением войны германскому посольству и хотел двинуть войска на Москву. Был убит 11 июля 1918 г. в Симбирске в самом начале своей авантюры. — 392, 438.

Н.

НАПОЛЕОН I (БОНАПАРТ) (1769 — 1821) — французский император (1804 — 1814). — 222.

НИКОЛАЙ I (1796—1855) — 315.

НИКОЛАЙ II РОМАНОВ (1868 — 1918) — последний русский император (1894 — 1917). — 27, 30, 33, 106, 259, 260.

НОБС, ЭРНЕСТ (р. 1884) — швейцарский социал-демократ, учитель, затем редактор газет в Люцерне и Сен-Галлене, депутат. С 1915 г. редактор лево-социалистической газеты «Volksrecht» («Народное Право») в Цюрихе. Участвовал на Кинтальской конференции, где примыкал к Циммервальдской левой. В 1918 г. участник третьей Циммервальдской конференции (в Стокгольме). В июле 1920 г. поместил в «Volksrecht» серию статей о Советской России, вышедших отдельной брошюрой (под заглавием «Sovjet Russland»). В декабре 1920 г. во время раскола швейцарской партии под предлогом несогласия с 21 условием Коминтерна остался с центристами и был одним из видных деятелей $2^1/_2$ Интернационала. В 1926 г. содействовал возвращению швейцарской с.-д. партии в II Интернационал. — 376.

НЭН, ШАРЛЬ (р. 1874) — швейцарский социал-демократ, адвокат, национальный советник, с 1911 г. депутат, редактор лозаннской с.-д. газеты «La Sentinelle» («Часовой»), позднее «Droits du peuple» («Права Народа»). В молодости был рабочим механиком, потом часовщиком. До войны был известен своей антимилитаристской деятельностью. В годы войны интернационалист, участник Циммервальдской и Кинтальской конференций, где примыкал к Циммервальдской левой и был членом Интернациональной социалистической комиссии. С тех пор откатился далеко направо и в деле об убийстве Воровского занимал позицию, враждебную С.С.С.Р.— [illegible]

О.

ОСТРОГОРСКИЙ, М. Я. (р. 1852) — юрист, специалист по государственному праву. Главный труд О. — «Демократия и политические партии» (на французском языке, 1-е изд. — 1903 г., второе — 1912 г.), — единственная в своем роде книга, подвергающая детальному критическому анализу деятельность и организацию буржуазных политических партий Англии и С.А.С.Ш. Дополнением к нему является серия статей О. о новейшей эволюции английского государственного строя («Вестник Европы» 1913 г. № 9 — 12). Был членом I Гос. Думы от Гродненской губ. (беспартийный).

Принимал участие в работе комиссий о личной неприкосновенности и по составлению наказа. Выступал с речью о белостокском погроме. После разгона Первой Думы к политической деятельности не возвращался. В 1927—29 г.г. русский перевод книги «Демократия и политические партии» издан Комакадемией. — 411.

П.

ПАДЕРИН — меньшевик, выступал 27 июня 1918 г. на 4 конференции фабрично-заводских комитетов в Москве как содокладчик от меньшевиков и эсеров по докладу В. И. Ленина о продовольственном вопросе и текущем моменте. — 92, 95.

ПЛЕХАНОВ, Г. В. (1856—1918) — основоположник русского марксизма, основатель группы «Освобождение Труда». Вел в 90-х г.г. энергичную борьбу с бернштейнианством и его отражением на русской почве — «экономизмом». В 900-х г.г. становится одним из редакторов «Искры» и «Зари». После раскола на II съезде партии в 1903 г. примкнул первоначально к большевикам, затем к меньшевикам, но вскоре ушел и от них. После поражения декабрьского восстания 1905 г. выступил с пресловутым заявлением «не надо было браться за оружие». Во время избирательной кампании во II Государственную Думу занимал крайнюю правую позицию среди меньшевиков, неизменно толкал их к блоку с кадетами, выдвинув в противовес Учредительному собранию лозунг полновластной Думы. С нарождением ликвидаторства, в борьбе с ним, снова сблизился с большевиками. С начала империалистической войны П. занял крайнюю социал-шовинистскую позицию (антантовской ориентации). Выпустил шовинистский сборник статей «О войне». Вместе с Г. Алексинским и правыми эсерами издавал в Париже оборонческий журнал «Призыв», рекомендовал русским рабочим в кадетских «Русских Ведомостях» воздержаться от стачек и прекратить борьбу с царизмом во имя победы над Германией. После Февральской революции П. возобновил в Петрограде издание газеты «Единство», в которой настаивал на войне до полной победы и на отказе рабочих от классовой борьбы. После Октябрьской революции плехановцы во время гражданской войны всюду боролись против Советской России. Сам П. в последние месяцы своей жизни, оставаясь попрежнему противником Советской власти, говорил, что «нельзя подымать оружие против рабочего класса, если он даже заблуждается». — 291, 335, 336, 365, 375, 387.

ПОТРЕСОВ, А. Н. (СТАРОВЕР) (р. 1869) — один из лидеров меньшевизма, литератор. Примкнул к марксизму в 90-х г.г., был близок к легальным марксистам. В 1895 г. участник «Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Содействовал легальному изданию книги Бельтова (Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и марксистского сборника «Материалы к истории нашего хозяйственного развития» (со статьей Ленина (Тулина)). В 1898 г. сослан в Вятскую губ., откуда сотрудничал в марксистских журналах «Новое Слово» и «Начало». По отбытии ссылки эмигрировал в 1900 г. за границу и вместе с Лениным участвовал в организации «Искры» и «Зари». На II съезде Р.С.-Д.Р.П. (1903 г.) примкнул к меньшевикам и с тех пор оставался одним из виднейших сотрудников и руководителей меньшевистских изданий. После революции 1905 г. оставался в России и играл руководящую роль в легальных меньшевистских органах печати («Наша Заря»). Один из вождей ликвидаторства. В 1908 г. редактировал с Мартовым и Масловым пятитомник «Общественное движение в России в начале XX века». Во время войны один из наиболее откровенных защитников социал-патриотизма. Участник сборника «Самозащита», член редакции журналов «Дело» и «Наше Дело». Идейный руководитель

«гвоздевцев», давший в наиболее законченной форме идеологическое обоснование оборончества. В 1917 г. играл руководящую роль в буржуазной газете «День», которая вела бешеную кампанию против большевиков. Работал при Советской власти в Главархиве и в Институте Маркса и Энгельса. С 1926 г. — в эмиграции. Стоит на крайнем правом фланге меньшевизма, ближайший сотрудник еженедельника Керенского «Дни» и редактор «Библиотеки Демократического Социализма». — **219, 372.**

ПРОШЬЯН, П. П. (1883 — 1918) — социалист-революционер, член боевой организации партии. В 1917 г. редактор газеты «Социалист-Революционер» в Гельсингфорсе. После Октябрьской революции был членом Ц. К. партии левых эсеров, членом В. Ц. И. К. II созыва и наркомом почт и телеграфов. Вышел из Совнаркома после Брестского мира. Принимал участие в июльском мятеже левых эсеров. Позднее активной политической роли не играл и хотя оффициально не вышел из партии, но не поддерживал контр-революционной политики ее активистского крыла. — **392, 438, 439.**

Р.

РАСКОЛЬНИКОВ (ИЛЬИН), Ф. Ф. (р. 1892) — вступил в партию, будучи студентом, в 1910 г. в Петербурге. В 1911 — 14 г.г. был ближайшим сотрудником «Звезды», «Правды» и журнала «Просвещение». Во время войны прошел гардемаринские классы. В 1917 г. был тов. председателя Кронштадтского совета и редактором «Голоса Правды». После июльских дней был арестован Временным правительством и посажен в «Кресты». В Октябре принимал участие в боях под Пулковым. В 1918 г. был замнаркома по морским делам, в июне ездил с секретным поручением Совнаркома в Новороссийск для принятия мер, чтобы Черноморский флот не стал добычей империалистов. Затем командовал Красной Волжской флотилией. Был членом Реввоенсовета Республики. В декабре 1918 г. во время разведки в Балтийском море попал в плен к англичанам. Просидел 5 месяцев в Брикстонской тюрьме в Лондоне и был освобожден в обмен на английских офицеров. В 1919—1920 г.г. командовал волжско-каспийской военной флотилией, отстоявшей Астрахань и отогнавшей англичан из Энзели, затем был командующим Балтийским флотом. В 1921 — 1923 г.г. работал в качестве полпреда в Афганистане (вторично ездил туда в 1926 г.). С 1924 г. ведет литературную работу. В настоящее время председатель Главреперткома и редактор журнала «Красная Новь». — **98.**

РЕННЕР, К. (ШПРИНГЕР, КАРНЕР) (р. 1871) — один из лидеров австрийской социал-демократии. Литератор, депутат рейхсрата. В годы войны — социал-шовинист. После ноябрьской революции 1918 г. и до 1921 г. — первый канцлер Австрийской республики и ее представитель на Сен-Жерменской конференции. Боролся против стремлений рабочих к социализации средств производства, отстаивая классовое сотрудничество с буржуазией. В настоящее время председатель «Arbeiterbank'а» и член правления Руссавторга. Один из основоположников теории «культурно-национальной автономии». Главные работы: «Die soziale Funktionen der Rechtsinstitute» («Социальные функции права», русский перевод 1923 г.), под псевдонимом Карнера, «Selbstbestimmungsrecht der Nationen» («Право наций на самоопределение») (1918), «Oesterreichs Erneuerung» («Обновление Австрии») (1919), «Die Wirtschaft als Gesammtprozess und die Sozialisierung» («Хозяйственный процесс и социализация») (1924). — **189, 440—443, 494.**

РЕНОДЕЛЬ, ПЬЕР (р. 1871) — видный французский социалист, один из лидеров партии, член ее Ц. К., в 1902 г. редактировал в Руане газету «Le peuple» («Народ»), в 1904 — 05 г.г. секретарь редакции «La Vie Socialiste» («Социалистическая Жизнь»), с 1908 г. работает в «Humanité» («Человечество»), редактором которой становится после смерти Жореса

в 1914 г. до перехода ее к Ф.К.П., член палаты депутатов с 1914 по 1919 г. В годы войны социал-патриот, сторонник «войны до конца», т.-е. до разгрома Германии, что он постоянно пропагандировал в «Humanité», прикрывая свой шовинизм громкими фразами о демократии, освободительном характере войны и пр. Вел упорную борьбу с левыми и циммервальдистами, доходя в ней до таких приемов, как представление на национальном конгрессе французской социалистической партии подложной резолюции Кинтальской конференции. В настоящее время стоит на правом крыле Французской соц. партии. Член Исполкома II Интернационала.— 189, 215, 224, 247, 374, 380, 385, 442, 495, 497.

РИХТЕР, Е. (1838 — 1906) — один из лидеров немецкой партии свободомыслящих, выражавшей взгляды либеральной буржуазии, яростный противник социализма, автор памфлета «Социал-демократические картинки будущего»; с 1871 г. — член рейхстага; с 1885 г. редактировал «Freisinnige Zeitung» («Свободомыслящая Газета»). Германские с.-д-ты, в частности Бебель, посвятили полемике с антисоциалистической пропагандой Р. много устных и печатных выступлений. — 373.

РИЦЛЕР — доктор, чиновник германского министерства иностранных дел, исполнял обязанности германского дипломатического представителя в Москве в июне 1918 г. после убийства Мирбаха. — 141.

РОДБЕРТУС-ЯГЕЦОВ, КАРЛ (1805 — 1875) — немецкий экономист, крупный прусский землевладелец. Создал своеобразную «теорию трудовой стоимости», с тем, однако, крупным методологическим недостатком, что придал своим категориям внеисторический (вечный) характер. Был одним из главных теоретиков «государственного социализма». Наиболее полное и подробное изложение взглядов Р. содержится в его «Социальных письмах к Кирхману» (вышли в 1850 — 1855 г.г.).— 401.

РУДАКОВ — член елецкой организации партии левых эсеров. — 172.

С.

САВИНКОВ, Б. В. (1879 — 1925). — Революционную деятельность начал как социал-демократ. В 1901 г. входил в группу пропагандистов «Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и после ареста был выслан в Вологду. Во время пребывания в ссылке из марксиста превратился в народника и примкнул к социалистам-революционерам, войдя в 1903 г. в состав «Боевой организации» П.С.-Р. Принимал ближайшее участие в убийстве министра Плеве (1904 г.) и в. князя Сергея Романова (1905 г.). По своей террористической работе был близко связан с известным провокатором Азефом. Деятельность С. всегда, даже в пору его искреннего увлечения революцией, носила в себе много элементов спорта и авантюризма. В годы реакции занялся беллетристикой (псевдоним В. Ропшин) и написал несколько романов из жизни революции, проникнутых мистицизмом и разочарованием в революционном движении. Во время войны — оборонец, пошел добровольцем во французскую армию, корреспондировал в патриотические газеты. Летом 1917 г. — комиссар при ставке, помощник военного министра (Керенского), играл роль посредника между Керенским и Корниловым по подготовке контр-революционного переворота и энергично содействовал Корнилову. После Октябрьской революции — активный враг Советской власти, организатор белогвардейских заговоров и восстаний, эмигрант. В 1924 г. арестован при переходе границы С. С. С. Р. На суде отказался от борьбы с Советской властью. Приговорен к лишению свободы на 10 лет. В 1925 г. покончил самоубийством. — 119, 172, 219, 221, 372, 391.

САДУЛЬ, ЖАК (р. 1881) — адвокат, сын участницы Парижской Коммуны, очень рано вступил в социалистическую партию, работал как се-

кретарь федерации в департаменте Вьенны. Будучи мобилизован во время войны, в качестве сотрудника социал-шовиниста А. Тома, министра снабжения, ведал сношениями с профорганизациями. В сентябре 1917 г. Тома командировал его во французскую миссию в России в целях информации о русской революции. С. служил посредником в переговорах между советским правительством и французской военной миссией. Под влиянием частых бесед с Лениным, Троцким, Луначарским, Коллонтай С. стал постепенно отходить от позиции французского социал-патриота. Обо всех своих впечатлениях он подробно информировал А. Тома. Эти сообщения вместе с другими письмами С. изданы частью в Москве в 1918 г.,— «Notes sur la révolution bolchévique» («Заметки о русской революции»), «Vive la révolution proletarienne» («Да здравствует пролетарская революция»), частью во Франции — «Notes sur la révolution bolchévique» 1920, «Quelque lettres de capitaine Sadoul» («Несколько писем капитана Садуля») 1922 г. В августе 1918 г. он обращается к Ромэн Роллану, Барбюсу и др. с письмами, призывающими к протесту против интервенции союзников. Письмо к Р. Роллану было опубликовано в № 182 «Известий» от 24/VIII 1918 г. С этого времени С. окончательно порывает с французской военной миссией и берется за активную коммунистическую работу. В марте 1919 г. принимал участие в работах I конгресса Коминтерна. В том же 1919 г. был трижды заочно приговорен французскими военными судами к смертной казни за государственную измену, дезертирство и пропаганду среди французских моряков. В конце 1924 г. вернулся во Францию. 31/III 1925 г. военный суд в Орлеане оправдал С. по обвинению в дезертирстве, по остальным пунктам обвинение было признано необоснованным, и дело прекращено. В 1927 г., по случаю 10-летия Октябрьской революции, награжден орденом Красного Знамени. — 182, 325.

СВЕРДЛОВ, Я. М. (1885 — 1919) — один из крупнейших работников большевистской партии, выдающийся организатор. В течение подпольной деятельности работал почти во всех районах России (Нижний, Кострома, Казань, Урал), много лет пробыл в тюрьмах и ссылке. Осенью 1913 г. на Поронинском совещании ответственных работников большевистской партии заочно (так как находился в то время в ссылке) был кооптирован в Ц.К. Февральская революция 1917 г. застала С. в ссылке. Прибыв вскоре в Петербург, С. весь ушел в революционную работу. На апрельской партийной конференции 1917 г. он был избран в Ц. К. партии и с тех пор был бессменным ее членом. С. принимал активнейшее участие в подготовке Октябрьской революции и в самой революции. После II съезда Советов был избран председателем Всероссийского центрального исполнительного комитета советов и на этом посту оставался до последних дней своей жизни, одновременно принимая активное участие в руководящей работе Ц. К. партии. — 172, 250.

СЕМЕНОВ, Г. М. — до революции был подъесаулом в Верхнеудинском полку Забайкальской казачьей дивизии. Во время предпарламента получил поручение сформировать в Забайкалье бурято-монгольский полк для пополнения действующей армии. После Октябрьской революции в полосе отчуждения Китайско-Восточной дороги организовал «Особый манчжурский отряд» для защиты Учредительного собрания. Деньги и оружие С. получал и от правления дороги (Хорват) и от французской военной миссии, а главным образом от японцев. Уже с декабря 1917 г. начал наступление на Нерчинск и Читу, но дважды отгонялся советскими отрядами к китайской границе. В конце августа 1918 г., используя наступление чехо-словаков и начавшуюся японскую интервенцию, занял Читу и провозгласил себя забайкальским походным атаманом. В апреле 1919 г. с согласия Японии сделал заявление, что он признает власть Колчака. 23 декабря 1919 г. Колчаку пришлось под диктовку японцев «назначить» С. преемником своей «верховной власти» в качестве главнокомандующего всеми

военными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа. Однако в 1920 г. этот титул скоро стал значить на практике почти столько же, сколько звание «кавалера святого гроба господня», данное С. иерусалимским патриархом Дамианом, или звание «русского крестьянского диктатора», поднесенное С., по словам его газеты, «всероссийским крестьянским союзом» на съезде, будто бы состоявшемся в октябре 1919 г. в Нижнем Новгороде. 21 октября 1920 г. Чита была взята революционными войсками, и С. пришлось искать приюта в Японии. — 5, 95.

СЕРЕДА, С. П. (р. 1871) — коммунист, статистик-экономист, в революционном движении участвует с 1903 года. С 1917 по 1918 г. — член Рязанского исполкома С.Р.Д., с 1918 г.—член В.Ц.И.К. В 1918—1921 г.г.— народный комиссар земледелия, потом член президиума В.С.Н.Х. и Госплана. — 130.

СЕРРАТИ, ДЖИАЧИНТО МЕНОТТИ (1872 — 1926) — в социалистическом движении с начала 90-х г.г. Организатор и вождь левого, максималистского крыла Итальянской социалистической партии, с 1915 г. редактор центрального органа «Avanti!». Во время войны занимал интернационалистскую позицию, принимал деятельное участие в создании Циммервальдского объединения. На II конгрессе III Интернационала С. стоял во главе итальянской делегации и входил в президиум конгресса, однако через полгода на конгрессе Итальянской партии в Ливорно отказался подчиниться одному из «московских» условий, требовавших безоговорочного разрыва с реформистами (Турати, Модильяни, Тревес и др.). За С. пошел весь центр партии. Исполком Коминтерна исключил Итальянскую социалистическую партию из Интернационала. Грамши, Дженнари, Бордига и др. образовали Итальянскую коммунистическую партию. С. продолжал оставаться с ревизионистами, однако, под давлением рабочих низов и фашистского контр-революционного движения постепенно эволюционировал влево, войдя в 1924 г. в Итальянскую коммунистическую партию. — 495.

СКОРОПАДСКИЙ, П. П. — генерал, крупный помещик Черниговской и Полтавской губерний (потомок стародубского полковника Скоропадского, бывшего гетманом Украины с 1708 по 1722 г.). Во время войны командовал 34-ым корпусом. После соглашения Временного правительства с Украинской радой (декларация 2 июля 1917 г.) С. было поручено провести украинизацию корпуса. После оккупации Украины немцами стал во главе одного из гайдамацких полков. Вильгельм дал командующему немецкими войсками на Украине Эйхгорну свое согласие на «избрание» С. гетманом, «если он даст обязательство неуклонно выполнять наши советы». Правительство Рады было разогнано немцами, и 29 апреля С. провозглашен гетманом на кулацко-помещичьем съезде «хлеборобов». Во время своего недолгого «правления» С., проводя показную украинизацию, не скрывает в то же время своих «истинно-русских» симпатий: собирает сенат из большинства бывших сенаторов царской России, восстанавливает с помощью немцев права помещиков и т. д. После ноябрьской революции в Германии назначил новый кабинет «российской ориентации» во главе с бывшим царским министром Гербелем, издал грамоту о создании Всероссийской федерации в целях восстановления «Великой России». 14 декабря 1918 г. вынужден был отказаться от власти и был увезен немцами в Берлин под видом раненого немецкого офицера. Теперь находится в Швейцарии. — 10, 14, 56, 67, 70, 103, 127.

СКРЫПНИК, Н. А. (р. 1872). — В 1900 г., будучи студентом Технологического института, примкнул к группе «Рабочего Знамени», а в 1901 г. к Петербургскому отделу «Искры». В 1902 г. выслан на 5 лет в Якутскую область. С пути в ссылку бежал и стал профессиональным революционером искровцем. В 1902 — 1903 г.г. работал в Поволжьи, на Урале и в Одессе. В 1904 г. вновь бежал с пути в ссылку. В 1905 г. делегирован

от Одессы на III съезд партии («Щенский»). В 1905 г. работал в Петербурге как секретарь П. К. и руководитель боевой организации. Был представителем Сибирского союза на партийной конференции 1907 г. в Гельсингфорсе. В 1908 г. работал в Москве и на Урале. После этого отбыл пятилетнюю ссылку в Вилюйском округе. В конце 1913 г. вернулся в Петербург, работал до начала войны как редактор партийного страхового журнала «Вопросы Страхования», сотрудничая в «Правде». С самого начала войны занял революционную интернационалистскую позицию. Годы войны прожил как ссыльный в Моршанске Тамбовской губ. С июня 1917 г. работал секретарем Петроградского совета фабрично-заводских комитетов и председателем Всероссийского центра фабзавкомов. После Октября принимал участие в организации В.С.Н.Х. На VI съезде партии избран кандидатом в Ц.К. Во время Октябрьской революции был членом В.-Р.К., в 1918 г. — член советского правительства Украины. Во время гражданской войны работал в Красной армии и в В.Ч.К. Возвратился на Украину в 1920 г. и работал первоначально в качестве наркома Р.-К.И., наркома внутренних дел, затем (1922—1927) наркомюста и с 1927 г.—наркомпроса Украины. Член политбюро Ц.К.К.П.У. и член Ц.К.В.К.П.(б.) и И.К.К.И. — 329.

СОРОКИН, П. А. (р. 1889) — эсер, до революции был приват-доцентом Петроградского университета. В 1917 г. был членом Воронежского совета крестьянских депутатов и редактором газеты «Дело Народа». В ноябре 1918 г. заявил письмом в редакцию «Известий Северо-Двинского Исполнительного Комитета» о своем выходе из партии правых эсеров и о сложении звания члена Учредительного собрания. В 1919—21 г.г. был преподавателем псевдо-научной «социологии» в Петроградском университете и других вузах. В 1922 г. был выслан за границу вместе с другими профессорами, проводившими в своей учебной деятельности контрреволюционные тенденции. Находится в настоящее время в Праге и читает лекции в Пражском университете. — 287, 289—291, 293.

СОСНОВСКИЙ, Л. С. (р. 1886) — журналист, с.-д. работу начал с 1903 г. В 1905 г. работал в большевистских организациях Урала, в 1906 г. в эмиграции (Париж). В 1907—1909 г.г. вел партийную и профессиональную работу в Баку и Москве. В 1912—13 г.г. работал в «Правде», был секретарем журнала «Вопросы Страхования». В 1915 г. принимал участие в большевистском совещании по вопросу о войне в Екатеринбурге. В 1917 году работал в Екатеринбурге как редактор и тов. председателя С. Р. Д. После Октябрьской революции избран в члены президиума В.Ц.И.К., где оставался до 1924 г. С весны 1918 г. работал в «Правде» и был одним из наиболее известных советских фельетонистов (лучшие фельетоны изданы позже в 2 т.т. «Дела и дни»). В 1918 г. принимал участие в организации петроградской «Красной Газеты» (вместе с Володарским) и газеты «Беднота», членом редколлегии которой состоял в течение 6 лет, в 1920 г. организовал газету «Гудок». Со времени профсоюзной дискуссии 1921 г. примыкал к группе Троцкого, постепенно проделывая вместе с ней весь путь отхода от партии. В 1927 г. исключен XV съездом В.К.П.(б.) за принадлежность к троцкистской оппозиции. — 454.

СПИРИДОНОВА, М. А. (р. 1889) — член партии эсеров, в 1906 г. убила усмирителя крестьянского движения в Тамбовской губернии Луженовского. После ареста подверглась зверским истязаниям. До Февральской революции находилась на каторге (в Акатуе). Примкнула к левому крылу партии и с организацией партии левых эсеров вошла в ее Ц.К. На заседании Учредительного собрания была выдвинута ее кандидатура на пост председателя — против кандидатуры Чернова. Разойдясь с большевиками по вопросу о Брестском мире, С. приняла деятельное участие в подготовке лево-эсеровского мятежа. В ноябре 1918 г. была предана суду Революционного трибунала и приговорена к 1 году тюремного заключения и через несколько дней амнистирована. После амнистии продолжала подготовку

выступлений против Советской власти и была вскоре арестована вновь. В настоящее время отошла от политической деятельности. — 119, 130, 131, 160, 164.

СТАЛИН, И. В. (ДЖУГАШВИЛИ) (р. 1879) — крупнейший деятель партии большевиков. В 1897 г., еще учеником, принимал участие в марксистских кружках, позднее, войдя в нелегальную с.-д. организацию, вел энергичную пропаганду среди рабочих. С созданием в 1900 г. Тифлисского комитета Р.С.-Д.Р.П. С. стал одним из его руководящих членов; после обыска перешел на нелегальное положение и продолжал работу в качестве профессионального революционера. В 1901 г. С. переехал в Батум, где руководил рядом забастовок, но вскоре (в 1902 г.) был арестован и, после полуторагодичного тюремного заключения, выслан в Восточную Сибирь, откуда вскоре бежал. По возвращении из Сибири вел работу в качестве члена Закавказского союзного комитета. С самого начала партийного раскола С. встал во главе закавказских большевиков, руководя изданием нелегального органа «Борьба Пролетариата» и участвуя в подготовке III съезда партии. В конце 1905 г. С. принимал участие в большевистской конференции в Таммерфорсе; был делегатом IV (Стокгольмского) и V (Лондонского) съездов партии. В 1907 г. С. перешел на работу в Баку; благодаря его энергичной деятельности Бакинская организация, находившаяся под сильным влиянием меньшевиков, была превращена в опору большевизма в Закавказьи. После двух арестов и ссылок в 1908 и в 1910 г.г. Ц.К. перевел С. на работу в Петербург; на этой работе, перемежавшейся арестами, С. оставался в течение двух лет. В 1912 г. на Пражской конференции С. был заочно выбран в Ц.К. В 1912 — 13 г.г. С. произвел ряд объездов важнейших районов и участвовал в руководстве легальными газетами «Звезда» и «Правда» и в работе большевистской фракции Государственной Думы. В 1913 г. С. был вновь арестован и сослан в Туруханский край, откуда вернулся после Февральской революции. На апрельской всероссийской конференции 1917 г., когда обнаружились в партии два течения, С. целиком поддерживал Ленина. С образованием Политбюро С. вошел в его состав и остается бессменным членом Политбюро до настоящего времени. После перехода Ленина в июле 1917 г. на нелегальное положение С. являлся фактическим руководителем центрального органа партии и, вместе с Свердловым, был одним из руководителей VI съезда партии. В Октябрьские дни Ц.К. избрал С. членом «пятерки» и «семерки» — руководящих органов восстания. После победы пролетарской революции С. состоял народным комиссаром национальностей (1917 — 22) и Рабоче-Крестьянской инспекции (1919 — 22). Период гражданской войны С. провел по преимуществу на фронтах (оборона Царицына, Пермь, северо-западный фронт, южный, польский и врангелевский). С 1920 по 1923 г. С. состоял членом Реввоенсовета Республики; с 1922 г. — генеральный секретарь Ц.К. С 1925 г. — член президиума Исполкома Коминтерна. Важнейшие работы С.: «Марксизм и национальный вопрос», «На путях к Октябрю», «О Ленине и ленинизме», «Вопросы ленинизма». — 98.

СТЕКЛОВ, Ю. М. (р. 1873) — начал с.-д. работу в Одессе в 1893 г. Скоро был арестован и сослан в Якутскую область. В 1899 г. бежал за границу, где примкнул к литературной группе «Борьба» (Д. Рязанов и Е. Смирнов), посредничавшей между искровцами и рабочедельцами. Осенью 1905 г. возвратился в Россию и в Москве примкнул к большевикам. Вскоре был арестован на заседании Петербургского совета рабочих депутатов. В 1907 — 10 г.г. ведет агитационную и литературную работу в Петрограде. В 1910 — 14 г.г. в Париже — член местной большевистской группы. В начале мировой войны был настроен оборончески, затем сблизился с большевистской фракцией IV Думы и принял участие в составлении ответа на письмо Вандервельде. После ареста фракции стоял в стороне от политической работы. В первый же день Февральской революции вошел как «внефракционный с.-д.» в

состав И.К. Петроградского С.Р.Д. и был назначен редактором «Известий» последнего. Вошел затем и в состав В.Ц.И.К. В первые месяцы революции С. являлся одним из выдающихся представителей «революционного оборончества» и апологетом «двоевластия» Совета и Временного правительства. 13 мая ушел из редакции «Известий», сотрудничал в «Новой Жизни». В начале октября 1917 г. возвратился к большевикам и после Октябрьской революции был назначен редактором «Известий В.Ц.И.К.», что являлось его основной работой до половины 1925 г. Был членом президиума В.Ц.И.К. 2 и 3 созывов. Принимал участие в организации Пролеткульта и в комиссии по выработке Советской конституции. Главные исторические работы: «Н. Г. Чернышевский» (первое изд. 1909, второе 1928 г.), «I Интернационал» (1919 г.), «Бакунин» 4 тт. (1920—27 г.г.). В настоящее время— председатель Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями Ц.И.К. С.С.С.Р. — **324, 327.**

СТРУВЕ, П. Б. (р. 1870) — в 90-х г.г. с.-д., автор «Манифеста Р.С.-Д.Р.П.», выпущенного по постановлению I съезда партии, участник Международного социалистического конгресса в Лондоне в 1896 году. Наиболее видный представитель «легального марксизма» 90-х г.г. Сотрудник и редактор легальных марксистских журналов («Новое Слово», «Начало», «Жизнь»). Уже в первой своей работе («Критические заметки по вопросу об экономическом развитии в России», 1894 г.) признал, что не разделяет всех взглядов Маркса. В дальнейших работах под видом «критической проверки» Маркса подменил революционные идеи марксизма идеями о сотрудничестве классов, мирной эволюции капитализма к социализму и т. д. В конце 1900 — начале 1901 г.г., в качестве представителя «демократической оппозиции» вел переговоры с «искровцами» о блоке, сотрудничал в первых номерах «Искры». Вскоре окончательно порвал с марксизмом и социал-демократией и перешел в лагерь либералов, став во главе «Союза Освобождения», организации земцев-конституционалистов (1902—06 г.г.), редактировал орган этого Союза «Освобождение» (Штутгарт, Париж). С образованием конституционно-демократической партии — член ее Ц.К. После поражения революции 1905 г. — лидер самого правого крыла либералов, скатился к черносотенному национализму. В 1909 г. участник реакционно-мистического сборника «Вехи» и редактор журнала «Русская Мысль». Во время гражданской войны принимал участие в правительстве Деникина, а затем стал министром у Врангеля. С 1925 г. по 1927 г. редактировал в Париже православно-монархическую газету «Возрождение», в 1928 г.—газету «Россия и славянство». — **335.**

Т.

ТАРВИД — член коллегии Главконефти в 1918 г. — **226.**

ТОДОРСКИЙ, А. И. (р. 1894) — бывший семинарист, капитан военного времени. В 1917 г. был членом полкового комитета и выборным командиром корпуса. В 1918 г. вступил в В.К.П.(б.), редактировал газеты «Известия Весьегонского Исполкома», «Красный Весьегонск», «Известия Тверского Губкома». С 1919 г. на командной работе в Красной армии. После окончания гражданской войны участвовал в ликвидации восстаний на Кавказе и в Туркестане, член Закцика и Туркцика. В 1927 г. окончил военную академию. Награжден 4 орденами Красного Знамени. Кроме книги «Год с винтовкой и плугом», издал в 1919 г. совместно с А. В. Киселевым «Черные страницы Весьегонской истории». — **454.**

ТОМА, АЛЬБЕР (р. 1878) — французский социал-патриот, депутат парламента; с первых дней империалистской войны 1914—18 г.г. вошел в состав министерства Клемансо (товарищем военного министра, заведующим снаряжением армии), один из ревностных защитников «священного единения» всех классов нации («Union sacrée»). В 1917 г. при Керенском приезжал в Россию для поднятия «патриотического» духа русских рабо-

чих, но успеха не имел. После Версальского мира — директор Международного бюро труда при Лиге наций. В 1928 г. братался с Муссолини, принял участие в торжественном открытии фашистского профессионального конгресса, вызвав осуждение даже со стороны II Интернационала.— 215.

ТРОЦКИЙ, *Л. Д.* (р. 1879) — работал в Николаеве, принимал участие в Южно-Русском рабочем союзе, в 1898 г. был арестован и сослан в Иркутскую губ., откуда в 1902 г. бежал за границу. В 1903 г. участвовал на II съезде и после раскола партии, оставшись с меньшевиками, принимал ближайшее участие в «Искре». Во время первой революции, в 1905 г., работал в Петербурге. Сторонник Парвусовской теории перманентной революции. С организацией Петербургского совета рабочих депутатов вошел в его Исполнительный комитет и позднее был его председателем. После ареста Петербургского совета был сослан на поселение в Сибирь, по дороге в ссылку бежал из Березова и участовал на Лондонском съезде. Позже организовал за границей собственную литературную группу, издававшую в Вене в 1908 — 1912 г.г. газету «Правда» и в 1914 г. журнал «Борьба». В 1912 г. участвовал в так называемом августовском блоке, созданном для борьбы с большевиками. Во время империалистской войны входил в редакцию издававшегося в Париже интернационалистского органа «Наше Слово». Участвовал на Циммервальдской конференции (центр). В 1916 г., по обвинению в интернационалистской пропаганде, Т. был выслан из Франции в Испанию, а оттуда в Америку. В борьбе против войны отвергал лозунг гражданской войны, пораженчество и необходимость организационного разрыва с социал-шовинистами. По тактическим вопросам (участие рабочих в военно-промышленных комитетах) колебался между оборончеством и интернационалистами. В 1917 г. по приезде в Петроград примкнул к интернационалистской организации «межрайонцев» и вместе с последней на IV съезде Р.С.-Д.Р.П.(б.) вошел в большевистскую партию и был избран в Ц.К. По завоевании большевиками Петроградского совета Р. Д. в сентябре 1917 г. Т. становится его председателем. После Октября — народный комиссар иностранных дел. В споре о Брестском мире — решительный противник последнего, высказывался сначала за тактику «ни мир ни война», а после возобновления наступления — за революционную войну. После Брестского мира — наркомвоен и председатель Реввоенсовета республики до 1924 г. Во время дискуссии 1920 — 1921 г.г. отстаивал необходимость «огосударствления» профессиональных союзов, организовывал на этой платформе фракцию. В 1923 г. стал во главе оппозиции. С 1926 г. лидер «объединенной» оппозиции. Все более расходясь с политикой и программой партии и Коминтерна, вел против них резкую фракционную борьбу. В ноябре 1927 г. исключен из В.К.П.(б). В 1929 г. выслан из С.С.С.Р. за антисоветскую деятельность.— 64, 93, 116, 117, 230, 255, 270, 504.

ТУРАТИ, *Ф.* (р. 1858) — итальянский социалист-реформист, адвокат и литератор. В 1888 г. вышел из Миланского демократического общества и примкнул к Социалистической Лиге. Был представителем Италии на Брюссельском конгрессе II Интернационала в 1891 г. После окончательного размежевания социалистов и анархистов в 1892 г. один из лидеров социалистической партии. Основатель (1891) и редактор теоретического органа партии «Critica Sociale» («Социальная критика»). С 1896 г. депутат парламента. В 1898 г. в связи с демонстрациями против вздорожания хлеба был приговорен к 12 годам тюрьмы, но через год освобожден декретом правительства и получил предложение занять министерский пост. С 1899 г. становится вождем правого реформистского крыла, одержавшего победу на конгрессе партии в Имоле (1902). В 1912 г. на конгрессе в Реджио Эмилия высказался против группы Биссолати, голосовавшей в парламенте за военные кредиты на Итало-турецкую войну. Был против-

ником вмешательства Италии в мировую войну, позже отстаивал демократический мир в духе Вильсона. Вождь унитарной социалистической партии и ее представитель во II Интернационале. — 223, 376, 379.

У.

УЭББ — см. ВЭББ.

Х.

ХЕНДЕРСОН — см. ГЕНДЕРСОН.

ХИНЧУК, Л. М. (р. 1868) — примкнул к с.-д. в 1889 г., будучи студентом за границей. Партийную работу начал в 1891—92 г. в Туле среди рабочих оружейного завода. Отбыл 6 лет ссылки в Якутской области. В 1900—01 г.г. работал в Симферополе, Туле и Москве в организациях искровского направления. В 1904 г. за границей примкнул к меньшевикам. В начале 1905 г. организовал меньшевистскую группу в Петербурге. Участник Всероссийской конференции меньшевиков. В декабре 1905 г. был арестован в составе И.К. С.Р.Д. Скрылся от суда и, несмотря на новые аресты, сумел удержаться на нелегальном положении. В годы реакции вел профессиональную и кооперативную работу в Москве, несколько раз безуспешно пытаясь восстановить меньшевистскую организацию. Во время Февральской революции был председателем Московского совета до сентября 1917 г. Покинул II съезд Советов вместе с правыми меньшевиками. После Октябрьской революции до наступления Деникина на Орел оставался членом Ц.К. меньшевиков. В 1919 г. вступил в В.К.П.(б), работал в Московской кооперации и вскоре был назначен членом коллегии Наркомпрода, а в 1921 г. избран председателем Центросоюза. В 1926 г. избран в президиум В.Ц.И.К. и председателем Всероссийского центрального кооперативного совета. В ноябре 1926 г. до разрыва дипломатических сношений был торгпредом в Англии. В настоящее время Замнаркомторга С.С.С.Р. — 325—329.

ХМЕЛЬНИЦКИЙ, А. И. (1889—1919) — до революции помощник присяжного поверенного в Одессе. После Февральской революции примкнул к большевикам, был одним из руководителей одесской организации и редактором газеты «Голос Пролетария». В январе 1918 г. был избран членом одесского Ревкома и комиссаром юстиции, вторую половину года работал в Москве в качестве юрисконсульта Совнаркома. В 1919 г. работал на Украине в качестве Наркомюста, председателя Малого совнаркома. Член Ц.К. Украины. — 327.

ХОШКА, ФЕРДИНАНД (р. 1872) — германский социал-демократ рабочий, текстильщик. Профсоюзный работник. Во время войны принадлежал к группе «Спартака». В 1918—20 г.г. был депутатом Вюртембергского ландтага, подвергался тюремному заключению. 12 мая 1918 г. произнес в ландтаге речь в защиту русской революции. — 94.

Ц.

ЦЕРЕТЕЛИ, ИРАКЛИЙ (р. 1882) — с.-д. меньшевик, бывший священник, член II Гос. думы от Кутаисской губернии, лидер с.-д. фракции. После роспуска Думы (3 июня 1907 г.) вместе со всей фракцией был привлечен к суду по вымышленному обвинению в организации военного заговора и осужден на каторгу. После Февральской революции стал во главе меньшевиков и отстаивал продолжение империалистской войны и коалицию с буржуазией. 19(6) мая 1917 г. вошел в первое коалиционное министерство в качестве министра почт и телеграфов. Один из глав-

ных руководителей Исп. ком. В.Ц.И.К. первого созыва. В настоящее время эмигрант. Член Исполкома II Интернационала. — 10, 11, 236, 393.

ЦЕТКИН, КЛАРА (р. 1857) — революционная германская социал-демократка, позже коммунистка. Вошла в немецкую соц.-демокр. партию в годы исключительного закона о партии социалистов. Основоположница международного пролетарского женского движения, с 1892 г. редактор с.-д. женской газеты «Gleichheit» («Равенство»). Принимала участие в борьбе с Бернштейном. В последние годы перед войной боролась против оппортунизма каутскианского центра на левом крыле германской соц.-дем. партии вместе с Розой Люксембург и Фр. Мерингом. В начале войны вместе с Р. Люксембург, Ф. Мерингом и К. Либкнехтом выступила с протестом против социал-шовинизма в швейцарской с.-д. прессе. Принимала активное участие в подготовке и проведении международной женской социалистической конференции в Берне, в марте 1915 г. В том же году приняла участие в журнале «Интернационал», в 1916 г. была снята шейдемановцами с редактирования «Gleichheit», после чего работала в «Leipziger Volkszeitung» («Лейпцигская Народная Газета»), как редактор приложения для женщин. Принимала участие в революционной работе союза «Спартака». В настоящее время — член Ц. К. Германской компартии. Со времени III конгресса Коминтерна — член Исполкома Коминтерна, генеральный секретарь Международного женского секретариата, председатель секции по изучению женского рабочего движения Коммунистической академии. — 94, 131, 494.

Ч.

ЧЕРЕВАНИН, Ф. А. (**ЛИПКИН, И. НЕЖДАНОВ**) (р. 1868) — меньшевик, литератор. В революции 1905 г. занимал позицию на правом крыле меньшевизма. В своей книге «Пролетариат и русская революция» (1908 г.) Ч. дал законченно-ликвидаторскую философию русской революции, объясняя поражение революции 1905 г. самостоятельной наступательной тактикой пролетариата («самочинное» введение восьмичасового рабочего дня, декабрьское восстание и др.), «отпугнувшей» либералов и помешавшей им закрепить конституцию. Ч. — сотрудник всех ликвидаторских изданий, начиная с пятитомника («Общественное движение») и «Нашей Зари» и кончая «Нашей Рабочей Газетой» (1914 г.). Делегат на Стокгольмском (IV) и Лондонском (V) съездах партии. После августовской конференции — член О. К. меньшевиков. В эпоху империалистской войны — социал-патриот, участник сборника «Самозащита». В 1917 г. — один из редакторов «Рабочей Газеты», центрального органа меньшевиков. На меньшевистском съезде в августе 1917 г. был избран в Ц.К. В настоящее время работает в Калужском губплане. — 53 — 55, 60.

ЧЕРНОВ, В. М. (р. 1876) — начал политическую деятельность в девяностых годах в рядах «Социал-революционной партии Народного Права». Эмигрировал за границу в 1899 г., где стал сначала во главе Союза социалистов-революционеров, а затем и партии социалистов-революционеров (бессменный член Ц.К. и редактор ее центрального органа «Революционная Россия»). В годы войны занимал колеблющуюся позицию между интернационализмом и оборончеством, участвовал на Циммервальдской конференции (воздержался при голосовании ее манифеста). Ярый оборонец по возвращении в Россию после Февральской революции. Министр земледелия в первом коалиционном кабинете Врем. правительства, боровшийся против крестьян, отбиравших помещичью землю. Вышел в отставку после июльских дней. 18(5) января 1919 г. Ч. был избран председателем Учредительного собрания. Принимал деятельное участие в чехо-эсеровском восстании на Волге в 1918 г., возглавлял съезд членов Учредительного со-

брания в Уфе, был арестован Колчаком, но вскоре освобожден. Принимал участие в Парижском съезде членов Учредилки (февраль 1921 г.), выделившем из себя комитет, составленный из эсеров и к.-д. Пытался оказать энергичное содействие Кронштадтскому восстанию из Ревеля, куда специально для этой цели приехал. В последние годы один из представителей так называемого «конструктивного социализма» — разновидности мелкобуржуазного реформизма. — 10, 201, 236.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, Н. Г. (1828—1889) — «великий русский ученый и критик, мастерски осветивший банкротство буржуазной экономии» (Маркс), ученик Луи Блана и Фурье, Гегеля и Фейербаха, величайший представитель утопического социализма в России, передовой революционный демократ. Как экономист известен своим переводом «Оснований политической экономии» Д. С. Милля, которые он снабдил своими примечаниями в духе утопического социализма, а также рядом работ, посвященных популяризации идей социализма и критике крестьянской реформы 1861 г. Как литературный критик, дал ряд блестящих статей («Очерки Гоголевского периода», «Лессинг», статьи о Пушкине и др.) в «Современнике», одним из руководителей которого он был. В русской общине видел возможный зачаток социалистического устройства общества. Являлся вождем революционного движения 60-х годов и одним из вдохновителей революционного движения 70-х и 80-х годов. Был арестован в 1862 г. и до 1883 г. находился на каторге и в ссылке, лишенный возможности участия в общественной и публицистической работе. С 1883 г. жил в Саратове под бдительным полицейским надзором. — 183.

ЧИЧЕРИН, Г. В. (р. 1872) — видный дипломат С.С.С.Р, коммунист. С 1896 г. — сотрудник архива министерства иностранных дел, изучал под руководством Н. П. Павлова-Сильванского историю русской внешней политики. Оказывал техническую помощь революционным организациям и в связи с этим в 1904 г. вынужден был эмигрировать за границу. В 1905 г. вступил в берлинскую большевистскую организацию. В 1907 г. был избран секретарем Заграничного бюро Ц.К., принимал участие в V (Лондонском) съезде партии. В конце 1907 г. подвергся административной высылке из Пруссии и переехал в Париж. После Лондонского съезда примкнул к меньшевикам-«голосовцам», был горячим сторонником августовского блока. Принимал участие в работе Французской социалистической партии и в международном юношеском движении. С наступлением войны сотрудник «Нашего Слова». Во время войны жил в Лондоне, участвовал в английском рабочем движении. В 1917 г. в связи с организацией возвращения эмигрантов в Россию был арестован и после непродолжительного тюремного заключения выслан из Англии. Возвратился в Россию в январе 1918 года. С марта 1918 г. — народный комиссар по иностранным делам, в 1920 г. возглавлял советскую делегацию на Генуэзской конференции. Член Ц.К. В.К.П.(б.). — 141, 257.

Ш.

ШЕЙДЕМАН, ФИЛИПП (р. 1865) — правый германский социал-демократ. В молодости работал наборщиком. С 1895 г. редактор ряда провинциальных партийных газет. Примыкал к бебелевскому центру и резко выступал против ревизионизма. В 1903 г. был избран в рейхстаг от г. Золингена и вскоре занял выдающееся положение в парламенте. В 1912 г. вошел в Ц.К., в том же году, после крупной победы с.-д. на парламентских выборах, давших социал-демократам 110 депутатских мест, был избран членом президиума фракции и вице-президентом рейхстага. С начала империалистской войны Ш. круто изменил политическую линию, вотировал военные кредиты и сделался лидером националистического крыла немецкой социал-демократии. Перед ноябрьской революцией 1918 г. Ш.

предпринял попытку спасти монархию, вступив в кабинет принца Максимилиана Баденского, а после его падения вошел в Совет народных уполномоченных — временное правительство «Германской Социалистической Республики». Проводил в своей деятельности политику саботажа революции и боролся всеми средствами, вплоть до расстрелов, против революционного пролетариата. Скомпрометировав себя в глазах рабочих и все же не завоевав доверия монархического юнкерства, Ш. отошел от активной политической жизни, занимая до последнего времени должность обер-бургомистра небольшого города Касселя. В 1928 г. выпустил «Воспоминания социал-демократа». — 189, 224, 302, 348, 374—376, 379, 380, 384, 385, 440 — 444, 477, 486, 488, 494 — 499.

ШЛЯПНИКОВ, А. Г. (р. 1883) — рабочий-металлист. Начал с.-д. работу в 1903 — 1904 г.г. в Муроме. В 1907 г. работал в Петербурге и был членом П.К. С 1908 г. в эмиграции. В апреле 1914 г. нелегально вернулся в Петербург. В сентябре выехал за границу для связи с Ц. К., по поручению последнего выступал с декларацией на съезде шведской с.-д. В 1915 г. был кооптирован в Ц.К. и организовал бюро Ц. К. в Петрограде. Принимал активное участие в Февральской революции и вошел в первый И. К. Петроградского совета, как представитель большевиков. В июне был избран председателем временного Ц. К. союза металлистов. В октябре вошел в состав первого Совнаркома в качестве Наркомтруда. По вопросу об организации власти совместно с другими социалистическими партиями был солидарен с Зиновьевым и Каменевым. В 1918 г. принимал участие в гражданской войне на советском Кавказе и был председателем В.-Р. совета каспийско-кавказского фронта; в 1919 г. — на Западном фронте. Позднее был председателем Ц. К. металлистов и членом президиума В.Ц.С.П.С. В 1920 — 21 г.г. во время дискуссии о задачах профсоюзов возглавлял «рабочую оппозицию», отстаивал синдикалистскую точку зрения, которая была осуждена X съездом партии. Между X и XI съездом был членом Ц. К. В партийных дискуссиях последующих лет пытался вновь отстаивать точку зрения «рабочей оппозиции» и частично поддерживал объединенную оппозицию. В 1924 — 25 г.г. советник полпредства во Франции. В настоящее время председатель Металлоимпорта. — 32, 98.

ШМИДТ, В. В. (р. 1886) — рабочий металлист, большевик с 1905 г. 1907 — 1911 г.г. был в эмиграции (Германия). В ноябре 1911 г. возвращен по этапу в Петербург. Работал в арсенале и на заводе «Новый Лесснер». В 1914 г. избран секретарем петроградского союза металлистов и членом исполнительной комиссии П. К. партии. Перед началом войны был арестован. После высылки работал в Екатеринославе. Летом 1915 г. нелегально вернулся в Петроград, до апреля 1917 г. работал как секретарь П. К. партии (за это время дважды был арестован). В 1917 г. первый секретарь петроградского совета профсоюзов, на I съезде профсоюзов в 1918 г. был избран секретарем В.Ц.С.П.С. С ноября 1918 г. до 1928 г. народный комиссар труда. Состоял членом президиума В.Ц.С.П.С. всех созывов. На VII съезде Р.К.П. был избран членом Ц.К., после того неоднократно избирался в кандидаты и члены Ц. К. В настоящее время — заместитель председателя Совета труда и обороны С.С.С.Р. — 327.

ШТЕЙН, А. (псевд. РУБИНШТЕЙНА) — меньшевик, старый эмигрант, постоянно проживающий в Германии. В декабре 1917 г. выступил в «Leipziger Volkszeitung», («Лейпцигская Народная Газета») как застрельщик антибольшевистской кампании. Был содокладчиком на конференции независимых социал-демократов в Берлине 11 — 12 сентября 1918 г. по докладу П. И. Стучки. — 358, 364, 404.

ШТРЕБЕЛЬ, ГЕЙНРИХ — германский социал-демократ. В начале войны был членом редакции газеты «Форвертс» и фракции прусского ландтага. Стоял на интернационалистской позиции и принимал участие в журнале «Интернационал» (1915 г.), примыкал к одноименной группе

но вскоре перешел к каутскианцам. В 1918 г. один из первых в рядах независимых социалистов выступил с резкими нападками на большевиков. После ноябрьского переворота входил в прусский кабинет министров. В 1919 г. перешел к шейдемановцам. В 1921 г. принимал участие в разработке новой программы германской социал-демократии. В настоящее время член редакции «левого» с.-д. журнала «Klassenkampf» («Классовая Борьба»). — 223.

Э.

ЭБЕРТ, ФРИДРИХ (1871 — 1925) — один из вождей германской социал-демократии, по профессии шорник, работал главным образом в области профессионального движения. Был редактором «Bremer Bürger-zeitung» («Бременская Гражданская Газета»). В 1905 г. на Иенском партейтаге был выбран секретарем президиума партии, а после смерти Бебеля сделался председателем президиума. В полемике с ревизионистами Э. занимал примирительную позицию. В 1912 г. был избран в рейхстаг и после ухода Гаазе был вместе с Шейдеманом в президиуме с.-д. фракции рейхстага. В годы войны Э. — социал-шовинист, боровшийся всеми средствами против выступлений рабочих, нарушавших «гражданский мир». 9 января 1918 г. принял полномочия имперского канцлера, а с образованием Совета народных уполномоченных вошел в его состав, как председатель, поставив своей задачей возможно скорее ликвидировать революцию и добиться восстановления буржуазного «порядка». Был избран Веймарским национальным собранием президентом республики. В 1923 г. был исключен из профсоюза шорников за отрыв от масс, что не помешало ему остаться членом Ц. К. социал-демократической партии. — 440, 447, 486, 488, 498.

ЭНГЕЛЬС (1820 — 1895) — см. биографию, написанную В. И. Лениным (I том Сочинений). — 48, 90, 97, 105 — 109, 220, 222, 276, 307, 308, 317, 320, 322, 324, 338, 339, 342, 344, 346, 353, 357, 360, 375, 378, 379, 387, 407 — 411, 441.

ЭРВЕ, ГУСТАВ (р. 1872) — французский анархист, затем член социалистической партии; журналист, профессор и адвокат. Известен своей антимилитаристской деятельностью. В 1906 г. основал газету «La Guerre Sociale» («Социальная Война»). В своих статьях и выступлениях, всегда содержащих элементы анархизма, Э. неустанно боролся с европейским империализмом и ростом его милитаристских стремлений, неоднократно подвергаясь тюремному заключению. С объявлением войны Э. становится самым ярым социал-империалистом, свою газету он переименовывает в «La Victoire» («Победа») и ежедневно призывает в ней рабочих к истреблению «бошей» и полному разгрому Германии. После чехо-словацкого выступления в России активный сторонник интервенции. В сентябре 1918 г. был исключен из социалистической партии за выступления против принципа классовой борьбы и социализации средств производства. По окончании войны занимается травлей Советской России и большевиков. — 233.

VII. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ В. И. ЛЕНИНА.

(Май 1918 г. — март 1919 г.)

1918 г.

14 мая. Вл. И. участвует в заседании фракции В.Ц.И.К., где присутствовали представители Московского совета и Совета народных комиссаров в полном составе.

Заседание было посвящено обсуждению международного положения в связи с событиями на Украине и взаимоотношениями с союзниками, а также обсуждению положения внутри страны в связи с продовольственными затруднениями. Вл. И. выступает с обширным докладом и предлагает резолюцию, принятую собранием.

Вл. И. выступает на заседании В.Ц.И.К. и Московского совета с докладом о международном положении.

15 мая. Вл. И. выступает с речью на областной Московской конференции Р. К. П.

18 мая. Вл. И. посылает письмо конференции представителей национализированных предприятий.

Вл. И. выступает с докладом о задачах финансовой политики Советского правительства на Всероссийском съезде представителей финансовых отделов.

20 мая. Вл. И. присутствует на заседании В.Ц.И.К., на котором Я. М. Свердлов делал доклад о работе в деревне.

21 мая. Вл. И. участвует в составлении воззвания к петроградским рабочим об организации продовольственных отрядов и посылает им телеграмму.

Вл. И. принял делегата рабочих Путиловского завода, А. В. Иванова.

22 мая. Вл. И. пишет письмо питерским рабочим о борьбе с голодом.

Вл. И. выступает на съезде комиссаров труда.

23 мая. Вл. И. принимает участие в заседании президиума В.С.Н.Х. по вопросу о I съезде С.Н.Х.

25 мая. Вл. И. вносит в С.Н.К. положения для выработки декрета о Социалистической академии общественных наук.

26 мая. Вл. И. выступает на I съезде Советов народного хозяйства.

Вл. И. пишет тезисы по текущему моменту (о продовольственном положении и борьбе с кулаками).

29 мая. Вл. И. принимает участие в составлении воззвания к казакам, обращений Совнаркома к населению о мобилизации всех военных сил и по поводу объявления Москвы на военном положении.

31 мая. Вл. И. предлагает в С.Н.К. выпустить обращение к населению о международном положении Советской Республики и принимает участие в его составлении.

4 июня. Вл. И. выступает на соединенном заседании В.Ц.И.К. и Московского совета с речью о голоде.

5 июня. Вл. И. выступает на I съезде учителей интернацио-
[redacted]

10 июня. Вл. И. принимает участие в составлении воззвания по поводу чехо-словацкого восстания.

Вл. И. предлагает поставить в С.Н.К. вопрос об опубликовании основных положений политики партии в деле привлечения инженеров.

19 июня. Вл. И. выступает на собрании представителей заводских ячеек Замоскворецкого района по вопросу о продовольственной кампании.

21 июня. Вл. И. выступает на митинге в Сокольническом клубе на тему «Борьба с голодом и контр-революцией».

20—21 июня. Вл. И. беседует с делегацией съезда железнодорожников о продовольственном вопросе.

27 июня. Вл. И. выступает с докладом на IV конференции фабрично-заводских комитетов г. Москвы.

28 июня. Вл. И. выступает на митинге в Симоновском подрайоне.

Вл. И. просматривал проект конституции Р.С.Ф.С.Р.

29 июня. Вл. И. пишет статью «Пророческие слова».

Вл. И. выступает в С.Н.К. с предложением ускорить снос памятников деятелям старого режима и постановку временных памятников деятелям русской революции.

2 июля. Вл. И. выступает с речью на митинге мобилизованных в помещении б. Алексеевского училища.

Вл. И. выступает на заседании С.Н.К. с внеочередным заявлением о необходимости пойти навстречу крестьянам в их нужде в с.-х. машинах.

3 июля. Вл. И. участвует в заседании коммунистической фракции V Всероссийского съезда Советов и выступает там с речью.

5 июля. Вл. И. выступает с докладом и заключительным словом на V Всероссийском съезде Советов.

6 июля. Вл. И. посылает телефонограмму всем райкомам, райсоветам и штабам Красной армии по поводу убийства графа Мирбаха.

7 июля. Вл. И. ведет беседу с сотрудниками газеты «Известия» по поводу восстания левых эсеров.

Вл. И. посылает телеграмму в Московский совет о восстании левых эсеров.

12 июля. Вл. И. обращается с письмом к питерским рабочим об организации массового похода в деревню для борьбы с кулачеством и оказания помощи бедноте.

15 июля. Вл. И. выступает с речью в заседании В.Ц.И.К. об отклонении предложения германского правительства о вводе батальона немецких войск для охраны посольства

16 июля.	Вл. И. делает доклад в С.Н.К. о способах проведения национализации всех имеющихся в Р.С.Ф.С.Р. тканей.
19 июля.	Вл. И. принимает избранную белорусским съездом делегацию беженцев.
	Вл. И. выступает вечером на митинге в Лефортовском районе.
23 июля.	Вл. И. выступает на Московской губернской конференции фабрично-заводских комитетов по вопросу о международном и внутреннем положении Советской Республики.
25 июля.	Вл. И. посылает телеграмму всем советам о борьбе против еврейских погромов и антисемитизма.
26 июля.	Вл. И. выступает на митинге в Хамовническом районе на тему: «Что дает трудовому народу Советская власть».
	Вл. И. пишет письмо Кларе Цеткин о положении и перспективах революции.
29 июля.	Вл. И. принимает участие в заседании В.Ц.И.К. и произносит речь по вопросу о положении Советской Республики.
30 июля.	Вл. И. выступает на съезде председателей губисполкомов.
31 июля.	Вл. И. принимает участие в составлении воззвания С. Н. К. к рабочим стран согласия.
31 июля или 1 августа.	Вл. И. беседует с московскими и питерскими коммунистами, мобилизованными на чехо-словацкий фронт.
2 августа.	Вл. И. четыре раза выступает с речами на тему «Советская республика в опасности» на митингах в Бутырском районе, в Варшавском революционном полку, в Замоскворецком районе и на Ходынке.
	Вл. И. оглашает в С.Н.К. написанные им в этот день тезисы о продовольственной политике, которые легли в основу ряда последующих декретов С.Н.К.
6 августа.	Вл. И. обращается с письмом к елецким рабочим, в котором предостерегает их от соглашения с левыми эсерами.
9 августа.	Вл. И. выступает с речью на митинге в Сокольническом районе.
12 августа.	Вл. И. делает сообщение в С.Н.К. о геройской смерти Юдина, комиссара группы войск на чехо-словацком фронте.
Середина августа.	Вл. И. пишет обращение к рабочим под заглавием «Товарищи-рабочие! идем в последний и решительный бой».
16 августа.	Вл. И. выступает на заседании М. К. по вопросу об организации сочувствующих и о работе типографии «Известий».
20 августа.	Вл. И. пишет письмо американским рабочим.
23 августа.	Вл. И. дважды выступает на митинге в городском и Пресненском районах на тему «За что борются коммунисты».
28 августа.	Вл. И. выступает на I Всероссийском съезде по просвещению.
29 августа.	Вл. И. в С.Н.К. предлагает принять постановление о представлении наркомами письменных отчетов об их работе с 25/XI 1917 г. Пишет наркомам письмо по поводу этого постановления.

30 августа. Вл. И. дважды выступает на митингах на тему «Две власти (диктатура пролетариата и диктатура буржуазии)» в Басманном районе и в Замоскворецком на зав. б. Михельсона, где по окончании речи при выходе был тяжело ранен эсеркой Ф. Каплан.

30 августа — 10 сентября. Болезнь Вл. И. после ранения.

6 сентября. Вл. И. посылает телеграмму (впервые после ранения) Зиновьеву о посылке миноносцев и подводных лодок в Каспийское море.

10 сентября. Вл. И. обращается через газету «Правда» с просьбой не беспокоиться относительно состояния его здоровья.

11 сентября. Вл. И. посылает телеграмму Л. Д. Троцкому по поводу взятия Казани.

12 сентября. Вл. И. принимает делегацию 35 полка, специально прибывшую с фронта приветствовать выздоровление Вл. И.

17 сентября. Вл. И. впервые после болезни присутствует на заседании В.Ц.И.К. и председательствует в С.Н.К.

Вл. И. обращается с письмом в президиум конференции пролетарских культурно-просветительных организаций.

20 сентября. Вл. И. пишет статью «О характере наших газет».

Вл. И. пишет приветствие рабочим Московско-Киево-Воронежской ж. д.

Вл. И. пишет письмо в Берлин о необходимости борьбы с оппортунизмом К. Каутского.

21 сентября. Вл. И. принимает деятельное участие при обсуждении в С.Н.К. декрета о натурналоге.

С 25 сентября по 1 октября. Вл. И. вновь прерывает участие в заседаниях С.Н.К.

Вл. И. пишет письмо Я. М. Свердлову и Л. Д. Троцкому о нарастании германской революции и о созыве объединенного заседания Ц.И.К., Моссовета и др. организаций.

4 октября. Вл. И. пишет письмо по поводу германской революции, которое зачитывалось на заседании В.Ц.И.К., Московского совета и представителей фабрично-заводских комитетов.

9 октября. Вл. И., работая над брошюрой «Пролетарская революция и ренегат Каутский», написал предварительную статью на ту же самую тему «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

13 октября. Вл. И. посылает телеграмму по случаю взятия Самары.

15 октября. Вл. И. возобновляет участие в заседаниях С.Н.К.

18 октября. Вл. И. пишет два письма т. А. А. Иоффе.

22 октября. Вл. И. пишет предисловие ко II изданию брошюры «Политические партии в России и задачи пролетариата».

Вл. И. вечером выступает с докладом «О международном положении» на соединенном заседании В.Ц.И.К., Московского совета и представителей фабрично-заводских комитетов.

Вл. И. подает заявление о зачислении его в члены союза советских журналистов.

23 октября. Вл. И. посылает от имени Ц.К. телеграмму Иоффе с приветствием К. Либкнехту по случаю его выхода из тюрьмы.

Конец октября. Вл. И. принимает участие в составлении письма

Ц. К. Р. К. П. группе «Спартак» и компартии немецкой Австрии.

2 ноября. Вл. И. принимает участие в составлении воззвания к австрийским рабочим от имени В. Ц. И. К. и С. Н. К.

3 ноября. Вл. И. произносит речь перед демонстрацией, организованной в честь австро-венгерской революции.

6 ноября. Вл. И. выступает с докладом «Годовщина пролетарской революции» на VI всеросс. съезде Советов.

Вечером выступает с речами на торжественном заседании Всероссийского центрального и Московского советов профессиональных союзов и на вечере Московского пролеткульта.

Вл. И. посылает телеграмму всем Советам о высылке Советского посольства из Берлина и о возможности осложнений с Германией.

7 ноября. Вл. И. днем присутствует на закладке мемориальной доски борцам Октябрьской Революции и на открытии памятника Марксу и Энгельсу. Дважды выступает с речами.

Вечером выступает на митинге-концерте, организованном сотрудниками Всероссийской чрезвычайной комиссии.

8 ноября. Вл. И. выступает на VI Всеросс. съезде с докладом о международном положении.

Вторично выступает с речью к делегатам комитетов бедноты Московской области.

10 ноября. В $7^1/_2$ ч. утра Вл. И. пишет телеграмму всем Совдепам о победе революции в Германии.

Вл. И. выступает на открытии клуба Хамовнического района.

Вл. И. заканчивает брошюру «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

11 ноября. Вл. И. делает сообщение о событиях в Германии на вечере московских коммунистов в Большом театре.

Вл. И. делает в С. Н. К. информационное сообщение о международном положении в связи с германской революцией.

12 ноября. Вл. И. вносит в С. Н. К. предложения к проекту декрета об организации снабжения.

13 ноября. Вл. И. пишет приложение к брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский», в связи с книгой Вандервельде «Социализм против государства».

17 или 18 ноября. Вл. И. принимает представителей съезда уполномоченных кредитной кооперации по вопросу о национализации Московского народного банка.

19 ноября. Вл. И. выступает на Всероссийском съезде работниц.

20 ноября. Вл. И. выступает на митинге-концерте, устроенном в честь годовщины Октябрьской революции.

21 ноября. Вл. И. помещает в «Правде» статью «Ценные признания Питирима Сорокина».

24 ноября. Вл. И. выступает на митинге в день «красного офицера».

26 ноября. Вл. И. выступает на собрании уполномоченных Московского центрального кооператива.

27 ноября. Вл. И. выступает на собрании партийных работников с докладом «О мелкобуржуазных партиях».

30 ноября. Вл. И. беседует с представителем кантонских рабочих Лео-Сю-Чжао и с Чжан-Ин-Чун.

Конец ноября. Вл. И. пишет предисловие к второму изданию брошюры Зиновьева и Ленина «Социализм и война».

1 декабря. Вл. И. намечает ближайшие задачи Совета обороны и руководит его первым заседанием.

7 декабря. Вл. И. выступает на III съезде рабочей кооперации.

10 декабря. Вл. И. делает в С.Н.К. сообщение о докладной записке Иваново-Вознесенского губисполкома.

11 декабря. Вл. И. делает в С.Т.О. сообщение о необходимости экстренных мер по улучшению продовольствия.

Вл. И. выступает на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун.

12 декабря. В. И. пишет набросок правил об управлении советскими учреждениями.

14 декабря. Вл. И. выступает на рабочей конференции Пресненского района.

18 декабря. Вл. И. принимает участие в совещании с Н. П. Брюхановым и Н. Н. Крестинским по вопросу о проведении натурналога.

19 декабря. Вл. И. выступает с докладом «О хозяйственных задачах» на II Всероссийском съезде С.Н.Х.

20 декабря. Вл. И. помещает в «Правде» статью «Памяти Прошьяна».

23 декабря. Вл. И. пишет статью «О демократии и диктатуре».

26 декабря. Вл. И. в связи с годовщиной декабрьского восстания 1905 г. пишет статью «Подвиг краснопресненских рабочих».

Вл. И. посылает исполкому Северной области телеграмму о кооперативах.

Конец декабря. Вл. И. принял делегата «Союза Спартака» Эдуарда Фукса.

Вл. И. написал предисловие к сборнику «Против течения».

1919 г.

Конец 1918 г. или начало 1919 г. Вл. И. пишет статью «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов».

1 января. Вл. И. посылает приветственную телеграмму по случаю нового года работникам Народного комиссариата внутренних дел.

2 января. Вл. И. вносит в С.Н.К. вопрос об ускорении введения американской системы в библиотечном деле.

17 января. Вл. И. участвует в заседании В.Ц.И.К., Московского совета и Всероссийского совета профессиональных союзов, произносит речь по вопросу о задачах продовольственной политики.

18 января. Вл. И. выступает с речью на II Всер. съезде учителей-интернационалистов.

Вл. И. выступает на Московской общегородской партконференции.

19 января. Вл. И. выступает с речью перед демонстрацией протеста против убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург.

20 января. Вл. И. выступает с докладом на II Всероссийском съезде профессиональных союзов по вопросу о задачах профессиональных союзов.

21 января. Вл. И. пишет письмо к рабочим Европы и Америки.

23 января. Вл. И. выступает в С.Н.К. по вопросу об использовании кооперации.

26 января. Вл. И. поместил в «Правде» статью «Все на работу по продовольствию и транспорту».

Январь. Вл. И. беседовал с американским анархистом Робертом Майнором (ныне коммунист и редактор центрального органа американской компартии).

Вл. И. участвует в совещании с Сирола, Фейнбергом и др. по вопросу о созыве первого съезда Коминтерна.

Вл. И. пишет заметки о профдвижении в связи с тезисами Радус-Зеньковича, Ногина и Томского ко II съезду профсоюзов.

2 февраля. Вл. И. пишет письмо Милютину, Рыкову, Крестинскому и Брюханову о положении кооперации в переходный период.

14 февраля. Вл. И. пишет ответ на письмо крестьянина Гулова.

Вл. И. послал приветствие немецким рабочим в Риге по поводу их намерения издать полное собрание сочинений К. Либкнехта и Р. Люксембург.

15 февраля. Вл. И. делает в С.Н.К. доклад о проекте декрета о советских хозяйствах.

VIII. ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ

1918 г.

14 мая. Открылась Московская областная конференция Р.К.П. Германские войска заняли Севастополь. Закрылся VIII Совет партии социалистов-революционеров, решивший восстановить восточный фронт против Германии.

15 мая. Советские войска разбили атамана Семенова под станцией Оловянная. В Царицыне выступление эсеров и анархистов.

16 мая. Опубликован декрет Петроградского совета о введении классового пайка.

17 мая. Восстание максималистов и левых эсеров в Самаре. Восстание правых эсеров в Саратове. Первые столкновения с чехо-словаками в Челябинске. Первый выпуск красных командиров в Москве. Опубликован декрет Совнаркома о ревтрибуналах.

20 мая. Доклад Свердлова о задачах советов в деревне и об организации бедноты против деревенской буржуазии на заседании В.Ц.И.К.

24 мая. Начало мирных переговоров между Р.С.Ф.С.Р. и Украинской Центральной Радой в Киеве.

25 мая. Открылся I Всероссийский съезд советов народного хозяйства. В Москве открылся съезд чехо-словацких коммунистических организаций, находящихся в России. Приказ о разоружении чехо-словаков. Первые столкновения советских войск с чехо-словаками у ст. Марьяновс близ Омска.

26 мая. Роспуск Закавказского сейма. Чехо-словаки заняли Челябинск и Новониколаевск. Контр-революционное выступление в Клину.

27 мая. В.Ц.И.К. принял декреты о пользовании и распоряжении лесами и о реорганизации Наркомпрода и местных продовольственных органов. Съезд чехо-словацких коммунистов в Москве принял резолюцию об организации III Коммунистического интернационала.

28 мая. Объявление меньшевиками независимости Грузии

29 мая. Чехо-словаки захватили Пензу.

30 мая. Арест командующего Балтийским флотом адмирала Щастного, в связи с подготовкой им контр-революционного переворота. Москва объявлена на военном положении. Смерть Г. В. Плеханова.

31 мая. В ночь на 31 мая в Москве раскрыт контр-революционный заговор, возглавляемый «Союзом защиты родины и свободы». Чехо-словаки заняли Петропавловск и Томск. В.Ц.И.К. принял декрет об управлении железнодорожными путями сообщения. В Киеве открылась Всеукраинская конференция профсоюзов, организованная меньшевиками.

2 июня. В Москве открылся I Всероссийский съезд учителей - интернационалистов.

*

3 июня. Организация право-эсеровского Западно-Сибирского комиссариата в Новониколаевске.

4 июня. Заявление послов держав Антанты о недопустимости разоружения чехо-словаков. Образование буржуазно-националистического правительства Крыма.

6 июня. Чехо-словацкий мятеж во Владивостоке. Нота протеста русского посла в Германии Иоффе по поводу продвижения немецких войск.

7 июня. Чехо-словаки заняли Омск.

8 июня. Чехо-словаки заняли Самару. Организация в Самаре комитета Учредительного собрания.

9 июня. Опубликовано постановление В.Ц.И.К. о мобилизации пяти возрастов в Поволжье, на Урале и в части Сибири.

11 июня. В.Ц.И.К. принял декрет об организации комитетов деревенской бедноты. Совнарком принял постановления об объединении командования и об упразднении чехо-словацкого Национального совета. Назначение Муравьева командующим чехо-словацким фронтом.

12 июня. Заключение соглашения с Украиной о демаркационной линии. Нота протеста Советского правительства против участия военных агентов союзников в контр-революционных выступлениях. Приказ комитета Учредительного собрания о денационализации банков и о признании царских долгов.

14 июня. В.Ц.И.К. принял постановление об исключении меньшевиков и правых эсеров из своего состава.

15 июня. Подписано перемирие с Украиной. Белогвардейское восстание в Иркутске.

17 июня. «Соглашение» о высадке десанта между державами Антанты и Мурманским советом.

18 июня. Совнарком принял положение об организации дела народного образования. Потопление Черноморского флота в Новороссийске.

19 июня. Восстание правых эсеров в Тамбове.

20 июня. Убийство Володарского правым эсером Сергеевым в Петрограде. Совнарком принял декрет о национализации нефтяной промышленности и о реквизиции с.-х. орудий и машин. Контр-революционные выступления в Козлове и Екатеринбурге.

21 июня. Открылось Всероссийское совещание меньшевиков.

22 июня. Открылся первый съезд коммунистической партии (большевиков) Украины в Москве.

24 июня. Ц.К. партии левых эсеров принял решение об убийстве Мирбаха и вооруженном выступлении против Советской власти.

27 июня. Высадка английского десанта в Мурманске.

28 июня. Совнарком принял декрет о национализации всей крупной промышленности. Взятие добровольческой армией станции Великокняжеской. Признание Францией чехо-словацкого Национального совета. Нота Чичерина Локкарту с протестом против десанта в Мурманске.

29 июня. Раскрытие монархического заговора в Костроме. Открылась IV конференция фабрично-заводских комитетов и профсоюзов Москвы.

30 июня. Провозглашение власти буржуазного правительства Сибирской областной думы во главе с Вологодским.

1 июля. Арест в Москве белогвардейских эшелонов, сформированных под руководством французской миссии.

2 июля. Совнарком принял декрет о конфискации имущества бывшего царя и его семьи. Провал желтой стачки в Петрограде.

4 июля. Открылся V Всероссийский съезд советов.

5 июля. Чехо-словаки заняли Уфу.

6 июля. Убийство германского посла Мирбаха левым эсером Блюмкиным. Мятеж левых эсеров в Москве. Белогвардейский мятеж в Ярославле.

7 июля. Белогвардейское восстание в Рыбинске.

8 июля. Разоружение левых эсеров в Петрограде и других крупных центрах. Белогвардейское восстание в Муроме. Захват Кеми и северной части Мурманской железной дороги англо-французскими войсками. Соединение поволжской и сибирской групп чехо-словацких войск. V съезд Советов постановил исключить из Советов левых эсеров, солидаризирующихся с мятежом 6-7 июля.

9 июля. Саратовская конференция левых эсеров высказалась против выступления левых эсеров в Москве.

10 июля. Принятие советской конституции V съездом Советов и закрытие съезда.

11 июля. Мятеж командующего чехо-словацким фронтом Муравьева в Симбирске.

13 июля. Добровольческая армия взяла станцию Тихорецкую.

14 июля. Требование германского правительства о вводе в Москву батальона для охраны посольства.

15 июля. Начало железнодорожной забастовки на Украине. Начало последнего наступления немцев на западном фронте в районе Реймса.

16 июля. Расстрел Николая Романова. Конгресс французской генеральной конфедерации труда принял резолюцию, осуждающую интервенцию союзников в России. Открылся съезд монархистов в Киеве.

18 июля. Начало контр-наступления союзников против немцев. Совнарком принял декрет о централизации радиотехнического дела.

20 июля. Совнарком принял декрет о мобилизации нетрудовых элементов в тыловое ополчение.

21 июля. Ликвидация Ярославского мятежа. Чехо-словаки заняли Симбирск.

22 июля. Совнарком принял декрет о борьбе со спекуляцией монополизированными продуктами.

23 июля. Арест меньшевистской рабочей конференции в Москве во главе с Абрамовичем.

24 июля. Бывший министр финансов Гельферих назначен германским послом в Р. С. Ф. С. Р. Отъезд союзных посольств из Вологды в Архан-[illegible]

25 июля. Решение Бакинского совета о приглашении английских войск в Баку. Чехо-словаки заняли Екатеринбург.

27 июля. Добровольческая армия взяла Армавир.

29 июля. Победа пацифистского меньшинства, руководимого Лонге, на заседании национального совета французской социалистической партии.

30 июля. Вождь революционных рабочих в Америке Вилльям Хэйвуд приговорен к 20 годам каторжных работ. Убийство левыми эсерами германского посла в Киеве Эйхгорна.

31 июля. Англичане заняли Онегу. Совнарком принял обращение к рабочим стран Согласия по поводу интервенции союзников в России.

2 августа. Совнарком принял постановление о правилах приема в вузы и декрет о привлечении рабочих организаций к заготовкам хлеба. Англо-французские войска заняли Архангельск. Образование в Архангельске эсеровского верховного управления Северной области.

3 августа. Открытие советско-финских мирных переговоров в Берлине. Опубликование деклараций английского, американского и японского правительств по поводу интервенции в России.

4 августа. Совнарком принял декреты о закрытии всех буржуазных газет и об организации уборочных и заградительных отрядов.

5 августа. Совнарком принял декрет об обязательном товарообмене. Приказ № 1 о восстании большевистского Украинского центрального повстанческого комитета.

6 августа. Раскрытие заговора белогвардейцев в Новгороде. Чехо-словаки заняли Казань.

7 августа. Эсеровское восстание в Ижевске.

8 августа. Совнарком принял положение о В.С.Н.Х.

9 августа. Обращение Н.К.И.Д. к американскому правительству с предложением мира союзным державам. Увеличение в 3 раза твердых цен на хлеб.

10 августа. Арест центрального стачечного комитета железнодорожников в Киеве правительством Скоропадского.

14 августа. Решение германского правительства приступить к мирным переговорам.

16 августа. Поражение чехо-словаков на реке Белой. Добровольческая армия взяла Екатеринодар. Основание югославского Национального совета в Лайбахе.

17 августа. Аннексия Турцией Карса, Батума и Ардагана.

19 августа. Совнарком принял декрет об объединении всех вооруженных сил Республики.

23 августа. Установление классового пайка в Москве.

24 августа. Опубликован декрет Совнаркома об отмене частной собственности на недвижимость в городах.

26 августа. Советские войска оставили Читу.

27 августа. Совнарком принял декрет об учете и распределении материй. Подписание немецко-русского дополнительного договора.

30 августа. Ранение Ленина правой эсеркой Ф. Каплан. Убийство Урицкого в Петрограде.

31 августа. Раскрытие заговора союзных дипломатов, руководимого английским консулом Локкартом. Арест английского посольства в Москве. Взятие ижевскими право-эсеровскими войсками Сарапула.

2 сентября. В.Ц.И.К. принял постановление о массовом красном терроре и об учреждении Революционного военного совета Республики.

3 сентября. Рабочее восстание в Казани. Совнарком принял декрет об образовании Донского войскового круга советского войска. Взятие Петровска англичанами.

4 сентября. Опубликован приказ о взятии заложников из среды буржуазии и об объявлении красного террора.

7 сентября. Советские войска заняли Казань.

8 сентября. Государственное совещание в Уфе и образование право-эсеровской всероссийской директории.

9 сентября. Советские войска заняли Грозный и Уральск.

10 сентября. Совнарком принял декрет о введении международной метрической системы.

12 сентября. Советские войска заняли Вольск и Симбирск.

14 сентября. Совнарком принял декреты о детском питании и об организации продовольственной армии.

15 сентября. В Вильне подписано русско-германское соглашение о порядке очищения оккупированных германцами территорий. Открылась 1-я конференция пролетарских культурно-просветительных организаций. Решение Украинского национального центра (петлюровского) о начале восстания против гетмана.

16 сентября. Взятие Баку турками.

17 сентября. Советские войска заняли Хвалынск. Открытие лондонской конференции социалистов стран Согласия.

18 сентября. Волнения среди немецких и австрийских солдат в Могилеве и Ровно.

19 сентября. Советские войска заняли Буинск.

20 сентября. Советские войска заняли Чистополь. Расстрел 26 бакинских комиссаров.

21 сентября. Открылась Всероссийская конференция партии народников-коммунистов.

25 сентября. Открылся учредительный съезд партии революционных коммунистов.

26 сентября. Организация чехо-словацкого национального правительства в Париже. Съезд членов Учредительного собрания в Уфе.

27 сентября. Прорыв союзниками первой германской оборонительной линии.

29 сентября. Капитуляция Болгарии. Подписание перемирия с державами Антанты.

30 сентября. Принятие В.Ц.И.К. декрета об организации единой трудовой школы.

1 октября. Красная армия заняла Могилев. Открытие Социалистической академии общественных наук.

2 октября. Советские войска заняли Елабугу и Красноуфимск.

3 октября. Назначение принца Макса Баденского германским канцлером. Отречение болгарского короля Фердинанда. Красная армия заняла Сызрань.

4 октября. Красная армия заняла Красноуфимск. Поражение Дутова под Орском. Вступление Шейдемана и Ландсберга в германское прави[illegible]

5 октября. Германское правительство отправило Вильсону ноту о заключении перемирия. Совнарком принял постановление о введении трудовых книжек.

6 октября. Открылся конгресс Французской социалистической партии. Образование Национального совета словенцев, кроатов и сербов в Аграме.

7 октября. В Эрфурте состоялась общегерманская конференция групп «Спартака». Красная армия заняла Самару. Решение польского регентского совета в Варшаве о создании независимого объединенного польского государства.

9 октября. Советские войска заняли Ставрополь. Избрание Карла Гессенского королем Финляндии.

10 октября. Совнарком принял декрет о новой орфографии. Образование в Архангельске временного правительства Северной области во главе с народным социалистом Чайковским.

13 октября. Союзники заключили перемирие с Турцией. Союзный флот вступил в Дарданеллы. Всеобщая стачка в Швейцарии.

16 октября. Красная армия взяла Бугульму.

17 октября. Открылся второй съезд К.П.(б.)У. в Москве.

20 октября. Красная армия взяла Сергиевск.

21 октября. Нота Советского правительства Вильсону с предложением мира. Организация временного национального немецкого собрания в Вене.

23 октября. Освобождение из тюрьмы Карла Либкнехта и демонстрация германских рабочих перед русским посольством. Восстание кроатских войск в Фиуме.

24 октября. Турция эвакуировала Батум.

25 октября. Организация венгерского Национального совета в Буда[illegible]

26 октября. Отставка Людендорфа, фактического главнокомандующего германской армией.

28 октября. Провозглашение Чехо-словацкой республики в Праге.

29 октября. Красная армия взяла Бугуруслан. Провозглашение независимости Кроации.

30 октября. В.Ц.И.К. принял декрет об обложении буржуазии чрезвычайным налогом. Массовые демонстрации в Вене и Будапеште. Подпи-

сание соглашения о перемирии между союзниками и Турцией. Оформление нового австрийского государства.

31 октября. Совнарком принял положение о социальном обеспечении. Образование временного национального собрания в Вене и Совета рабочих депутатов в Будапеште.

1 ноября. Образование в Венгрии правительства Карольи с участием с.-д. Гарами и Кунфи.

2 ноября. Совнарком принял декрет об образовании специального фонда на мероприятия по развитию сельского хозяйства. Убийство венгерского премьера Тиссы восставшими солдатами.

3 ноября. Восстание немецких матросов в Киле. Взятие итальянцами Триеста и Триента. Подписание соглашения о перемирии между Австрией и Антантой.

4 ноября. Образование первых Советов в Германии. Прекращение военных действий между Австрией и Антантой.

5 ноября. Немцы оставили вторую оборонительную линию на западном фронте. Германское правительство выслало советское посольство из Берлина.

6 ноября. Открылся VI Всероссийский съезд советов и чрезвычайный съезд партии народников-коммунистов.

7 ноября. Красная армия заняла Ижевский завод.

8 ноября. Образование советов в Гамбурге. Провозглашение Баварской республики. Воззвание Вильсона к народам Австро-Венгрии.

9 ноября. Всеобщая стачка в Берлине. Отречение Вильгельма и образование правительства Народных уполномоченных. Провозглашение Польской республики в Кракове. VI съезд советов принял постановление о перевыборах Советов и роспуске комитетов бедноты.

11 ноября. Заключение перемирия между Германией и Антантой. Отречение австрийского императора Карла.

12 ноября. Провозглашение республики немецкой Австрии.

13 ноября. В. Ц. И. К. принял постановление об аннулировании Брестского договора. Образование Петлюровской директории.

14 ноября. Выход членов Английской рабочей партии из коалиционного правительства.

16 ноября. Открылся I Всероссийский съезд работниц. Провозглашение Венгерской республики.

17 ноября. Введение 8-часового рабочего дня в немецкой Австрии и Чехо-Словакии.

18 ноября. Колчак арестовал членов директории в Омске и провозгласил себя верховным правителем.

21 ноября. Совнарком принял декреты об организации снабжения и об установлении бесплатной пересылки писем. Организация Венгерской компартии.

22 ноября. Красная армия заняла Псков.

23 ноября. Введение 8-часового рабочего дня в Германии. Взятие станции Лиски красновцами.

26 ноября. Совнарком принял декрет об авторском праве. Прибытие английского миноносца в Одессу.

27 ноября. Приговор Революционного трибунала по делу левых эсеров.

28 ноября. Совнарком принял декрет об объявлении железных дорог на военном положении. Образование временного рабоче-крестьянского правительства Украины. Приход союзной эскадры на Севастопольский рейд.

29 ноября. Красная армия взяла Нарву. Образование временного советского правительства в Эстонии.

30 ноября. Постановление В. Ц. И. К. об организации Совета рабочей и крестьянской обороны (С. Т. О). Советская Россия объявляется военным лагерем.

1 декабря. Провозглашение единого Югославского государства. Взятие добровольческой армией Новохоперска.

2 декабря. Совнарком принял декрет о национализации Московского народного банка и иностранных банков.

3 декабря. Колчаковцы арестовали в Уфе членов Комитета Учредительного собрания.

5 декабря. Совнарком принял декрет о рабочей продовольственной инспекции.

6 декабря. Обстрел солдатской демонстрации контр-революционерами в Берлине.

7 декабря. Открылся III съезд рабочей кооперации. Красная армия заняла Двинск.

10 декабря. Совнарком принял декрет о мобилизации грамотных для ликвидации неграмотности и постановление о провозе ненормированных продуктов.

11 декабря. Открылся I Всероссийский съезд земельных отделов и коммун.

13 декабря. Разрыв дипломатических отношений между Польшей и Россией.

14 декабря. Бегство Скоропадского из Киева. Взятие Киева петлюровцами. Красная армия заняла Минск.

15 декабря. Разрыв дипломатических отношений между Польшей и Германией.

16 декабря. Открылся Общегерманский съезд советов рабочих и солдатских депутатов.

17 декабря. Резолюция Минского совета о присоединении Белоруссии к Р.С.Ф.С.Р. Высадка союзного десанта в Одессе.

18 декабря. Открытие II Съезда советов народного хозяйства. Образование социал-патриотического правительства Морачевского в Польше. Выборы в английский парламент.

19 декабря. Совнарком принял декрет об учете и мобилизации всех технических сил.

20 декабря. Красная армия заняла Ревель.

21 декабря. Красная армия заняла Купянск.

22 декабря. Первый манифест Советского правительства Латвии. Пролетарское восстание в Омске. Петлюровцы разгромили профсоюзы в Киеве.

23 декабря. В.Ц.И.К. принял постановление о признании независимости советских республик Эстонии, Литвы и Латвии.

24 декабря. Обстрел революционной матросской дивизии правительственными войсками в Берлине. Колчаковцы заняли Пермь.

26 декабря. Восстание левых эсеров в Купянске.

27 декабря. Открылось Всероссийское совещание меньшевиков. Учреждена центральная временная комиссия по борьбе с дезертирством.

28 декабря. Совнарком принял декрет о мобилизации медицинского персонала и о национализации аптек. Выход независимых социалистов из германского правительства.

30 декабря. Открылся съезд коммунистической партии Германии (союза Спартака).

31 декабря. Красная армия заняла Уфу. Начало переговоров с Комитетом Учредительного собрания о прекращении военных действий против Советской власти.

1919 г.

3 января. Красная армия заняла Харьков и Ригу. Прибытие делегации Комитета Учредительного собрания в Москву.

4 января. Совнарком принял декрет об учреждении Совета защиты детей.

5 января. Германское правительство сместило начальника берлинской полиции независимого социалиста Эйхгорна. Начало восстания берлинских рабочих против правительства Эберта-Шейдемана.

10 января. В Польше расстрелян председатель советской миссии Красного Креста Бронислав Веселовский.

11 января. Совнарком принял декрет о разверстке зерновых хлебов и фуража.

12 января. Обращение Наркоминдела к правительству Соединенных штатов с предложением переговоров о мире.

13 января. Открылся I съезд советов Латвии.

15 января. Убийство К. Либкнехта и Р. Люксембург. Красная армия взяла Новохоперск.

16 января. Открылся II Всероссийский съезд профсоюзов. Обсуждение русского вопроса Советом Десяти. Выборы в Учредительное собрание в Германии. Образование кабинета Падеревского в Польше. Оккупация Познани поляками.

18 января. Открылась Парижская мирная конференция. Открылась Московская общегородская партийная конференция.

19 января. Выборы в германское Учредительное собрание.

22 января. Красная армия взяла Оренбург. Постановление Парижской мирной конференции о приглашении на Принцевы острова представителей всех существующих в России правительств.

24 января. Опубликовано обращение Р.К.П.(б.) и ряда других компартий о созыве съезда Коммунистического интернационала. Красная армия заняла Уральск.

2 февраля. Высадка десанта союзников в Херсоне и Николаеве.

3 февраля. Открылась конференция II Интернационала в Берне. Умер Ф. Меринг. Разгром коммунистической «Красной Газеты» в Будапеште. Высадка англо-японского десанта во Владивостоке.

4 февраля. Нота Советского правительства о согласии на участие в конференции на Принцевых островах. Постановление американского сената о большевистской пропаганде.

5 февраля. Украинская Красная армия взяла Киев. В.Ц.И.К. признал независимость Белорусской республики.

6 февраля. Отставка Донского атамана Краснова. Всеобщая стачка в Ситтле (Северная Америка).

7 февраля. Открытие Германского национального собрания в Веймаре.

11 февраля. Эберт избран временным президентом Германской республики. Раскрытие лево-эсеровского заговора. Арест М. Спиридоновой, Штейнберга и др.

14 февраля. Опубликован декрет В.Ц.И.К. о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию.

15 февраля. Совнарком принял декрет об организации советских хозяйств учреждениями и объединениями промышленного пролетариата.

16 февраля. Выборы в Учредительное собрание немецкой Австрии.

18 февраля. Открылся I съезд советов Литвы в Минске.

20 февраля. Поляки заняли Белосток и Брест-Литовск. Арест вождей Венгерской компартии в Будапеште.

21 февраля. Убийство графом Арко президента Баварской республики Курта Эйснера.

24 февраля. Постановление III съезда советов Северной области о ликвидации Союза коммун Северной области.

СОДЕРЖАНИЕ *).

*) Звездочкой отмечены произведения, не вошедшие в первое издание Сочинений.

Стр.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

XXIII ТОМ

СОЧИНЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ

С. П. КОРШУНОВЫМ

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ:

В. В. АДОРАТСКИЙ, Д. Я. КИН, Е. И. КОРОТКИЙ,
В. Г. СОРИН

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ:

Д. К. БОГОМИЛЬСКИЙ, И. Д. ГАЛАКТИОНОВ,
К. И. ХАЛАБАЕВ

ИЗДАНИЕ НАПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ «ПЕЧАТНЫЙ ДВОР»
ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ:
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ТЕХНИЧЕСКОЙ ЧАСТЬЮ
В. И. ФЕДОТОВА,
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ОПЕРАТИВНО-ПЛАНОВЫМ ОТДЕЛОМ
Д. Ф. БУТЫШКИНА,
БРИГАДИРОВ:
А. Г. ИВАНОВА, Г. Л. ГОРОДКО И В. А. СЕМЕНОВА,
ВЕРСТАЛЬЩИКОВ:
Н. Т. ВАСИЛЬЕВА, П. П. ЗАХАРОВА И В. П. ФЕДОРОВА,
КОРРЕКТОРА
З. П. МОШАГИНОЙ,
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПЕЧАТНЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ
П. А. КУЗЬМИНА,
ПЕЧАТНЫХ МАСТЕРОВ:
В. В. ВАСИЛЬЕВА, И. Р. КЛЮЧЕВА И Т. А. ФАДДЕЕВА,
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПЕРЕПЛЕТНЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ
И. С. БУХАРИНА
И ЕГО ПОМОЩНИКОВ:
Я. Ф. ГОЛУБЕВА И С. П. БОРИСОВА

Л, 2. Гиз № 35[redacted]
[redacted]е[redacted]н[redacted]рад[redacted]к[redacted] Об[redacted]а[redacted]лит [redacted] 37 [redacted]02.
41$^{3}/_{4}$ л. Тираж 50 000. 27. IX. 29.

ЛЕНИН